Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Кабинет диковин

Дуглас Престон и Линкольн Чайлд посвящают эту книгу учителям и библиотекарям Америки, и в первую очередь тем из них, которые повлияли на их судьбу.

Старые кости

Глава 1

Малыш Боксер с отвращением смотрел на строительную площадку. Прораб вел себя как сущее дерьмо, а бригада оказалась каким-то никчемным сбродом. Но хуже всего было то, что сидевший в кабине «катерпиллера» олух ни хрена не смыслил в управлении экскаватором. Скорее всего его протолкнул на стройку профсоюз или какие-нибудь дружки. Как бы то ни было, но парень дергал машину так, словно это был его первый день в профессиональном училище округа Куинс. Боксер стоял, скрестив на груди мощные лапы, и наблюдал за тем, как ковш экскаватора вгрызается в груды битого кирпича, оставшегося на месте квартала старых жилых домов. Ковш чуть приподнялся, затем замер, но тут же возобновил движение, раскачиваясь в разные стороны. Господи, и где только они ухитряются находить таких клоунов?

Услышав за своей спиной звук шагов, он обернулся и увидел прораба. Потную рожу начальства покрывал толстый слой строительной пыли.

– Боксер! Ты что, купил билеты на это шоу? Или как?

Боксер сделал вид, что не слышит, и принялся слегка поигрывать мышцами своих здоровенных рук. Он был единственным на всей площадке, кто разбирался в строительном деле. Остальные члены бригады его за это, мягко говоря, недолюбливали. Но Боксеру было на это ровным счетом плевать.

Он услышал, как заскрежетал ковш, наткнувшись на массивный обломок старинной кладки. Фундамент дома был вскрыт. В солнечном свете разлом очень напоминал свежую рану, в верхней части которой лежали асфальт и цемент, а под ними – кирпич. Под последним слоем кирпича виднелась земля. Учитывая, что фундамент небоскреба должен покоиться на коренных породах, им предстояло копать значительно глубже. Боксер перевел взгляд за пределы строительной площадки, на невысокие дома Нижнего Ист-Сайда. Некоторые из них совсем недавно прошли реконструкцию, а остальные ждали своей очереди. Программа «облагораживания» в действии.

– Эй, Боксер! Ты что, оглох?

Боксер снова напряг мышцы, представив на миг, как его кулак врезается в красную рожу прораба.

– Давай, шевели задницей! Это тебе не в дырочку на девочек пялиться!

Прораб мотнул головой в сторону работающей бригады, но ближе подойти не рискнул. Что ж, тем лучше. Боксер поискал глазами работяг. Те грузили кирпич в самосвал. Наверняка для того, чтобы загнать его за ближайшим углом какому-нибудь недоумку из числа яппи по пять баксов за штуку. Эта психованная братия просто обожает всякое старинное дерьмо. Боксер медленно двинулся к своим, всем видом давая понять прорабу, что отнюдь не торопится выполнять его указания.

Послышался крик, и скрежет ковша экскаватора мгновенно прекратился. Ковш машины проделал в стене фундамента рваную дыру, ведущую в глубокую черную полость. Экскаваторщик выпрыгнул из кабины. К нему подошел прораб, и парочка начала что-то горячо обсуждать.

– Боксер! – раздался голос прораба. – Поскольку тебе, похоже, нечем заняться, я придумал для тебя работу.

Боксер слегка изменил курс, опять же давая понять, что делает это не по указанию зануды-прораба, а по собственной инициативе. На слова начальника он не откликнулся ни кивком, ни тем более словом. Боксер остановился перед прорабом и посмотрел на покрытые пылью рабочие ботинки начальника. «Маленький размер ноги – маленький член», – подумал он и неспешно поднял глаза.

– Добро пожаловать в наш мир, Малыш. Взгляни-ка на это.

Боксер удостоил дыру лишь мимолетным взглядом.

– Дай-ка мне твой фонарь, – сказал прораб.

Боксер снял с пояса желтый фонарь и передач его прорабу. Тот нажал на кнопку и произнес:

– Надо же, а он, оказывается, даже работает.

Сказано это было таким тоном, словно случилось чудо. После этого прораб сунул голову в дыру. Он стоял на цыпочках на куче битого кирпича, скрывшись почти по пояс в проломе. Вид у него при этом был довольно идиотский. Затем прораб что-то пробурчал, но голос звучал настолько глухо, что никто ничего не услышал.

– Похоже на тоннель, – объявил он, вылезая из дыры. Он вытер ладонью лицо, размазав грязь, и добавил: – Ну и вонища!

– Короля Ту ты там, случайно, не видел?

Все, кроме Боксера, весело заржали. Кто, дьявол его побери, этот Король Ту?

– Надеюсь, что эта хреновина не имеет никакого отношения к археологии, – сказал прораб и, повернувшись к Боксеру, произнес: – Ты, Малыш, парень большой и сильный. Я хочу, чтобы ты посмотрел, что там.

Боксер взял свой фонарь и, не удостоив взглядом стоящих вокруг него уродов, начал подниматься по куче битого кирпича к проделанной экскаватором дыре. Встав на колени на вершине кучи, он направил луч фонаря в глубину. Его взору открылся длинный тоннель с низким потолком. Судя по виду, потолок был готов вот-вот обвалиться. Боксера начали одолевать сомнения.

– Ну, ты лезешь или нет? – послышался голос прораба.

– Но это же не предусмотрено моим контрактом. Профсоюз может рассердиться, – насмешливо произнес какой-то идиот, явно пытаясь имитировать голос Боксера.

Услышав всеобщее ржание, Боксер полез в пролом.

Битый кирпич за проломом образовал нечто вроде осыпи, и Боксер чуть ли не сполз по ней, подняв при этом тучу пыли. Когда под его ногами снова оказалась твердая земля, он выпрямился и направил свет фонаря в глубину тоннеля. Боксеру пришлось подождать, пока не осядет пыль, а глаза не приспособятся к темноте. Очень приглушенно и словно издалека до него доносились звуки разговора и смех.

Боксер сделал несколько шагов, водя перед собой фонарем. С потолка тоннеля свисали нитевидные сталактиты, а застоялый воздух был насыщен какой-то вонью. Дохлые крысы, видимо.

Тоннель, если не считать нескольких кусков угля, был абсолютно пуст. По его обеим сторонам когда-то длинным рядом шли ниши. Шириной примерно в три, а высотой в пять футов. Ниши имели форму арок и были небрежно заложены кирпичом. На стенах тоннеля поблескивала влага, и до слуха Боксера доносился дробный звук капели. В остальном там царила тишина – все звуки внешнего мира остались за пределами старинного сооружения.

Он сделал еще несколько шагов, направляя луч света на стену и потолок. Паутина трещин на потолке стала гуще, оттуда время от времени выстреливало камнем. Боксер осторожно попятился назад и снова обратил внимание на замурованные ниши вдоль стены.

Боксер подошел к ближайшей из них. Из кладки недавно вывалился один кирпич, а остальные, судя по их виду, едва держались.

«Интересно, – подумал он, – что там может находиться? Еще один тоннель? А может быть, там что-то сознательно спрятали?»

Он посветил в образовавшуюся на месте выпавшего кирпича дыру, но так ничего и не смог разглядеть в черной пустоте. Затем, переложив фонарь в левую руку, взялся правой за нижний кирпич и потянул. Ошибки не было: кирпич сидел в кладке очень слабо. Боксер выдернул кирпич, следом за ним другой, а потом и третий. Из отверстия на него дохнуло запахом разложения.

Снова направив луч фонаря в глубину ниши, примерно в трех футах от себя он увидел вторую кирпичную стену. Затем Боксер осветил пол. Там находилось нечто похожее на белое блюдо. Неужели фарфор? Запах сероводорода теперь был настолько сильным, что у него заслезились глаза. Пришлось отойти на шаг от отверстия. Любопытство в нем боролось с чувством тревоги. Ведь там может находиться что-то старинное и очень ценное. Иначе зачем замуровывать нишу?

Боксер вспомнил о парне, который, занимаясь сносом старого дома, нашел мешочек редких серебряных долларов. Везунчик огреб за них пару тысяч баксов и купил себе классную газонокосилку фирмы «Кубота». Если там что-то ценное, то он это себе прикарманит, а те, кто остался на свежем воздухе, пусть сдохнут от зависти.

Боксер расстегнул верхнюю пуговицу рабочей куртки, вытянул из-под нее футболку и приложил к носу. После этого посветил фонарем в дыру, решительно просунул туда голову и внимательно осмотрелся.

На какой-то миг он окаменел. Затем инстинктивно дернул головой, сильно ударившись о верхний ряд кирпичей. Бросив фонарь, он стал вытаскивать голову из дыры, оцарапав лоб. Его ноги разъехались на влажном кирпичном полу, и, непроизвольно вскрикнув, он упал на колени.

Некоторое время в тоннеле царила полная тишина, а где-то очень далеко едва заметным пятном виднелся выход во внешний мир. Смрад становился невыносимым. Захватив полную грудь вонючего воздуха, Боксер с трудом встал на ноги и направился на свет, скользя по влажному полу. Оказавшись совершенно неожиданно для себя на свету, он нырнул головой вперед в пробитую экскаватором дыру и упал лицом вниз на кучу битого кирпича. Словно сквозь туман Боксер услышал смех, который сразу затих, как только он перекатился на спину. Вокруг него поднялась суета, и чьи-то руки подняли его с горы кирпичного мусора.

– О Боже, что с тобой?

Ему казалось, что все говорят одновременно.

– Он ранен. Весь в крови.

– Расступитесь! – донеслась до него чья-то команда.

Боксер пытался восстановить дыхание и хотя бы немного унять сердцебиение.

– Не трогайте его. Вызовите «скорую»!

Боксеру казалось, что эта бессмысленная сумятица будет продолжаться вечно. Когда ему удалось наконец отдышаться, он с трудом сел и выдавил в неожиданно наступившей тишине:

– Кости…

– Кости? Какие еще кости?

Боксер ощутил, что мозг начинает потихоньку проясняться. Он огляделся по сторонам, чувствуя, как по щекам катятся горячие струйки крови.

– Разные… Черепа… Кости… Навалом. Их там полно.

Пробормотав эти слова, он ощутил страшную слабость и снова улегся на спину под лучами яркого солнца.

Глава 2

Нора Келли стояла у окна своего кабинета. Кабинет находился на четвертом этаже, и под его окнами простиралась медная крыша Американского музея естественной истории, украшенная куполами, минаретами и башнями с горгульями. За башнями музея вплоть до Пятой авеню колыхалась листва деревьев Центрального парка. Из окна кабинета ряд домов на авеню казался монолитной стеной какого-то бесконечно большого замка. Но этот удивительный по красоте ландшафт Нору вовсе не радовал.

Приближалось время встречи. Девушка попыталась погасить неожиданно нахлынувший гнев, но передумала. Для предстоящего разговора ей понадобится вся ее злость. Расходы на научные разработки были заморожены вот уже восемнадцать месяцев. Между тем за это же время число вице-президентов в музее возросло с трех до двенадцати, и каждый из этих «вице» стоил учреждению двести тысяч в год. Полусонный отдел по связям с общественностью, в котором трудилась горстка милых, радушных старичков из бывших газетчиков, превратился за эти полтора года в притон для оравы юных горластых пижонов, ни дьявола не смысливших ни в археологии, ни в науке. В высших эшелонах музея оставалось все меньше и меньше известных ученых. На смену им появлялись крючкотворы-юристы и типы без образования, прекрасно умевшие выколачивать деньги из разного рода

фондов. Каждый мало-мальски удобный угол музея был перестроен и превращен в кабинет для какого-нибудь чиновника. Все средства музея утекали на зарплату умельцев выколачивать деньги, которые тратились на наем новых добытчиков средств. И если говорить напрямик, то все это походило на какой-то финансовый онанизм.

Но тем не менее, внушала она себе, это по-прежнему был Американский музей естественной истории – величайшая в мире коллекция чудес природы. Ей страшно повезло, что она получила здесь работу. После всех неудач, связанных с археологической экспедицией в Юте, а затем неожиданным отказом музея Ллойда продолжать запланированную работу, она была готова на все, лишь бы закончить исследования. На сей раз, убеждала себя Нора, она будет действовать с холодной головой и так, как требует сложившаяся в музее система.

Она отвернулась от окна и обвела взглядом кабинет. Система или не система, но без денег она не сможет завершить работу, доказывающую связь между индейцами анасази и ацтеками. Для этого ей прежде всего требовалось провести радиоуглеродный анализ шестидесяти шести органических образцов, собранных во время летнего сезона в южной части Юты. Это будет стоить восемнадцать тысяч долларов, но без датировки ей работу не закончить. Она попросит деньги только на это. Все остальное может пока подождать.

Время. Нора вышла из своего кабинета и по узкой лестнице поднялась в роскошь пятого этажа. Перед дверью приемной первого вице-президента она на секунду задержалась, чтобы поправить свой костюм. Если эти типы не разбираются в науке, то в одежде они смыслят прекрасно. Отличный ручной крой и безукоризненный вид – это все, что им требуется. Придав своему лицу нейтральное, но в то же время доброжелательное выражение, Нора сунула голову в дверь.

Секретарша ушла на ленч. Нора решительно пересекла приемную и с колотящимся сердцем замерла перед дверью вице-президента. Она просто обязана получить деньги и не уйдет отсюда, пока этого не добьется. Зажав расшалившиеся нервы в кулачок, девушка изобразила на лице улыбку и постучала.

– Войдите, – прозвучал энергичный голос.

Угловой кабинет был залит ярким утренним солнцем. Первый вице-президент Американского музея естественной истории Роджер Брисбейн-третий восседал за сверкающим письменным столом фирмы «Баухаус». Нора видела фотографии этого места, сделанные в то время, когда офис принадлежал таинственному доктору Фроку. Тогда это был кабинет подлинного ученого. Там царил полный хаос. Рабочее помещение было заполнено разнообразными окаменелостями, книгами, копьями племени масаи и креслами в викторианском стиле. Почетное

место в кабинете отводилось чучелу дюгоня. Теперь же кабинет более всего походил на приемную дантиста. Единственным предметом, напоминавшим о музее, был стеклянный шкаф. За толстым стеклом в гнездах темного бархата переливались всеми цветами радуги как шлифованные, так и оставшиеся в своем первозданном виде первоклассные драгоценные камни. По музею ходили слухи, что Брисбейн в молодости мечтал заняться изучением природных драгоценностей, однако по настоянию своего более практичного папаши был вынужден податься в юристы. Норе хотелось, чтобы эти слухи соответствовали действительности – они оставляли надежду на то, что первый вице-президент хотя бы немного разбирается в науке.

Брисбейн выглядел холеным и весьма уверенным в себе человеком. Его безукоризненно выбритая физиономия цветом и гладкостью кожи напоминала внутреннюю сторону морской раковины. Вице-президент был отутюжен, подтянут и наодеколонен. Прекрасно ухоженная шевелюра светилась здоровьем, хотя волосы, по мнению Норы, были все же чуть-чуть длинноваты.

Нора сделала все, чтобы придать своей улыбке максимальную искренность.

– Доктор Келли, – произнес Брисбейн, демонстрируя ряд великолепных зубов. – Располагайтесь как дома.

Нора осторожно опустилась на какую-то конструкцию из хрома, кожи и дерева. Сооружение было крайне неудобным и при малейшем движении издавало скрип.

Молодой вице-президент откинулся на спинку кресла и забросил руки за голову. Рукава его белоснежной рубашки были закатаны с ювелирной точностью, а узел шелкового английского галстука являл собой безукоризненный треугольник. «Неужели для того, чтобы скрыть морщинки, он носит под глазами грим?» – подумала Нора. Присмотревшись чуть внимательнее, она поняла, что не ошиблась.

– Как обстоят дела у старьевщиков? – спросил Брисбейн. – Как кости и тряпье?

– Превосходно, – ответила Нора. – Но мне хотелось бы обсудить с вами одну совсем крошечную проблему.

– Очень хорошо. Я и сам хотел с вами побеседовать.

– Мистер Брисбейн, – торопливо начала Нора, – я…

Мистер Брисбейн остановил ее движением руки:

– Не надо, Нора. Я знаю, почему вы здесь. Вам нужны деньги.

– Да, верно.

– И вы без них не сможете завершить свои исследования, – сочувственно кивая, продолжил вице-президент.

– Да, так, – сказала Нора удивленно и с некоторой опаской. – Нам страшно повезло, когда мы получили грант Мерчисона на исследования в штате Юта. Но я не смогу закончить работу без датировки, которую можно получить лишь при помощи серии радиоуглеродных анализов.

Она старалась говорить таким тоном, который подчиненные обычно употребляют в беседах с начальством, и очень надеялась, что это ей удается.

Брисбейн кивнул. Полуприкрыв веки, он слегка покачивался в кресле. Несмотря ни на что, в сердце Норы зародилась надежда. Она никак не ожидала столь сочувственной реакции. Похоже, что у нее получается.

– И о какой же сумме идет речь? – поинтересовался Брисбейн.

– За восемнадцать тысяч долларов я смогу провести радиоуглеродный анализ шестидесяти шести образцов. Это будет сделано в Мичиганском университете, где расположена лучшая в стране масс-спектрографическая лаборатория.

– Восемнадцать тысяч долларов. Шестьдесят шесть образцов...

– Верно. Я не прошу увеличения бюджета на постоянной основе. Это всего лишь разовая затрата.

– Итак, восемнадцать тысяч долларов... – медленно, словно в раздумье, протянул Брисбейн. – Ведь если хорошенько подумать, доктор Келли, это не так уж и много.

– Совсем немного.

– Да, деньги действительно небольшие.

– Именно. Особенно в сравнении с теми научными результатами, которые они позволят получить.

– Восемнадцать тысяч... Какое забавное совпадение.

– Совпадение? – переспросила Нора, ощутив беспокойство.

– Это как раз та сумма, на которую мы намерены урезать ваш бюджет в будущем году.

– Вы урезаете мой бюджет?!

– Да, – кивнул Брисбейн. – Общее сокращение на десять процентов. По всем научным подразделениям.

Почувствовав, что ее начинает бить дрожь, Нора изо всех сил вцепилась в подлокотники рахитичного кресла. Девушке захотелось как следует высказаться, но, вспомнив о своей клятве, она предпочла промолчать.

– Расходы на новый зал динозавров оказались значительно больше, чем мы предполагали. Поэтому я так обрадовался, услышав ваши слова о том, что это небольшие деньги.

Норе удалось восстановить дыхание, и, стараясь говорить как можно мягче, она произнесла:

– Мистер Брисбейн, подобное сокращение финансирования не позволит мне завершить исследование.

– Боюсь, что нам придется это сделать. Поймите, научно-исследовательская работа занимает лишь небольшую часть во всей деятельности музея. Мы связаны обязательствами по проведению выставок, необходимо открывать новые залы и развлекать публику.

– Но фундаментальные научные исследования являются основой этого учреждения. Лишившись научной базы, музей превратится в пустое шоу, – начав горячиться, сказала Нора.

Брисбейн поднялся с кресла, обошел стол и, остановившись перед стеклянным шкафом, сунул ключ в замочную скважину.

– Вам когда-нибудь доводилось видеть изумруд «Тев Мираби»?

– Видеть что?

Брисбейн открыл дверцу и снял с бархатной подложки изумруд без огранки размером с яйцо дрозда. Держа камень между большим и указательным пальцами, он сказал:

– «Тев Мираби». Безукоризненный камень. Как специалист по призванию, могу авторитетно заявить, что изумруды подобного размера всегда имеют недостатки. Все, кроме этого.

Он поднес прозрачный камень к глазу. Глаз сразу стал похож на орган зрения комнатной мухи под большим увеличением.

– Взгляните, – предложил Брисбейн.

Нора удержалась от едкого замечания и взяла изумруд.

– Поделикатнее, пожалуйста. Не надо его ронять. Изумруды очень хрупки.

Нора осторожно повертела камень в пальцах.

– Не стесняйтесь. Мир сквозь изумруд представляется совсем иным.

Она поднесла камень к глазам и увидела искаженный зеленый мир, в котором плавало создание, изрядно смахивающее на зеленую медузу. Брисбейн.

– Очень интересно, мистер Брисбейн. Но…

– Ведь правда безукоризненный камень?

– Вне сомнения. Но мы обсуждали иные материи.

– Сколько, по вашему мнению, он может стоить? Миллион? Пять? Десять? Это вещь уникальная, и, продав ее, мы можем разом решить все наши финансовые проблемы.

Он фыркнул и снова поднес изумруд к глазу. Увеличенный в десятки раз зрачок издевательски смотрел на Нору.

– Но это, увы, невозможно, – закончил вице-президент.

– Простите, но я не совсем вас понимаю.

– Этим грешите не только вы, но и весь остальной научный персонал. Вернемся к вопросу о «банальном шоу», как вы изволили выразиться. Возьмем, к примеру, этот изумруд. С научной точки зрения в нем нет ничего такого, чего нельзя найти в камнях, в сотни раз уступающих ему по размерам. Но людей простые изумруды не интересуют. Они желают видеть только самый большой из них. Именно ШОУ, доктор Келли, являются плотью и кровью этого музея. Как долго продолжались бы, по вашему мнению, столь дорогие вашему сердцу научные исследования, если бы люди вдруг перестали сюда приходить и перестали давать нам деньги? Музею нужны собрания диковин и захватывающие дух выставки, нужны колоссальные метеориты, динозавры, золото, планетарии, вымершая птица дронт и гигантские изумруды. Только этим мы сможем привлечь внимание людей. Ваша работа, увы, не подпадает под эту категорию.

– Но моя работа представляет интерес.

– Здесь каждый, моя дорогая, думает, что на земле нет ничего интереснее его исследований, – широко раскинув руки, произнес Брисбейн.

Слова «моя дорогая» решили дело. Нора с побелевшими от ярости губами поднялась со стула.

– Должна сообщить вам, что моя работа не требует никаких дополнительных обоснований. Исследования в Юте покажут точно, когда впервые влияние ацтеков начало проявляться в юго-западном регионе. Мы узнаем…

– Если бы вы раскапывали динозавров, – прервал ее вице-президент, – дело обстояло бы совсем по-иному. В этом все видят реальное действие, и это приносит деньги. Беда в том, доктор Келли, что ваша куча старого тряпья и горстка черепков никого, кроме вас, не интересуют.

– Беда в том, что вы в некотором роде сами являетесь недоделанным ученым! – взорвалась Нора. – Вы изо всех сил пытаетесь изобразить из себя бюрократа, но сильно переигрываете в этой роли.

Еще не закончив фразы, Нора поняла, что наговорила лишнего. На какой-то миг лицо Брисбейна превратилось в каменную маску. Однако, совладав с собой, он холодно улыбнулся и, достав из нагрудного кармана носовой платок, принялся нарочито медленно протирать изумруд. Затем он вернул камень на место, запер шкаф и начал столь же неторопливо протирать стекло. Вначале спереди, затем с боков. Покончив с этим занятием, он сказал:

– Вам надо беречь себя, доктор Келли. Излишнее волнение отрицательно воздействует на стенки артерий и весьма скверно сказывается на здоровье в целом.

– Я не хотела никого обидеть и прошу прощения. Однако буду выступать против всякого рода сокращений бюджета.

– Я сказал то, что обязан был сказать, – ласково произнес Брисбейн. – Если кто-то из научных сотрудников музея не может – или не захочет – изыскать резервы для сокращения, я буду счастлив сделать это за них.

Последняя фраза была произнесена даже без намека на улыбку.

* * *

Нора закрыла дверь приемной и остановилась в коридоре. В душе доктора Келли царило смятение. Она дала себе клятву не уходить, не добившись выделения средств, а получилось так, что ее финансовое положение теперь стало даже хуже, чем раньше. Может быть, имеет смысл обратиться к самому Коллопи? Но директор музея был человеком резким и недоступным. Кроме того, это наверняка выведет из себя Брисбейна. Она и без того дала слишком большую волю языку. Начав действовать через голову вице-президента, она рискует вообще потерять работу. А этого Нора допустить никак не могла. Если это произойдет, то ей скорее всего придется менять профессию. Может быть, ей все же удастся получить деньги на стороне? Выбить какой-нибудь грант. А

через полгода грядет очередной пересмотр бюджета. Нельзя терять надежду...

Медленно шагая по ступеням лестницы, Нора спустилась на четвертый этаж. В коридоре она остановилась, заметив, что дверь ее кабинета распахнулась. Нора заглянула в дверь и увидела на фоне окна весьма странного на вид человека. Незнакомец неторопливо листал какую-то монографию. На нем был прекрасного покроя черный костюм, что придавало ему похоронный вид. Этот вид подчеркивался белизной кожи субъекта. Столь светлой кожи Норе видеть не доводилось. Волосы неизвестного были очень светлыми – почти белыми. А страницы монографии он перелистывал удивительно длинными, цвета слоновой кости, пальцами.

– Простите, но что вы делаете в моем кабинете? – спросила Нора.

– Любопытно, – пробормотал человек, поворачиваясь к ней лицом.

– О чем вы?

В его руках находилась монография «Геохронология пещеры Сандия».

– Вам не кажется странным, что единственное место, где обнаружены все точки Фолсома[1], находится выше уровня Сандии[2]? Напрашиваются далеко идущие выводы, не так ли?

Незнакомец говорил с ярко выраженным акцентом южного аристократа, и слова из его уст текли словно мед.

Удивление, вызванное вторжением в ее кабинет, отступало, давая место гневу.

Незнакомец лениво подошел к полке и вернул монографию на прежнее место. После этого он принялся изучать содержимое полки, постукивая длиннющими пальцами по корешкам переплетов.

– Забавно, – произнес нахал, снимая другую книгу. – Насколько я могу заметить, результаты, полученные на Монте-Верде, уже подвергаются сомнению?

Нора подошла к незнакомцу, выдернула из его рук монографию, вернула том на полку и довольно резко заявила:

– Я в данный момент очень занята. Если вы хотите со мной встретиться, вам следует предварительно позвонить. Прошу вас, не забудьте закрыть дверь, когда будете уходить.

С этими словами Нора повернулась к бледному типу спиной, ожидая, когда тот удалится. «Десять процентов», – подумала она и покачала головой, словно не могла поверить в эту цифру.

Но бледный тип не собирался уходить. Вместо звука закрывающейся двери она снова услышала медоточивый голос плантатора с Юга:

– Если вы не возражаете, доктор Келли, то я предпочел бы поговорить с вами незамедлительно. Надеюсь, что вы не сочтете меня излишне навязчивым, если я осмелюсь поделиться с вами кое-какими проблемами? Мне очень нужен ваш совет.

Она повернулась. Мужчина вытянул руку. На его ладони лежал небольшой коричневый череп.

Глава 3

Нора посмотрела на череп, а затем перевела взгляд на незнакомца.

– Кто вы? – спросила она, впервые обратив внимание на то, какими светлыми были его голубые глаза и насколько утонченными черты лица.

– Специальный агент Пендергаст. Федеральное бюро расследований, – ответил незнакомец, изобразив нечто среднее между кивком и неглубоким поклоном.

Нора почувствовала, как ее сердце провалилось куда-то в район желудка. Неужели это отголоски экспедиции в Юту, во время которой ее постоянно преследовали неудачи?

– У вас есть значок? – спросила она тоскливо. – Или какое-нибудь удостоверение личности?

Специальный агент понимающе улыбнулся и достал из кармана пиджака бумажник. Бумажник раскрылся, и Нора нагнулась, чтобы внимательно изучить значок. Значок не выглядел фальшивкой – за последние полтора года ей пришлось на них насмотреться более чем достаточно.

– Хорошо, хорошо, я вам верю, специальный агент…

«Как, дьявол побери, его зовут?» – подумала она.

– …Пендергаст, – закончил за нее незнакомец и добавил, словно прочитав ее мысли: – Мой визит не имеет никакого отношения к тому, что произошло в Юте. Я веду совсем другое дело.

Она снова обратила взгляд на странного посетителя. Тот являл собой этюд в черно-белых тонах и ничем не напоминал тех правительственных агентов, с которыми она сталкивалась на Западе. Этот человек выглядел необычным, если не сказать эксцентричным. В его невозмутимом лице присутствовало какое-то необъяснимое обаяние.

– Я не антрополог, – поспешно сказала Нора, обратив свое внимание на череп. – Кости не входят в сферу моих научных интересов.

Вместо того чтобы ответить, Пендергаст протянул ей череп. Нора осторожно взяла мертвую голову в руки. Ее, как это ни странно, начало разбирать любопытство.

– Но разве в ФБР нет судебных экспертов, которые могли бы вам помочь во всем разобраться? – спросила она.

Специальный агент улыбнулся, подошел к двери, закрыл ее и запер. Затем, подойдя к столу, он снял трубку телефона и осторожно положил рядом с аппаратом.

– Мы могли бы побеседовать так, чтобы нас не потревожили?

– Естественно. Если вам так угодно.

Нора чувствовала, что ее голос звучит слегка испуганно, и за это она злилась на себя. Ей никогда не приходилось встречать столь уверенного в себе человека.

Человек из ФБР расположился в деревянном кресле у стола и небрежно забросил одну из своих тощих ног на другую.

– Мне хотелось бы услышать, что вы думаете о черепе вне зависимости от ваших научных предпочтений.

Нора вздохнула. Может быть, ей вообще не стоит вступать в беседу с этим типом? Что скажет начальство? Скорее всего они будут довольны, что один из сотрудников музея консультирует ФБР. Может быть, это как раз и есть то проявление «публичности», которой так жаждет Брисбейн?

Она повертела череп в руках и сказала:

– Начнем с того, что на долю этого ребенка выпала очень печальная судьба.

Пендергаст сложил пальцы обеих рук домиком и вскинул брови, явно ожидая пояснений.

– Отсутствие шовных сращений говорит о том, что мы имеем дело с юным существом. Второй коренной зуб прорезался только что. Это говорит о том, что ему (или ей) около тринадцати лет – плюс-минус один-два года. Судя по изящным надбровным дугам, это все же девочка. Очень скверные зубы, без каких-либо следов лечения. Это говорит по меньшей мере о небрежении. Два кольца на эмали указывают на замедление роста, вызванного либо двумя периодами затяжного голодания, либо серьезными заболеваниями. Череп достаточно стар, хотя по состоянию зубов его можно отнести к сравнительно недалекому

историческому периоду. Во всяком случае, к временам доисторическим он отношения не имеет. В доисторических черепах зубной кариес подобного рода не обнаруживается. Более того, мы имеем дело с европейским, а не с туземным североамериканским типом черепа. Думаю, что представленный вами образец имеет возраст от семидесяти пяти до ста лет. Все это, естественно, является плодом умозрительных заключений. Многое зависит от того, где он был обнаружен и в каких условиях находился. Для точного определения возраста находки было бы полезно провести радиоуглеродный анализ.

Это напомнило Норе о ее собственных проблемах, и она замолчала.

Что касается специального агента Пендергаста, то тот явно ждал продолжения. Чувствуя, как в ней нарастает раздражение, Нора подошла к окну, чтобы рассмотреть череп получше. Через несколько секунд она вздрогнула всем телом, ощутив приступ тошноты.

– В чем дело? – резко спросил Пендергаст и пружинисто поднялся на ноги, мгновенно уловив изменение в ее настроении.

– У основания затылочной кости имеются слабо различимые царапины... – Нора взяла висевшую на шее лупу, поднесла прибор к глазам и, повернув череп сводом вниз, всмотрелась в его основание.

– Продолжайте.

– Это следы ножа. Создается впечатление, что кто-то снимал мягкую ткань.

– Какого рода ткань?

– Такие следы остаются от скальпеля во время патолого-анатомического исследования, – ответила Нора, ощутив огромное облегчение. – Труп этого ребенка был подвергнут вскрытию. Следы остались при извлечении верхней части спинного или всего продолговатого мозга. – Нора положила череп на стол и продолжила: – Но я – археолог. За квалифицированным ответом, мистер Пендергаст, вам следует обратиться к кому-то другому. В штате музея есть весьма опытный антрополог доктор Вандеррайх.

Пендергаст взял череп, положил его в мешочек, и мешочек тут же исчез в складках его одежды. Это было очень похоже на фокус.

– Мне требуется именно ваша археологическая экспертиза. А теперь, – продолжил он, возвращая на место телефонную трубку и отпирая дверь, – я прошу вас проехать со мной в Нижний Манхэттен.

– В Нижний Манхэттен? В местное отделение ФБР?

Пендергаст отрицательно покачал головой.

Нора не знала, как быть.

– Я не могу уехать из музея. У меня еще масса дел.

– Это не займет много времени. Нам дорога каждая минута.

– Но в чем же все-таки дело?

Но Пендергаст молча вышел из дверей и двинулся по длинному коридору скользящей бесшумной походкой. Нора заторопилась следом, не успев придумать очередной отговорки. Агент уверенно прошел по узким лестницам и переходам, столь же уверенно пересек залы «Птицы мира», «Африка», «Млекопитающие плейстоценового периода» и наконец вышел в знаменитую Ротонду.

– Вы хорошо знакомы с музеем, – сказала Нора, стараясь не отставать.

– Да, – коротко бросил специальный агент.

Через несколько секунд они вышли из тяжелых бронзовых дверей и спустились по массивным ступеням на подъездную аллею. Пендергаст остановился у подножия лестницы и повернулся лицом к Норе. В лучах яркого солнца его глаза стали почти белыми, с едва заметным намеком на голубизну. Нора видела агента в движении и теперь знала, что под узким черным костюмом скрывается незаурядная физическая сила.

– Вы знакомы с «Актом об охране археологических и исторических ценностей Нью-Йорка»? – спросил он.

– Естественно.

Это был закон, запрещающий проводить раскопки или строительство, если во время работы обнаруживаются предметы, имеющие археологическую или историческую ценность. Работы возобновляются лишь после того, как профессионалы извлекут и опишут найденные образцы.

– В Нижнем Манхэттене строители вскрыли одно любопытное место. Вы приглашаетесь в качестве археолога-наблюдателя.

– Я? Но у меня нет ни опыта, ни полномочий…

– Опасаться не стоит, доктор Келли. Мне почему-то кажется, что срок вашего пребывания на этом посту окажется весьма недолгим.

– Но почему именно я? – недоуменно спросила Нора.

– Потому, что у вас есть опыт работы на раскопках подобного рода.

– И что же это за раскопки?

– Погребение.

Она молча подняла на него глаза.

– А теперь, – сказал он, показывая на «роллс-ройс», – нам пора в путь. Прошу. Только после вас.

Глава 4

Нора вылезла из «роллс-ройса», с раздражением ощущая, что является объектом всеобщего внимания. Что касается Пендергаста, то он закрыл за ней дверцу автомобиля с индифферентным видом, словно не замечая несовместимости элегантной машины с пылью и шумом строительной площадки.

Они перешли через улицу и остановились перед высокой изгородью из металлической сетки. За сеткой под ярким солнечным светом находились остовы старых зданий. По периметру стройки стояли загруженные кирпичом и кирпичной крошкой самосвалы. У тротуара были припаркованы два полицейских автомобиля, и Нора увидела полдюжины копов, склонившихся над дырой в остатках кирпичной стены. Неподалеку от полицейских стояли несколько мужчин в деловых костюмах.

На строительную площадку со всех сторон пялились пустыми глазницами окон давно брошенные дома.

– Группа «Моген – Фэрхейвен» возводит здесь жилую башню в шестьдесят пять этажей, – сказал Пендергаст. – Вчера, примерно в четыре дня, они сделали пролом в кирпичной стене, и в тоннеле под домом один из рабочих нашел череп, который я вам показал. Кроме черепа, там обнаружили множество костей.

– А что здесь находилось раньше? – спросила Нора.

– Квартал жилых домов, построенных в конце девяностых годов девятнадцатого века. Тоннель, видимо, был проложен еще раньше.

Когда они шли вдоль ограды, Пендергаст склонился к Норе и негромко произнес:

– Боюсь, что эта экспедиция может оказаться безрезультатной. В любом случае в нашем распоряжении очень мало времени. За несколько последних часов строительная площадка претерпела существенные изменения. «Моген – Фэрхейвен» одна из самых деятельных строительных компаний города и обладает потрясающим... как бы это получше выразиться... влиянием. Вы обратили внимание на отсутствие

представителей прессы? Они смогли вызвать полицию, не привлекая внимания средств массовой информации.

Пендергаст подвел ее к воротам, рядом с которыми дежурил полицейский. На поясе стража порядка болтались наручники, портативная рация, дубинка, револьвер и запасные обоймы. Под тяжестью этого снаряжения брючный ремень провис, создавая простор для скрытого под синей рубашкой необъемного брюха копа.

Пендергаст остановился у ворот.

– Проходите, – сказал коп. – Здесь не на что глазеть, приятель.

– Совсем напротив, – улыбнулся Пендергаст и достал свое удостоверение личности.

Коп с недовольным видом взглянул на фотографию, затем перевел взгляд на Пендергаста и снова посмотрел на фото. Повторив эту операцию несколько раз, коп наконец спросил:

– ФБР?

– Три буквы на удостоверении говорят, что вы не ошиблись, – сказал Пендергаст, возвращая бумажник во внутренний карман пиджака.

– А кто ваша спутница?

– Археолог. Она уполномочена провести обследование строительной площадки.

– Археолог? Подождите.

Коп двинулся в направлении кучки полицейских, стоявших неподалеку от пролома. Он произнес несколько слов, и от группы отпочковался один из блюстителей правопорядка, за которым затрусил мужчина в коричневом костюме. Мужчина был чрезвычайно толст и приземист. Его шея складками наползала на узкий воротник рубашки. Шаги, которые он пытался делать, были слишком велики для его коротких толстых ножек. При каждом шаге бедняге приходилось подскакивать. Создавалось впечатление, что по строительной площадке прыгает шар.

– Что, дьявол побери, здесь происходит? – пропыхтел он. – Нам ничего не говорили о ФБР.

Нора обратила внимание, что на плечах полицейского золотятся капитанские знаки различия. У капитана был землистый цвет лица, редкие волосы и маленькие, глубоко сидящие глазки. Он был почти так же тучен, как и человек в коричневом костюме.

Капитан посмотрел на Пендергаста и сказал:

– Разрешите взглянуть на ваше удостоверение.

Голос у блюстителя закона оказался довольно писклявым, и говорил капитан с заметным напряжением.

Пендергаст снова достал бумажник. Капитан взял его, открыл, изучил удостоверение и протянул бумажник через решетку со словами:

– Прошу прощения, мистер Пендергаст, но это дело не подпадает под юрисдикцию ФБР, тем более – под юрисдикцию отделения Нового Орлеана. Вы должны хорошо знать порядки.

– Капитан?..

– Кастер.

– Капитан Кастер, я сопровождаю доктора Нору Келли, сотрудницу Американского музея естественной истории. Ей поручено провести археологическое обследование. А теперь, если позволите...

– Здесь идет строительство, – вмешался человек в коричневом костюме. – Мы возводим высотное здание. Сообщаю на тот случай, если вы этого не заметили. Кости уже осматривают. Господи, мы и так теряем сорок тысяч долларов в день, а тут еще и ФБР!

– С кем имею честь? – приятным голосом спросил Пендергаст.

– Эд Шенк, – ответил коричневый костюм, глядя почему-то в сторону.

– Мистер... э... Шенк? – Это было произнесено таким тоном, словно речь шла о каком-то примитивном инструменте. – А какой, простите, пост вы занимаете в фирме?

– Менеджер по строительству.

– Ах да, конечно. Как же я не сообразил. Было очень приятно познакомиться. – Пендергаст снова обратился к капитану, словно забыв о существовании Шенка: – Итак, капитан Кастер, если я правильно понял, вы не намерены открыть ворота и дать нам возможность приступить к работе?

– Эта стройка имеет огромное значение как для компании «Моген – Фэрхейвен», так и для этой части Манхэттена. Работы замедлились, что вызывает озабоченность в самых высоких сферах. Вчера вечером на стройке побывал сам мистер Фэрхейвен. Компания не может допустить дальнейшей задержки строительства. Об участии в деле ФБР мне не сообщали, и я ничего не слышал об археологических исследованиях... – Он замолчал, увидев, что Пендергаст достал свой мобильный телефон. – Кому вы собираетесь звонить?

Пендергаст улыбнулся и молча набрал номер, с удивительной скоростью нажимая на крошечные кнопки.

Взгляд капитана бегал с агента ФБР на Шенка и обратно.

– Салли? – произнес Пендергаст в трубку. – Говорит агент Пендергаст. Могу я поговорить с комиссаром Рокером?

– Послушайте… – начал капитан.

– Да, Салли, пожалуйста. Ты просто золото.

– Может, мы сможем обсудить все на площадке?

Послышался звон ключей. Капитан Кастер начал открывать замок.

– Я буду тебе очень благодарен, если ты попросишь его чуть отвлечься от своих дел ради меня.

– В этом нет никакой необходимости, мистер Пендергаст, – сказал Кастер, и ворота из металлической сетки широко распахнулись, открывая им путь.

– Я перезвоню позже, Салли, – сказал Пендергаст, захлопнул крышку мобильника и прошел через ворота, а следом за ним двинулась Нора.

Не говоря ни слова, специальный агент ФБР заторопился к отверстию в кирпичной стене. Все остальные поспешили следом. Казалось, что решительные действия сотрудника ФБР застали их врасплох.

– Поймите, мистер Пендергаст… – делая все, чтобы не отстать, начал капитан.

Шенк двигался, напоминая всем своим видом разъяренного быка. Споткнувшись, он выругался, но не остановился.

Когда они подошли к отверстию, Нора заметила в глубине пролома свечение. Затем последовала яркая вспышка. Затем еще одна. Кто-то делал снимки.

– Мистер Пендергаст… – позвал Кастер.

Но агент ФБР уже взбирался на гору битого кирпича. Все остальные, тяжело дыша, остановились у подножия кучи. Лишь Нора последовала за Пендергастом, уже успевшим скрыться в темной дыре. У самой стены она остановилась и заглянула в пролом.

– Прошу вас, входите, пожалуйста, – произнес Пендергаст.

Нора сползла по куче битого кирпича и оказалась на влажном полу тоннеля. Последовала еще одна вспышка света, и Нора увидела мужчину

в белом лабораторном халате, что-то внимательно изучающего в неглубокой стенной нише.

Человек в белом халате выпрямился и посмотрел в их сторону. Седоватая взлохмаченная шевелюра мужчины в сочетании с круглой металлической оправой очков делала его слегка похожим на старого большевика из русских революционных времен.

– Кто вы такие, черт вас побери?! И почему вваливаетесь без стука? – крикнул он, и недовольное эхо прокатилось по тоннелю. – Я не позволю, чтобы меня беспокоили!

– ФБР! – рявкнул в ответ Пендергаст.

Его резкий, повелительный, официальный тон ничем не напоминал тот сладкий голос, которым он беседовал с Норой.

Выхватив бумажник, он продемонстрировал значок.

– Ах вот как… – неуверенно протянул человек в халате. – Понимаю…

Нора переводила взгляд с одного мужчины на другого. Ее изумила способность Пендергаста мгновенно определять характер человека.

– Не могли бы вы покинуть тоннель до тех пор, пока моя коллега, доктор Келли, и я не завершим обследование?

– Послушайте… Моя работа сейчас в самом разгаре…

– Надеюсь, вы ничего здесь не трогали?

Вопрос специального агента ФБР прозвучал с явной угрозой.

– Нет… Ничего такого. Мне, конечно, пришлось прикоснуться к некоторым костям…

– Прикоснуться к костям?

– Поскольку я должен был определить причину смерти…

– Вы прикасались к некоторым из этих костей?! – Пендергаст с осуждением покачал головой и достал из пиджака тонкий блокнот и золотое перо. – Ваше имя, доктор?

– Ван Бронк.

– Я должен сделать заметку для слушания в суде. А теперь, доктор Ван Бронк, позвольте нам приступить к работе.

– Слушаюсь, сэр.

Пендергаст, дождавшись, когда медицинский эксперт и фотограф выберутся из тоннеля, повернулся к Норе и негромко сказал:

– Теперь это ваше поле деятельности. Я выиграл для нас всего лишь час или даже чуть меньше. Поэтому постарайтесь использовать это время с толком.

– С каким толком? – сказала Нора, впадая в панику. – Что мне надо делать? Я никогда...

– У вас есть подготовка, которой я не имею. Изучите тоннель. Я хочу знать, что здесь произошло. Помогите мне в этом разобраться.

– В течение часа? У меня нет инструментов. Мне негде хранить образцы...

– Мы и так почти опоздали. Вы обратили внимание на то, что они пригласили капитана местного полицейского участка? Как я уже сказал, фирма «Моген – Фэрхейвен» обладает огромным влиянием. И это наш единственный шанс. Мне нужно получить максимум информации за минимальный период времени. Это чрезвычайно важно. – Он вручил Норе блокнот и ручку, а затем достал из кармана два фонарика толщиной с карандаш и один из них передал ей.

Нора включила фонарь, который для своего размера оказался очень мощным. Девушка посмотрела по сторонам и впервые увидела, что ее окружает. В тоннеле царили тишина и холод. В потоке льющегося из пролома света плавали пылинки. Воздух был пропитан запахами грибницы, тухлого мяса и плесени. Несмотря на этот малоприятный аромат, Нора, чтобы сконцентрироваться, сделала глубокий вдох. Законы археологии требовали неторопливых и методичных действий. Время шло, а она не знала, с чего начать.

Поколебавшись еще несколько мгновений, Нора приступила к зарисовке тоннеля. В длину он был примерно восемьдесят футов и в своей верхней точке – около десяти. Покрытый трещинами потолок имел форму арки. Покрывающий пол налет был потревожен гораздо больше, чем это могли сделать один медицинский эксперт и один фотограф. «Интересно, сколько строительных рабочих и полицейских могли здесь побывать?» – подумала Нора.

В каждой из стен было по полдюжины ниш. Не прекращая делать зарисовки, Нора прошла по тоннелю, пытаясь как можно лучше прочувствовать место, в котором оказалась. Ниши когда-то тоже были заложены кирпичом, но теперь кирпич был разобран и сложен аккуратными штабелями рядом с углублениями в стене. Направляя луч фонаря в каждую из ниш, она заметила там практически одно и то же.

Кучи человеческих черепов. Кости с остатками плоти на некоторых из них, обрывки одежды, хрящи и волосы.

Оглянувшись через плечо, Нора увидела, как Пендергаст проводит собственное исследование. В ярком луче света был виден его резко очерченный профиль. Даже было видно, как двигаются его зрачки, обращаясь поочередно то на один предмет, то на другой. Затем он вдруг присел и поднял что-то из слоя пыли.

Закончив обход тоннеля, Нора вернулась к нише, от которой начала путь. Теперь она хотела обследовать ее более внимательно. Девушка присела перед углублением в стене и, стараясь не обращать внимания на вонь, принялась вглядываться в это, выражаясь языком археологов, «захоронение».

В нише оказалось по крайней мере три черепа. Черепа не были соединены с позвоночником. Всех этих людей обезглавили. Однако грудные клетки сохранились полностью. Так же как и кости ног. Нижние конечности некоторых костяков были подогнуты. Отдельные позвонки останков имели какие-то весьма странные следы. Казалось, что их вскрывали с целью извлечь спинной мозг. Рядом с одним из черепов лежала кучка волос. Волосы были короткими, и это говорило о том, что они когда-то принадлежали мальчику. У Норы не было сомнения в том, что трупы расчленяли и по частям переносили в нишу. В этом был смысл, поскольку размер ниш не позволял вместить их целиком. Но зато по частям…

Судорожно сглотнув, она обратилась к одежде. Тряпье валялось отдельно от фрагментов тел. Нора протянула руку к одежде, но тут же ее отдернула. Сработала въевшаяся за годы работы профессиональная привычка. Вспомнив слова Пендергаста о нехватке времени, Нора вздохнула и начала разборку костей и одежды, фиксируя в памяти все свои действия. Три черепа, три пары обуви, три хорошей сохранности грудные клетки, многочисленные позвонки и разнообразные мелкие кости. Следы, имевшиеся на черепе, показанном Пендергастом, присутствовали лишь на одном из черепов, находящихся в нише.

Но многие позвоночники были вскрыты одинаковым образом, начиная от первого поясничного позвонка и кончая крестцом. Нора продолжала сортировку. Три пары штанов, пуговицы, гребенка, куски хрящей и высохшие остатки мягких тканей со следами надрезов, шесть комплектов костей ног без обуви на том, что когда-то было ступнями. «До чего же мне не хватает мешочков для сбора образцов», – думала Нора. Она выдернула несколько волосков из клубка волос, сохранившихся на остатках скальпа, и сунула их в карман. Это же чистое безумие – работать без надлежащих инструментов и элементарного

оборудования! Все ее профессиональные привычки восставали против столь небрежного и бессистемного подхода к работе.

Закончив разборку, Нора приступила к более внимательному изучению тряпья. Все предметы одежды были крайне низкого качества и очень грязные. Часть ткани сгнила, но на ней, так же как и на костях, не было следов от зубов грызунов. Девушка взяла лупу и внимательно просмотрела одно из одеяний. Огромное количество вшей – естественно, дохлых. В ткани имелись дыры, говорившие о продолжительной и интенсивной носке. Одежду много раз зашивали и штопали. Обувь была разбита, а каблуки в некоторых случаях оказались стертыми до основания. На подошвах зияли дыры. Нора проверила карманы брюк и обнаружила там гребешок и кусок бечевки. Карманы других штанов были пусты. В кармане третьей пары лежала монета. Когда Нора начала ее извлекать, ткань расползлась под пальцами. В руках оказался медяк довольно большого диаметра достоинством в один цент и датированный 1877 годом. Монета отправилась в карман вслед за образчиком волос.

После этого Нора переместилась в другую нишу и снова рассортировала останки, стараясь действовать как можно быстрее. Общая картина здесь была примерно такой же, как и в первой нише. Три черепа, три расчлененных скелета с соответствующим набором одежды. Обыскав карманы брюк, Нора обнаружила согнутую булавку и еще два пенни, выпущенных в 1872 и 1880 годах. На позвоночниках всех трех скелетов были те же странные следы, как и на тех, что находились в первой нише. Нора еще раз прибегла к помощи лупы. Поясничный позвонок (постоянно поясничный) был тщательно, почти хирургически вскрыт и разъят на две части. Один из позвонков также отправился в карман.

Она двинулась дальше по тоннелю, осматривая каждую нишу и занося результаты своих наблюдений в блокнот Пендергаста. Во всех нишах оказалось по три скелетизированных трупа. Все скелеты были расчленены в совершенно одинаковой манере. В районе шеи, в плечах и в бедрах. На некоторых образцах имелись те же следы, что и на черепе, показанном ей Пендергастом. У всех останков нижняя часть позвоночника была сильно повреждена. Поверхностное изучение морфологии черепов говорило о том, что здесь собраны останки людей примерно одной возрастной группы. От тринадцати до двадцати лет. Или что-то в этом роде. Останки принадлежали как женщинам, так и мужчинам – с некоторым преобладанием последних. «Интересно, что сумел обнаружить медицинский эксперт?» – подумала Нора. Но это можно было выяснить и позже.

Двенадцать ниш, по три трупа в каждой… У предпоследней ниши она задержалась на несколько секунд, а затем отступила к середине тоннеля, пытаясь осмыслить значение того, что успела увидеть. Работа в тоннеле

ничем не отличалась от других раскопок. А при любых археологических исследованиях очень важно побыть некоторое время в покое, чтобы немного успокоить работу мысли и дать возможность мозгу просто усвоить увиденное и прочувствовать место раскопок. Она осмотрелась по сторонам. Итак, имеется тоннель, сооруженный до 1890 года, с двенадцатью тщательно заложенными кирпичом нишами и тридцатью шестью скелетами молодых мужчин и женщин. С соответствующим числом комплектов обуви и одежды. Надо понять, что это все может означать. Нора посмотрела на Пендергаста, который изучал стену тоннеля, ковыряя ее перочинным ножом.

Затем девушка вернулась к предпоследней нише и тщательно отметила в блокноте расположение костей и частей одежды. После этого она приступила к осмотру. Карманы двух пар брюк оказались пустыми. Изношенное грязное платье вызвало у нее чувство жалости. Его носила молодая девушка – невысокая, но стройная. Нора подняла с пола валяющийся рядом с платьем коричневый череп. Череп совсем юной женщины. В момент смерти ей было не больше шестнадцати-семнадцати лет. Нора испытала леденящий ужас, увидев, что сохранившиеся на черепе длинные золотистые локоны все еще перевязаны розовой кружевной лентой. За гигиеной рта эта юная особа явно не следила. Всего шестнадцать лет, а кариес захватил уже несколько зубов. Лента в волосах была из шелка и по качеству значительно превосходила платье. Возможно, это украшение было самым большим достоянием несчастного ребенка. От этого соприкосновения с личностью давно умершего человека Нора на миг окаменела.

Когда она осматривала карман платья, под пальцами что-то хрустнуло. Бумага. Быстро прощупав ткань, Нора поняла, что листок зашит под подкладку.

– Что-то интересное, доктор Келли? – услышала она голос медицинского эксперта.

Тон Ван Бронка заметно изменился, теперь он говорил с явным вызовом.

Увлекшись работой, Нора не слышала, как подошел медик. Оглянувшись, она увидела, что Пендергаст стоит у самого входа в тоннель и ведет оживленную дискуссию с полицейскими.

– Вряд ли подобные вещи вообще можно назвать интересными, – уклончиво ответила Нора.

– Поскольку вы не работаете в Бюро судебно-медицинской экспертизы, я пришел к заключению, что вы являетесь патологоанатомом ФБР.

– Я вовсе не медик, – слегка покраснев, сказала Нора. – Я доктор археологии.

Брови доктора Ван Бронка взлетели вверх, а его крошечный ротик обрел такую форму, которую можно встретить на портретах периода Ренессанса.

– Ах вот как! Не медик, значит… – просиял Ван Бронк белозубой улыбкой. – Выходит, я не совсем правильно понял слова вашего коллеги. Археология. Как мило.

Получилось так, что в ее распоряжении не оказалось и часа. Ей предоставили всего лишь тридцать минут.

Она незаметно сунула платье в темную глубину ниши и небрежно спросила:

– А вам, доктор, удалось найти что-нибудь интересное?

– Я направлю вам свое заключение, – сказал он. – Однако боюсь, что вы мало что в нем поймете. Профессиональный жаргон и все такое…

Ван Бронк произнес это с улыбкой, но улыбка была вовсе не дружелюбной.

– Я еще не закончила, – сказала Нора. – Позже я с огромным удовольствием с вами поболтаю, а сейчас простите. – С этими словами она направилась к последней нише.

– Вы сможете продолжить свои исследования после того, как я вывезу отсюда останки.

– Вы ничего отсюда не вывезете до тех пор, пока я не закончу осмотр.

– Скажите это им, – ответил медэксперт, кивнув в сторону входа в тоннель. – С какой стати вы решили, что это место имеет отношение к археологии? По счастью, теперь все встало на свои места.

Нора увидела, что в проем один за другим сползают полицейские. В их руках были запирающиеся ящики для хранения вещественных доказательств. Тишину тоннеля нарушила какофония проклятий, шумного сопения и громких голосов. Пендергаста она не увидела.

Последними сползли в тоннель Эд Шенк и капитан Кастер. Увидев Нору, капитан двинулся к ней, старательно обходя валяющиеся под ногами кирпичи. За капитаном шествовала целая орава лейтенантов.

– Доктор Келли, – торопливо начал он своим писклявым голосом, – мы получили приказ из нашего штаба. Передайте вашему боссу, что он, к сожалению, сильно напутал. Вынужден согласиться, что данное место

преступления носит несколько необычный характер, но современные силы правопорядка оно совершенно не интересует. И в первую очередь это относится к ФБР. Преступление произошло более ста лет тому назад.

«А нам здесь надо возводить небоскреб», – подумала Нора, глядя на Шенка.

– Мне неизвестно, кто вас пригласил, но ваша миссия закончена. Останки мы отправляем в Управление медицинской экспертизы. Все остальное будет тщательно учтено и упаковано.

Полицейские бросали ящики на влажный пол, каждый бросок сопровождался глухим ударом. Медицинский эксперт натянул на руки резиновые перчатки и принялся собирать кости, отправляя их в ящик для вещдоков. Одежда патологоанатома не интересовала. Лучи множества фонарей рассекали тьму, в тоннеле стоял непрерывный гул голосов. Объект исследований исчезал на глазах.

– Вы позволите моим людям проводить вас к выходу, доктор Келли? – вежливо поинтересовался капитан Кастер.

– Я сама найду дорогу, – не совсем учтиво ответила Нора.

Солнечный свет на какое-то время ее ослепил. Она глубоко вздохнула и раскашлялась. Когда приступ кашля миновал, Нора огляделась по сторонам. «Роллс» все еще находился на улице, а Пендергаст стоял, привалившись к сверкающему боку машины. Агент ФБР смежил веки и отвернул лицо от солнца, кожа его казалась белой и полупрозрачной, словно алебастр.

– Капитан полиции прав, не так ли? – спросила она, подойдя к автомобилю. – Этот случай не под юрисдикцией ФБР?

Пендергаст медленно кивнул. Он был явно встревожен. Нора вдруг почувствовала, как испаряется ее гнев. Специальный агент ФБР вытащил из кармана шелковый носовой платок и аккуратно промокнул выступившие на лбу капельки пота. Пока она наблюдала за этим, лицо Пендергаста снова обрело присущее ему безразличное выражение, и он сказал:

– На то, чтобы действовать по обычным бумажным каналам, часто не хватает времени. Если бы мы стали ждать до завтра, то от захоронения не осталось бы и следа. Теперь вы видите, как быстро может действовать фирма «Моген – Фэрхейвен». Если бы было объявлено, что это место имеет археологическую ценность, строительство прекратилось бы на несколько недель.

– Но оно действительно представляет интерес для археологов!

– Совершенно верно, – кивнул Пендергаст. – Но сражение проиграно. Впрочем, я это предвидел.

Как бы в подтверждение его слов раздался громкий выхлоп экскаватора, мотор машины вначале чихнул, а затем глухо заурчал. Из трейлеров и бытовок вылезали строительные рабочие и шли на площадку. Копы вытаскивали из пролома ящики с костями и грузили их в санитарный автомобиль. Экскаватор зарычал громче и неуклюже двинулся к пролому.

– Что вам удалось узнать? – спросил Пендергаст.

Нора ответила не сразу. Она не знала, стоит ли говорить о бумаге за подкладкой платья. Скорее всего листок не имел никакого значения, да и само платье, видимо, исчезло.

Она торопливо вырвала из блокнота исписанные листки, а блокнот передала ему.

– Свои общие наблюдения я суммирую для вас сегодня вечером, – сказала она и добавила: – Поясничные позвонки у всех жертв вскрыты. Один из них я сунула в карман.

– В отложениях на полу я обнаружил множество осколков стекла и захватил несколько для анализа.

– В одежде я нашла монеты, датированные 1872, 1877 и 1880 годами. Кроме того, там были и еще кое-какие предметы.

– И это означает, что 1880 год был конечным для этого места, – мрачно произнес Пендергаст, словно беседуя с самим собой. – Жилые дома здесь были построены в 1897 году, и этот год является конечным уже для нас. Итак, мы имеем временное окно по меньшей мере в семнадцать лет, в течение которых... м-м... развивалась эта ситуация.

У тротуара затормозил длинный черный лимузин. Тонированные стекла автомобиля ярко блестели на солнце. Из машины появился высокий мужчина в элегантном костюме цвета маренго. Вслед за ним из лимузина вылезли еще несколько человек. У мужчины было узкое, длинное лицо с широко расставленными глазами, черные волосы и угловатые, высокие скулы. Создавалось впечатление, что их вырубили топором. Он огляделся по сторонам, задержав на несколько мгновений взгляд на Пендергасте.

– А вот и мистер Фэрхейвен собственной персоной, – сказал Пендергаст. – Желает лично убедиться в том, что никаких новых задержек в строительстве не случится. Думаю, что нам пора уезжать.

Он распахнул дверцу машины, пропустил вперед Нору, а затем сел сам.

– Позвольте выразить вам мою благодарность, доктор Келли, – сказал он, давая знак шоферу, что можно двигаться. – Завтра мы снова встретимся, и, как я надеюсь, наше рандеву будет носить более официальный характер.

Когда «роллс-ройс» уже влился в поток машин в Нижнем Ист-Сайде, Нора повернулась к Пендергасту и спросила:

– А как вы вообще узнали о существовании этого места? Ведь кости обнаружили только вчера.

– Я располагаю кое-какими связями, что при моей работе приносит большую пользу.

– Не сомневаюсь. Кстати, о связях. Почему вы не попытались еще раз связаться со своим другом, комиссаром полиции? Он бы наверняка вас поддержал.

«Роллс-ройс» плавно свернул на скоростную дорогу, и его мощный мотор заурчал чуть громче.

– Комиссаром полиции? – удивленно посмотрел на нее Пендергаст. – Я не имею чести быть знакомым с этим достойным джентльменом.

– Куда же вы в таком случае звонили?

– К себе домой, – едва заметно улыбнулся он.

Глава 5

Уильям Смитбек-младший остановился на пороге «Кафе художников» и с высокомерным видом оглядел полутемный зал. Его новый костюм из темно-синего итальянского шелка приятно шелестел при каждом движении. Обычно он сутулился, но сейчас, пытаясь придать себе аристократический вид, держался прямо, как шомпол. Смитбек полагал, что подобная выправка придает ему особое достоинство. Костюм от Армани обошелся ему в целое состояние, но, стоя в дверях кафе, он знал, что эти затраты всегда оправдываются. Журналист чувствовал себя изысканной и утонченной личностью. Он тешился мыслью, что немного походит на Тома Вулфа, хотя на полную имитацию (белая шляпа и все такое) не осмеливался. Платочек из цветастого шелка в нагрудном кармане пиджака был чудесной, хотя, возможно, и несколько экстравагантной деталью туалета. Ну и что из того? Ведь он был знаменитым писателем. Во всяком случае, мог стать таковым, если бы его последнее творение получило еще пару очков и оказалось в этом проклятом списке бестселлеров. Одним словом, он вполне заслужил право носить в кармане такую прелестную вещицу. Смитбек повернулся, как ему казалось, с небрежной элегантностью, и поприветствовал

метрдотеля легким движением бровей. Тот с широкой улыбкой на лице направился к журналисту.

Смитбек любил этот ресторан больше, чем все остальные нью-йоркские заведения подобного рода. «Кафе художников» чуралось всяких новомодных вывертов. Кухня в нем была просто превосходной, и здесь не водились подозрительные типы, которых можно встретить в ресторане «Ле Сирк 2000». Настенная живопись Говарда Чандлера Кристи, с легким налетом китча, придавала «Кафе художников» особый шарм.

– Как хорошо, мистер Смитбек, что вы к нам заглянули. Ваша гостья только что прибыла.

Смитбек ответил важным кивком. Приятно, когда тебя с первого взгляда узнает метрдотель первоклассного ресторана. Очень приятно, несмотря на то, что это внимание обошлось тебе в несколько двадцаток. Но главную роль в этом сыграли не деньги, а небрежное упоминание о принадлежности к «Нью-Йорк таймс».

Нора ждала его, сидя за угловым столиком. Смитбек улыбнулся. Хотя в Нью-Йорке Нора жила уже более года, ей удалось сохранить цветущий вид, совсем несвойственный жителям этого города. И это очень нравилось Смитбеку. Похоже, она так и не потеряла приобретенного в Санта-Фе загара. Смитбек и Нора познакомились в Юте во время археологической экспедиции. Ситуация, при которой произошло знакомство, была настолько опасной, что они оба едва не расстались с жизнью. В то время Нора открыто дала ему понять, что считает его назойливым и бесцеремонным типом. И вот теперь, двумя годами позже, они собираются начать жизнь под одной крышей. Смитбек не мыслил и дня без того, чтобы с ней не повидаться.

Нора выглядела просто потрясающе – впрочем, как и всегда. Ее медные волосы ниспадали на плечи, карие, с зелеными точками, глаза поблескивали в свете свечей, а россыпь веснушек на носу придавала ей независимый, мальчишеский вид. Однако наряд для данного случая можно бы подобрать и получше. Одежда была ужасающе грязной.

– Ты просто не поверишь, если я расскажу, как провела день, – начала она.

– Хм-м, – произнес Смитбек, поправив узел галстука и развернувшись так, чтобы подчеркнуть элегантный покрой пиджака.

– Держу пари, Билл, что ты мне ни за что не поверишь. Но запомни, это должно остаться между нами.

Смитбек ощутил легкую обиду. И не только потому, что она не обратила внимания на его новый костюм. В замечании о том, чтобы их беседа осталась секретом, не было ни малейшей необходимости.

– Нора, все, что происходит между нами, остается…

Но она не дала ему закончить.

– Во-первых, этот мерзавец Брисбейн на десять процентов урезал мой бюджет.

Смитбек издал сочувственный звук. Ее музею вечно не хватает денег.

– А затем в моем кабинете появился ужасно странный человек.

На сей раз Смитбек издал звук, призванный показать его заинтересованность, и переставил локоть поближе к бокалу на столе. Не может же она, в конце концов, не заметить переливы темно-синего шелка на фоне белой скатерти.

– Он читал мои книги и вообще вел себя так, словно это его офис. В своем черном костюме он очень смахивал на гробовщика. Кроме того, у него страшно белая кожа. Нет, он не альбинос. Просто кожа светлая.

У Смитбека зародилось смутное чувство дежа-вю, но он от него тут же отмахнулся.

– Человек сказал, что он из ФБР, и потащил меня в южную часть Манхэттена к зданию, где нашли…

На Смитбека неожиданно нахлынули воспоминания.

– Ты сказала, что из ФБР? Не может быть. Только не он. Это невозможно.

– Да, из ФБР. Специальный агент…

– Пендергаст, – закончил за нее журналист.

Пришло время удивляться Норе.

– Ты его знаешь?

– Знаю ли я его?! Да он же присутствует в моей книге об убийствах в музее. Той книге, которую ты, по твоим словам, читала!

– Ах да. Конечно. Как я могла забыть?

Смитбек машинально кивнул. То, что он услышал, настолько его заинтересовало, что он забыл выразить свое возмущение. Итак, Пендергаст снова возник в Нью-Йорке. Конечно, явно не с визитом вежливости. Этот специальный агент ФБР появляется только тогда,

когда возникает какая-то угроза. Впрочем, не исключено, что он сам несет с собой неприятности. Как бы то ни было, но Смитбек очень надеялся, что на сей раз последствия его появления окажутся не столь ужасными, как в прошлый раз.

Перед ними возник официант, чтобы принять заказ. Смитбек, собиравшийся ограничиться рюмкой хереса, заказал для себя полноценный сухой мартини. Значит, все-таки Пендергаст. Великий Боже! Как бы Смитбек ни восхищался этим человеком, он бы предпочел, чтобы специальный агент и его черный костюм не покидали Новый Орлеан.

– Расскажи мне о нем, – сказала Нора, откидываясь на спинку стула.

– Он... – начал Смитбек, испытывая столь нехарактерную для него нехватку слов. – Он, мягко говоря, несколько необычен. Южный, полный очарования аристократ с кучей денег. Фамильный капитал. Фармацевтика или что-то в этом роде. Какое место он занимает в ФБР, мне, по правде говоря, неизвестно. Похоже, что ему позволено совать нос во все дела, которые ему нравятся. Он работает в одиночку, и при этом очень-очень хорошо. Как о личности я о нем ничего не знаю. Этот парень – сплошная тайна. Никогда не знаешь, о чем он на самом деле думает. Да что говорить, если я даже имени его не знаю.

– Не думаю, что он обладает большой властью. Сегодня по нему проехались катком.

– Что произошло? – вскинул брови Смитбек. – Чего он хотел?

Нора рассказала журналисту о поспешном посещении захоронения на строительной площадке. Повествование закончилось в тот момент, когда прибыли их кнели с черными трюфелями и сморчками.

– «Моген – Фэрхейвен», – произнес Смитбек, помешивая вилкой густую подливу, чтобы насладиться запахом мускуса и леса. – Это не та команда, у которой возникли проблемы, когда она начала снос зданий без разрешения – в то время, когда там еще оставались жильцы?

– Одна комната на Восточной Первой улице? Кажется, она.

– Отвратительная банда.

– Когда мы уезжали, прибыл сам Фэрхейвен. На лимузине длиной в милю.

– А у вас был «роллс-ройс», говоришь? – рассмеялся Смитбек.

Когда расследовали убийства в музее, у Пендергаста был «бьюик». Появление «роллса» должно было что-то обозначать. Просто так Пендергаст ничего не делал.

– Выходит, что ты путешествовала с шиком. Но все это, как мне кажется, не должно было интересовать Пендергаста.

– Почему?

– Захоронение, конечно, потрясающее. Но преступления произошли более сотни лет назад. С какой стороны древняя история может интересовать ФБР или иные правоохранительные органы?

– Это не обычное преступление. Убиты три десятка молодых людей. Их тела расчленены и замурованы в подземном тоннеле. Это одно из самых массовых серийных убийств в истории США.

Вернулся официант и поставил перед Смитбеком бифштекс с кровью.

– Брось, Нора, – сказал он, хватаясь за нож. – Убийца давно умер. Теперь это всего-навсего исторический курьез. Для газеты из него можно слепить классную статью. Но хоть убей, я не понимаю, с какой стати всей этой историей может заинтересоваться ФБР.

– Билл, по-моему, мы договорились, что это не для печати, – обожгла его взглядом Нора.

– Но это же почти доисторические времена, Нора. У меня получится сенсационный материал. Какой вред он может…

– Не для печати!

– Но хотя бы предоставь мне право первой ночи, когда наступит время, – со вздохом пробурчал Смитбек.

– Ты же знаешь, Билл, что всегда имеешь это право, – фыркнула Нора.

Смитбек усмехнулся и отрезал нежный уголок бифштекса.

– И что же вы там нашли?

– Ничего особенного. Самые обычные вещи. Старинные монеты, гребенку, булавки, бечевку, пуговицы… – Она немного помолчала и добавила: – Правда, там было еще кое-что.

– Выкладывай!

– Это был листок бумаги, зашитый в подкладку девичьего платья. Я никак не могу его забыть.

– И что же там написано? – спросил Смитбек с внезапно обострившимся интересом.

– Не знаю. Мне пришлось спрятать платье, прежде чем я успела посмотреть.

– Ты полагаешь, что платье еще там?

Нора утвердительно кивнула.

– И как они намерены поступить со всем этим барахлом?

– Медэксперт забирает кости, а все остальное, как говорят копы, будет учтено и упаковано. Мне кажется, что они сделают все, чтобы потерять след вещей на каком-нибудь складе. Чем скорее они от них избавятся, тем меньше вероятность того, что территория будет объявлена имеющей археологический интерес. Я знаю, что строители иногда сознательно перекапывают всю площадку, чтобы археологам нечего было исследовать.

– Но это же незаконно. Разве они не должны останавливать строительство, если там обнаружено что-то важное?

– Но если все перерыто с самого начала, то как доказать существование чего-то археологически значимого? Строители каждый день уничтожают десятки подобных памятников.

Смитбек пробормотал несколько слов, призванных продемонстрировать его справедливое негодование столь безнравственными действиями строительных магнатов, и принялся за бифштекс. Он умирал от голода. Нигде в Америке не готовят бифштексы лучше, чем в «Кафе художников». Да и порции здесь приличного мужского размера, не идущие ни в какое сравнение с крошечными, слегка обрызганными соусом сооружениями в центре гигантской тарелки...

– Как ты думаешь, почему девушка зашила письмо в платье?

Смитбек оторвал глаза от тарелки, отпил из бокала красного вина, отрезал кусочек от божественного бифштекса и сказал:

– Любовное письмо, наверное.

– Чем больше я о нем думаю, тем более важным оно мне кажется. По меньшей мере оно может помочь нам узнать, кем были эти люди. Если одежда исчезнет, а тоннель перестанет существовать, нам этого никогда не выяснить. – Нора внимательно смотрела на журналиста, не притрагиваясь к еде. – Теперь я абсолютно уверена, что находка имеет археологическое значение, черт бы их всех побрал!

– Скорее всего, как ты сказала, там уже ничего не осталось.

– Рабочий день шел к концу, а я спрятала платье в глубине ниши.

– Они увезли его вместе со всеми остальными вещдоками.

– Не думаю. В дальней стене ниши было углубление. Туда я и затолкала платье. Они могли его и не заметить.

В глазах Норы загорелся огонек, который ему, увы, доводилось видеть и раньше.

– И не помышляй, Нора! – торопливо заявил он. – Стройка наверняка охраняется, а света там больше, чем на театральной сцене. Даже не думай об этом.

– Ты пойдешь со мной. Ночью. Я должна добыть это письмо.

– Перестань. Тебе даже неизвестно, письмо ли это. Может быть, там всего лишь квитанция из прачечной…

– Даже квитанция может послужить важным ключом.

– Нас там арестуют.

– За себя не ручаюсь, а тебя – точно нет.

– Как это?

– Я буду отвлекать охрану, пока ты будешь перелезать через забор. Твой вид не вызовет никакого подозрения. – По мере того как она говорила, огонек в ее глазах разгорался все ярче. – Да. Ты будешь одет как бездомный бродяга, который… ну, скажем… копается в мусоре. Если тебя поймают, то в худшем случае слегка намылят шею, а в лучшем – просто выбросят с площадки.

Идея Норы возмутила журналиста до глубины души.

– Я – бездомный бродяга?! Ни за что! Бродягой будешь ты.

– Нет, Билл, это не сработает. Я буду проституткой.

Вилка с последним кусочком бифштекса замерла у губ Смитбека.

Нора посмотрела на его изумленную физиономию и сказала:

– Ты закапал соусом всю грудь своего нового прекрасного итальянского костюма.

Глава 6

Слегка дрожа от холода, Нора выглянула из-за угла дома на Генри-стрит. Ночь выдалась прохладной, а ее мини-юбка и топик в обтяжку, мягко говоря, не очень согревали. И лишь толстый слой краски на лице придавал ей стойкости. Со стороны Чатам-сквер до нее доносился приглушенный шум уличного движения, а чуть впереди зловеще темнела громада Манхэттенского моста. Шел третий час ночи, и улицы Нижнего Ист-Сайда были пустынны.

– Ну и что же ты там увидела? – спросил стоящий за ее спиной Смитбек.

– Площадка хорошо освещена. Но охранник, как мне кажется, всего один.

– Что он делает?

– Сидит на стуле и читает книгу.

Смитбек недовольно поморщился. Его очень огорчила та легкость, с которой он смог превратиться в бездомного бродягу. На всегда элегантном журналисте был лоснящийся от времени длинный черный плащ. Под плащом скрывалась не первой свежести ковбойка. Грязные синие джинсы пришли на смену безукоризненно отутюженным брюкам, а ноги украшали изрядно разбитые кеды. Переодеться не составило труда, поскольку в стенном шкафу Смитбека хранилась порядочная коллекция старого тряпья. Дополняли общую картину несколько мазков сажи на физиономии, смазанные оливковым маслом волосы и несколько пластиковых пакетов с грязным бельем.

– Как он выглядит?

– Большой и ужасный.

– Перестань валять дурака, – сказал Смитбек.

Ему было вовсе не до шуток. Остановить в таком одеянии такси в районе Верхнего Вест-Сайда было невозможно, и им пришлось воспользоваться подземкой. Подвалить к Норе никто не пытался, но многие провожали парочку взглядами, явно не понимая, как дорогая девица по вызову оказалась в обществе опустившегося бродяги.

– Твой план никуда не годится, – сердито сказал Смитбек. – Ты уверена, что справишься?

– У нас сотовые телефоны. Если мне будет что-то угрожать, я начну вопить как недорезанная, а ты тогда позвонишь по номеру 911. Но не дрейфь. До этого дело не дойдет.

– Точно. Он весь уйдет в лицезрение твоих сисек, – произнес Смитбек с несчастным видом. – На тебе такой топик, что ты вполне могла вообще ничего не надевать.

– Не сомневайся. Я смогу за себя постоять. Запомни: платье – в предпоследней нише справа. Найди щель в задней стене. Оно наверняка еще там. Как только выберешься со стройки, сразу звони. А теперь – вперед.

Нора вышла в свет уличного фонаря и двинулась по тротуару по направлению к входу на строительную площадку. Ее туфли громко

стучали по асфальту, а пышные груди при ходьбе слегка покачивались. Неподалеку от запертой железной цепью калитки она остановилась, порылась в маленькой золотой сумочке и издала негромкий, но хорошо слышный стон разочарования. Нора чувствовала, что взгляд охранника уже прилип к ней. Она выронила губную помаду и нагнулась, давая возможность стражу оценить все достоинства ее наряда. Чуть подкрасив губы, девушка снова порылась в сумке, выругалась и огляделась по сторонам, задержав взгляд на охраннике, который, в свою очередь, неотрывно пялился на нее. Книга валялась на земле рядом со стулом.

– Вот дерьмо. Оставила сигареты в баре, – сказала она, сверкнув улыбкой.

– Возьмите мою, – сказал охранник и поспешно поднялся со стула.

Нора подошла к калитке и взяла через ячейку сетки предложенную сигарету. При этом она встала так, чтобы охранник оказался спиной к строительной площадке. Оставалось надеяться, что Смитбек будет действовать достаточно быстро.

Охранник достал зажигалку.

– Подождите, я отопру калитку.

Нора ждала с сигаретой в пальцах.

Парень распахнул калитку и щелкнул зажигалкой. Нора склонилась над язычком племени и затянулась, надеясь, что не закашляется.

– Спасибо.

– Не за что, – сказал охранник.

Это был молодой человек с песочного цвета шевелюрой. Не толстый, но и не худой. Силачом он не выглядел, а вид у него был слегка обалделый. Ее внешность явно его смущала. Вот и хорошо.

– Чудная ночь, – сказала Нора, сделав вторую затяжку.

– Вам, наверное, холодно.

– Немного.

– Возьмите это. – Он стянул с себя куртку и галантно накинул на плечи Норы.

– Спасибо.

Парень выглядел так, словно не мог поверить свалившемуся на него счастью. Нора знала, что выглядит очень привлекательно и что ее фигура благодаря многолетним странствиям по пустыням с рюкзаком за

спиной обрела прекрасную форму. Яркий макияж внушал ей чувство уверенности. Парень никогда не узнает в сотруднице Музея естественной истории девицу легкого поведения.

Одним словом, она в этом наряде казалась себе развязной, смелой и сексуальной. Это ощущение, как ни странно, ей очень нравилось.

До ее слуха долетело какое-то дребезжание. Смитбек, видимо, начал карабкаться через ограду.

– Вы работаете здесь каждую ночь? – спросила она.

– Пять ночей в неделю, – сказал охранник. Парень так нервничал, что его кадык судорожно двигался под кожей. – После того, как началось строительство. А вы… э… живете где-нибудь поблизости?

Нора мотнула головой в направлении реки и спросила:

– А вы?

– В Куинсе.

– Женаты?

Нора увидела, как его рука, на которой она уже успела заметить обручальное кольцо, скрылась под кобурой пистолета.

– Пока нет.

Она кивнула и еще раз затянулась сигаретой. Голова начинала кружиться. И как только люди вдыхают такую гадость?! Ей хотелось, чтобы Смитбек побыстрее закруглился.

Затем Нора улыбнулась, бросила окурок и растерла его ногой.

Перед ее носом мгновенно возникла пачка сигарет.

– Еще одну?

– Пожалуй, не стоит, – сказала она. – Стараюсь сократиться.

Девушка видела, что парень не может оторвать взгляда от ее груди, затянутой в серебристую материю.

– Работаете в баре? – спросил он и залился краской, так как вопрос, видимо, показался ему нескромным.

– В некотором роде, – ответила она, потуже затягивая на плечах куртку.

Парень кивнул. Создавалось впечатление, что он понемногу начинал смелеть.

– Вы очень симпатичная, – сказал охранник.

– Спасибо, – ответила она.

Господи, куда подевался этот Смитбек? Ведь там работы всего на полминуты.

– А позже вы будете свободны?

– Неужели вы хотите со мной встретиться? – произнесла она, демонстративно оглядывая его с головы до ног.

– Да. Очень.

Послышался еще один, теперь гораздо более сильный дребезжащий звук, и ограда слегка задрожала. Охранник обернулся на шум.

– И какого же рода свидания ты хочешь? – спросила Нора.

Он посмотрел на нее, не скрывая охватившей его похоти. Девушке казалось, что она стоит перед ним совсем голая. Снова послышалось дребезжание, и на сей раз охранник, оглянувшись, увидел Смитбека. Журналист висел на ограде, пытаясь освободить зацепившиеся за нее полы грязнющего плаща.

– Эй! – заорал охранник.

– Наплюй, – остановила его Нора. – Это всего лишь какой-то бродяга.

Смитбек бился, как угодившая в сеть рыба. Теперь он пытался вылезти из плаща. Это кончилось тем, что он запутался еще сильнее.

– Он не должен здесь находиться!

Увы, перед ней оказался человек, который слишком серьезно относился к своей работе.

– Эй, ты! – гаркнул охранник, хватаясь за кобуру. – Эй!! – завопил он громче и сделал шаг в сторону висящего на ограде журналиста.

Смитбек отчаянно сражался с плащом.

– А иногда я делаю это бесплатно, – решилась на отчаянный шаг Нора.

Охранник с округлившимися глазами повернулся к ней, забыв о болтающемся на изгороди бродяге.

– Неужели?

– Конечно. Почему бы и нет? Особенно с таким парнем...

Его губы растянулись в идиотской улыбке. Жалкий негодяй, готовый тут же изменить жене. Главное, чтобы подешевле!

– Может быть, прямо сейчас? – спросил он.

– Очень холодно. Давай завтра.

Она услышала звук раздираемой ткани, за которым последовал глухой удар о землю.

– Завтра? – с обескураженным видом переспросил он. – А почему не сейчас? У тебя, например.

– Я никогда не занимаюсь этим дома, – сказала Нора, снимая с плеч и передавая ему куртку.

– Здесь за углом есть гостиница. – Охранник сделал шаг вперед и попытался обнять ее за талию. – Пойдем.

Нора с улыбкой увернулась, и в этот миг раздался сигнал мобильника. Она с облегчением откинула крышку аппарата.

– Миссия окончена, – прозвучал голос Смитбека. – Можешь сваливать от этого урода.

– Да, мистер Макнэлли. С огромным удовольствием, – своим самым сердечным тоном произнесла она. – Мне ваша идея нравится, – закончила Нора и, громко чмокнув крышку, закрыла аппарат.

– Прости, – сказала она охраннику. – Бизнес есть бизнес.

– Постой. Но ты же сказала… – В голосе стража слышалось отчаяние.

Отойдя на шаг, она захлопнула перед его носом калитку и бросила:

– Завтра… Обещаю.

– Нет. Постой!

Нора повернулась и быстро зашагала по тротуару.

– Постой! Подождите! Прошу вас, леди!

Этот отчаянный вопль долго витал между домами.

За углом ее уже ждал Смитбек.

– Этот урод за тобой не потащился? – спросил журналист, легонько обняв девушку.

– Не останавливайся, – сказала она.

Они побежали по тротуару. Нора в туфлях на высоких каблуках чувствовала себя очень неустойчиво. Лишь перебежав через улицу и свернув за угол, они, тяжело пыхтя, остановились. Охранник за ними не последовал.

– Боже, – простонал Смитбек, привалился к стене и приподнял руку. – Боюсь, что, свалившись с проклятого забора, я сломал лапу.

Его плащ и рубашка были разорваны, а из дыры торчал кровоточащий локоть.

– Ты в полном порядке, – сказала Нора, осмотрев его конечность. – Платье удалось достать?

Смитбек горделиво похлопал по пластиковому пакету.

– Замечательно.

Смитбек покрутил головой и произнес со стоном:

– Такси здесь, похоже, ни за что не найти.

– Оно в любом случае не остановилось бы. Вспомни, на кого ты похож. Давай мне свой плащ. Я умираю от холода.

Смитбек накинул на нее грязное одеяние и сказал:

– Ты… хм-м… выглядишь весьма соблазнительно.

– Кончай болтать. Пошли, – бросила Нора и двинулась к станции подземки.

Смитбек потянулся следом. У входа в подземку журналист остановился и произнес, изображая охранника:

– А как насчет свидания? Эй, леди, ну пожалуйста!

Нора посмотрела на журналиста. Его волосы беспорядочно торчали в разные стороны, а лицо стало еще грязнее, чем было до этого. От одежды разило плесенью и влажной, лежалой землей. Более нелепый вид и представить было трудно.

– Я – барышня не дешевая, – сказала она. – Тебе это дело обойдется в большие бабки.

– Все, что угодно, детка! Алмазы. Жемчуга. Грины. И даже ночные танцы в пустыне при луне, под вой койотов.

– Вот такие клиенты мне по душе, – рассмеялась Нора и взяла его за руку.

Глава 7

Нора заперла дверь кабинета, положила пакет на стул и освободила стол от бумаг и высоких стопок книг. Пошел всего лишь девятый час утра, и музей, казалось, еще не проснулся. Тем не менее она глянула на застекленную дверь, подошла и задернула занавеску. После этого она

тщательно прикрыла стол листом специально обработанной бумаги, прикрепив его клейкой лентой. Положив на первый лист еще один, Нора разместила на нем вдоль края стола несколько мешочков для сбора образцов, специальные щипцы и пинцеты. После этого она выдвинула ящик и выложила на стол все добытые в нишах тоннеля предметы: монеты, гребенку, волосы, бечевку и позвонок. Самым последним на стол Нора положила платье. Она обращалась с ним бережно, почти благоговейно. Словно извинялась за то небрежение, которое этому предмету из прошлого пришлось пережить за последние двадцать четыре часа.

Смитбек был вне себя, когда она прошлой ночью категорически отказалась немедленно вскрыть подкладку и посмотреть, что за ней скрыто. Она снова увидела его таким, каким он предстал перед ней в ту минуту. Смитбек, все еще в одеянии бродяги, негодовал так, как может негодовать лишь журналист, у которого отнимают сенсацию. Но его стенания Нору не тронули. Она хотела выжать из платья максимум информации, и это следовало сделать по всем правилам археологической науки.

Нора отступила на шаг от стола. В ярком свете можно было рассмотреть платье в мельчайших деталях. Длинное, простого покроя. Сшито из грубой шерстяной ткани зеленого цвета. Округлый разрез воротника, узкий лиф и длинная юбка гофре определенно указывали на принадлежность вещи к девятнадцатому веку. Лиф и юбка имели некогда белую, а теперь пожелтевшую подкладку.

Нора провела пальцами вдоль складок и чуть ниже линии талии нащупала хрустящий листок бумаги. «Еще не время, – сказала она себе и села за стол. – Будем действовать последовательно и методично».

Платье было покрыто темными пятнами, определить их характер без химического анализа не представлялось возможным. Некоторые из них могли быть пятнами крови, другие выглядели как следы обычного загрязнения. Там присутствовали жир, уголь и, возможно, воск. Кромка подола была изрядно потрепана и кое-где надорвана. В самой ткани платья имелись разрывы, самые крупные из которых были аккуратно зашиты. Нора взяла лупу и тщательно изучила пятна и разрывы. Ремонт осуществлялся с помощью цветных нитей, среди которых совсем не было зеленых. Бедная девочка использовала тот материал, который оказывался под рукой.

Ткань не носила следов повреждений, сделанных грызунами или насекомыми, поскольку оставалась плотно замурованной в нише. Нора сменила лупу и, вглядевшись более внимательно, увидела пыль и черные, похожие на частицы угля крупинки. Она взяла пинцет и поместила несколько черных крошек в прозрачный пластмассовый

пакет. В складках ткани имелись какие-то еще более мелкие фрагменты, и, чтобы изучить их, ей пришлось прибегнуть к помощи бинокулярного микроскопа.

Как только она отрегулировала фокус, ее взгляду открылись десятки высохших трупиков вшей, вцепившихся в грубые нити ткани. Среди армии дохлых вшей имелись останки нескольких гигантских блох и еще каких-то неизвестных ей мелких насекомых. Это неаппетитное зрелище заставило ее непроизвольно оторваться от микроскопа.

Посмеявшись в душе над своей неожиданной брезгливостью, Нора снова прильнула к окулярам, чтобы продолжить исследование. Платье являло собой подлинный кладезь чуждых человеку биологических объектов и микроскопических предметов, на полное изучение которых у химика-криминалиста ушло бы несколько недель. «Интересно, какую пользу, учитывая его стоимость, мог бы принести подобный анализ?» – подумала она.

Тишина в офисе вдруг показалась Норе настолько глухой, что по спине поползли мурашки. Она повернулась, и от изумления у нее отвалилась челюсть. Над ней, держа руки за спиной, возвышался специальный агент ФБР Пендергаст.

– Господи! – воскликнула Нора, вскакивая со стула. – Вы меня до смерти напугали!

– Приношу все свои извинения, – слегка поклонившись, ответил Пендергаст.

– Мне казалось, что я заперла дверь.

– Вы это действительно сделали.

– Может быть, вы волшебник, агент Пендергаст? Или вы просто вскрыли мой замок?

– И то, и другое. Понемногу, – улыбнулся он. – Но замки в музее настолько примитивны, что слово «вскрыть» по отношению к ним вряд ли уместно. Однако я здесь достаточно известен, и это вынуждает меня действовать тайно.

– Вас не затруднило бы впредь предупреждать меня о своем появлении?

– Вчера у вас этой вещи не было, – произнес Пендергаст, показывая на платье.

– Вы правы, не было.

– Вы очень предприимчивы, доктор Келли.

– Вчера ночью я вернулась…

– Умоляю. Никаких подробностей о вашей сомнительной деятельности. Тем не менее разрешите вас поздравить.

Невооруженным глазом было заметно, насколько доволен Пендергаст.

– Продолжайте, прошу вас.

Нора вернулась к работе, и через некоторое время Пендергаст снова заговорил:

– В тоннеле имелось много предметов одежды. Почему вы выбрали именно это платье?

Не говоря ни слова, Нора раздвинула складку и указала на грубый шов в хлопчатобумажной ткани подкладки. Пендергаст тут же шагнул к столу.

– Там зашит клочок бумаги, – пояснила она. – Я наткнулась на платье в тот момент, когда нас начали изгонять с площадки.

– Не мог бы я позаимствовать вашу лупу?

Она, не поворачиваясь, протянула ему лупу. Агент склонился над платьем и внимательно его осмотрел. Профессионализм, с которым это было сделано, произвел на Нору сильное впечатление.

– Чрезвычайно поспешная работа, – сказал он. – Обратите внимание, что все остальные стежки и штопка выполнены очень аккуратно, чуть ли не любовно. Платье, вне сомнения, было лучшим нарядом девочки. Однако этот разрыв зашит нитью, выдернутой из ткани платья, и проколы имеют неровные края. Думаю, что они сделаны древесной щепкой. Итак, у нее не было ни времени, ни иглы.

Нора навела линзы бинокуляра на шов и включила вмонтированную в прибор фотокамеру, чтобы сделать снимки при разном увеличении. После этого она поставила макролинзы и произвела еще серию снимков. Нора работала уверенно и точно, зная, что Пендергаст наблюдает за всеми ее действиями.

Покончив с фотографированием, Нора отодвинула микроскоп в сторону и взялась за пинцет.

– Открываю шов. – Она захватила кончик нити и начала осторожно извлекать нить из ткани. Через несколько минут кропотливой работы шов открылся.

Нора поместила нить в одну из пробирок и отвернула ткань подкладки.

Под ней оказался дважды сложенный клочок бумаги, явно оторванный от книжной страницы.

Девушка осторожно развернула его при помощи двух пар щипцов с широкими каучуковыми губками. На внутренней стороне листка оказалась надпись, сделанная грубыми, корявыми буквами. Часть слов была смазана или слегка выцвела, но все остальное можно было прочитать без всякого труда.

ня завут Мэри Грин взраст 19 № 16 Уоттер-стрит

Нора положила листок под линзы микроскопа и взглянула на запись при небольшом увеличении. Через несколько мгновений она отступила в сторону, давая возможность Пендергасту посмотреть на записку. Пендергаст надолго приник к окулярам. Лишь через несколько минут он оторвался от микроскопа и сказал:

– Начертано, как мне кажется, той же щепкой.

Нора кивнула, соглашаясь. Буквы были неровными, и на бумаге виднелись царапины.

– Вы позволите мне кое-что проверить? – спросил он.

– Что именно?

Пендергаст извлек из кармана небольшой пузырек с притертой пробкой и сказал:

– Для этого мне придется взять с записки совсем крошечный образец чернил и поместить его в этот раствор.

– Что это такое?

– Сыворотка крови кролика.

– Действуйте.

«Забавно, что Пендергаст таскает с собой набор химикатов, используемых в криминальных расследованиях, – подумала она. – Интересно, что еще скрывается в бездонных недрах его черного костюма?»

Пендергаст вынул из пузырька пробку, на которой оказался крошечный волосяной ежик. Он прикоснулся ежиком к краю письма и тут же вернул пробку на место. Затем агент ФБР слегка встряхнул сосуд и поднес его к окну. Через миг жидкость в нем посинела.

– Итак? – спросила Нора, хотя по выражению его лица сразу все поняла.

– Записка, доктор Келли, написана человеческой кровью, и я не сомневаюсь в том, что это кровь самой девушки.

Глава 8

В кабинете повисла мертвая тишина. Нора вдруг ощутила, что ей необходимо присесть. Некоторое время никто из них не произнес ни слова. До Норы из какого-то немыслимого далека доносились шум уличного движения, телефонные звонки, шаги в коридоре. Перед ее мысленным взором постепенно вставала полная картина их открытия: тоннель, тридцать шесть расчлененных трупов и страшное послание из позапрошлого века.

– Что это, по-вашему, может означать? – спросила она.

– Есть лишь одно объяснение. Девушка знала, что не выйдет из подвала живой, и не хотела умереть в безвестности. Поэтому она написала свое имя, возраст, домашний адрес, а затем тщательно спрятала записку. Это ее эпитафия. В единственно доступной для нее форме.

– Как это ужасно, – содрогнувшись всем телом, сказала Нора.

Пендергаст подошел к полке, а она взглядом следила за его действиями.

– С кем мы имеем дело? – спросила она. – Неужели с серийным убийцей?

Пендергаст не ответил, а на его лице появилось то же самое тревожное выражение, которое она уже видела во время раскопок. Агент ФБР молча стоял у книжной полки.

– Вы позволите задать вам вопрос? – спросила Нора.

Пендергаст кивнул.

– Почему вы так заинтересовались этим делом? Серийные убийства, случившиеся сто тридцать лет назад, вряд ли попадают в сферу интересов ФБР.

Пендергаст снял с полки глиняный сосуд работы индейцев анасази, повертел его в руках и произнес:

– Какая прекрасная черно-белая керамика в стиле Кайента. Как, кстати, продвигается ваше исследование?

– Не очень хорошо. Музей не дает мне денег на производство радиоуглеродного анализа. А без анализа я не смогу закончить датировку. Но все же, что это…

– Отлично.

– Отлично?

– Доктор Келли, вам знаком термин «кабинет диковин»?

Нора еще раз подивилась способности этого человека неожиданно менять тему.

– По-моему, это своего рода коллекция различных курьезов природы?

– Именно. И эти кабинеты явились предтечами современных музеев естественной истории. Многие образованные джентльмены восемнадцатого и девятнадцатого веков колесили по миру, собирая по пути необычные экспонаты: древние окаменелости, кости, сушеные человеческие головы, чучела птиц и все такое. Первоначально они, чтобы позабавить своих друзей, выставляли свои находки в кабинетах. Позже, когда стало ясно, что на этом можно зарабатывать деньги, некоторые из этих кабинетов редкостей превратились в коммерческие предприятия. Их по-прежнему называли кабинетами, хотя коллекции уже размещались в нескольких залах.

– Но какое отношение это все имеет к убийствам?

– В тысяча восемьсот сорок восьмом году богатый молодой человек из Нью-Йорка – его звали Александр Мэрисас – отправился в охотничью экспедицию по земному шару, начиная с южных районов Тихого океана и кончая Огненной Землей. Он умер на Мадагаскаре, но его коллекция – одна из самых лучших в то время – вернулась в Нью-Йорк в трюме принадлежавшего покойному корабля. Коллекция была целиком скуплена предпринимателем по имени Джон Кэнади Шоттам. Этот Шоттам и открыл в тысяча восемьсот пятьдесят втором году Кабинет природных диковин и иных редкостей.

– И что же из этого следует?

– Кабинет Шоттама находился в здании, стоявшем над тоннелем, в котором были обнаружены скелеты.

– Как вы это узнали?

– Мой хороший друг работает в публичной библиотеке Нью-Йорка. Через тоннель, который вы обследовали, подавался уголь в котельную дома. Это было трехэтажное здание в неоготическом стиле, весьма популярном в пятидесятых годах девятнадцатого века. На первом этаже находился сам кабинет и что-то еще, имевшее название «Циклорама». На втором был офис Шоттама, а весь третий этаж сдавался. Кабинет, кажется, пользовался большим успехом, несмотря на то что район Пяти углов, или Пяти улиц, если хотите, считался в то время самыми отвратительными трущобами Манхэттена. Дом сгорел в тысяча восемьсот восемьдесят первом году, а Шоттам погиб в огне. Полиция подозревала поджог, но предполагаемого поджигателя так и не нашли. Место оставалось пустырем все время до возведения жилого квартала в тысяча восемьсот девяносто седьмом году.

– А что там было до кабинета Шоттама?

– Небольшая свиная ферма.

– Значит, все эти люди были убиты в то время, когда там находился кабинет?

– Именно.

– И вы считаете, что убил их Шоттам?

– Этого пока мы не знаем. Битое стекло, которое я нашел в тоннеле, состояло в основном из пробирок и частей аппарата для дистилляции. На осколках я обнаружил следы различных химикатов, и их состав еще предстоит проанализировать. Нам следует узнать как можно больше о мистере Шоттаме и о его кабинете диковин. А сейчас не хотите ли вы составить мне компанию?

Он галантно открыл дверь кабинета, и Нора машинально вышла в коридор. Пендергаст не умолкал, пока они шли по коридору и поднимались в лифте на пятый этаж. Когда двери кабины с шипением раздвинулись, Нора наконец пришла в себя.

– Подождите. А куда, собственно говоря, мы идем? Меня ждет работа.

– Как я сказал, мне требуется ваша помощь.

Это было произнесено с такой самоуверенностью, что Нора почувствовала раздражение. Неужели агент ФБР считает, что купил ее время?

– Простите, но я археолог, а не детектив.

– А разве между занятием археологией и сыском имеется различие? – спросил Пендергаст, вскинув брови.

– Почему вы решили, что это дело меня может заинтересовать?

– Оно уже вас интересует.

Самоуверенность этого типа была просто возмутительной, хотя то, что он сказал, полностью соответствовало истине.

– И каким образом я объясню все это в музее?

– Именно с этой целью, доктор Келли, у нас и назначена встреча.

С этими словами он указал на дверь в конце коридора с именем владельца кабинета, начертанным на деревянной панели золотыми буквами.

– Только не это! – простонала Нора. – Ни за что!

* * *

Роджер Брисбейн по-прежнему восседал в кресле фирмы «Баухаус», и рукава его белоснежной рубашки от «Тернболл и Ассер» по-прежнему были закатаны с ювелирной точностью. Первый заместитель президента с ног до головы был живым воплощением образа идеального юриста. Драгоценные камни мирно покоились за стеклом в своих бархатных гнездах. Они были единственным источником тепла в этом стерильном кабинете. Первый зам кивком головы указал на пару кресел. Судя по всему, Брисбейн пребывал в дурном расположении духа.

– Специальный агент Пендергаст... – протянул Брисбейн, заглянув в свой календарь и полностью игнорируя присутствие Норы. – Почему мне знакомо ваше имя?

– Мне уже приходилось работать в музее, – ответил Пендергаст.

– На кого вы работали?

– Вы меня не совсем поняли. Я сказал "в", а не «на».

– Не имеет значения, – махнул рукой Брисбейн. – Понимаете, мистер Пендергаст, я люблю проводить утро дома. Простите, но я не уловил, какие чрезвычайные обстоятельства потребовали моего присутствия на рабочем месте в столь ранний час.

– Преступление никогда не дремлет, мистер Брисбейн, – сказал Пендергаст, и Норе показалось, что она уловила в голосе агента легкую насмешку.

Брисбейн посмотрел на Нору и тут же снова отвел глаза.

– Доктор Келли трудится в музее. Мне показалось, что об этом я смог вам достаточно ясно сказать по телефону. Музей всегда рад оказать помощь ФБР, но я не вижу, чем мы можем быть вам полезными именно в этом деле.

Вместо того чтобы ответить, Пендергаст посмотрел на драгоценные камни и сказал:

– А я и не знал, что знаменитый сапфир «Звезда Индии» снят с экспозиции. Ведь это же «Звезда Индии», не так ли?

– Мы регулярно меняем экспозицию, – чуть поерзав в кресле, ответил Брисбейн. – Публика должна видеть, что хранится в наших запасниках.

– И, как я вижу, вы храните... м-м... избыточные запасы у себя.

– Мистер Пендергаст, я все же не понимаю, каким образом мы можем быть вам полезны.

– Данное преступление по своему характеру является уникальным, а вы со своей стороны располагаете уникальными ресурсами. Этим ресурсом я и намерен воспользоваться.

– Преступление, о котором вы говорите, произошло в музее?

– Нет.

– На принадлежащей музею собственности?

Пендергаст отрицательно покачал головой.

– В таком случае боюсь, что мой ответ будет отрицательным.

– И это ваше последнее слово?

– Абсолютно. Мы не можем допустить, чтобы музей, пусть даже косвенно, занимался полицейской деятельностью. Наше участие в сыскной работе, разного рода исках или иных сомнительных мероприятиях может неоднозначно отразиться на репутации музея. И это, мистер Пендергаст, вам прекрасно известно.

Пендергаст достал из кармана жилета какую-то бумагу и положил на стол перед Брисбейном.

– Что это? – спросил Брисбейн, не взглянув на листок.

– Устав музеев города Нью-Йорка.

– Какое отношение устав имеет к этому делу?

– Там сказано, что служащие музея должны оказывать безвозмездную помощь городу Нью-Йорку. Это входит в круг их обязанностей.

– Мы это делаем, организуя работу музея.

– В этом и состоит суть проблемы. До сравнительно недавнего времени отдел антропологии вашего учреждения на регулярной основе помогал полиции в проведении экспертиз. Это было прямой обязанностью отдела. Я не сомневаюсь, что вы помните печально знаменитое убийство, получившее название «Мусорный бачок». Оно произошло седьмого ноября тысяча девятьсот тридцать девятого года.

– Очень сожалею, но боюсь, что как раз в тот день я не очень внимательно читал «Нью-Йорк таймс».

– Один из научных сотрудников музея стал главным лицом в раскрытии того преступления, – продолжал Пендергаст, не обращая внимания на сарказм Брисбейна. – Он обнаружил обгорелые остатки надбровной дуги в мусорном бачке. Экспертиза установила, что крошечный обломок является частью человеческого черепа, а это, в свою очередь…

– Мистер Пендергаст, я здесь не для того, чтобы выслушивать лекции по истории, – сказал Брисбейн и, поднявшись с кресла, стал надевать пиджак. – Мой ответ – «нет». Меня уже ждут неотложные дела. А вас, доктор Келли, я попросил бы вернуться на рабочее место.

– Мне очень грустно это слышать. Как ни печально, но ваш отказ отрицательно отразится на репутации музея.

Брисбейн на мгновение замер, а затем с ледяной улыбкой сказал:

– Должен ли я рассматривать ваши слова как угрозу, мистер Пендергаст?

Пендергаст, словно не услышав вопроса, продолжил в своей добродушной манере южанина:

– Дело в том, что устав прямо говорит об услугах городу за пределами обычной музейной работы. Вот уже более десяти лет ваш музей нарушает условия контракта с Нью-Йорком, несмотря на то что получает десятки миллионов из средств налогоплательщиков этого города. Музей не только не оказывает услуг городу, мистер Брисбейн. Он даже пошел на то, что закрыл свою библиотеку для всех граждан города, не имеющих степени доктора наук. Доступ к вашим запасникам имеет лишь избранный круг ученых мужей, и, ссылаясь на так называемые «авторские права», вы за все требуете деньги. Вы даже вознамерились взимать плату за вход, несмотря на то что в уставе прямо сказано: «...созданный в Нью-Йорке Музей естественной истории должен быть открыт для публики бесплатно и без каких-либо ограничений...»

– Разрешите взглянуть.

Брисбейн прочитал документ, и на его безупречно гладком лбу возникли едва заметные морщинки.

– Старые документы могут причинять большие неприятности, мистер Брисбейн. Не так ли? Конституция, например. Возникает каждый раз, когда вам меньше всего хочется о ней слышать.

Брисбейн уронил документ на стол, а его слегка покрасневшие щеки снова обрели присущий им здоровый розовый колер.

– Я должен вынести этот вопрос на Совет.

– Отличное начало, – улыбнулся Пендергаст. – Однако я, если позволите, предложил бы музею решать свои маленькие проблемы самостоятельно и без огласки. При условии, что доктор Келли мне поможет. Что скажете на это, мистер Брисбейн?

На некоторое время воцарилось молчание. Затем Брисбейн поднял на агента ФБР взгляд (теперь он смотрел на него как-то по-иному) и протянул:

– Понимаю…

– Заверяю, что не отниму у доктора Келли ни секунды лишнего времени.

– Не сомневаюсь.

– В основном ей придется заниматься архивной работой. Она останется на территории музея и в случае необходимости будет доступна по первому вызову.

Брисбейн ответил кивком.

– Таким образом мы избежим неприятной огласки. Все, как вы понимаете, останется между нами.

– Естественно. Это представляется мне наилучшим выходом.

– Кроме того, считаю своим долгом сообщить, что доктор Келли не искала никаких контактов со мной. Боюсь, что это я навязал ей свое общество. Она уже успела мне заявить, что предпочла бы работать со своими черепками.

– Понимаю.

Лицо Брисбейна стало непроницаемым, и Нора не могла понять, что он на самом деле думает. Она опасалась, что схватка между первым заместителем и специальным агентом ФБР скверно отразится на ее дальнейшей карьере. Подумав об этой печальной перспективе, девушка осуждающе посмотрела на Пендергаста.

– Вы сказали, что прибыли из Нового Орлеана, мистер Пендергаст? Я не ошибся?

– Не ошиблись. Хотя я вам этого не говорил.

Брисбейн уселся, откинулся на спинку кресла и произнес:

– Да, конечно. Новый Орлеан. Я должен был сразу догадаться об этом по вашей манере речи. Вам пришлось уехать далеко от дома, мистер Пендергаст.

Пендергаст отвесил легкий поклон и, открыв дверь, пропустил Нору первой. Девушка была вне себя от злости. Оказавшись в коридоре, она сказала:

– Вы использовали меня вслепую. Ведь я совершенно не представляла, с какой целью мы отправляемся к Брисбейну. Все это мне крайне не нравится.

– Методы моей работы нельзя назвать ортодоксальными, – сказал Пендергаст, обращая на нее взгляд своих светлых глаз. – Но они имеют свои преимущества.

– Какие же именно, если не секрет?

– Мои методы весьма действенны.

– Да. Но как быть с моей карьерой?

– Хотите выслушать предсказание? – улыбнулся Пендергаст.

– Почему бы и нет, если оно того стоит?

– Когда наше расследование закончится, вас повысят в должности.

– Точно, – фыркнула Нора. – Особенно если учесть, что вы все время шантажировали и унижали моего босса.

– Боюсь, что я плохо выношу мелких бюрократов. Вредная привычка, от которой никак не могу избавиться. Тем не менее, доктор Келли, вы скоро поймете, что шантаж и унижение, если ими правильно пользоваться, могут приносить прекрасные результаты.

Люди науки

Глава 1

Бесконечно большой Центральный архив музея располагался глубоко в подвале. Лишь прошагав по извилистым коридорам и сменив несколько лифтов, можно было добраться до него. Нора не только никогда не бывала в архиве, но и не знала никого, кто его когда-либо посещал. Спускаясь глубже и глубже в чрево музея, она все сильнее опасалась, что заблудилась, пропустив какой-то поворот.

До того как согласиться на работу в музее, Нора приняла участие в одной из экскурсий по его бесконечным галереям и узнала множество фактов. Это был самый большой в мире музей естественной истории. Два десятка сооруженных в девятнадцатом веке и соединенных переходами зданий являли собой лабиринт из трех тысяч комнат. Общая длина коридоров и разного рода переходов составляла примерно две сотни миль. Но знание статистики не спасало от приступов клаустрофобии, которые порождал вид бесконечных пустынных коридоров. «В этом месте, – подумала Нора, – даже у самого Минотавра поехала бы крыша».

Она остановилась, посмотрела на план и вздохнула. Перед ней тянулся длинный и совершенно прямой коридор с кирпичными стенами. Освещали его электрические лампы, защищенные металлической сеткой. От этого коридора под прямым углом уходил другой, столь же длинный и прямой. Пахло пылью. Срочно требовалось найти какую-то веху – точку, которая позволила бы определить ее местонахождение. Нора огляделась.

На находящейся поблизости от нее металлической двери висел замок, а на панели имелась надпись: «Гигантозавры». На двери, расположенной чуть дальше, было написано: «Каликотерии и тапироиды». Нора снова обратилась к подробному плану и нашла, хотя и не сразу, место, в котором находилась. Оказывается, она не заблудилась. Вход в архив был чуть впереди, за очередным углом. Нора зашагала по коридору, слушая перестук своих каблуков по бетонному полу.

Девушка остановилась перед массивными двустворчатыми дверями. На дубовой, несущей на себе следы времени дверной панели значилось: «Центральный архив». Нора постучала, прислушиваясь к негромкому стуку в помещении за дверью. Послышался шорох бумаги, звук от удара брошенной на стол книги и громкое отхаркивание, а через пару секунд она услышала чей-то довольно писклявый голос:

– Минуточку…

Затем до нее донеслось неторопливое шарканье, за которым последовал звук множества открываемых замков и запоров. Дверь открылась, и перед Норой оказался маленький, но довольно тучный старичок. У старца был крючковатый красный нос, а на плечи ниспадали космы седых волос, полукружием обрамлявших сверкающий купол черепа. Как только старик поднял глаза, на его покрытом склеротическими прожилками меланхоличном лице появилась приветственная улыбка.

– Входите, входите, – сказал он. – И пусть вас не пугают эти многочисленные запоры. Я хоть и старый человек, но не кусаюсь. Fortunate senex![3]

Нора шагнула через порог. Все вокруг нее было покрыто пылью. Слой пыли лежал даже на изрядно потертых лацканах пиджака старикана. На допотопном письменном столе стояла лампа с зеленым абажуром, бросая пятно света на заполонившие стол бумаги. На краю стола располагалась старинная пишущая машинка марки «Ройял», которая, пожалуй, оставалась единственным свободным от пыли предметом. В глубине комнаты виднелись загруженные книгами и коробками полки из кованого железа. Эти бесконечно длинные полки растворялись в темноте, словно в мрачных глубинах океана. Сумрак не позволял Норе определить подлинные размеры помещения.

– Вы, наверное, Рейнхарт Пак? – спросила она.

Старик закивал настолько энергично, что его щеки и галстук-бабочка заколебались в унисон.

– К вашим услугам, – произнес он и низко поклонился.

Норе даже показалось, что старец вознамерился приложиться к ее руке. Но этого не случилось. Старик выпрямился и начал хрипло откашливаться.

– Мне нужна информация о… о кабинетах диковин, – протянула Нора, не будучи уверенной в том, что правильно назвала интересующие ее объекты.

Старик, уже приступивший к процессу запирания замков, поднял голову, а его слезящиеся глаза запылали энтузиазмом.

– Ах вот как! В таком случае вы не ошиблись и пришли куда надо! Музей поглотил почти все кабинеты диковин старого Нью-Йорка. Мы получили их коллекции и документы. Итак, с чего начнем?

– В свое время в Нижнем Манхэттене имелся Кабинет диковин Шоттама.

– Шоттам… – наморщил лоб старец. – Ах да! Этот парень Шоттам пользуется в последнее время большой популярностью. Но начнем по порядку. Распишитесь в журнале посещений, и мы двинемся в путь.

Он знаком пригласил ее проследовать к письменному столу и извлек из него на свет переплетенный в кожу гроссбух. Потертая кожа переплета была такой древней на вид, что у Норы возникло желание потребовать гусиное перо. Однако ей пришлось ограничиться простой шариковой ручкой, при помощи которой она написала на линованной странице свое имя и название отдела.

– К чему все эти замки и щеколды? – спросила она, возвращая ручку. – Мне казалось, что все наиболее ценные предметы – например, золото, алмазы – содержатся в специально охраняемой зоне.

– Все это – затеи наших новых начальников. Устроили эту ерунду после неприятностей, случившихся в музее несколько лет назад. Вообще-то дел у нас здесь немного. У нас в основном бывают исследователи да соискатели докторской степени. Иногда, правда, нас удостаивают своим посещением и богатые спонсоры, почему-то интересующиеся историей науки.

Старик вернул журнал регистрации в стол и направился к батарее старинных электрических выключателей из слоновой кости. Их рукоятки были настолько большими, что походили на вешалки для

одежды. Старец щелкнул выключателями, и где-то в темной глубине архивов загорелись огоньки. Пак медленно пошел на свет, шаркая ногами по полу. Нора двинулась следом, вглядываясь на ходу в темнеющие по сторонам стеллажи. Ей казалось, что она бредет через темный лес на свет далеких окон гостеприимной хижины.

– Кабинеты диковин – один из моих самых любимых предметов, – говорил Пак, не оборачиваясь. – Как вам, несомненно, известно, первый кабинет редкостей был создан в тысяча восемьсот четвертом году Делакуртом. Это была отличная коллекция. Законсервированный в виски глаз кита, набор зубов гиппопотама, найденный в Нью-Джерси бивень мастодонта. И там было последнее яйцо птицы дронт. Яйцо было доставлено еще жизнеспособным, но после того, как его выставили на обозрение, оно оказалось разбитым, и... Ага! А вот мы и на месте. – Старик замер, постоял немного, а затем снял с полки коробку и открыл ее.

Однако вместо материалов из коллекции Шоттама Нора увидела три куска скорлупы огромного птичьего яйца.

– Яйцо не находится в главной коллекции музея только потому, что не имеется точных данных о его происхождении, – пояснил старец и, облизав губы, почтительно добавил: – Кабинет естественной истории Делакурта... Они брали за вход двадцать пять центов. Деньги по тем временам совсем немалые.

Вернув коробку на место, он подошел к соседней полке и спросил:

– Итак, что же вы хотели узнать о собрании Делакурта?

– Вообще-то меня интересует Кабинет природных диковин Шоттама. Джона Кэнади Шоттама, – сказала Нора, стараясь ничем не выдать своего нетерпения.

Торопить мистера Пака было делом бесперспективным.

– Да-да. Шоттама, – сказал старец, продолжая копаться в ряду коробок, папок и книг.

– Как музей получил все эти коллекции? – спросила Нора.

– Когда музей открыл бесплатный доступ к своим собраниям, большинство кабинетов разорилось. Значительная часть их экспонатов, да будет вам известно, была поддельной.

– Поддельной?

– Именно, – напыщенно кивнул мистер Пак. – Телята с двумя головами, одна из которых была, как вы понимаете, пришита. Кости кита,

выкрашенные в коричневый цвет и выдаваемые за останки динозавров. У нас здесь имеются образцы.

Он двинулся к следующей полке, а Нора стала размышлять о том, как направить этот поток информации в нужное русло.

– В то время кабинеты были повальным увлечением. Даже Барнум начал свою карьеру, прикупив кабинет, известный под названием «Американский музей Скаддера». Барнум первым добавил в коллекцию живые экспонаты. А это, юная леди, положило начало цирку.

– Живые экспонаты?

– Первым экспонатом стала Джойс Хет – усохшая старая негритянка. Барнум утверждал, что даме сто шестьдесят один год и что она когда-то была нянькой Джорджа Вашингтона. Наш Тинбери Макфадден уличил Барнума во лжи.

– Тинбери Макфадден? – переспросила начинавшая впадать в панику Нора. Ей стало казаться, что она отсюда никогда не выберется.

– Тинбери Макфадден. Куратор музея в семидесятых и восьмидесятых годах позапрошлого века. Страшно увлекался кабинетами диковин. Странный парень. Однажды взял и исчез.

– Меня интересует кабинет Шоттама, – сказала Нора. – Джона Кэнади Шоттама.

– Мы туда и направляемся, юная леди, – сказал Пак, начиная проявлять некоторые признаки раздражения. – От него, надо сказать, мало что осталось, поскольку он сгорел в тысяча восемьсот восемьдесят первом году.

– Значительная часть предметов была собрана человеком по имени Мэрисас. Александр Мэрисас, – сказала Нора в надежде удержать старика в рамках заданной темы.

– Вот кто действительно был странным парнем! – обрадовался Пак. – Из богатого нью-йоркского семейства. Умер на Мадагаскаре. Насколько мне помнится, туземный вождь сделал из его кожи зонт, чтобы защитить своего младенца-внука от солнца…

Они шли в лабиринте полок, прогибавшихся под тяжестью папок с бумагами, картонных коробок и множества странных предметов. Пак пощелкал выключателями, и перед ними вспыхнули очередные лампы, образуя островки света в окружающем их океане тьмы. Довольно скоро они вышли на свободное от стеллажей пространство, где на дубовых платформах стояли крупные экспонаты. Там были покрытый шерстью,

слегка усохший, но все еще огромный мамонт, белый слон и безголовый жираф. Пак снова остановился, и сердце Норы опять куда-то ухнуло.

– Кабинеты в старину шли на все, чтобы привлечь публику. Взгляните на этого детеныша мамонта. Его нашли в вечной мерзлоте на Аляске. – Старикан запустил руку под брюхо великана и на что-то нажал. Послышался негромкий щелчок, и в животе открылась крышка люка. – Это входило в представление, – продолжал Пак. – На стенде рядом с экспонатом было написано, что мамонт был заморожен сто тысяч лет тому назад и что ученый на глазах почтенной публики попытается вернуть его к жизни. Еще до начала шоу в брюхо мамонта залезал человек небольшого роста. Когда другой парень, изображавший ученого, после короткой лекции начинал разогревать тушу с помощью жаровни, сидящий в брюхе малыш принимался шевелить хоботом и издавать странные звуки. Зал после этого, как вы понимаете, очень быстро освобождался. Люди в то время были гораздо наивнее и чище, чем теперь, – фыркнул Пак и аккуратно закрыл крышку люка.

– Да, да, – сказала Нора. – Все это, мистер Пак, чрезвычайно интересно, и я высоко ценю вашу экскурсию. Но у меня, к сожалению, очень мало времени, и мне очень хотелось бы поскорее увидеть материалы Шоттама.

– Мы уже на месте, – заявил Пак, подкатил к стеллажу стремянку, поднялся по ней в темноту и тут же спустился с небольшой коробкой в руках. – Ах, какое счастье! Получите своего мистера Шоттама. Боюсь, что это был не самый интересный кабинет. И поскольку он сгорел, от него мало что осталось… Всего лишь эти бумаги. Ну и беспорядок! – возмутился Пак, заглянув в коробку. – Не понимаю, если учитывать… Ах да! Когда вы покончите с этим, я покажу вам материалы Делакурта. Гораздо более полные, чем эти.

– Боюсь, что у меня на это нет времени. Во всяком случае, сегодня.

Пак печально вздохнул, а Нора посмотрела на старика, непроизвольно испытывая к нему чувство жалости.

– А это – письмо от Тинбери Макфаддена, – продолжал говорить старик, извлекая из коробки выцветший листок. – Макфадден помогал вашему Шоттаму классифицировать млекопитающих и птиц. Он консультировал многих держателей кабинетов. Сам задавал себе работу. – И, порывшись в коробке, Пак добавил: – Макфадден и Шоттам были хорошими друзьями.

– Могу я познакомиться с содержимым коробки? – спросила Нора после некоторого раздумья.

– Знакомьтесь, но только в исследовательской комнате. Из архива ничего нельзя выносить.

– Понимаю... – протянула Нора и добавила: – Значит, Макфадден и Шоттам были добрыми друзьями... Скажите, а материалы Макфаддена тоже хранятся у вас?

– И вы еще спрашиваете, здесь ли они? Великий Боже! Да у нас здесь горы его документов. И предметов из его коллекции! У него был превосходный кабинет, но публику туда не допускали. Оставил все музею, но поскольку предметы не имели атрибуции, их поместили в архив. Как свидетельство истории. Там, наверху, утверждают, – презрительно фыркнул Пак, – что научной ценности его собрание не имеет и для экспозиции не годится.

– Могу я взглянуть на материалы Макфаддена?

– Конечно! – радостно воскликнул Пак и, если так можно выразиться, сорвался с места. – Они здесь рядом. За углом.

Старый архивист и Нора остановились у двух стеллажей. Они были заполнены коробками и папками. К одной из коробок был прикреплен листок бумаги. Выцветшая надпись говорила, что в коробке содержатся предметы, переданные мистером Дж.К. Шоттамом мистеру Т.Ф. Макфаддену в качестве вознаграждения за оказанные последним услуги. Пояснительную надпись сопровождал перечень переданных предметов. Нижняя полка была уставлена разнообразными любопытными предметами. Там находились завернутые в вощеную бумагу чучела животных, весьма подозрительного вида окаменелости, двухголовый, плавающий в здоровенной винной бутылке поросенок, свернувшаяся в узел высушенная гигантская анаконда и чучело цыпленка с шестью ногами и четырьмя крыльями. Особое внимание Норы привлек странный на вид ларец, сделанный из ноги слона.

Пак трубно высморкался, вытер заслезившиеся глаза и сказал:

– Бедняга Тинбери в гробу перевернулся бы, если бы узнал, что его бесценная коллекция закончит свое существование здесь. Он-то считал, что она имеет огромную научную ценность. Конечно, то было время, когда многие сотрудники музея были дилетантами без достаточной научной базы.

– Получается, что Шоттам передавал Макфаддену предметы из своей коллекции в качестве оплаты за работу? – решила уточнить Нора, показывая на пояснительную надпись.

– Весьма распространенная в то время практика.

– Следовательно, некоторые из этих предметов первоначально находились в кабинете Шоттама?

– Вне всякого сомнения.

– Не могла бы я познакомиться и с ними?

– Я перенесу все это добро в исследовательскую комнату и помещу на столы, – не скрывая восторга, ответствовал Пак. – Как только все будет готово, я вас извещу.

– Сколько времени на это уйдет?

– Один день. – От удовольствия старик даже покраснел. Он был счастлив, что смог оказаться полезным.

– Может быть, вам нужна помощь?

– Да, конечно. Мой помощник Оскар будет рад помочь.

– Оскар? – переспросила Нора, оглядываясь по сторонам.

– Оскар Гиббс. Вообще-то он работает в хранилище скелетов. У нас здесь не так много посетителей. Когда требуется помощь, я его вызываю.

– Огромное вам спасибо, мистер Пак. Вы очень добры.

– Пустяки. Встреча с вами, милая девочка, доставила мне огромное удовольствие.

– Я приду с коллегой.

По лицу мистера Пака пробежало легкое облачко.

– С коллегой? У нас введены новые правила безопасности и все такое... – Он замолчал, явно испытывая смущение.

– Правила?

– В архивы допускаются только сотрудники музея. Раньше они были открыты для всех, а теперь ими могут пользоваться только сотрудники. И члены попечительского совета, естественно.

– Специальный агент Пендергаст имеет отношение к музею.

– Агент Пендергаст? Звучит знакомо... Пендергаст. Да, я его помню. Джентльмен с Юга. О Боже... – На лице старика промелькнуло выражение ужаса. – Что ж, как вам будет угодно. Я жду вас завтра в девять утра.

Глава 2

Патрик Мерфи О'Шонесси сидел в кабинете капитана и ждал, когда начальник отлипнет от телефонной трубки. Он томился в ожидании добрых пять минут, но за все это время Кастер даже не взглянул в его сторону. Впрочем, Патрика это вполне устраивало. О'Шонесси без всякого интереса изучал стены кабинета, начиная с висевших на видном месте сверкающих металлических призов, полученных участком за успехи в стрельбе, и кончая картиной на самой дальней стене. На картине была изображена стоящая на краю болота крошечная хижина. В ночном небе сияла полная луна, а из окон строения на воду лились желтые полосы света. Сотрудники седьмого участка не переставали удивляться тому, что их капитан, при всей своей манерности и претензиях на высокую культуру, повесил на стене кабинета столь унылое произведение. Кое-кто даже выступил с предложением скинуться и приобрести для офиса капитана нечто более жизнерадостное. О'Шонесси веселился вместе со всеми, но сейчас он вдруг прочувствовал настроение картины. В ней присутствовало что-то живое и очень трогательное.

Стук возвращенной на место телефонной трубки вернул его к действительности. Он поднял глаза и увидел, что капитан нажимает кнопку интеркома.

– Сержант Нойс, зайдите ко мне.

О'Шонесси отвел взгляд в сторону. Приглашение сержанта не сулило ему ничего хорошего. Нойс совсем недавно пришел в участок из службы собственной безопасности, где прославился своим умением лизать задницу начальству. Кастер явно готовил какую-то гадость.

Нойс возник в кабинете практически мгновенно. Создавалось впечатление, что он стоял под дверью. Скорее всего так оно и было. Сержант, полностью проигнорировав О'Шонесси, вежливо кивнул капитану и уселся на ближайшее к столу кресло, не прекращая при этом жевать резинку. Сделано это было так аккуратно, что красная кожа кресла почти не промялась. К морде сержанта была, как всегда, приклеена подобострастная улыбка.

Лишь после этого Кастер счел возможным обратить свое внимание на О'Шонесси.

– Скажи мне, Пэдди, – начал он своим писклявым голосом, – как поживает последний в роду коп ирландского происхождения?

О'Шонесси, выдержав паузу, достаточно длинную для того, чтобы капитан мог почувствовать в его словах вызов, произнес:

– Меня зовут Патрик, сэр.

– Патрик, Патрик. Но мне казалось, что все называют тебя Пэдди, – продолжил Кастер, утратив значительную часть напускной сердечности.

– И кроме того, сэр, в полиции Нью-Йорка все еще очень много ирландцев.

– Это точно. Но скажи, сколько среди них тех, кого величают Патрик Мерфи О'Шонесси? Это же типично ирландское имя. Такое же, как Хаим Мойше Финкельштейн для евреев или Винни Скарпетта Готти делла Гамбино для итальянцев. Этническое, можно сказать. Весьма этническое. Но пойми меня правильно, я лично ничего против этнических меньшинств не имею. Все народы хороши.

– Даже очень, – подхватил Нойс.

– Более того, я постоянно подчеркиваю необходимость национального разнообразия в личном составе. Разве не так?

– Так точно, сэр, – ответил О'Шонесси.

– Как бы то ни было, Патрик, но у нас возникла небольшая проблема. Несколько дней назад на строительной площадке нашли тридцать шесть скелетов, а строительная площадка, как это ни печально, расположена на территории нашего участка. Руковожу расследованием лично я, а строительство ведет фирма «Моген – Фэрхейвен». Ты слышал о такой?

– Еще бы, – ответил О'Шонесси, со значением глядя на гигантский золотой колпачок вечного пера, торчащий из нагрудного кармана Кастера.

На прошлое Рождество мистер Фэрхейвен осчастливил этими дорогими ручками начальников всех полицейских участков Нью-Йорка.

– Крупное предприятие. Куча денег, масса друзей. Весьма достойные люди. И вот, Патрик, на их пути встают скелеты, которым больше сотни лет. Насколько мы понимаем, какой-то маньяк девятнадцатого века прикончил всех этих людей, а трупы укрыл в подвале. Ты улавливаешь?

О'Шонесси молча кивнул.

– Ты когда-нибудь имел дело с ФБР?

– Никак нет, сэр.

– ФБР имеет склонность видеть в полицейских дураков и делает все, чтобы держать нас в неведении. Это их радует.

– Да, они ведут именно такую игру, – вмешался Нойс, склонив голову.

Волосы на голове сержанта были пострижены коротко, на армейский манер, но он каким-то образом ухитрялся набриолинить их до блеска.

– Видишь, и сержант так считает, – сказал Кастер. – Надеюсь, ты понимаешь, Патрик, что мы имеем в виду?

– Так точно, сэр.

Он прекрасно понимал, что его собираются втравить в какое-то тухлое дело, связанное с ФБР.

– Вот и хорошо. По какой-то совершенно непонятной для нас причине вокруг стройплощадки шляется агент ФБР. О причинах своего интереса он нам не говорит. Он даже не здешний. Прибыл в Нью-Йорк откуда-то из Нового Орлеана. Но у него имеются связи. Я их сейчас проверяю. Ребята из местного отделения конторы любят его не больше, чем мы. Они о нем кое-что рассказали, и то, что я услышал, мне очень не понравилось. Где бы он ни появлялся, там сразу возникают неприятности. Ты меня слушаешь?

– Так точно, сэр.

– Парень сует свой нос повсюду. Желает видеть кости. Требует ознакомить его с выводами патологоанатома. Одним словом, жаждет получить все на свете. Отказывается понять, что преступление давно принадлежит истории. Мистер Фэрхейвен начинает проявлять беспокойство и не желает, чтобы эта история раздувалась сверх меры. Он уже звонил мэру. Мэр, в свою очередь, связался с комиссаром Рокером. Комиссар обратился к коммандеру, а тот позвонил мне. Все это означает, что история со скелетами стала моей заботой.

«Теперь это дерьмо буду разгребать я», – подумал О'Шонесси, согласно кивая.

– Первоочередной заботой, – вставил Нойс.

О'Шонесси постарался придать своему лицу максимально равнодушное выражение.

– Итак, слушай план действий. Я намерен назначить тебя офицером связи между департаментом полиции города Нью-Йорка и специальным агентом ФБР, прибывшим в наш город из Нового Орлеана. Ты прилипнешь к нему, как муха к гов... хм-м... меду. Я хочу знать, что парень делает, куда ходит, но в первую очередь то, на что он нацеливается. Формально ты откомандирован ему в помощь. Но это только формально, так что можешь не надрываться. Парень уже успел достать множество людей. Вот, почитай сам, – закончил капитан, протягивая О'Шонесси бумагу.

– Вы хотите, чтобы я работал в форме? – спросил ирландец, принимая из рук шефа листок.

– В этом-то вся штука! Присосавшийся к нему, как пиявка, коп в форме нанесет существенный урон его дешевому снобизму. Ты усекаешь?

– Так точно, сэр.

Капитан откинулся на спинку кресла и, окинув О'Шонесси скептическим взглядом, спросил:

– Ты сможешь сделать это, Патрик?

– Без сомнения, – сказал полицейский и поднялся с кресла.

– Я спрашиваю об этом, поскольку обратил внимание на то, как ты с недавнего времени стал относиться к работе, – сказал Кастер, почесывая кончик носа. – Послушай дружеский совет. Побереги это настроение для агента Пендергаста. И никаких личных отношений. Это последнее, что тебе может потребоваться.

– Никаких отношений, сэр. Я, сэр, служу лишь для того, чтобы охранять покой общества. – Слово «служу» он произнес со своим наилучшим ирландским акцентом. – Желаю успешно провести остаток утра, капитан.

О'Шонесси направился к себе, но, находясь еще на пороге, услышал, как капитан сказал Нойсу:

– Высокомерная задница… Слишком много о себе думает.

Глава 3

– Прекрасный день для посещения музея, – сказал Пендергаст, поглядывая на сгущающиеся облака. Патрик Мерфи О'Шонесси промолчал, так как не был уверен в том, шутит агент или нет. Коп, вперив взгляд в пустоту, стоял на ступенях, ведущих к дверям его полицейского участка на Элизабет-стрит. Шуткой ему казалась вся эта затея. Причем шуткой глупой. Агент ФБР в черном костюме больше всего смахивал на гробовщика и ничем не напоминал сотрудника правоохранительных органов. А его акцент южанина уже давно стал затасканным клише в третьеразрядных фильмах. «Интересно, как эта светловолосая и белоглазая задница вообще ухитрилась проскочить через академию ФБР в Квантико?» – удивлялся ирландец.

– Музей «Метрополитен», сержант, – грандиозное культурное явление. Это один из величайших художественных музеев мира. Но вам это, безусловно, уже известно. Не пора ли в путь?

О'Шонесси пожал плечами. Музеи или не музеи, но он был обязан оставаться с этим парнем. До чего же дерьмовое задание!

Когда они спустились по ступеням, к ним тут же подкатил длинный серебристый автомобиль, стоявший до этого с включенным двигателем на углу улицы. О'Шонесси не мог поверить своим глазам. «Роллс-ройс»!

Пендергаст предупредительно распахнул для него дверцу.

– Конфискован у наркодельцов? – спросил О'Шонесси.

– Нет. Личная машина.

Все сходится. Новый Орлеан. Они там все такие. Все на крючке у мафии. Теперь ирландец понял, что представляет собой этот парень. Прибыл в Нью-Йорк с заморочками, связанными с наркотиками. Кастер решил встрять в дело и из всех подчиненных посадил на хвост этому типу его, О'Шонесси. С каждой минутой ситуация становилась все более хреновой.

– После вас, – сказал Пендергаст, удерживая дверцу. О'Шонесси скользнул в автомобиль и мгновенно утонул в белой и нежной, словно сливки, коже. Пендергаст уселся рядом.

– Музей «Метрополитен», – бросил он шоферу.

Когда автомобиль двинулся, О'Шонесси увидел, что на ступенях стоит Кастер и пялится на «роллс». У ирландца вдруг возникло сильное искушение сделать капитану ручкой, и лишь ценой больших усилий он сумел сдержаться.

О'Шонесси внимательно посмотрел на Пендергаста и произнес:

– Желаю успеха, мистер специальный агент ФБР.

Он отвернулся к окну. Попутчик сидел молча.

– Моя фамилия Пендергаст, – наконец представился агент.

– А мне это без разницы. – О'Шонесси не отрывал взгляда от окна. Выдержав паузу продолжительностью не менее минуты, полицейский спросил: – Зачем нам музей? Любоваться мертвыми мумиями?

– Мне ни разу не доводилось встречать живой мумии, сержант. Но в любом случае мы направляемся не в отдел Древнего Египта.

«Умник хренов», – подумал сержант. Интересно, сколько раз ему придется выполнять подобные задания? Из-за единственной, совершенной пять лет назад ошибки он навсегда остался для всех мистером Никчемным. Каждый раз, когда появлялось какое-нибудь совершенно абсурдное дело, он слышал: «У нас возникли кое-какие проблемы, О'Шонесси, ты как раз тот человек, который сможет их решить». Обычно это была какая-нибудь дешевка. Но парень в «роллс-ройсе», похоже, рыба крупная. И дело, в которое его втравили,

было, судя по всему, не совсем законным. О'Шонесси вспомнил о своем давно покинувшем этот мир отце, ощутив при этом легкое чувство стыда. Пять поколений О'Шонесси честно служили в полиции, а теперь все пошло коту под хвост. Ирландец сомневался, что сможет протянуть еще одиннадцать лет. Это позволило бы ему отправиться в раннюю отставку с пенсией, доплатами и привилегиями.

– Что за игру вы затеяли? – спросил О'Шонесси.

Хватит. Он уже давно не сосунок и впредь будет действовать с открытыми глазами. Нельзя допустить, чтобы на него опять полилось дерьмо, как только он поднимет глаза на начальство.

– Сержант...

– Да?

– Никаких игр я не веду.

– Еще бы. Конечно, не ведете, – фыркнул О'Шонесси, решив, что подобную вольность он может себе позволить. – Игр вообще никто никогда не ведет, – добавил сержант и почувствовал на себе внимательный взгляд агента ФБР. Сам же он продолжал упорно смотреть в сторону.

– Боюсь, сержант, что у вас сложились несколько ложные представления, – пропел агент своим южным акцентом. – Но мы эту ошибку без труда исправим. Я прекрасно понимаю, почему вы пришли к подобному умозаключению. Пять лет назад вы оказались на пленке, якобы зафиксировавшей факт получения вами двухсот долларов от проститутки. Вы приняли эти деньги в обмен на ее свободу. Насколько я помню, в ваших кругах подобные действия называются «вымогательство». Я не ошибся?

О'Шонесси вдруг почувствовал слабость во всем теле, на смену которой тут же пришел гнев.

Сержант ничего не ответил. Да и что здесь можно сказать? Было бы гораздо лучше, если бы они тогда сразу уволили его из полиции.

– Пленку направили в службу собственной безопасности, и сотрудники службы нанесли вам визит. Но доклады о том, что произошло, существенно разнились, и доказать вашу прямую вину они не смогли. Однако ущерб так или иначе был нанесен, и ваша карьера с тех пор приобрела статический характер.

О'Шонесси следил, как за окном машины убегают назад дома Нью-Йорка. «Статический характер». Это означает, что он с тех пор вообще не продвинулся по службе.

– И с той поры вам доверяли только весьма сомнительные дела. Мальчик на побегушках в серой зоне. Не сомневаюсь, что именно так вы смотрите и на текущее дело.

О'Шонесси, не отрывая взгляда от окна, произнес нарочито усталым тоном:

– Я не знаю, какие игры вы ведете, Пендергаст. Но слушать ваши рассуждения у меня нет ни малейшего желания.

– Я видел запись.

– Значит, вам повезло.

– Между прочим, я слышал, что проститутка умоляла вас ее отпустить и при этом утверждала, что сутенер ее изобьет, если вы этого не сделаете. Затем, как мне сказали, дама настаивала на том, чтобы вы взяли двести долларов, и что если вы этого не сделаете, сутенер решит, что она сдала его полиции. Если вы возьмете деньги, говорила она, сутенер подумает, что ей удалось откупиться. Я не ошибся? Значит, вы взяли эти доллары?

О'Шонесси, наверное, тысячу раз прокручивал в уме эту сцену. Какая теперь разница? Он не должен был брать бабки. Более того, приняв две сотни, он не пожертвовал их на благотворительные цели. Сутенеры ежедневно колотят проституток, и ему следовало оставить ее плыть по течению.

– С тех пор вы приобрели несвойственный вам ранее цинизм. Вы устали. Вы решили, что сама идея «защиты правопорядка и служения обществу» – не более чем фарс. Особенно на улицах этого города, где невозможно отличить правых от виноватых, где никто не заслуживает защиты и определенно недостоин того, чтобы ему служили.

– Вы, надеюсь, закончили анализ моей личности? – после продолжительного молчания спросил О'Шонесси.

– На данный момент закончил. Хочу добавить лишь одно: вы совершенно правы, вы снова получили весьма сомнительное задание. Но совсем не в том смысле, как вам это представляется.

Последовавший за этим период молчания растянулся на несколько минут.

«Роллс-ройс» остановился перед светофором, и О'Шонесси воспользовался этим, чтобы исподтишка изучить Пендергаста. Но агент, словно почувствовав, что за ним наблюдают, мгновенно поймал его взгляд. О'Шонесси чуть не подпрыгнул от изумления. Ведь всего лишь за миг до этого парень смотрел совсем в другую сторону.

– Да, кстати, вам удалось побывать в прошлом году на выставке «История одежды»? – спросил Пендергаст.

Это было сказано непринужденным и весьма располагающим тоном.

– Где?

– Из этого я заключаю, что вы пропустили эту великолепную выставку. «Метрополитен» имеет прекрасную коллекцию одежды, начиная с образцов раннего Средневековья. Большая часть костюмов находится в запасниках. Но в прошлом году они организовали выставку, показывающую, какую эволюцию претерпела одежда за последние шесть веков. Потрясающая выставка! Вы знаете, что все дамы в Версале при дворе Людовика Четырнадцатого должны были иметь талию не более тринадцати дюймов? Меньший объем, естественно, допускался. А известно ли вам, что платья этих изящных дам весили тридцать – сорок фунтов?

О'Шонесси обнаружил, что у него нет ответа на эти вопросы. Странный и неожиданный поворот в теме беседы привел ирландца в состояние полного замешательства.

– Я также с интересом обнаружил, что в пятнадцатом веке гульфики у мужчин...

Рассказ об этом открытии безжалостно прервал визг тормозов. Водитель «роллс-ройса» с трудом избежал столкновения с такси, пытавшимся пересечь три полосы движения.

– Ох уж мне эти варвары-янки, – беззлобно произнес Пендергаст. – Так о чем это я? Ах да. О гульфиках...

«Роллс» влился в поток машин центральной части Манхэттена, и О'Шонесси с тоской подумал, что путешествие может затянуться.

* * *

Стены Большого зала музея были облицованы мрамором и украшены цветами, а сам зал был забит посетителями чуть ли не под завязку. О'Шонесси болтался без дела, пока странный агент ФБР вел беседу с одной из добровольных помощниц музея, восседавшей в бюро справок. Девица подняла трубку телефона, произнесла в нее несколько слов и с крайне недовольным видом бросила трубку на место. О'Шонесси не имел ни малейшего понятия, что затевает Пендергаст. За все время довольно продолжительного путешествия он так и не услышал ничего, что могло бы пролить свет на намерения агента.

Ирландец огляделся по сторонам. В Большом зале в основном толпились обитатели Верхнего Ист-Сайда. Разодетые с ног до головы дамочки стучали каблуками по каменным плитам пола. Облаченные в

форму школьники вели себя чинно и тихо. По залу с задумчивым видом бродили престарелые ученые мужи в твидовых пиджаках. О'Шонесси то и дело ловил на себе неодобрительные взгляды, словно посещение «Метрополитена» в полицейском мундире было проявлением дурного вкуса. Подобное отношение к защитникам порядка только усилило мизантропию ирландца. «Лицемеры», – подумал он.

Пендергаст сделал знак рукой, и, миновав строй билетеров, они оказались в самом музее. Затем, пройдя мимо шкафа с монетами Древнего Рима, они вступили в анфиладу залов, заполненных статуями, вазами, картинами и иными разнообразными предметами искусства. Пендергаст говорил не закрывая рта, но в переполненных посетителями залах стоял такой шум, что О'Шонесси с трудом улавливал лишь отдельные слова.

Толпа заметно поредела, когда они вошли в отдел искусств народов Азии. Миновав еще несколько залов, Пендергаст и О'Шонесси оказались перед дверями из серого металла. Пендергаст без стука распахнул их, и перед ними открылась небольшая приемная. За столом из светлого дерева сидела девица потрясающей красоты. При виде полицейской формы глаза красотки слегка округлились. О'Шонесси одарил девицу устрашающим взглядом.

– Чем могу вам помочь, джентльмены? – спросила она у Пендергаста, не сводя глаз с ирландца.

– Сержант О'Шонесси и специальный агент Пендергаст желают повидаться с доктором Уэллсли.

– У вас с ней назначена встреча?

– Увы, нет.

– Простите, специальный агент… – неуверенно начала девица.

– Пендергаст. Федеральное бюро расследований.

Лицо секретарши залилось краской.

– Минуточку, – сказала она и подняла трубку. Звонок телефона в кабинете был прекрасно слышен в приемной. – Доктор Уэллсли, – сказала девица, – здесь находятся специальный агент Пендергаст из ФБР и полицейский офицер. Они хотят с вами встретиться.

Голос доктора Уэллсли можно было услышать в приемной. Голос звучал сухо, сурово и настолько по-английски, что сержант О'Шонесси непроизвольно ощетинился.

– Если они не явились, чтобы меня арестовать, то пусть джентльмены договорятся с вами о времени встречи. Как и все остальные. А сейчас я занята.

После этого из кабинета донесся громкий стук брошенной на аппарат трубки.

Секретарша растерянно подняла глаза на посетителей и пролепетала:

– Доктор Уэллсли...

Но Пендергаст уже шагал к двери, за которой обретался источник голоса. «Вот это уже похоже на дело», – подумал сержант, когда Пендергаст, резко распахнув дверь, шагнул через порог. Похоже, что парень, несмотря на свою субтильность, терпеть не может, когда на него начинают давить. Он умеет переступать через всякое дерьмо.

И в этот момент ирландец услышал полный сарказма голос:

– А вот и тот легендарный полицейский, о котором говорят, что он «в нужный момент всегда у порога твоего дома». Жаль, что дверь не была заперта и я не могла увидеть, как вы взламываете ее с помощью вашей дубинки.

Пендергаст, как показалось О'Шонесси, пропустил эту тираду мимо ушей. Его южный говор наполнил кабинет необыкновенным теплом.

– Доктор Уэллсли, – сказал он, – я посмел побеспокоить вас только потому, что вы являетесь непревзойденным авторитетом в истории одежды. И надеюсь, что вы позволите мне высказать восхищение тем, как вы провели атрибуцию греческого пеплоса из Вергины. Лично меня ваше открытие просто потрясло.

– Эта лесть, мистер Пендергаст, по крайней мере открывает для вас путь в мой кабинет, – сказала доктор Уэллсли после некоторой паузы.

О'Шонесси вошел вслед за Пендергастом в небольшой, но очень приятный кабинет, говоривший о прекрасном вкусе его владелицы. Мебель, казалось, перекочевала сюда прямиком из залов музея, а стены были украшены превосходными акварелями восемнадцатого века с изображением оперных костюмов. Ирландцу показалось, что это были костюмы Фигаро, Розины и графа Альмавивы из «Севильского цирюльника». Оперное искусство было единственной тайной страстью и слабостью О'Шонесси.

Полицейский сел и скрестил ноги. Но от этой позы ему сразу пришлось отказаться, поскольку антикварное кресло оказалось чрезвычайно неудобным. Впрочем, вполне могло быть и так, что он сам занимал слишком много места. В этой утонченной обстановке его синий мундир

казался страшно вульгарным. Он снова посмотрел на акварели, и в его голове зазвучали отрывки хорошо знакомых арий.

Доктор Уэллсли была весьма привлекательной дамой лет за сорок, а стиль ее одежды не мог не вызвать восхищения.

– Мне кажется, что мои картины пришлись вам по вкусу, – сказала она, окинув ирландца проницательным взглядом.

– Очень, – подтвердил О'Шонесси. – Но если учесть, что им приходилось петь и танцевать в париках, бальных туфлях и узких камзолах, смахивающих на смирительные рубашки, то этим парням не позавидуешь.

– У вашего коллеги весьма своеобразное чувство юмора, – произнесла ученая дама, обращаясь к Пендергасту.

– Несомненно.

– Итак, чем могу быть вам полезной, джентльмены?

Агент ФБР извлек из недр своего костюма небольшой и не очень тугой сверток.

– Я хотел бы, чтобы исследовали это платье, – сказал он, разворачивая бумагу над столом специалистки по костюмам.

Увидев предмет предстоящего исследования, дама в ужасе отшатнулась. Состояние платья ввергло ее в шок.

О'Шонесси же, напротив, встрепенулся. Он уловил специфический запах платья. Весьма специфический. Ему даже показалось, что этот парень Пендергаст занимается действительно серьезным делом.

– О Боже! Умоляю... – сказала дама, отступая от стола и поднося к носу ароматный платочек. – Я не веду полицейской работы. Немедленно уберите эту отвратительную вещь.

– Эта отвратительная вещь, доктор Уэллсли, принадлежала девятнадцатилетней девушке, убитой больше ста лет назад. Ее тело препарировали, расчленили и замуровали в стене угольного тоннеля в Нижнем Манхэттене. В платье оказалась записка, которую девушка написала собственной кровью. Там было ее имя, возраст и адрес. Больше ничего. Чернила подобного рода не располагают к многословию. Это была записка ребенка, который знал, что скоро умрет. Она понимала, что никто ей не поможет, ничто не спасет. Она хотела лишь, чтобы ее тело опознали – девочка страшилась быть забытой. В то время я не мог ей помочь и хочу сделать это сейчас. Именно поэтому я здесь.

Платье в руках Пендергаста едва заметно дрожало, и О'Шонесси вдруг понял, что это дрожат руки агента, не способного обуздать свои эмоции. Во всяком случае, так ирландцу показалось. И это было для него откровением. Оказывается, даже в ФБР есть сотрудники, не лишенные человеческих чувств.

После этого страстного выступления Пендергаста в комнате повисла мертвая тишина.

Не говоря ни слова, Уэллсли склонилась над платьем, потеребила материю пальцами, посмотрела изнанку и осторожно растянула ткань в разных направлениях. Затем вздохнула и опустилась в кресло.

– Это типичная одежда работного дома, – сказала она. – Стандартная вещь конца девятнадцатого века. На внешнюю сторону пошла дешевая шерстяная ткань – грубая, ворсистая, но достаточно теплая. Для подкладки взяли некрашеный хлопчатобумажный материал. По характеру раскроя и манере шитья можно предположить, что девочка шила его своими руками, используя ткань, выданную ей в работном доме. Там, как правило, использовали ткань нескольких основных цветов – зеленого, голубого, серого и черного.

– Вы не определите, о каком работном доме может идти речь?

– Это невозможно. В Манхэттене в девятнадцатом веке их было достаточно много. Официально эти учреждения называли «Промышленными домами». Туда принимали брошенных детей, сирот и приводили тех, кто убегал из дома. Суровые, порой жестокие заведения, управляемые так называемыми «глубоко верующими».

– Не могли бы вы датировать платье более точно?

– О точной дате не может быть и речи. Но оно похоже на жалкую имитацию стиля, популярного в начале восьмидесятых годов позапрошлого века, – так называемый стиль Мод, или, если точнее, стиль Магдалины Мейкин. Девушки работных домов, как правило, пытались копировать приглянувшиеся им модели из дешевых журналов и грошовых рекламных изданий. И это все, что я могу сказать, – закончила со вздохом доктор Уэллсли.

– Если вам что-то придет на ум, меня всегда можно найти через сержанта О'Шонесси.

Доктор Уэллсли бросила взгляд на грудь полицейского и кивнула.

– Благодарю вас за то, что вы согласились потратить на нас свое время, – сказал агент ФБР, начиная скатывать платье. – Выставка, которую вы курировали в прошлом году, была просто великолепной.

Доктор Уэллсли снова ответила ему молчаливым кивком.

– В отличие от многих выставок в ней присутствовали и мысль, и юмор. В первую очередь это относится к разделу гульфиков. Он оказался таким забавным...

Завернутое в бумагу, платье лишилось своей способности внушать ужас. Воцарившаяся в кабинете мрачная атмосфера начала постепенно исчезать. Однако О'Шонесси, повторяя капитана Кастера, задавал себе вопрос, с какой стати агент ФБР заинтересовался преступлением, случившимся сто тридцать лет назад.

– Очень признательна вам за то, что вы заметили тонкости, которые прошли мимо внимания профессиональных критиков, – ответила дама. – Да, мне хотелось, чтобы публика немного позабавилась. Когда начинаешь разбираться в проблеме, то становится ясно, что человеческая одежда – за пределами требований комфорта и скромности – может быть до абсурда нелепой.

– Доктор Уэллсли, – сказал, поднимаясь с кресла, Пендергаст, – ваша экспертиза оказалась для нас чрезвычайно ценной.

– Зовите меня София, – ответила ученая дама, тоже вставая.

О'Шонесси заметил, что она смотрит на Пендергаста с новым интересом.

Пендергаст с улыбкой поклонился и повернулся, чтобы направиться к выходу. Дама обошла вокруг стола и проводила его через всю приемную. У дверей, ведущих в коридор, София Уэллсли остановилась и сказала, залившись краской:

– Надеюсь на новую встречу, мистер Пендергаст. И очень скорую. Возможно, даже за ужином.

Пендергаст промолчал.

– Что же, – после нескольких мгновений неловкого молчания сухо произнесла доктор Уэллсли, – вы знаете, где меня можно найти.

Они снова прошли через кишащие людьми и забитые бесценными предметами искусства залы, не обращая внимания на кхмерские ритуальные одежды, инкрустированные драгоценными камнями погребальные раки, греческие скульптуры и аттические краснофигурные вазы. Спустившись по широким каменным ступеням, они оказались на Пятой авеню. О'Шонесси машинально насвистывал мелодию хора из «Аиды». Если Пендергаст и слышал его свист, то виду не подал.

* * *

Спустя минуту О'Шонесси скользнул в белый кожаный кокон «роллс-ройса». Когда дверца машины захлопнулась, к нему вернулась благословенная тишина. Сержант так и не смог до конца понять, что такое агент Пендергаст. Не исключено, что, несмотря на весь свой утонченный вкус, парень все же на уровне. Как бы то ни было, решил ирландец, но в обществе агента следует держать глаза открытыми, а ухо востро.

– Через парк к Музею естественной истории, пожалуйста, – сказал Пендергаст водителю. Как только машина отъехала от тротуара, агент ФБР повернулся к О'Шонесси и спросил: – Как получилось, что ирландец-полицейский стал любителем итальянской оперы?

О'Шонесси от неожиданности вздрогнул. Разве он упоминал об опере?

– Вы скверно умеете скрывать свои мысли, сержант. Я обратил внимание на то, что, рассматривая акварели костюмов «Севильского цирюльника», вы машинально выстукивали указательным пальцем правой руки ритмику арии Розины из первого акта.

– За кого вы себя принимаете? – спросил О'Шонесси. – Неужто за самого Шерлока Холмса?

– Не часто встречаются полицейские, которые любят оперу.

– А как вы? Вы-то оперу любите?

– Терпеть не могу. Опера была своего рода телевизором девятнадцатого века: такая же горластая, вульгарная и безвкусная, с сюжетами, рассчитанными на интеллект ребенка. Причем ребенка дебильного.

Впервые за все время знакомства с агентом О'Шонесси позволил себе слегка улыбнуться.

– Пендергаст, на это я могу сказать лишь то, что ваша интеллектуальная мощь не столь велика, как вам представляется. Боже, какой же вы филистер!

Его улыбка стала шире, когда на физиономии Пендергаста на миг появилась гримаса недовольства. Все-таки он сумел его достать!

Глава 4

Нора провела Пендергаста и унылого полицейского через двери Центрального архива. Она была страшно рада, что сумела добраться до цели, не сбившись с пути. Пендергаст чуть задержался на пороге, глубоко вздохнул и сказал:

– Дух истории. Упивайтесь им, сержант.

Он вытянул руки и пошевелил пальцами, словно разогревая их для встречи со старинными документами.

Рейнхарт Пак, тряся головой, двинулся навстречу Пендергасту. Старик вытер вспотевшую плешь носовым платком и сунул платок в карман плохо повинующимися пальцами. Появление специального агента доставляло ему радость, но в то же время и тревожило.

– Доктор Пендергаст, – сказал старик, – новая встреча с вами доставляет мне огромное удовольствие. Боюсь, что мы не встречались с вами со времени больших неприятностей тысяча девятьсот девяносто пятого года. Вам удалось тогда отправиться в путешествие на Тасманию?

– Да, конечно, – ответил Пендергаст. – Весьма тронут тем, что вы это помните. Мои познания в сфере австралийской флоры существенно возросли.

– А как продвигается исследовательская работа в вашем отделе?

– Превосходно, – ответил Пендергаст и добавил: – Позвольте мне представить вам сержанта О'Шонесси.

Сержант выступил из-за спины Пендергаста, и старик сразу приуныл.

– О Боже… Ведь у нас есть правило. Только сотрудники музея…

– Я готов за него поручиться, – сказал Пендергаст не терпящим возражения тоном. – Офицер О'Шонесси – один из наиболее выдающихся представителей замечательной полиции нашего города.

– Понимаю, понимаю, – с несчастным видом пробормотал Пак и принялся запирать замки. – Но вам всем придется записаться в журнале. – Отвернувшись от дверей, он добавил: – А это мистер Гиббс.

Оскар Гиббс приветствовал их коротким кивком. Это был невысокий афроамериканец с гладко выбритой головой. При своем небольшом росте он был так плотно сбит, что казался вырезанным из деревянной колоды. Мистера Гиббса с ног до головы покрывала пыль, и пребывание в архиве, судя по его виду, удовольствия ему не доставляло.

– Мистер Гиббс оказался настолько добр, что перенес все интересующие вас предметы в исследовательскую комнату, – сказал Пак. – Как только мы завершим формальности, я вас туда провожу.

Они расписались в журнале и двинулись в темноту. Пак, как и в прошлый раз, пощелкал лишь некоторыми выключателями. После путешествия, показавшегося им бесконечным, они оказались у самой дальней стены архива. В стене находилась дверь с закрытым проволочной сеткой окошком. Громко звеня ключами, Пак деловито открыл замок и распахнул дверь, пропуская вперед Нору.

Девушка переступила через порог и, как только загорелся свет, замерла в изумлении.

Стены от мраморного пола до роскошного потолка в стиле рококо были покрыты дубовыми панелями. В центре комнаты господствовали массивные дубовые столы с ножками в форме мощных звериных лап с выпущенными когтями. Столы были окружены опять же дубовыми стульями, с сиденьями и спинками, обитыми красной кожей. Над каждым столом находились люстры из кованой меди с хрустальными подвесками. На двух столах были расставлены различные предметы, а на третьем разложены книги, документы, папки, стояли какие-то коробки. В дальней стене комнаты находился огромный, обрамленный мрамором камин с очагом из красного кирпича. На всей обстановке и даже в самом духе помещения чувствовался налет времени.

– Невероятно! – прошептала Нора.

– Да, – согласился Пак. – Это одно из самых красивых помещений музея. В свое время историческим исследованиям придавалось большое значение. Времена изменились. O tempora, o mores![4] И так далее и тому подобное. – Он печально вздохнул и продолжал: – Прошу вас извлечь из карманов все пишущие инструменты и надеть на руки вот эти льняные перчатки. Кроме того, мне придется, доктор, изъять на время ваш атташе-кейс.

Старик с явным неудовольствием посмотрел на револьвер и наручники, свисающие с пояса О'Шонесси, но ничего не сказал.

Они отдали ручки и натянули белоснежные, без единого пятнышка, перчатки.

– А теперь я удаляюсь. Когда вы захотите уйти, позвоните мне по местному номеру четыре-два-четыре-ноль. Если вам потребуются фотокопии, заполните один из этих бланков.

Старик вышел и прикрыл за собой дверь. Через мгновение послышался звук запираемого замка.

– Неужели он нас закрыл? – изумился О'Шонесси.

– Стандартная процедура, – кивнул Пендергаст.

О'Шонесси отошел в глубину комнаты. «Какой странный человек», – подумала Нора. Спокойный, непроницаемый и по-ирландски красивый. Пендергасту он, похоже, нравится. Что же до самого ирландца, то ему, судя по его виду, вообще никто не нравится.

Агент ФБР заложил руки за спину и медленно обошел первый стол, рассматривая поочередно все предметы. Проделав то же самое у второго

стола, он перешел к третьему, заваленному бумагами, папками и книгами.

– Пора взглянуть на перечень, о котором вы упоминали, – произнес он, обращаясь к Норе.

Девушка молча показала на листок со списком предметов, найденный ею за день до этого. Пендергаст взял бумагу и повторил обход столов. Глядя на чучело окапи, он сказал:

– Эта вещь поступила от Шоттама. И эта тоже. – Он показал на ларец из ноги слона. – Так же как три чехла для пениса и высушенная человеческая голова. Все это было передано Макфаддену в качестве оплаты за его услуги Шоттаму. – Он наклонился, внимательно посмотрел на сушеную голову и добавил: – Фальшивка. Не человек, а обезьяна. Доктор Келли, не могли бы вы заняться бумагами, пока я буду изучать экспонаты?

Нора заняла место за третьим столом. Там находилась небольшая коробка с перепиской Шоттама, еще один ящик больших размеров и пара папок, видимо, с бумагами Макфаддена. Первым делом она открыла коробку Шоттама. Как и сказал Пак, документы в ней пребывали в полнейшем беспорядке. Все находящиеся там письма имели примерно одно и то же содержание – вопросы, связанные с классификацией и идентификацией, дискуссии с другими учеными по различным, порой загадочным для нее темам. Переписка проливала свет на любопытные сюжеты в развитии естественноисторических взглядов конца девятнадцатого века, но в ней не было ничего, что могло бы помочь найти разгадку совершенного в то время ужасающего преступления. Нора читала короткие письма, и перед ней постепенно вставал образ Дж.К. Шоттама, и этот образ никак не соответствовал ее представлениям о серийном убийце. Он казался ей безобидным человеком, немного взбалмошным, чуть-чуть узколобым в своих взглядах. Может быть, даже вздорным, когда дело касалось научных проблем. Все его интересы вращались вокруг естественной истории. «Впрочем, ни в чем нельзя быть уверенной», – думала Нора, перекладывая чуть отдающие плесенью листки.

Не обнаружив ничего интересного, девушка переключилась на большую коробку, в которой содержались корреспонденция и иные документы Тинбери Макфаддена. В основном это были написанные фантастически мелким почерком короткие заметки давно умершего куратора. Темы самые разные, порой весьма странные. Там был лист с классификацией растений и животных и несколько, по большей части очень приличных, зарисовок цветов. На самом дне ящика оказался довольно толстый пакет с письмами различных ученых и коллекционеров. Письма были стянуты древней резинкой, которая рассыпалась от первого прикосновения.

Нора быстро перебирала корреспонденцию до тех пор, пока не дошла до пакета с письмами Шоттама. Первое из них начиналось словами: «Мой достойный коллега», за которыми следовало:

С настоящим направляю Вам любопытную реликвию, которая, как утверждают, происходите острова Кут в Индокитае. Это вырезанная из слоновой кости фигурка обезьяноподобного существа, находящегося в процессе совокупления с одной из индуистских богинь. Не могли бы Вы помочь мне в идентификации обезьяноподобного создания?

Ваш коллега Дж.К. Шоттам.

Нора взяла следующее письмо.

Дорогой коллега!

Во время нашей последней встречи в лицее профессор Бикмор продемонстрировал окаменелость, которая, по его словам, восходит к девонскому периоду. По утверждению профессора, окаменелость являет собой один из видов древнего иглокожего, обнаруженного в доломитах, именуемых доломитами Монморанси. Как это ни печально, но профессор Бикмор ошибается. Сам Ла Флев отнес данный тип доломитов к пермскому периоду. В этой связи считаю необходимым поместить в следующем номере «Бюллетеня лицея» соответствующее пояснение.

Нора быстро просмотрела остальные письма. Там оказались послания, адресованные и другим людям. Это была небольшая группа ученых-единомышленников, в которую входил и Шоттам. Во всяком случае, все они хорошо знали друг друга. Вполне могло оказаться, что в этот кружок входил и убийца.

Нора решила составить список корреспондентов с учетом характера их деятельности. Не исключено, что это была пустая трата времени, поскольку убийца мог быть сборщиком мусора или угольщиком. Но, вспомнив, с какой почти хирургической точностью были препарированы и расчленены тела, она эту возможность отвергла. Кроме того, следы на костных останках были оставлены скальпелем. Из этого следовало, что убийца имел прямое отношение к науке.

Вынув блокнот, она принялась за составление списка.

Письма к/от Тинбери Макфаддену:

Корреспондент. Предмет переписки. Род занятий. Даты

Дж.К. Шоттам. Лицей. Естеств. История, антропология. Владелец Кабинета природных диковин. Нью-Йорк. 1869-1881

Проф. А. Бикмор. Лицей, музей. Основатель Американского музея естеств. ист. 1865-1878

Др. Аза Джилкриз. Птицы. Орнитология. Нью-Йорк. 1875-1880

Полк, сэр Генри. Африканские. Коллекционер.

С. Трокмортон – млекопитающие, охотник.

Барт, (крупная дичь), член Королевского общества. Лондон. 1879 – 1880

Проф. Энох Ленг. Классификация. Таксидермист, химик. Нью-Йорк. 1872-1881

Мисс Джиневра Ларю. Христианская Благотворитель, миссия в Афр. Конго, в Баррибуло-Га. Нью-Йорк. 1870 – 1872

Дюмон Берли. Лицей. Окаменелости динозавров, коллекционер. Нефтяник. Колд-Спринг, Нью-Йорк 1875 – 1881

Др. Фердинанд Хант. Антропология, археология, коллекционер. Хирург. Остербей, Лонг-Айленд. 1869-1879

Проф. Хайрам Хюлстт. Рептилии и амфибии. Герпетолог. Стормхэвен, Мэн. 1871-1873

Предпоследнее имя в списке заставило Нору задуматься. Хирург. Кто такой доктор Фердинанд Хант? В коробке оказалось несколько его писем, написанных размашистым почерком на плотной, с удивительно красивым тиснением по верху листа бумаге. Нора принялась за чтение этих писем.

Мой дорогой Тинбери!

У туземцев одинга все еще широко практикуется варварский обычай так называемого «мужского участия». Во время путешествия в бассейне Вольты я имел возможность наблюдать процесс родов. Оказать помощь роженице мне, естественно, не позволили, но я прекрасно слышал вопли супруга, которые он издавал в тот момент, когда роженица в конвульсиях дергала за веревку, привязанную к мошонке мужчины. Позже мне как хирургу пришлось заняться полученными мужем повреждениями. Это были весьма серьезные разрывы…

Мой дорогой Тинбери!

Нефритовый фаллос ольмеков, который я Вам посылаю с этим письмом, был приобретен мною в Лавенте (Мексика) и предназначается для музея. Насколько мне известно, у Вас крайне

мало предметов весьма любопытной культуры древних мексиканских индейцев…

Девушка прочитала остальные письма хирурга, которые оказались на удивление однообразными. Доктор Хант описывал в них странные и довольно жуткие медицинские обычаи, свидетелем которых он был во время своих путешествий по Центральной Америке и Африке. Эти письма, судя по всему, сопровождали различные экспонаты, отправленные им в музей. Создавалось впечатление, что доктор испытывал нездоровый интерес к сексуальным обычаям туземцев. Это, по мнению Норы, делало его главным кандидатом в преступники.

Ощутив чье-то присутствие, она резко обернулась. За ее спиной стоял Пендергаст. Агент смотрел на записи с таким мрачным и печальным видом, что по спине девушки поползли мурашки.

– Почему вы всегда следите за мной? – устало спросила она.

– Что-нибудь интересное?

Вопрос был задан явно для проформы. Судя по мрачному виду агента, Нора поняла, что тот уже успел увидеть в ее списке нечто очень важное, нечто ужасное, но не хотел делиться с ней своим открытием.

– Ничего особенного. Вы слышали когда-нибудь о докторе Фердинанде Ханте?

Пендергаст без всякого интереса бросил взгляд на упомянутое Норой имя. Девушку поразило то, что у Пендергаста отсутствовал какой-либо запах. От него не пахло ни табаком, ни лосьоном, ни одеколоном. Абсолютно ничем.

– Хант, – сказал он наконец. – Известная на Восточном побережье семья. Одни из первых спонсоров музея. Я изучил все, кроме ларца из ноги слона. Не могли бы вы мне помочь?

Она прошла следом за ним к столу, на котором находились предметы из собрания Тинбери Макфаддена – весь запыленный ассортимент. Лицо Пендергаста снова обрело присущее ему непроницаемое выражение. Из темноты, не скрывая своего скептического отношения к происходящему, вынырнул сержант О'Шонесси. Нора недоумевала, какое отношение к Пендергасту имеет этот полицейский.

– Итак, это нижняя часть ноги слона, – произнес О'Шонесси. – И что же следует из этого неопровержимого факта?

– Это не просто нога, сержант, – ответил Пендергаст. – Перед нами ларец, или, если хотите, шкатулка, сделанная из ноги слона. Весьма популярная в позапрошлом веке вещь среди охотников на крупную дичь

и коллекционеров. Прекрасный образец, хотя слегка и потертый. Открываем? – спросил он, обращаясь к Норе.

Нора открыла бронзовые застежки и откинула крышку. Сероватая кожа казалась грубой и шероховатой даже под затянутыми в перчатки пальцами. По помещению начал растекаться неприятный запах. Шкатулка была пуста.

Нора посмотрела на Пендергаста. Если агент и был разочарован, то ничем этого не выдал.

Некоторое время вся небольшая группа пребывала в растерянности. Пендергаст склонился над открытой шкатулкой и несколько секунд изучал ее, оставаясь совершенно неподвижным. Двигались только его светло-голубые глаза. Затем он запустил пальцы в шкатулку и принялся ощупывать стенки, нажимая то в одном, то в другом месте. Вдруг раздался щелчок, и откуда-то снизу, подняв клуб пыли, выскочил длинный ящичек. Нора от неожиданности даже отпрянула.

– Весьма разумно, – сказал Пендергаст, извлекая из ящичка слегка выцветший и немного помятый конверт. Рассмотрев конверт со всех сторон, агент ФБР запустил затянутый в перчатку палец под клапан конверта, вскрыл его и достал несколько свернутых листков кремового цвета. Осторожно развернув листки, Пендергаст отгладил ладонью верхний из них и приступил к чтению.

Глава 5

Моему коллеге Тинбери Макфаддену

12 июля 1881 года

Уважаемый коллега!

Я пишу эти строки с искренней надеждой на то, что у Вас никогда не возникнет необходимости их прочитать, что я порву эти листки и брошу в ведерко для угля как продукт утомленного мозга и воспаленного воображения. Но в то же время в глубине души я чувствую, что мои самые худшие опасения соответствуют истине.

Все, что мне удалось обнаружить, вне всяких сомнений, указывает на этот факт. Я всегда стремился видеть в человеческих существах только хорошее. Ведь все мы, в конце концов, вылеплены из одинаковой глины, не так ли? Древние считали, что жизнь зародилась спонтанно в плодородном иле Нила, и кто я такой, чтобы ставить под вопрос подобный символизм? Эту, пусть даже и далекую от науки, веру? Но тем не менее, Макфадден, произошли такие ужасные события, которые не позволяют мне дать им невинное объяснение.

Вполне возможно, что те подробности, которые я привожу в этом послании, заставят Вас усомниться в состоянии моего разума. Поэтому, прежде чем продолжить, позвольте заверить, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Это послание должно послужить подтверждением как моей ужасающей теоремы, так и тех доказательств, которые я собрал для ее подтверждения.

Я уже делился с Вами своими постоянно возрастающими сомнениями относительно занятий Ленга. Вам, конечно, прекрасно известны причины, в силу которых я позволил ему занять комнаты на третьем этаже моего Кабинета. Выступления профессора Ленга в лицее продемонстрировали глубину его познаний в сфере науки и медицины. В области систематики и химии ему нет равных. Меня согревала мысль, что под крышей моего дома будут ставиться опыты, которые не только послужат делу просвещения, но и позволят нам всем заглянуть в будущее науки. Да и с практической точки зрения дополнительные финансовые поступления были для меня вовсе не лишними.

На первых порах моя вера в этого человека только укрепилась. Его деятельность в качестве куратора моего Кабинета можно охарактеризовать только в превосходной степени. Несмотря на то, что Ленг работал крайне нерегулярно, он был безупречно вежлив, хотя, на мой взгляд, излишне сдержан. Деньги в оплату за помещение профессор вносил регулярно и даже предлагал мне свои медицинские услуги, когда я стал жертвой гриппа в зимний период 73-го и 74-го годов.

Я затрудняюсь с точностью определить то время, когда во мне зародились первые искры подозрения. Как мне кажется, это было вызвано все большей степенью секретности, с которой Ленг вел свои дела. Хотя профессор первоначально обещал делиться со мной результатами своих экспериментов, он ни разу не пригласил меня на третий этаж. Первоначальный осмотр помещения во время подписания договора об аренде, как Вы понимаете, учитывать нельзя. Год шел за годом, он, как мне представлялось, все глубже и глубже погружался в свои исследования, а мне пришлось все больше и больше взваливать на себя заботы, связанные с Кабинетом диковин.

Я всегда считал, что Ленг весьма щепетильно относится к своим трудам.

Вы, без сомнения, помните весьма эксцентричное сообщение о некоторых комических чертах человеческого организма, сделанное им в лицее. Сообщение было принято довольно холодно, а некоторые ученые мужи оказались столь невоспитанными, что позволили себе хихикать как во время выступления, так и позже. Профессор Ленг

больше никогда не возвращался к этой теме. С тех пор все его презентации в лицее имели строго научную ориентацию. Поэтому вначале я объяснял его нежелание делиться плодами своей работы все той же присущей ему осторожностью. Однако по прошествии времени я начал понимать, что в своих действиях он руководствуется не профессиональной сдержанностью, а активным желанием скрыть характер своих научных занятий.

Как-то этой весной мне пришлось допоздна задержаться в кабинете, чтобы привести в порядок накопившиеся документы и подготовить место для экспонирования моего последнего приобретения – ребенка с двумя мозгами. Если помните, мы с Вами уже имели возможность обсудить это весьма любопытное явление. Работа с экспонатом оказалась более увлекательной, чем скучная разборка документов, и я был немало удивлен, когда услышал колокольный звон, возвестивший о наступлении полуночи.

В тот момент, когда я стоял, прислушиваясь к замирающему звону колокола, моего слуха коснулся совсем иной звук. Звук раздавался над моей головой. Это было тяжелое шарканье. Создавалось впечатление, что наверху кто-то переносит большой груз. У меня нет разумного объяснения, Макфадден, но в этом звуке было нечто такое, что заставило меня содрогнуться от ужаса. Я напряг слух. Звук постепенно стихал и окончательно исчез где-то в дальней комнате.

Как Вы понимаете, в тот момент я ничего не мог предпринять. Утром, вспомнив об этом странном явлении, я обвинил во всем свои утомленные нервы. У меня не было никакого основания тревожить Ленга, если я не получу доказательств того, что шаги эти были вызваны причинами зловещего свойства. Последнее, следует признаться, представлялось мне маловероятным. Я посчитал, что просто перенапрягся. Мне тогда удалось создать совершенно потрясающий фон для экспозиции трупика младенца с двумя мозгами, что в совокупности с поздним часом не могло не пробудить к жизни самые мрачные призраки, населяющие мое воображение. Одним словом, в конечном итоге я решил оставить странный шум на третьем этаже без всякого внимания.

Однако случилось так, что несколько недель спустя – а если быть точным, то на прошлой неделе, 5 июля, – произошло еще одно событие, к которому я хочу привлечь Ваше внимание со всей серьезностью. Обстоятельства, при которых это произошло, были примерно такими же, как и во время первого инцидента. Я готовил статью для журнала лицея и засиделся допоздна. Как Вам хорошо известно, составление письменных презентаций для научных учреждений, каким является лицей, дело для меня нелегкое, и я, чтобы хоть немного облегчить эту работу, обычно следую некоторым

правилам. Старинный письменный стол из тикового дерева, прекрасная веленевая бумага (на которой, кстати, пишу и это послание) и чернила цвета фуксии, изготовленные в Париже мсье Дюпеном, делают сочинительство не столь обременительным для меня занятием. В тот вечер вдохновение посетило меня раньше, нежели обычно, и примерно в половине одиннадцатого, чтобы продолжить работу, у меня возникла необходимость заточить несколько перьев. Чтобы совершить это, мне пришлось на несколько мгновений отвернуться от стола. Когда я снова обратил взор на стол, то, к немалому своему изумлению, увидел, что страница, на которой я только что писал, покрыта чернильными кляксами. Пятен, надо сказать, было не много.

Я всегда чрезвычайно осторожен в обращении с пером, и происхождение пятен явилось для меня неразрешимой загадкой. Лишь после того, как я использовал промокательную бумагу, чтобы устранить кляксы, я осознал, что они по цвету отличаются от цвета моих чернил. Таинственные пятна были несколько светлее. А взглянув внимательнее на промокательную бумагу, я увидел, что они по консистенции гуще, чем мои французские чернила, и имеют при этом гораздо более зловещий вид.

Представьте весь мой ужас, дорогой коллега, который я испытал, когда на мое запястье упала свежая капля. Это случилось в тот момент, когда я отрывал промокательную бумагу от листа.

Я тут же обратил взгляд на потолок над моей головой. С какой сатанинской выходкой я столкнулся? На потолке между досок я увидел небольшое, но уже расплывающееся темно-красное пятно.

Через несколько мгновений я оказался на третьем этаже и принялся колотить кулаками в дверь Ленга. Я не могу с точностью передать последовательность промелькнувших в моем сознании мыслей. Однако доминировала среди них мысль о том, что доктор стал жертвой преступления. В последнее время здесь циркулировали слухи о том, что в округе подвизается злобный и безжалостный убийца. Но кто обращает внимание на сплетни низших слоев общества, особенно в свете того, что убийства в округе Пяти углов – явление, увы, заурядное?

Ленг из-за дверей откликнулся на мой стук и крики, и мне показалось, что он говорит, слегка запыхавшись. Профессор пояснил, не открывая двери, что он во время проведения опыта сильно рассек руку. Мое предложение о помощи Ленг отверг, сказав, что уже самостоятельно наложил швы. Затем он выразил сожаление в связи с тем, что ему пришлось меня потревожить, но дверей так и не открыл. Мне ничего

не оставалось, кроме как спуститься к себе. Я остался при этом в состоянии недоумения и раздираемый сомнениями.

Следующим утром на моем пороге появился Ленг. Он никогда раньше не посещал моей резиденции, и я был крайне удивлен его ранним визитом. Я сразу обратил внимание на то, что одна его рука перевязана. Профессор еще раз принес свои глубочайшие извинения за то беспокойство, которое доставил мне прошлой ночью. Я пригласил его зайти, но он отказался. Повторно извинившись, профессор удалился.

Я с неспокойным сердцем следил из окна за тем, как он вышел из дома и поднялся в омнибус. Я молю Бога о том, чтобы Вы оказали мне честь, поняв меня, почему посещение Ленга следом за столь подозрительными событиями произвело на меня впечатление, обратное тому, на которое профессор рассчитывал. Теперь я был убежден больше, чем когда-либо, что дела, которые он вершит по ночам, не выдержат проверки при дневном свете.

Боюсь, что в этот вечер я уже не в силах писать. Я спрячу это послание в шкатулке из ноги слона, которая через два дня будет отправлена в Ваш музей наряду с иными любопытными предметами. Надеюсь, что с Божьей помощью мне удастся завершить это послание завтра.

* * *

13 июля 1881 года

Теперь, чтобы закончить это повествование, я должен призвать на помощь всю свою волю.

После визита Ленга я почувствовал, что нахожусь в тисках ужасной внутренней борьбы. Свойственный мне научный идеализм вкупе с природной сдержанностью требовали, чтобы я принял объяснение Ленга за чистую монету. Но другой внутренний голос говорил, что я, как джентльмен и человек чести, должен лично убедиться в их истинности.

В конечном итоге я решил узнать характер тех экспериментов, которые проводит профессор. Если эксперименты окажутся вполне благопристойными, я рискую лишь тем, что меня обвинят в излишнем любопытстве.

Возможно, Вы решите, что я пал жертвой необоснованных опасений. В свое оправдание я мог сказать, что эти темно-красные капли оставили в моем сознании точно такие же пятна, которые возникли на моем запястье и на писчей бумаге. В том взгляде, который обратил на меня с порога Ленг, было нечто очень странное. Под этим

взором я вдруг ощутил себя чужим в своем собственном доме. В глубине его безразличных глаз я вдруг увидел лед. Мне показалось, что он что-то хладнокровно взвешивает в уме, и кровь застыла в моих жилах. Я не мог далее терпеть этого человека под крышей моего дома, не имея полного представления о его деятельности.

В силу какого-то каприза, который оставил меня в полном недоумении, Ленг с недавнего времени стал оказывать медицинские услуги некоторым промышленным домам нашей округи и в силу этого обстоятельства не бывал дома всю вторую половину дня. В прошлый понедельник, 11 июля, я увидел из окна своего кабинета, как он пересекает улицу, явно направляясь к Парк-роу, где и расположен работный дом.

Я понял, что это не случайность. Сама судьба предоставила мне шанс.

Испытывая некоторый трепет, я поднялся на третий этаж. Ленг заменил замок на двери, ведущей в его жилище, но у меня имелась отмычка, с помощью которой я вскрыл запоры. Дверь распахнулась, и я вступил в обиталище Ленга.

Обстановка передней комнаты напоминала в некотором роде обстановку гостиной. Но интерьер, не скрою, меня поразил. Стены были украшены безвкусными литографиями охотничьих сцен, а на столе валялось множество бульварных газет и других грошовых, но столь же отвратительных изданий. Это показалось мне весьма странным. Ленг всегда был для меня образцом утонченного и изысканного джентльмена, а вся обстановка его комнаты тем не менее отвечала вкусам некультурной молодежи. Я оказался в помещении, которое могло бы показаться очень привлекательным для девицы или молодого человека, не получивших в силу обстоятельств должного воспитания. А бездомному бродяге эта комната представилась бы подлинным раем. На всех предметах лежал слой пыли, и это говорило о том, что в последнее время сам Ленг редко наведывался в свою «гостиную».

Дверь, ведущая в другие помещения, скрывалась за тяжелыми парчовыми портьерами. Я отодвинул занавес своей тростью, и, хотя, как мне казалось, был готов ко всему, моему взору открылась картина, которую я никак не ожидал узреть.

Все комнаты в глубине квартиры оказались практически пустыми, если не принимать во внимание пяти или шести расставленных в разных местах столов. Глубокие царапины на их поверхности были немыми свидетелями того, что на этих столах проводились эксперименты. Никаких других предметов мебели в помещении не было. Атмосфера этих комнат была насыщена столь густым

запахом аммиака, что я едва не задохнулся. В одном из выдвижных ящиков стола я обнаружил несколько затупленных скальпелей. Все остальные ящики были пусты, если не считать небольшого количества пыли и пауков.

Проведя более внимательный осмотр, я нашел ту щель в досках пола, через которую несколько дней назад просочилась кровь. Судя по всему, это место тщательно промыли кислотой. Запах говорил о том, что для этой цели использовали царскую водку. Я осмотрел стены и заметил пятна. Некоторые совсем маленькие, а другие побольше. Стены в этих местах также подверглись чистке.

Должен признаться, что в тот момент я ощущал себя круглым дураком. Ничего из того, что я обнаружил, не могло вызвать тревоги даже у самого проницательного полисмена. Однако ощущение чего-то ужасного отказывалось меня покидать. Возможно, это ощущение порождали странная обстановка гостиной, запах химикатов, тщательно вычищенные стены и пол. Почему Ленг держит в чистоте скрытые от людских взоров помещения, позволяя парадной комнате накапливать пыль?

И в этот момент я вспомнил о подвале.

Несколько лет назад Ленг походя поинтересовался, не мог бы он использовать старый угольный тоннель для хранения излишнего лабораторного оборудования. После того как в доме несколько лет назад установили новый котел, тоннель вышел из употребления и стал мне совсем не нужен. Я передал Ленгу ключи и тут же об этом забыл.

Чувства, которые охватили меня, когда я спускался по ступеням, трудно передать словами. На половине пути я даже остановился, размышляя, не пригласить ли себе эскорт. Но здравый смысл снова одержал верх. Никаких признаков чего-то противозаконного не имелось, и я продолжил путь самостоятельно.

На дверь угольного подвала Ленг навесил замок. Увидев его, я тут же испытал чувство облегчения. Я совершил все, что было в моих силах, и теперь мне не оставалось ничего, кроме как вернуться назад. Я даже повернулся, чтобы уйти, и сделал первый шаг вверх по ступеням, но тут же остановился. Тот же внутренний импульс, который привел меня вниз, не позволил мне удалиться, не завершив дела.

Я занес ногу, чтобы нанести удар по двери, но вовремя остановился. Если мне удастся снять замок при помощи кусачек, то Ленг решит, что в подвал забрались воры.

На то, чтобы подняться наверх, вернуться и раскусить дужку замка, потребовалось не более пяти минут. Оставив замок валяться на полу, я широко распахнул дверь, и подвал залили лучи послеполуденного солнца.

Как только я вошел в тоннель, меня охватили совсем не те чувства, которые мне пришлось испытать, находясь на третьем этаже.

Прежде всего я снова обратил внимание на запах. Как и наверху, в подвале пахло едкими реагентами с некоторой примесью запаха формальдегида или эфира. Но эти ароматы едва ощущались на фоне иных, гораздо более насыщенных и мощных запахов. С этим запахом я познакомился, проходя мимо мясных лавок на Перл-стрит и Уотер-стрит. Так смердят только скотобойни.

Света с лестницы вполне хватало, и зажигать газовые лампы необходимости не было. И здесь находилось множество столов, но в отличие от столов наверху им сопутствовал полный набор хирургических и иных медицинских инструментов, рядом с которыми стояли реторты, мензурки и лабораторные стаканы. На одном из столов я увидел три десятка небольших сосудов, заполненных прозрачной, янтарного цвета, жидкостью. Все сосуды были тщательно пронумерованы и имели на себе ярлыки. Вдоль стен стояли шкафы с широким набором химикатов. Пол был щедро засыпан опилками. Местами опилки оказались влажными, и, разгребая их носком ботинка, я обнаружил, что они увлажнились потому, что впитали в себя значительное количество крови.

Я понял, что мои опасения имеют под собой некоторые основания. В то же время я продолжал убеждать себя в том, что для сильной тревоги причин у меня нет. Ведь препарирование как-никак является краеугольным камнем науки.

На ближайшем к входу столе лежал толстый лабораторный журнал. Множество листов в нем было заполнено записями, выполненными характерным почерком Ленга. С большим чувством облегчения приступил я к изучению этих заметок. Ведь передо мной открылась прекрасная возможность узнать, какие научные задачи решает Ленг. Скорее всего на этих страницах мне откроются благородные цели, которые сделают все мои опасения просто смешными. Так думал я.

Но записи в журнале не содержали в себе даже намека на благородство.

Вам хорошо известно, мой старый друг, что я – человек науки и никогда не был тем, кого можно было бы назвать богобоязненным. Но в тот день я устрашился Бога, или, скорее, я испугался его гнева за

то, что подобные, достойные самого Молоха дела творились под крышей моего дома.

Журнал Ленга сообщал об этом без всяких экивоков и с массой деталей. Это было наиболее методичное и полное описание научных экспериментов из всех тех, которые мне доводилось читать. У меня нет развернутых комментариев к его экспериментам, и я позволю себе ограничиться лапидарным изложением их существа, насколько это в моих силах.

Последние восемь лет Ленг пытался найти способ продления человеческой жизни. Своей собственной жизни, как следует из записей в журнале. Но для этого – клянусь Богом, Тинбери! – он в качестве материала использовал человеческие существа. Его жертвы, как мне представляется, почти целиком состояли из молодых людей. В журнале снова и снова подробно регистрировался процесс препарирования человеческих черепов и позвоночного столба. К последнему он в основном и питал извращенный интерес. Самые свежие записи в журнале говорят о том, что Ленг сосредоточил внимание на нижнем отделе позвоночника, а именно на cauda equina, или «конском хвосте», – нервном узле в крестцовом отделе позвоночника.

Я читал десять, затем двадцать минут, замерев от восхищения и ужаса. После этого я бросил отвратительный документ на стол и направился к выходу. Возможно, в этот момент я лишился разума, поскольку все еще пытался найти всему этому логическое объяснение. Похищение из могил тел недавно скончавшихся людей – явление, к сожалению, довольно обычное, убеждал я себя. Это вызвано той обстановкой, в которой в настоящее время вынуждена существовать медицина. Материала для медицинских исследований катастрофически не хватает, и единственным способом их получения является ограбление могил. К этому, увы, вынуждены прибегать даже самые выдающиеся хирурги, внушал я себе. И хотя потуги Ленга продлить жизнь есть несбыточная химера, нельзя отрицать возможность того, что по ходу своих экспериментов он сделает иные выдающиеся открытия.

И в этот момент мне почудилось, что моего слуха коснулся какой-то звук.

Слева от меня стоял стол, на который я вначале не обратил внимания. На нем находился какой-то большой и массивный предмет, накрытый клеенкой. Пока я рассматривал стол, до меня из-под клеенки донесся еще один слабый звук; казалось, что звук издает лишенное языка и голосовых связок животное.

Я не могу объяснить, как я нашел силы подойти к столу. Меня, видимо, толкнуло на это мое всепоглощающее желание установить истину. Итак, я приблизился к столу и, прежде чем меня успела покинуть решимость, сорвал клеенку.

Открывшаяся передо мной картина будет преследовать меня до конца дней. Труп лежал лицом вниз. Там, где раньше находилось основание позвоночника, зияла огромная рана. Я решил, что звук, который я слышал, был следствием выхода газов из разлагающегося тела.

Казалось, что ничто не может быть сильнее уже испытанного мною шока. Но представьте мое состояние, когда я увидел, что как тело, так и рана имеют свежий вид. Мне показалось, что я нахожусь в каком-то фантасмагорическом мире.

Пять или, может быть, десять секунд я пребывал в состоянии нерешительности. Затем, преодолев внутреннее сопротивление, я приблизился к телу, задавая себе снова и снова одни и те же вопросы. Не могло ли это быть то тело, которое столь обильно залило кровью пол в жилище Ленга? Неужели возможно, что на протяжении одной недели Ленг использовал два тела? Последнее представлялось мне совершенно невероятным.

Коль скоро я зашел так далеко, надо идти до конца, сказал я себе и, подойдя вплотную к столу, стал осторожно перекладывать тело на спину, чтобы проверить состояние и цвет кожи трупа. Во влажной атмосфере подвала кожный покров показался мне мягким и теплым. Когда я переворачивал тело, лицо оказалось открытым, и, к своему ужасу, я увидел, что изо рта покойника торчит пропитанный кровью кляп. Я отдернул руки, и труп упал на спину лицом вверх.

Я отступил назад, едва удержавшись на ногах от потрясения. Испытанный мною шок оказался таким сильным, что я не сразу понял все значение окровавленного кляпа. Если бы было не так, то я, как мне представляется, сразу бы убежал из подвала, избавив себя от того последнего ужаса, который мне пришлось через миг испытать.

Вы не поверите, Макфадден, но ресницы над окровавленной тряпкой вдруг затрепетали, и труп открыл глаза. В его взгляде не было ничего человеческого; испытанный этим несчастным страх и нестерпимая боль превратили его в животное.

Я стоял, окаменев от ужаса, и в этот миг раздался еще один едва слышный стон.

Теперь я знал, что этот звук не имеет никакого отношения к выходящим из трупа газам. До меня дошло, что я вижу перед собой не

похищенное из могилы тело. Ленг не работал с мертвецами. В несчастном создании на столе все еще теплилась искра жизни. Ленг проводил свои отвратительные опыты на живых людях.

Изуродованное, вызывающее безмерную жалость создание на столе издало еще один стон и испустило дух. Не знаю как, но у меня хватило мужества вернуть тело в первоначальное положение и прикрыть клеенкой. Я вышел из подвала, прикрыл за собой дверь и поднялся из жуткого погреба в мир живых людей…

* * *

С тех пор я почти не покидал дома, набираясь смелости поступить так, как требовало мое сердце. Как Вы понимаете, дорогой коллега, ошибки быть не могло. То, что я видел в подвале, не допускало никаких иных толкований. Это подтверждал и журнал Ленга, который тот вел подробно и методично. Я хочу направиться в полицию, имея в качестве дополнительного доказательства несколько страниц чудовищных наблюдений и выводов, о которых прочитал в лабораторном журнале и которые намеренно воспроизвел по памяти. Я обязательно пойду в полицию, если смогу…

Тихо! Я слышу его шаги на лестнице. Я прячу письмо в потайное место, чтобы завершить его завтра.

Я молю Господа дать мне силы свершить то, что я свершить обязан.

Глава 6

Роджер Брисбейн откинулся на спинку кресла и окинул взором безбрежную стеклянную поверхность своего письменного стола. Стол сверкал, словно зеркало, и его вид доставил Брисбейну громадное удовольствие, поскольку юрист обожал чистоту, простоту и порядок. Затем его взгляд остановился на шкафу с драгоценными камнями. Наступило то время дня, когда копье солнечного луча, пронизывая стекло шкафа, превращало его обитателей в сферы и овалы, сверкающие всеми существующими в природе цветами. Можно, конечно, назвать изумруд зеленым и сапфир синим, однако эти слова не способны передать истинного цвета камней. Возможно, во всех языках мира не сыщется таких слов, которые могут адекватно описать это сияние.

Драгоценные камни. Они вечны и всегда остаются твердыми, холодными и чистыми. Время перед ними бессильно. Камни всегда прекрасны и свежи, как в тот день, когда они родились в условиях невообразимого по силе давления и чудовищной температуры. Как они не похожи на людей с их непрозрачной дряблой плотью и непрерывным, начиная с рождения, спуском к могиле! История человека – история слюней, спермы и слез. Да, ему следовало посвятить свою жизнь изучению драгоценных камней. В окружении их

великолепного чистого света он чувствовал бы себя гораздо более счастливым. Карьера юриста, которую избрал для него отец, оказалась для Брисбейна лишь ужасной чередой постоянных провалов. Работа в музее как нельзя лучше подтверждала этот печальный вывод.

Он со вздохом обратился к компьютерной распечатке. Только теперь стало ясно, что музею не следовало брать кредит в сто миллионов на сооружение современнейшего планетария. Придется снова урезать бюджет. Покатятся новые головы. Что ж, последнего по крайней мере удастся добиться без особого труда. В музее полным-полно никчемных ученых и служащих затрапезного вида, постоянно ноющих по поводу сокращения финансирования, никогда не отвечающих на телефонные звонки и все время торчащих в никому не нужных командировках. Или сочиняющих книжки, которые никто никогда не будет читать. И все это за деньги музея. С этих насиженных синекур прогнать их невозможно, поскольку они избраны на постоянные штатные должности. Однако в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств...

Брисбейн вложил распечатку в машинку для уничтожения документов, затем выдвинул ящик стола и вынул из него пачку стянутых резинкой пакетов внутренней корреспонденции. Переписка дюжины потенциальных кандидатов на изгнание перехватывалась при помощи одного человека из центра рассылки, пойманного на том, что он принимал в рабочее время ставки на результат матча на Суперкубок.

Брисбейн без всякого интереса перебрал пакеты. Но вдруг что-то вспомнил и вернулся к одному из них. На пакете значилось имя Пак. Этот старик сидит целые дни в архиве. Чем, спрашивается, он там занимается? Ничем, кроме как доставляет неприятности музею.

Брисбейн снял с пачки стягивающую резинку и достал нужный пакет. Предпоследним адресатом был Пак, а за ним следовала Нора Келли.

Брисбейн непроизвольно сжал пакет пальцами. Что сказал этот высокомерный до отвращения агент ФБР? Пендергаст, кажется? Значительная часть работы по своему характеру будет проходить в архиве.

Он развернул красный шнурок, приподнял клапан и извлек из пакета единственный листок бумаги. Пакет дохнул на него клубом пыли. Держа листок на расстоянии вытянутой руки, Брисбейн прочитал:

Дорогая доктор Келли, я обнаружил еще одну небольшую коробку, имеющую отношение к Кабинету Шоттама. Ее случайно поместили не на то место. Там нет ничего даже близко похожего на тот потрясающий документ, который Вы нашли вчера. Тем не менее мне кажется, что коробка представляет интерес. Оставляю ее в читальном зале архива.

П.

Кровь прилила к щекам Брисбейна, но тут же отлила обратно. Он так и думал: эта дамочка не только продолжала работать на нахала из ФБР, но и привлекла себе в помощь Пака. Подобному поведению пора положить конец. А Пак должен уйти. Взять, к примеру, это письмо. Нашлепано на допотопной пишущей машинке. При виде столь низкой эффективности труда кровь администратора буквально закипела. Музей не приют для разного рода эксцентрических личностей. Пак – окаменелое ископаемое, которое давно следовало отправить пастись на зеленые лужайки. Надо будет собрать нужные доказательства и внести предложение о прекращении контракта старца на ближайшем заседании исполнительного комитета.

Но как быть с Норой? Он помнил слова директора Коллопи, произнесенные при последней встрече. Doucement, doucement, пробормотал тогда директор.

Что ж, будем действовать, как требует директор. Мягко и осторожно. Во всяком случае, пока.

Глава 7

Смитбек стоял на тротуаре как раз на полпути между Коламбус-авеню и Амстердам-авеню и внимательно изучал фасад дома из красного кирпича. Номер сто восемь по Западной Девяносто девятой улице являл собой массивное здание довоенной постройки, не обезображенное какими-либо архитектурными изысками. Простая внешность дома его нисколько не трогала. Смитбека интересовало то, что находилось в недрах строения. Это была квартирка с двумя спальнями и фиксированной оплатой – всего лишь восемнадцать сотен в месяц. Кроме того, имело значение, что располагалась она неподалеку от Музея естественной истории.

Он отступил на несколько шагов в сторону от дома и осмотрел прилегающие здания. Район, конечно, не принадлежал к тем очаровательным кварталам Верхнего Вест-Сайда, которые он уже успел осмотреть, но и здесь имелись свои прелести. На ступенях, ведущих к двери соседнего дома, пристроилась пара бродяг. Бродяги тянули какое-то пойло из бутылки, спрятанной в бумажном пакете. Смитбек бросил взгляд на часы. Нора могла появиться в любую минуту. Боже, какую схватку ему предстоит выдержать, если эти типы немедленно не свалят за угол! Он выудил из кармана пятидолларовую бумажку и приступил к делу.

– Прекрасный день, когда нет дождя, – начал журналист.

Бродяги уставились на него с явным подозрением.

– Не хотите ли, парни, купить себе жратвы? – спросил Смитбек, помахивая пятеркой.

Один из оборванцев осклабился, продемонстрировав миру ряд гнилых зубов.

– На пять баксов?! Да на эти бабки и чипсов не купишь. А у меня вдобавок и ноги больные.

– Точно, – сказал второй, вытирая ладонью нос.

Смитбек вытянул двадцатку.

– О, ножки мои... – затянул первый.

– Хватай, или вообще ни хрена не получишь!

Ближайший к нему бродяга схватил двадцатку, затем парочка с наигранными стонами и хрипами поднялась на ноги и побрела к углу дома. Смитбек не сомневался, что их путь ведет к ближайшей винной лавке на Бродвее. Журналист смотрел в их удаляющиеся спины. Хорошо, что это были всего лишь безобидные пьянчуги, а не какие-нибудь местные костоломы. Он огляделся по сторонам и увидел тонкую, словно клинок, женщину в черном. Дама, стуча каблучками, шагала к нему с привычной улыбкой на ярко накрашенных губах. Агент по делам с недвижимостью. Явилась точно к назначенному времени.

– Вы, наверное, мистер Смитбек, – сказала она хриплым, прокуренным голосом. – А меня зовут Милли Лок. Ключи от квартиры у меня. Ваша... э... ваш партнер уже здесь?

– Вот она.

Нора вышла из-за угла. На ней был легкий плащ военного покроя, а на плече болтался рюкзачок. Увидев их, она приветственно помахала рукой.

Когда Нора подошла, дама-агент потрясла ее руку и сказала:

– Как мило.

Они вошли в затрапезный вестибюль. По левой стене помещения тянулся ряд почтовых ящиков, а правую украшало большое тусклое зеркало, являвшее собой хилую попытку придать узкому вестибюлю более просторный вид. Когда дама нажала кнопку вызова лифта, где-то над их головами послышался скрип и стук.

– Замечательное местоположение, – сказал Смитбек, обращаясь к Норе. – Рядом со станцией подземки. До музея лишь двадцать минут ходьбы. Полтора квартала до парка.

Нора промолчала. Она смотрела на дверь лифта, и вид у нее, надо сказать, был не очень счастливый.

Двери со скрипом раздвинулись, и они вошли в кабину. Смитбек томился во время мучительно долгого подъема, умоляя про себя проклятый лифт двигаться побыстрее. У него возникло неприятное чувство, что инспекции подвергается не только квартира.

Достигнув наконец шестого этажа и выйдя из лифта, они прошли по длинному полутемному коридору и остановились перед коричневой дверью с глазком в металлической панели. Специалистка по недвижимости открыла шесть разнообразных замков и распахнула дверь.

Смитбек был приятно удивлен. Квартира оказалась гораздо чище, чем он ожидал, и окна выходили на улицу. Полы были дубовыми. Потертыми, конечно, но тем не менее дубовыми. Одна стена была оставлена кирпичной, а все остальные оштукатурены и покрашены.

– Ну, что скажешь? – радостно спросил он. – Очень мило, не так ли?

Нора снова промолчала.

– Это будет для вас сделкой века, – вступила в дело агент по недвижимости. – Всего восемнадцать сотен в месяц. На дом распространяется закон о стабилизации квартплаты. Кондиционер. Прекрасное расположение. Квартира светлая и тихая.

Оборудование кухни было не самым модерновым, но тем не менее вполне современным и чистым. Окна спален выходили на юг, и там господствовало солнце. В результате небольшие комнаты казались гораздо просторнее, чем были на самом деле.

Когда они снова вышли в гостиную, Смитбек спросил:

– Итак, Нора, что скажешь?

Нора стояла с мрачным видом, нахмурив брови. Это был скверный признак. Дама-агент отошла от клиентов на несколько футов, создавая для них видимость уединения.

– Неплохо, – ответила Нора.

– Неплохо?! Восемнадцать сотен в месяц за квартиру в Верхнем Вест-Сайде? В здании довоенной постройки? Это просто великолепно!

Дама подошла к клиентам и сказала:

– Вы первые, кто осматривает квартиру. Гарантирую, что сегодня до захода солнца она будет сдана. – Она порылась в сумочке, достала

сигарету и зажигалку и, уже поднеся горящую зажигалку к сигарете, спросила: – Вы позволите?

– Что с тобой? – спросил Смитбек.

Нора отмахнулась от вопроса и, подойдя к окну, устремила взор куда-то вдаль.

– Ты уже поговорила со своим домовладельцем о предстоящем переезде?

– Пока еще нет.

– Ты ему ничего не сказала? – спросил Смитбек, почувствовав, как упало сердце.

Нора в ответ лишь покачала головой.

– Как же так, Нора? – осевшим голосом продолжал журналист. – Ведь я думал, что между нами все решено.

– Для меня, Билл, это очень серьезный шаг, – сказала девушка, глядя в окно. – Я говорю о совместной жизни... – закончила она едва слышно.

Смитбек оглядел гостиную. Дама-агент, поймав его взгляд, тотчас посмотрела в сторону.

– Нора, но ты же меня любишь, не так ли?

– Конечно, – сказала девушка, не отрываясь от окна. – Но... Но сегодня я ощущаю себя особенно скверно.

– Все пройдет. То, что мы не обручены, ничего не значит.

– Давай не будем об этом.

– Не будем о чем?! Это та квартира, Нора, которая нам нужна. Лучше ее нам никогда не найти. Давай-ка лучше обсудим гонорар маклера.

– Гонорар маклера?

– Сколько мы должны будем выплатить вам за эту квартиру? – спросил Смитбек, обращаясь к агенту по недвижимости.

Дама выдохнула клуб дыма и, слегка откашлявшись, сказала:

– Я рада, что вы об этом спросили. Оплата будет весьма умеренной. Вы же понимаете, что просто так подобное жилье арендовать невозможно, и я оказываю вам большую услугу, предоставляя возможность первыми осмотреть квартиру.

– Итак, сколько же это будет? – спросила Нора.

– Восемнадцать.

– Восемнадцать чего? Долларов?

– Процентов. От общей суммы квартплаты за первый год.

– Но это же будет… – Нора произвела в уме расчеты и закончила: – …почти четыре тысячи долларов.

– Сущий пустяк по сравнению с тем, что вы получаете. И поймите, если вы откажетесь от квартиры, мои следующие клиенты обязательно ее возьмут. – Дама взглянула на часы. – Они будут здесь через десять минут. Это то время, которое у вас осталось для принятия решения.

– Что скажешь, Нора? – спросил Смитбек.

– Мне необходимо подумать.

– У нас нет времени на раздумья.

– В нашем распоряжении сколько угодно времени. В конце концов, это не единственная квартира на Манхэттене.

В комнате повисла ледяная тишина. Агент по недвижимости снова посмотрела на часы.

– Билл, – сказала Нора, покачивая головой, – я же тебе сказала, что вчера у меня был страшно трудный день.

– Это заметно.

– Я тебе, если помнишь, говорила о коллекции Шоттама… Так вот, вчера мы нашли письмо. Ужасное письмо.

Смитбек вдруг почувствовал, что у него начинается нечто похожее на панику.

– Может быть, поговорим об этом позже? Я правда думаю, что это как раз то жилье, кот…

– Ты разве не слышал, что я сказала? – Она повернулась к нему с потемневшим от гнева лицом. – Мы нашли письмо и теперь знаем, кто убил тридцать шесть человек!

Снова наступила тишина. Смитбек покосился в сторону дамы-маклера, которая делала вид, что тщательно изучает оконную раму. Однако казалось, что ее уши, как локаторы, буквально повернулись в их сторону.

– Вы… что?

– Возникла довольно туманная личность по имени Энох Ленг. Он был таксидермистом и химиком. Письмо написано человеком по имени

Шоттам, который владел в том месте, где мы с тобой были, неким подобием музея. Музей назывался «Кабинетом Шоттама». Ленг снимал этаж в доме Шоттама и проводил там эксперименты. У Шоттама возникли подозрения, и он осмотрел лабораторию Ленга, когда тот отсутствовал. Шоттам узнал, что Ленг похищал людей, убивал их, а затем иссекал часть их центральной нервной системы, чтобы переработать в лекарства. Этот препарат он использовал для инъекций самому себе.

– Господи! Зачем?

– Ты не поверишь, – покачала головой Нора. – Он пытался продлить себе жизнь.

– Невероятно!

Это была абсолютно убойная сенсация. Смитбек посмотрел на агента, которая, судя по ее виду, перешла к изучению косяка двери, забыв о предстоящей встрече с очередными клиентами.

– Мои мысли заняты только этим, – сказала Нора. – Я не могу выкинуть из головы это проклятое письмо. В нем содержатся все страшные детали. А что касается Пендергаста, то он читал послание с таким мрачным видом, словно это был его собственный некролог. А сегодня утром, когда я спустилась вниз, чтобы просмотреть кое-какие материалы, я узнала, что сверху поступило распоряжение провести консервацию ряда документов. В их число попали все бумаги Шоттама. Теперь они у реставраторов. Только не говори мне, что это простое совпадение. Это сделал либо Брисбейн, либо Коллопи. Я в этом уверена, но напрямую спросить их об этом не могу.

– У тебя есть копия?

– Пендергаст попросил меня немедленно сделать ксерокс, – с просветлевшим лицом ответила девушка. – Тогда я не поняла причину подобной спешки. Однако теперь мне все стало ясно.

– Копия у тебя?

Девушка кивком головы показала на рюкзачок.

«Нора права, – подумал Смитбек. – Распоряжение о консервации не может быть простым совпадением. Что хочет скрыть руководство музея? Кем был этот Энох Ленг? Был ли он связан с музеем в начале существования последнего? Или это была обычная паранойя музейных чиновников, опасающихся выдать любую информацию до того, как она будет препарирована и отполирована службой по связям с общественностью? Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и главу строительной компании Фэрхейвена, который был крупным

финансовым спонсором музея… Статья должна получиться хорошей. Просто классной».

– А взглянуть на нее можно?

– Я как раз хочу передать ее тебе на временное хранение. Приносить копию в музей крайне опасно. Но вечером я хочу получить ее назад.

Смитбек кивнул, и она передала ему пухлый конверт, который он сразу же спрятал в кейс.

В этот момент прозвучал сигнал домофона.

– Это мои следующие клиенты, – объявила специалистка по вопросам недвижимости. – Могу ли я сказать им, что вы берете квартиру? Или как?

– Не берем, – ответила Нора.

Дама пожала плечами, подошла к домофону и нажала кнопку, чтобы впустить посетителей.

– Нора, – вдруг возник Смитбек. Повернувшись к агенту, он сказал: – Мы берем квартиру.

– Прости, Билл, но я к этому не готова.

– Но еще на той неделе ты сказала…

– Я помню, что говорила. Но в сложившихся обстоятельствах я не могу думать о квартире. О'кей?

– Нет, совсем не о'кей.

Зазвенел звонок, и дама-маклер пошла открывать дверь.

Через несколько секунд в гостиную вошли двое мужчин. Один из них был лысым и низкорослым, а другой – высоким и бородатым. Быстро осмотрев гостиную, мужчины почти бегом отправились дальше.

– Прошу тебя, Нора, – не унимался Смитбек. – Я знаю, что переезд в Нью-Йорк прошел для тебя не гладко и что работа в музее складывается не лучшим образом. Я тебе очень сочувствую, но это вовсе не значит, что ты…

Послышался шум включенного душа. Шум почти сразу прекратился, и разнокалиберная парочка вновь возникла в гостиной.

– Превосходно, – сказал плешивый. – Гонорар маклера – восемнадцать процентов. Я не ошибся?

– Нет.

– Отлично. – На свет появилась чековая книжка. – В каком виде вы желаете его получить? На чье имя выписывать?

– Пишите: «наличные». Я получу деньги в вашем банке.

– Подождите, – вмешался Смитбек, – мы пришли первыми.

– Прошу прощения, – с удивлением, но очень вежливо произнес один из мужчин.

– Не обращайте внимания, – резко бросила дама-агент. – Эти люди уходят.

– Пошли, Билл, – сказала Нора, направляясь к двери.

– Но мы были первыми! Я возьму квартиру и один, если на то пошло!

Раздался звук вырываемого из книжки чека.

– Текст договора о найме у меня с собой, – сказала женщина, принимая чек. – Мы подпишем его, когда придем в ваш банк.

Нора вытащила Смитбека за дверь и с шумом ее захлопнула. В кабине лифта ни один из них не проронил ни слова.

– Мне надо вернуться на работу, – сказала Нора, едва они вышли на улицу. – Обсудим все вечером, – добавила она, глядя в сторону.

– Обязательно.

Смитбек смотрел, как она шагала по Девяносто девятой улице. Легкий плащ развевался, длинные волосы колыхались за спиной. Он был потрясен. После того, что им пришлось вместе перенести, она отказывалась жить с ним под одной крышей. Где он не так поступил? Иногда ему казалось, что девушка считает его виноватым в том, что он вынудил ее переехать из Санта-Фе на восток. Как будто он несет ответственность за то, что ее работа в музее Ллойда пошла наперекосяк, а босс в Нью-Йорке оказался сущим дерьмом. Как заставить Нору изменить позицию? Как доказать, что он любит ее по-настоящему?

Постепенно в его голове начала вырисовываться вроде бы перспективная идея. Нора всегда недооценивала могущество прессы, включая «Нью-Йорк таймс». Она не понимала, каким послушным, нежным и готовым к сотрудничеству станет руководство музея, если почувствует, что рискует получить негативные отзывы в прессе. Да, это может сработать. Она получит назад коллекцию этого Шоттама, ей профинансируют радиоуглеродный анализ и, может быть, даже не срежут фонды. В конечном итоге Нора будет ему благодарна. Если действовать быстро, статья может появиться уже в раннем выпуске.

– Эй, приятель! – услышал он дружелюбный вопль.

Смитбек обернулся и увидел двух уже знакомых ему бродяг.

Пьянчуги со счастливыми красными рожами брели в обнимку по тротуару. Один из них держал в руке бумажный пакет.

– Не хочешь глотнуть за наш счет?

Смитбек извлек двадцатидолларовую банкноту и, держа ее перед носом алкашей, сказал:

– Вот что. Через несколько минут из дома выйдет тощая баба в черном. Сопровождать ее будут два парня. Зовут бабу Милли. Обнимите ее покрепче и расцелуйте. Чем сильнее обслюнявите, тем лучше.

– Бу сде!! – гаркнул бродяга, схватил банкноту и сунул ее в карман.

Смитбек двинулся в сторону Бродвея. Его настроение несколько улучшилось.

Глава 8

Энтони Фэрхейвен поместил свое сухое мускулистое тело в кресло, положил на колени плотную льняную салфетку и изучил поданный ему завтрак.

Легкая, но тщательно продуманная утренняя трапеза состояла из двух крекеров на воде, желе, приготовленного из маточного молочка пчел, и чая, поданного в чашке тонкого китайского фарфора.

Энтони осушил чашку одним глотком, лениво погрыз крекер, вытер губы и коротким движением руки дал сигнал подать газеты.

Все помещение со стеклянными закругленными стенами, в котором он обычно завтракал, было залито солнечным светом. Отсюда, с вершины башни «Метрополитена», Манхэттен был словно на ладони. Окна домов в утреннем свете подмигивали золотыми и розовыми отблесками. Далеко внизу темнел прямоугольник Центрального парка, чем-то похожий на могилу, вырытую в самом центре великого города. Лучи солнца только что коснулись вершин деревьев, и тени домов вдоль Пятой авеню лежали в парке черными полосами.

Послышался шорох, и горничная положила перед ним газеты – «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал». Как он и требовал, газеты только что были проглажены горячим утюгом. Энтони решил начать с «Таймс». Когда он развернул газету, его ноздрей коснулся запах свежей типографской краски. Листы были теплые и сухие. Он слегка встряхнул газету, чтобы листы легли свободнее, и, обратившись к первой полосе, пробежал глазами заголовки. Мирные переговоры на Ближнем Востоке.

Дебаты кандидатов на пост мэра. Землетрясение в Индонезии. Затем Энтони глянул на нижнюю часть страницы, и у него перехватило дыхание.

"Недавно обнаруженное письмо проливает свет на убийства XIX века

Уильям Смитбек-младший"

Энтони Фэрхейвен поморгал, глубоко вздохнул и приступил к чтению.

"НЬЮ-ЙОРК, 8 октября. В архивах Американского музея естественной истории обнаружено письмо, способное пролить свет на появление ужасающего захоронения, найденного в начале прошлой недели в Нижнем Манхэттене.

Рабочие, ведущие строительство высотной жилой башни на углу Кэтрин-стрит и Генри-стрит, откопали подземный тоннель, в котором оказались останки тридцати шести молодых мужчин и женщин. Останки были замурованы в двенадцати нишах угольного тоннеля, сооруженного, видимо, в середине девятнадцатого века. Предварительный судебно-медицинский анализ показал, что жертвы были препарированы, а их тела затем расчленены. Доктор Нора Келли, работающая археологом в Музее естественной истории, утверждает, что убийства могли произойти в период между 1872 и 1881 годами. В то время на углу стояло трехэтажное здание, в котором размещался частный музей, известный под названием «Кабинет природных диковин и иных редкостей Шоттама». Кабинет сгорел в 1881 году, а Шоттам погиб при пожаре.

В ходе дальнейших исследований доктор Келли обнаружила письмо, написанное самим Шоттамом. В написанном незадолго до своей смерти послании автор рассказывает о том, как он узнал о характере тех медицинских опытов, которые проводит его жилец Энох Ленг – таксидермист и химик. Шоттам утверждает, что Ленг проводил эксперименты на людях с целью продлить собственную жизнь. Эксперименты требовали иссечения нижней части спинного мозга у живых объектов. Шоттам приложил к письму выдержки из лабораторного журнала Ленга, в котором тот детально описывал свои опыты. Нашей газете удалось получить копию письма. Если люди, останки которых обнаружены, были действительно убиты, то мы имеем дело с самым большим серийным убийством в истории Нью-Йорка, возможно – и США. Самый известный серийный убийца Англии Джек Потрошитель отправил на тот свет в 1888 году в лондонском районе Уайтчэппел восемь женщин. Джеффри Дамер, печально знаменитый убийца из США, прикончил по меньшей мере семнадцать человек.

Останки были направлены в Бюро судебно-медицинской экспертизы и стали недоступны для независимого обследования. Подземный тоннель уничтожен в ходе строительных работ фирмой «Моген – Фэрхейвен». По словам Мэри Хилл, строительная площадка не подпадает под действие «Акта об охране археологических и исторических ценностей Нью-Йорка». «Это всего лишь место старинного преступления, и археологического интереса не представляет», – заявила мисс Хилл. «Оно не отвечает указанным в Акте критериям, и у нас нет никаких оснований для приостановки строительства», – пояснила вашему корреспонденту мисс Хилл. Представитель Комиссии по сохранению достопримечательностей Нью-Йорка имеет по этому вопросу иную точку зрения и, как утверждают, обратился к сенатору от штата Нью-Йорк с просьбой создать специальную группу, чтобы исследовать данную проблему.

Из захоронения удалось спасти лишь один предмет одежды – платье. Платье было доставлено в музей, и доктор Келли, внимательно его исследовав, обнаружила под подкладкой листок бумаги. На листке имеется короткая запись, сделанная молодой женщиной, которая, по всей видимости, считала, что жить ей осталось совсем немного. «(Ме)ня завут (sic) Мэри Грин, взраст (sic) 19 № 16 Уоттер(sic)-стрит», – написала девушка человеческой, и скорее всего собственной, кровью.

К делу проявило интерес Федеральное бюро расследований, о чем свидетельствует появление на сцене специального агента ФБР Пендергаста. Агент Пендергаст постоянно работает в Новом Орлеане, но ни в Новом Орлеане, ни в Нью-Йорке представители Бюро не открыли характера его деятельности. Пендергаст известен как один из самых выдающихся сотрудников ФБР южного региона. В Нью-Йорке ему уже приходилось принимать участие в раскрытии нескольких чрезвычайно серьезных преступлений. Однако департамент полиции Нью-Йорка, похоже, совершенно не интересуется массовым убийством, имевшим место более ста лет назад. Капитан Шервуд Кастер, на участке которого было открыто захоронение, сказал, что дело имеет лишь исторический интерес. «Убийца давно умер, – сказал капитан. – Так же как и его сообщники. Мы оставляем это историкам, чтобы сосредоточить все свои ресурсы на раскрытии и предотвращении преступлений двадцать первого века».

Сразу же после обнаружения письма Американский музей естественной истории изъял коллекцию Шоттама из архива. Первый заместитель директора музея Роджер Брисбейн заявил, что изъятие собрания Шоттама «является частью давно запланированной программы по консервации архивных материалов и не имеет ни

малейшего отношения к текущим событиям». Мистер Брисбейн рекомендовал нам по всем вопросам обращаться к Гарри Медокеру из отдела по связям с общественностью. Тем временем мистер Медокер на все звонки «Нью-Йорк таймс» не отвечает".

* * *

Статья продолжалась и на внутренней полосе, где репортер с видимым удовольствием смаковал подробности старинных убийств. Фэрхейвен прочитал статью до конца, а затем вернулся к началу. Сухие страницы «Таймс» слегка шуршали, повторяя шелест листьев деревьев, стоящих снаружи в огромных фарфоровых горшках.

Фэрхейвен медленно положил газету на стол и снова взглянул на раскинувшийся под ним город. На противоположной стороне парка он видел гранитные башни и блестевшую в народившемся утре медную крышу Музея естественной истории. Фэрхейвен слегка пошевелил пальцами, и перед ним возникла новая чашка чая. Посмотрев на белый фарфор без всякого удовольствия, он одним глотком осушил чашку. На столе появился телефон.

Фэрхейвен знал все, что касалось развития рынка недвижимости, хитросплетений городской политики и проблем пиара. Он прекрасно понимал, что статья таит в себе огромную потенциальную опасность. Следовало немедленно предпринять самые жесткие меры.

Строительный магнат немного подумал, решая, кто должен первым услышать его звонок. Через секунду он уже набирал номер личного телефона мэра, который знал наизусть.

Глава 9

Дорин Холландер, постоянно проживающая в доме номер 21 на Фэзер-лейн в городе Пайн-Крик, штат Оклахома, оставила своего супруга сопеть и похрапывать на двадцать шестом этаже гостиницы. Глядя на широченную Сен-трал-Парк-Вест, она решила, что настало самое подходящее время для того, чтобы посмотреть в музее «Метрополитен» картину Моне «Кувшинки», репродукцию которой она видела в доме золовки. Ее супруг – техник по обслуживанию кабельной сети в Оклахоме – не испытывал к искусству ни малейшего интереса. Дорин была готова биться об заклад, что к тому времени, когда она вернется, муженек все еще будет дрыхнуть.

Сверившись с картой для туристов, бесплатно предоставленной отелем, она открыла для себя, что музей находится как раз на противоположной стороне парка. Короткая прогулка. И нет никакой нужды вызывать дорогостоящее такси. Дорин Холландер обожала пешие прогулки. И кроме того, это поможет организму быстрее сжечь калории, полученные

от пары круассанов со сливочным маслом и джемом, которые она столь неосмотрительно употребила на завтрак.

Женщина вышла из отеля, перешла через авеню и вошла в парк через ворота Александра Гумбольдта. Было прекрасное осеннее утро, над вершинами деревьев виднелись крыши высотных зданий на Пятой авеню. Нью-Йорк. Восхитительное место, если вам не приходится жить в нем постоянно.

Путь пошел под уклон, и Дорин вскоре оказалась на берегу очаровательного пруда. Она огляделась, прикидывая, с какой стороны лучше обогнуть пруд: справа или слева. Дорин сверилась с картой и решила, что путь налево окажется короче.

Она снова двинулась вперед на крепких ногах сельской жительницы, вдыхая полной грудью свежий воздух. «Удивительно свежий», – подумала Дорин. Мимо нее то и дело проносились велосипедисты и любители роликовых коньков. Вскоре она оказалась на очередной развилке. Основная аллея сворачивала к северу, но в том направлении, куда она двигалась, через заросли шла тропа. Дорин развернула карту. Тропы на ней не было, но Дорин не сомневалась, что сама способна определить, какой путь правильный, а какой – нет. Короче говоря, она двинулась вперед.

Очень скоро тропа раздвоилась, потом раздвоилась еще раз, прихотливо извиваясь между небольшими возвышениями и скальными выступами. Время от времени в просветах между ветвями возникал ряд небоскребов на Пятой авеню. Эти дома служили для нее путеводным маяком. Заросли становились все гуще, но ей начали встречаться люди. Очень странно. То там, то здесь она видела молодых мужчин. Молодые люди стояли с небрежным видом, сунув руки в карманы. Создавалось впечатление, что они кого-то или чего-то ждут. Все молодые люди выглядели весьма привлекательными. Они были прекрасно одеты, а их волосы хорошо ухожены. Утро за деревьями становилось все ярче, и Дорин совершенно не испытывала страха.

Остановившись, чтобы свериться с картой, Дорин обнаружила, что место, в котором она оказалась, называется «Лабиринт». Дорин решила, что название выбрано очень точно. Дважды она ловила себя на том, что движется в обратном направлении. Человек, планировавший этот небольшой лабиринт, явно хотел, чтобы те, кто в него попал, теряли ориентировку.

Что ж, Дорин Холландер не из тех, кто легко утрачивает ориентиры. И уж конечно, не в такой крошечной рощице в центре парка. Для человека, который вырос, странствуя по лесам и полям восточной Оклахомы, это было бы просто смешно. Прогулка, правда, превращалась в маленькое приключение, но Дорин просто обожала маленькие

приключения. Именно поэтому она и вытащила мужа в Нью-Йорк. Ведь пребывание в этом городе само по себе являлось маленьким приключением. При этой мысли Дорин заставила себя улыбнуться.

Нет, это полная ерунда! Она снова шагала в обратном направлении. С невеселым смешком женщина развернула карту. Увы: вся территория «Лабиринта» обозначалась однообразным зеленым цветом с изображением деревьев. Она огляделась по сторонам. Возможно, один из этих симпатичных молодых людей сможет показать ей выход.

В просвете между листвой она увидела две фигуры. «Интересно, чем они здесь занимаются?» – думала она, направившись в их сторону. Пройдя еще пару шагов, она отвела в сторону ветку и всмотрелась. Всего через миг ее любопытствующий взгляд сменился взглядом недоуменным, а еще через мгновение наполнился ужасом.

Отпустив ветку, она развернулась и начала продираться сквозь кусты. Ей все стало ясно. Это просто отвратительно. Теперь Дорин хотела как можно быстрее убраться из этого места. Желание увидеть «Кувшинки» испарилось. Она не хотела верить своим глазам, но отвергнуть реальность было невозможно. Все оказалось точно так, как она слышала по телевизору в передаче «Клуб 700». Нью-Йорк – Содом и Гоморра нашего времени! Дорин так спешила, что начала слегка задыхаться. Назад она оглянулась всего лишь один раз.

Когда за спиной молодой женщины раздались шаги, она их не услышала. А в тот миг, когда на ее голову опустился черный тяжелый капюшон и в ноздри ударил острый запах хлороформа, она, теряя сознание, увидела высящийся средь пустыни соляной столп.

Глава 10

Выдающаяся личность современности, доктор Фредерик Уотсон Коллопи величественно восседал за столом девятнадцатого века и задумчиво взирал на портреты мужчин и женщин, занимавших до него императорский трон. Во времена наивысшей славы музея – в те времена, когда этот стол был еще новым – директора Музея естественной истории сочетали в себе качества настоящих провидцев, путешественников и ученых. Берд, Трокмортон, Эндрюс. Их имена следовало бы отлить в бронзе. Восторг Коллопи несколько угас после того, как его взор обратился на изображения более поздних владельцев этого огромного углового кабинета – несчастного Уинстона Райта и его наследницы Оливии Мерриам, правление которой, надо сказать, продолжалось очень недолго. Доктор Фредерик Коллопи испытывал огромное удовлетворение оттого, что ему удалось вернуть посту директора его прежнее достоинство и значение. Он осторожно погладил свою великолепную бороду и, приложив палец к губам, погрузился в раздумья.

Директор не понимал, почему, несмотря на все успехи, у него постоянно возникают приступы меланхолии.

Чтобы спасти музей, он вынужден пойти на некоторые жертвы. Его очень угнетал тот факт, что научные исследования все больше уступали место громким шоу, открытиям новых сверкающих залов и сенсационным выставкам. Сенсационным... Это словцо вызывало у него отвращение. Но как бы то ни было, в Нью-Йорке занималась заря двадцать первого века, и те, кто не сможет играть по правилам нового столетия, обречены на гибель. Даже его самым великим предшественникам приходилось нести свой крест. Никто не в силах противостоять ветрам времени. Музей выжил. И это было самое главное. И только это имело значение.

Перед мысленным взором директора возник ряд его весьма достойных предков-ученых. Двоюродный прадед Амаса Гринью был другом самого Дарвина и прославился открытием в Индокитае нового вида рыбы – «морского черта». Двоюродная бабка Филомена Уотсон первой начала изучать образ жизни туземцев Огненной Земли. А дед Гарднер Коллопи был известнейшим герпетологом. Директор припомнил и свое научное достижение. В далекой молодости ему удалось уточнить классификацию человекообразных обезьян. Не исключено, что если ему улыбнется удача и он пробудет на своем посту еще несколько лет, то его имя будет упоминаться наравне с великими директорами прошлого. Нельзя исключать и того, что его имя увековечат на стене Ротонды.

Несмотря на приятные мысли, он никак не мог стряхнуть с себя овладевшую им меланхолию. Эти приятные размышления, которые всегда действовали на него так успокаивающе, на сей раз, кажется, не помогли. Он по-прежнему ощущал себя каким-то старомодным чудаком, занимающим не свое место. Даже мысли о юной и очаровательной супруге, с которой он так чудесно провел время перед завтраком, почему-то не утешали.

Коллопи обвел взглядом кабинет: камин из розового мрамора, круглые, выходящие на подъездную аллею окна, дубовые, тронутые временем панели стен, картины Одюбона и де Клефисса на стенах. Директор осмотрел себя и остался доволен. Чуть-чуть старомодный, строгий, почти церковного покроя костюм, крахмальная манишка, шелковый галстук-бабочка, призванный продемонстрировать независимость мышления, и туфли ручной работы. Он посмотрел в зеркало над каминной доской: привлекательное, даже чем-то элегантное лицо, на котором суровые годы почти не оставили своих следов.

Коллопи едва слышно вздохнул и опустил глаза на лежащую перед ним газету. Эта треклятая статья, видимо, и привела его в столь печальное расположение духа, тем более что сочинил ее тот же тип, который и так

уже доставил музею массу неприятностей. Надежды, что быстрое изъятие из архива опасных материалов успокоит страсти, не оправдались. Теперь приходится иметь дело с этим письмом. Повсюду, куда ни глянь, таилась потенциальная опасность. В расследование дела оказались втянутыми его собственные сотрудники. Вокруг музея крутится какой-то агент ФБР. Под огонь критики попал один из главных спонсоров – Фэрхейвен. Все это грозило неприятностями, последствия которых невозможно оценить. Если не удастся взять события под контроль, то на его директорство может пасть тень или даже хуже того…

«Только не надо впадать в панику», – подумал Фредерик Уотсон Коллопи. Он с этим кризисом справится. Даже более масштабные катастрофы можно отвести в сторону с помощью… Как звучит это модное словечко! «Точная настройка», кажется… Именно это нам и нужно. Свежий подход. Очень тонкая и точно выполненная «настройка». Музей откажется от своего столь привычного ему рефлекса. Он не станет требовать специального расследования, не будет протестовать против посягательств на его архивы, не обрушится с критикой на таинственную деятельность агента ФБР, не станет отрицать своей ответственности или скрывать какие-то факты. Более того, музей даже не придет на помощь своему главному благодетелю Фэрхейвену. По крайней мере публично. В то же время много можно будет сделать, изящно выражаясь, in camera. Вовремя прошептанное нужному человеку слово, предоставление или изъятие определенных гарантий, тайное перемещение денежных сумм… Но все это следует проделать деликатно. Очень деликатно.

Директор нажал на кнопку внутренней связи и тихо произнес:

– Миссис Сурд, не могли бы вы оказать любезность и попросить мистера Брисбейна зайти ко мне в удобное для него время?

– Конечно, доктор Коллопи.

– Буду весьма вам признателен.

Директор снял палец с кнопки интеркома и откинулся на спинку кресла. Затем он аккуратно свернул «Нью-Йорк таймс» и положил газету в расположенный на краю стола ящик, на котором значилось: «В досье». Совершив это действо, директор улыбнулся – впервые за все утро.

Глава 11

Нора Келли прекрасно понимала, что означает этот вызов. Она видела статью в утреннем выпуске газеты. В музее только о ней и толковали. Не исключено, что не только в музее, но и во всем Нью-Йорке. Нора представляла, как этот материал может подействовать на такого типа, как Брисбейн. Прежде чем вызвать ее, он выжидал целый день, и вот без

десяти пять вызов наконец поступил. Мерзавец, вне сомнения, хотел, чтобы она как следует попотела. «Интересно, – думала Нора, – не означает ли это, что мне дадут лишь десять минут на то, чтобы собрать вещички и убраться навсегда из музея?»

Таблички с именем Брисбейна на дверях кабинета не было. Нора постучала и услышала приглашение войти.

– Присаживайтесь, – сказала немолодая, изможденного вида секретарша. – Вам придется немного подождать.

Дама, судя по всему, пребывала не в лучшем настроении.

Нора села.

Проклятый Билл. Каким местом он думал? Риторический вопрос. Этот тип слишком импульсивен. Постоянно начинает действовать до того, как пустит в ход серое вещество. Но это уже чересчур! С нее хватит. У парня «мозги набекрень», как любил выражаться ее отец. Она вырежет у него яйца, прикрепит их к ремню и будет носить на талии наподобие бола[5]. Ведь ей так нужна эта работа в музее! А этот гад практически собственными руками напечатал уведомление о ее увольнении. Как он посмел так поступить?!

Телефон на столе секретарши подал сигнал.

– Можете войти, – сказала женщина.

Нора вступила в кабинет шефа. Брисбейн стоял перед зеркалом, пытаясь повязать вокруг шеи галстук-бабочку. На нем были черные брюки с шелковыми лампасами и крахмальная сорочка с перламутровыми пуговицами. На спинке стула висел смокинг. Нора остановилась у дверей, но Брисбейн не только не произнес ни слова, но и вообще не подал вида, что заметил ее присутствие. Девушка следила за тем, как Брисбейн умело обращается с галстуком. Наконец он закончил.

Лишь после этого он позволил себе заговорить:

– За несколько последних часов я многое о вас узнал, доктор Келли.

Нора промолчала.

– Я, в частности, узнал о катастрофе, которая постигла вашу экспедицию в юго-западной пустыне. Несчастье ставит под сомнение не только вашу способность к руководству, но и научную компетентность. Кроме того, я выяснил кое-что и о типе по имени Уильям Смитбек. Я и представления не имел, что между вами и мистером Уильямом Смитбеком из «Таймс» существуют столь дружеские отношения.

После этого возникла пауза, поскольку Брисбейн принялся выравнивать узел галстука. Делая это, Брисбейн забавно изогнул шею. Торчащая из воротника розовая шея страшно походила на цыплячью.

– Как мне стало известно, доктор Келли, вы в нарушение всех правил провели в архив людей, не имеющих отношения к штату музея.

Нора продолжала хранить молчание.

– И это еще не все. Вы занимались посторонней деятельностью в рабочее время. Помогали агенту Пендергасту. Что также является нарушением правил.

Напоминать Брисбейну о том, что он пусть и неохотно, но все же дал разрешение на ее сотрудничество с Пендергастом, было совершенно бесполезно. Поэтому девушка снова промолчала.

– И наконец, вы в нарушение наших правил вступили в контакт с прессой, не согласовав свои действия с отделом по связям с общественностью. Все эти правила, доктор Келли, имеют под собой прочный фундамент и вовсе не являются плодом бюрократических фантазий. Они обеспечивают безопасность музея, сохранность его коллекций и архивов и в первую очередь его высокую репутацию. Вы меня понимаете?

Нора продолжала молча смотреть на Брисбейна.

– Ваше поведение вызвало у нас серьезную озабоченность.

– Послушайте, – наконец сказала она, – если вы хотите меня уволить, то говорите это прямо.

Брисбейн посмотрел на нее с выражением издевательского изумления на розовом лице:

– Кто здесь говорит об увольнении? Мы не только вас не увольняем, мы запрещаем вам подавать заявление об уходе.

Теперь удивилась Нора.

– Нет, доктор Келли. Вы остаетесь в музее. Ведь вы как-никак героиня. Доктор Коллопи разделяет это мнение. После столь ловкого рекламного трюка, как публикация этой заметки, мы не могли даже и помыслить о вашем уходе. Вы теперь, если можно так выразиться, стали пуленепробиваемой. Во всяком случае, на время.

Нора внимательно слушала Брисбейна, и ее удивление постепенно превращалось в гнев.

Брисбейн еще раз пригладил галстук, полюбовался на него в зеркало и, повернувшись к ней, произнес:

– Однако вы лишаетесь всех своих привилегий. Доступ в хранилища и архивы для вас закрыт.

– Но женский туалет я посещать еще могу?

– Да, конечно. Однако вы должны воздерживаться от внешних контактов, если речь идет о делах музея. И в первую очередь от контактов с агентом ФБР и журналистом по имени Смитбек.

«О Смитбеке он может не беспокоиться», – подумала Нора.

– О Смитбеке нам известно все. Там, внизу, на него хранится досье толщиной чуть ли не в фут. Как вы, вероятно, знаете, два года назад он сочинил о музее книгу. Это было до моего прихода, и я ее не читал. Но до меня дошли слухи, что на Нобелевскую премию она не тянет. С тех пор он для музея персона нон грата.

Уставив на нее холодный неподвижный взгляд, он добавил:

– А в остальном продолжайте работать как обычно. Вы собираетесь присутствовать на открытии нового зала приматов?

– Этого я не планировала.

– Тогда приступайте к планированию. Ведь вы же как-никак наш товар недели. Люди захотят увидеть вас живьем. Мы же к вечеру выпустим пресс-релиз о нашем героическом докторе Келли, не забыв при этом упомянуть о том, как беззаветно, не требуя при этом вознаграждения, музей служит Нью-Йорку. Если последуют вопросы по текущему делу, то вы скажете, что вся ваша работа является абсолютно конфиденциальной.

Брисбейн взял со спинки стула смокинг, изящно в него упаковался, снял с плеча невидимую пылинку, провел ладонью по безупречно уложенным волосам и сказал:

– Надеюсь, у вас сыщется более или менее пристойное одеяние? Буду рад, если это не окажется дурацким нарядом для бала-маскарада, которые, увы, приобрели в последнее время такую популярность в нашем музее.

– А если я откажусь? Что, если не приму участия в вашей затее?

Брисбейн застегнул запонки и снова повернулся к ней лицом. Затем он стрельнул глазами на дверь.

На пороге, скрестив руки на груди, собственной персоной стоял доктор Коллопи. Директор любил молча бродить в одиночестве по залам. Его тощая, облаченная в черный костюм фигура, острый профиль англиканского священника и неприступный вид не только внушали почтение, но и наводили страх. Коллопи, происходивший из старинного рода джентльменов-ученых, являл собой личность загадочную. Он всегда держался сдержанно и говорил тихо, никогда не повышая голоса. Кроме того, директор владел прекрасным особняком на Вест-Энд-авеню, в котором и жил с новой женой – дамой потрясающей красоты. Супруга была на сорок лет моложе мужа, что служило темой бесконечных шуток и непристойных комментариев.

Но на сей раз директор Коллопи чуть ли не улыбался. Его заостренные черты лица выглядели гораздо мягче, чем обычно, и казались даже оживленными. Он подошел к Норе, обхватил ладонь девушки двумя руками и заглянул ей в глаза.

Нора вдруг поняла, что испытывает некоторое волнение. Она увидела в этом человеке то, что до нее увидела его молодая жена. За внешне неприступным фасадом скрывался человек огромной жизненной силы. Коллопи улыбнулся, и Норе показалось, что перед ней включили излучающий тепло прибор. Директор источал очарование и энергию.

– Я знаком с вашей работой, Нора, и, признаюсь, следил за ней с громадным интересом. Подумать только, великие руины каньона Чако создавались под влиянием ацтеков, а может быть, даже были их творением! Это очень важное открытие, Нора. Новое слово в науке.

– В таком случае…

Он остановил ее легким пожатием руки и продолжил:

– Меня не информировали о сокращении бюджета вашего отдела. Конечно, нам всем приходится затягивать пояса, но мне кажется, что иногда мы напрасно стрижем всех под одну гребенку.

Нора не смогла устоять перед искушением посмотреть на реакцию Брисбейна, но лицо первого заместителя директора являло собой каменную маску, и прочитать на нем что-либо было совершенно невозможно.

– По счастью, у нас имеется возможность не только восстановить финансирование вашего проекта в полном объеме, но и выделить дополнительно восемнадцать тысяч долларов на проведение столь необходимого вам радиоуглеродного анализа. Еще мальчиком мне довелось побывать в каньоне Чако, и я до конца дней своих буду помнить эти величественные руины.

– Спасибо, но…

Снова последовало легкое рукопожатие.

– Умоляю, не надо меня благодарить. Мистер Брисбейн был настолько добр, что привлек мое внимание к возникшей ситуации. Ваша работа имеет для музея огромное значение, и я лично сделаю все, чтобы оказать вам поддержку. Если вам что-то потребуется, обращайтесь ко мне. Лично ко мне.

Директор мягко отпустил ее ладонь и сказал, обращаясь к Брисбейну:

– Я должен удалиться, чтобы приготовить речь. Благодарю вас.

С этими словами директор Коллопи ушел.

Нора взглянула на Брисбейна, но лицо юриста по-прежнему оставалось непроницаемой маской.

– Теперь вы знаете, что произойдет, если вы примете участие в нашей программе, – сказал он. – О том, что произойдет в случае вашего отказа, я предпочитаю не распространяться.

Брисбейн повернулся к зеркалу, чтобы в последний раз оценить свою внешность.

– Увидимся вечером, доктор Келли, – почти нежно произнес он.

Глава 12

По красной ковровой дорожке О'Шонесси тащился следом за Пендергастом к бронзовым дверям музея. Он не сомневался в том, что взоры всех людей были обращены на него. В своей полицейской форме он казался себе клоуном. О'Шонесси небрежно уронил руку на кобуру револьвера и испытал некоторое удовлетворение, увидев, как нервно вздрогнул оказавшийся с ним рядом джентльмен в смокинге. Поразмыслив еще немного, он решил, что пребывание на этой собачьей выставке – времяпровождение более приятное, чем лицезрение физиономии капитана Кастера. Так что не стоит кривить рожу.

На подъездной аллее ежесекундно появлялись автомобили, из которых выходили красивые и не очень красивые люди. Бархатные канаты сдерживали небольшую группу унылых фотографов и журналистов. Вспышки камер никак нельзя было назвать частыми. Между ними возникали довольно продолжительные паузы. Микроавтобус с логотипом местной телевизионной компании уже готовился к отбытию.

– Должен заметить, что открытие зала приматов – празднество менее грандиозное, чем те, в которых мне здесь приходилось принимать участие, – сказал Пендергаст, оглядываясь по сторонам. – Думаю, что подобного рода мероприятия публику утомили. Музей то и дело устраивает приемы.

– Зала приматов? – удивился О'Шонесси. – Неужели все эти люди интересуются обезьянами?

– Думаю, что большинство их них явились, чтобы пообщаться с приматами, не являющимися экспонатами выставки.

– Ужасно смешно.

Войдя в двери, они пересекли Ротонду. Если не считать посещения музея два дня назад, то в последний раз О'Шонесси был здесь еще мальчишкой. Тогда, впрочем, как и сейчас, в музее были динозавры. И кроме динозавров – стадо слонов.

Красная ковровая дорожка и улыбающиеся молодые дамы указывали им путь. Очень милые дамы. О'Шонесси решил, что обязательно посетит музей, как только у него появится свободное время.

Они прошли через африканский зал и, миновав украшенные бивнями слона двери, вступили в зал для приемов. В помещении было множество маленьких столиков, освещаемых ритуальными для подобного рода мероприятий свечами. Вдоль одной из стен тянулась уставленная разнообразными яствами буфетная стойка. Стойку с обоих концов венчали прекрасно укомплектованные разливочные центры. В самом дальнем конце зала находился подиум, а в ближайшем к нему углу струнный квартет усердно пиликал венские вальсы. О'Шонесси не верил своим ушам. Квартет звучал просто отвратительно. Оставалось утешаться лишь тем, что музыканты увечили не Пуччини.

Зал был почти пуст.

У дверей торчал какой-то лощеный тип с белой гвоздикой в петлице. Под гвоздикой висела огромная картонка с начертанным на ней именем. Он подбежал к Пендергасту и, всем своим видом выражая благодарность, принялся трясти руку агента.

– Гарри Медокер, – представился тип. – Руководитель отдела по связям с общественностью. – Благодарю вас за визит, сэр. Надеюсь, вам наш новый зал понравится.

– Поведение приматов является моей специальностью.

– Ах вот как! Значит, вы пришли туда, куда надо. – Глава ведомства заметил О'Шонесси, и его рука с зажатой в ней ладонью Пендергаста замерла в воздухе. – Простите, офицер, – сказал он. – Неужели у нас возникли какие-нибудь проблемы?

В голосе, которым были произнесены эти слова, не осталось ни капли сердечности.

– Именно, – угрожающим тоном ответил О'Шонесси.

– Это частное мероприятие, офицер, – не пытаясь скрыть враждебности, произнес Медокер. – Прошу прощения, но вам придется уйти. Мы не нуждаемся в дополнительной охране...

– Вот как? Только для твоего сведения, Гарри... Я здесь в связи с группой любителей кокаина, которая подвизается в вашем заведении.

– Кокаин? В музее? – переспросил Медокер с таким видом, словно у него вот-вот должен был случиться инфаркт.

– Спокойно, офицер О'Шонесси, – бросил Пендергаст.

– Никому ни слова, Гарри. Представляешь, какой шум может поднять пресса. Подумай о музее. – О'Шонесси легонько похлопал Медокера по плечу и отошел, оставив побледневшего руководителя отдела трястись от ужаса.

– Терпеть не могу, когда проявляют неуважение к человеку в синем мундире, – сказал О'Шонесси.

Пендергаст вначале бросил на него суровый взгляд, но тут же понимающе кивнул и сказал:

– Правила запрещают пить на работе, но есть blini au caviar разрешают.

– Блины с чем?

– Блины из гречишной муки с густыми сливками и черной икрой.

– Я не употребляю в пищу сырые «рыбьи яйца», – содрогнувшись всем телом, сказал О'Шонесси.

– Боюсь, сержант, что вам никогда не доводилось пробовать настоящий продукт. Уверяю, что икра вам понравится даже больше, чем «Полет Валькирий». Тем не менее здесь имеется копченая осетрина, паштет из гусиной печенки, ветчина по-пармски и речные устрицы из Дамарискотта. Стол в музее всегда отменный.

– А сандвич с обычной ветчиной здесь можно получить?

– Это яство вы без труда найдете у парня с тележкой на углу Семьдесят седьмой улицы и Сентрал-Парк-Вест.

В зал ручейком текли новые люди, но свободного места было пока предостаточно. О'Шонесси прошел вслед за Пендергастом к столам с закусками. Обойдя стороной темную горку «рыбьих яиц», он взял себе несколько ломтиков ветчины, отхватил приличный кусок от головки сыра бри и, использовав французскую булку, соорудил себе чизбургер. Ветчина оказалась несколько суховатой, а сыр слегка отдавал аммиаком, но в целом сандвич оказался вполне съедобным.

– У вас, как мне кажется, состоялась встреча с капитаном Кастером, – сказал Пендергаст. – Если это так, то как она прошла?

– Нельзя сказать, что объятия были дружескими, – буркнул О'Шонесси.

– При встрече, как я предполагаю, должен был присутствовать представитель мэра.

– Мэри Хилл.

– О, мисс Хилл! Впрочем, как я сам не догадался?

– Капитан Кастер хотел знать, почему я не сообщил ему о лабораторном журнале, о платье и записке. Поскольку все эти сведения содержались в письменном докладе, который Кастер не удосужился прочитать, я ушел с этой встречи живым.

Пендергаст молча кивнул.

– Спасибо, что помогли мне закончить этот доклад. Если бы его не оказалось, они бы из меня кишки выпустили, но заставили бы написать то, что им надо.

– Весьма изящно сказано, – сказал Пендергаст, глядя через плечо О'Шонесси. – Сержант, позвольте мне представить вам моего старинного знакомого Уильяма Смитбека.

О'Шонесси обернулся и увидел у стойки буфета долговязого и неуклюжего молодого мужчину, на макушке которого, бросая вызов закону всемирного тяготения, торчал непокорный вихор. Смокинг на мужчине сидел на удивление скверно, что, впрочем, не мешало парню лихорадочно загружать разнообразной снедью свою тарелку. Мужчина поднял глаза, заметил Пендергаста и замер, но тут же принялся вертеть головой, словно пытался найти место, где можно скрыться. Однако агент ФБР послал ему ободряющую улыбку, и Уильям Смитбек без всякого энтузиазма направился к месту, где стояли Пендергаст и О'Шонесси.

– Агент Пендергаст, – произнес Смитбек несколько гнусавым баритоном, – какой приятный сюрприз.

– Вы прекрасно выглядите, мистер Смитбек, и это меня радует. – Пендергаст потряс руку журналиста. – Сколько лет, сколько зим!

– Да, много лет прошло, – ответил Смитбек с таким видом, словно лет прошло все же недостаточно. – Чем занимаетесь в Нью-Йорке?

– Я содержу здесь квартиру, – сказал Пендергаст и, отпустив руку журналиста, осмотрел последнего с ног до головы. – Как вижу, вы уже достигли уровня Армани, мистер Смитбек, – сказал агент ФБР. – Покрой вашего смокинга значительно превосходит покрой тех, с позволения

сказать, костюмов с Четырнадцатой улицы, которые вы носили прежде. Однако для того, чтобы вы сделали по-настоящему решительный шаг в знакомстве с портняжным искусством, я возьму на себя смелость рекомендовать вам обратить свой взор на творчество Бриони или Эременилджильдо Зенья.

Смитбек открыл рот, чтобы ответить, но Пендергаст без всякой паузы продолжил:

– Недавно я получил весточку от Марго. Она в Бостоне, трудится на благо «Джендайн корпорейшн» и просила меня при случае напомнить вам о ней.

Смитбек открыл рот, затем снова закрыл его. Лишь с большим трудом ему наконец удалось выдавить:

– А… а лейтенант Д'Агоста? С ним у вас есть связь?

– Лейтенант тоже двинулся на север. Он живет в Канаде и пишет полицейские романы под псевдонимом Кэмпбелл Дерк.

К этому моменту Смитбек уже полностью пришел в себя.

– Надо будет взглянуть на одно из его творений.

– Он еще не приобрел такую широкую известность, как вы, мистер Смитбек. Но должен заметить, что его, как вы сказали, творения вполне читабельны.

– Вы хотите сказать, что мои книги читать невозможно?

– К сожалению, я пока не имел счастья познакомиться ни с одной из них. Что бы вы могли мне порекомендовать?

– Очень смешно… – мрачно произнес Смитбек и, оглядевшись по сторонам, добавил: – Интересно, Нора придет или нет?

– Значит, вы и есть тот парень, который написал эту статью? – спросил О'Шонесси.

– Ну и брызги же полетели, – сказал Смитбек, утвердительно кивая. – Вы согласны?

– Да, статья определенно привлекла всеобщее внимание, – сухо ответил Пендергаст.

– Так и должно было быть. Серийный убийца девятнадцатого века, похищающий и убивающий детишек из работного дома для того, чтобы продлить свою жалкую жизнь! Журналисты и за гораздо менее яркие материалы получали Пулитцеровские премии.

Ручеек гостей тем временем успел превратиться в реку, и в зале становилось все шумнее.

– Американское археологическое общество требует расследовать, кто дал разрешение на уничтожение захоронения, – сказал Пендергаст. – Профсоюз строительных рабочих, насколько мне известно, тоже задает вопросы. В преддверии выборов мэру приходится отбиваться. Фирму «Моген – Фэрхейвен», как вы понимаете, этот шум совсем не радует. А вот и он... Легок на помине.

– Кто? – переспросил Смитбек, удивленный последними словами агента.

– Энтони Фэрхейвен, – ответил Пендергаст, кивая в сторону входа.

О'Шонесси проследил за взглядом Пендергаста и увидел у дверей зала человека гораздо более молодого, чем мог ожидать. Человек был похож на профессионального велосипедиста или альпиниста – такой же сухой, жилистый и в то же время атлетичный. Смокинг смотрелся на его груди и плечах столь органично, что казалось, будто Фэрхейвен в нем появился на свет. Еще большее изумление вызывало его лицо. Это было открытое лицо честного и порядочного человека, ничем не напоминающее портрет хищного и алчного бизнесмена с рынка недвижимости, нарисованный Смитбеком в «Таймс». Но самое удивительное произошло через несколько секунд. Прежде чем пройти в зал, Фэрхейвен посмотрел в их сторону и, поймав обращенные на него взгляды, широко и дружелюбно улыбнулся.

В размещенных на стенах динамиках послышалось шипение, и квартет, пиликавший в этот момент «Сказки Венского леса», умолк. Сделав это, естественно, вразнобой. На подиуме какой-то мужчина проверял звук. Мужчина удалился, и над толпой в зале повисла тишина. Через несколько секунд на возвышение поднялся и подошел к микрофону немолодой человек в строгом вечернем костюме. Это был серьезный, чрезвычайно интеллигентного и аристократичного вида мужчина. Мужчина держался непринужденно, но в то же время с большим достоинством. Одним словом, он олицетворял собой то, что так ненавидел О'Шонесси.

– Кто это? – спросил полисмен.

– Достопочтенный доктор Фредерик Коллопи, – ответил Пендергаст. – Директор музея.

– Его жене двадцать девять лет, – прошептал Смитбек. – Вы можете в это поверить? Это чудо, что он вообще способен найти свой... Взгляните, вот и она. – Журналист показал на молодую, исключительно привлекательную женщину, стоявшую чуть в стороне от подиума.

В отличие от всех остальных дам, облаченных преимущественно в черное, на супруге директора было платье изумрудного цвета. Головку мадам Коллопи украшала элегантная алмазная тиара. От подобного сочетания просто захватывало дух.

– Боже, – прошептал Смитбек. – Сногсшибательная женщина.

– Надеюсь, что парень держит в тумбочке пару сердечных таблеток, – пробормотал О'Шонесси.

– Пожалуй, я дам ему свой телефон, чтобы он мог позвать меня на подмогу, когда выдохнется, – произнес журналист.

– Добрый вечер, дамы и господа, – начал Коллопи. Говорил он низким голосом, торжественно, но без всякого нажима. – Будучи еще молодым человеком, я занялся классификацией приматов, или, если хотите, больших обезьян...

Уровень шума в зале уменьшился, но полностью разговоры не прекратились. «Это сборище, похоже, больше интересуется жратвой и выпивкой, а не болтовней об обезьянах», – подумал О'Шонесси.

– ...и я столкнулся с проблемой. Куда поместить человека? Являемся ли мы приматами? Являемся ли мы большими обезьянами, или мы есть нечто иное? Этот вопрос требовал...

– А вот и доктор Келли, – сказал Пендергаст.

Смитбек повернулся с выражением радостного ожидания на лице. Однако девушка с волосами медного цвета прошествовала мимо журналиста, даже не удостоив его взглядом.

– Послушай, Нора! Я весь день пытался тебя найти!

О'Шонесси немного понаблюдал за тем, как писака семенит за девицей, а затем посвятил все свое внимание самодельному сандвичу с ветчиной и сыром. Его радовало, что он зарабатывает себе на хлеб не так, как эта публика. Как только они это выносят? Переминаться с ноги на ногу и болтать с теми, кого никогда не видели раньше и никогда не встретят в будущем, пытаясь при этом в обязательном порядке изобразить свой интерес к происходящему. О'Шонесси не мог представить, что существуют люди, которым подобного рода тусовки способны доставить удовольствие.

– ...наши ближайшие родственники...

Смитбек уже вернулся. На груди его смокинга виднелись обширные пятна от взбитых сливок и «рыбьих яиц». Вид у парня был невеселый.

– Произошел несчастный случай? – сухо поинтересовался Пендергаст.

– Да… Можно и так сказать.

О'Шонесси поднял глаза и увидел, что Нора надвигается на ретировавшегося Смитбека. Ей, судя по ее виду, тоже было невесело.

– Нора… – завел снова Смитбек.

– Как ты мог? – с яростью спросила девушка. – Это была доверительная информация!

– Пойми, Нора, я сделал это только ради тебя. Неужели ты этого не понимаешь? Теперь тебя никто не посмеет…

– Ты же обещал, а я тебе поверила! Боже, не могу представить, что меня так кинули! – Она посмотрела в сторону, а затем снова обернулась к нему и с удвоенной яростью выпалила: – А может быть, это месть за то, что я отказалась поселиться в этой треклятой квартире?!

– Нет, Нора, нет. Совсем напротив. Я хотел тебе только помочь. Клянусь, что в конечном итоге ты будешь меня благодарить…

Бедняга выглядел совсем беспомощным, и О'Шонесси его даже пожалел. Парень явно влюблен в девчонку и своей дурацкой статьей теперь все погубил.

– А вы! – неожиданно повернувшись к Пендергасту, чуть ли не выкрикнула Нора.

Пендергаст вскинул брови и осторожно поставил тарелку с блинами на стол.

– Шныряете вокруг музея. Вскрываете замки. Всюду сеете подозрения.

– Если я невольно явился для вас причиной неприятностей, – с поклоном произнес Пендергаст, – прошу принять мои глубочайшие извинения.

– Неприятностей? Да они намерены меня просто распять. И вот статья в сегодняшней газете. Я вас убью! Я вас всех поубиваю!

Последние слова были произнесены настолько громко, что многие из публики уставились на нее, перестав обращать внимание на оратора, все еще бубнившего о классификации больших обезьян.

– Улыбнитесь, – сказал Пендергаст. – С нас не сводит глаз наш общий друг Брисбейн.

Нора бросила взгляд через плечо. О'Шонесси тоже посмотрел в сторону подиума и увидел ухоженного мужчину – высокого, с блестящими, напомаженными волосами. Мужчина, не скрывая своего недовольства, смотрел в их сторону.

Нора покачала головой и, понизив голос, сказала:

– Господи, ведь я даже не имею права с вами говорить. До сих пор не верю, что вы смогли поставить меня в подобное положение.

– Тем не менее, доктор Келли, мне необходимо с вами побеседовать, – ласково произнес Пендергаст. – Встретимся завтра в заведении, именуемом «Чай и женьшень Тен Рена». Магазинчик находится на Мотт-стрит, дом номер семьдесят пять. В семь часов вечера, если не возражаете.

Девушка обожгла агента ФБР сердитым взглядом и отошла. Почти сразу после этого рядом с ними оказался Брисбейн.

– Какой приятный сюрприз, – произнес он тоном, в котором можно было уловить арктический холод. – Агент ФБР, полицейский и репортер. Вот уж поистине не святая троица.

– Как поживаете, мистер Брисбейн? – слегка склонив голову, спросил Пендергаст.

– В лучшем виде.

– Счастлив это услышать.

– Я не помню, что видел ваши имена в списке приглашенных. В первую очередь ваше имя, мистер Смитбек. Как вам удалось проскользнуть мимо охраны?

– Сержант О'Шонесси и я находимся здесь по делам службы. Что же касается мистера Смитбека, то он, по моему мнению, только и ждет, чтобы его вывели отсюда за ухо. Представляете, какой материал появится после этого в ночном выпуске «Таймс»?

– Обязательно, – радостно кивнул Смитбек.

Фальшивая улыбка словно замерзла на лице Брисбейна. Он посмотрел на Пендергаста, а затем перевел взгляд на Смитбека.

– Разве ваша мама не учила вас, что икру следует отправлять в рот, а не на манишку? – спросил он и удалился.

– Кретин, – пробормотал журналист.

– Не стоит его недооценивать, – ответил Пендергаст. – За ним стоят «Моген – Фэрхейвен», музей и мэр. И он вовсе не кретин.

– Конечно. Но и я не вошь какая-нибудь, а репортер «Нью-Йорк таймс».

– Не надо заблуждаться. Боюсь, что даже этот высокий пост не всегда способен вас защитить.

– ...а теперь, не теряя времени, пора открыть доступ в последнее творение музея – зал приматов...

О'Шонесси увидел, как при помощи ножниц-переростков разрезали красную ленту. В зале раздались жидкие аплодисменты, и публика потянулась к открытым дверям нового зала.

– Пойдем? – глядя на О'Шонесси, спросил Пендергаст.

– Почему бы и нет, – ответил полицейский. Во всяком случае, это было лучше, чем торчать в опостылевшем зале приемов.

– На меня не рассчитывайте, – сказал Смитбек. – Я видел столько подобных выставок, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Уверен, что мы снова встретимся, – бросил Пендергаст, тряся со всей сердечностью руку репортера. – Очень скоро.

О'Шонесси показалось, что перспектива новой встречи не очень воодушевила журналиста.

Вскоре они прошли через двери. Публика разгуливала по просторному помещению, вдоль стен которого находились диорамы. Чучела горилл, шимпанзе, орангутангов и разнообразной обезьяньей мелочи, включая лемуров, были представлены в их естественной среде обитания. Несмотря на сильное внутреннее сопротивление, О'Шонесси пришлось признать, что диорамы сделаны просто изумительно. Они казались магическими окнами в иные, далекие миры. Как эти уроды смогли добиться такого эффекта? Впрочем, уроды здесь ни при чем. Это сделали научные работники и художники. Типы вроде Брисбейна были сухостоем в этом лесу.

О'Шонесси решил, что обязательно сюда вернется, чтобы разглядеть все внимательно и неторопливо. И вообще стоит почаще заглядывать в музеи.

Он увидел, что у застекленного куба с болтающимся на ветке шимпанзе толпится особенно много зрителей. Оттуда раздавался шепот и доносились подавленные смешки. «Интересно, – подумал О'Шонесси, – почему именно этот шимпанзе произвел такой фурор?» Экспонат ничем не отличался от других, но именно он собрал вокруг себя зрителей. Полицейский огляделся по сторонам и увидел, что Пендергаст в дальнем конце зала с увлечением изучает какую-то крошечную обезьянку. Любопытная личность. И довольно пугающая, если серьезно подумать.

О'Шонесси направился к стеклянному кубу и остановился в заднем ряду зрителей. Некоторые из них шептались, иные делали все, чтобы подавить смех, а часть покачивала головами, выражая свое неодобрение.

Одна из дам отчаянно махала рукой, призывая охранника. Увидев, что среди них находится полицейский, зеваки расступились, открывая путь представителю правоохранительных органов.

Сделав пару шагов вперед, О'Шонесси увидел прикрепленную к стеклу пояснительную табличку. Она была сделана из мореного дуба, и на ней золотыми буквами значилось:

РОДЖЕР К. БРИСБЕЙН-ТРЕТИЙ

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА

Глава 13

Сундучок был сделан из грушевого дерева. Несколько десятков лет к нему никто не прикасался, и теперь его покрывал толстый слой пыли. Но для того, чтобы удалить этот налет времен, потребовалось лишь одно легкое движение бархотки. Второе движение открыло взгляду всю богатую, сочную фактуру древесины.

После этого бархотка переместилась на окованные бронзой углы, придав им первородный блеск. Бронзовые петли пришлось не только протереть, но и слегка смазать. После этого наступила очередь золотой таблички с именем, прикрепленной к крышке сундучка шурупчиками. И лишь после того, как каждый квадратный дюйм, каждая металлическая деталь сундучка были отполированы до блеска, его слегка дрожащие от величия момента пальцы прикоснулись к запору. Язычок замка легонько щелкнул; можно поднимать крышку.

Взгляду открылись сверкающие инструменты, покоящиеся в бархатных гнездах. Он поочередно прикоснулся к ним чуть ли не с благоговением, словно инструменты обладали каким-то чудесным целительным даром. И это соответствовало истине – должно было соответствовать.

Первое место занимал нож для ампутации конечностей. Его клинок был чуть изогнут вниз – типичная форма американских ампутационных ножей, произведенных между временем Войны за независимость и Гражданской войны. Что касается данного ножа, то его создала в 1840 году фирма «Виганд и Сноуден». Это было подлинное произведение искусства.

Его пальцы двинулись дальше. Крупный опал в единственном перстне заговорщицки подмигивал в приглушенном свете. Запястная пила, ланцет Катлина, хирургические щипцы для костей, щипцы для мягких тканей. В конце концов пальцы замерли на большой пиле. Вначале он ласкал пилу по всей длине, а затем неожиданно для самого себя извлек из гнезда. Пила была подлинной красавицей, изготовленной для настоящих дел. Длинная, с тяжелым, потрясающе острым лезвием. Ее рукоятка, как и рукоятки всех других инструментов, была сделана из

слоновой кости и гуттаперчи. Хирургические инструменты начали стерилизовать лишь после того, как в восьмидесятых годах девятнадцатого века Листер опубликовал свои работы о бактериях. С того времени рукоятки хирургических инструментов стали металлическими, а старые инструменты с пористыми деталями превратились в достояние коллекционеров. Как жаль – старинные инструменты выглядели гораздо более привлекательно.

Ему доставила удовольствие мысль о том, что при его работе стерилизации не потребуется.

Инструменты в сундучке хранились на двух уровнях. Он с благоговением снял верхний лоток, в котором лежал набор для ампутаций, и его взору открылась еще большая красота. На нижнем уровне нашли себе убежище нейрохирургические инструменты. Вдоль изящных пилок протянулся ряд черепных трепанов. Эти инструменты окружала жемчужина всего хирургического набора – цепная пила. Это была длинная металлическая лента, сплошь усеянная острейшими зубьями с зазубренными краями. Оба конца восхитительной ленты украшали рукоятки из слоновой кости. Вообще-то красавица принадлежала к набору для ампутаций, но длина пилы вынудила поместить ее на нижний лоток. Пилу использовали, когда требовалась быстрота и на всякого рода деликатности у хирурга просто не оставалось времени. Инструмент внушал ужас – и в то же время он был безмерно прекрасен.

Его пальцы ласково прикоснулись ко всем предметам, и лишь после этого верхний лоток вернулся на свое место.

Со стоящего рядом стола он взял тяжелый кожаный ремень, положил его рядом с открытым сундучком, а затем неторопливо кончиками пальцев смазал кожу небольшим количеством говяжьего сала. Самое главное теперь – не спешить. Чрезвычайно важно ничего не делать торопливо, ибо торопливость приводит к ошибкам и ненужной растрате сил.

По прошествии некоторого времени его пальцы снова погрузились в сундучок и извлекли оттуда нужный ланцет. Он любовно приложил лезвие ланцета к кожаному ремню и начал медленно водить лезвие туда-сюда, туда-сюда. Смазанная салом толстая кожа, казалось, мурлыкала от удовольствия.

На то, чтобы придать всем инструментам остроту бритвы, уйдет много часов. Но зато потом у него будет масса времени.

Более того, он станет хозяином бесконечности.

Назначенное время

Глава 1

Пол Карп не мог поверить, что наконец-то ЭТО ему обломится. Ему семнадцать лет, и он ЭТО получает. Пол потянул девчонку глубже в заросли. Самая глухая часть Центрального парка, которую избегали посетители. Место, конечно, не лучшее, но для первого раза сойдет.

– Почему бы нам просто не пойти к тебе? – спросила девица.

– Предки дома. – Сделав паузу на то, чтобы обнять и поцеловать подругу, он продолжил: – Не робей, здесь все нормально.

Лицо парня залилось краской, он слышал, как тяжело дышит девушка. Мальчишка огляделся по сторонам в поисках наиболее укромного местечка. Не желая терять ни секунды, Пол нырнул в густые заросли рододендронов. Девица с готовностью последовала за ним. Парень настолько разнервничался, предвкушая ЭТО, что его начала бить дрожь. «Место только кажется заброшенным, – думал он. – Ведь люди сюда все-таки заходят».

Он продирался сквозь кусты дальше. Хотя осеннее солнце опустилось уже довольно низко, через листву пробивалось достаточно много света.

В конце концов им удалось найти укромное местечко – толстое покрывало из мирта, окруженное со всех сторон густыми кустами. Здесь их никто не увидит. Они были одни.

– Пол... А если грабитель?..

– Никакой грабитель нас здесь не увидит, – поспешил заверить Пол, обнимая и целуя девушку, которая ответила на поцелуй вначале довольно сдержанно, а затем более горячо.

– Значит, ты уверен, что это место годится? – прошептала она.

– Абсолютно уверен. Мы здесь совсем одни.

Оглядевшись в последний раз по сторонам, Пол улегся на матрас из мирта и потянул ее к себе. Они снова поцеловались. Парень засунул руку под блузку, и девушка его не остановила. Он чувствовал, как поднимается и опускается ее грудь. Птицы над их головами учинили гвалт, а мирт расстилался под ними наподобие толстого зеленого ковра. Все было прекрасно, и Пол решил, что место подходит просто идеально. Одним словом, будет что рассказать приятелям. Но сейчас должно случиться самое важное. Друзья перестанут издеваться над ним как над последним девственником выпускного класса школы «Хорас Манн».

Он еще крепче прижал девушку к себе и попытался расстегнуть кое-какие пуговицы.

– Не дави так сильно, – прошептала она смущенно. – Земля здесь жутко неровная.

– Прости, – сказал Пол, и они в поисках более удобного места чуть подвинулись.

– А теперь у меня под спиной какая-то ветка, – сказала девушка и вдруг замерла.

– В чем дело?

– Я услышала хруст.

– Это всего лишь ветер, – сказал Пол и, подвинувшись еще чуть-чуть, снова ее обнял.

Он неловко расстегнул остальные пуговицы на блузке и молнию на брюках. Ее груди оказались на свободе, и Пол ощутил, как еще сильнее напряглись его чресла. Он принялся поглаживать обнаженный живот девушки, постепенно опуская руку все ниже и ниже. Но ее гораздо более опытная ручка первой коснулась его деликатного места. Почувствовав умелый захват, он набрал полную грудь воздуха и что есть силы двинул вперед бедра.

– Ой! Подожди. Подо мной по-прежнему какая-то ветка.

Девушка, тяжело дыша, села. Пол тоже сел, испытывая желание и разочарование одновременно. Там, где они только что лежали, мирт был изломан и примят, сквозь гущу зелени он увидел очертание какой-то светлой ветки. Парень сунул руку в поросль, схватил проклятую ветку и сильно рванул на себя.

Но оказалось, что здесь что-то не так. Ветка была холодной и упругой на ощупь. А когда она появилась из зелени, стало ясно, что это вообще не ветка, а рука. Листья неохотно разошлись, открыв все тело. Он разжал пальцы, и мертвая рука снова упала в зелень.

Девушка завизжала, вскочила на ноги, оступилась, упала, поднялась и бросилась бежать. Молния на джинсах осталась расстегнутой, а легкая блузка развевалась у нее за спиной. Пол поднялся и услышал треск кустов, через которые не разбирая дороги продиралась его подруга. Все это произошло настолько быстро, что казалось ему каким-то дурным сном. Он чувствовал, как умирает в нем желание, уступая место ужасу. Надо было бежать. Но прежде чем удариться в бегство, Пол машинально обернулся, чтобы убедиться, что все это не сон. Нет, все было именно так. Пальцы на руке были слегка согнуты, и белая кожа покрыта грязью. А в полутьме под густой зеленью он увидел и все остальное.

Глава 2

Доктор Билл Даусон, опершись на раковину, без всякого интереса изучал свои аккуратно подстриженные ногти. Еще один жмурик – и

ленч. Слава Богу. Чашка кофе и сандвич с беконом скрасят его существование. Доктор не знал, почему ему захотелось съесть именно такой сандвич. Не исключено, что мысли о беконе навеял ему серовато-багровый цвет последнего трупа. Как бы то ни было, но работающий в заведении на углу доминиканец возвел приготовление сандвичей в ранг подлинного искусства. Даусону даже показалось, что он уже ощутил во рту вкус салата и приправленных майонезом томатов…

С блокнотом в руках в прозекторскую вошла сестра, и доктор поднял глаза. У нее была короткая стрижка и очень аккуратное тело. Доктор посмотрел на блокнот и, не прикасаясь к нему, спросил:

– Что там у нас?

– Убийство.

Доктор демонстративно вздохнул и закатил глаза.

– Как это прикажете понимать? Четвертое за день. Видимо, открылся охотничий сезон. Что у него? Очередной огнестрел?

– Нет. Многочисленные ножевые ранения. Труп обнаружили в Центральном парке – в «Лабиринте».

– В некотором роде на свалке, – сказал доктор. – Что ж, все закономерно. Надо же, еще одно вшивое убийство. – Он взглянул на часы и произнес: – Волоки его сюда.

Доктор посмотрел вслед уходящей сестре. Миленькая, очень миленькая. Через несколько секунд сестра вернулась с каталкой, на которой лежало прикрытое зеленой простыней тело.

– Как насчет того, чтобы вместе поужинать сегодня? – спросил он, не сделав и шага в сторону покойника.

– Думаю, что это не самая хорошая идея, доктор, – улыбнулась сестра.

– Почему так?

– Я уже вам говорила, что не встречаюсь с врачами. И особенно с теми, с которыми работаю.

Доктор улыбнулся, опустил на нос очки и спросил:

– А вы разве забыли, что у нас с вами родственные души?

– Боюсь, что это не совсем так, – ответила она улыбкой на улыбку.

Однако доктор видел, что его интерес ей льстит. «Не будем форсировать события, – подумал он. – Не те времена. Сексуальные домогательства и все такое…»

Патологоанатом вздохнул, натянул на руки свежую пару перчаток и сказал:

– Включайте видеокамеру. – Взяв из рук сестры записи, он начал: – Итак, мы имеем женщину европейского типа, идентифицированную как Дорин Холландер, двадцати семи лет от роду. Постоянно проживала в Пайн-Крик, штат Оклахома. Опознание провел ее муж.

Он пробежал взглядом оставшуюся часть записи, повесил блокнот на каталку, натянул на лицо хирургическую маску и с помощью сестры переложил прикрытое простыней тело на прозекторский стол из нержавеющей стали.

Почувствовав за своей спиной чье-то присутствие, доктор резко обернулся и увидел в дверях высокого стройного мужчину. Кожа рук и лица незнакомца была на удивление бледной, резко контрастируя с его черным костюмом. За спиной мужчины торчал коп в синем мундире.

– В чем дело? – спросил Даусон.

Человек подошел ближе, открыл бумажник и сказал:

– Моя фамилия Пендергаст, и я – специальный агент ФБР. А мой спутник – сержант О'Шонесси из департамента полиции Нью-Йорка.

Даусон внимательно посмотрел на агента. Правила запрещали присутствие посторонних при вскрытии. Кроме того, этот человек выглядел довольно странно – почти белые волосы, чрезвычайно светлые глаза и ярко выраженный акцент южанина.

– И что же из этого следует?

– Вы разрешите нам присутствовать при вскрытии?

– Этим делом занимается ФБР?

– Нет.

– Где ваше разрешение?

– Такового у меня не имеется.

– Вам известны правила, – раздраженно бросил Даусон. – И выступать в качестве зрителя здесь никому не позволено.

Агент ФБР приблизился еще на шаг, что Даусону крайне не понравилось. Он с трудом поборол искушение отступить назад.

– Послушайте, мистер Пендергаст, выправите нужные бумаги и возвращайтесь. О'кей?

– Это займет слишком много времени, – сказал человек по имени Пендергаст. – И существенно замедлит вашу работу. Я был бы весьма вам благодарен, если бы вы разрешили мне присутствовать при вскрытии.

В тоне человека было нечто такое, что звучало гораздо жестче тех слов, которыми была изложена просьба. Патологоанатом начал испытывать некоторую неуверенность.

– Послушайте, при всем моем уважении...

– При всем моем уважении, доктор Даусон, у меня нет никакого желания обмениваться с вами любезностями. Приступайте к вскрытию.

Голос агента теперь звучал холодно и сухо, и Даусон вспомнил, что диктофон давно работает. Он почувствовал, что очень скоро ему придется испытать унижение. Все это будет скверно выглядеть и может в дальнейшем доставить неприятности. Ведь этот парень так или иначе служит в ФБР.

– Ну хорошо, Пендергаст, – вздохнул он. – Только наденьте на ноги бахилы.

Когда они вернулись, доктор одним движением сдернул простыню с трупа. Тело лежало на спине. Молодая блондинка со свежей кожей. Прошлая ночь была довольно прохладной, и разложение еще не коснулось трупа. Даусон склонился к микрофону и приступил к описанию, а агент ФБР с интересом разглядывал мертвое тело. Представитель департамента полиции, напротив, демонстрировал нервозность, переминаясь с ноги на ногу и плотно сжав губы. «Только блевотины мне здесь не хватает», – подумал доктор.

– Как вы считаете, он выдержит? – негромко спросил Даусон у Пендергаста, кивая в сторону копа.

– Вам не обязательно смотреть на это, сержант, – сказал агент ФБР.

Полицейский судорожно сглотнул, посмотрел на Пендергаста, бросил взгляд на покойницу и сказал:

– Подожду вас в комнате отдыха.

– Бросьте бахилы в бачок у двери, – саркастически сказал Даусон, испытывая при этом полнейшее удовлетворение.

Дождавшись, когда коп уйдет, Пендергаст сказал:

– Я бы порекомендовал перевернуть тело на живот, до того как вы приступите к рассечению грудины.

– Это почему же?

– Вторая страница, – ответил Пендергаст, показывая на висящий на каталке блокнот.

Даусон взял записи и перевернул первую страницу. Обширные раны… Множественные ножевые ранения… Похоже на то, что женщину несколько раз ударили ножом в нижнюю часть спины. А может быть, что-то и похуже. С медицинской точки зрения из полицейских протоколов всегда очень трудно понять, что произошло на самом деле. Судмедэксперта на место преступления не вызывали, и это говорило о том, что расследованию особого значения не придается. Эта Дорин Холландер, судя по всему, не очень большая шишка.

– Сью, помогите мне ее перевернуть, – сказал Даусон и возвратил блокнот на место.

Они перевернули тело, обнажив спину. Сестра судорожно вздохнула и поспешно отошла в сторону.

– Создается впечатление, что она скончалась на операционном столе, – изумленно произнес патологоанатом. – Во время удаления злокачественной опухоли на позвоночнике.

Опять они там внизу что-то начудили. Только на прошлой неделе ему дважды присылали трупы, перепутав при этом сопровождающие бумаги. Но, взглянув еще раз, Даусон понял, что травмы нанесены не в больнице. Об этом говорили земля и листья, прилипшие к краям огромной раны, захватывающей поясничный и крестцовый отделы позвоночника.

Здесь было что-то странное и пугающее. Очень странное и очень пугающее.

Доктор склонился над трупом и принялся диктовать описание раны, стараясь при этом ничем не выдать своего изумления:

– Даже при поверхностном наблюдении характер ранений совершенно не походит на случайные удары ножом или разрезы, о которых говорится в полицейском протоколе. Рана имеет вид… вид рассечения. Надрез – если это считать надрезом – начинается примерно в десяти дюймах ниже лопатки, или в семи дюймах выше линии талии. Создается впечатление, что иссечена вся нижняя часть позвоночника, начиная от первого позвонка и вплоть до крестца.

Услышав эти слова, специальный агент ФБР поднял глаза на патологоанатома.

– Иссечение включает в себя и самую нижнюю часть ствола спинного мозга. – Даусон склонился еще ниже и бросил: – Сестра, очистите рану, пожалуйста.

Девушка протерла края разреза губкой. После этого в прозекторской наступила тишина, которую нарушал лишь стрекот видеокамеры да шорох листьев и мелких веток, перемещающихся по дренажной системе прозекторского стола.

– Спинной мозг, или, точнее, вся его нижняя часть, включая нервный узел «конский хвост», отсутствует. Она была изъята. На периферии рассечения имеются расширения и присутствуют поперечные надрезы. Сестра, проведите спринцевание раны между первым и пятым позвонками.

Сестра послушно промыла требуемый участок.

– При иссечении вокруг раны была частично снята кожа, а подкожная ткань и прилегающие к позвоночнику мышцы раздвинуты. Для этой цели прозектор, видимо, использовал самофиксирующиеся зажимы. В нескольких местах заметны их следы. – Доктор показал на некоторые участки раны, чтобы видеокамера могла их лучше зафиксировать. – Остистые отростки иссечены. Что касается твердой мозговой оболочки, то она сохранилась. Однако в ней от первого позвонка до крестца имеется продольный надрез, который позволил изъять спинной мозг. Создается впечатление, что резекция была произведена… весьма профессионально. Сестра, бинокуляр, пожалуйста.

Сестра подкатила к прозекторскому столу микроскоп, и Даусон быстро исследовал остистые отростки.

– Похоже на то, что для извлечения ствола мозга из твердой мозговой оболочки применялись специальные щипцы.

Доктор выпрямился и провел затянутой в резину ладонью по лбу. Все это совсем не походило на стандартное вскрытие, которое проводится в обычном морге. Это скорее было похоже на упражнение продвинутых студентов-нейрохирургов при изучении анатомии спинного мозга. Патологоанатом вспомнил о присутствии агента ФБР Пендергаста и поднял на него глаза, чтобы увидеть его реакцию. Ему не раз доводилось быть свидетелем шока у людей, присутствовавших при вскрытии. Но такого выражения лица, как у агента, доктор Даусон никогда не видел. Пендергаст не испытывал шока. Он был просто мрачен. Мрачен, как сама смерть.

– Доктор, вы позволите мне задать вам несколько вопросов?

Даусон в ответ молча кивнул.

– Явилась ли причиной смерти данная резекция?

Вопрос для доктора прозвучал неожиданно, поскольку он об этом не задумывался.

– Если субъект во время операции был жив, то да – операция могла стать причиной смерти. – Представив подобную возможность, патологоанатом непроизвольно содрогнулся.

– В какой момент должна была наступить смерть?

– Как только был сделан разрез твердой мозговой оболочки, произошло истечение спинномозговой жидкости. Одно это могло послужить причиной смерти.

Он снова изучил рану. Судя по всему, операция вызвала массивное венозное кровотечение, и некоторые кровеносные сосуды были пережаты. Это говорило о прижизненном характере травмы. Но в то же время тот, кто делал операцию, не обходил вены, как поступил бы любой хирург, работая на живом пациенте, а просто их рассекал. Операция, бесспорно, проводилась с большим искусством, но в то же время крайне торопливо.

– Большое число вен рассечено, и только на самые крупные – кровотечение из которых могло помешать операции – были поставлены зажимы. Субъект мог скончаться от потери крови еще до вскрытия твердой мозговой оболочки. Это зависело от того, насколько быстро этот… эта личность работала.

– Но был ли субъект жив в начале операции?

– Полагаю, что был, – ответил Даусон, глотая слюну. – Однако позже не предпринималось никаких усилий, чтобы субъект оставался живым до конца резекции.

– Скажите, для того чтобы установить, применялись ли транквилизаторы, видимо, надо будет провести анализ крови и тканей. Не так ли?

– Это стандартная процедура, – кивнул доктор.

– Насколько профессионально, по вашему мнению, была проведена операция?

Доктор не ответил, так как пытался привести в порядок мысли. Это дело таит в себе потенциальные неприятности. В настоящее время они хотят как можно дольше не поднимать шума, чтобы избежать радаров нью-йоркской прессы. Но все, как всегда, выйдет наружу, и сразу же объявится куча типов, которые примутся ставить под сомнение все его действия. Надо кончать со спешкой. Теперь он будет делать все по

инструкции – шаг за шагом. Это вовсе не спонтанное убийство, как доложила полиция. Слава Богу, что он сразу не приступил к вскрытию. Впору поблагодарить этого агента.

Повернувшись к сестре, он распорядился:

– Пригласите Джонса подняться сюда с широкоугольной камерой и с фотокамерой для бинокулярного микроскопа. Кроме того, я хочу, чтобы в работе участвовал еще один судмедэксперт. Кого мы можем вызвать?

– Доктора Лофтона.

– Он мне потребуется через полчаса. Нужна консультация одного из наших нейрохирургов. А именно доктора Фельдмана. Доставьте его сюда как можно скорее.

– Хорошо, доктор.

Затем он повернулся к Пендергасту:

– Боюсь, что я не могу вам позволить оставаться здесь без формального письменного разрешения.

К немалому его изумлению, агент протестовать не стал.

– Понимаю, доктор. Полагаю, что вскрытие в надежных руках. Лично я видел вполне достаточно.

«Я тоже», – подумал Даусон. Теперь он не сомневался в том, что резекцию проводил профессиональный хирург. И от этой мысли ему стало не по себе.

* * *

О'Шонесси стоял у автомата в комнате отдыха и размышлял, не купить ли чашечку кофе. В конце концов он эту идею отверг. Ирландец был изрядно смущен. Он, циничный и прожженный нью-йоркский коп, оказался слабаком. Еще чуть-чуть, и все съеденные им булочки оказались бы на полу прозекторской. Вид этой бедной обнаженной девочки на столе... Посиневшей и покрытой грязью. Юное, слегка опухшее лицо... Листья и ветки в волосах... Он снова содрогнулся, припомнив эту картину.

Кроме того, в нем кипела злость к тому, кто это сделал. О'Шонесси никогда не занимался расследованием убийств и никогда к этому не стремился. Он терпеть не мог вида крови. Но его невестка жила в Оклахоме. И ей примерно столько же лет, сколько этой девочке. О'Шонесси казалось, что теперь он готов выдержать все – лишь бы схватить убийцу.

Из стальных дверей словно призрак выскользнул Пендергаст. Агент ФБР едва удостоил полицейского взглядом, и О'Шонесси двинулся за ним следом. Они молча вышли из здания и так же молча влезли в машину.

Что-то явно привело Пендергаста в мрачное расположение духа. У парня часто менялось настроение, но таким угрюмым О'Шонесси его еще никогда не видел. Полицейский все еще не мог взять в толк, почему Пендергаст вдруг заинтересовался новым убийством, прервав расследование преступления девятнадцатого века. Но в данный момент спрашивать об этом не стоило.

– Мы высадим сержанта рядом с его участком, – сказал Пендергаст шоферу. – А после этого можете доставить меня домой.

Пендергаст откинулся на кожаную спинку сиденья, и О'Шонесси наконец осмелился.

– Что случилось? – глядя на специального агента, спросил он. – Что вы увидели?

– Зло, – сказал Пендергаст и после этого за всю дорогу не проронил ни слова.

Глава 3

Уильям Смитбек-младший в своем лучшем костюме от Армани (только что из химчистки), свежайшей рубашке и с самым строгим, деловым галстуком из его коллекции стоял на углу Пятьдесят пятой улицы. Его взор был устремлен на вершину огромного монолита из хрома и стекла, известного под именем «Моген – Фэрхейвен». Залитый солнечным светом сине-зеленый небоскреб походил на гигантскую глыбу воды. В этом муравейнике стоимостью сто миллионов долларов должна была находиться его жертва.

Он не сомневался, что при помощи своего языка сможет проложить путь к Фэрхейвену. В этом деле Смитбек был мастером. Интервью с магнатом было гораздо более многообещающим заданием, чем статья об убийстве туристки в Центральном парке, которую поначалу захотел получить от него редактор. Этот чудак с покрасневшими от работы глазами за толстыми стеклами очков и прокуренными пальцами почему-то считал, что материал о мертвой даме из Оклахомы произведет фурор. Фурор? Откуда старик это взял? В Нью-Йорке туристов мочат ежедневно. Это, конечно, плохо, но против фактов не попрешь. Репортажи об убийствах не больше чем журналистская поденщина. Совсем другое дело – Фэрхейвен. У Смитбека было предчувствие, что из старых убийств, которыми так заинтересовался Пендергаст, и из всего того, что связано с музеем, может получиться первоклассный материал. А Смитбек привык прислушиваться к своим предчувствиям. Он не разочарует редактора. А

сейчас он забросит свой первый крючок, и Фэрхейвен наверняка проглотит наживку.

Смитбек еще раз глубоко вздохнул и пересек улицу, показав на ходу средний палец таксисту, машина которого с ревом клаксона проскользнула в каких-то нескольких дюймах от него. Вход в здание являл собой монументальное сооружение из гранита и титана. В вестибюле его ожидали еще несколько квадратных акров гранита. Там же находилась большая стойка, за которой сидели чуть ли не пара дюжин охранников. Дальше за стойкой виднелось несколько групп лифтов.

Смитбек решительным шагом направился к охранникам. Опершись на стойку, он коротко бросил:

– Я пришел на встречу с мистером Фэрхейвеном.

– Имя? – спросил ближайший охранник, изучавший (впрочем, без всякого интереса) компьютерную распечатку.

– Уильям Смитбек-младший из «Нью-Йорк таймс».

– Минуту, – буркнул охранник и поднял телефонную трубку.

Набрав номер, он передал трубку Смитбеку.

– Чем могу быть вам полезна? – произнес сухой женский голос.

– Говорит Уильям Смитбек-младший из «Нью-Йорк таймс». Мне необходимо побеседовать с мистером Фэрхейвеном.

Была суббота, но Смитбек поставил на то, что строительный магнат находится в своем офисе. Парни, подобные Фэрхейвену, всегда работают по субботам. И как раз по субботам окружающее их ограждение из секретарей и личных помощников оказывалось наиболее жидким.

– У вас назначена встреча? – услышал он вопрос женщины, расположившейся высоко над ним, где-то в районе пятидесятого этажа.

– Нет. Я репортер, который готовит материал об Энохе Ленге и телах, обнаруженных в тоннеле на Кэтрин-стрит. Мне необходимо побеседовать с ним немедленно. Дело не терпит отлагательства.

– Вам следует договориться о встрече заранее.

– Отлично. Вот и считайте, что я звоню, чтобы предварительно договориться о приеме. Но, скажем… сегодня на десять утра.

– Мистер Фэрхейвен очень занят, – последовал мгновенный ответ.

Смитбек облегченно вздохнул. Значит, он все-таки на месте. Пора усилить нажим. Не исключено, что за девицей на телефоне парня окружает еще с десяток рядов секретарей. Но ему уже не раз удавалось прорывать и не такую линию обороны.

– Послушайте. Если мистер Фэрхейвен слишком занят, чтобы меня принять, я буду вынужден написать, что он отказался от всякого рода комментариев.

– В настоящее время он очень занят, – повторил тоном робота женский голос.

– Значит, «никаких комментариев»? Вы не представляете, какие чудеса творят с образом человека эти простые слова в глазах публики. Придя в офис в понедельник, мистер Фэрхейвен в первую очередь пожелает узнать, кто не допустил к нему журналиста из «Нью-Йорк таймс». Понимаете, куда я клоню?

После этого наступило довольно продолжительное молчание. Смитбек набрал полную грудь воздуха. Иногда подобная операция занимала много времени.

– Представьте, что вы читаете заметку о каком-нибудь скользком парне и видите, что этот парень отказывается от комментариев. Что вы подумаете об этом самом парне? Особенно если он занят строительством и спекуляцией недвижимостью. «Никаких комментариев»... Из такого прокола я могу очень много выжать.

Снова последовало молчание. Неужели она бросила трубку? Нет. На другом конце провода послышался смешок.

– Отлично, – произнес приятный мужской голос. – Хорошо сработано.

– Кто это? – довольно грубо поинтересовался Смитбек.

– Скользкий спекулянт недвижимостью.

– Кто?! – У Смитбека не было ни малейшего желания терпеть издевательства со стороны какого-то лакея.

– Энтони Фэрхейвен.

– О... – На какое-то мгновение Смитбек утратил дар речи. Однако, быстро придя в себя, он начал: – Мистер Фэрхейвен, это правда, что...

– Почему бы вам не подняться, чтобы мы могли побеседовать лицом к лицу, как взрослые люди? Пятьдесят девятый этаж.

– Что? – спросил еще не совсем оправившийся от изумления Смитбек.

– Я сказал, поднимайтесь ко мне. Меня очень интересовало, когда наконец объявится амбициозный и жаждущий сделать карьеру репортер, каким вы, судя по всему, являетесь.

* * *

Кабинет Фэрхейвена оказался вовсе не таким, каким его рисовал в своем воображении Смитбек. Эту святая святых фирмы действительно защищали несколько рядов секретарей. Но когда репортер миновал все барьеры, он оказался вовсе не в «имел-я-вас-всех» помещении из хрома, золота, черного дерева, с картинами старых мастеров или африканского примитива на стенах. Кабинет оказался небольшим и скромным. Нет, на стенах, конечно, имелись произведения искусства, но это были в основном малоизвестные, изображавшие фермеров литографии Томаса Харта Бентона. У стены стоял застекленный и явно оборудованный сигнальной системой шкаф, в котором на черном бархатном заднике хранились разнообразные пистолеты и револьверы. Единственный письменный стол оказался совсем небольшим. И сделан он был из простой березы. В кабинете находилась пара кресел, а пол был покрыт потертым персидским ковром. Вдоль другой стены выстроились книжные шкафы, заполненные книгами. Книги, судя по их виду, читали, а не покупали ярдами для украшения интерьера. Если не считать витрины с оружием, то помещение скорее напоминало кабинет университетского профессора, а не офис строительного магната. Однако в отличие от профессорской берлоги этот кабинет блистал безукоризненной чистотой. Все просто сверкало. Казалось, что даже корешки книг были отполированы. В воздухе витал запах какого-то чистящего вещества, и запах этот никак нельзя было назвать неприятным.

– Присаживайтесь, – сказал Фэрхейвен, сделав жест рукой в сторону кресел. – Может быть, вы что-то пожелаете? Кофе? Вода? Виски?

– Спасибо. Ничего не надо, – ответил Смитбек и опустился в кресло. Его уже охватило чувство возбуждения, которое он всегда испытывал в предвкушении острого интервью. Фэрхейвен, конечно, соображал неплохо, но он был богатеем, защищенным от всякой прозы жизни, и ему явно не хватает уличной смекалки тех крутых парней, которых доводилось интервьюировать Смитбеку. Таких же, как этот тип, он насаживал на вертел десятками. Это даже не будет состязанием умов.

Фэрхейвен открыл холодильник и достал из него небольшую бутылку минеральной воды. Налив воду в стакан, он уселся, но не за свой стол, а в кресло напротив Смитбека. Магнат скрестил ноги и улыбнулся. Вода в бутылке искрилась под лучом солнечного света. Смитбек глянул через плечо Фэрхейвена. Вид из окна оказался просто сногсшибательным.

После этого журналист обратил все свое внимание на хозяина кабинета. Темные вьющиеся волосы. Сложение атлета.

Легкость движений. Сардонический взгляд. Возраст – тридцать – тридцать пять лет. Смитбек сделал зарубку в памяти.

– Итак, – начал Фэрхейвен с легкой и, как показалось Смитбеку, самоуничижительной улыбкой, – скользкий спекулянт недвижимостью готов ответить на ваши вопросы.

– Я могу записать все на диктофон?

– Мне и в голову не приходило это запрещать.

Смитбек вытащил из кармана диктофон. Парень, естественно, делает все, чтобы произвести впечатление. Люди вроде него – спецы по части того, чтобы очаровать своих ближних, а затем ими манипулировать. Но он, Смитбек, не таков, чтобы позволить этому типу вертеть собой. Для этого надо просто помнить, что имеешь дело с бессердечным и алчным бизнесменом, который и мать родную готов удавить ради того, чтобы вытрясти у нее долги за квартиру.

– Почему вы уничтожили захоронение на Кэтрин-стрит? – начал журналист.

– Темпы строительства несколько отставали от плана. Нам следовало ускорить экскаваторные работы. Каждый день простоя обходился мне в сорок тысяч долларов. Археология, увы, вовсе не моя сфера деятельности.

– Некоторые археологи утверждают, что вы уничтожили одно из наиболее значительных открытий, сделанных в Манхэттене за последние четверть века.

– Неужели? – вздернул голову Фэрхейвен. – Какие именно археологи?

– Американское археологическое общество, например.

На губах Фэрхейвена появилась циничная улыбка.

– Ах вот оно что. Понимаю. Конечно, они против этого. Если их слушать, то ни один американец не смеет воткнуть в землю лопату без того, чтобы рядом с ним не торчал археолог, вооруженный ситом, совком и зубной щеткой.

– Вернемся к захоронению…

– Мистер Смитбек, все мои действия были абсолютно законными. Как только мы обнаружили останки, лично я остановил все работы. Лично я осмотрел место захоронения. Мы пригласили криминалистов, которые

провели необходимое фотографирование. Останки были извлечены, тщательно изучены и достойно похоронены. За мой счет, имейте в виду. Мы не возобновляли работ до тех пор, пока не получили прямого разрешения от мэра. Чего еще вы от нас хотите?

Смитбек ощутил какое-то беспокойство. Интервью развивалось вовсе не так, как он рассчитывал. Дело в том, что он позволил Фэрхейвену контролировать тему беседы.

– Вы сказали, что похоронили останки. Почему? Может быть, вы тем самым пытались что-то скрыть?

На сей раз Фэрхейвен не смог сдержать веселья. Он откинулся на спинку кресла, демонстрируя в хохоте свои великолепные зубы.

– Неужели в ваших глазах это выглядит подозрительно? С некоторым смущением должен признаться – я человек верующий. Эти люди были убиты самым жестоким образом, и я хотел, чтобы они получили нормальные похороны. С церковной службой, тихие и достойные, без вашего журналистского цирка. Именно это я и сделал. Они и все их убогие вещи нашли покой на настоящем кладбище. Я не мог позволить, чтобы их кости валялись в музейных шкафах. Итак, я купил красивый участок на кладбище «Небесные врата» в городе Валгалла, штат Нью-Йорк. Не сомневаюсь, что кладбищенский смотритель будет рад показать вам это место. Я отвечал за эти останки и был просто обязан так поступить, поскольку город отказывался иметь с ними дело.

– Так-так, – произнес Смитбек и задумался.

«Из этого может получиться прекрасная вставка, – думал он. – Тихие похороны под вязами». Но размышлял журналист недолго: «Боже, неужели этот парень начинает мной манипулировать?!»

Время испробовать новый подход.

– Как следует из некоторых сообщений, вы являетесь одним из самых крупных финансовых спонсоров предвыборной кампании мэра. У вас возникли сложности со строительством, и он приходит вам на помощь. Простое совпадение?

Фэрхейвен снова откинулся на спинку кресла и произнес:

– Не надо делать круглые глаза и притворяться идиотом. Вы прекрасно знаете, как проходят выборы в нашем славном городе. Финансируя кампанию мэра, я всего-навсего использую свое конституционное право, не получая и не требуя за это каких-то особых привилегий.

– Но если привилегии все же предоставляются, то тем лучше.

На лице Фэрхейвена появилась широченная циничная улыбка, но он промолчал, а Смитбек снова ощутил тревогу.

Парень очень тщательно формулирует свои высказывания, а записать на диктофон его циничную ухмылку, увы, невозможно.

Смитбек поднялся с кресла и подошел, как ему показалось, с небрежной уверенностью, к картинам на стенах. Некоторое время он, заложив руки за спину, постоял перед ними, пытаясь выработать новую стратегию. После этого он перешел к витрине, в которой поблескивало прекрасно вычищенное и отполированное оружие.

– Интересный выбор для украшения кабинета, – сказал Смитбек, показывая на витрину.

– Я коллекционирую только самое редкое оружие. Я могу себе это позволить. Например, тот пистолет, на который вы показали, является «люгером» сорок пятого калибра. Сделан в единственном экземпляре. Кроме того, я коллекционирую гоночные «мерседесы», но, поскольку хранить автомобили в кабинете невозможно, я держу их в моем доме в Саг-Харбор, – сказал магнат. – Мы все что-то коллекционируем, мистер Смитбек, – продолжил он, глядя на журналиста с циничной улыбкой. – В чем заключается ваша страсть? В библиотечных книгах, взятых вами с якобы исследовательскими целями, но так и не возвращенных? Случайно, конечно.

Смитбек уставился на Фэрхейвена. Неужели этот тип обыскивал его жилье? Нет, этого быть не может. Мерзавец просто ловит рыбку в мутной воде. Снова разместившись в кресле, он начал:

– Мистер Фэрхейвен…

Однако Фэрхейвен не дал ему закончить. Теперь голос магната звучал резко и недружелюбно:

– Послушайте, Смитбек, я понимаю, что вы осуществляете свое конституционное право, учиняя мне допрос третьей степени. Большой и скверный спекулянт недвижимостью всегда является легкоуязвимой целью. А вы обожаете легкую добычу. Это потому, что все вы, парни, скроены по одной мерке. Вы полагаете, что занимаетесь важной работой. Однако сегодняшняя газета завтра годится лишь на подстилку птичьего гнезда. Это всего лишь однодневка. Абсолютно эфемерная вещь. Все, что вы делаете, по большому счету не более чем тщета.

«Тщета? Интересно, что, дьявол его побери, это означает? Впрочем, не важно. Наверняка что-то оскорбительное. Однако, похоже, я его достал. И это уже неплохо».

– Мистер Фэрхейвен, у меня имеются все основания считать, что вы оказываете давление на музей с целью положить конец расследованию.

– Простите, какому расследованию?

– Расследованию убийств, совершенных в девятнадцатом веке Энохом Ленгом.

– Ах, этому! Почему это расследование должно меня каким-то образом трогать? Оно не останавливает строительство, и это, честно говоря, единственное, что меня могло бы озаботить. Они могут вести свое расследование до посинения, если им того хочется. Мне страшно нравится фраза, которой вы, журналисты, так часто оперируете: «У меня имеются все основания полагать». На самом деле она означает: «Я хочу так считать, но у меня, черт бы его побрал, нет никаких доказательств». Создается впечатление, что вся ваша братия окончила одну и ту же школу, где основной заповедью было: «Делай из себя осла, когда берешь у кого-нибудь интервью», – закончил Фэрхейвен с издевательским смехом.

Смитбек напряженно ждал, когда умолкнет это идиотское ржание. Он еще раз попытался внушить себе, что сумел достать мерзавца, это и вызвало его сарказм. Выждав еще немного, он заговорил, стараясь изо всех сил придерживаться нейтрально-холодного тона:

– Скажите, мистер Фэрхейвен, почему вы проявляете столь живой интерес к музею?

– Да потому, что я его очень люблю. Для меня это самый лучший музей в мире. Я практически вырос в нем, любуясь динозаврами, метеоритами и драгоценными камнями. Меня туда водила нянька. Пока она, спрятавшись за слонами, обнималась со своим парнем, я в одиночку бродил по залам. Но вас это не должно интересовать, поскольку никак не вписывается в образ большого и жадного капиталиста. Вообще-то, Смитбек, если напрямую, то я вам не по зубам.

– Мистер Фэрхейвен...

– Хотите выслушать мое признание, Смитбек? – ухмыльнулся Фэрхейвен.

Смитбек выжидающе умолк.

– Я совершил два совершенно непростительных преступления, – понизив голос до шепота, произнес Фэрхейвен.

Смитбек сделал все, чтобы сохранить вид ничему не удивляющегося, прожженного репортера, который он специально репетировал для

подобных случаев. Он знал, что сейчас последует какая-то шутка. Не исключено, что оскорбительная.

– Мои преступления заключаются в следующем… Вы готовы?

Смитбек помимо воли покосился на диктофон, чтобы убедиться, что тот работает.

– Я богат и, кроме того, занимаюсь недвижимостью. Это два моих смертных греха. Mea culpa[6].

Журналистский инстинкт подсказывал Смитбеку, что на сей раз он полностью облажался. Он провалил интервью. Потерпел сокрушительное поражение. Парень наверняка кусок дерьма, но он здорово умеет обращаться с прессой. До сих пор Смитбек от него так ничего и не получил, и скорее всего ничего не получит. Однако он решился еще на одну попытку:

– Вы все еще не объяснили…

– Смитбек, – сказал, поднимаясь с кресла, Фэрхейвен, – если бы вы только знали, насколько предсказуемо все ваше поведение и ваши вопросы. Если в вы знали, насколько вы утомительны и убоги не только как журналист, но, простите, и как человек, вы бы наложили на себя руки.

– Я хотел бы получить объяснение…

Фэрхейвен нажал на кнопку, и его голос заглушил конец фразы, которую произнес журналист.

– Мисс Галлахар, проводите, пожалуйста, мистера Смитбека.

– Хорошо, мистер Фэрхейвен.

– Это весьма неожиданно…

– Я утомился, мистер Смитбек. Принял я вас только потому, что не хотел прочитать в газете о своем отказе побеседовать с вами. Мне было также интересно выяснить для себя, не отличаетесь ли вы в лучшую сторону от остальной журналистской братии. После того как я удовлетворил свое любопытство, у меня нет никаких оснований для продолжения нашей беседы.

В дверях появилась секретарша. Она стояла молча и неподвижно, словно истукан.

– Сюда, мистер Смитбек, – произнесла она, как только ее босс закончил фразу. – Следуйте за мной, пожалуйста.

Проходя анфиладой кабинетов, Смитбек ненадолго задержался у стола самой дальней от Фэрхейвена секретарши. Несмотря на все попытки держать себя в руках, от негодования его просто трясло. Фэрхейвену более десяти лет приходилось парировать удары недружественной прессы, и неудивительно, что он набил на этом руку. Смитбеку не раз приходилось иметь дело с отвратными типами, но этот достал его по-настоящему. Иметь наглость назвать его утомительной посредственностью, эфемерной однодневкой и тщетой (надо будет взглянуть, что это значит)… Да что он из себя корчит?!

Фэрхейвен оказался слишком скользким, и прижать к стене его не удалось. Ничего страшного. Есть и иные способы узнать всю его подноготную. У могущественных людей всегда есть враги, а враги обожают поговорить. Случается так, что эти враги служат у них прямо под носом.

Он посмотрел на секретаршу. Она была совсем юной, очень милой и более доступной, чем закаленные воины, оккупирующие более близкие к боссу офисы.

– Каждую субботу на службе? – спросил он небрежно.

– Почти, – ответила она, отрывая взгляд от компьютера.

«Очень миленькая», – подумал Смитбек. Блестящие рыжеватые волосы и брызги веснушек на лице. Он вздрогнул, неожиданно вспомнив Нору.

– Заставляет вас вкалывать изо всех сил?

– Мистер Фэрхейвен? Да, конечно.

– Скорее всего и по воскресеньям?

– Нет, что вы, – ответила девушка. – По воскресеньям мистер Фэрхейвен никогда не работает. По воскресеньям он ходит в церковь.

– В церковь? – изобразил изумление Смитбек. – Неужели он католик?

– Пресвитерианин.

– Держу пари, что работать на такого жесткого человека очень нелегко.

– Что вы! Мистер Фэрхейвен – один из лучших боссов, у которых мне приходилось работать. Всегда заботится о малых сих.

– Ни за что бы не подумал, – сказал Смитбек и, подмигнув, двинулся к выходу.

И скорее всего трахает ее и других «малых сих» на стороне, решил он.

Оказавшись на улице, Смитбек позволил себе несколько отнюдь не пресвитерианских выражений. Теперь он начнет копаться в прошлом парня до тех пор, пока не узнает все, чтоб он сдох. Включая имя его любимого плюшевого медведя. Невозможно стать крупным дельцом в сфере строительства и недвижимости, не замарав при этом рук. Особенно здесь, в Нью-Йорке. На руках мерзавца есть грязь, и он ее найдет. Да, там окажется грязь. Смитбек был готов поклясться в этом даже Богом.

Глава 4

Мэнди Экланд выбралась по отвратительно грязным ступеням подземки на Первую улицу, свернула на авеню "А" и побрела в направлении Томпкинс-сквер. Перед ней на фоне едва брезжившего рассвета виднелись анемичные деревья небольшого парка. На самом горизонте, готовясь нырнуть в небытие, поблескивала Венера. Мэнди в тщетной надежде спастись от прохлады раннего утра потуже затянула на плечах накидку. У нее слегка кружилась голова, а в ногах при каждом шаге ощущалась боль. Но это не очень огорчало девушку. Ночь в клубе «Писсуар» прошла бесподобно. Музыка, бесплатная выпивка, танцы. Там резвилась вся банда из агентства «Форд» вкупе с массой фотографов, людей из журналов «Мадемуазель» и «Космополитен». Одним словом, на этой тусовке присутствовали все, кто имеет хоть какой-нибудь вес в мире моды. Похоже, что она идет вверх, и это продолжало ее изумлять. Подумать только, что каких-то шесть месяцев назад она работала в родном Бисмарке у «Родни», демонстрируя за спасибо время от времени какие-то поделки. Но однажды в магазине появился полезный человек, и вот теперь ее допустили к испытательным показам в агентстве «Форд». Сама Айлин Форд приняла ее под свое крыло. Карьера развивалась быстрее, чем она смела об этом мечтать.

Папа почти каждый день звонит ей со своей фермы. Жутко смешно, как он за нее беспокоится. Папа считает Нью-Йорк гнездом порока. Отец сошел бы с ума, узнав, что его дочь веселилась до утра. Папа по-прежнему продолжает мечтать о том, чтобы дочь поступила в колледж. Возможно, со временем она это сделает. Но сейчас ей восемнадцать, и она наслаждается жизнью. Девушка с любовью улыбнулась, представив, как ее консервативный старый папа тревожится за нее, раскатывая на своем тракторе. На сей раз она устроит ему сюрприз – позвонит сама.

Мэнди свернула на Седьмую улицу и, внимательно оглядываясь по сторонам, миновала темный парк. Нью-Йорк стал значительно безопаснее, но грабежи все же случались довольно часто, и следовало проявлять осторожность. Она запустила руку в сумочку и нащупала прикрепленный к связке ключей баллончик с перечным спреем.

Она не увидела никого, кроме пары спящих на картоне бездомных да какого-то бедолаги в протертом до дыр вельветовом костюме. Бедолага сидел на скамейке, потягивал что-то из горлышка и, не открывая глаз, раскачивался взад и вперед. Легкий ветерок, шелестя листьями, пробежал по кроне платана. Листва деревьев только-только начинала приобретать желтоватый цвет.

Девушка не в первый раз пожалела о том, что живет так далеко от станции подземки. Она не могла позволить себе взять такси – по крайней мере пока, – а ночная прогулка в девять кварталов была нелегким испытанием. Поначалу ей показалось, что она попала в приличный район, но унылое окружение постепенно начинало ее доставать. Программа городского облагораживания приближалась и к этой округе, однако делала это крайне неспешно. Ряды старых и давно пустовавших домов нагоняли уныние. Даже Йорквилл был бы, пожалуй, лучше, не говоря уж о районе Флатрион. Множество преуспевающих моделей агентства «Форд» обитали именно там.

Миновав парк, Мэнди повернула на авеню "С". По обеим сторонам авеню тянулись дома из песчаника, а ветер с шорохом гнал мусор по мостовой. Из темных подъездов до нее долетал запах мочи. Здесь никто и не думал подбирать за своими собаками, поэтому она шагала осторожно, чтобы не вляпаться ненароком в собачье дерьмо. Это был самый скверный отрезок пути.

Впереди на тротуаре замаячила какая-то фигура, и она решила перейти на другую сторону улицы. Однако, вглядевшись, девушка успокоилась. Это был старик. Старец шагал с трудом, опираясь на палку. Пройдя еще несколько шагов, она увидела, что старик носит смешной котелок. Старикан тащился наклонив голову, и она хорошо видела ровные поля и четкие линии тульи. Подобные головные уборы ей приходилось встречать лишь в старых черно-белых фильмах. Человек тщательно выбирал место, куда поставить ногу, и выглядел ужасно старомодным. Интересно, почему он оказался здесь в такую рань? Бессонница, наверное. Мэнди где-то слышала, что старики часто страдают бессонницей. Просыпаются в четыре утра и больше не могут уснуть. Интересно, бывает ли бессонница у папы?

Когда они почти что поравнялись, старик вдруг ощутил ее присутствие. Он поднял голову и коснулся рукой края шляпы. Видимо, старец решил ее таким образом поприветствовать.

Шляпа чуть приподнялась. Рука старика закрывала все лицо, за исключением глаз. Взгляд этих глаз оказался на удивление ясным и холодным. Наверняка результат бессонницы. Несмотря на такой ранний час, в глазах не было ни грана сонливости.

– Доброе утро, мисс, – произнес скрипучий старческий голос.

– Доброе утро, – ответила она, стараясь ничем не показать своего изумления. Здесь, в Нью-Йорке, никто никого не приветствует на улицах. Старец ее просто очаровал.

Когда она проходила мимо милого старика, какой-то хлыст вдруг со страшной скоростью обвился вокруг ее шеи.

Мэнди закричала и хотела сорвать его, но на лицо опустилась влажная тряпка, а в ноздри ударил тошнотворно сладкий запах. Инстинктивно задержав дыхание, она на ощупь сунула руку в сумочку и вытащила оттуда баллончик с перечным газом. Однако сильнейший удар выбил баллончик из ее руки. Крича от боли и страха, она попыталась вывернуться. Легкие обожгло огнем. Захватив широко открытым ртом последний глоток воздуха, Мэнди погрузилась в беспамятство.

Глава 5

Смитбек сидел в своем закутке на пятом этаже здания «Нью-Йорк таймс» и с отвращением изучал в записной книжке составленный им самим перечень неотложных дел. Стоящие на первом месте слова «служащие Фэрхейвена» были вычеркнуты. Он не смог вторично попасть в «Моген – Фэрхейвен». Об этом позаботился сам Фэрхейвен. Слово «соседи» также было перечеркнуто. Несмотря на тщательно разработанную стратегию проникновения и все ухищрения, его, грубо говоря, просто вышибли из дома, в котором обитал магнат. Он встретился с его прошлыми партнерами по бизнесу, но те отделались либо фальшивыми похвалами, либо вообще отказались говорить.

Потерпев поражение на этих фронтах, Смитбек занялся изучением благотворительной деятельности магната. В Музее естественной истории он потерпел очередное фиаско. Те, кто знал Фэрхейвена, не хотели ничего комментировать по вполне понятным причинам. Однако в другом финансируемом мерзавцем проекте Смитбек добился кое-какого успеха. Хотя слово «успех» здесь вряд ли годилось. Речь шла о детской клинике, именуемой «Маленький Артур». Это была небольшая больница, где занимались исследованиями так называемых «сиротских болезней» – крайне редких недомоганий. Тех, что в силу своей редкости совершенно не интересовали крупных производителей лекарств. Смитбек объявил себя репортером «Таймс», интересующимся данной проблемой, и проник в больницу, не вызвав никаких подозрений. Администрация даже устроила ему экскурсию по всем помещениям клиники. Но в конечном итоге это оказалось мартышкиным трудом. Доктора, медсестры, родители и даже дети пели Фэрхейвену осанну. От этих похвал его начало тошнить – индейки на День благодарения, дополнительные выплаты на Рождество, игрушки для детишек, коллективные выходы на «Янки стадион». Фэрхейвен даже иногда присутствовал на похоронах, что было для него нелегко. Все это

говорит только о том, что магнат пытается приукрасить свой образ в глазах общественного мнения.

По части пиара парень уже много лет вел себя как подлинный профессионал. Смитбек не нарыл ничего интересного. Абсолютно ничего.

Это печальное заключение ему кое о чем напомнило. Смитбек повернулся в кресле, снял с полки толковый словарь и быстро пролистал страницы до слова «тщета». Оказалось, что «тщета» означает «бесполезность», «безрезультатность».

Смитбек с недовольным видом вернул словарь на место.

Видимо, надо копать глубже. Порыться в том далеком времени, когда Фэрхейвен по части общественных отношений еще не вел себя как профессионал. Обратиться к годам, когда мерзавец был обычным прыщавым школьником. Фэрхейвен заблуждается, считая его еще одним недоумком-репортером, занимающимся «тщетной» работой. Ему будет не до смеха, когда он в понедельник откроет свежую газету.

Смитбеку потребовалось всего десять минут, чтобы найти в Сети золотую жилу. Оказывается, что этот тип окончил самую обычную школу номер восемьдесят четыре на Амстердам-авеню и его класс в прошлом году отмечал пятнадцатую годовщину выпуска. Они даже создали в Интернете сайт, воспроизводящий школьный ежегодник. Там оказалась информация о Фэрхейвене и его однокашниках, включая фотографии, прозвища, личные интересы и название клубов, в которых они состояли. Одним словом – почти все.

Вот и он. Симпатичный, весь из себя правильный мальчишка нахально улыбался Смитбеку с довольно нечеткой выпускной фотографии. Парнишка был одет в белый теннисный свитер и клетчатую рубашку. Типичный городской юноша из хорошо обеспеченной семьи. Его отец занимался недвижимостью, а мать вела домашнее хозяйство. Смитбек очень скоро узнал и другие подробности. Молодой Фэрхейвен был капитаном команды пловцов, родился под знаком Близнецов и возглавлял дискуссионный клуб. Его любимой рок-группой были «Иглз», сам он скверно играл на гитаре, хотел стать врачом, любил бордовый цвет, и почти все его одноклассники считали, что среди них он первым сколотит миллионное состояние.

По мере того как Смитбек просматривал страничку Интернета, им все больше овладевало уже знакомое ощущение безнадежности. Все это было неимоверно скучно. Правда, там была одна деталь, на которую журналист обратил внимание. Все школяры имели прозвища, и Фэрхейвен, естественно, не избежал этой участи. Одноклассники прозвали его Резун. Это слегка улучшило настроение Смитбека. Резун.

Будет прекрасно, если выяснится, что он в детстве мучил животных. Это уже кое-что.

Парень окончил школу всего шестнадцать лет назад. Наверняка в школе еще работают люди, которые его помнят. Если юный Фэрхейвен совершал недостойные поступки, то он, Смитбек, до этого обязательно докопается. Мерзавец откроет газету, и гнусная улыбка исчезнет с его смазливой рожи.

Итак, школа номер восемьдесят четыре. Она совсем недалеко. Всего лишь короткая поездка на такси. Смитбек поднялся с кресла и потянулся за пиджаком.

* * *

Школа находилась в зеленом квартале между двумя авеню: Амстердам и Коламбус, неподалеку от Музея естественной истории. Это было длинное здание из желтого кирпича, отделенное от внешнего мира кованой железной оградой. По меркам Нью-Йорка, учебное заведение выглядело совсем неплохо. Смитбек подошел к главному входу и обнаружил, что дверь заперта. Пришлось звонить. Дверь открыл полисмен, Смитбек показал ему журналистскую карточку, и коп пропустил его в здание.

Царивший здесь запах сразу же напомнил ему ароматы его школы, находившейся очень далеко от Нью-Йорка. И стены из шлакобетона в восемьдесят четвертой средней были выкрашены точно в такой же унылый темно-серый цвет. «Руководство всех школ в стране, видимо, следует одним и тем же рекомендациям», – думал Смитбек, пока коп вел его к кабинету директора, пропустив предварительно через металлоискатель.

Директор отправил его к мисс Кайт, и Смитбек нашел ее за столом. Она, воспользовавшись свободным часом, проверяла тетради школяров. Это была приятная седовласая женщина, и, когда Смитбек упомянул имя Фэрхейвена, она сразу заулыбалась. Отлично, значит, мисс его помнит.

– Да, конечно, – произнесла она довольно мягко.

Однако в ее голосе Смитбек уловил обертоны, говорившие о том, что эта дама вовсе не мягкосердечная няня, на которую можно давить.

– Я хорошо помню Тони Фэрхейвена, поскольку это был мой первый выпускной класс, а Тони был одним из лучших учеников. Он занял второе место в Национальном конкурсе школьников.

Смитбек кивнул и сделал запись в блокноте. Диктофон он использовать не собирался, поскольку это частенько отпугивало людей.

– Расскажите мне о нем. По-простому. Каким он был?

– Способный мальчик. Пользовался большой популярностью не только у одноклассников. Насколько помню, он возглавлял школьную команду пловцов. Хороший, трудолюбивый ученик.

– А неприятности у него случались?

– Естественно. У них у всех бывают неприятности.

– Неужели? – как можно небрежнее произнес Смитбек.

– Он приносил в школу гитару и играл на ней в коридорах, что запрещалось правилами. Играл он очень скверно, и делал это ради того, чтобы посмешить других учеников. – Мисс Кейт задумалась и добавила: – Однажды из-за него коридор оказался полностью заблокированным.

– Заблокированным? – удивился Смитбек. – И что потом?

– Мы конфисковали гитару, и на этом все кончилось.

Смитбек кивнул с вежливой улыбкой на лице и спросил:

– Вы знали его родителей?

– Его отец занимался недвижимостью, хотя ему и не удалось добиться такого успеха, которого позже добился Тони. Маму его я, к сожалению, не помню.

– Братья? Сестры?

– В то время он был единственным ребенком. До этого в семье произошла трагедия.

– Трагедия? – непроизвольно наклонившись вперед, переспросил Смитбек.

– От какой-то очень редкой болезни умер его старший брат Артур.

В мозгу Смитбека мгновенно возникли кое-какие связи.

– А они, случайно, не называли его «маленьким Артуром»?

– Насколько я помню, называли. «Большим Артуром» был отец. Тони очень сильно переживал кончину брата.

– Когда это случилось?

– Когда Тони был в десятом классе.

– Значит, умер его старший брат. А он тоже учился в этой школе?

– Нет. Он много лет провел в больнице. Какая-то очень редкая и обезображивающая человека болезнь.

– Какая именно?

– Право, не знаю.

– Вы сказали, что это тяжело отразилось на Фэрхейвене. В каком смысле?

– Он погрузился в себя. Отошел от общественной жизни. Но в конечном итоге мальчик оправился и снова стал самим собой.

– Да, понимаю. Позвольте взглянуть… – Смитбек сверился со своими записями и спросил, стараясь делать это без какого-либо нажима: – Были ли проблемы с алкоголем или наркотиками? Имелись ли с его стороны случаи правонарушения?

– Что вы?! Совсем напротив, – услышал он в ответ и увидел, что выражение лица учительницы неожиданно обрело жесткость. – Скажите, мистер Смитбек, – произнесла она, – почему вы решили написать эту статью?

– Я просто хочу опубликовать небольшой биографический материал о мистере Фэрхейвене, – приняв свой самый невинный вид, ответил журналист. – Я не выуживаю каких-то особых сведений.

– Понимаю. Тони был хорошим мальчиком и горячо выступал против наркотиков, против алкоголя и против курения. Насколько я помню, он даже не пил кофе. Мне иногда кажется… – она немного помолчала, а затем не очень уверенно продолжила: – …что он был чересчур хорошим. Иногда было трудно понять, о чем он думает. Надо сказать, что в целом Тони был достаточно скрытным ребенком.

Смитбек для проформы сделал в блокноте очередную запись.

– Он имел какое-нибудь хобби?

– Тони любил поговорить о том, как следует делать деньги. Вечерами после школы он работал, и у него всегда было много карманных денег. Я нисколько не удивилась, узнав о его финансовых успехах. Время от времени я читаю в газетах, как он проталкивает свои проекты, несмотря на протесты всех жителей округи. И я, само собой, читала вашу статью об открытии на Кэтрин-стрит. Ничего удивительного. Мальчик просто вырос и стал взрослым мужчиной.

Смитбек был потрясен. Мисс Кейт ничем не выдала того, что ей известно, кто он такой, и что она читала его материал.

– Да, кстати, я нашла вашу статью очень интересной и слегка тревожной.

– Благодарю, – залившись от удовольствия краской, сказал Смитбек.

– Я прекрасно понимаю, почему вас так заинтересовал Тони. Спешка и разрушение захоронения – очень в его духе. Он всегда был ориентирован на достижение определенной цели. Ему хотелось как можно скорее завершить задуманное, как можно скорее добиться успеха. Именно поэтому он преуспевает в строительстве и торговле недвижимостью. Кроме того, он мог демонстрировать сарказм и проявлять нетерпение в отношении людей, которых он считал ниже себя.

«Точно», – подумал Смитбек.

– А враги у него были? – произнес он вслух.

– Разрешите подумать… Нет, не припоминаю. Тони никогда не вел себя импульсивно и всегда продумывал свои действия. Кажется, однажды произошла какая-то ссора из-за девочки. Назревала драка, и его на всю вторую половину дня прогнали из школы. Но обмена ударами тогда не было.

– И с кем же он тогда не поделил девочку?

– Кажется, с Джоэлом Амберсоном.

– И что же потом произошло с Джоэлом Амберсоном?

– Абсолютно ничего.

Смитбек кивнул и закинул ногу на ногу. Опять он ничего не добился. Пора пускать в ход главный козырь.

– У него было какое-нибудь прозвище? Вы же знаете, что в школе все ребята получают клички.

– Нет, я не помню, как его еще называли.

– Я имел возможность познакомиться со школьным ежегодником, размещенным на интернет-сайте.

– Мы начали делать это несколько лет назад, – улыбнулась учительница. – Оказалось, что сайт пользуется большой популярностью.

– Не сомневаюсь. Но согласно ежегоднику, прозвище у него было.

– Неужели? И какое же?

– Резун.

Мисс Кейт задумалась, но затем ее лицо прояснилось, и она чуть ли не радостно сказала:

– Ах это!

– Ну и что же? – наклонившись вперед, спросил Смитбек.

– Они должны были препарировать лягушек на уроке биологии.

– И?..

– Тони оказался слишком чувствительным. Два дня он пытался заставить себя резать лягушку, но у него ничего не получалось. Ребята над ним потешались, а кто-то назвал его Резун. В шутку, как вы понимаете. В конечном итоге он преодолел свою чрезмерную ранимость и, насколько я помню, получил по биологии оценку "А". Но прозвище к нему так и прилипло.

Смитбек и бровью не повел, хотя дело шло все хуже и хуже. Парень оказался первым кандидатом на причисление к лику святых. Журналист отказывался в это поверить.

– Мистер Смитбек…

Смитбек сделал вид, что сверяется со своими заметками.

– Еще что-нибудь вы можете мне сказать? – спросил он.

Седовласая дама негромко рассмеялась и ответила:

– Мистер Смитбек, если вы заняты поисками какой-то грязи о Тони – а на вашем лице написано, что это именно так, – то вы напрасно тратите время. Он был нормальным, преуспевающим в учебе мальчиком, который, судя по всему, вырос в совершенно нормального, преуспевающего в бизнесе мужчину. А теперь, если вы не возражаете, я должна закончить проверку тетрадей.

* * *

Смитбек вышел из школы и печально побрел в направлении Коламбус-авеню. Все получилось совсем не так, как он рассчитывал. Он потратил массу времени, энергии и усилий, не получив ничего взамен. Неужели чутье его подвело и это была охота за тенью? Тупик, в который он угодил, ведомый жаждой мести? Нет, такое просто немыслимо. Он опытный журналист, и его предчувствия обычно оправдывались. Как могло получиться, что он не накопал ничего плохого в прошлом Фэрхейвена?

Подойдя к углу, Смитбек посмотрел по сторонам, и ему в глаза бросился заголовок на первой полосе свежего выпуска «Нью-Йорк пост». Подойдя к газетному киоску и прочитав баннер, он окаменел.

НАШ ЭКСКЛЮЗИВ!

ОБНАРУЖЕН ЕЩЕ ОДИН ОБЕЗОБРАЖЕННЫЙ ТРУП

Под заголовком стояло имя Брайса Гарримана.

Смитбек нащупал в кармане мелочь, бросил монеты на прилавок, схватил газету и принялся читать. Все время, пока он читал, его била нервная дрожь.

"НЬЮ-ЙОРК, 10 октября. В парке на Томпкинс-сквер обнаружено тело молодой женщины, установить личность которой пока не удалось. Судя по всему, она стала жертвой того же жестокого убийцы, от рук которого два дня назад в Центральном парке погибла туристка.

В обоих случаях убийца изъял у жертвы часть спинного мозга, известную под названием cauda equina, что в переводе означает «конский хвост». Это нервный пучок у основания спинного мозга, напоминающий по виду хвост лошади.

Причиной смерти, как стало известно «Пост», явилась сама операция.

Резекция в обоих случаях была произведена тщательно и с большой точностью. Не исключено, что с помощью хирургических инструментов. Анонимный источник сообщил нам, что полиция считает, что убийцей может быть либо профессиональный хирург, либо человек, имеющий близкое отношение к медицине.

Операция полностью повторяет хирургическую процедуру, описанную в старинном документе, обнаруженном в Музее естественной истории. В этом архивном документе детально описаны эксперименты, которые в девятнадцатом веке проводил некий доктор Энох Ленг. Доктор Ленг исследовал возможность продления собственной жизни. Первого октября во время экскаваторных работ на Кэтрин-стрит было обнаружено тридцать шесть тел предполагаемых жертв доктора Ленга. Кроме этого, о докторе Ленге известно лишь то, что он имел контакты с Американским музеем естественной истории.

«Мы имеем дело с типичным подражательным убийством, – сказал комиссар Карл Рокер. – Какой-то человек с извращенным сознанием прочитал статью о Ленге и пытается воспроизвести его действия». От дальнейших комментариев комиссар отказался, добавив, что делу придается «чрезвычайное значение» и к его расследованию подключено более пяти десятков детективов".

* * *

Смитбек даже застонал от отчаяния. Ведь ему поручали заняться делом туристки из Центрального парка, а он, как последний идиот, отказался, пообещав редактору доставить на блюде голову Фэрхейвена. Но получилось, что он не только напрасно молотил весь день мостовые, но

ему еще и вставили фитиль по теме, которую он сам открыл. А хуже всего то, что фитиль этот вставил ему его вечная Немезида Брайс Гарриман.

Похоже, что на блюде в конечном итоге окажется его собственная голова.

Глава 6

Нора свернула с Кэнел-стрит на Мотт. Ей приходилось пролагать путь сквозь толпу, поскольку был вечер пятницы и Китайский квартал кишел людьми. На мостовой и тротуаре валялись испещренные плотным китайским шрифтом страницы газет. Вдоль стен зданий расположились прилавки торговцев продуктами моря. Естественно, на льду. В витринах на крючьях весели тушки уток и кальмаров. Покупатели, главным образом китайцы, отчаянно вопили и толкались, не обращая ни малейшего внимания на видеокамеры многочисленных туристов.

Заведение, именуемое «Чай и женьшень Тен Рена», находилось в нескольких сотнях футов от угла. Нора толкнула дверь и оказалась в длинном, светлом и очень чистом помещении. Воздух в чайной полнился самыми разными и чрезвычайно тонкими ароматами. Поначалу ей показалось, что в зале никого нет, однако, оглядевшись еще раз, она увидела Пендергаста. Агент сидел за столиком в дальнем конце зала между двумя застекленными витринами с образчиками женьшеня и имбиря. Девушка была готова поклясться, что всего за секунду до этого стол был пуст.

– Вы пьете чай? – спросил Пендергаст, знаком руки приглашая ее сесть.

– Иногда, – ответила Нора.

Ее поезд простоял между станциями двадцать минут, и у нее была масса времени на то, чтобы продумать линию своего поведения. Девушка решила закончить это свидание как можно быстрее.

Однако специальный агент ФБР явно никуда не торопился. Они сидели молча, пока Пендергаст изучал листок, заполненный китайскими иероглифами. Если это был перечень чаев, которые предлагались в этом доме, то он казался ей слишком длинным. Такого количества сортов чая существовать просто не может.

Пендергаст повернулся лицом к хозяйке – миниатюрной жизнерадостной женщине – и что-то быстро произнес по-китайски.

Хозяйка ответила ему на том же языке, отошла и скоро вернулась с фарфоровым чайником в руках. Она налила напиток в крошечные чашки и поставила одну из них перед Норой.

– Вы говорите по-китайски?

– На мандаринском наречии довольно слабо. Однако должен признаться, что кантонским диалектом владею гораздо свободнее.

Нора замолчала. Почему-то она совсем не удивилась.

– «Царский чай», – сказал Пендергаст, показывая взглядом на ее чашку. – Один из самых тонких вкусов и ароматов в мире. В нем используются только молодые листья с кустов, растущих на южных склонах гор. Сбор ведется лишь весной.

Нора подняла чашку, и нежный аромат коснулся ноздрей. Она сделала маленький глоток, ощутив смесь вкуса зеленого чая со сложной примесью каких-то других, удивительно ласковых ароматов.

– Очень приятно, – сказала она, возвращая чашку на стол.

– Рад слышать, – ответил Пендергаст, подняв на нее глаза.

Затем он что-то сказал по-китайски. Хозяйка наполнила чаем пакет, взвесила его, запечатала, написала цену на пластиковой этикетке и протянула пакет Норе.

– Это для меня? – спросила девушка.

Пендергаст молча кивнул.

– Я не хочу от вас никаких подарков.

– Прошу вас, возьмите. Этот чай весьма способствует пищеварению, и кроме того – он прекрасный антиоксидант.

Нора с недовольным видом взяла пакет в руки и, увидев цену, воскликнула:

– Постойте! Неужели двести долларов?!

– Вам хватит его на три-четыре месяца, – ответил Пендергаст. – Совсем недорого, если принять во внимание…

– Послушайте, мистер Пендергаст, – сказала девушка и положила пакет на стол, – я пришла только для того, чтобы сказать вам, что работать с вами больше не стану. На кон поставлена моя работа в музее. И пакет чая не заставит меня изменить решение, пусть он даже стоит двести баксов!

Пендергаст внимательно слушал ее речь, едва заметно наклонив голову.

– Они потребовали – и сделали это без всяких экивоков, – чтобы я прекратила с вами всякое сотрудничество. Мне нравится то, что я для вас делала. Но если я и дальше буду вам помогать, то потеряю работу.

Один раз это уже произошло, когда закрылся музей Ллойда. Потерять работу вторично я позволить себе не могу. Мне она очень нужна.

Пендергаст молча кивнул.

– Брисбейн и Коллопи дали мне деньги на радиоуглеродный анализ, и я могу продолжать работу. Теперь у меня не останется свободного времени.

Пендергаст продолжал хранить молчание.

– Да и зачем я вам нужна? Я археолог, а потенциальный объект моего исследования уничтожен. Копия письма у вас есть. Вы работаете в ФБР, и десятки специалистов с готовностью прибегут вам на помощь, стоит вам пошевелить пальцем.

Пендергаст молчал, и Нора отпила немного чая. Когда она возвращала чашечку на блюдце, ее рука задрожала, и фарфор издал слабый звон.

– Итак, – сказала она, – вопрос исчерпан.

Теперь заговорил Пендергаст:

– Мэри Грин жила в нескольких кварталах отсюда. Чуть дальше по Уотер-стрит. Дом номер шестнадцать. Здание все еще на своем месте, и до него всего пять минут ходьбы.

Нора посмотрела на него, вскинув от удивления брови. Ей и в голову не приходило, насколько близко они находятся от округи, в которой когда-то обитала Мэри Грин. Она вспомнила о написанной кровью записке. Мэри Грин знала, что обречена на смерть. Ее последнее желание было очень простым – девочка не хотела умереть в полной безвестности.

Пендергаст ласково положил ладонь на руку Норе и сказал:

– Пошли.

Нора почему-то не стряхнула его ладонь. Пендергаст перекинулся несколькими словами с хозяйкой, взял пакет с чаем, слегка поклонился, и через несколько секунд они уже оказались на кишащей людьми улице. Они прошли по Мотт-стрит, пересекли Баярд-стрит и Чатам-сквер и оказались в лабиринте примыкающих к Ист-Ривер темных, узких улочек. Солнце давно опустилось за горизонт, и силуэты крыш были едва заметны на фоне умирающей вечерней зари. Дойдя до Кэтрин-стрит, Пендергаст и Нора свернули на юго-восток. Когда они проходили Генри-стрит, девушка с любопытством посмотрела на строительную площадку фирмы «Моген – Фэрхейвен». Работы по строительству жилой башни значительно продвинулись. Мощный фундамент был закончен, и на нем уже вырос довольно высокий каркас

будущего здания. Из бетона торчали металлические стержни, похожие в полусумраке на стебли гигантского тростника. От угольного тоннеля, естественно, ничего не осталось.

Еще пара минут – и они оказались на Уотер-стрит. По обеим сторонам улицы стояли допотопные здания каких-то мастерских, складов и обветшалые жилые дома. Чуть дальше лениво текла Ист-Ривер. Лунный свет придавал воде лиловый оттенок. Почти прямо перед ними темнела громада Манхэттенского моста.

Пендергаст остановился напротив старого жилого дома, выходящего одной стороной на речной пирс, которым заканчивалась Маркет-стрит. Дом все еще оставался заселенным, одно из окон теплилось желтым светом. На фасаде первого этажа была металлическая дверь, рядом с которой находился помятый домофон с несколькими кнопками.

– Вот он, – сказал Пендергаст. – Дом номер шестнадцать.

Некоторое время они молча стояли в густеющей темноте. Первым нарушил молчание Пендергаст:

– Мэри Грин принадлежала к рабочей семье. После того как ферма отца в северной части штата разорилась, семейство перебралось сюда. Отец работал в порту грузчиком. Но когда девочке было всего пятнадцать, родители умерли во время локальной эпидемии холеры, вызванной скверной водой. На руках Мэри остались семилетний брат Джозеф и пятилетняя сестренка Констанция.

Нора продолжала хранить молчание.

– Мэри Грин пыталась зарабатывать стиркой и шитьем, но денег не хватало даже на то, чтобы заплатить за жилье. Их выгнали из дома. Работы не было, заработать было негде, и Мэри сделала то, что должна была сделать ради малышей, которых она, видимо, очень любила. Она стала проституткой.

– Ужасно… – прошептала Нора.

– Но это еще не самое худшее. Ее арестовали, когда ей было шестнадцать. Видимо, в это время ее братишка и сестренка стали беспризорными. В то время таких, как они, называли «помощниками». В городских архивах больше сведений нет. Скорее всего они умерли от голода. В тысяча восемьсот семьдесят первом году на улицах Нью-Йорка обитали по меньшей мере двадцать восемь тысяч бездомных детей. Так или иначе, но Мэри отправили в так называемое «Убежище для девушек» на Деланси-стрит. Вообще-то это была потогонная мастерская. Но жизнь там была все же лучше, чем в тюрьме. Так что Мэри Грин в некотором роде повезло.

Пендергаст замолчал. До них издалека донесся гудок плывущей по реке самоходной баржи.

– А потом что с ней произошло?

– Все документальные следы обрываются на пороге «Убежища для девушек», – ответил Пендергаст. Он повернулся к Норе (ей даже показалось, что лицо агента фосфоресцирует в лунном свете) и продолжил: – Энох Ленг – доктор Энох Ленг – предложил свои медицинские услуги «Убежищу для девушек» и работному дому, расположенному в районе Пяти углов. Сиротский приют стоял на месте теперешней Чатам-сквер. Доктор оказывал этим учреждениям медицинскую помощь pro bone, то есть бесплатно. Насколько нам известно, Ленг в течение всех семидесятых годов девятнадцатого века арендовал помещение на верхнем этаже Кабинета диковин Шоттама. Наверняка где-то в Нью-Йорке у него имелся собственный дом. Связь с обоими воспитательными учреждениями он поддерживал примерно год, вплоть до пожара в Кабинете Шоттама.

– И нам из письма уже известно, что именно Энох Ленг совершил эти преступления.

– Вне всякого сомнения.

– В таком случае почему вам требуется моя помощь?

– О самом Ленге практически нет никаких сведений. Я пытался найти информацию о нем в Историческом обществе, в Нью-Йоркской публичной библиотеке и даже в мэрии. Создается впечатление, что все упоминания о нем сознательно изъяты, и у меня есть большое подозрение, что все картотеки почистил сам Ленг. Судя по всему, доктор Энох Ленг был одним из первых спонсоров музея и, кроме того, слыл энтузиастом-таксидермистом. Я уверен, что в музее есть документы, касающиеся деятельности Ленга – пусть и не напрямую. Архивы музея настолько велики и находятся в таком беспорядке, что целенаправленно подчистить их практически невозможно.

– Но почему именно я? Почему ФБР просто не сделает официальный запрос на поиск нужных материалов?

– Дело в том, что после официального запроса документы имеют тенденцию бесследно исчезать. Кроме того, я видел, как вы работаете. Редко приходится встретить такую компетентность.

Нора в ответ лишь покачала головой.

– Мистер Пак, вне сомнения, продолжит оказывать нам свою поистине бесценную помощь. Да, и еще кое-что… Дочь Тинбери Макфаддена до сих пор жива. Она обитает в старинном доме в Пикскилле. Ей девяносто

пять лет, но, насколько я понимаю, вполне compos mentis[7]. Не исключено, что она может очень много поведать о своем отце. Вполне вероятно, что она была знакома с Ленгом. Мне почему-то кажется, что с молодой женщиной она согласится побеседовать гораздо охотнее, чем с агентом Федерального бюро расследований.

– Вы мне до сих пор так и не объяснили, почему вас так интересует это дело.

– Причины моего интереса не имеют значения. Однако я считаю, что лицо, совершившее подобное преступление, не может остаться безнаказанным. Даже после смерти. Мы же не забываем и тем более не прощаем Гитлера. Очень важно помнить. Прошлое – кусок настоящего. И именно сейчас оно в значительной своей части является настоящим.

– Вы имеете в виду два последних убийства?

Весь город только об этом и говорил. И на устах у всех была одна фраза: имитация старинного преступления.

Пендергаст в ответ молча кивнул.

– Но неужели вы действительно считаете, что между всеми этими убийствами имеется связь? Что существует псих, прочитавший статью Смитбека и пытающийся воспроизвести эксперименты Эноха Ленга?

– Да, я считаю, что между убийствами имеется связь.

Наступила ночь. Уотер-стрит и лежащие за ней пирсы были совершенно пустынны. Все это окружение действовало на Нору угнетающе.

– Послушайте, мистер Пендергаст, – сказала она. – Я хотела бы вам помочь. Однако я считаю – и об этом я вам уже говорила, – что пользы принести не могу. И если позволите, то я посоветовала бы вам заняться расследованием не старых убийств, а новых.

– Именно этим я и занимаюсь. Однако разгадка новых убийств скрыта в преступлениях девятнадцатого века.

– Каким же образом? – удивленно вскинув брови, спросила Нора.

– Пока не время, Нора. Я еще не накопил достаточно информации, чтобы дать вам исчерпывающий ответ. Однако я уже сказал больше, чем следует.

Нора раздраженно вздохнула и сказала:

– В таком случае прошу меня извинить, но я не могу во второй раз ставить под угрозу свою работу. Особенно не имея информации. Вы меня понимаете, не так ли?

– Конечно, – после недолгого молчания ответил Пендергаст. – Я уважаю ваше решение.

Агент ФБР слегка наклонил голову, и этот простой знак вежливости получился в его исполнении весьма элегантным.

* * *

Пендергаст попросил шофера высадить его в квартале от дома. Когда «роллс-ройс» бесшумно отъехал, специальный агент ФБР в глубокой задумчивости двинулся по тротуару. Через несколько минут он остановился и поднял глаза на здание, в котором обитал. Эта глыба камня, украшенная горгульями и башенками, именовалась «Дакота». Однако, глядя на громадный дом, он почему-то видел перед собой разрушающееся строение на Уотер-стрит, в котором когда-то жила Мэри Грин.

Пендергаст понимал, что дом номер шестнадцать по Уотер-стрит никакой особенной информации в себе не содержит и обыскивать его не имеет смысла. Но в то же время здание таило в себе какие-то особые и загадочные свойства. Для него имели значение не столько факты и цифры, сколько дух и настроение эпохи. Формы и ощущения того времени. В этом доме росла Мэри Грин. Ее отец участвовал в великом исходе из сельских мест в город, случившемся после Гражданской войны. Ее детство было не очень легким, но назвать его несчастливым вряд ли можно. Портовые грузчики в те времена вполне могли заработать на жизнь. Давным-давно девочка играла на булыжниках мостовой, по которым он сегодня ступал, а веселые крики отзывались эхом от тех кирпичных стен, которые он видел. Но затем холера унесла обоих родителей, навеки изменив ее жизнь. И кроме нее, было еще тридцать пять подобных жизней, которые столь жестоко закончились в угольном тоннеле под домом.

Позади него в конце квартала раздался слабый шорох, и Пендергаст обернулся. По направлению к нему с трудом брел одетый в черное сгорбленный старик с котелком на голове. В руках старец тащил кожаный саквояж. Он передвигался еле-еле, опираясь на палку. Создавалось впечатление, что размышления Пендергаста породили эту фигуру из прошлого. Старик приближался, размеренно и негромко постукивая тростью о тротуар.

Пендергаст бросил на старца еще один взгляд и снова обратил взор на «Дакоту», ожидая, когда свежий ночной воздух внесет ясность в мысли. Но никакой ясности не последовало. Перед его мысленным взором снова возникла Мэри Грин – маленькая девочка, весело играющая на булыжниках мостовой.

Глава 7

Прошло уже несколько дней с того времени, когда Нора в последний раз заглядывала в свою лабораторию. Оставив открытой старую металлическую дверь, она включила свет и огляделась. В лаборатории все оставалось на своих местах. У дальней стены стоял белый стол, а на столе – бинокулярный микроскоп, компьютер, набор инструментов для флотации. У боковой стены находились черные металлические шкафы, в которых хранились собранные ею образцы – угли, камни, керамика, кости и другие органические останки. В застоялом воздухе витал запах пыли со слабой примесью дыма, аромата сосны и можжевельника. Эти запахи сразу же заставили ее вспомнить о Нью-Мексико. Что она вообще делает здесь, в Нью-Йорке? Ведь она же специалист по археологии Юго-Запада. Ее брат Скип чуть ли не каждую неделю требует, чтобы сестра вернулась домой, в Санта-Фе. Она сказала Пендергасту, что не может позволить себе потерять работу в музее. Но разве это так страшно? Она вполне может рассчитывать на хороший пост в университете Нью-Мексико или университете штата Аризона. И там и там имеются прекрасные кафедры археологии, где ей не придется доказывать полезность своей работы кретинам вроде этого Брисбейна.

Мысль о Брисбейне заставила ее разволноваться. Кретины или нет, но это был Американский музей. Никогда в жизни у нее не будет другой подобной возможности.

Девушка закрыла дверь и быстро прошла в комнату. Теперь, когда она получила деньги для радиоуглеродного анализа, можно было вернуться к настоящей работе. Из своего фиаско она извлекла хотя бы одну пользу – получила деньги. Теперь следует подготовить древесные угли и органику для отправки в лабораторию Мичиганского университета. Как только она получит результат датировки, ее работа по связям ацтеков и индейцев анасази примет самый серьезный характер.

Нора открыла первый шкаф и осторожно извлекла из него плоский контейнер с множеством закрытых пробирок. В каждой из них находился единственный образец: кусочек древесного угля, обуглившееся зерно, фрагмент початка кукурузы, древесная щепка или осколок кости. Она вынула три контейнера и поместила их на белый стол. После этого девушка включила компьютер и, выведя на экран каталожную матрицу, принялась сверять точность маркировки пробирок и их содержимого.

В ходе работы ее мысли начали снова обращаться к событиям последних дней. Нору занимал вопрос, удастся ли ей когда-нибудь полностью восстановить свои отношения с Брисбейном? Этот тип был отвратным и лживым, но все же, как ни крути, боссом. Брисбейн не лишен проницательности, и в силу этого обстоятельства он рано или поздно придет к выводу, что для общего блага следует зарыть томагавки в землю...

Нора в негодовании затрясла головой. Девушке крайне не понравился такой эгоистический образ мыслей. Ведь статья Смитбека не только отравила ей жизнь, но и вызвала к жизни убийцу-имитатора, уже получившего кличку Хирург. Она никак не могла взять в толк, с какой стати Смитбек решил, что статья ей поможет. Норе давно стало ясно, что Смитбек – карьерист. Но на сей раз он перешагнул все границы. Самодовольный, маниакальный эгоист. Она припомнила свою первую встречу с ним в Пейдже, штат Аризона. Окруженный дешевого вида девицами в бикини, он раздавал им автографы. Или, вернее, пытался раздавать. Ну и тип. Следовало больше доверять своему первому впечатлению.

Затем ее мысли обратились к Пендергасту. Странный человек. Нора даже не была уверена в том, что он имел полномочия вести это расследование. Может ли ФБР разрешить одному из своих агентов отправиться в свободный поиск наподобие этого? Почему он так уклончиво говорит о причинах своего интереса к делу? Может быть, Пендергаст по своей природе человек очень скрытный? В любом случае ситуация выглядит довольно странно. Однако теперь она в стороне от дела, и это ее радует. Очень радует.

Однако, вернувшись к своим пробиркам, девушка вдруг осознала, что не так уж и рада. Может быть, потому, что сверка ярлыков и сортировка образцов были довольно унылым занятием. Но думы о печальной участи Мэри Грин никак не хотели уходить из ее головы. Мрачный дом. Убогое платье. Щемящая душу записка.

Ценой изрядных усилий ей удалось отогнать все посторонние мысли. Мэри Грин и ее семья давно канули в Лету. Все это было трагично и даже ужасно, но ее лично никаким боком не касалось.

Закончив проверку и сортировку образцов, она принялась укладывать пробирки в другой контейнер – с ячейками из пенопласта. Пожалуй, лучше разделить их на три партии. На тот случай, если часть затеряется. Закончив упаковку, она принялась заполнять транспортные накладные и ярлыки «Федерального экспресса».

Раздался стук, ручка двери повернулась, и закрытая на замок дверь задребезжала от нетерпеливого удара.

– Кто там? – оторвала взгляд от писанины Нора. Из-за дверей послышался хриплый шепот.

– Кто?! – повторила она, неожиданно для себя испугавшись.

– Это я. Билл.

Нора поднялась со стула, испытывая одновременно облегчение и гнев.

– Что ты здесь делаешь?

– Открой!

– Ты что? Шутишь? Убирайся отсюда! Немедленно.

– Пожалуйста, Нора. Это крайне важно.

– Для меня крайне важно, чтобы ты убрался к дьяволу. Предупреждаю!

– Мне надо с тобой поговорить.

– Все. Вызываю охрану.

– Не надо, Нора! Подожди.

Нора подняла трубку и набрала номер. Охранник ответил, что немедленно поднимется наверх.

– Нора! – выкрикнул Смитбек.

Нора уселась за стол и попыталась собраться с мыслями. «Закрой глаза и не обращай на него внимания, – сказала она себе. – Просто не обращай на него внимания. Служба безопасности будет здесь через пару минут».

– Пусти меня хотя бы на минуту, – продолжал ныть Смитбек. – Прошлой ночью...

До нее долетел звук тяжелых шагов, и суровый голос произнес:

– Сэр, вы находитесь в месте, куда посетители не допускаются.

– Послушайте! Я репортер газ...

– Пройдите, пожалуйста, со мной, сэр.

За дверью началась какая-то возня.

– Нора!

В голосе журналиста прозвучала несвойственная ему нотка отчаяния. Нора вопреки желанию подошла к двери, приоткрыла ее и высунула голову в коридор. Смитбек находился между двумя охранниками. Он смотрел на девушку, а вихор на его голове укоряюще трепетал.

– Ты все-таки вызвала охрану, – произнес он, делая очередную попытку освободиться. – Не могу в это поверить!

– С вами все в порядке, мисс? – поинтересовался один из стражей.

– Я в порядке. Но этот человек здесь находиться не должен.

– Сюда, сэр. Мы проводим вас к дверям.

С этими словами охранники стали уводить журналиста.

– Отпустите меня! Я сообщу о вашем поведении.

– Да, сэр. Сделайте это, сэр.

– Перестаньте называть меня «сэр». Это оскорбительно.

– Так точно, сэр.

Охранники, не теряя выдержки, повели его по коридору к лифту.

Нора следила за тем, как уводят Смитбека, и в ее душе боролись противоречивые чувства. Бедный Смитбек. Какой унизительный исход. Но он сам навлек на себя это и заслуживает наказания. Он не смеет вот так появляться, корча из себя черт знает что. Сплошные трагедии и тайны...

– Нора! – долетел до нее вопль из коридора. – Умоляю, выслушай! Я слышал на полицейской волне, что на Пендергаста совершено нападение. Он в больнице Святого Луки на Пятьдесят девятой. Он...

Голос умолк, заглушенный дверями лифта.

Глава 8

С Норой никто не хотел разговаривать.

Прошло более часа, прежде чем доктор смог уделить ей внимание. Он появился в зале ожидания – очень юный, с загнанным взглядом и двухдневной щетиной на физиономии.

– Доктор Келли? – произнес он, заглянув в листок с именами.

Нора поднялась с кресла и, поймав взгляд врача, спросила:

– Как он?

На лице медика появилась усталая улыбка.

– С ним все будет в порядке, – ответил он, посмотрел с любопытством на Нору и спросил: – Вы медик, доктор Келли?

– Археолог.

– О... И какое отношение вы имеете к пациенту?

– Мы друзья. Смогу ли я его увидеть? И что с ним?

– Прошлой ночью он получил ножевое ранение.

– О Боже!

– Клинок прошел в каком-то дюйме от сердца. Ему очень повезло.

– Как он сейчас?

– Он… – Доктор замолчал, и на его губах снова появилась легкая улыбка. – Потрясающая сила духа. Странный парень ваш мистер Пендергаст. Потребовал, чтобы операцию проводили под местным наркозом, что, согласитесь, весьма нетривиально. В противном случае он отказывался ставить подпись под разрешением на операцию. После этого он настойчиво попросил дать ему зеркало, и нам пришлось доставить таковое из родильного отделения. Мне еще ни разу не попадался столь… столь требовательный пациент. Поначалу я даже подумал, что на мой операционный стол попал хирург. Из хирургов, для вашего сведения, получаются самые скверные пациенты.

– Зачем ему понадобилось зеркало?

– Мистер Пендергаст пожелал следить за ходом операции. Его жизненные показатели ухудшались, поскольку он потерял много крови, но ему почему-то очень хотелось осмотреть рану под разными углами еще до начала операции. Очень странно. Скажите, где работает мистер Пендергаст?

– В ФБР.

Улыбку мгновенно смыло с лица доктора.

– Понимаю… Это многое объясняет. Вначале мы поместили его в двухместную палату – все одиночные были заняты, – но нам пришлось одну из них освободить. Мы срочно переселили сенатора штата Нью-Йорк.

– Но почему? Неужели Пендергаст жаловался?

– Нет… он не жаловался. – Доктор помолчал, не зная, продолжать или нет, но затем все же решился: – Мистер Пендергаст начал просматривать на видео процедуру вскрытия человеческого трупа. Весьма выразительный фильм. Второй пациент стал протестовать, но это уже не имело значения, поскольку вскоре началась доставка разнообразных заказов, сделанных мистером Пендергастом. – Доктор пожал плечами и продолжил: – Он отказывался принимать больничную пищу и хотел, чтобы ему доставляли еду только от Балдуччи. Мистер Пендергаст отказался от капельницы и от всех болеутоляющих лекарств, включая такие пустячные, как тайленол или викодин. А об окисконтине мы не посмели даже и заикаться. Он должен испытывать ужасную боль, но при этом не подает и вида. Новые постановления, регулирующие отношения врач-пациент, связывают меня по рукам и ногам.

– Да, все это очень в его стиле.

– Утешает лишь то, что, согласно моему скромному опыту, самые трудные пациенты выздоравливают быстрее всех. Мне только жаль медсестер. – Доктор взглянул на часы и добавил: – Вы можете пройти. Палата пятнадцать ноль один.

На подходе к палате Нора уловила какой-то странный, не свойственный лечебным учреждениям запах. И этот экзотический запах на фоне ароматов залежалой пищи и медицинского спирта казался совсем неуместным. Из открытых дверей палаты доносился визгливый голос. Нора остановилась у порога и негромко постучала.

На полу комнаты лежали стопки каких-то старинных книг, в беспорядке валялись географические карты. В изящных серебряных чашечках курились палочки сандалового дерева, посылая к потолку тонкие струйки дыма. «Это объясняет странный запах», – подумала Нора. Рядом с кроватью больного стояла медсестра, сжимая в одной руке коробочку с пилюлями, а в другой – шприц. На кровати возлежал Пендергаст, облаченный в черную шелковую пижаму. Укрепленный над его головой телевизор демонстрировал окровавленное тело, вокруг которого суетились три врача. Нора отвернулась от шокирующей картинки и увидела на столике рядом с кроватью блюдо с растопленным маслом и остатки шеек полярного омара.

– Мистер Пендергаст, я настаиваю на инъекции, – говорила сестра. – Вы перенесли серьезную операцию, и вам необходимо как можно больше спать.

Пендергаст освободил руки, на которых покоилась его голова, поднял лежащий на одеяле том и с небрежным видом принялся его листать.

– Сестра, – сказал он, не переставая перевертывать страницы. – У меня нет ни малейшего намерения получать какие-либо инъекции. Я усну, как только дозрею до этого.

– Я вынуждена позвать доктора. Подобное поведение просто недопустимо. А все это крайне негигиенично, – сказала она, разгоняя ладошкой дым.

Пендергаст согласно кивнул и перевернул очередную страницу.

Медсестра выскочила из палаты, едва не сбив с ног Нору. Пендергаст поднял глаза и, увидев ее, улыбнулся:

– О, доктор Келли! Входите и располагайтесь как дома. Нора опустилась на стоящий рядом с кроватью стул и спросила:

– С вами все в порядке?

Пендергаст ответил ей утвердительным кивком.

– Что случилось?

– Я повел себя неосмотрительно.

– Но кто это сделал? Где? Когда?

– Рядом с моим жилищем, – ответил Пендергаст, поднял пульт дистанционного управления, выключил телевизор и отложил в сторону книгу. – Человек в черном, опирающийся на трость и с котелком на голове. Он попытался усыпить меня хлороформом, я задержал дыхание и сделал вид, что теряю сознание. Когда он в это поверил, мне удалось вырваться. Однако я его недооценил. Черный человек пырнул меня ножом и скрылся.

– Но он мог вас убить!

– Именно таковыми, насколько я понял, и были его намерения.

– Доктор сказал, что клинок прошел лишь в дюйме от сердца.

– Да. Как только я осознал, что он собирается меня заколоть, я отвел его руку и направил удар в место, не имеющее жизненно важного значения. Весьма полезный прием. Используйте его обязательно, если попадете в подобное положение. – Пендергаст чуть подался вперед и продолжил: – Доктор Келли, я убежден, что это был тот человек, который убил Дорин Холландер и Мэнди Экланд.

– Почему вы так решили?

– Я мельком видел оружие. Это был хирургический скальпель с ампутационным лезвием.

– Но... почему именно вы?

Пендергаст улыбнулся, но в этой улыбке боли было гораздо больше, чем веселья.

– Ответ очень прост. В какой-то точке мы подобрались слишком близко к истине и тем самым выкурили его из норы. И это я считаю явлением положительным.

– Положительным? Но вам же по-прежнему грозит опасность!

Пендергаст обратил на нее внимательный взор своих светлых глаз и произнес:

– В этом я не одинок, доктор Келли. Вам и мистеру Смитбеку следует проявлять крайнюю осторожность.

Сказав это, агент ФБР слегка поморщился.

– А вам следует принимать болеутоляющие лекарства.

– Для того, чтобы реализовать свои планы, мне необходимо иметь совершенно ясную голову. Человечество существовало без болеутоляющих средств много веков. Итак, вам надо принимать меры предосторожности. Не появляйтесь по ночам на улицах в одиночку. Лично я очень доверяю сержанту О'Шонесси. – Он сунул ей в ладонь визитную карточку и добавил: – Если вам что-то потребуется, звоните ему. А я через несколько дней уже буду в полном порядке.

Нора понимающе кивнула.

– Кроме того, было бы совсем неплохо, если бы вы на денек уехали из города. В Пикскилле живет старая, одинокая и очень разговорчивая леди, которая просто обожает гостей.

– Я же разъяснила, почему не могу вам больше помогать, – со вздохом сказала Нора. – А вы мне не хотите поведать, почему вас так интересуют эти старые убийства.

– Все, что бы я вам ни сказал сейчас, полной картины все равно не создаст. Для того, чтобы все детали головоломки легли на нужное место, мне еще придется хорошенько поработать. Но заверяю вас, доктор Келли, что это не просто моя прихоть. Нам с вами жизненно необходимо узнать как можно больше о докторе Энохе Ленге.

После этого последовало длительное молчание.

– Если не хотите сделать это для меня, сделайте хотя бы ради Мэри Грин.

Нора поднялась со стула.

– И еще кое-что, доктор Келли.

– Да?

– Смитбек не такой уж скверный парень. По собственному опыту знаю, что в трудный момент он может быть очень надежным партнером. Я чувствовал бы себя спокойнее, если бы вы были вместе. По крайней мере до того, как все это кончится.

– Ни за что, – вздернула голову Нора.

Пендергаст поднял руку и несколько раздраженно произнес:

– Сделайте это ради вашей собственной безопасности. А теперь я должен вернуться к своим трудам. С нетерпением жду от вас вестей завтра.

Это было произнесено безапелляционным тоном, и Нора вышла из палаты в некотором раздражении. Не мытьем, так катаньем Пендергаст

снова втянул ее в это дело и теперь вдобавок пытается взвалить на нее Смитбека. Никаких смитбеков! Негодяй просто ищет материал для второй главы своего опуса. Смитбек и Пулитцеровская премия! Да, она поедет в Пикскилл. Но сделает это в одиночестве.

Глава 7

В маленькой подвальной комнате царила тишина. Помещение было настолько простым и скромным, что больше всего походило на келью отшельника. Лишь единственный тонконогий стол да жесткий неудобный стул нарушали монотонность неровного пола и влажных некрашеных стен. Ультрафиолетовые лампы под потолком бросали синеватый призрачный свет на четыре лежащих на столе предмета: изрядно потертый и потрепанный блокнот из красной кожи, вечное перо, длинный отрезок резиновой трубки бежевого цвета и шприц для внутривенного вливания.

Сидящий на стуле человек поочередно осмотрел находившиеся в полном порядке предметы. Затем он очень-очень медленно протянул руку и взял шприц. Игла в ультрафиолете поблескивала каким-то необычным, завораживающим светом, и казалось, что сыворотка в прозрачном цилиндре дымится.

Он смотрел на сыворотку, вращая шприц перед глазами и восхищаясь возникающими в ней миниатюрными туманными мирами. В пробирке заключалось вещество, поиску которого посвящали всю свою жизнь предыдущие поколения: философский камень, Святой Грааль, единственное истинное имя Божие. Ради этого были принесены многие жертвы как им самим, так и теми, кто ради успеха возложили на алтарь науки свои жизни. Но как бы ни громадны были эти жертвы, они полностью оправданы, ибо сейчас перед ним находилась заключенная в стекло целая вселенная жизни. Его жизни. Подумать только, что она родилась из нейронов «конского хвоста» – нервного узла в основании спинного мозга. После омовения всех клеток тела жизненной сутью этих нейронов клетки перестают погибать. Потрясающе простое открытие, но каким трудным оказался к нему путь.

Процесс очистки доставлял ему мучения, и в то же время он получал от него удовольствие. Точно так же, как и от действия, к которому намеревался приступить. В последних фазах создания чудодейственной сыворотки было нечто от религиозного обряда. Это напоминало поведение подлинно верующего человека, который, прежде чем приступить к настоящей молитве, совершает целый ряд подготовительных сакральных действий. Это также напоминало действия клавесиниста, прокладывающего путь через все двадцать девять частей «Гольдберг-вариаций» к чистой истине финала, созданного самим Бахом.

Радость подобных размышлений несколько омрачала мысль о тех, кто пытается встать на его пути, кто хочет вытащить его на поверхность, кто следит за ним, чтобы добраться до этой комнаты, кто стремится положить конец его благородным трудам. Самый опасный из них уже наказан за свою наглость – хотя и не так строго, как он того заслуживает. Что ж, в его распоряжении имеются другие средства, а возможность дальнейшего наказания еще представится.

Отложив шприц в сторону, он взял блокнот и открыл кожаную обложку. Комната мгновенно наполнилась другими запахами. Это был запах плесени, гниения и разложения. Его всегда поражала ирония ситуации: переплетенный в кожу и почти распавшийся за столько десятилетий блокнот хранил в себе тайну, которая могла положить конец распаду и разложению.

Он принялся медленно, с любовью переворачивать страницы, начиная с первых записей, вопиющих о неимоверных сложностях исследовательской работы. На последних страницах заметки были сделаны совсем недавно. Отвинтив колпачок с вечного пера, он положил ручку на блокнот, чтобы чуть позже внести запись о своих самых свежих наблюдениях.

Ему хотелось еще немного поразмышлять, но сделать это он не осмелился – сыворотка требовала определенной температуры и по прошествии некоторого времени утрачивала свои качества. Он в последний раз обвел взглядом стол, испытывая при этом чуть ли не разочарование. Нет, разочарованием это быть не могло, поскольку после инъекции произойдет нейтрализация телесных ядов и оксидантов. Это, в свою очередь, остановит процесс старения – загадка, над разрешением которой в течение последних трех тысяч лет бились лучшие умы человечества.

Действуя теперь гораздо быстрее, он взял резиновую трубку и затянул ее на правой руке чуть выше локтя. Когда вена вздулась, он легонько постучал по ней ногтем, поднял со стола шприц, ввел иглу, нажал на головку шприца и закрыл глаза.

Глава 10

Нора, щурясь от ярких лучей утреннего солнца, уходила от красного, похожего на имбирный пряник-вокзала в Пикскилле. Когда она садилась в поезд на Гранд-Сентрал, лил дождь, а здесь в небе над старым центром города вдоль Гудзона было всего лишь несколько легких облачков. Трехэтажные кирпичные здания стоят бок о бок, обратившись фасадами на реку. За этим рядом домов от реки тянулись вверх узкие улочки. Еще выше, примостившись на склоне скалистого холма, стояли дома старинных семей. Перед домами еще сохранились зеленые лужайки с вековыми деревьями. Между ветхозаветными строениями

нашли себе место и новые, не столь внушительные здания, включая автомобильную мастерскую и возникший здесь по какому-то странному капризу судьбы латиноамериканский мини-рынок. Все тут имело довольно жалкий вид и выглядело каким-то ненатуральным. Старый благородный город, пребывая в переходном состоянии, отчаянно пытался сохранить достоинство на фоне общего упадка и забвения.

Нора сверилась с указаниями, которые Клара Макфадден дала ей по телефону, и начала восхождение по Центральной авеню, крепко сжимая ручку своего допотопного кожаного портфеля. На Вашингтон-сквер она свернула направо и стала карабкаться в направлении Симпсон-плейс. Подъем был очень крутым, и Нора вскоре стала слегка задыхаться. На противоположном берегу реки за зеленью деревьев чуть виднелись скалы Медвежьей горы. Кроны деревьев полыхали красным и желтым цветом, с темными вкраплениями елей и сосен.

Видавший виды дом Клары Макфадден был выстроен в стиле королевы Анны. Дом имел крытую шифером мансарду и пару украшенных эркерами башенок. По всему периметру первого этажа шла открытая терраса с резным деревянным фризом. Нора шагала по короткой подъездной аллее, а над ее головой, сбрасывая с деревьев пожелтевшую листву, играл ветер. Она поднялась на террасу и позвонила в тяжелый бронзовый колокол.

Прошла минута, потом две. Нора была готова позвонить еще раз, но вспомнила, что Клара Макфадден просила заходить сразу, не дожидаясь ответа.

Девушка повернула бронзовую ручку и толкнула дверь. Петли, которым, видимо, приходилось работать редко, жалобно заскрипели. Она вошла в прихожую и повесила пальто на единственный имевшийся там крючок. В доме пахло пылью, старой тканью и кошками. На второй этаж шли изрядно потертые ступени, а справа от нее находилась широкая, обрамленная резным дубом дверь в форме арки, ведущая, судя по всему, в гостиную.

Из-за дверей послышался старчески дребезжащий, но в то же время на удивление сильный голос:

– Входите.

На пороге гостиной Нора немного задержалась, поскольку после яркого дневного света комната показалась ей очень темной. Окна были закрыты плотными зелеными занавесями с золотыми кистями по нижнему краю. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела старую даму, сидящую в высоком кресле викторианской эпохи. Дама была облачена в одеяние из черного бомбазина. Было настолько темно, что поначалу Нора увидела лишь белое лицо и столь же белые руки.

Создавалось впечатление, что эти части тела парили сами по себе. Дама сидела полуприкрыв глаза.

– Не бойтесь, – произнес из глубины кресла бестелесный голос.

Нора сделала шаг вперед, и белая рука сделала взмах в сторону второго викторианского кресла с подголовником, прикрытым кружевной салфеточкой. Нора осторожно присела, однако с кресла все же поднялся столб пыли. Послышался шорох, и черная кошка, вынырнув из-под занавеси, тут же растворилась в темноте комнаты.

– Благодарю вас за то, что согласились меня принять, – начала Нора.

Бомбазин громко зашуршал, когда дама подняла голову.

– Что вам от меня угодно, дитя мое?

Вопрос оказался на удивление прямым, и произнесен он был довольно резким тоном.

– Мисс Макфадден, я хотела бы задать вам вопросы о вашем отце Тинбери Макфаддене.

– Дорогая, назовите мне еще раз ваше имя. Я женщина пожилая, и память мне иногда изменяет.

– Нора Келли.

Хозяйка дома подняла руку и дернула за шнурок выключателя стоящего рядом с креслом торшера. На светильнике был шелковый абажур, он создавал вокруг себя ореол неяркого желтого света. Теперь Нора смогла лучше рассмотреть Клару Макфадден. Кожа на ее древнем, с ввалившимися щеками лице походила на тонкий пергамент. Дама, в свою очередь, внимательно изучала девушку. Оказалось, что ее старческие глаза еще не совсем утратили присущий им некогда блеск.

– Благодарю вас, мисс Келли, – сказала она и повторно дернула за шнурок. – Итак, что именно вы желаете узнать о моем отце?

Нора достала из портфеля папку и, борясь с темнотой, сверилась с записями, которые она сделала в поезде по пути сюда. Девушка радовалась тому, что заранее подготовилась к встрече, так как обстановка, в которой проводилось интервью, казалась ей несколько пугающей.

Старая леди взяла со стоящего рядом с креслом столика какой-то предмет. При ближайшем рассмотрении этот предмет оказался старомодной бутылочкой объемом в одну пинту. К сосуду был прикреплен зеленый ярлычок. Дама наполнила жидкостью чайную ложку, вылила лекарство в рот и вернула ложку с бутылкой на прежнее

место. Откуда ни возьмись появилась вторая черная кошка (а может быть, и та – первая) и вспрыгнула на колени хозяйке. Дама начала поглаживать ее спину, и кошка от удовольствия замурлыкала.

– Ваш отец работал куратором в Американском музее естественной истории и был коллегой Джона Кэнади Шоттама, владельца кабинета диковин в Нижнем Манхэттене.

Старая дама ответила ей молчанием.

– И он был знаком с ученым по имени Энох Ленг.

Услышав это, Клара Макфадден словно окаменела, а затем заговорила резким, язвительным голосом. Казалось, что ее слова рассекают застоялый воздух. Одним словом, упоминание о Ленге вернуло древнюю леди к жизни.

– Ленг? Почему вы вспомнили о Ленге?

– Мне интересно, знаете ли вы что-нибудь об этом человеке. И не сохранились ли у вас его письма?

– Мне, конечно, известно о Ленге, – произнес резкий голос. – Он убил моего отца.

Нора ошеломленно замолчала. Во всем, что она прочитала о Макфаддене, об убийстве не было ни слова.

– Простите?

Это было единственное, что она смогла произнести.

– О, я знаю – они говорят, что отец просто исчез. Но они ошибаются.

– Почему вы так решили?

– Почему? – Снова послышался шорох платья. – Позвольте мне вам сказать почему.

Мисс Макфадден снова включила свет и указала Норе на большую фотографию в старинной рамке. Это был изрядно выцветший портрет молодого человека в строгом, наглухо застегнутом костюме. Молодой человек улыбался, обнажив пару передних металлических зубов. Прикрывающая один глаз черная повязка придавала ему несколько злодейский вид. Лоб у молодого человека был невысокий, а скулы выдающиеся – как у Клары.

Клара Макфадден начала говорить неестественно громким и злым голосом:

– Снимок был сделан вскоре после того, как отец вернулся с Борнео. Вы, конечно, понимаете – он был коллекционером. Еще совсем юношей он провел несколько лет в восточной Африке, что позволило ему создать внушительную коллекцию африканских млекопитающих и различных экспонатов, полученных от туземцев. Вернувшись в Нью-Йорк, он стал одним из кураторов музея, только что созданного его другом по лицею. Теперь он называется Американский музей естественной истории. То были совсем иные времена, мисс Келли. Большая часть кураторов музея были состоятельными джентльменами наподобие моего отца. Они не имели систематической научной подготовки, и их можно назвать дилетантами в лучшем смысле этого слова. Отец всегда интересовался разными диковинами и всякими курьезами. Вы слышали, мисс Келли, о кабинетах диковин?

– Да, – ответила Нора, торопливо делая записи, чтобы зафиксировать все мельчайшие подробности рассказа. Она уже жалела, что не захватила диктофон.

– В то время в Нью-Йорке их было довольно много. Но Музей естественной истории начал довольно быстро вытеснять их из бизнеса. Получилось так, что отец, как куратор, занимался приобретением для музея коллекций обанкротившихся кабинетов. Он активно переписывался с их владельцами: семейством Делакурта, Барнумом, братьями Кэдволедер. Одним из таких кабинетов владел Джон Кэнади Шоттам. – Старая леди налила себе еще одну ложечку лекарства. В неярком свете торшера Нора прочитала этикетку на бутылке: «Тонизирующая растительная микстура Лидии Пинкам».

– Да, – кивнула Нора, – Кабинет природных диковин и иных редкостей Дж.К. Шоттама.

– Именно. Круг ученых в то время был очень узок, и все они были членами лицея. Весьма одаренные люди, скажу я вам. Шоттам тоже входил в круг избранных, но в то же время он был, как теперь говорят, и шоуменом. Он открыл кабинет на Кэтрин-стрит и брал за вход мизерную плату.

Основными его посетителями были представители низших классов. В отличие от многих своих коллег Шоттам считал, что если дать людям образование, то они избавятся от страданий и нищеты. Именно поэтому он открыл свой кабинет в весьма сомнительной округе. В первую очередь Шоттам хотел просветить молодых людей. Как бы то ни было, ему требовался помощник, чтобы систематизировать коллекцию, приобретенную им у молодого человека, убитого туземцами на Мадагаскаре.

– У Александра Мэрисаса.

Со стороны кресла, в котором сидела дама, послышался шелест шелка. Она выключила свет, в очередной раз погрузив комнату и портрет своего отца в темноту.

– Похоже, мисс Келли, что вам очень многое уже известно, – с подозрением в голосе произнесла Клара Макфадден. – Может быть, я утомляю вас своим рассказом?

– Что вы, что вы! Конечно, нет. Прошу вас, продолжайте.

– Кабинет Шоттама был довольно жалким. Отец время от времени ему помогал, что казалось ему довольно обременительным. Коллекция была скверной, собранной случайно, без всякой системы. Чтобы заманить бедняков, и в первую очередь уличных ребятишек, Шоттам стремился к сенсационности. У него был зал, который он называл «Галереей неестественных диковин». Как мне кажется, на создание этой галереи его вдохновила «Палата ужасов» мадам Тюссо. Ходили слухи, что некоторые люди, посещавшие эту галерею, исчезали навсегда. Полная чепуха, естественно, и скорее всего эти слухи распускал сам Шоттам, надеясь таким образом повысить посещаемость своего заведения.

Клара Макфадден достала из складок своего наряда кружевной платочек и, откашлявшись в него, продолжила:

– Именно в это время членом лицея стал человек по имени Ленг. Энох Ленг. – В ее голосе явно звучала ненависть.

Нора вдруг ощутила, как учащенно забилось ее сердце.

– И вы были с ним знакомы?

– Отец о нем очень много рассказывал. Особенно к концу жизни. У отца, как вы могли заметить, были повреждены глаз и зубы. Ленг помог ему поставить серебряный зубной мост и нашел очки с необычно толстыми линзами. Создается впечатление, что он был весьма разносторонней личностью.

Старая дама вернула платок в складки своего траурного наряда, приняла очередную ложку эликсира и продолжила повествование:

– Говорили, что он прибыл из Франции, из небольшого горного поселения где-то на границе с Бельгией. Поговаривали, что он происходит из аристократической семьи и имеет титул барона. Эти ученые мужи, как вам известно, просто обожают посплетничать. Нью-Йорк в ту пору был страшно провинциальным местом, и Ленг сумел произвести на всех сильное впечатление. Никто не сомневался в том, что он весьма просвещенная личность. Он, кстати, называл себя доктором, и все утверждали, что он искусный хирург и химик.

Последняя фраза Клары Макфадден была сдобрена изрядной порцией уксуса.

В застоялом воздухе витал запах плесени. Кот непрерывно мурлыкал, и звук этот очень напоминал шум крошечной турбины.

Наступившую тишину снова прорезал скрипучий голос:

– Шоттам искал куратора для своего Кабинета. Ленг проявил интерес к его предложению, хотя это был один из самых плохих кабинетов Нью-Йорка. В итоге Ленг арендовал в доме Шоттама весь третий этаж.

Пока все это совпадало со сведениями, содержащимися в послании Шоттама.

– И когда же это произошло? – спросила Нора.

– Весной тысяча восемьсот семидесятого года.

– Ленг жил в кабинете?

– Вы можете представить, чтобы человек с происхождением Ленга обитал в районе Пяти углов? Подобное просто невозможно. Но никто не знал, где его дом. Ленг был очень странным, вечно ускользающим от прямых ответов человеком – очень чопорным как в манере поведения, так и речи. Он не допускал никакой фамильярности.

Большую часть своего времени он проводил либо в Кабинете Шоттама, либо в лицее. Насколько я помню, его работа у Шоттама первоначально планировалась на один-два года. Первое время Шоттам был очень доволен деятельностью Ленга. Ленг составил каталог коллекции и написал карточки на каждый экспонат. Но затем что-то случилось, и Шоттам стал относиться к Ленгу со все возрастающим подозрением. Шоттам даже хотел попросить его оставить работу, но не стал этого делать. Ленг щедро платил ему за аренду третьего этажа, а Шоттам постоянно испытывал недостаток в средствах.

– Какого рода эксперименты проводил Ленг?

– Думаю, что самые обычные. У всех ученых тогда имелись лаборатории. Включая моего отца.

– Вы сказали, что ваш отец не знал причин возникших у Шоттама подозрений…

Это означало, что Макфадден так и не прочитал скрытого в слоновьей ноге послания.

– Верно. Отец не оказывал никакого давления на Шоттама в этом направлении. Шоттам, надо сказать, был весьма эксцентричным

человеком. Он покуривал опий, у него иногда случались приступы меланхолии, и отец считал его личностью психически неустойчивой. Затем летним вечером тысяча восемьсот восемьдесят первого года Кабинет Шоттама сгорел. Пламя было настолько неистовым, что удалось обнаружить лишь фрагменты костей Шоттама. Согласно результатам следствия, пожар возник на первом этаже из-за дефекта в газовом светильнике.

Последние слова были произнесены весьма язвительным тоном.

– А вы полагаете, что это не так?

– Отец был убежден, что пожар устроил Ленг.

– Вам известно, почему он так считал?

– Отец мне в этом не признавался, – покачивая головой, протянула старая дама.

Она немного помолчала.

– Примерно в это же время Ленг перестал появляться на собраниях в лицее. В Музей естественной истории он тоже больше не приходил, и отец утратил все контакты с ним. Он, как всем казалось, просто исчез из научных кругов. И лишь тридцать лет спустя Энох Ленг снова всплыл на поверхность.

– И когда это произошло?

– Во время Первой мировой войны. Я тогда была еще маленькой девочкой. Отец, надо сказать, женился очень поздно. Он получил письмо от Ленга. Весьма дружелюбное послание, в котором Ленг выражал желание возобновить знакомство. Отец отказался. Ленг стоял на своем. Он начал приходить в музей, слушать лекции отца, работать в архиве. Отец вначале выражал беспокойство, а потом ощутил настоящий испуг. Он был настолько озабочен, что в этой связи даже советовался с коллегами по лицею. Мне на ум приходят два имени – Джон Генри Персеваль и Дюмон Берли. Они несколько раз приходили в наш дом незадолго до того, как погиб отец.

– Понимаю, – сказала Нора, делая запись. – А вы Ленга никогда не встречали, не так ли?

– Я видела его лишь однажды, – после продолжительной паузы ответила Клара Макфадден. – Поздним вечером он явился в наш дом с каким-то образцом для отца. Но отец отказался его принять. Образец Ленг оставил у нас. Это был каменный идол из южных морей. Никакой научной ценности.

– И?

– На следующий день отец исчез.

– И вы полагаете, что за исчезновением стоит Ленг?

– Да.

– Почему вы так считаете?

Дама пригладила волосы и, внимательно глядя в глаза Норы, сказала:

– Неужели, мое милое дитя, вы полагаете, что на этот вопрос может быть ответ?

– Но зачем Ленгу убивать вашего отца?

– Думаю, что отец что-то о нем узнал.

– И музей не потребовал расследования?

– Никто не видел Ленга в музее. Никто не видел, как он приходил к отцу. Ни Персеваль, ни Берли ничего не заявляли. Для музея оказалось гораздо проще очернить имя моего отца, чем провести расследование. В то время я была еще девочкой. Когда я стала старше и попробовала возобновить дело, они отказались за отсутствием новых обстоятельств.

– А как ваша матушка? Она что-нибудь подозревала?

– Мама к этому времени умерла.

– Что случилось с Ленгом?

– После визита к моему отцу о нем не было ни слуху ни духу.

Нора вздохнула и спросила:

– А как Ленг выглядел?

Клара Макфадден ответила не сразу.

– Я никогда его не забуду, – сказала она после довольно продолжительной паузы. – Вам приходилось читать «Падение дома Эшеров» Эдгара По? В рассказе есть описание, которое меня просто потрясло, когда я его прочла. Мне кажется, что это точный портрет Ленга. Эти слова запали в мою память навсегда, и даже сейчас я могу их точно воспроизвести, «...трупного цвета кожа; огромные, светлые, с невыразимым влажным блеском глаза... маленький, изящно вылепленный подбородок, говоривший о нехватке духовной энергии или о нравственной слабости». У Ленга были светлые волосы, голубые глаза и нос с горбинкой. Одет он был в строгое черное пальто.

– Очень яркое описание.

– Ленг был личностью, которая долго оставалась с вами после того, как он уходил. Но, как ни странно, лучше всего я запомнила, как он говорил. У него был низкий, звучный, резонирующий голос. Создавалось впечатление, что два человека говорят в унисон. Кроме того, у Ленга был сильный акцент.

Печаль, которая, видимо, навсегда поселилась в гостиной, стала каким-то необъяснимым образом более глубокой. Нора машинально сглотнула. Она исчерпала все вопросы, которые хотела задать.

– Огромное спасибо, мисс Макфадден, за то, что вы согласились уделить мне время, – сказала она, вставая с кресла.

– Но почему вам вдруг захотелось ворошить прошлое? – резко спросила старая леди.

Нора поняла, что Клара Макфадден не читала газет и ничего не слышала об убийце, имитирующем старинные преступления. Не зная, что сказать, она окинула взглядом комнату и остановила глаза на темной фигуре в викторианском кресле. Подумав еще мгновение, Нора решила, что не станет тем человеком, который разрушит мир этой старой женщины.

– Я изучаю историю кабинетов диковин девятнадцатого века.

Старая дама остановила на Норе взгляд и сказала:

– Весьма интересная тема. И возможно, очень опасная.

Глава 11

Специальный агент Пендергаст лежал на больничной койке. Лежал он совершенно неподвижно, если не считать движения глаз. Он проследил за тем, как Нора Келли вышла из палаты и закрыла за собой дверь. После этого Пендергаст взглянул на стенные часы. Ровно девять вечера. Подходящее время для того, чтобы начать.

Он вспомнил каждое слово из рассказа Норы, пытаясь восстановить для себя тривиальные детали или случайные замечания, на которые мог не обратить внимания при первом прослушивании. Однако ничего такого он не нашел.

Визит девушки в Пикскилл только подтвердил его самые мрачные опасения. Он с самого начала считал, что Ленг убил Шоттама и поджег дом. Агент ФБР был также уверен и в том, что Ленг приложил руку к исчезновению Макфаддена. Видимо, Шоттам, написав и спрятав письмо, потребовал у Ленга объяснений, и тот его убил, скрыв очередное преступление поджогом.

Однако на другие, более важные вопросы он пока не имел ответов. Почему в качестве базы для своих исследований Ленг избрал именно Кабинет диковин Шоттама? Почему он предложил свои услуги работным домам за год до убийства Шоттама? И наконец, куда после пожара он перенес свою лабораторию?

По опыту других расследований Пендергаст знал, что серийные убийцы действуют весьма небрежно, оставляя множество улик. Однако Ленг от них существенно отличался. Строго говоря, он не являлся серийным убийцей. Кроме того, ученый был чрезвычайно умен. Несмотря на общее неблагоприятное впечатление, которое он на всех производил, о нем толком никто ничего не знал. И это можно считать его главной характеристикой. О Ленге следовало узнать как можно больше, и вся информация хранилась в ворохе книг и документов, заполнявших больничную палату. Однако одной исследовательской работы здесь явно недостаточно.

Другим серьезным препятствием на пути расследования была нехватка объективности в ведении дела. Он воспринимает все это слишком лично, слишком эмоционально. Если не удастся взять себя в руки и восстановить свойственную ему дисциплину мысли, дело кончится провалом. А допустить провал он не имеет права.

Настало время отправиться в путешествие. Пендергаст обвел взглядом массу книг и географических карт, громоздящихся в его палате на пяти хирургических тележках. На прикроватном столике лежала всего одна, но зато самая важная бумага – подробный поэтажный план Кабинета диковин Шоттама. Пендергаст взял документ и внимательно на него посмотрел, чтобы запомнить все – даже самые мелкие – детали. Часы отсчитывали секунду за секундой. Наконец он вернул пожелтевший листок на столик.

Время. Но прежде чем отправиться в путь, следовало что-то сделать с окружающим его невыносимым шумовым фоном палаты.

После того как его состояние было переведено из «тяжелого» в «стабильное», он потребовал переправить его из больницы Святого Луки в госпиталь Ленокс-Хилл. Это старинное здание на Лексингтон-авеню обладало самыми толстыми стенами во всем городе, за исключением его «Дакоты». Но даже здесь палата полнилась разнообразными звуками. Блеяние датчика уровня кислорода в его крови, шепот сплетничающих медсестер в коридоре, шипение и писк телеметрических приборов, храп страдающего воспалением миндалин пациента в соседней палате, шорох и постукивание в трубах принудительной вентиляции. Положить конец этим звуковым помехам он не мог, однако для их подавления у него имелись иные возможности. Эти возможности открывала игра ума, которую он придумал сам,

несколько видоизменив древние методы медитации монахов-буддистов Бутана.

Пендергаст закрыл глаза и представил в уме шахматную доску на деревянном столе, стоящем в озере желтого света. После этого он создал двух игроков. Первый игрок сделал первый ход, второй ответил. Начался шахматный блиц. Ходы следовали очень быстро. В каждой партии постоянно меняли стратегию: ферзевый гамбит, дебют четырех коней, венский гамбит…

Мало-помалу наиболее отдаленные звуки начали исчезать.

Когда последняя партия завершилась вничью, Пендергаст отправил шахматы в небытие и, создав мысленный образ четырех игроков, рассадил их вокруг ломберного стола. Он всегда считал бридж более благородной и тонкой игрой, нежели шахматы, но сам играл редко, не находя достойных партнеров. Началась игра, и каждый ее участник видел лишь свои тринадцать карт, посвятив все интеллектуальные возможности разработке стратегии для предстоящей схватки. Пендергаст слегка развлекся, внося некоторую неразбериху в игру и посеяв недопонимание между партнерами.

К концу первого роббера все посторонние звуки полностью исчезли и в его уме воцарилась глубокая тишина.

Настало время для путешествия в лабиринтах памяти.

Еще несколько минут интенсивной концентрации в тиши, и он ощутил, что готов окончательно.

Пендергаст увидел мысленным взором, как поднимается с кровати. Он казался себе легким и воздушным, словно призрак. Затем он увидел себя идущим по больничным коридорам, спускающимся по лестнице и пересекающим обширный вестибюль госпиталя. Еще через несколько секунд агент ФБР увидел себя на широких каменных ступенях. Но это уже были не ступени больницы. Сто двадцать лет назад в этом здании находилось учреждение, именовавшееся «Нью-Йоркский приют для чахоточных».

Пендергаст некоторое время постоял на ступенях, вглядываясь в наступающую темноту. К западу от него, где-то между Центральным парком и Верхним Ист-Сайдом, он увидел свиноводческие фермы, заросшие бурьяном пустыри и скальные выступы. Там и сям виднелись группы лачуг. Хибарки жались друг к другу так, словно плечом к плечу им было легче противостоять непогоде. Вдоль авеню стояли газовые фонари, порождая у своего подножия небольшие пятна желтого света. Здесь, вдали от оживленного центра, фонари располагались очень далеко один от другого.

Открывающийся перед ним ландшафт находился словно в легком тумане, и его деталей Пендергаст не видел. Впрочем, подробности жизни этой части Нью-Йорка не имели для его целей никакого значения. Однако запахи Пендергаст ощущал хорошо. Здесь пахло дымом, сырой землей и навозом.

Он сошел со ступеней, свернул на Семьдесят шестую улицу и двинулся на восток, в сторону реки. Эта часть Манхэттена была заселена несколько плотнее. Новые каменные строения вытесняли старые щитовые лачуги. По засыпанной сеном мостовой катили экипажи. Мимо него молча шли люди. Мужчины были облачены в длиннополые сюртуки с узкими лацканами, а женщины носили турнюры и шляпки с вуалью.

На следующем углу он сел в трамвай, заплатив за поездку до Сорок второй улицы пять центов. На Сорок второй он поднялся на подъемник, идущий по Третьей авеню вплоть до Бауэри. Эта поездка обошлась ему в двадцать центов. Столь экстравагантная цена дала ему возможность прокатиться в поистине царском вагоне с занавесями на окнах и роскошными креслами. Паровоз почему-то именовался «Шаунси М. Депью». Пока поезд неторопливо полз на юг, Пендергаст неподвижно сидел в своем обитом вельветином кресле. Мало-помалу он начал допускать звук в свой новый мир. Вначале Пендергаст услышал стук колес на стыках рельсов, а затем и болтовню пассажиров. Их всех волновали проблемы тысяча восемьсот восемьдесят первого года: здоровье президента и предстоящее изъятие из раны пистолетной пули, итоги прошедшей в первой половине дня парусной регаты на Гудзоне и поистине чудесные целительные свойства магнитного одеяния «Уилсония».

Во время путешествия неизбежно возникали пробелы в виде темных, туманных дыр, поскольку об этом времени Пендергаст не располагал полной информацией. Блуждания в мире памяти никогда не были до конца объемными. Многие детали истории и повседневного быта навсегда канули в Лету.

Когда поезд добрался до южной части Бауэри, Пендергаст вышел из вагона. Он некоторое время постоял на платформе, изучая окрестности. На сей раз агент ФБР делал это более внимательно. Эстакада дороги шла не по центру улицы, а вдоль домов, и тротуар под ней покрывали скользкая пленка пролитой нефти и слой золы.

«Шаунси М. Депью» издал резкий свисток и яростно поволок состав к следующей остановке, выплюнув в свинцовое небо клуб дыма и сноп искр.

Пендергаст спустился по рахитичным деревянным ступеням на землю и оказался рядом с крошечной лавкой. Вывеска над дверью гласила:

«Джордж Вашингтон Абакус – профессор физиогномики и оператор парикмахерского искусства». Широкая улица перед ним являла собой море колышущихся цилиндров. По мостовой то и дело проносились трамваи и конные экипажи. Уличные торговцы всех мастей заполонили тротуары и громогласно расхваливали свой товар всем, кто соглашался их слушать. «Тазы и кастрюли!» – вопил жестянщик. «Кастрюли, сковороды и тазы паяю и починяю!» Молодая женщина, помешивая в здоровенном котле на колесах, кричала: «Устрицы! Отличные крупные устрицы!» У левого локтя Пендергаста какой-то неряшливый тип торговал горячей кукурузой из детской коляски. Выудив один початок, он завернул его в пропитанную маслом тряпицу и протянул Пендергасту. Пендергаст отрицательно покачал головой и нырнул в толпу. Путешественник во времени потерял концентрацию, и на какое-то мгновение мир девятнадцатого века скрылся в тумане. Лишь взяв себя в руки, он снова увидел улицу Бауэри конца позапрошлого века.

Пендергаст зашагал на юг, пустив в дело все свои пять чувств. Шум стоял невыносимый. Громкий стук копыт, обрывки музыки и песен, вопли, визг, вой, проклятия. Воздух был до предела насыщен запахом пота, навоза, дешевых духов и жарящегося на открытом огне мяса.

Чуть дальше, в доме номер сорок три, «Буффало Билл» давал представление под названием «Разведчик Дальнего Запада». Несколько других театров гигантскими буквами рекламировали свой репертуар: «Федора», «Плохой мальчишка Пек», «Полярная тьма» и «Кит – путешественник по Арканзасу». Между двумя театральными подъездами сидел на земле слепой ветеран Гражданской войны. В вытянутой руке бывший воин держал свой видавший виды картуз.

Пендергаст прошествовал мимо бедняги, бросив на него лишь мимолетный взгляд.

На углу он на несколько мгновений задержался, чтобы точнее определить свое местонахождение, а затем свернул на Восточный Бродвей. Оставив кипящую Бауэри, Пендергаст вступил в более спокойный мир. Он шагал мимо мириад крошечных лавчонок старого города. Их окна в этот поздний час были наглухо закрыты ставнями. Шорные мастерские, заведения шляпников, конторы ростовщиков, бойни. Некоторые из стоящих на улице зданий он видел достаточно четко, но остальные, которые он не мог толком опознать, едва виднелись, утопая в знакомом ему тумане.

Добравшись до Кэтрин-стрит, Пендергаст свернул к реке. Здесь в отличие от Восточного Бродвея во всех уличных заведениях – пивных, пансионатах для моряков и у продавцов устриц – кипела жизнь. Красные фонари манили своим соблазнительным светом прохожих. На

углу улицы в полумраке виднелось невысокое и длинное здание с искусственно закопченными стенами. Гранитные карнизы и арочные окна намекали на то, что здание пытались соорудить в неоготическом стиле. Над входом висела деревянная вывеска, на которой золотыми буквами с черным кантом было начертано:

КАБИНЕТ ПРИРОДНЫХ ДИКОВИН И ИНЫХ РЕДКОСТЕЙ ДЖ.К. ШОТТАМА

Три электрические лампы в металлических сетках ярко освещали часть тротуара у входа. Музей был открыт, и специально нанятый зазывала орал во всю глотку, но отдельных слов Пендергаст разобрать так и не смог. На тротуаре перед входом находился щит, рекламирующий самые выдающиеся на этот день экспонаты: «Спешите увидеть двухголового ребенка! Поторопитесь в новую пристройку, чтобы насладиться видом очаровательной дамы-русалки, купающейся в настоящей воде!»

Пендергаст стоял на углу, и весь город, за исключением здания, на котором он сосредоточил все свое внимание, начал тонуть в тумане. Кабинет Шоттама, напротив, постепенно возникал перед ним в мельчайших деталях. Он четко увидел стены, сводчатые окна и странные, нелепые экспонаты в лабиринте выставочных залов. Одним словом, все то, что сумел воссоздать его мозг на основе накопленной информации.

Почувствовав, что достаточно созрел, Пендергаст сделал шаг вперед и пристроился в конец очереди. Затем он заплатил два цента человеку в засаленном цилиндре, прошел через дверь и оказался в вестибюле с довольно низким потолком. В дальнем конце вестибюля был выставлен череп мамонта. Рядом с черепом располагались чучело гризли, выдолбленное из ствола ели индейское каноэ и окаменелое бревно. У стены торчком стояла огромная бедренная кость «допотопного чудовища». Там же были выставлены еще кое-какие разномастные экспонаты. Пендергаст знал, что все жемчужины коллекции Шоттама хранились во внутренних залах Кабинета.

От вестибюля направо и налево расходились коридоры, ведущие в залы, где толпились любопытствующие представители человеческого рода. В век, когда не было кино, телевизора или радио, а путешествия являлись привилегией небольшой кучки самых богатых людей, заведения, подобные Кабинету Шоттама, не могли не пользоваться популярностью. Пендергаст, лавируя в толпе посетителей, двинулся налево.

В первом зале на полках стояли чучела разнообразных птиц. Коллекция оказалась более или менее систематизированной и имела кое-какое образовательное значение. Однако публику она интересовала мало. Посетители стремились к гораздо более поучительным экспонатам.

Затем коридор привел его в большой зал – душный и жаркий. В центре зала стояло чучело человека с ужасно кривыми ногами. Морщинистый человечек опирался то ли на палку, то ли на копье. На пояснительной табличке у его ног значилось: «Пигмей из черной Африки, который прожил сто пятьдесят пять лет и умер от укуса ядовитой змеи». При ближайшем осмотре оказалось, что это было чучело выбритого и прокопченного для большей сохранности орангутанга. Воняло просто ужасно. У стены зала стоял деревянный саркофаг с египетской мумией внутри. Тут же возвышался человеческий скелет без черепа. Из таблички рядом следовало, что это были «останки прекрасной графини Адели де Бриссак, умершей в Париже под ножом гильотины в 1789 году». Рядом с останками графини лежал кусок ржавого железа – нож гильотины, умертвивший красавицу графиню. Во всяком случае, так гласила надпись.

Пендергаст остановился в центре зала и принялся изучать довольно шумную толпу посетителей. Его удивило то, что здесь было гораздо больше молодых людей, чем он предполагал. Аудитория являла собой срез общества от его высших слоев до самых низких. В толпе были и совсем юные личности, и попыхивающие сигарами модно одетые мужчины. Солидные люди, глядя на экспонаты, снисходительно посмеивались. Расталкивая публику, мимо него с гиканьем промчалась группа крутых с виду парней. Красные фланелевые рубахи пожарных, широченные штаны и намасленные шевелюры говорили о том, что перед ним знаменитые «парни с Бауэри». Среди посетителей были девушки из работных домов, проститутки, беспризорники, уличные торговцы и бармены. Одним словом, это были те же люди, которые кишели на прилегающих улицах. Теперь, когда рабочий день закончился, они пришли развлечься в Кабинет диковин Шоттама. Потратить два цента на лицезрение этих сокровищ мог позволить себе практически каждый.

Пара дверей в конце зала вела к другим экспонатам – одна к очаровательным дамам, а другая, как на ней было написано, в «Галерею противоестественных уродств». В узкой галерее царил полумрак, но именно ради нее и явился в Кабинет Шоттама Пендергаст.

Шум толпы сюда почти не долетал, да и посетителей здесь было совсем немного. Аудитория в основном состояла из юнцов, глазевших на экспонаты с испуганным видом. На смену почти карнавальному духу, царившему в предыдущих залах, пришла иная – странная и даже зловещая атмосфера. Теснота, темнота и тишина лишь усиливали у посетителей чувство страха.

У первого поворота галереи находился стол, на котором стоял большой жбан из толстого стекла. Жбан был закупорен и запечатан, и в нем плавал человеческий младенец, из лобика которого торчали две

прекрасно сформировавшиеся руки. Пендергаст склонился к сосуду и убедился, что этот экспонат в отличие от многих других не подделка. Чуть дальше в небольшой нише была выставлена собака с кошачьей головой. Это была явная фальшивка – сквозь жидкую шерсть на шее можно было рассмотреть следы шитья. Здесь же находилась гигантская морская раковина. Раковина была широко открыта, и в ней виднелись кости человеческой ступни. В пояснительной табличке излагалась грустная история охотника за жемчугом, угодившего ногой в живой капкан. За следующим углом обнаружился целый ряд заполненных формальдегидом сосудов, в которых плавали самые разнообразные объекты: моллюски, гигантская крыса из Суматры и отвратительного вида коричневый предмет, похожий по форме и размерам на сплюснутый арбуз. Если верить пояснению, то это была «печень шерстистого мамонта, вмерзшего в сибирские льды». Рядом с «печенью» в другом сосуде плавал в формальдегиде эмбрион сиамских близнецов жирафа. За следующим поворотом на полке лежал человеческий череп с мерзким на вид выростом в центре лба. Пояснительная табличка гласила: «Человек-носорог из Цинциннати».

Пендергаст остановился и прислушался. Теперь он находился в полном одиночестве, и шум толпы здесь был почти не слышен. Чуть дальше по ходу галерея делала еще один резкий поворот. Стилизованная стрелка указывала на пока еще невидимый экспонат. Под стрелкой имелась надпись: «Навестите Однорукого Вильсона, если смелости хватит».

Пендергаст скользнул за угол. Здесь царила практически полная тишина и не было ни одного посетителя. Зал оканчивался небольшой нишей, в которой находился единственный экспонат – отрубленная голова в стеклянном ящике. Все еще торчащий изо рта высохший язык был похож на сжатую в искаженных губах сигару. Рядом с головой находился предмет, очень смахивающий на усохшую колбасу. К одному концу «колбасы» с помощью кожаного шнурка был привязан ржавый железный крюк. Тут же лежала потертая веревка с петлей, завязанной профессиональной рукой палача.

Здесь тоже находилась табличка с пояснительным текстом:

Голова

гнуснопрославленного убийцы и грабителя

Однорукого Вильсона,

повешенного за шею на Территории Дакота

4 июля 1868 года

Петля,

в которой он болтался.

Культя предплечья и крюк Однорукого Вильсона,

при предъявлении каковых была выдана награда

в одну тысячу долларов

Пендергаст внимательно изучил помещение. В нем было темно и тихо. От остальных экспонатов голову злодея Вильсона отделял крутой поворот, и ниша была настолько тесной, что в ней мог находиться только один человек.

Если кто-то стал бы взывать о помощи, то в главной галерее крик не был бы слышен.

Ниша заканчивалась тупиком. Он стал вглядываться в стену, и та вначале заколебалась, а затем исчезла, открыв его взору потайной ход. После этого всю картину начал окутывать туман, и через несколько минут зал, Кабинет Шоттама и весь Нью-Йорк девятнадцатого века скрылись в туманном мареве. Но это уже не имело никакого значения. Он видел достаточно.

Теперь Пендергаст знал, каким образом и где Энох Ленг добывал свои жертвы.

Глава 12

Патрик О'Шонесси стоял на углу Семьдесят второй улицы и Сентрал-Парк-Вест, вглядываясь в фасад «Дакоты». Во внутренний двор здания вела широкая арка, а само здание занимало добрую треть квартала. Именно в этом месте под покровом тьмы напали на Пендергаста.

Все вокруг, видимо, выглядело точно так же, как в ту ночь, когда Пендергаст получил ножевую рану. Отсутствовал лишь старик в котелке, которого видел Пендергаст. Даже учитывая элемент внезапности, удивительно, как этот старец ухитрился едва не прикончить агента ФБР.

О'Шонесси, наверное, в сотый раз задал себе вопрос: какого дьявола он здесь оказался? Он не на службе и должен бы сидеть с парой дружков в ирландской таверне или бродить по квартире, наслаждаясь новой записью «Проданной невесты». С какой стати он беспокоится, ведь ему за это не платят.

Однако, как ни странно, нападение на Пендергаста его очень задело.

Кастер, естественно, отмахнулся, заявив, что это обычная попытка ограбления.

– Недоделанная деревенщина. Таких только и грабить, – добавил капитан.

О'Шонесси знал, что Пендергаст вовсе не деревенщина. Агент ФБР подчеркивает свое провинциальное происхождение скорее всего для того, чтобы усыпить бдительность Кастера. Кроме того, сержант вовсе не считал, что это была попытка ограбления. Однако сейчас настало время решать, как ему вести себя дальше.

Он неторопливо двинулся к точке, в которой произошло нападение.

Днем он навестил Пендергаста в больнице, и тот намекнул ему, что было бы полезно – даже более чем полезно – раздобыть отчет коронера о костях, найденных на строительной площадке. О'Шонесси понимал, что ему придется действовать в обход Кастера. Пендергаст также пожелал получить более подробную информацию о Фэрхейвене, а Кастер требовал оставить этого дельца в покое. Именно в больнице О'Шонесси осознал, что уже пересек невидимую границу и теперь работает не на Кастера, а на Пендергаста. Он испытывал совершенно новое, почти пьянящее чувство. Впервые в жизни он работал бок о бок с человеком, которого по-настоящему уважал. С человеком, который не напоминал ему о старом проступке и не относился к нему как к никчемному ирландскому копу в пятом поколении. Именно по этой причине он оказался здесь в свой свободный вечер. Так должен поступать настоящий полицейский, если его напарник попал в беду.

Пендергаст, как обычно, о нападении не распространялся. Но О'Шонесси видел, что оно не имело признаков, характерных для тривиального ограбления. Со времени учебы в полицейской академии он помнил – впрочем, довольно туманно – сведения о различного типа преступлениях и о тех способах, какими они совершаются. В то время он часто мечтал о том, каких успехов добьется, служа в полиции. Это было до того, как он взял от проститутки двести баксов, потому что пожалел ее.

И потому (в этом он признавался только себе), что нуждался в деньгах.

О'Шонесси остановился, откашлялся и сплюнул на тротуар.

В академии преподаватели постоянно твердили о мотиве, средствах и возможностях. Разберемся вначале с мотивами. Зачем убивать Пендергаста?

Выстроим факты по ранжиру.

Первое. Парень ищет серийного убийцу, совершившего свои преступления сто тридцать лет тому назад. Мотив отсутствует – убийца давно мертв.

Второе. Появился имитатор. Пендергаст явился на вскрытие еще до того, как оно началось. «Боже, – подумал О'Шонесси, – он, видимо, заранее знал его результаты». Агент ФБР сразу уловил связь между смертью туристки и убийствами девятнадцатого века.

Каким образом?

Третье. На Пендергаста совершено нападение.

Таковы факты, какими их видел О'Шонесси. Но что же из этого следует?

Во-первых, это означает, что Пендергасту уже известно нечто очень важное. И об этом знает человек, имитирующий старинные убийства. Сведения эти, какими бы они ни были, достаточно важны для того, чтобы ради них рискнуть пойти на убийство на Семьдесят второй улице, где и в девять часов вечера полно людей. Но самое удивительное то, что преступник едва не реализовал свой замысел.

О'Шонесси выругался про себя. Самой большой тайной для него оставался Пендергаст. Ему очень хотелось, чтобы Пендергаст вел себя по отношению к нему как равный и щедрее делился бы информацией. Однако агент ФБР предпочитал держать его во тьме. Почему? Видимо, настало время задать этот вопрос напрямую.

Сержант снова выругался. Этот Пендергаст требует от него дьявольски много, ничего не давая взамен. И какого черта он, сержант полиции, топчет землю вокруг «Дакоты», отыскивая несуществующие улики для парня, который вовсе не хочет помощи?

«Остынь», – сказал себе О'Шонесси. Столь последовательного и обладающего такой железной логикой человека ему встречать не доводилось. У него, видимо, на все есть объяснение. Всему свое время. А сейчас он просто зря это время тратит. Пора ужинать.

О'Шонесси повернулся, чтобы отправиться домой, и увидел, как из-за угла возникла какая-то высокая фигура.

Сержант инстинктивно шагнул в тень ближайшего подъезда. Человек остановился на углу, точно в том же месте, где пару минут назад стоял он сам. Оглядевшись по сторонам, мужчина с опаской двинулся по тротуару в сторону полицейского.

О'Шонесси сжался и шагнул глубже в тень. Темная фигура подошла к углу здания и замерла у того места, где напали на Пендергаста. Вечернюю темноту прорезал луч карманного фонаря, и человек, еще раз оглядевшись по сторонам, стал изучать тротуар. На мужчине было длинное черное пальто, под которым без труда можно было спрятать любое оружие. Полицейским этот тип явно не был, а в газетах о нападении не сообщалось.

О'Шонесси принял решение. Держа в одной руке револьвер, а в другой значок полицейского, он выступил из тени.

– Полиция, – негромко, но решительно объявил он. – Не двигайтесь и держите руки так, чтобы я мог их видеть.

Мужчина с воплем отпрыгнул в сторону, вскинув вверх длинные руки.

– Стойте! Не стреляйте! Я – журналист!

О'Шонесси узнал этого человека и, испытывая некоторое разочарование, сунул револьвер в кобуру.

– А, это вы…

– А это, значит, вы, – произнес Смитбек, опуская трясущиеся руки. – Коп, который был на открытии зала приматов.

– Сержант О'Шонесси.

– Точно. Что вы здесь делаете?

– Видимо, то же, что и вы, – ответил О'Шонесси и тут же умолк, вспомнив, что говорит с репортером. Кастеру это не понравится.

– Я от страха чуть не обмочился, – сказал Смитбек и вытер пот со лба не очень чистым носовым платком.

– Извините, но вы выглядели весьма подозрительно.

– Представляю, – покачал головой Смитбек. – Нашли что-нибудь?

– Нет.

– Кто, по вашему мнению, мог это сделать? – спросил журналист после недолгого молчания. – Считаете, что это был лишь простой грабитель?

Хотя это был тот же вопрос, который он задавал себе несколько минут назад, О'Шонесси ограничился пожатием плеч. Имея дело с журналистом, лучше попридержать язык.

– У вас наверняка должна быть какая-нибудь версия.

О'Шонесси снова пожал плечами.

Смитбек подошел поближе и, понизив голос, сказал:

– Послушайте, если это конфиденциальная информация, то я всегда могу сослаться на «анонимный источник».

О'Шонесси на эту уловку не купился.

Смитбек вздохнул, поднял глаза на «Дакоту» и решительно произнес:

– Смотреть здесь не на что. А если вы намерены молчать, то я, пожалуй, пойду выпью. Попытаюсь оправиться от ужаса, в который вы меня повергли. – Он сунул платок в карман и добавил: – Спокойной ночи, офицер.

Пройдя несколько шагов, он вдруг резко остановился, словно его осенила свежая мысль.

– Да, кстати. Не хотите ли составить мне компанию?

– Благодарю вас, нет.

– Бросьте, – не унимался репортер. – Я же вижу, что вы не на службе.

– Я сказал – нет.

Смитбек подошел к нему на шаг и произнес:

– Я подумал, что в этом деле мы можем друг другу помочь. Мне просто необходимо следить за тем, как идет расследование дела этого Хирурга.

– Хирурга?

– Неужели вы не слышали? Так назвала серийного убийцу «Нью-Йорк пост». Убожество, не так ли? Ну да ладно. Мне нужна информация, и вам, не сомневаюсь, она тоже нужна. Разве я не прав?

О'Шонесси промолчал, хотя действительно нуждался в информации. Интересно, знает ли Смитбек что-нибудь или просто вешает лапшу на уши.

– За мной не постоит, сержант. Я проморгал убийство туристки в Центральном парке и теперь должен рыть землю, а то редактор употребит мою задницу на завтрак. Всего лишь крошечный намек время от времени. Никаких деталей. Мне хватит одного кивка.

– Какой информацией вы располагаете? – осторожно поинтересовался О'Шонесси, вспомнив о просьбе Пендергаста. – Что вам, например, известно о Фэрхейвене?

– Вы, наверное, шутите? – закатил глаза Смитбек. – Да у меня о нем целый куль сведений. Не думаю, что они будут для вас очень полезны, но поделиться я тем не менее готов. Но лучше это сделать за выпивкой.

О'Шонесси осмотрел улицу. Несмотря на то что здравый смысл подсказывал ему от общения с репортером воздержаться, противостоять искушению было тяжело. Смитбек, конечно, нахал, но в то же время, судя по всему, человек порядочный. В прошлом он даже работал с Пендергастом, хотя предаваться воспоминаниям о том времени не очень

любит. Кроме того, Пендергаст очень просил составить досье на Фэрхейвена.

– Где?

– Вы не знаете где? – расцвел Смитбек. – Все лучшие бары Нью-Йорка находятся в одном квартале от Коламбус-серкл. Мне известно место, где собираются работники музея. Называется «Кости». Пошли. По первому кругу плачу я.

Глава 13

На какой-то момент туман стал гуще. Пендергаст ждал, стараясь не терять концентрации. Затем в толще тумана замерцали оранжевые и красные пятна, и лицо Пендергаста обожгло жаром. Туман начал рассеиваться.

Он стоял неподалеку от Кабинета природных диковин Шоттама. Была глубокая ночь, и кабинет пылал. Злобные языки пламени вырывались из окон первого и второго этажей, пробиваясь через клубы ядовитого черного дыма. Несколько пожарных и стадо полицейских торопливо сооружали веревочное ограждение вокруг горящего здания и отгоняли зевак. Внутри ограждения пяток пожарных команд поливали безнадежно хилыми струями воды беснующееся пламя. Часть огнеборцев поспешно гасила газовые фонари на улице.

Жар стоял стеной, буквально являя собой физическую силу. Пендергаст, находившийся на углу, с некоторым опасением взирал на пожарную машину – здоровенный, изрыгающий пар черный котел на колесах. На округлых потных боках котла золотом сверкали буквы: «Промышленная компания Амоскиг». Пендергаст перевел взгляд на зевак. Интересно, не находится ли среди них Ленг, любуясь плодами дел рук своих? Вряд ли. Скорее всего он давно ушел. Ленг не пироман и сейчас наслаждается покоем в своем доме, местонахождение которого остается тайной.

Адрес Ленга был главной загадкой. Но имелся еще один вопрос, требующий немедленного ответа: куда доктор Ленг переместил свою лабораторию?

Раздался страшной силы треск, и крыша здания рухнула вниз, выбросив в небо столб искр. Над толпой зрителей пронесся восторженный вздох. Бросив последний взгляд на обреченное строение, Пендергаст, расталкивая зевак, принялся выбираться на свободу.

Перед ним откуда ни возьмись появилась крошечная – не больше шести лет – девчушка с потрепанной соломенной метелкой в ручке. Малышка посмотрела на Пендергаста и в надежде на медяк начала с деловым видом подметать перед ним тротуар, отгребая в сторону собачье дерьмо и разного рода крысиный корм.

– Спасибо, – сказал Пендергаст и бросил девчушке несколько пенни.

Не поверив своему счастью, девочка посмотрела с восторгом на монеты и присела в неуклюжем книксене.

– Как тебя зовут, дитя? – ласково спросил Пендергаст. Девочка подняла на него глаза так, словно ее удивило, что взрослый человек говорит с ней таким тоном, и ответила:

– Констанция Грин, сэр.

– Ты живешь на Уотер-стрит?

– Нет, сэр. Там я уже не живу.

Девочку, видимо, что-то напугало, и она, сделав еще один короткий книксен, повернулась, перебежала на людную сторону улицы и растворилась в толпе.

Пендергаст еще раз окинул взглядом убогую улицу и толпу столь же убогих людей. Немного постояв, он с печальным видом двинулся дальше. Зазывала у дверей ресторана Брауна громогласно и невнятно объявлял меню и цены.

Свининасоусскаперсами.

Ростбифбаранинарыба.

Двойнойгарнирскапустойиовощами.

Входитесэрзанимайтеместосэр.

Пендергаст задумчиво брел, слушая, как, извещая о пожаре, трезвонит колокол на здании мэрии. Он пересек Бауэри и вышел на Парк-роу. На пути ему попалась аптека, витрину которой украшал набор разных по размеру, цвету и форме банок и бутылок. «Сельдерейная болеутоляющая мазь», «Болотный корень», «Индейское лечебное масло Д. и А. Енсов (годится для людей и животных)».

Пройдя по Парк-роу два квартала, Пендергаст остановился, сконцентрировал все свое внимание и стал копаться в памяти, чтобы воссоздать вид этой части Нью-Йорка конца девятнадцатого века. Постепенно из тумана стало возникать пересечение Бакстер-стрит и Уорт-стрит. При слиянии улиц образовалась площадь необычной формы, получившая название Пять углов. Теперь это место находилось перед ним, и оно ничем не напоминало тот кипящий жизнью Нью-Йорк, который он видел всего несколько минут назад на Бауэри.

За тридцать лет до этого, в пятидесятых годах девятнадцатого века, Пять углов были самыми отвратительными трущобами во всей Америке. Это

место считалось даже более скверным, чем печально знаменитые «Семь кругов» Лондона. С тех пор округа Пяти углов так и осталась убогим, нищенским и крайне опасным местом, в котором нашли убежище пятьдесят тысяч преступников, наркоманов, проституток, мошенников и иных злодеев всех мастей. Неровные мостовые изобиловали опасными выбоинами, а по сторонам их окаймляли горы мусора и разлагающихся пищевых отходов. В вонючей жиже сточных решеток рылись свиньи. Дома здесь, вне зависимости от времени постройки, казались очень старыми. Многие окна были разбиты, а с крыш свешивались лохмотья рубероида. На перекрестке торчал единственный на всю округу газовый фонарь. От площади в темноту расползались узкие улицы. Двери в тавернах первого этажа, чтобы хоть как-то облегчить летнюю жару, стояли раскрытыми настежь. Из забегаловок разило алкоголем и дымом дешевых сигар. В некоторых дверях с призывным видом стояли женщины с обнаженными грудями. Достойные дамы обменивались непристойными шутками со столь же прекрасными представительницами женского сословия, обслуживающими близлежащие салуны. Между логовищами торговцев краденым притулилась пятицентовая ночлежка, где бессменными постояльцами были вши и крысы.

Пендергаст внимательно всматривался в городской ландшафт, изучая его топографию и архитектуру. Он искал тайный ключ к загадке, которую не смог решить, переворошив гору исторических документов. В конце концов он двинулся на восток в направлении обветшалого пятиэтажного строения. Даже в свете единственного газового фонаря стены дома казались черными. Это было здание «Старой пивоварни», которое одно время слыло самым страшным местом во всей округе. Дети, имевшие несчастье родиться в этом, с позволения сказать, жилище, месяцами или даже годами не выходили на свежий воздух. Однако теперь стараниями дам-миссионерок бывшая пивоварня стала «Промышленным домом у Пяти углов». Это был один из первых проектов обновления города, и именно этому заведению в тысяча восемьсот восьмидесятом году добрый доктор Ленг предложил бесплатные медицинские услуги. Он продолжал работать здесь даже в начале девяностых годов, вплоть до того момента, как его имя перестало упоминаться в каких-либо документах. Ленг исчез крайне неожиданно.

Пендергаст медленно двинулся в направлении здания. На уровне верхнего этажа еще сохранились остатки вывески «Старой пивоварни», но в глаза бросалась расположенная чуть ниже и значительно более яркая надпись: «Промышленный дом у Пяти углов». Пендергаст решил было войти в здание, но сразу же передумал. Прежде всего следовало нанести визит в другое место.

За «Промышленным домом» и чуть восточнее находился едва заметный проход. Проход вел на север и заканчивался тупиком. Из темной узкой щели тянуло запахом влаги и разложения. Много лет назад этот район был болотистым прудом, носившим название Коллектор. Человек по имени Аарон Барр основал «Водяную компанию Нового Амстердама» и соорудил под землей большую насосную станцию, чтобы качать воду из имевшихся здесь подземных ключей. Однако пруд постепенно становился все более грязным и вонючим. В конце концов его засыпали окончательно, чтобы возвести на этом месте жилые дома.

Пендергаст в задумчивости остановился перед узким проходом. Позже проулок получил название Коровий залив и считался самой опасной улочкой во всей округе. В проулке расположились два деревянных дома, один из которых получил название «Хренов особняк», а второй – «Райские врата». Обитали в этих домах безнадежные, агрессивные алкоголики, готовые зарезать любого за понюшку табаку. Как и многие другие строения местечка, эти дома были поделены на крошечные вонючие комнатки, некоторые из них имели потайные выходы в сеть подземных переходов, ведущих в дома на соседних улицах. Этот невидимый глазу лабиринт позволял преступникам скрываться во время ночных облав. В пятидесятых – шестидесятых годах девятнадцатого века на этой улице в среднем убивали по одному человеку в день. Теперь здесь находились фирма по производству мороженого, бойня и заброшенная водопроводная подстанция, закрытая в тысяча восемьсот семьдесят девятом году.

Пендергаст прошел еще один квартал и свернул налево, на Литтл-Уотер-стрит. На дальнем от него углу стояло здание «Убежища для девушек» – еще один сиротский приют, который осчастливил своим вниманием доктор Энох Ленг. На северном конце высокого дома торчала башня. Вокруг крыши мансарды шла прогулочная терраса с металлической балюстрадой. Средь жалких деревянных развалюх и ветхих хижин здание казалось совершенно инородным телом.

Пендергаст внимательно вглядывался в окна с тяжелыми, похожими на нахмуренные брови наличниками. Почему Ленг предложил свои услуги именно этим двум заведениям в тысяча восемьсот восьмидесятом году – за год до того, как сгорел Кабинет диковин Шоттама? Если ему требовался неисчерпаемый источник жертв, исчезновение которых не вызывало тревоги, то Кабинет для этого был более подходящим местом, нежели работный дом. Если один за другим начнут исчезать воспитанники, то это рано или поздно неизбежно вызовет подозрения. И почему Ленг избрал именно эти заведения? В Нижнем Манхэттене было несчетное число работных домов. Почему Ленг предпочел работать – и добывать свои жертвы – именно в этой округе? Пендергаст отступил на булыжную мостовую и еще раз осмотрелся. Из всех улиц

старого Нью-Йорка, по которым ему пришлось бродить, Литтл-Уотер-стрит была единственной, которая к двадцатому веку уже прекратила свое существование. Дома здесь снесли, площадь замостили, застроили и об улице благополучно забыли. Он видел старые планы города, на которых улица, естественно, значилась, но ни одна современная карта не показывала место, где она когда-то располагалась...

На улице появилась конная повозка, которую сопровождал немыслимо тощий оборванец. За повозкой на привязи тащилось несколько свиней, а оборванец звонил в колокольчик. За небольшое вознаграждение он собирал мусор. Пендергаст не стал его разглядывать. Вместо этого он прошел назад по узкой улочке к самому началу Коровьего залива. Хотя после исчезновения Литтл-Уотер-стрит современные карты этого не показывали, он сообразил, что оба работных дома выходили своей задней стороной на эти ужасные здания – «Хренов особняк» и «Райские врата». Здания давно исчезли, но лабиринт тоннелей под ними сохранился.

Он оглядел проулок. Бойня, мороженщик, заброшенная водопроводная подстанция... И все это вдруг обрело для него новый смысл.

Пендергаст неторопливо двинулся в направлении Бакстер-стрит. Он, конечно, мог закончить свое путешествие и здесь. Для того, чтобы вновь оказаться в мире современных книг, капельниц и электронных мониторов, следовало всего лишь открыть глаза. Однако Пендергаст предпочел довести свое нелегкое умственное упражнение до логического конца, проделав весь путь до госпиталя Ленокс-Хилл пешком. Ему хотелось узнать, удалось ли взять под контроль пожар в Кабинете Шоттама. Не исключено, что потом он сядет в наемный экипаж. Или нет. Лучше, пожалуй, пройти пешком мимо цирка на Мэдисон-Сквер-Гарден, ресторана Дельмонико и дворцов на Пятой авеню. Ему есть о чем подумать, а тысяча восемьсот восемьдесят первый год прекрасно годился для размышлений.

Глава 14

Нора задержалась у медицинского поста, чтобы спросить дорогу в новую палату Пендергаста. Этот невинный вопрос почему-то вызвал у медсестер сильное раздражение. «Ясно, – подумала девушка, – Пендергаст здесь столь же обожаем, как и в больнице Святого Луки».

Когда Нора вошла, Пендергаст лежал на спине, закрыв глаза. Жалюзи на окнах были опущены. Лицо агента показалось девушке каким-то серым и очень утомленным. Его светлые, почти белые волосы беспорядочно падали на высокий лоб. Почувствовав ее появление, он медленно открыл глаза.

– Простите, – сказала Нора. – Боюсь, что мой визит не ко времени.

– Ничего подобного. Это я попросил вас прийти. Освободите вот этот стул и присаживайтесь.

Нора переместила стопку книг и документов со стула на пол, задаваясь вопросом, чем могло быть вызвано это приглашение. Она уже отчиталась перед ним о своем визите к старой даме и сказала, что это – ее последняя услуга. Должен же он в конце концов понять, что ей пора позаботиться о собственной карьере. Каким бы увлекательным ни было расследование, она просто не имеет права делать археологии харакири.

Пендергаст снова медленно закрыл глаза.

– Как вы себя чувствуете? – повинуясь долгу вежливости, спросила она.

Других вопросов девушка решила не задавать. Она выслушает то, что хочет сказать агент ФБР, и сразу же уйдет.

– Ленг добывал свои жертвы в самом Кабинете, – начал Пендергаст.

– Откуда вам это известно?

– Он захватывал их в одном из залов. Скорее всего это происходило в небольшом тупике, где был выставлен особенно отвратительный экспонат. Ленг, дождавшись, когда там появится одинокий посетитель, захватывал несчастного и утаскивал его через незаметную дверь, ведущую на лестницу черного хода и в угольный тоннель. Это был безукоризненный план. В той округе бездомные пропадали постоянно, а Ленг, вне сомнения, намечал себе в жертвы таких людей, которых никто не хватится. Это были беспризорные дети и молодые люди обоего пола из работных домов.

Пендергаст говорил все это монотонно, словно комментировал открывающуюся перед его внутренним взором картину.

– С тысяча восемьсот семьдесят второго по тысяча восемьсот восемьдесят первый год он для своих целей использовал Кабинет диковин Шоттама. Девять лет. Тридцать шесть жертв, о которых нам известно. Однако не исключено, что их было значительно больше. От остальных тел Ленг избавился каким-то иным способом. Как вы знаете, в то время ходили слухи о том, что в Кабинете Шоттама исчезали люди. Это, вне сомнения, существенно повышало популярность заведения.

Нора невольно содрогнулась.

– Затем он убил Шоттама и сжег Кабинет. Причина этого нам известна. Шоттам догадался, что происходит в его доме. Об этом сказано в его письме к Макфаддену. Но это письмо и меня в некотором роде ввело в заблуждение. – Пендергаст замолчал, несколько раз глубоко вздохнул и

продолжил: – Ленг убил бы Шоттама в любом случае. Дело в том, что первая фаза его работы была завершена.

– Первая фаза?

– Он достиг цели, которую перед собой поставил. Разработал и усовершенствовал нужную формулу.

– Неужели вы серьезно полагаете, что он сумел продлить свою жизнь?

– Во всяком случае, сам он в этом не сомневался. Ленг счел, что фаза экспериментов подошла к концу и пора приступать к производству. Для этого, конечно, потребуется новый живой материал, однако не в таком количестве, как прежде. Кабинет с его большим числом посетителей стал не нужен. Более того, он становился обузой. Чтобы начать производство, Ленг должен был замести все старые следы.

Пендергаст помолчал немного, а затем продолжил:

– За год до пожара Ленг предложил свои услуги двум расположенным в этой округе работным домам – «Промышленному дому у Пяти углов» и «Убежищу для девушек». Оба дома были соединены между собой подземными ходами, которыми в девятнадцатом веке была пронизана вся территория Пяти углов. Во времена Ленга между двумя работными домами проходил грязный проулок, именуемый Коровий залив. Наряду с жалкими жилищами в этом проулке находилась насосная подстанция, восходившая к тем далеким годам, когда здесь еще благоухал пруд под названием Коллектор. Станция была закрыта и опечатана примерно за месяц до того, как Ленг предложил медицинские услуги обоим работным домам. И это, уверяю вас, вовсе не простое совпадение по времени.

– Что вы хотите этим сказать?

– Закрытая подстанция стала производственной лабораторией Ленга – тем местом, куда он перебазировался после того, как сжег Кабинет Шоттама. Здесь ему не грозила опасность, и, кроме того, производственное помещение соединялось подземными проходами с обоими работными домами. Идеальное место для изготовления субстанции, которая, по мнению доктора, могла продлить ему жизнь. Вот здесь у меня старинный план водопроводной подстанции, – сказал Пендергаст, слабо взмахнув рукой.

Нора бросила взгляд на пачку каких-то сложных чертежей. Она недоумевала, почему агент ФБР вдруг так ослабел. За день до этого он выглядел гораздо лучше. Неужели рана снова дает о себе знать?

– Старая подстанция, дома и даже некоторые улицы, о которых я говорю, уже не существуют. На месте лаборатории Ленга в двадцатых

годах прошлого века был построен трехэтажный каменный жилой дом. Теперь это дом номер девяносто девять по Дойерс-стрит, рядом с Чатам-сквер. Состоит из нескольких двухкомнатных квартир. Единственное трехкомнатное жилище расположено в полуподвале. Все следы лаборатории Ленга следует искать под этим зданием.

Нора на минуту задумалась. Раскопка лаборатории Ленга явилась бы, вне всякого сомнения, захватывающим археологическим событием. Если там имеются хоть какие-то свидетельства прошлого, она, как опытный археолог, обязательно их обнаружит. Нора в сотый раз задала себе вопрос: почему Пендергаст так интересуется этими убийствами девятнадцатого века? «Историческая справедливость требует, чтобы имя убийцы Мэри Грин было названо вслух», – подумала она, но тут же отогнала от себя эту опасную мысль. У нее есть работа, и ей надо спасать собственную карьеру. «Это всего лишь история», – снова напомнила она себе.

Пендергаст вздохнул, слегка повернулся в постели и сказал:

– Благодарю за визит, доктор Келли. А теперь мне крайне необходимо уснуть.

Нора безмерно удивилась – ведь она ждала новых просьб о помощи.

– Скажите, с какой целью вы меня пригласили? – спросила она.

– Вы оказали мне огромную помощь, доктор Келли. Вы не раз просили меня поделиться информацией, чего я сделать не мог. Я предположил, что вы захотели бы узнать обо всем, что мне удалось открыть. Вы больше, чем кто-либо другой, этого заслуживаете. В наше время получил распространение безвкусный, на мой взгляд, термин «закруглиться». Безвкусный, но в данном случае вполне уместный. Надеюсь, что полученные от меня сведения помогут вам благополучно «закруглиться» в моих делах и с удовлетворением отдаться работе в музее. Позвольте еще раз выразить вам свою благодарность за ту поистине неоценимую помощь, которую вы оказали мне в моем расследовании.

Норе столь быстрая и достаточно неожиданная отставка показалась обидной. Ей даже пришлось напомнить себе, что она этого хотела… Но хотела ли? Чуть помолчав, она сказала:

– Благодарю за добрые слова. Но если вы хотите услышать мое мнение, то я не считаю это дело завершенным. Если вы правы, то следующим логическим шагом в вашем расследовании должен стать дом номер девяносто девять по Дойерс-стрит.

– Именно так. Квартира в полуподвальном этаже в настоящее время свободна, и раскопки под полом гостиной могут оказаться весьма

поучительными. Я намерен снять квартиру, чтобы совершить указанные раскопки. Но для этого мне как можно скорее надо восстановить здоровье. Берегите себя, доктор Келли, – решительно закончил Пендергаст.

– Кто будет производить раскопки? – не удержалась она.

– Я постараюсь найти другого археолога.

– Где? – вскинула на него глаза Нора.

– Через нашу контору в Новом Орлеане. Они ведут себя весьма гибко, когда дело касается моих… э-э… проектов.

– Ясно, – довольно резко бросила Нора. – Но с этой работой справится не каждый археолог. Здесь требуется весьма специфический опыт и…

– Вы предлагаете мне свою помощь?

Нора молчала.

– Ну конечно же, нет. Именно поэтому я ни о чем и не прошу. Ведь вы не один раз выражали свое желание вернуться к более нормальному виду деятельности. Я и без этого потребовал от вас чересчур много. Кроме того, расследование оказалось значительно более опасным, чем я мог предположить. Ошибка, за которую, как вы видите, мне пришлось заплатить. Я не желаю подвергать вас дальнейшей опасности.

– Что ж, вопрос, видимо, решен, – сказала Нора и поднялась со стула. – Я получила огромное удовольствие от работы с вами, мистер Пендергаст, – если «удовольствие» в данном случае подходящее слово. По крайней мере мне было очень интересно.

Она была страшно недовольна подобным концом, хотя именно за этим сюда и явилась.

– Да, конечно, – согласился Пендергаст. – Это исключительно интересное дело.

Нора пошла к двери, но вдруг остановилась, вспомнив что-то.

– Не исключено, что мне снова придется встретиться с вами, – сказала она. – Я получила записку от Рейнхарта Пака из архива. Он говорит, что обнаружил какие-то новые сведения, и просит меня заскочить к нему сегодня во второй половине дня. Если информация покажется мне полезной, я поделюсь ею с вами.

– Сделайте это, пожалуйста, – ответил Пендергаст, внимательно глядя на девушку своими бесцветными глазами. – Примите еще раз мою

благодарность, и умоляю вас, доктор Келли, будьте предельно осторожны.

Нора кивнула и вышла. Проходя мимо медицинского поста и снова заметив обращенные на нее сердитые взгляды медсестер, она не смогла удержаться от улыбки.

Глава 15

Дверь архива раскрылась с резким скрипом. На стук Норы никто не ответил, а дверь оказалась незапертой, что являлось грубым нарушением всех инструкций. Очень странно.

В ноздри ударил запах старых книг и гнили, который, как казалось Норе, заполнял весь музей. Рабочий стол Пака стоял на островке света, окруженный со всех сторон морем темноты. Сам Пак отсутствовал.

Нора посмотрела на часы. Четыре пополудни. Она пришла вовремя.

Девушка отпустила дверь, и та с шипением закрылась. Нора повернула защелку и подошла к столу. Каблуки ее туфель громко стучали по мрамору пола. Затем она машинально написала свое имя на чистом листе открытого журнала посещений и расписалась. Стол Пака пребывал в гораздо большем порядке, чем обычно, а в центре стола лежала напечатанная на машинке записка. Нора склонилась над столом и прочитала: «Я – в дальнем конце у трицератопса».

«Трицератопс», – подумала Нора, вглядываясь в темноту. Пак, видимо, решил смахнуть пыль с престарелого динозавра. Но где, дьявол его побери, находится это трехрогое допотопное чудовище? Она его никогда не видела или просто не помнила этого. Кроме того, свет в архиве был выключен, и она ни черта не видела. Проклятый трицератопс мог быть где угодно. Она огляделась по сторонам, но никакого плана архива не заметила.

Ощущая, как на нее накатывается волна раздражения, Нора подошла к батарее выключателей и без разбора защелкала. Где-то в глубине архива в разных местах возникли озерца света. «Лучше врубить их все», – подумала она и провела по выключателям ребром ладони. Но несмотря на полное освещение, архив каким-то непостижимым образом остался полутемным. Между стеллажами лежали тени, а где-то в середине узких длинных проходов вообще царила темнота.

Она стояла, ожидая, что вот-вот ее окликнет Пак. Но в огромном помещении стояла мертвая тишина, если не считать легкого потрескивания паровых труб и шипения принудительной вентиляции.

– Мистер Пак! – не очень уверенно позвала она.

Ее голос прокатился по архиву и замер. Ответа не последовало.

Она позвала снова – на сей раз громче. Помещение архива было настолько большим, что ее зов мог и не долететь до его самой отдаленной части.

Нора подумала, не стоит ли уйти, чтобы вернуться позже. Но весь тон послания Пака говорил о том, что старик очень ждет этой встречи.

Она наконец припомнила, что во время последнего посещения архива видела какие-то окаменелые скелеты. Не исключено, что среди них находится и трицератопс.

Девушка вздохнула и двинулась по одному из проходов, прислушиваясь к стуку своих каблуков по мраморному полу. Вход в промежуток между стеллажами был ярко освещен, но очень скоро ее уже окружила тень. Удивительно, насколько плохо освещалось это место: в середине прохода было так темно, что хранящиеся на полках предметы можно было найти только с помощью ручного фонаря.

Дойдя до следующего пятна света, Нора увидела, что оказалась на перекрестке, от которого в разные стороны уходило несколько узких коридоров. Она постояла некоторое время, не зная, какой из них выбрать. «Совсем как Ганс и Гретель, – подумала она. – А у меня как раз кончились крошки хлеба».

Ближайший от нее проход вел, насколько она помнила, к хранилищу чучел животных. Но поскольку часть ламп перегорела, проход упирался во тьму. Нора пожала плечами и двинулась в другом направлении.

Путешествие по этому лабиринту в одиночку совсем не походило на визит сюда в сопровождении Пендергаста и Пака. Тогда она была погружена в мысли о Шоттаме и не обращала внимания на то, что ее окружало. Поскольку Пак выступал в качестве гида, она даже не заметила странных поворотов этих узких проходов и тех самых разных углов, под которыми они сходились. Это был весьма замысловатый лабиринт, сложность которого усугублялась его размерами.

Ее размышления прервались, когда коридор, по которому она шла, сделал резкий поворот налево. Свернув за угол, она неожиданно оказалась в компании африканских млекопитающих. На большой открытой площадке свободно располагались чучела жирафов, гиппопотама, пары львов, лесной антилопы куду и буйвола. Каждое чучело было завернуто в прозрачный пластик, что придавало животным потусторонний, призрачный вид.

Нора остановилась. Никаких следов трицератопса. И из этого места проходы разбегались в шести направлениях. Нора наугад двинулась по

одному из них. Проход, сделав два крутых поворота, привел ее к очередной развилке.

Положение, в которое она попала, становилось все более и более дурацким.

– Мистер Пак! – громко крикнула девушка.

Эхо ее голоса постепенно замерло вдали. Тишину архива нарушало лишь шипение вентиляционной системы.

У нее нет времени на подобные шутки. Она уйдет и вернется позже, предварительно убедившись в том, что старик ждет ее на своем рабочем месте. Пожалуй, будет еще лучше, если сказать старику по телефону, чтобы тот поделился своими сведениями прямо с Пендергастом. Ведь она сама так или иначе вышла из игры.

Нора двинулась к выходу из архива, избрав, как ей казалось, самый короткий путь. Через несколько минут она остановилась, увидев носорога и нескольких зебр. Прикрытые полупрозрачным пластиком чучела напоминали грузных часовых, преграждающих ей путь. От пластика сильно разило какой-то химией – чуть ли не хлороформом. Место, в котором она оказалась, было ей совсем незнакомым. И к выходу она, судя по всему, не приблизилась.

На какой-то миг Норе стало страшно. Но, несколько натянуто рассмеявшись, она покачала головой. Прежде всего надо вернуться к знакомым жирафам и уже оттуда идти к выходу.

Как только она повернулась, ее нога оказалась в небольшой лужице воды. Нора подняла голову – и о лоб разбилась большая капля. На трубах под потолком сконденсировалась влага. Девушка вытерла лоб и двинулась в путь.

Однако она не знала, как пройти к жирафам.

Полный идиотизм. Ей всегда удавалось ориентироваться в бездорожье пустынь и в тропических джунглях. Как, спрашивается, она ухитрилась заблудиться в музее в самом центре Нью-Йорка?

Оглядевшись по сторонам, Нора поняла, что полностью потеряла ориентировку. Глядя на эти расходящиеся под разными углами проходы и нелепые пересечения, невозможно было понять, где находится выход. Надо…

Она вдруг замерла и напрягла слух. Ей показалось, что она слышит какие-то негромкие шлепки. Направление, откуда шел этот звук, Нора определить не смогла, но его источник был явно недалеко.

– Мистер Пак? Это вы?

Молчание.

Нора снова прислушалась, и звук возобновился. Видимо, где-то поблизости капает вода, подумала она, но ей, несмотря на столь успокоительную мысль, почему-то еще сильнее захотелось как можно быстрее добраться до выхода.

Она вновь выбрала проход наобум и быстро зашагала. Полки по обеим сторонам прохода были забиты штабелями костей. С кончика каждой кости свисал ярлык из пожелтевшей бумаги. Все это место ужасно напоминало склеп. В этой тишине и сумраке, среди жутковатых костей Нора не могла не думать об убийствах, случившихся несколько лет назад именно в этих подвалах. Те события до сей поры служили главной темой пересудов работников музея.

Проход закончился очередным поворотом.

«Проклятие», – подумала Нора, вглядываясь в бесконечные ряды исчезающих во мраке полок. Девушке снова стало страшно, и на сей раз ей не сразу удалось избавиться от этого малоприятного чувства. И вот она снова услышала – или ей почудилось, что услышала – звук. Теперь он раздавался у нее за спиной, но на этот раз это были не шлепки, а шорох. Казалось, что кто-то крался.

– Кто там? – спросила она. – Мистер Пак, это вы?

В ответ она услышала лишь шипение воздуха и звук редкой капели.

Она снова пошла, ускоряя шаги и убеждая себя на ходу, что бояться здесь нечего. Все эти звуки порождены осадкой и подвижкой этого старинного, одряхлевшего здания. Норе стало казаться, что за ней ведут слежку сами коридоры. Стук каблуков ее туфель становился нестерпимо громким.

Она завернула за угол и тут же наступила в очередную лужицу воды. Вода была темной и липкой. Вглядевшись внимательнее, Нора увидела, что это вовсе не вода. На полу разлился мазут или какая-то консервирующая образцы субстанция. От неизвестного вещества исходил странный сладковато-кислый запах. Однако непонятно, откуда эта жидкость могла пролиться, поскольку вокруг нее находились лишь стеллажи с чучелами птиц.

«Ну и гадость», – подумала Нора, приподняв ногу. Темная жидкость испачкала не только подошвы ее дорогих туфель от «Балли», но и часть ранта. Подобный архив – позор для всего музея. Она достала из кармана здоровенный носовой платок (вещь для работы с пыльными предметами совершенно необходимая), вытерла рант туфли и окаменела. На фоне белого платка жидкость оказалась вовсе не черной, а темно-красной.

Нора отбросила платок и инстинктивно отступила на шаг. Сердце было готово выскочить из груди. Девушка в ужасе смотрела на темное пятно. Это была кровь. Откуда она могла здесь появиться?! Неужели вытекала из какого-нибудь образца? Нет, она оказалась здесь сама по себе – лужа крови посреди прохода. Нора посмотрела вверх, но увидела в тридцати футах над собой лишь потолок и сеть труб под ним.

Затем она услышала шаги и краем глаза уловила какое-то движение за рядом полок. После этого снова наступила тишина.

Но она определенно что-то слышала. «Двигайся, двигайся!» – отчаянно кричал ее внутренний голос.

Нора повернулась и поспешно зашагала по длинному проходу. И снова послышался звук. Звук быстрых шагов? Шорох ткани? Она остановилась, чтобы прислушаться. Ничего, кроме редкой капели с труб. Девушка попыталась разглядеть, что происходит в соседнем проходе за рядом стеллажей. Полки в этом месте были уставлены стеклянными сосудами с хранящимися в формальдегиде змеями. Напрягая зрение, Нора пыталась рассмотреть, что происходит за толстыми стеклами. Ей показалось, что она видит какую-то фигуру – большую, темную и вдобавок искаженную толстым стеклом. Девушка продолжила путь, и фигура тоже пришла в движение. В этом не было никакого сомнения.

Нора повернула назад. Зловещая фигура повторила ее действия. Кто бы это ни был, он следит за ней из соседнего прохода, рассчитывая встретить свою жертву на любом из двух выходов.

Девушка замедлила шаг и, стараясь подавить страх, почти бесшумно направилась к концу прохода. Она видела и слышала, как таинственная темная тень, не отставая, но и не обгоняя ее, двинулась по соседнему коридору.

– Мистер Пак? – спросила она негромко.

Ответа не последовало.

Нора вдруг обнаружила, что бежит. Она изо всех сил мчалась по проходу между стеллажами, а где-то сбоку и совсем рядом с ней слышался топот ног бегущего человека.

Перед ней открылось свободное пространство, где проход, по которому она мчалась, соединялся с соседним. Ей надо было пробежать перекресток первой, оставив преследователя за спиной.

Нора пролетела перекресток, успев заметить краем глаза огромную черную фигуру преследователя. В его руке, затянутой в перчатку, поблескивал металл. Нора свернула на следующем пересечении за угол и понеслась по параллельному коридору в обратном направлении. На

очередном пересечении нескольких проходов она резко свернула направо и, выбрав наугад один из коридоров, продолжила бег.

Не добежав немного до следующего перекрестка, девушка остановилась и прислушалась. Она услышала лишь стук своего готового выскочить из груди сердца и облегченно вздохнула. Ей все-таки удалось сбить преследователя со следа.

Но через несколько мгновений из соседнего прохода до нее долетел звук тяжелого дыхания.

Радость исчезла столь же быстро, как и появилась. Она не смогла от него убежать. Что бы она ни делала, как бы ни меняла скорость и направление, он не отставал от нее, все время оставаясь в соседнем проходе.

– Кто вы? – выдохнула девушка.

В ответ она услышала негромкий шорох и, как ей показалось, почти неслышный смех.

Стараясь подавить панику, Нора взглянула налево и направо, чтобы определить наилучший путь спасения. Полки здесь были забиты свернутыми шкурами. Шкуры от старости усохли, но тем не менее все еще источали запах разложения. Это место было для нее абсолютно незнакомым.

В двадцати футах от себя она увидела проход в стеллажах в стороне, противоположной той, где находился преследователь. Нора подбежала к проходу, нырнула между полками и с удвоенной скоростью помчалась в обратном направлении. Свернув на очередном пересечении в другой проход, она остановилась и прислушалась.

Звук шагов звучал довольно глухо. Теперь от преследователя ее отделяло несколько рядов стеллажей.

Нора повернулась и возобновила движение, стараясь ступать как можно тише и при этом выдерживать максимальную дистанцию между собой и фигурой в черном. Но, как бы она ни хитрила, куда бы ни сворачивала, с какой бы скоростью ни мчалась, до нее доносился звук быстрых шагов. Несмотря на все ее усилия, преследователь снова сокращал расстояние между собой и своей жертвой.

Прежде всего ей следует определить, где она находится. Если продолжать бесцельный бег, то он в конечном итоге ее поймает.

Девушка еще раз огляделась по сторонам. Проход, в котором она находилась, упирался в стену. Она достигла конца архива. Теперь, следуя вдоль стены, можно будет добраться до выхода.

Низко пригнувшись и прислушиваясь к шагам неизвестного, Нора с максимально возможной скоростью двинулась вперед в полутьму. Вдруг из полумрака прохода вынырнул какой-то предмет. Нора пригляделась и увидела, что это не что иное, как прикрепленный к стене череп трицератопса. В скверном освещении она могла различить лишь контуры черепа чудовища.

У нее словно тяжесть спала с плеч. Где-то здесь должен находиться Пак, и преследователь не посмеет напасть одновременно на двоих.

Нора уже открыла рот, чтобы окликнуть старика, но, вглядевшись в неясные очертания головы динозавра, делать это не стала. Силуэт черепа показался ей странным, в нем присутствовало что-то лишнее. Девушка стала осторожно приближаться и, сделав всего лишь пару шагов, замерла.

На рогах динозавра висело обнаженное по пояс тело. Руки и ноги трупа свободно свисали, а окровавленные рога глубоко вонзились в спину покойника. Казалось, что трицератопс поддел человека своим страшным оружием и вскинул его вверх.

Нора отступила на шаг. Ее ум фиксировал все детали, хотя девушке казалось, что она видит эту ужасающую сцену откуда-то издалека. Лысина, обрамленная космами седых волос, дряблая кожа, иссохшие руки. В месте, куда вонзились рога, зияла огромная рана. У основания рогов скопилась кровь. На обнаженном торсе остались следы от кровавых ручейков, а на мраморе пола образовалась темно-красная лужа.

«Я – в дальнем конце у трицератопса», – вспомнила Нора.

Затем она услышала крик, не сразу поняв, что вопль вырвался из ее горла.

Не разбирая пути, Нора кинулась прочь от этого места. Она мчалась по проходам, постоянно меняя направление, и бег этот продолжался до тех пор, пока коридор не уперся в стену. Но на сей раз это был тупик. Нора повернулась, чтобы побежать назад, но там, в полумраке, между двумя рядами полок стоял, преграждая ей путь, человек в старинной шляпе-котелке.

В его перчатках поблескивал какой-то металлический предмет.

Ей оставался лишь один путь. Наверх! Затратив на раздумье лишь мгновение, Нора повернулась, схватилась за край полки и начала подъем.

Человек помчался по проходу к ней, полы длинного черного плаща развевались за его спиной.

Нора была опытным скалолазом. Годы исследовательской работы в штате Юта, бесконечные подъемы по отвесным склонам к скальным жилищам индейцев анасази не прошли бесследно. Менее чем через минуту девушка оказалась на верхней полке, которая прогнулась и закачалась под дополнительным грузом. Нора обернулась и, схватив первый попавшийся под руку предмет (это было чучело сокола), посмотрела вниз.

Человек в черном котелке был уже под ней и тоже карабкался наверх. Его лицо было скрыто под полями шляпы. Нора прицелилась и швырнула чучело.

Удар пришелся в плечо и не причинил преследователю ни малейшего вреда.

Нора лихорадочно принялась искать взглядом что-нибудь потяжелее. Коробка с бумагами, еще какие-то коробки. Девушка швырнула все эти предметы один за другим, но они оказались слишком легкими и абсолютно бесполезными.

Человек по-прежнему продвигался наверх.

Всхлипывая от ужаса, Нора перебралась через полку и начала спуск с противоположной стороны. Из полки неожиданно вынырнула рука и схватила ее за блузку. Нора с визгом вырвалась. Перед ее лицом в каком-то дюйме от глаза мелькнула сталь. Она отшатнулась, и клинок, описав дугу, снова метнулся в ее сторону. Правое плечо девушки пронизала острая боль. Нора вскрикнула и отпустила край полки. Она приземлилась на ноги, но для того, чтобы смягчить удар, перекатилась на бок.

На противоположной стороне стеллажа человек начал быстрый спуск. Затем он стал протискиваться напрямую между полками, смахивая на пол все, что на них находилось.

Нора снова побежала от одного прохода к другому.

Вдруг прямо перед ней из сумрака выросла темная масса. Это был шерстистый мамонт. Нора сразу его узнала – она уже побывала здесь вместе с Паком.

Но в каком направлении находится выход? Девушка огляделась по сторонам и поняла, что отсюда ей уже не выбраться – преследователь появится здесь через несколько секунд.

И вдруг ее осенило.

Протянув руку к электрическим выключателям в конце прохода, она одним движением выключила их все. Окружающее пространство

погрузилось во мрак. После этого она нырнула под брюхо мамонта и нащупала в темноте деревянную рукоятку. Нора потянула за рукоятку, и крышка люка открылась.

Стараясь производить как можно меньше шума, девушка забралась в чрево гиганта и потянула за собой крышку. В брюхе мамонта было жарко и душно, а воздух пропитался запахами гниения, пыли, вяленого мяса и грибов.

Затем она услышала несколько щелчков: это преследователь включал свет. Крошечный лучик пробился через дырку в груди животного. Когда-то этим отверстием пользовался сидящий в туше циркач.

Нора приникла к глазку, стараясь успокоить дыхание и подавить охватившую ее панику. Человек в котелке стоял, повернувшись к ней спиной. От убежища девушки его отделяло не более пяти футов. Он медленно повернулся на триста шестьдесят градусов, прислушиваясь и вглядываясь в проходы между стеллажами. В руках человек держал странный инструмент – две полированные рукоятки из слоновой кости, соединенные между собой тонкой и гибкой стальной пилкой с очень мелкими зубьями. Предмет был похож на какой-то старинный хирургический инструмент. Мужчина поиграл рукоятками, полотно пилы согнулось и слегка задрожало.

Затем взгляд его остановился на мамонте. Человек сделал шаг по направлению к шерстистому гиганту, но его лицо все время оставалось в тени. Норе показалось, что преследователь догадался, где она скрывается. Девушка напряглась, готовая до конца сражаться за свою жизнь.

И в этот миг человек в черном исчез из поля зрения.

– Мистер Пак? – произнес чей-то голос. – Мистер Пак, я здесь. Где вы, мистер Пак?

Это был Оскар Гиббс.

Нора была настолько напугана, что не могла двигаться. Голос прозвучал ближе, и наконец сам Оскар Гиббс вынырнул из темного прохода между стеллажами.

Девушка дрожащей рукой открыла щеколду крышки люка и вылезла из брюха мамонта. Гиббс обернулся, отскочил назад и замер, открыв от изумления рот.

– Вы его видели? – выдохнула Нора. – Вы видели его?

– Кого? А что вы здесь делаете? Эй, да вы вся в крови!

Нора бросила взгляд на плечо. В том месте, куда пришелся удар, расплывалось пятно крови.

– Послушайте, – подойдя к ней, произнес Гиббс, – я не знаю, что вы здесь делаете и что здесь вообще происходит, но позвольте мне доставить вас в медпункт. О'кей?

– Нет, Оскар, – покачала головой девушка. – Вам следует немедленно вызвать полицию. Мистер Пак… – на какой-то миг ее голос сорвался, – мистер Пак убит, и убийца еще здесь. В музее.

«Много червяк»

Глава 1

Небрежно упомянув несколько известных имен, а в некоторых случаях прибегнув к прямому запугиванию, Смитбек ухитрился занять лучшее место в зале для прессы в здании номер один в полицейском квартале. Это было здоровенное, смахивающее на пещеру помещение со стенами, выкрашенными казенной краской. Колер получил у журналистов несколько неблагозвучное название «зеленая блевотина». Зал был забит до отказа командами телевизионщиков и самой разномастной журналистской братией. Смитбек просто обожал наэлектризованную атмосферу больших пресс-конференций, поспешно созываемых полицией после каких-то ужасающих событий. Его веселил вид важных городских шишек и полицейских начальников, питающих ложную надежду на то, что им удастся удержать в узде журналистов – четвертую власть Нью-Йорка.

Он спокойно сидел на своем месте, закинув ногу на ногу и наблюдая за кипевшей вокруг него суетой. Смитбек заранее вставил в диктофон новую кассету и проверил микрофон. Теперь оставалось только ждать. Профессиональный нюх подсказывал ему, что эта пресс-конференция окажется не совсем обычной. Зал полнился каким-то подспудным страхом. Вообще-то это было больше чем страх – это была довольно скверно скрываемая истерия. Он видел признаки этой истерии утром в подземке и на улицах около мэрии. Три последовавших одно за другим убийства выглядели очень странно. Люди говорили только о них, и весь город пребывал на грани паники.

Краем глаза Смитбек заметил Брайса Гарримана. Брайс что-то горячо втолковывал полицейскому, не пускающему его в первые ряды. Подумать только, вся блестящая журналистская подготовка, полученная этим типом в Колумбийском университете, тратится на жалкий листок под названием «Нью-Йорк пост». Гарриману следовало бы занять тихую профессорскую должность в своей альма-матер и обучать зеленую молодежь искусству сочинять статьи. Впрочем, следует признать, что мерзавец сумел вставить ему, Смитбеку, фитиль в связи со вторым

убийством. Он первым высказал предположение о появлении убийцы, копирующего преступления девятнадцатого века. Но это говорит не о таланте негодяя, а лишь о чистом везении. Разве не так?

Толпа вдруг зашевелилась. Боковая дверь открылась, и в зал вступила группа синих мундиров, за которой следовал мэр Нью-Йорка, Эдвард Монтифиори. Мэр – высокий представительный мужчина – не сомневался, что в этот момент взоры всех присутствующих обращены на него. Он остановился и осчастливил кивком некоторых знакомых журналистов. Выражение его лица при этом полностью соответствовало печальному характеру событий, послуживших причиной данной пресс-конференции. Предвыборная гонка за пост мэра Нью-Йорка была в полном разгаре. Кампания проходила в своем обычном стиле, то есть на уровне интеллекта двухлетнего младенца. Для победы на выборах необходимо было положить конец деятельности убийцы-имитатора. Нельзя снабжать противника материалами для мерзких рекламных роликов, кричащих о резком росте преступности в городе.

Первым на подиум поднялся мэр, за ним последовали его пресс-секретарь Мэри Хилл (весьма импозантная дама афро-американского происхождения), ужасно толстый капитан Шервуд Кастер, на участке которого началась вся эта заваруха, и комиссар полиции Рокер – высокий и усталый на вид человек. Замыкали шествие директор Музея естественной истории доктор Фредерик Коллопи и его помощник Роджер Брисбейн. При виде облаченного в прекрасный серый костюм и внешне весьма утонченного Брисбейна Смитбек испытал приступ злобы. Ведь именно этот тип испоганил отношения между ним и Норой. Нора отказывалась встречаться с журналистом даже после того, как нашла обезображенный труп Пака и сама едва спаслась от Хирурга. А ведь Смитбек всего-навсего хотел хоть немного поддержать ее дух. Журналисту казалось, что она обвиняет его в несчастье, которое случилось с Пендергастом и Паком.

Шум в зале нарастал. Мэр взошел на подиум, поднял руку, и аудитория умолкла.

Мэр начал зачитывать заранее заготовленное обращение. Его мощный голос с ярко выраженным бруклинским акцентом заполнил все помещение.

– Дамы и господа, представители прессы, – начал он. – Время от времени в нашем великом городе появляются серийные убийцы, что во многом является следствием его размеров и многообразия. С того момента, когда на нас в последний раз обрушилась эта беда, прошло много лет. Однако создается впечатление, что сейчас в городе появился новый серийный убийца – настоящий психопат. В течение недели погибли три человека. Все они были убиты с особой жестокостью. Как

вам известно, число убийств в Нью-Йорке относительно ниже, чем в любом другом мегаполисе Соединенных Штатов, что является плодом энергичных усилий органов охраны порядка и нашей нетерпимости к правонарушениям любого рода. В свете этого относительного благополучия три убийства – цифра просто чудовищная. Я созвал эту пресс-конференцию для того, чтобы рассказать общественности о решительных и эффективных мерах, принимаемых нами для задержания убийцы. Кроме того, вы сможете получить ответы на вопросы, которые могут у вас возникнуть в связи с этим делом и с его, если можно так выразиться, наиболее сенсационными аспектами. Как вам известно, открытость является доминирующей чертой и главным приоритетом моей администрации. Для того чтобы полнее удовлетворить ваше законное любопытство, я пригласил сюда комиссара полиции Карла Рокера и капитана полиции Шервуда Кастера, на участке которого развернулись связанные с этим делом события. Кроме того, в этой пресс-конференции согласились принять участие директор Музея естественной истории доктор Фредерик Коллопи и заместитель директора мистер Роджер Брисбейн. Последнее убийство, как вам известно, произошло на территории музея. Мой пресс-атташе Мэри Хилл будет регулировать поток вопросов. Но вначале я попрошу комиссара Рокера выступить с кратким сообщением по указанному делу.

Мэр отступил назад, и к микрофону подошел Рокер.

– Благодарю вас, господин мэр, – начал комиссар тихим, спокойным и сухим, как пергамент, голосом. – В прошлый вторник в Центральном парке было обнаружено тело молодой женщины по имени Дорин Холландер. Ее убили, а нижние отделы позвоночника женщины были препарированы весьма необычным образом. В то время, когда проходило вскрытие, произошло второе убийство. На сей раз жертвой стала молодая женщина по имени Мэнди Экланд. Ее тело было обнаружено в парке на Томпкинс-сквер. По заключению медицинских экспертов, способ убийства и характер повреждений на теле полностью совпадают с теми, которые имели место в случае с Дорин Холландер. И наконец, вчера в архиве Музея естественной истории было найдено тело пятидесятипятилетнего мужчины по имени Рейнхарт Пак. Он был главным архивистом музея. На теле имелись повреждения, идентичные тем, которые были обнаружены у миссис Холландер и мисс Экланд.

В воздух взмыл лес рук. Послышались выкрики. Комиссар утихомирил аудиторию, вскинув вверх обе руки.

– Как вам известно, – продолжил он, – ранее в том же архиве было найдено письмо, в котором говорилось о серийном убийце девятнадцатого века. В письме отмечалось, что на трупах имеются повреждения, идентичные тем, с которыми столкнулись мы. Повреждения наносились неким доктором по имени Ленг якобы в

научных целях. Это происходило в Нижнем Манхэттене сто тридцать лет назад. Останки тридцати шести человек были обнаружены на строительной площадке на Кэтрин-стрит, в том месте, где доктор Ленг предположительно проводил свои преступные эксперименты.

По залу прокатилась очередная волна криков.

В дело снова вступил мэр:

– Статья об этом письме появилась на прошлой неделе в «Нью-Йорк таймс». В статье детально описывался характер тех повреждений, которые более ста лет назад доктор Ленг наносил своим жертвам. Кроме того, автор статьи говорит и о причинах, толкнувших Ленга на подобные действия.

Мэр обежал аудиторию глазами, задержав на мгновение взгляд на Смитбеке. Сердце журналиста наполнилось гордостью. Ведь эту статью написал он, и мэр это знает.

– К великому сожалению, статья принесла нежелательные последствия. Она стимулировала появление убийцы, имитирующего старинные преступления. Убийцы-психопата.

Что он несет? Самодовольство Смитбека исчезло еще до того, как успела проснуться злость.

– Полицейские психиатры сказали мне, что, по их мнению, преступник верит в то, что, убив этих людей, достигнет цели, к которой стремился доктор Ленг более ста лет назад. А именно: продлит свою жизнь. Склонность к... м-м... сенсационности, которую продемонстрировал автор статьи в «Таймс», вдохновила убийцу на действия.

Это возмутительно! Мэр во всем обвинял его, Смитбека.

Журналист оглянулся и, увидев обращенные на него взгляды, с трудом подавил желание вскочить со стула и во все горло выразить свой протест. Ведь он просто делал свою работу репортера. И это был всего-навсего репортаж. Как смеет мэр делать из него козла отпущения?!

– Конкретно я никого не обвиняю, – продолжал бубнить Монтифиори, – но прошу вас, леди и джентльмены, проявлять в своих материалах на эту тему некоторую сдержанность. Произошло несколько жестоких убийств, и мы преисполнены решимости не допустить новых преступлений подобного рода. Все версии тщательно и энергично прорабатываются, поэтому давайте не будем подливать масла в огонь. Благодарю за внимание.

Теперь, чтобы принимать вопросы, вперед выступила Мэри Хилл. В зале поднялся рев. Вся журналистская братия вскочила на ноги и принялась

бешено размахивать руками. Смитбек остался сидеть. Ему казалось, что он стал жертвой надругательства. Журналист пытался привести мысли в порядок, но только что пережитое потрясение не позволяло ему сосредоточиться.

Между тем Мэри Хилл приняла первый вопрос.

– Вы сказали, что убийца проводил на своих жертвах хирургическую операцию. Не могли бы вы уточнить, какого рода была эта операция?

– У всех трех жертв была иссечена вся нижняя часть спинного мозга, – ответил комиссар.

– Говорят, что последняя операция была проведена в музее! – выкрикнул другой репортер. – Это так?

– В архиве неподалеку от тела действительно была обнаружена большая лужа крови. Анализ показал, что это кровь жертвы, но патологоанатомические исследования еще продолжаются. Для того чтобы окончательно установить, производилась ли операция в помещении музея, требуется провести дополнительные лабораторные анализы.

– Насколько мне известно, этим делом заинтересовалось ФБР, – крикнула какая-то молодая женщина. – Не могли бы вы уточнить, что именно их интересует?

– Это не совсем так, – ответил Рокер. – К убийствам девятнадцатого века проявил интерес агент ФБР, но только в личном плане. Федеральное бюро расследований к делу отношения не имеет.

– Соответствует ли действительности слух, что третье тело было насажено на рога динозавра?

– Да, – недовольно поморщившись, ответил комиссар полиции, – и это еще раз говорит о том, что мы имеем дело с психически больной личностью.

– О повреждении на телах… Это правда, что такого рода повреждения мог нанести только профессиональный хирург?

– Это одна из версий, которые мы прорабатываем.

– Мне хотелось бы прояснить один момент, – громко произнес один из репортеров. – Вы действительно утверждаете, что статья Смитбека в «Таймс» дала толчок этим убийствам?

Комиссар Рокер заметно помрачнел и начал:

– Господин мэр сказал, что…

Однако мэр не дал ему закончить.

– Я всего лишь призвал вас всех к сдержанности, – сказал он. – Нам, конечно, очень хотелось бы, чтобы этой статьи не было. Не исключено, что три человека сегодня были бы живы. И методы, при помощи которых репортер добыл сведения, не отвечают, по моему мнению, высоким моральным стандартам. Но я не утверждал, что статья явилась причиной этих убийств.

– Не пытаетесь ли вы увести дело в сторону, возлагая вину на репортера, который честно делал свою работу?

«Интересно, кто это спросил, – покосившись через плечо, подумал Смитбек. – Надо будет поставить парню выпивку».

– Вы слышали. Я всего лишь сказал…

– Но вы совершенно ясно дали всем понять, что статья спровоцировала убийства.

«Надо будет не только поставить ему выпивку, но и пригласить на ужин». Смитбек снова оглянулся и увидел, что большинство присутствующих смотрят на него с сочувствием. Обрушившись на него, мэр косвенно напал на все журналистское сообщество. Подняв этот вопрос, он облажал самого себя. Смитбек снова обрел уверенность. Теперь они не посмеют его проигнорировать.

– Следующий вопрос, пожалуйста, – сказала Мэри Хилл.

– Есть ли в этом деле подозреваемые? – спросил кто-то.

– Мы имеем очень точное описание одежды преступника, – ответил комиссар Рокер. – В архиве примерно в то же время, когда было обнаружено тело мистера Пака, видели высокого стройного мужчину в старомодном черном пальто и с котелком на голове. Одетый подобным образом человек, но с зонтиком или тростью был замечен и в районе второго убийства. Вдаваться в другие детали я не имею права.

Смитбек поднялся со стула и помахал рукой. Однако Мэри Хилл его проигнорировала.

– Мистер Перес из «Нью-Йорк мэгэзин», ваш вопрос, пожалуйста.

– У меня вопрос к доктору Коллопи из музея. Не думаете ли вы, сэр, что убийца, известный по прозвищу Хирург, является сотрудником музея? С учетом того, что последнее убийство и иссечение спинного мозга жертвы произошло на территории музея.

Коллопи откашлялся и подошел к микрофону.

– Насколько мне известно, полиция изучает подобную возможность, – произнес он прекрасно поставленным голосом. – Но я считаю это маловероятным. Все наши сотрудники проходят тщательную проверку. Мы выясняем, не совершали ли они в прошлом правонарушения, пытаемся создать их психологический портрет и самым серьезным образом проверяем на наркотики. Кроме того, пока окончательно не доказано, что убийство было совершено на территории музея.

Когда Хилл попросила задать следующий вопрос, в зале снова поднялся страшный шум и вырос лес рук. Смитбек, как и все другие, размахивал своей рукой. Боже, неужели они решили игнорировать его до самого конца?!

– Мистер Диллер из «Ньюсдей», ваш вопрос, пожалуйста.

Эта ведьма сознательно его обходит!

– Я обращаю свой вопрос к мэру. Господин мэр, как получилось, что захоронение на Кэтрин-стрит было «непреднамеренно» уничтожено? Разве это место не имело серьезного исторического значения?

– Нет. Исторического значения оно не имело… – начал мэр.

– Как же так? Ведь это же самое значительное серийное убийство в истории страны.

– Мистер Диллер, наша пресс-конференция посвящена современным преступлениям. Прошу вас не смешивать два совершенно разных вопроса. У нас не было никаких законных оснований останавливать строительство здания стоимостью в сто миллионов долларов. Останки и все принадлежавшие покойным предметы были тщательно изучены на месте квалифицированными экспертами, сфотографированы и переданы для дальнейшего анализа. Ничего большего сделать мы не могли.

– А может быть, это произошло потому, что фирма «Моген – Фэрхейвен» является одним из главных финансовых спонсоров вашей предвыборной кампании, и…

– Следующий вопрос! – выкрикнула Хилл.

Смитбек вскочил со стула и что есть мочи проорал:

– Господин мэр, поскольку в мой адрес были брошены…

– Мисс Эпштейн из Эн-би-си! – крикнула Мэри Хилл, заглушив своим могучим голосом конец его фразы.

Со стула поднялась изящная молодая женщина с микрофоном в руке. Телевизионная камера начала поворачиваться в ее сторону.

– Прошу прощения! – воспользовавшись секундной паузой, гаркнул Смитбек. – Мисс Эпштейн, не позволите ли вы мне ответить, поскольку я стал жертвой необоснованных нападок?

– Конечно, мистер Смитбек, – мгновенно отреагировала знаменитая телеведущая и дала сигнал своему оператору, чтобы тот взял в объектив журналиста.

– Я обращаю вопрос к мистеру Брисбейну, – продолжил, не теряя ни секунды, Смитбек. – Скажите, мистер Брисбейн, почему письмо, с которого все это началось, выведено из обращения, как и все другие предметы из коллекции Шоттама? Может быть, музей хочет что-то скрыть от общественности?

Брисбейн снисходительно улыбнулся, поднялся со своего места и подошел к микрофону.

– Ничего подобного, мистер Смитбек. Материалы, о которых вы говорите, временно переданы на консервацию. Это обычная процедура для всех музеев. Однако должен заметить, что письмо уже явилось причиной нескольких убийств, и, предав его гласности полностью, мы проявили бы безответственность. Заверяю, что все квалифицированные исследователи вскоре получат доступ ко всем материалам.

– Это правда, что вы пытались не допустить участия ваших сотрудников в расследовании?

– И это не соответствует действительности. Мы постоянно сотрудничали с властями, чему есть документальное подтверждение.

– Мистер Брисбейн... – предпринял очередную попытку журналист.

– Мистер Смитбек, не хотите ли вы дать возможность и другим задать вопрос? – прогремела Мэри Хилл.

– Нет! – взревел Смитбек, вызвав смех в аудитории. – Это правда, что фирма «Моген – Фэрхейвен», отвалившая музею два миллиона долларов в прошлом году и глава которой заседает в вашем Совете, оказывала на музей давление, чтобы тот помог остановить расследование?

Лицо Брисбейна залилось краской, и Смитбек понял, что на сей раз попал в точку.

– Это абсолютно безответственный домысел. Как я уже сказал, мы постоянно сотрудничали...

– Значит, вы отрицаете тот факт, что угрожали санкциями сотруднице музея доктору Норе Келли, если она продолжит участвовать в расследовании? Имейте в виду, мистер Брисбейн, что у нас имеется

возможность выслушать по этому вопросу и доктора Келли. Ведь это же она нашла тело третьей жертвы, и именно ее преследовал Хирург в архиве вашего музея. Доктор Келли лишь чудом не стала его очередной жертвой.

Смитбек ясно дал понять, что показания Норы Келли могут существенно разойтись со словами Брисбейна. Брисбейн помрачнел, поняв, что его окончательно загнали в угол.

– На провокационные вопросы я отвечать не намерен, – единственное, что мог сказать на это заместитель директора.

Коллопи сидел мрачнее тучи, а Смитбек ощущал себя триумфатором.

– Мистер Смитбек, – язвительно произнесла Мэри Хилл, – у меня создается впечатление, что вы хотите монополизировать нашу пресс-конференцию. Серийные убийства девятнадцатого века не имеют ни малейшего отношения к текущим событиям.

– Откуда вам это известно? – выкрикнул Смитбек, чтобы окончательно утвердиться в своем триумфе.

– Неужели вы хотите сказать, сэр, – произнес мэр весело, – что доктор Ленг все еще продолжает свое нехорошее дело?

Зал разразился хохотом.

– Ничего подобного, я...

– В таком случае, мой друг, я советую вам занять свое место.

Смитбек опустился на стул под неумолчный смех аудитории. Его триумф был безнадежно испорчен. Он, конечно, набрал очки, но эти типы наловчились наносить ответные удары.

Вопросы продолжались, а он вдруг осознал, что совершил непоправимую ошибку, упомянув на пресс-конференции имя Норы. Ее реакцию на это можно было легко предугадать.

Глава 2

Дойерс-стрит являла собой узкий и темный проулок на юго-восточной границе Китайского квартала. В ее дальнем конце находилось скопление чайных комнат и бакалейных лавок, расцвеченных яркой неоновой рекламой на китайском языке. По небу ползли темные облака, а ветер сдувал с тротуаров на мостовую старые газеты и листву. Где-то вдали погромыхивал гром. Приближалась гроза.

У входа в безлюдный проулок О'Шонесси задержался, и Нора остановилась рядом с ним. Девушку била дрожь как от страха, так и от

холода. Она видела, как полицейский оглядывает улицу, определяя, нет ли опасности, и чтобы проверить, нет ли за ними слежки.

– Номер девяносто девять находится в середине квартала, – сказал он. – Вон то кирпичное здание.

Нора посмотрела в указанном направлении и увидела узкое трехэтажное строение из грязного зеленого кирпича.

– Вы точно не хотите, чтобы я пошел с вами? – спросил О'Шонесси.

– Думаю, что будет лучше, если вы останетесь здесь, чтобы следить за улицей, – ответила Нора и нервно сглотнула.

О'Шонесси кивнул и нырнул в тень ближайшего подъезда.

Глубоко вздохнув, Нора двинулась вперед. Находившийся в сумочке заклеенный конверт с банкнотами Пендергаста казался ей свинцовым. Оглядев еще раз улицу, девушка снова задрожала от страха и возбуждения.

Нападение на нее и жестокая смерть Пака радикально поменяли ситуацию. Эти события полностью опровергали версию о появлении психопата, копирующего старинные убийства. Нападение на нее и убийство старика были тщательно спланированы. Убийца имел доступ в закрытые для публики помещения музея. Он воспользовался старой пишущей машинкой Пака, чтобы заманить ее в архив. Убийца преследовал ее с потрясающим хладнокровием. Этот человек был от нее в каких-то нескольких дюймах. Ей даже довелось получить укол его скальпеля. Нет, это не сумасшедший. Это человек, который точно знает, что делает и с какой целью. Какой бы ни была связь между старыми и новыми убийствами, этому должен быть положен конец. И если в ее силах хоть чем-нибудь помочь в поисках убийцы, она это сделает.

Ответы на многие вопросы находились под полом дома номер девяносто девять по Дойерс-стрит, и она обязательно до них докопается.

Ее мысли снова обратились к ужасной погоне в музее, и особенно к тому моменту, когда к ней быстрее, чем атакующая змея, метнулся скальпель. Нора была не в силах изгнать из памяти эту картину. Затем последовали бесконечные допросы в полиции и посещение Пендергаста в госпитале. Она сообщила ему о том, что изменила свои намерения в отношении Дойерс-стрит. Известие о нападении очень встревожило агента, и он не хотел, чтобы Нора принимала участие в расследовании. Но девушка осталась непоколебима и заявила, что с ним или без него все равно отправится на Дойерс-стрит. Пендергасту пришлось уступить, но он взял с нее слово, что она ни шагу не сделает без О'Шонесси. После этого агент ФБР организовал для нее получение толстенного пакета с наличностью.

Собрав волю в кулак, Нора поднялась по ступеням к «парадной» двери. Все имена жильцов на табличке рядом с домофоном были начертаны по-китайски. Немного поколебавшись, она нажала на кнопку первой квартиры.

Какой-то голос что-то проскрипел по-китайски.

– Я тот человек, который хочет снять квартиру в полуподвале.

Замок щелкнул, Нора толкнула дверь и вошла в освещенный лампами дневного света вестибюль. Справа от нее находилась узкая, ведущая наверх лестница, а из дальнего конца вестибюля доносился стук и скрежет открываемых замков и засовов. Дверь в конце концов открылась, и из нее выступил унылого вида человек без пиджака и в мешковатых штанах. Человек внимательно изучал гостью.

– Вы, наверное, мистер Линг Ли? – спросила Нора, направляясь к нему.

Человек кивнул и придержал дверь. В гостиной, где оказалась Нора, стояли зеленый диван, пластиковый стол и несколько кресел. Стену украшал красный с золотом резной барельеф, изображающий пагоду и деревья. Однако господствовала в комнате гигантская люстра, явно не соответствовавшая размерам помещения.

– Садитесь, – сказал человек негромким усталым голосом.

Нора присела, и диванная подушка подозрительно глубоко провалилась под тяжестью ее тела.

– Где вы слышать о квартира? – спросил Ли, по лицу которого было заметно, что ее посещение его совсем не обрадовало.

Нора принялась излагать заранее приготовленную легенду:

– От одной леди, которая работает в банке, примерно в квартале отсюда.

– Какая леди? – спросил Ли, и вопрос этот прозвучал гораздо резче, чем первый.

Пендергаст предупреждал ее, что в Китайском квартале большинство домовладельцев предпочитают сдавать жилье своим соотечественникам.

– Я не знаю ее имени. Мой дядя посоветовал мне поговорить с ней. Сказал, что она знает, где здесь можно найти жилье. И эта дама сказала, чтобы я позвонила вам.

– Ваш дядя?

– Да. Дядя Хуанг. Он работает в жилищном департаменте.

Эти сведения были встречены печальным молчанием. Пендергаст не без основания рассчитывал на то, что наличие у нее родственника-китайца облегчит ей общение с аборигенами. А сообщение о том, что достойный дядюшка трудится в жилищном департаменте мэрии – учреждении, наблюдающем за правильностью взимания квартплаты, – сделает это общение еще более теплым.

– Ваш имя?

– Бетси Уитчелл.

Нора заметила, как из кухни возникла какая-то громадная темная фигура и остановилась, прислонившись к косяку двери. Это, видимо, была супруга мистера Ли. Своими размерами дама раза в три превосходила своего благоверного. Она стояла скрестив руки, а взгляд ее был более чем суров.

– По телефону вы сказали, что квартира свободна. Я ее беру. Покажите, пожалуйста.

– Следовать за меня.

Ли поднялся с кресла и покосился на жену. Мышцы на руках дамы заметно напряглись.

Они вышли из дома и спустились по лестнице. Нора быстро огляделась по сторонам, но полицейского нигде не увидела. Ли извлек из кармана связку ключей, открыл ведущую в полуподвал дверь и щелкнул выключателем. Нора последовала за ним. Китаец закрыл дверь и устроил спектакль с запиранием по меньшей мере четырех замков.

Квартира была унылой и темной. Единственное квадратное оконце у дверей было снабжено решеткой. Кирпичные, когда-то выкрашенные белой краской стены уже давно стали серыми. Пол был тоже кирпичным. Старинные кирпичи растрескались и кое-где уже крошились. Нора посмотрела на них с профессиональным интересом. Кирпичи были уложены плотно, но раствором между собой не скреплены. Интересно, что под ними? Земля? Песок? Бетон? Судя по тому, что пол был неровным и достаточно влажным, кирпичи лежали прямо на земле.

– Кухня и спальня назади, – произнес Ли, не удосужась показать направление.

Нора прошла в глубину квартиры. Крошечная кухонька вела к двум спальням и совмещенному туалету. Стенные шкафы или кладовка отсутствовали. Окно в задней стене света практически не давало, поскольку выходило в вентиляционный колодец и на нем стояла решетка из толстых стальных прутьев.

Когда Нора вернулась в гостиную, Ли внимательно изучал запоры на входной двери.

– Надо запирай дверь, – произнес он зловещим тоном. – Много грабитель.

– Неужели здесь так много взломов?

– Да-да! – с энтузиазмом закивал он. – Много грабитель. Очень опасно.

– Не могу поверить.

– Много грабитель. Очень много уличный разбойник, – повторил Ли и печально покачал головой.

– Однако квартира кажется вполне безопасной, – сказала Нора, прислушиваясь. Потолок, судя по всему, был звуконепроницаемым. Во всяком случае, никаких звуков сверху не доносилось.

– Плохой место для девочка. Каждый день убивать и грабить. Насиловать тоже.

Нора прекрасно знала, что, несмотря на свой затрапезный вид, Китайский квартал является одним из самых безопасных районов Нью-Йорка.

– Я не боюсь, – сказала она.

– Много правил для квартирант, – не сдавался Ли.

– И каких же?

– Нет музыка. Нет шум. Нет мужчин по ночам, – сказал китаец, и по его глазам было видно, что он изыскивает другие ограничения для потенциальной квартирантки. – Нет курить и убирание каждый день.

Нора слушала его и согласно кивала. Когда домовладелец иссяк, девушка сказала:

– Прекрасно. Все это меня устраивает как нельзя лучше. Я обожаю чистоту и тишину. У меня нет бойфренда.

Сказав это, Нора вдруг ощутила очередной прилив ненависти к Смитбеку. Ведь именно он втянул ее в эту заваруху, опубликовав свою дурацкую статью. И он в определенной степени виноват в том, что появился убийца-имитатор. Но и этого мерзавцу показалось мало. Вчера ему хватило наглости трепать на пресс-конференции ее имя перед всем городом. Нора не сомневалась, что после событий в архиве ее карьера в музее оказалась под вопросом еще больше, чем раньше.

– Коммунальный платежи не включен.

– Естественно.

– Кондиционер нет.

Нора согласно кивнула.

Ли, казалось, пребывал в полной растерянности, но затем у китайца, видимо, родилась новая идея, и его лицо просветлело.

– После самоубийства нет револьвера в квартира.

– Самоубийства?

– Да. Молодой девочка повесить себя. Такой же молодой, как и вы.

– Повесилась? Но вы, кажется, что-то говорили о револьверах?

На некоторое время домовладелец несколько растерялся. Но затем, снова просветлев лицом, заявил:

– Она повесится, но не получился. Потом стрелять себя.

– Понимаю. Похоже, что она избрала довольно сложный способ расставания с жизнью.

– Бойфренда тоже нет. Как и вы. Печально.

– Просто ужасно.

– Это случиться здесь, – продолжал Ли, показав на кухню. – Не нашел тела три дня. Запах очень плохой. – Он закатил глаза и добавил драматическим шепотом: – Много червяк.

– Какой ужас, – сказала Нора и тут же с улыбкой добавила: – Но квартира превосходная. Я ее беру.

Ли помрачнел, но ничего не ответил.

Когда они поднялись наверх в его квартиру, Нора, не ожидая приглашения, опустилась на диван. В дверях кухни возвышалась впечатляющая фигура супруги. Лицо дамы выражало недовольство, и она даже не пыталась скрыть, что вся эта затея ей крайне не нравится. Ее скрещенные на груди руки были очень похожи на свиные окорока.

Китаец с несчастным видом уселся в кресло.

– Итак, – сказала Нора, – будем завершать дело. Я снимаю квартиру. Сегодня. Немедленно.

– Надо проверка ваш рекомендаций, – без особой надежды пробормотал Ли.

– На это нет времени, и я готова платить наличными. Квартира нужна сегодня, иначе мне негде будет переночевать. – Не переставая говорить, она достала из сумочки пакет Пендергаста, открыла его и извлекла на свет внушительную пачку банкнот. Появление денег вызвало у супруги домовладельца громкий протест. Ли никак на это не отреагировал. Он не сводил взгляда с бабок.

– Здесь плата за первый и последний месяцы, а также страховой депозит, – сказала Нора, кладя пачку на стол. – Ровно шесть тысяч шестьсот долларов. Несите договор.

Квартира была отвратительной, а цена несусветной. Видимо, поэтому она и стояла свободной. Нора надеялась, что голой наличности Ли противостоять не сможет.

Жена выступила с очередными резкими комментариями на китайском языке, но супруг ее снова проигнорировал. Он исчез в глубине квартиры и появился через несколько минут с двумя копиями договора о сдаче-найме жилья. Договоры были составлены на китайском языке.

– Надо рекомендаций, – произнесла супруга, переключившись ради Норы на английский язык. – Кредит проверить.

– Где расписаться? – поинтересовалась девушка, не обращая внимания на упорную даму.

– Здесь, – показал Ли.

Нора начертала: Бетси Уитчелл, не забыв поставить вычурный завиток. Затем написала на полях договора нечто вроде чека: «Мистером Лингом Ли шесть тысяч шестьсот долларов получено».

– Дядя Хуанг переведет для меня текст. Надеюсь, что там нет ничего противозаконного. А теперь подпишите договор и поставьте инициалы на чеке.

Со стороны кухни послышался какой-то резкий звук.

Ли расписался по-китайски. Создавалось впечатление, что протесты супруги лишь придали ему отваги.

– Давайте мне ключи, и будем считать дело завершенным.

– Надо делать копий ключ.

– Давайте, давайте. Это уже моя квартира. Я закажу для вас дубликаты за свой счет. Мне надо начинать переезд.

Ли неохотно передал ей тяжелую связку. Нора взяла ключи, свернула один экземпляр договора, сунула все это в карман, поднялась с дивана и весело сказала, протягивая руку:

– Огромное спасибо.

Ли вяло потряс ее ладонь. Когда дверь за ней закрывалась, Нора услышала новый взрыв негодования мадам Ли. Этот взрыв был настолько сильным, что его последствия для мистера Ли могли стать весьма неприятными.

Глава 3

Нора тут же спустилась в полуподвальный этаж. О'Шонесси возник рядом с ней, когда она открывала замок. Они вместе проскользнули в гостиную, и девушка закрыла дверь на задвижки, щеколды и цепочку. После этого она подошла к решетчатому окну. В оконную раму по обеим сторонам были вбиты гвозди, к которым когда-то крепились временные занавески. Нора сняла пальто и повесила его на гвозди, полностью закрыв окно.

– Уютное местечко, – произнес О'Шонесси, принюхиваясь. – Благоухает, как на месте преступления.

Нора не ответила. Она разглядывала пол, планируя порядок раскопок.

Пока О'Шонесси изучал квартиру, Нора обошла гостиную, мысленно деля площадь пола на квадраты. Затем она опустилась на колени и достала из кармана перочинный нож. Этот нож подарил брат в день ее шестнадцатилетия, и с тех пор она с ним никогда не расставалась. Девушка просунула лезвие между двумя кирпичами, медленно и осторожно прорезав толстую корку слежавшейся грязи и старой, засохшей мастики. Покачивая нож, она принялась расшатывать ближайший кирпич. Через несколько секунд кирпич освободился, и Нора без труда вытащила его из кладки.

В ноздри ударил влажный запах. Земля. Холодная, влажная и слегка липкая на ощупь. Нора воткнула в почву нож, та оказалась плотной, но податливой – ни гравия, ни крупных камней. Превосходно.

Девушка поднялась на ноги и осмотрелась. О'Шонесси стоял у нее за спиной, с любопытством наблюдая за ее действиями.

– Что вы делали?

– Изучала, что находится под полом.

– И?

– Земля. Никакого бетона.

– Это хорошо?

– Просто замечательно.

– Ну, раз вы так говорите…

Нора вернула кирпич на место и посмотрела на часы. Три часа дня. Пятница. Музей закрывается через два часа.

– Вот что, Патрик, – сказала она, повернувшись к полисмену. – Мне хотелось бы, чтобы вы сейчас поехали в музей и привезли из моего кабинета кое-какие инструменты. Они мне понадобятся здесь.

– И не подумаю, – покачал головой О'Шонесси. – Пендергаст приказал, чтобы я не отходил от вас ни на шаг.

– Помню. Но здесь я в полной безопасности. На двери не меньше пяти запоров, а я отсюда никуда не пойду. Во всяком случае, я в этом подвале в большей безопасности, чем на улице. Кроме того, убийце известно, где я работаю. Неужели вы полагаете, что я меньше рискую, отправясь в музей, пока вы будете ждать меня здесь?

– Но зачем куда-то идти? Что за спешка? Разве мы не можем подождать, пока Пендергаст выйдет из больницы?

– Время летит, Патрик. А убийца все еще разгуливает по улицам.

О'Шонесси внимательно на нее посмотрел, не зная, на что решиться.

– Мы не можем сидеть сложа руки. Надеюсь, что вы не будете осложнять мне жизнь. Мне нужны эти инструменты. Немедленно.

– Закройтесь на все запоры, – со вздохом сказал О'Шонесси, – и не открывайте никому. Ни хозяину, ни пожарным, ни Санта-Клаусу. Только мне. Обещаете?

– Клянусь, – кивнула Нора.

– Хорошо. А я постараюсь вернуться как можно скорее.

Девушка быстро составила список инструментов, дала О'Шонесси все необходимые указания и заперла за ним дверь, отгородившись заодно от звуков надвигающейся грозы. Затем она медленно отошла от двери и оглядела помещение, задержав взгляд на кирпичах под своими ногами. Сто с лишним лет назад доктор Ленг, несмотря на всю свою гениальность, не мог предвидеть всех возможностей современной археологии. Она проведет раскопки максимально осторожно, открывая его старую лабораторию слой за слоем. Употребит все свое искусство для того, чтобы не пропустить ни единой улики. А в том, что таковые окажутся, Нора не сомневалась. Место раскопок никогда не бывает

совершенно стерильным. Люди, где бы они ни находились, куда бы ни отправлялись, всегда оставляют следы.

Нора снова опустилась на колени и начала с помощью ножа расширять щели в кирпичной кладке пола. Когда раздался очередной удар грома (гораздо более сильный, чем предыдущие раскаты), девушка замерла. Ей вдруг стало очень страшно. Чтобы взять себя в руки, она энергично потрясла головой. Никакой убийца не сможет помешать ей найти то, что скрыто под этим полом. «Интересно, что скажет о моей работе Брисбейн? – подумала Нора. – Да пошел он к дьяволу!»

Затем она извлекла нож из щели и со вздохом закрыла лезвие. Всю свою сознательную жизнь она откапывала и каталогизировала человеческие кости, не испытывая при этом никаких эмоций. Во всех древних скелетах не было ничего особенного, просто они принадлежали к человеческому роду. Но мысли о Мэри Грин вызвали у нее совсем иные чувства. Ведь Пендергаст не только показал ей дом, где жила девочка, но и описал всю короткую жизнь и ужасную смерть Мэри. Настолько ярко, что Нора стала воспринимать раскопки очень лично. Впервые за все время своей профессиональной деятельности она, как ей казалось, понимала существо, останки которого она держала в руках, и искренне это существо оплакивала. И это чувство усиливалось, несмотря на все ее попытки выдерживать между собой и объектом исследования профессиональную дистанцию. Временами ей казалось, что она является очередным воплощением Мэри Грин.

Поэтому дело приобретало для нее личную окраску. Очень личную.

Шум ветра за дверью и новый удар грома прервали ее размышления. Нора снова опустилась на колени и решительно принялась скрести кирпичи пола. Ей предстояла длинная бессонная ночь.

Глава 4

Порывы ветра сотрясали запертую дверь, время от времени комнату озаряли вспышки молний, сопровождаемых раскатами грома. После того как вернулся О'Шонесси, они работали вместе – полицейский разгребал землю, а Нора посвятила все свое внимание деталям. Они трудились в желтом свете единственной лампы. Воздух был спертым и влажным, в комнате стоял сильный запах перегноя.

Они вскрыли пол в гостиной. Раскоп был разбит на аккуратные квадраты, и каждый квадрат был выкопан на разную глубину, что позволяло Норе легко выбираться из ямы. Снятые с пола кирпичи были аккуратно сложены у дальней стены. Дверь в кухню стояла открытой, и через проем можно было увидеть большую кучу земли. Земля была свалена в самом центре помещения на подстилку из пластика. На другой

пластиковой подстилке находились пронумерованные и снабженные этикетками находки.

Нора наконец решила передохнуть. Отложив в сторону свою лопаточку, она сняла каскетку и провела тыльной стороной ладони по лбу. Было далеко за полночь, и сил у нее почти не осталось. Раскоп в самой своей глубокой точке был на четыре фута ниже уровня пола, это потребовало огромных усилий. Кроме того, чрезвычайно трудно работать быстро и в то же время соблюдать все требования профессиональных раскопок.

– Передохните минут пять, – сказала она О'Шонесси. – Я хочу изучить разрез.

– Самое время, – сказал О'Шонесси, выпрямился и оперся на лопату. Лоб полицейского был покрыт потом.

Нора осветила карманным фонарем разрез почвы, читая его так, как другой читает книгу. Время от времени, чтобы лучше видеть, она расчищала разрез своей лопаточкой.

На самом верху находился слой чистой земли толщиной примерно в шесть дюймов, послужившей в свое время основой для кирпичей пола. Ниже этого искусственного слоя шли три фута более грубого наполнителя с черепками глиняной и фаянсовой посуды, произведенной после тысяча девятьсот десятого года. Но никаких следов лаборатории Ленга – по крайней мере явных – Нора не замечала. Тем не менее она, как того требовали правила, нумеровала и снабжала этикеткой каждую находку. В следующем слое Нора нашла уличный мусор, сгнившие растения, плесневелые бутылки, суповые кости и скелет собаки. Это означало, что постройки в то время здесь не существовало. Еще ниже находился слой кирпичей.

О'Шонесси потянулся, поскреб спину и спросил:

– Зачем нам так глубоко зарываться?

– В большинстве больших городов культурный слой растет с постоянной скоростью. В Нью-Йорке за каждые сто лет он становится толще примерно на три четверти метра. И уровень почвы в то время находился там, – ответила Нора, указывая себе под ноги.

– Выходит, эти старые кирпичи и есть пол первого здания?

– Думаю, что именно так.

Пол лаборатории Ленга.

Но пока этот пол им ничего не открыл. На нем не осталось почти никаких следов. Создавалось впечатление, что пол был тщательно выметен. В трещинах кирпичей Норе удалось обнаружить лишь мелкие

осколки стекла. Кроме того, она нашла каминную решетку с остатками угля, пуговицу и почти полностью сгнивший билет надземной железной дороги. Создавалось впечатление, что Лент сделал все, чтобы не оставить никаких следов.

Свет очередной молнии прорвался в комнату, несмотря на то что на окне висело пальто Норы. Секундой позже прогремел гром. Единственная лампа замигала и загорелась вполнакала. Впрочем, это продолжалось недолго, и лампочка снова вспыхнула полным светом.

Нора долго молча смотрела на пол. Затем, приняв решение, она сказала:

– Прежде всего нам следует расширить площадь раскопа. А затем мы будем копать еще глубже.

– Глубже? – произнес О'Шонесси таким тоном, словно не поверил своим ушам.

– Ленг ничего не оставил на полу, – ответила Нора. – Но это вовсе не означает, что он ничего не оставил под полом.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

* * *

А на улице дождь лил как из ведра. Вода бурным потоком неслась вдоль тротуара и исчезала в сливных решетках, унося с собой мусор, собачье дерьмо, дохлых крыс, гнилые овощи и рыбьи потроха с расположенного на Дойерс-стрит небольшого рыбного рынка. Всполохи молний заливали светом темные фасады и, пробиваясь через клубящийся туман, освещали мостовую.

По узкой улице, опираясь на трость, брела темная, почти невидимая под черным зонтом фигура в котелке. Перед входом в дом номер девяносто девять эта зловещая фигура задержалась на несколько секунд, а затем нырнула в зловонный туман. Тень слилась с другими тенями, и ничто не говорило о том, что она вообще здесь появлялась.

Глава 5

Кастер со вздохом откинулся на спинку кресла. Была суббота. До полудня оставалось пятнадцать минут, и по справедливости он должен был бы не торчать в своем рабочем кабинете, а потягивать с дружками пиво в боулинг-клубе. Ведь он же, дьявол всех побери, начальник полицейского участка, а не какой-нибудь вшивый детектив из убойного отдела. Какое они имеют право требовать, чтобы он надрывался по субботам? Самый что ни на есть никчемный, дерьмовый пиар. И вот он, капитан Кастер, вынужден сидеть здесь, бесполезно протирая штаны и слушая, как шуршит асбест в коробах вентиляции. Бессмысленно погублен обещавший быть таким приятным уик-энд.

Хорошо, что хоть Пендергаст не сует нос не в свое дело. По крайней мере – пока. Интересно, почему ему так неймется? Когда он спросил об этом О'Шонесси, проклятый ирландец увильнул от ответа. А ведь коп с его прошлым должен был бы давно научиться целовать задницу. Хватит. Если парень не хочет оказать услугу начальству, его следует держать на коротком поводке. В понедельник он с этого и начнет.

Аппарат внутренней связи на столе мурлыкнул, и Кастер, сердито надавив кнопку связи, прохрипел:

– Ну что еще? Я же приказал меня не беспокоить!

– На линии комиссар Рокер, сэр, – ответил Нойс максимально нейтральным тоном.

«Обожемойсукинсын», – подумал Кастер и протянул трясущуюся руку к телефону, с которого хитро подмигивал ему красный глазок. Какого дьявола хочет от него комиссар? Разве он не сделал то, что они все от него хотели? Шеф, мэр и... другие. Если что-то не так, то он не виноват.

Толстый дрожащий палец коснулся кнопки.

– Кастер? – От резкого тона шефа у капитана засвербило в ушах.

– Слушаю, сэр, – проскрипел Кастер, делая все, чтобы голос звучал не так пискляво, как обычно.

– Речь идет о вашем человеке. Об О'Шонесси.

– Да, сэр. Почему вас интересует О'Шонесси?

– Мне желательно узнать, за каким дьяволом он затребовал в Бюро судебно-медицинской экспертизы копии отчетов об останках, найденных на Кэтрин-стрит? Мне надо точно знать его мотивы, – сказал комиссар, и теперь его голос звучал как-то устало.

«Что затеял О'Шонесси?» – лихорадочно размышлял капитан. Конечно, можно было сказать, что О'Шонесси нарушил его прямой приказ (что было бы чистой правдой), но это превратило бы Кастера в глазах шефа в идиота. Человека, не способного контролировать своих подчиненных. Но с другой стороны, можно было и соврать.

Кастер избрал второй, более привычный путь.

– Комиссар, – произнес он, придав голосу более или менее мужскую тональность, – это санкционировал я. Дело в том, что в нашей базе данных нет копии доклада. Это, как вы понимаете, всего лишь формальность. Но мы действуем по правилам, сэр, и хотим поставить все точки над i.

– Кастер, – после довольно продолжительного молчания сказал комиссар, – поскольку вы, как я вижу, большой мастер идиом, то вам, видимо, известно выражение: «Не буди спящего пса». Или я ошибаюсь?

– Так точно, сэр, известно.

– Насколько я понял, мэр совершенно ясно дал понять: данного конкретного пса мы должны оставить в покое. – Это было произнесено таким тоном, словно сам Рокер не очень верил в мудрость подобного решения мэра.

– Так точно, сэр.

– А не подрабатывает ли ваш О'Шонесси на стороне? Не помогает ли он агенту ФБР, пока тот валяется в госпитале?

– О'Шонесси – очень серьезный сотрудник: надежный и дисциплинированный.

– В таком случае вы, Кастер, меня удивляете. Вам лучше меня известно: как только копия доклада окажется в участке, к ней получит доступ любой коп. А потом всего лишь один шаг до появления очередной статьи в «Нью-Йорк таймс».

– Простите, сэр. Я об этом как-то не подумал.

– Я хочу, чтобы вы прислали мне этот доклад. Все экземпляры до единого. С курьером. Под вашу личную ответственность. Вы меня хорошо поняли? В участке не должно остаться ни одной копии.

– Так точно, сэр.

Боже! Как он это сделает? Надо будет выдрать документ у этого сукина сына О'Шонесси.

– У меня возникает странное подозрение, Кастер, что вы не до конца оцениваете серьезность положения. Открытие на Кэтрин-стрит не имеет ни малейшего отношения к расследованию какого-либо преступления. Все это принадлежит истории, а доклад судебно-медицинских экспертов является собственностью фирмы «Моген – Фэрхейвен». Это частная собственность. Они его оплатили, а останки были обнаружены на их территории. Останки, если вам это не известно, были преданы земле тихо и достойно. Похороны, которые, кстати, сопровождались религиозным обрядом, были организованы фирмой «Моген – Фэрхейвен». Дело закрыто. Вы меня все еще понимаете?

– Так точно, сэр.

– Фирма является добрым другом нашего мэра, о чем мэр позаботился сообщить мне лично. Сам мистер Фэрхейвен прилагает огромные усилия

для очередного избрания мэра. Но если мы с вами в этом деле напортачим, то мистер Фэрхейвен может утратить часть своего энтузиазма. Он может остаться в стороне или даже пойдет на то, чтобы употребить весь свой авторитет на поддержку другого кандидата.

– Понимаю, сэр.

– Вот и отлично. Теперь нам остается поймать психопата, который потрошит людей, – так называемого Хирурга. Буду весьма благодарен, Кастер, если вы посвятите все свои таланты этому делу.

Послышался щелчок, и аппарат умолк.

Кастер выпрямился в кресле и некоторое время сидел, трясясь всей своей тушей. Затем он сглотнул, унял дрожь в голосе и нажал на кнопку внутренней связи.

– Соедините меня с О'Шонесси. Используйте для этого все – радио, частоты срочного сообщения, сотовый телефон. Позвоните ему домой. Одним словом, достаньте его немедленно.

– Он в данный момент не на службе, сэр.

– Плевать мне на это. Ищите.

– Слушаюсь, сэр.

Глава 6

Нора взяла лопаточку, присела и начала выковыривать один из кирпичей старого пола. Пропитанный водой и покрытый трещинами кирпич при первом же нажиме развалился. Нора быстро извлекла обломки и принялась вытаскивать соседние кирпичи. О'Шонесси молча наблюдал за ее действиями. Они работали всю ночь и все утро. К полудню площадь раскопа уже достигла восьми квадратных метров. Несмотря на смертельную усталость, Нора хотела сама поставить последнюю точку.

Узнав об их деятельности, Пендергаст, несмотря на яростные протесты медиков, поднялся с койки и совершил путешествие на Дойерс-стрит. Теперь агент ФБР возлежал рядом с раскопом на ортопедическом матрасе, только что доставленном из ближайшего магазина медицинского оборудования. Он лежал, скрестив руки на груди и закрыв глаза, лишь изредка слегка меняя положение. Бледный в своем черном костюме, он страшно походил на покойника. Проктор, шофер Пендергаста, доставил из «Дакоты» некоторые предметы, включая небольшой стол, лампу с абажуром от Тиффани, набор лекарств и мазей, французский шоколад, а также изрядное количество книг и карт неясного содержания.

Земля под полом лаборатории Ленга была пропитана влагой и источала весьма неприятный запах. Нора очистила от кирпичей квадратный метр старинного пола и прокопала с помощью своей лопатки пробную диагональную траншею. Все, что находилось под полом, не могло быть глубоко. Копать дальше было некуда, раскоп уже почти достиг уровня грунтовых вод.

Лопатка ударилась о какой-то предмет. После нескольких минут работы метелкой на свет появился зонт девятнадцатого века. Целым в нем остался лишь скелет из китового уса. Нора расчистила пространство вокруг зонта, сфотографировала его in situ[8], затем извлекла все, что от него осталось (включая полуразложившиеся обрывки), и сложила эти остатки на лист специальной обескисленной бумаги.

– Вы что-то нашли? – спросил, не открывая глаз, Пендергаст. Тонкая длинная рука протянулась к коробке с шоколадом, извлекла оттуда одну дольку и отправила в рот.

– Остатки зонта, – ответила Нора, не прекращая работы.

Ей приходилось действовать быстро, поскольку земля в раскопе становилась все более и более похожей на жидкую грязь.

Четырнадцатью дюймами ниже в левом углу раскопа лопатка снова на что-то наткнулась. Нора начала расчищать влажную землю вокруг неизвестного предмета, но затем неожиданно отдернула руку. Она увидела коричневый свод черепа, окруженный остатками жидких волос.

Тишину нарушил отдаленный раскат грома. Гроза еще не кончилась.

Нора услышала, как вздохнул О'Шонесси.

– В чем дело? – мгновенно среагировал Пендергаст.

– Мы нашли череп.

– Продолжайте копать, если можно, – без тени удивления сказал Пендергаст.

Нора начала осторожно расчищать землю. Открылась лобная кость, за которой последовала пара глазниц, забитых скользкой и липкой массой. В ее ноздри ударил запах разложения, и девушка непроизвольно задержала дыхание. Это было совсем не похоже на чистый костяк индейца анасази, похороненного в сухом песке тысячу лет назад.

Прикрыв нос и рот футболкой, Нора продолжила раскопку. Вначале появилась часть носовой кости, в отверстии которой были видны искривленные остатки хрящевой ткани. Когда на свет появилась верхняя челюсть, под покрывающей ее грязью блеснул металл.

– Прошу вас, рассказывайте, – нарушил тишину слабый голос Пендергаста.

– Потерпите еще минуту.

Нора работала щеткой, расчищая кости лица. Как только череп очистился от земли, девушка приступила к описанию находки.

– Итак, мы имеем череп пожилого мужчины с остатками волос и части мягких тканей. Последнее, видимо, является следствием пребывания в анаэробной среде. На верхней челюсти имеются два серебряных зуба. От полного выпадения их удерживает старый мост. Ниже зубов, прямо между челюстями, я вижу очки в золотой оправе. Одна из линз очков изготовлена из непрозрачного темного стекла.

– Это означает, что вы нашли Тинбери Макфаддена, – сказал Пендергаст и, немного помолчав, добавил: – Продолжайте копать. Нам еще предстоит обнаружить Джемса Генри Персеваля и Дюмона Берли – членов лицея и коллег доктора Ленга. Тех людей, которые, к своему несчастью, пользовались полным доверием мистера Шоттама. Этим исчерпывается наш маленький кружок ученых мужей.

– Да, кстати, – сказала Нора. – Вчера вечером я кое-что вспомнила. Когда я в первый раз попросила Пака показать мне материалы Шоттама, старик походя заметил, что в последнее время Шоттам пользуется большой популярностью. Тогда я не обратила внимания на эти слова. Но после того, что произошло, я начала спрашивать себя, кто бы мог...

– ...совершить это путешествие до нас, – закончил ее мысль Пендергаст.

Неожиданно стукнула дверная ручка.

Глаза всех присутствующих обратились на дверь.

Ручка возвратилась на место и снова повернулась.

Затем кто-то забарабанил в дверь. После короткой паузы удары загремели с новой силой.

– Кто там? – спросил О'Шонесси, положив руку на кобуру.

– Что здесь происходит?! – послышался за дверью визгливый женский голос. – Откуда эта вонь? Что вы делаете? Откройте!

– Это миссис Ли, – сказала Нора, поднимаясь с корточек. – Хозяйка дома.

Пендергаст лежал как ни в чем не бывало. Он лишь раз приоткрыл глаза, но тут же снова смежил веки. Создавалось впечатление, что агент ФБР решил немного вздремнуть.

– Откройте немедленно! Чем вы там занимаетесь?!

Нора вылезла из траншеи и подошла к дверям.

– В чем дело? – спросила она, стараясь говорить как можно спокойнее.

К ней, держа револьвер наготове, присоединился О'Шонесси.

– Дело в вони! Открывайте!

– Здесь нет никакой вони, – сказала Нора. – Запах, видимо, идет откуда-то еще.

– Он идет отсюда через пол! Смердело всю ночь, а теперь, когда я вышла из квартиры, вонь стала просто невыносимой. Откройте!

– Видимо, потому, что я готовлю пищу. Я учусь на повара, но боюсь, что пока у меня с этим делом не очень...

– Еда так не пахнет! Так воняет только дерьмо! В этом доме такого еще не бывало. Я вызываю полицию! – На дверь обрушился новый град ударов.

Нора оглянулась на Пендергаста, который по-прежнему лежал с закрытыми глазами и был очень похож на усопшего. Девушка вопросительно взглянула на О'Шонесси.

– Ей нужна полиция, – пожал плечами тот.

– Но вы же не в форме.

– Зато у меня есть значок.

– И что же вы намерены ей сказать?

– Правду, естественно, – ответил О'Шонесси, прошел мимо Норы, открыл все запоры и распахнул дверь.

За порогом стояла могучая, почти квадратная дама. Когда она, бросив взгляд через плечо О'Шонесси, увидела гигантскую дыру в полу, большие кучи земли и верхнюю часть скелета на дне раскопа, ее глаза от ужаса едва не выскочили из орбит.

О'Шонесси открыл бумажник и продемонстрировал ей значок, но дама, похоже, ничего не видела. Она не могла оторвать глаз от ямы, из которой ей ухмылялся человеческий череп.

– Миссис Ли, не так ли? Я – сержант О'Шонесси из департамента полиции Нью-Йорка.

Она его не слышала. Теперь она смотрела на лежащего словно труп Пендергаста. У бедной мадам Ли от ужаса отвисла челюсть.

– В данной квартире произошло убийство, – деловым тоном продолжал сержант. – Тело было скрыто под полом. Мы проводим расследование. Я понимаю, что для вас это настоящий шок, миссис Ли, и прошу у вас прощения.

Женщина наконец заметила сержанта. Она повернулась, посмотрела ему в лицо, а затем перевела взгляд на значок и револьвер.

– Что?

– Убийство, миссис Ли. В вашем доме.

Она снова посмотрела на огромную яму. В яме под тонким слоем земли лежал скелет. А на краю раскопа с закрытыми глазами и скрещенными на груди руками покоился весьма смахивающий на свежего жмурика Пендергаст.

– А теперь, миссис Ли, я вынужден просить вас тихо удалиться к себе. Никому не говорите о том, что видели. Никуда не звоните. Запритесь на все замки и никого не впускайте до тех пор, пока вам не покажут вот это. – О'Шонесси сунул свой значок ей под нос. – Вы меня понимаете, миссис Ли?

Дама тупо кивнула, переводя взгляд с Пендергаста на скелет.

– Идите к себе. Нам нужно, чтобы еще двадцать четыре часа нас никто не тревожил. После этого, как вы понимаете, сюда прибудет большая группа полицейских. Патологоанатомы, эксперты, криминалисты. Одним словом, куча народа. После этого вы можете говорить. Но пока... – Он поднес палец к губам и театрально произнес: – Тсс...

Миссис Ли развернулась и двинулась вверх по ступеням. Она переставляла ноги медленно, словно брела во сне. Нора услышала, как наверху хлопнула дверь. После этого снова наступила тишина.

Пендергаст открыл один глаз, взглянул на Нору и О'Шонесси и сказал:

– Отлично сработано.

Девушке показалось, что на губах агента промелькнула едва заметная улыбка.

Глава 7

Когда патрульная полицейская машина с капитаном Кастером свернула на Дойерс-стрит, в глаза капитану первым делом бросилась шумная кучка репортеров. Капитан непроизвольно напрягся. Журналистов было не очень много, но зато здесь собрались самые мерзкие.

Нойс подвел машину к тротуару, и Кастер, открыв дверцу, с трудом вылез на воздух. Едва он двинулся по направлению к дому, как его начали атаковать. Самый отвратный из всей банды... как его там... Смитбум, кажется... отчаянно ругался с копом, стоящим на ступенях у входа.

– Это непорядочно! – возмущенно вопил он, а вихор на его голове смешно трясся, видимо, разделяя негодование хозяина. – Вы впустили его – и должны впустить меня!

Не обращая ни малейшего внимания на эти вопли, коп отступил в сторону, пропуская Кастера.

– Капитан Кастер! – закричал репортер. – Комиссар Рокер отказался говорить с прессой. Не могли бы вы сказать несколько слов по поводу этого дела?

Капитан не ответил. «Комиссар, – подумал он. – Комиссар собственной персоной прибыл сюда. Не надо будить спящего пса». Кастер не только разбудил пса, но и позволил тому вцепиться себе в зад. Одним словом, его ждет крепкая взбучка. И все это благодаря О'Шонесси.

Показав у дверей свой значок, капитан вошел в дом. По пятам за ним шествовал Нойс. Не теряя времени, они спустились в полуподвальную квартиру. Издалека до них все еще доносились возмущенные крики репортера.

Войдя в гостиную, Кастер первым делом увидел здоровенную яму в полу и кучи земли. В помещении суетились фотографы, медэксперты и криминалисты. Там же находился и комиссар.

Комиссар поднял глаза, увидел капитана, и на его лице промелькнуло выражение неудовольствия.

– Кастер! – сказал он и поманил полицейского пальцем.

– Слушаю, сэр, – сказал капитан, нервно сглотнув слюну. «Начинается», – подумал он и стиснул зубы.

– Поздравляю.

Кастер окаменел. Он давно усвоил, что сарказм в устах Рокера ничего хорошего не обещает.

– Простите, сэр, но все это с начала до конца было сделано без моего разрешения и без моего ведома. Я лично разбе...

Комиссар неожиданно опустил руку на плечо подчиненного и привлек его к себе настолько близко, что Кастер даже уловил запах выпитого начальством кофе.

– Кастер…

– Да, сэр.

– Молчите и слушайте, – буркнул комиссар. – Я прибыл сюда не для того, чтобы выслушивать ваши оправдания. Я здесь для того, чтобы поручить вам руководство расследованием.

Да, действительно скверный знак. Ему приходилось бывать жертвой начальственного сарказма, но такого еще никогда не было.

– Я действительно виноват, сэр… – заморгал Кастер.

– Похоже, что у вас серьезный дефект слуха, капитан, – сказал комиссар и, обняв несчастного Кастера за плечи, увлек его в глубину квартиры, подальше от единственного представителя прессы и работающих криминалистов.

– Насколько я понимаю, ваш человек О'Шонесси имеет какое-то отношение к обнаружению этих скелетов.

– Да. И он будет сурово наказан.

– Капитан, вы позволите мне закончить?

– Так точно, сэр.

– Этим утром мне дважды звонил мэр. Он в восторге.

– В восторге?

Кастер не мог понять, издевается над ним комиссар или на сей раз это не издевка, а нечто гораздо худшее.

– Именно так. В восторге. Чем сильнее внимание публики отвлекается от свежих убийств, тем больше счастлив наш мэр. Свежие убийства очень скверно действуют на его рейтинг. Благодаря этому открытию вы стали героем дня. Лучшим копом нашего времени. По крайней мере для градоначальника.

Наступила пауза, из которой следовало, что комиссар Рокер не полностью разделяет восторг мэра в отношении капитана Кастера.

– Вы все поняли, капитан? Теперь это ваше дело.

– Какое дело?

Кастер ничего не понимал. Неужели они решили приступить к официальному расследованию этих допотопных убийств?

– Дело Хирурга, естественно, – сказал Рокер, небрежно отмахнувшись от ямы с тремя скелетами. – То, что вы видите здесь, не имеет значения.

Это – сплошная археология и криминальному расследованию не подлежит.

– Так точно, сэр. Благодарю вас, сэр.

– Благодарите не меня, а мэра. Это он… м-м… предложил, чтобы вы возглавили расследование.

Рокер снял руку с плеча Кастера и заглянул в глаза капитана с таким видом, словно сильно сомневался в возможностях последнего.

– Полагаете, что справитесь? – спросил комиссар.

Чувствуя, как к нему возвращается жизнь, капитан энергично кивнул.

– Наша первоочередная задача состоит в том, чтобы снизить уровень политического урона, который понес мэр. Эти старинные убийства дают вам выигрыш во времени. День. Может быть, два. После этого в центре всеобщего внимания снова окажется Хирург. Мэру нравится, что старые преступления заинтересовали публику, мне же, если честно, это не по вкусу. Они порождают у убийцы-имитатора свежие идеи. Возбуждают его. – Ткнув большим пальцем через плечо, комиссар продолжил: – Я пригласил сюда Брайса Гарримана. Вы с ним знакомы?

– Нет.

– Парень был первым, кто сказал о появлении убийцы-имитатора. Следует постоянно держать Брайса в поле зрения.

Мы дадим ему эксклюзивное интервью, но проконтролируем то, что он напишет. Вы поняли?

– Так точно, сэр.

– Отлично. Он хороший, всегда готовый услужить парень. Брайс ждет вас в гостиной. Но помните, что беседу следует вести о старых костях. Ни слова о Хирурге и его жертвах. Публика может увязывать одно с другим, но мы не имеем на это права.

Кастер повернулся, чтобы пройти в гостиную, но Рокер его остановил:

– И еще, капитан. Как только покончите с Гарриманом, немедленно принимайтесь за расследование. Поймайте убийцу. Ведь вы не хотите, чтобы во время вашей вахты появился свежий труп? Как я уже сказал, у вас есть немного времени. Воспользуйтесь им.

– Будет исполнено, сэр.

Рокер внимательно посмотрел на капитана из-под нахмуренных бровей, буркнул что-то и жестом пригласил пройти в гостиную.

Людей там толпилось еще больше, чем несколько минут назад. Комиссар дал знак, и из тени выступил высокий стройный человек с гладко зачесанными темными волосами и в роговых очках. На человеке были твидовый пиджак, голубая оксфордская рубашка, темно-синие брюки и мокасины с кисточками.

– Мистер Гарриман, – сказал Рокер, – познакомьтесь, пожалуйста, с капитаном Кастером.

Гарриман крепко, по-мужски, пожал руку Кастеру и сказал:

– Очень рад нашей личной встрече, сэр.

Кастер, в свою очередь, сжал ладонь журналиста. Капитан инстинктивно не доверял прессе, но почтительное отношение этого молодого человека доставило ему удовольствие.

Рокер, окинув мрачным взглядом полицейского и журналиста, сказал:

– А теперь, капитан, если не возражаете, я должен вернуться в департамент.

– Понимаю, сэр, – кивнул Кастер.

Когда широкая спина комиссара уже скрывалась за дверью, перед капитаном неожиданно возник Нойс.

– Позвольте мне первым поздравить вас, сэр, – сказал сержант, протягивая руку.

Кастер потряс вялую ладонь помощника и повернулся лицом к Гарриману. Глаза журналиста за стеклами роговых очков улыбались. Вязаный галстук имел безукоризненный узел, а уголки тщательно отглаженного воротника были аккуратно пристегнуты белыми пуговичками. «Чудной, но очень полезный парень», – подумал Кастер. Ему было приятно сознавать, что эксклюзивное интервью, которое получит Гарриман, явится ударом для мерзавца, качавшего права на улице. Пока тот станет зализывать моральные раны, можно будет спокойно заняться расследованием. Кастер даже удивился тому, как быстро он осваивается со своими новыми обязанностями.

– Капитан Кастер?

– Да.

– Я могу задать вам вопрос?

– Валяйте, – ответил Кастер, сопровождая разрешение величественным жестом.

Глава 8

О'Шонесси вошел в приемную Кастера и поискал глазами Нойса. Сержант прекрасно понимал, зачем его вызвал капитан. Интересно, возникнет ли снова вопрос о проститутке и двух сотнях баксов? Жополиз поднимал эту проблему каждый раз, когда, по его мнению, О'Шонесси начинал действовать чересчур независимо. Как правило, сержанту было на это плевать. Он давно научился не обращать внимания на нытье начальства. Забавно лишь то, думал О'Шонесси, что это происходит сейчас, когда он впервые за много лет расследует дело, которое его по-настоящему волнует.

Откуда-то из-за угла с толстенной пачкой бумаг в руках неожиданно возник Нойс. Сержант жевал резинку, а его постоянно влажные губы были полуоткрыты, обнажая коричневатые зубы.

– А, это ты, – произнес он, бросил бумаги на стол, уселся в свое удобное кресло и склонился к аппарату внутренней связи.

– Он здесь, – сказал Нойс в микрофон.

О'Шонесси уселся и принялся наблюдать за Нойсом. Парень постоянно употреблял пахнущую фиалкой жевательную резинку, которую так обожают пожилые вдовы и алкоголики. Приемная капитана просто провоняла фиалкой.

Минут через десять в дверях появился Кастер. Подтянув брюки и одернув рубашку, он мотнул головой в сторону О'Шонесси, давая знак проходить в кабинет.

Сержант последовал приглашению. Капитан тяжело опустился в кресло и бросил на О'Шонесси взгляд, который должен был считаться суровым, а на самом деле был просто злобным.

– О чем ты думаешь, О'Шонесси? – Кастер покачал головой, и его обвислые щеки заколыхались из стороны в сторону, как у собаки породы бигль. – И каким местом ты думаешь, во имя Спасителя нашего Иисуса Христа, спрашиваю я тебя?

О'Шонесси промолчал.

– Гони мне доклад экспертов.

– Нет.

– Как прикажешь тебя понимать?

– Доклада у меня нет. Я передал его специальному агенту Пендергасту.

Капитан целую минуту молча пожирал сержанта взглядом.

– Ты отдал доклад этому уроду?

– Так точно, сэр.

– Могу я спросить, почему?

О'Шонесси ответил не сразу. Ему меньше всего хотелось, чтобы его отстранили от дела. Сержанту нравилось работать с Пендергастом. Очень нравилось. Впервые за много лет он по ночам лежал, вперясь в потолок и размышляя о том, как лучше решить эту головоломку. Однако задницу этому идиоту он целовать не станет. Придется ломать комедию.

– Об этом меня попросил Пендергаст. Ему нужна была информация для проведения расследования. Вы сами приказали мне помогать ему, и я это делаю.

Щеки капитана снова задрожали.

– Мне казалось, О'Шонесси, что я ясно дал тебе понять – ты должен был не помогать ему, а делать вид, что помогаешь.

О'Шонесси попытался изобразить удивление.

– Боюсь, что я не совсем вас понимаю, сэр.

Капитан с ревом вскочил с кресла.

– Ты отлично, дьявол тебя побери, понимаешь, о чем я говорю!

Теперь О'Шонесси пришлось разыграть недоумение.

– Никак нет, сэр. Не понимаю.

Щеки капитана от ярости пришли в неистовое движение.

– О'Шонесси, ты маленький грязный… – Кастер замолчал и сглотнул, пытаясь унять свои эмоции. Над его жирной верхней губой выступили капельки пота. – Я отправляю тебя в административный отпуск.

Проклятие!

– На каком основании, сэр?

– Не прикидывайся идиотом. Ты прекрасно знаешь, на каком. Отказ повиноваться прямым приказам. Левая работа на агента ФБР, подрыв авторитета полиции. Об участии в раскопках на Дойерс-стрит я даже не говорю.

О'Шонесси прекрасно знал, что открытие на Дойерс-стрит явилось для Кастера манной небесной. Находка старых костей временно облегчила положение мэра, и тот в знак благодарности поставил Кастера во главе расследования.

– В работе по связи со специальным агентом Пендергастом я, сэр, строго следовал установленному порядку.

– Ни черта ты не следовал! Ты держал меня в полном неведении, несмотря на твои дурацкие рапорты. Ты, клянусь потрохами нашего Спасителя Иисуса Христа, прекрасно знал, что я не стану читать твою писанину. Ты получил доклад в обход меня. Я, О'Шонесси, открыл для тебя здесь самые широкие возможности, а ты в знак благодарности окунул меня в дерьмо.

– Я направлю жалобу в профсоюз, сэр. И кроме того, должен официально заявить, что я католик и непристойное упоминание имени нашего Спасителя глубоко меня оскорбило.

От изумления у капитана отвисла челюсть. О'Шонесси понял, что Кастер вот-вот окончательно потеряет контроль над собой.

Однако этого не случилось. Кастер хрюкнул, сжал и разжал кулаки и пропищал:

– Валяй, обращайся в свой союз, и мы посмотрим, что из этого выйдет. И перехристосить меня, лицемерный мерзавец, тебе тоже не удастся! Я сам регулярно хожу в церковь. А теперь выкладывай свой значок и пушку и отправляйся в свое логово варить картошку с капустой. Ты находишься в административном отпуске до тех пор, пока не будут получены результаты расследования отдела внутренней безопасности. Еще одного расследования. А на слушании твоей жалобы в союзе я потребую, чтобы тебя вышибли из полиции. Полагаю, что с учетом твоего прошлого доказать необходимость подобного шага будет несложно.

О'Шонесси понимал, что это не пустая угроза. Он снял с пояса револьвер, достал значок и положил их на стол.

– Это все, сэр? – как можно более холодно спросил сержант и получил некоторое удовлетворение, увидев, что лицо капитана снова налилось яростью.

– Ты спрашиваешь, все ли это? Тебе что, мало? Советую тебе, О'Шонесси, начинать готовить резюме для поступления на новую работу. Да, кстати, я знаю, что «Макдональдс» в Южном Бронксе подыскивает охранника для работы в ночную смену. Думаю, для тебя это будет в самый раз.

* * *

Когда О'Шонесси уходил, он заметил, что Нойс провожает его полным злорадного удовлетворения взглядом.

Когда О'Шонесси вышел из дверей участка, его ослепил яркий солнечный свет, и он остановился на ступенях. Сколько раз он спускался по этим ступеням, отправляясь в очередное бессмысленное патрулирование, или поднимался по ним, чтобы заняться столь же бессмысленной переборкой ненужных бумаг. О'Шонесси вдруг с удивлением обнаружил, что испытывает сожаление, несмотря то что вот уже много лет культивировал в себе чувство безразличия ко всему, что связано с работой. Пендергасту теперь придется вести дело без него. О'Шонесси вздохнул, пожал плечами и стал спускаться по ступеням. Его карьере пришел конец, и скорбеть по этому поводу он не намерен.

Сержант очень удивился, увидев у тротуара знакомый «роллс-ройс». Невидимая фигура на заднем сиденье распахнула дверцу, и О'Шонесси, подойдя к автомобилю, сунул голову внутрь.

Пендергаст откинулся на кожаную подушку и спросил:

– По поводу доклада?

– Да. И дело еще сильнее усугубила моя ошибка пятилетней давности.

– Чрезвычайно неприятно. Прошу вас извинить меня за ту роль, которую я сыграл в этом столь печальном для вас деле. Однако, пожалуйста, садитесь. У нас мало времени.

– Вы разве не слышали, что я сказал?

– Слышал. Но теперь вы работаете на меня.

О'Шонесси не знал, что сказать.

– Все устроено самым лучшим образом, – сказал Пендергаст. – Пока мы здесь говорим, завершаются последние формальности. Время от времени мне требуются... м-м... консультанты. – Пендергаст похлопал по стопке лежащих рядом с ним бумаг и продолжил: – Здесь все сказано. Вы сможете подписать их в машине. Сейчас мы заскочим в отделение ФБР, вас сфотографируют, и вы получите удостоверение. Это, к сожалению, хуже, чем значок, но действует почти так же.

– Простите, мистер Пендергаст, но вы должны знать, что они открывают против меня...

– Мне все известно. Прошу вас, садитесь.

О'Шонесси влез в машину и закрыл за собой дверь. У него слегка кружилась голова.

– Прочитайте, пожалуйста, – сказал Пендергаст, показывая на бумаги. – Надеюсь, что вы там не обнаружите никаких неприятных сюрпризов.

Пятьдесят долларов в час, с гарантированным минимумом тридцать часов в неделю. Кроме того, бонусы и все остальное.

– Но почему вы это делаете?

Пендергаст ласково взглянул на сержанта и сказал:

– Я сделал это, поскольку вижу, что вы поднялись до уровня стоящих перед нами задач. Мне нужен человек, имеющий мужество отстаивать свои убеждения. Я видел, как вы работаете. Вы знакомы с улицей и можете говорить с людьми так, как я говорить не умею. Вы – один из них. Я же – нет. Кроме того, одному мне с этим делом не справиться. Мне нужен человек, который знает, как можно обойти византийские хитросплетения департамента полиции Нью-Йорка. Имеет значение и то, что вам не чуждо сострадание. Ведь я видел ту злосчастную пленку. А мне очень скоро понадобится сострадание.

О'Шонесси (голова у него все еще шла кругом) потянулся было к бумагам, но тут же отдернул руку и сказал:

– Я приму ваше предложение, но только при одном условии. Вам об этом деле известно гораздо больше, чем вы говорите. А я не желаю бродить в потемках.

– Вы совершенно правы, – кивнул Пендергаст. – Настало время поговорить. Мы займемся этим, как только вы закончите с бумагами. Вас такой порядок устроит?

– Вполне.

О'Шонесси взял бумаги и быстро их просмотрел.

– На Федерал-плаза, Проктор, – сказал Пендергаст, обращаясь к шоферу. – И побыстрее, пожалуйста.

Глава 9

Нора остановилась перед глубокой, обрамленной резьбой каменной аркой. Хотя камень был совсем недавно почищен, готический вход во двор выглядел очень старым и неприветливым. Он чем-то напомнил Норе о «Вратах предателей» лондонского Тауэра. Ей показалось, что она вот-вот увидит выступающие из свода острые зубья железной опускающейся решетки, глаза арбалетчика, наблюдающего за ней через узкую амбразуру и котлы с кипящей смолой.

Перед низкой металлической решеткой рядом с прилегающей к арке стеной Нора увидела огарки свечей, лепестки цветов и старые фотографии в рамках с разбитым стеклом. Все это походило на какое-то святилище. Девушка не сразу вспомнила, что именно под этой аркой был застрелен Джон Леннон. Здесь же неподалеку получил удар ножом

и Пендергаст. Нора подняла глаза. Над ней высилось массивное здание «Дакоты». Готический фасад дома был украшен многочисленными вимпергами и каменными резными фигурами. Над мрачными, покрытыми тенями башнями клубились темные облака. «Чудное местечко для обитания», – подумала Нора.

Девушка внимательно огляделась по сторонам. После погони в архиве у нее вошло в привычку соблюдать максимальную осторожность. Не заметив никаких явных признаков опасности, она двинулась к арке. Рядом с аркой в большой будке из бронзы и стекла стоял охранник. Высокий и неподвижный, он чем-то напоминал часового у Букингемского дворца. Охранник равнодушно взирал на Семьдесят вторую улицу, словно не замечая присутствия Норы. Но как только она вступила под свод арки, страж в мгновение ока оказался на ее пути – вежливый, но непреклонный.

– Чем могу вам помочь? – без тени улыбки спросил он.

– У меня назначена встреча с мистером Пендергастом.

– Ваше имя?

– Нора Келли.

Охранник кивнул, словно ожидал ее появления.

– Юго-западный вестибюль, – сказал он и отступил в сторону, давая ей пройти.

Шагая под аркой во внутренний двор, Нора заметила краем глаза, что страж вернулся в будку и поднял трубку телефона.

В кабине лифта стоял запах старой кожи и полированного дерева. Лифт поднялся на несколько этажей и неторопливо остановился. Дверь кабины скользнула в сторону, и Нора увидела Пендергаста. Приглушенный свет создавал вокруг его изящной фигуры призрачное гало.

– Чрезвычайно польщен вашим приходом, доктор Келли, – ласковым тоном сказал Пендергаст и отошел, пропуская девушку в свое жилище. Произнесено это было как всегда – с подчеркнутой вежливостью, но на сей раз слова приветствия прозвучали как-то устало или даже мрачно. «Все еще не выздоровел», – подумала Нора.

Пендергаст казался ей бледнее, чем обычно, если подобное было вообще возможно. И без того чрезмерно изящный, он осунулся еще больше.

Переступив через порог, Нора оказалась в комнате с очень высоким потолком, но без окон. Три стены были выкрашены в темно-розовый цвет с широкими черными полосами вдоль пола и потолка. Четвертая

стена была целиком сложена из черного мрамора. По всей ее ширине струилась вода, негромко побулькивая в бассейне с плавающими в нем цветами лотоса. Помещение полнилось приятным звуком струящейся воды, и в нем витал аромат цветов. Неподалеку от бассейна располагались два черных лаковых столика, на одном из них произрастали бонсей – карликовые клены. На другом столике в прозрачном пластиковом кубе на изящном треножнике покоился кошачий череп. Подойдя ближе, Нора поняла, что череп на самом деле был искусно вырезан из одного куска китайского нефрита. Перед ней находилось произведение самого высокого искусства – работа была настолько тонкой, что на темном фоне камень казался почти прозрачным.

На стоящей тут же кожаной софе восседал сержант О'Шонесси собственной персоной. Он то и дело закидывал ногу на ногу, постоянно меняя конечности. По всему было видно, что сержант ощущает себя не вполне комфортно.

Пендергаст закрыл дверь и заскользил к Норе, заложив руки за спину.

– Могу ли я вам что-нибудь предложить? Минеральной воды? Ликера? Хереса?

– Спасибо. Ничего не надо.

– В таком случае прошу извинить меня на несколько секунд, – сказал Пендергаст и скрылся через едва заметную дверь в одной из розовых стен.

– Прекрасное место, – заметила Нора.

– Вы не видели и половины. Интересно, откуда у него столько бабок?

– Билл Сми… один из моих бывших знакомых говорит, что слышал о старых семейных капиталах. Фармацевтический бизнес или что-то в этом роде.

– Хм-м…

После этого они погрузились в молчание, вслушиваясь в шепот воды. Через несколько минут дверь снова открылась, и появился Пендергаст.

– Не могли бы вы оба проследовать за мной? – спросил он.

Нора и О'Шонесси прошли через дверь, а затем по длинному затененному коридору. Большинство выходящих в него дверей было закрыто, но Нора успела увидеть библиотеку, заполненную переплетенными в кожу томами. В библиотеке находился музыкальный инструмент из розового дерева, очень похожий на клавесин. На стенах другой, довольно узкой комнаты, двери в которую стояли открытыми,

висели четыре или пять полотен маслом в тяжелых золоченых рамах. Третье помещение не имело окон, стены там были из рисовой бумаги, а на полу лежали татами и многочисленные маты. Комната была огромной и поэтому казалась совершенно пустой. Освещение всех помещений, которые успела увидеть Нора, оставляло желать лучшего. Наконец Пендергаст привел их в зал с высоким потолком и стенами, облицованными резными панелями из черного дерева. В дальнем конце зала находился прекрасно декорированный камин, а три огромных окна смотрели на Центральный парк. Всю правую стену помещения занимала подробнейшая карта Манхэттена, каким тот был в девятнадцатом веке. В центре комнаты стоял большой стол, на котором лежали полусгнивший зонт, прокомпостированный билет надземки, кусок угля и осколки стекла.

Стульев в комнате не имелось, поэтому Нора встала чуть в стороне, а Пендергаст принялся ходить вокруг стола, не сводя глаз с лежащих на нем предметов. Агент ФБР чем-то напоминал акулу, кружащую вокруг намеченной жертвы. Наконец он остановился и посмотрел вначале на нее, а затем на О'Шонесси. В обращенном на нее взгляде Нора увидела не просто внутреннее напряжение, а какую-то одержимость, и это ее слегка встревожило.

Пендергаст повернулся лицом к карте, заложил руки за спину и некоторое время молча на нее смотрел. Затем он заговорил, – заговорил негромко и задумчиво, словно обращался к самому себе:

– Нам известно, где работал доктор Ленг. И теперь следует найти ответ на более трудный вопрос. Где он жил? В какой части этого многолюдного острова скрывался наш добрый доктор?

Благодаря доктору Келли мы имеем важные ключи, которые позволяют сузить круг наших поисков. Обнаруженный вами билет, доктор Келли, был закомпостирован на Вестсайдской линии надземной железной дороги. Поэтому мы вправе предположить, что доктор Ленг обитал где-то на западе острова. – Пендергаст повернулся к карте и с помощью красного фломастера провел с севера на юг линию вдоль Пятой авеню. – Находящиеся в углях примеси всегда имеют уникальный характер и зависят от места, где топливо было добыто. Этот уголь был доставлен с давно заброшенных шахт из района Хаддон-филд в штате Нью-Джерси. Поставками данного угля в Манхэттене занималась лишь одна компания – «Кларк и сыновья». Эта фирма обслуживала территорию между Сто десятой и Сто тридцать девятой улицами. – Пендергаст провел поперек острова две красные линии – одну по Сто десятой, а другую по Сто тридцать девятой улице. – А теперь взглянем на зонт. Его покрытие изготовлено из шелка. Шелковая ткань лишь на ощупь представляется гладкой, но, взглянув в микроскоп, вы увидите, что она имеет неровную, почти ворсистую текстуру. Во время дождя шелк

захватывает различные частицы, и в частности пыльцу растений. Микроскопический анализ остатков ткани показал, что в ней в значительном количестве присутствует пыльца болотных и любящих влагу растений. Сейчас этих представителей флоры можно увидеть во всех низменных и увлажненных частях Манхэттена, однако в девяностых годах девятнадцатого века ареал их распространения ограничивался районами, примыкающими к берегам Гудзона.

Пендергаст провел линию по Бродвею и, обведя прилегающий к этой линии небольшой район, продолжил:

– Исходя из всего изложенного мы не ошибемся, если предположим, что доктор Ленг жил к западу от этой линии, не более чем в одном квартале от Гудзона.

Он завинтил колпачок фломастера и, посмотрев на Нору и О'Шонесси, спросил:

– Есть ли у вас какие-либо замечания по этому поводу?

– Да, есть, – сказала Нора. – Вы заявили, что «Кларк и сыновья» поставляли уголь только в этот район. Если это так, то возникает вопрос, каким образом обнаруженный нами кусок оказался так далеко от предполагаемого дома доктора Ленга?

– Ленг хранил месторасположение своей лаборатории в тайне и не мог позволить, чтобы кто-то доставлял туда уголь. Думаю, что он приносил небольшие партии угля из своего дома.

– Понимаю.

– Что еще? – не сводя с нее глаз, спросил Пендергаст.

Нора промолчала.

– В таком случае, – продолжил Пендергаст, – мы вправе предположить, что доктор Ленг жил на Риверсайд-драйв или на одной из боковых улиц между Бродвеем и Риверсайд-драйв. Здесь мы и сосредоточим наши поиски.

– Но в таком случае речь идет по меньшей мере о тысяче домов или квартир, – вмешался О'Шонесси.

– Одной тысяче трехстах пяти, если быть точным. И теперь мы должны обратиться к осколкам стекла.

Пендергаст еще раз обошел вокруг стола, а затем пинцетом поднял один из осколков и посмотрел его на свет.

– Я провел химический анализ осадка на стекле. Посуда была тщательно промыта, но современные методы исследования позволяют определить характер субстанции при содержании в одну триллионную. На стекле удалось обнаружить набор весьма любопытных химических веществ. Те же самые вещества я нашел на осколках, изъятых из захоронения на Кэтрин-стрит. Весьма устрашающая смесь, если разложить ее на составляющие элементы. В частности, там содержался алюмофосфоцианат – довольно редкое органическое соединение, ингредиенты которого в период между тысяча восемьсот девяностым и тысяча девятьсот восемнадцатым годами можно было приобрести лишь в ограниченном числе аптек. А ведь именно в то время, насколько нам известно, Ленг пользовался своей лабораторией в Южном Манхэттене. Сержант О'Шонесси оказал нам большую любезность, выявив круг этих аптек и их местонахождение.

Пендергаст отметил фломастером пять точек на карте и продолжил:

– Предположим для начала, что доктор Ленг приобретал химикаты в наиболее удобном месте. Как вы видите, вблизи лаборатории нет ни одной аптеки, поэтому выдвинем гипотезу, согласно которой добрый доктор покупал необходимые ингредиенты где-то рядом со своим жилищем. В таком случае мы сразу исключаем две точки в Ист-Сайде. Теперь остаются лишь три интересующих нас объекта в Вест-Сайде. Но одна из аптек находится слишком далеко к югу, поэтому исключим и ее. – Пендергаст поставил красные кресты на трех точках из пяти и продолжил: – Остаются еще две. Возникает вопрос – в какой же из них?

Его вопрос в очередной раз был встречен гробовым молчанием. Пендергаст вернул осколок стекла на место и, снова обойдя вокруг стола, остановился у карты.

– Ответ будет таковым: ни в одной.

Немного выждав и не дождавшись реакции со стороны слушателей, Пендергаст приступил к пояснениям:

– Дело в том, что алюмофосфоцианат – вещество весьма опасное, и покупающий его человек может привлечь к себе внимание. Поэтому предложим иную гипотезу, суть которой состоит в том, что доктор Ленг приобретал химикаты на максимальном удалении от своих охотничьих угодий, места постоянного обитания и музея. Одним словом, в том месте, где его никто не сможет узнать. И такое место есть. Оно находится на Восточной Двенадцатой улице и называется «Аптекарь Нового Амстердама». – Он обвел фломастером одну из точек и сказал: – Вот здесь Ленг покупал химикаты.

С этими словами Пендергаст развернулся и начал расхаживать туда-сюда вдоль стены с картой.

– Нам фантастически повезло, поскольку «Аптекарь Нового Амстердама» по странному стечению обстоятельств функционирует и в наше время. Там могут быть записи и даже какие-то остаточные воспоминания, и я попросил бы вас провести расследование, – сказал он, обращаясь к О'Шонесси. – Навестите это заведение и проверьте их старые книги. В случае необходимости поищите старичков, которые провели всю жизнь в этой округе. Одним словом, действуйте так, словно ведете полицейское расследование.

– Хорошо, сэр.

После короткой паузы снова заговорил Пендергаст:

– Я убежден, что доктор Ленг не жил ни на одной из боковых улиц между Бродвеем и Риверсайд-драйв. Он обитал на самой Риверсайд-драйв.

– Откуда вам известно, что Ленг жил именно там?

– Все самые лучшие дома располагались вдоль Риверсайд-драйв. Вы еще можете их там увидеть. Некоторые из них заброшены, часть раздроблена на крошечные квартиры, но они все еще там. Во всяком случае, большинство. Неужели вы верите в то, что Ленг обитал на боковой улице, где селился средний класс? У этого человека было огромное состояние. Я много думал об этом в последнее время и решил, что он ни за что не поселился бы в доме, вид из которого могла бы блокировать будущая постройка. Он наверняка предпочитал свет, свежий воздух и прекрасный вид на реку. Вид, который никогда не будет от него отгорожен. Я в этом абсолютно уверен.

– Но почему? – не сдавался О'Шонесси.

И вдруг Нора все поняла.

– Да потому, что рассчитывал жить там долго. Очень, очень долго.

После этих слов в просторной прохладной комнате долго висело молчание. Затем по лицу Пендергаста разлилась совершенно нетипичная для него широкая улыбка.

– Браво, – сказал он, подошел к карте и провел жирную красную линию вдоль Риверсайд-драйв от Сто тридцать девятой до Сто десятой улицы. – Вот здесь мы станем искать доктора Ленга.

В комнате снова повисло долгое неловкое молчание.

– Вы, очевидно, имеете в виду дом доктора Ленга? – спросил наконец О'Шонесси.

– Нет, – решительно ответил Пендергаст. – Я имею в виду самого доктора Ленга.

Конский хвост

Глава 1

Уильям Смитбек-младший мощно вздохнул и опустился на изрядно потертое деревянное кресло в кабинке таверны «Камень Бларни». Таверна располагалась напротив южного входа в Американский музей естественной истории и с незапамятных времен являлась излюбленным местом сборищ сотрудников музея. Музейщики в своей среде именовали таверну «Кости». Столь странное название таверна получила из-за мании владельца украшать костями каждое свободное место своего заведения. Музейные острословы утверждали: если полиция изымет эти украшения для исследования, половина дел, связанных с исчезновением людей в Нью-Йорке, будет тут же закрыта.

Несколько лет назад Смитбек проводил здесь долгие вечера, сочиняя с помощью забрызганного пивом портативного компьютера свои замечательные книги об убийствах в музее и побоище в подземке. Это место всегда было для него домом вне дома – убежищем, где можно было скрыться от всех земных передряг. Но в этот вечер даже «Кости» не могли привести его в хорошее расположение духа. Смитбек припомнил высказывание, которое он где-то вычитал. Речь шла о выпивке: «Жажда была настолько сильной, что покрывала весь мир тенью». Примерно так ощущал себя и Смитбек.

Это, вне сомнения, была самая отвратная неделя в его жизни. Ужасная ссора с Норой, бесполезное интервью с Фэрхейвеном и фитиль, который ему вставила эта вонючая газетенка «Нью-Йорк пост». А если быть честным, то не один фитиль, а два. И сделал это не кто иной, как его вечная Немезида Брайс Гарриман. Первый раз после убийства туристки в Центральном парке и вторично – в связи с костями, откопанными на Дойерс-стрит. Этот сюжет должен был принадлежать ему. По какому праву полиция дала эксклюзивное интервью этому ничтожному Гарриману? А он, Смитбек, репортер «Нью-Йорк таймс» и известный писатель, не смог получить информацию даже от своей близкой подруги. Мысль о том, что его держали на улице в обществе литературных поденщиков, в то время как Гарримана ждал королевский прием, выводила Смитбека из себя... Жажда становилась просто нестерпимой.

К нему, являя собой воплощение услужливого внимания, подошел официант. Рожу этого типа Смитбек уже давно знал почти как свою.

– Как обычно, мистер Смитбек?

– Нет. Имеется ли в этом заведении «Глен Грант» пятидесятилетней выдержки?

– Тридцать пять долларов порция, – страдальческим тоном произнес официант.

– Тащите. Поскольку я сегодня ощущаю себя старцем, я хочу выпить чего-нибудь, что соответствует моему возрасту.

Официант исчез в дымном полумраке, а Смитбек взглянул на часы и раздраженно осмотрел зал. Он опоздал на десять минут, но О'Шонесси опаздывал еще больше. Людей, которые опаздывали больше, чем он сам, журналист ненавидел почти так же, как и тех, кто приходил вовремя.

Из клубов табачного дыма материализовался официант с коньячной рюмкой, заполненной примерно на дюйм жидкостью янтарного цвета. Он благоговейно поставил сосуд перед Смитбеком и удалился.

Смитбек поднял бокал, слегка повращал его под носом и вдохнул аромат ячменя, дыма и воды, которая, по утверждению шотландцев, пробивалась на поверхность через гранит горных районов их обожаемой Шотландии. Чувствовал он себя уже гораздо лучше. Поставив бокал на стол, он взглянул на стойку бара, за которой орудовал сам хозяин заведения. В этот момент открылась находящаяся рядом со стойкой дверь, и в таверну вошел О'Шонесси. Смитбек помахал копу рукой, стараясь не замечать его дешевый костюм из полистирола. Несмотря на тусклый свет и клубы сигарного дыма, было видно, как поблескивает ткань пиджака. И как только уважающие себя люди могут носить подобные одеяния?

– А вот и оно, – произнес Смитбек, имитируя сильный ирландский акцент.

– Что точно, то точно, – в тон ему ответил О'Шонесси и проскользнул в глубину кабинки.

Словно по мановению волшебного жезла перед ними возник официант. Почтительно склонив голову, он ждал заказа.

– То же, что и мне, – сказал Смитбек и добавил: – Вы знаете, то, двенадцатилетнее.

– Да, конечно, – ответил официант.

– А что это? – поинтересовался О'Шонесси.

– «Глен Грант». Чистое, не прошедшее купаж шотландское виски. Лучше его в мире ничего нет. Я плачу.

– Как смеешь ты, проклятый оранжист-пресвитерианин, предлагать моей католической глотке подобное пойло, – осклабился О'Шонесси. – Пить подобную дрянь – почти то же самое, что слушать Верди в переводе. Я предпочитаю «Пауэрс».

– Это дерьмо? – театрально содрогнувшись, продолжил игру Смитбек. – Поверь, ирландское виски для питья не годится, оно подходит лишь для промывки двигателей.

Официант исчез, но тут же появился с еще одной коньячной рюмкой.

О'Шонесси взял бокал, понюхал его содержимое, скривился, чуть-чуть отпил и буркнул:

– Пить можно.

Пока они молча потягивали виски, Смитбек незаметно поглядывал на сидящего против него полицейского. Несмотря на то что О'Шонесси получил от него гору материалов на Фэрхейвена, сам он ничего взамен не имеет. Тем не менее коп ему нравился. О'Шонесси относился к жизни с циничностью фаталиста, и Смитбек его очень хорошо понимал.

По прошествии некоторого времени Смитбек откинулся на спинку кресла и спросил со вздохом:

– Ну и чего же мы имеем новенького?

– Меня уволили, – печально ответил О'Шонесси.

– Когда? За что? – мгновенно выпрямился Смитбек.

– Вчера. Если быть точным, то пока еще не уволили. Выгнали в административный отпуск и начинают расследование. Но это строго между нами, – сказал О'Шонесси, подняв на собеседника глаза.

– Само собой, – ответил журналист и снова откинулся на спинку.

– Слушание назначено на следующую неделю, но дело, похоже, уже решено.

– Но за что? Работа налево?

– Кастер мочится кипятком. Вытащил на свет одну старую историю. Припомнил мне взятку пятилетней давности. В сочетании с обвинением в неподчинении и невыполнении приказов этого будет вполне достаточно, чтобы вышибить меня из полиции.

– Толстозадый мерзавец, – заметил Смитбек.

Они снова замолчали.

«Еще один потенциальный источник информации отправился к дьяволу, – подумал Смитбек. – Жаль. Он порядочный парень».

– Теперь я работаю на Пендергаста, – очень тихо произнес О'Шонесси, покачивая в руке бокал.

Эта новость потрясла Смитбека гораздо больше, чем сообщение об увольнении.

– На Пендергаста? Каким образом?

Может быть, дела обстоят не так уж и плохо?

– Робинзону понадобился Пятница. Человек, который будет топать для него по улицам. По крайней мере он так говорит. Завтра я должен буду отправиться в Гринвич-Виллидж, понюхать в лавчонке, где, по мнению Пендергаста, Ленг покупал химикаты.

– Боже!

Дело принимало весьма любопытный оборот. Работая на Пендергаста, О'Шонесси не связан правилами департамента полиции, обязывающими хранить тайну следствия. Может быть, теперь получать информацию будет даже легче, чем раньше.

– Вы мне сообщите, если обнаружите что-то любопытное?

– В зависимости от обстоятельств.

– Каких именно?

– Если вы для нас кое-что сделаете.

– Боюсь, что я вас не понял.

– Ведь вы же репортер и проводите расследования, не так ли?

– Расследование – моя вторая натура. Но почему вам, парни, вдруг потребовалась моя помощь? – спросил Смитбек и, посмотрев в сторону, добавил: – И что скажет Нора, когда узнает, что я работаю в одной команде с ней?

– Она об этом ничего не узнает. Так же как и Пендергаст.

Смитбек удивленно посмотрел на О'Шонесси, но тот, судя по его виду, не собирался вдаваться в детали. «Вынудить этого парня говорить не удастся, – подумал Смитбек. – Будем ждать, когда он сам созреет для этого».

– Как вам понравилось мое досье на Фэрхейвена? – спросил журналист, меняя тему.

– Толстое. Очень толстое. Спасибо.

– Боюсь, правда, что там масса ненужного дерьма.

– Пендергаст, похоже, доволен. Попросил меня вас с этим поздравить.

– Пендергаст – хороший человек, – осторожно заметил журналист.

О'Шонесси кивнул, отпил виски и сказал:

– Но при этом постоянно создается впечатление, что он знает гораздо больше, чем говорит. А затем он буквально из ниоткуда бросает в вас бомбу. И вот как раз здесь вы и можете принести пользу, – чуть прищурившись, закончил О'Шонесси.

Ага, наконец-то.

– Я?

– Я хочу, чтобы вы слегка ковырнули землю. Поискали бы для меня кое-что. – О'Шонесси замолчал и после длительной паузы неуверенно продолжил: – Мне кажется, что ранение, которое он получил, отразилось на его здоровье гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Видимо, слегка повредившись умом, он выдвинул безумную теорию. Настолько безумную, что я едва от него не сбежал.

– Неужели? – небрежно бросил Смитбек и, пытаясь скрыть свой интерес, отпил виски. Журналист прекрасно знал, какой оборот неожиданно принимают «самые безумные» теории Пендергаста.

– Точно. Вообще-то мне это дело нравится, и я вовсе не хочу его бросать. Но я не могу обслуживать сумасшедшие идеи.

– Это я уже понял. Ну и в чем же суть безумной теории Пендергаста?

На сей раз О'Шонесси молчал значительно дольше. В его душе явно развернулась сильная борьба.

«Придется разориться еще на одну выпивку», – стиснув зубы, подумал Смитбек и знаком позвал официанта.

– Еще по одному, – сказал он, когда официант подошел.

– Мне «Пауэрс», – сказал О'Шонесси.

– Как вам угодно. Плачу по-прежнему я.

– Как идет газетный бизнес? – поинтересовался О'Шонесси, когда официант принес заказ.

– Вшиво. «Нью-Йорк пост» меня обскакала. Причем дважды.

– Я это заметил.

– Здесь, Патрик, вы могли бы мне помочь. Ваш звонок о находке на Дойерс-стрит был по делу, но они не впустили меня в дом.

– Мое дело известить, а уж как протащить свою задницу в дом было вашей заботой.

– Каким образом Гарриману удалось получить эксклюзивное интервью?

– Я не в курсе. Мне лишь известно, что они вас ненавидят. Считают, что вы спровоцировали появление убийцы-имитатора.

– Боюсь, что из газеты меня теперь вышибут, – печально покачал головой Смитбек.

– Ну не за прокол же?

– За два прокола. Не будьте таким наивным, Патрик. Журналистика – бизнес кровососов. Или ты сосешь кровь, или кровь сосут у тебя. – Эта метафора не передавала целиком то, что хотел сказать журналист, но все же давала беседе нужное направление.

– Совсем как в моем деле, – невесело рассмеялся О'Шонесси. – И я теперь знаю, что значит быть уволенным, – печально закончил он.

«Пора нажать», – подумал Смитбек и, склонившись к собеседнику, произнес с заговорщицким видом:

– Итак, в чем же состоит теория Пендергаста?

О'Шонесси, видимо, принял решение. Отпив виски, он произнес:

– Если я вам скажу, то вы должны будете использовать все свои возможности, чтобы проверить, есть ли шансы на то, что эта теория может соответствовать истине. Согласны?

– Конечно. Сделаю все, что в моих силах.

– И держите все сведения при себе. Никаких статей. По крайней мере пока.

Это было уже хуже, но Смитбек все же сумел утвердительно кивнуть.

– Верю, – сказал О'Шонесси. – Тем более что ее все едино не опубликуют. Газета не захочет стать всеобщим посмешищем.

– Понимаю, – кивнул Смитбек, которому стало почему-то казаться, что его дела идут совсем неплохо.

– Пендергаст считает, что Ленг до сих пор жив, – глядя в глаза журналисту, произнес О'Шонесси. – Думает, что этот парень сумел все-таки продлить свою жизнь.

Сердце Смитбека ухнуло в живот. Такого разочарования он давно не испытывал.

– Но это же чистое безумие, Патрик! Полный абсурд!

– А я что говорю?

На Смитбека накатила волна отчаяния. Это было даже хуже, чем ничего. У Пендергаста явно поехала крыша. Все хорошо знают, что действует убийца, копирующий старинные преступления. Прошло сто тридцать лет, а Ленг, значит, еще жив?! Чушь! Статья, о которой он думал, исчезала в голубой дали.

– Но почему он так решил?

– Пендергаст считает, что скелеты на Дойерс-стрит, останки с Кэтрин-стрит и труп Дорин Холландер имеют совершенно идентичные повреждения.

– Выходит, что Ленг убивал все это время? – покачал головой Смитбек. – Все сто тридцать лет?

– Да, так думает Пендергаст. И это еще не все. Он считает, что парень живет где-то на Риверсайд-драйв.

Некоторое время Смитбек молча играл коробкой спичек. «Пендергасту, видимо, пора хорошенько отдохнуть», – думал он.

– Пендергаст попросил Нору просмотреть старые сделки с недвижимостью, чтобы установить, какие дома не были отданы под квартиры, а также попытаться выяснить, какая собственность в районе Риверсайд-драйв за последние сто с лишним лет не проходила по завещаниям. Одним словом, сделать все, чтобы напасть на след Ленга.

«Полная потеря времени, – думал Смитбек, приканчивая ставшее вдруг безвкусным виски. – Что произошло с Пендергастом?»

– Не забудьте о своем обещании. Копните это дело. Изучите старые некрологи, просмотрите подшивки «Таймс». Попытайтесь найти хоть какие-нибудь крохи, подтверждающие безумные идеи Пендергаста.

– Да, да, – успокоил своего собеседника Смитбек, горько сожалея о своем обещании.

Все это означало лишь новую потерю времени.

– Спасибо, – с видимым облегчением сказал О'Шонесси. Смитбек опустил спички в карман, осушил бокал и поманил официанта.

– Сколько я вам должен?

– Девяносто два доллара, – грустным тоном произнес официант.

Чека, как всегда, не было. Смитбек не сомневался, что большая часть бабок отправится в карман этого человека.

– Девяносто два доллара! – воскликнул О'Шонесси. – Сколько же вы успели выпить до моего появления?

– Все хорошее в жизни не дается задарма, Патрик, – с похоронным видом ответил Смитбек. – И это в полной мере относится к чистому виски – тому, что называется «Сингл Молт».

– Вспомните о бедных, умирающих от голода детишках.

– А как быть с умирающими от жажды журналистами? В следующий раз будете платить вы. Если вы снова явитесь с какой-нибудь безумной теорией, то я вас просто разорю.

– Я же с самого начала говорил, что у Пендергаста поехала крыша. А выпивку я оплачу, если вы согласитесь пить «Пауэрс». Ни один нормальный ирландец ни за что не будет оплачивать подобные счета. Только шотландцы способны столько требовать за выпивку.

* * *

Смитбек свернул на Коламбус-авеню. Теория Пендергаста была, конечно, нелепой, но она подсказала журналисту хорошую идею. Преступления убийцы-имитатора и находка на Дойерс-стрит вызвали такой ажиотаж, что все начисто забыли о самом докторе Ленге. Кем он был? Откуда появился? Где получил медицинское образование? Какое отношение он имел к музею? И где, в конце концов, жил?

К нему снова вернулось отличное расположение духа.

Статья о серийном убийце докторе Ленге. Да, это как раз то, что надо. Этот материал поможет ему спасти свою задницу в родной «Таймс».

А если хорошенько подумать, это просто здорово! Ведь этот парень превзошел самого Джека Потрошителя. Энох Ленг: портрет первого серийного убийцы Америки. Да это же будет заглавная статья в воскресном приложении к газете! Одним выстрелом он убьет двух зайцев – проведет обещанное расследование и соберет материал о Ленге. Кроме того, он не обманет чьего-либо доверия. Доказав, что парень давно умер, он положит конец безумной гипотезе Пендергаста.

«А что, если Гарриман уже начал прорабатывать историю Ленга? – с ужасом подумал Смитбек. – Надо немедленно приступать к делу».

Журналистское расследование ему всегда удавалось лучше, чем Гарриману, и этим преимуществом следовало воспользоваться. Он начнет с того, что поищет в старых газетах упоминания о Ленге, Шоттаме и Макфаддене. Кроме того, надо будет изучить криминальную хронику. Не исключено, что там найдутся убийства, похожие по стилю на почерк доктора Ленга – иссечение части спинного мозга. Число жертв доктора скорее всего превосходит число останков, обнаруженных на Кэтрин-стрит и Дойерс-стрит. Не исключено, что некоторые из этих убийств были упомянуты в газете.

Кроме того, оставались архивы музея. Работая над книгами, он изучил эти архивы вдоль и поперек. Ленг имел контакты с музеем, и там наверняка есть золотая жила информации. Надо лишь знать, где ее искать.

Если расследование удастся, он сможет сказать Норе, где обитал доктор. Это будет маленький жест доброй воли, который, возможно, позволит восстановить их отношения. И кто знает, может быть, его усилия снова вернут Пендергаста на правильный путь.

Одним словом, встреча с полицейским оказалась полезной.

Глава 2

«Типичное место для Гринвич-Виллидж», – подумал О'Шонесси, свернув с Третьей авеню на Восточную Двенадцатую улицу. Здесь было полным-полно панков; будущих поэтов; сохранившихся с эпохи шестидесятых годов битников; стариков, которым не хватало либо средств, либо энергии отсюда съехать. За последние годы улица претерпела некоторые изменения в лучшую сторону, но на ней по-прежнему преобладали изрядно побитые временем дома, вегетарианские бары и лавчонки, торгующие подержанными виниловыми пластинками. О'Шонесси медленно брел, наблюдая за окружающими его людьми. Он увидел пытающихся ничем не выдать страха туристов; престарелого панка, голову которого украшали давно вышедшие из моды торчащие во все стороны пики красных волос; художников в забрызганных краской джинсах и накачанных наркотиками; скинхедов в кожаных куртках с блестящими металлическими прибамбасами. Скинхеды обошли его стороной, ибо ничто так не бросается в глаза на улицах Нью-Йорка, как полицейский в штатском – пусть даже находящийся в административном отпуске и под следствием.

Чуть впереди он увидел втиснувшуюся между двумя каменными домами крошечную лавчонку из крашенного в черный цвет кирпича. Что

касается самих зажавших лавчонку домов, то те, казалось, осели под тяжестью бесчисленных пластов покрывающих их надписей и рисунков. На витринах лавки лежал толстый слой пыли, а сами витрины были забиты древними коробками и сосудами с настолько выцветшими надписями, что прочитать их было абсолютно невозможно. На крошечной грязной вывеске значилось: «Аптекарь Нового Амстердама».

О'Шонесси ненадолго задержался, чтобы лучше изучить фасад лавки. Он не понимал, как подобный реликт мог выжить в то время, когда на каждом втором углу города сияет своими витринами «Дуан Рид». В заведение никто не входил и никто из него не выходил. «Аптекарь Нового Амстердама» казался вымершим.

О'Шонесси шагнул к двери, рядом с которой находился звонок и висело объявление: «Оплата только наличными». Он нажал на кнопку звонка, и откуда-то из глубин аптеки до него донесся непонятный скрежет. После этого в помещении довольно долго стояла полная тишина. Затем О'Шонесси услышал неторопливые шаркающие шаги. Замок щелкнул, дверная ручка повернулась, и дверь медленно открылась. О'Шонесси решил, что видит мужчину. Голова человека блестела, как бильярдный шар, покрой одежды был явно мужской, однако лицо было каким-то нейтральным и не давало возможности определить пол этого существа.

Не говоря ни слова, непонятная личность развернулась и зашаркала в глубину дома. О'Шонесси двинулся следом, с любопытством оглядывая помещение. Он рассчитывал увидеть старинную аптеку с допотопным сатуратором для содовой воды и деревянными полками, уставленными аспирином и мазями. Но заведение оказалось типичным крысиным гнездом с паутиной по углам и бесчисленным множеством разнообразных покрытых пылью коробок. Борясь с подступающим кашлем и осторожно лавируя по узкому проходу между горами мусора, О'Шонесси наконец добрался до мраморной стойки, такой же запыленной, как и остальная лавка. Личность, впустившая его в помещение, заняла позицию за стойкой. У стены за спиной личности высились деревянные полки с рядами выдвижных ящиков. Вглядевшись в медные рамки со вставленными в них бумажными ярлыками, О'Шонесси прочитал: амарант, рвотный орех, крапива, вербена аптечная, чемерица, паслен, нарцисс, пастушья сумка, клевер. На стеллаже рядом с полками стояли сотни стеклянных лабораторных стаканов и многие десятки коробочек с химическими символами, начертанными красным маркером. На стойке лежала книга под заглавием «Искусство перегонки».

Аптекарь (все же это был мужчина) с вопросительной улыбкой на одутловатом бледном лице взирал на посетителя.

– Консультант ФБР О'Шонесси, – представился О'Шонесси, показывая удостоверение, которое выправил для него Пендергаст. – Если позволите, я задам вам несколько вопросов.

Аптекарь долго и внимательно изучал карточку. О'Шонесси даже показалось, что он сомневается в ее подлинности. Однако старик ограничился лишь тем, что пожал плечами.

– Какого рода люди посещают ваше заведение? – спросил О'Шонесси.

– В основном викканe, – недовольно скривился аптекарь.

– Викканe?

– Да, викканe. Именно так они теперь себя величают.

– Вы хотите сказать – колдуны и ведьмы? – наконец сообразил О'Шонесси.

Хозяин аптеки утвердительно кивнул.

– А кто еще? Доктора, скажем?

– Нет, докторов не бывает. Иногда заходят химики-любители. Те, кто свихнулся на пищевых добавках, тоже у меня бывают.

– Есть ли среди ваших клиентов такие, которые носят старомодную одежду или вообще странно одеваются?

– Да они здесь все нелепо наряжаются, – сказал аптекарь, сделав неопределенный жест куда-то в сторону Двенадцатой улицы.

О'Шонесси подумал немного и продолжил:

– Мы расследуем преступления, которые случились в конце позапрошлого и в начале прошлого века. Нет ли у вас старых записей, которые я мог бы посмотреть? Списки клиентов или что-то в этом роде?

– Возможно, и найдутся, – протянул аптекарь писклявым голосом и с заметной одышкой.

– Почему так неуверенно? – спросил О'Шонесси, которого ответ старца несколько удивил.

– Аптека сгорела дотла в тысяча девятьсот двадцать первом году. После того как ее заново отстроили, мой дед стал хранить все записи в несгораемом сейфе. Отец, после того как аптека перешла к нему, сейфом почти не пользовался. Там хранилось лишь то, что когда-то принадлежало деду. Отец умер три месяца назад.

– Примите мои соболезнования, – сказал О'Шонесси. – От чего скончался ваш батюшка?

– Мне сказали, что у него случился удар. Через несколько недель после его смерти ко мне пришел торговец антиквариатом. Он осмотрел лавку и купил несколько предметов старинной мебели. Увидев сейф, он предложил мне большие деньги за все имеющие историческую ценность документы и вещи, которые там могут оказаться. Это предложение меня заинтересовало, и я рассверлил замок. Но ничего интересного в сейфе не оказалось. А я так надеялся найти золотые монеты, старинные ценные бумаги или облигации. И антиквар, и я были страшно разочарованы.

– И что же там было?

– Документы. Регистрационные журналы и еще что-то в этом роде. Поэтому я и сказал вам «возможно».

– Я могу взглянуть на сейф?

– Почему бы и нет? – пожал плечами аптекарь.

Сейф находился в полутемной задней комнате среди штабелей пахнущих плесенью картонных коробок и полусгнивших деревянных ящиков. Высокий – до плеч – массивный металлический сейф был выкрашен в зеленый цвет, а на том месте, где должен был находиться механизм замка, зияло ровное цилиндрическое отверстие.

Аптекарь открыл дверцу и, отступив в сторону, пропустил к сейфу О'Шонесси. О'Шонесси присел перед открытой дверцей и заглянул внутрь. Перед его носом колебались многочисленные нити слипшейся пыли, и содержимое сейфа скрывалось в темноте.

– Вы не могли бы зажечь свет? – спросил О'Шонесси.

– Не могу. Здесь нет электричества.

– Нет ли у вас под рукой фонаря?

– Нет, – ответил аптекарь и тут же добавил: – Впрочем, подождите...

С этими словами он скрылся, чтобы вернуться примерно через минуту с горящей тонкой свечой в бронзовом подсвечнике.

«Невероятно», – подумал О'Шонесси, взял свечу и, пробормотав слова благодарности, поднес этот хилый источник света к сейфу.

С учетом его размеров сейф был почти пустым. О'Шонесси двигал свечу, фиксируя в уме содержимое металлического шкафа. В недрах сейфа он увидел пачку старых газет в одном углу, небольшие, связанные бечевкой пачки пожелтевших листков бумаги, несколько рядов древних регистрационных журналов, два новых на вид тома в переплете из ярко-красного пластика и с полдюжины обувных коробок с нацарапанными на них датами.

Поставив свечу на дно сейфа, О'Шонесси сразу взялся за старинные регистрационные журналы. Тот, который он открыл первым, оказался инвентарной книгой за 1925 год. На заполненных неразборчивым почерком страницах шел перечень закупленных аптекой лекарств. Остальные старые тома тоже были инвентарными книгами, но только полугодовыми. Заканчивались они тысяча девятьсот сорок вторым годом.

– Когда аптека перешла в руки вашего отца? – спросил О'Шонесси.

Аптекарь на миг задумался.

– Во время войны, – сказал он. – В сорок первом или сором втором году.

«Похоже на то», – подумал О'Шонесси, возвратил на место инвентарные книги и быстро просмотрел газеты. Там он не поднял ничего, кроме свежего облака пыли. Еще в сейфе были счета и накладные оптовиков. О'Шонесси не сомневался, что все эти поставки нашли отражение в инвентарных книгах.

Переплетенные в красный пластик тома выглядели слишком новыми, чтобы представлять для него какой-либо интерес. «Еще одна попытка», – решил О'Шонесси, снял верхнюю обувную коробку, сдул с крышки пыль и открыл.

Там оказались квитанции об уплате налогов.

«Проклятие», – подумал О'Шонесси и поставил коробку на место. Выбрав наугад другую и открыв ее, он снова обнаружил налоговые документы.

О'Шонесси сидел на корточках со свечой в одной руке и обувной коробкой в другой. «Неудивительно, что антиквар ушел отсюда с пустыми руками, – подумал он. – Ну да ладно, попытаться все равно стоило».

О'Шонесси вздохнул и наклонился вперед, чтобы вернуть коробку на место. Его взгляд снова задержался на красных папках. Странно. Аптекарь сказал, что в сейфе хранились вещи, принадлежащие деду. Но разве пластмасса не более позднее изобретение? Ее начали изготовлять наверняка позже тысяча девятьсот сорок второго года. Чтобы удовлетворить любопытство, он протянул руку, взял один из ярко-красных томов и открыл его.

Под красной обложкой оказались линованные, заполненные от руки листы бумаги. Листы были покрыты пятнами сажи, а некоторые из них даже частично обгорели, и их края осыпались.

О'Шонесси оглянулся. Хозяин заведения отошел от него и рылся в большой картонной коробке.

Полицейский достал из сейфа вторую красную папку, задул свечу и поднялся с корточек.

– Боюсь, что ничего интересного, – проронил он как можно более небрежно, держа обе красные папки в руке. – Но для порядка я должен представить в нашу контору хотя бы два этих тома. С вашего позволения, естественно. Всего на один-два дня. Это избавит меня и вас от бумажной волокиты. Получение судебного ордера на изъятие и все такое прочее...

– Судебного ордера? – с явной тревогой спросил аптекарь. – Да берите их так. И держите, сколько вам заблагорассудится.

Оказавшись на улице, О'Шонесси задержался, чтобы стряхнуть с пиджака пыль. Собирался дождь, то и дело вспыхивали зарницы, вырывая из темноты прокуренные марихуаной забегаловки и кофейные лавки Двенадцатой улицы. Откуда-то издали, перекрывая шум уличного движения, до него докатился раскат грома. О'Шонесси поднял воротник пиджака, сунул бесценные красные книги под мышку и заторопился к Третьей авеню.

С противоположной стороны улицы за уходом О'Шонесси наблюдал притаившийся в тени дома человек. Как только О'Шонесси растворился в сумраке, человек вышел из тени. На нем был длинный черный плащ, а лицо его скрывали поля надвинутого на брови черного котелка. Человек прошел несколько шагов, легонько постукивая по тротуару тростью. Затем он огляделся по сторонам, неторопливо перешел через улицу и двинулся в направлении заведения, которое только что покинул О'Шонесси.

Глава 3

Билл Смитбек очень любил помещение редакции, именуемое «моргом». «Морг» был прохладной комнатой с рядами металлических полок, стонущих под весом переплетенных в кожу томов. Этим утром помещение было абсолютно безлюдным. Другие репортеры бывали здесь редко, предпочитая пользоваться электронными версиями газеты, охватывающими лишь последние двадцать пять лет. А когда этого казалось недостаточно, они обращались к микрофильмам, просмотр которых не доставлял удовольствия, но позволял существенно экономить время. Для Смитбека обращение к старым страницам было и интересно, и полезно, поскольку это позволяло обратить внимание на те жемчужные зерна, которые легко пропустить, прокручивая пленку. Любопытная информация частенько появлялась на соседних страницах или в последующих номерах.

Когда он выступил с идеей статьи о Ленге, редактор буркнул нечто невнятное, и это означало, что предложение пришлось ему по вкусу.

Когда Смитбек уходил, чудовище посмотрело на него своими тараканьими глазами и пробурчало:

– Только постарайся, чтобы затея не кончилась пшиком, как интервью с Фэрхейвеном. В твоем опусе должна быть изюминка. Ты меня понял?

Нет, этот материал будет не чета тому провальному интервью. Статья произведет фурор.

В «морге» он появился в полдень. Библиотекарь принес первый из заказанных им томов, и Смитбек почтительно его открыл. Ноздрей коснулся аромат пожелтевшей бумаги, старой типографской краски, плесени и пыли. Это была подшивка за январь 1881 года, и Смитбек быстро нашел статью о пожаре в Кабинете диковин Шоттама. Статья была опубликована на первой полосе, и ее обрамляла изящная гравюра, изображающая языки пламени. В публикации, кроме всего прочего, упоминалось об исчезновении известного профессора Джона К. Шоттама и высказывалось осторожное предположение о его гибели. В статье также говорилось, что исчез человек по имени Энох Ленг. Журналист, судя по всему, мало что знал о Ленге и поэтому весьма туманно именовал его жильцом и «ассистентом» профессора Шоттама.

Смитбек быстро пролистал газету и нашел следующую статью о пожаре, в которой сообщалось, что, судя по всему, обнаружены останки Шоттама. Об Энохе там ничего не говорилось.

Вернувшись к началу, Смитбек принялся искать в секции городских новостей статьи о музее или лицее, где упоминались бы Ленг, Шоттам или Макфадден. Работа шла медленно, поскольку Смитбек то и дело натыкался на захватывающие материалы, не имеющие отношения к интересующей его теме.

Проработав без перерыва несколько часов, Смитбек начал немного нервничать. В газете была масса статей о музее, там имелось несколько материалов о лицее и даже присутствовали отдельные упоминания о Макфаддене, Шоттаме и их коллегах. Но о Ленге ничего не было, если не считать тех отчетов о деятельности лицея, в которых Ленг упоминался наряду с именами всех других присутствующих на собрании. Профессор Энох Ленг явно не хотел светиться.

«Это мне ничего не даст», – подумал Смитбек и решил, что пора прибегнуть к другому варианту атаки – более сложному, нежели первый.

Начав с 1917 года – того года, когда доктор Ленг забросил свою лабораторию, – Смитбек принялся искать в газете упоминания об убийствах, которые по описанию напоминали бы почерк Ленга. Каждый

год в свет выходило триста шестьдесят пять номеров «Нью-Йорк таймс». Убийства в то время были явлением довольно редким, поэтому Смитбек мог позволить себе просматривать только первые полосы газеты. Кроме того, он не забывал и о некрологах. Сообщение о смерти доктора Эноха Ленга представляло интерес не только для О'Шонесси, но и для него самого.

Любопытных убийств все же оказалось предостаточно, так же как и захватывающих некрологов, и Смитбек то и дело ловил себя на том, что читает какие-то совершенно ненужные ему публикации. Работа шла медленно.

Однако в номере за 10 сентября 1918 года ему в глаза бросился заголовок: «Изуродованное тело в доме на Пек-Слип». Автор, как было принято в то время, старался пощадить чувства читателей и не открывал деталей имевшихся на трупе повреждений. Однако из статьи следовало, что они находились в нижней части спины.

Смитбек несколько раз перечитал заметку, его репортерский нюх снова заговорил в полный голос. Итак, доктор Ленг все еще действовал. Он продолжал убивать даже после того, как забросил лабораторию на Дойерс-стрит.

К концу дня он выудил еще с полдюжины убийств, которые могли быть совершены Ленгом. Итак, примерно один труп в два года. Конечно, могли быть и другие тела, которые просто не были обнаружены. Не исключено, что Ленг перестал скрывать трупы, оставляя их в разных частях города. Жертвами всех преступлений, на которые обратил внимание Смитбек, были бездомные бродяги, которых хоронили без всяких церемоний. В результате никто не заметил общих черт, характерных для всех этих убийств, и связи между этими преступлениями установлено не было.

Последнее убийство с характерным для Ленга почерком случилось в 1935 году. После этого в Нью-Йорке произошло множество убийств, но ни в одном из них не было тех «странных повреждений», которые служили как бы личной подписью доктора Эноха Ленга.

Смитбек произвел в уме быстрый подсчет. В Нью-Йорке Ленг появился в семидесятых годах, видимо, молодым человеком лет тридцати. Следовательно, в 1935 году ему было около семидесяти. Итак, почему же все-таки прекратились убийства?

Этот вопрос не вызывал сомнений – Ленг умер. Правда, некролога Смитбек не нашел, но, поскольку Энох Ленг избегал внимания к своей персоне, появление некролога было маловероятно.

«Таков конец теории Пендергаста», – подумал Смитбек.

Однако чем больше он думал, тем больше сомневался в том, что Пендергаст искренне верил в подобный абсурд. Подбросив эту чушь, агент ФБР явно преследовал какие-то только ему ведомые цели. Этого типа всегда отличали изобретательность и умение находить неожиданные ходы. Не говоря уж о его скрытности. Истинные намерения специального агента остаются для других тайной. Смитбек решил обязательно поделиться с О'Шонесси своими умозаключениями. Коп, несомненно, успокоится, поняв, что с головой у Пендергаста все в порядке.

На всякий случай Смитбек просмотрел подшивку еще за год, но некролога так и не нашел. Получается, что этот парень не оставил в истории даже своей тени. Журналисту почему-то стало страшно.

Смитбек посмотрел на часы. Пора кончать. Он провел в «морге» безвылазно десять часов.

Но старт оказался многообещающим. Одним махом ему удалось обнаружить полдюжины нераскрытых убийств, которые могут быть приписаны Ленгу. До того как редактор начнет требовать результат, у него остается еще пара-тройка дней. А может быть, и больше, если он сумеет показать, что в куче дерьма, которую он разгребает, встречаются жемчужные зерна.

Смитбек поднялся с очень удобного кресла и удовлетворенно потер руки. Теперь, когда он изучил все то, что было известно о Ленге обществу, можно было переходить к личным документам доктора.

Из газет он выяснил, что Ленг работал в музее в качестве так называемого исследователя-гостя. Смитбек знал, что в то время все посторонние ученые, чтобы получить неограниченный доступ к собранию музея, подвергались тщательной проверке. Проверялись как их личность, так и академические успехи. Все претенденты должны были представить сведения о возрасте, семейном положении, ученых степенях, специальности, круге своих интересов и домашний адрес. Это могло указать путь к другим, скрытым пока кладам – таким как контракты о сделках, договора об аренде или иные юридические действия. Возможно, Ленгу и удавалось избежать внимания публики, но от бдительного взора музея он укрыться не мог.

К концу расследования он будет знать доктора Ленга, как родного брата.

Смитбек покинул газетный «морг» со смешанным чувством нетерпения и радостного предвкушения.

Глава 4

О'Шонесси стоял на ступенях федерального здания «Джэкоб Джавит». Дождь прекратился, и на улицах Нижнего Манхэттена там и сям

виднелись лужи. Пендергаста не было ни в «Дакоте», ни здесь, в местном отделении ФБР. Полицейский испытывал целую гамму чувств, среди которых преобладали нетерпение, любопытство и напряженное ожидание. Не найдя сразу Пендергаста, он даже испытал нечто очень похожее на разочарование. Агент ФБР наверняка по достоинству оценил бы его находку. Может быть, она послужит тем ключом, который позволит Пендергасту закрыть дело.

О'Шонесси нырнул за одну из гранитных колонн здания, чтобы провести еще одну инспекцию журналов. Он быстро просматривал бесчисленные колонки записей, сделанные когда-то синими, а ныне серыми чернилами. Записи содержали в себе буквально все: имена покупателей, перечень химикатов, их количество, цены, адреса доставки и даты покупок. Ядовитые вещества были записаны красными чернилами. Пендергаст будет от этого в восторге. Ленг, конечно, делал покупки под вымышленным именем, давая при этом ложный адрес, но дело в том, что при каждой покупке он должен был пользоваться одним и тем же псевдонимом. Поскольку Пендергаст уже составил перечень некоторых редких химикатов, которыми пользовался Ленг, будет несложно сопоставить этот перечень с учетом продаж и установить таким образом псевдоним Ленга. Если это же имя Ленг использовал и для других денежных операций, то эти маленькие красные книги помогут очень сильно продвинуть расследование.

О'Шонесси еще пару минут изучал записи, а затем, сунув журналы под мышку, направился по Уорт-стрит к станции подземки. Журналы охватывали период между 1917 и 1923 годами – то есть время до уничтожившего аптеку пожара. Это были единственные уцелевшие в огне документы. Они принадлежали деду теперешнего владельца, а его отец поместил эти бумаги в пластиковый переплет. Именно поэтому тот антиквар ими не заинтересовался. Журналы выглядели слишком современно. И ему самому просто повезло, что он...

Антиквар. Теперь, когда он о нем вспомнил, ему показалось подозрительным, что любитель старины заинтересовался сейфом уже через пару-тройку недель после смерти старика. Можно даже допустить, что смерть не была случайной. Нельзя исключать, что это был убийца-имитатор, хотевший получить дополнительную информацию о том, какие химикаты покупал Ленг. Впрочем, нет... Это невозможно. Убийца, копирующий преступления доктора, появился только после публикации статьи. Визит антиквара состоялся раньше. О'Шонесси выругал себя за то, что у него не хватило ума поинтересоваться внешностью антиквара. Что ж, он всегда может вернуться в аптеку. Не исключено, что туда захочет заглянуть и сам Пендергаст.

Неожиданно для самого себя О'Шонесси замер, а затем ноги сами собой пронесли его мимо станции подземки на Энн-стрит. Он повернул было к

станции, но потом снова передумал, сообразив, что находится почти рядом с домом номер шестнадцать по Уотер-стрит, тем домом, где когда-то обитала Мэри Грин. Пендергаст уже побывал там вместе с Норой Келли, но сам О'Шонесси дома пока не видел. Вообще-то смотреть там не на что, но, поскольку теперь он напрямую занимался расследованием, ему хотелось собственными глазами увидеть все, что имеет хоть какое-то отношение к делу. О'Шонесси вспомнил о нищенском, вызывающем жалость платье и об отчаянной записке девочки.

Лишние десять минут – не время. Ужин может и подождать.

Он прошел по Энн-стрит и свернул на Голд, насвистывая мелодию из «Нормы» Беллини. Это был коронный номер Марии Каллас, и О'Шонесси просто обожал арию. Полицейский пребывал в превосходном настроении. Детективная работа, которую он вновь для себя открывал, оказалась делом по-настоящему увлекательным. И кроме того, он вдруг понял, что у него имеется талант сыщика.

Лучи заходящего солнца прорывались сквозь облака, бросая на улицу длинные тени. Слева от него тянулся виадук Южной улицы, за которым виднелись причалы на Ист-Ривер. Погрузившись в размышления, О'Шонесси не заметил, как на смену зданиям банков и различных городских служб пришли жилые дома. Некоторые из них, с обновленными кирпичными фасадами, были заселены, а другие стояли унылыми и пустыми.

Становилось заметно холоднее, однако последние лучи солнца приятно согревали лицо. Свернув налево, на Джон-стрит, он направился к реке. Перед ним тянулись ряды старинных пирсов. Некоторые пирсы были заасфальтированы: ими, видимо, еще пользовались. Другие уходили в воду под пугающим углом, а иные разрушились настолько, что от них остались лишь ряды торчащих из воды свай. Солнце скрылось за горизонтом, оставив на память о себе багровое небо. С реки навстречу этому зареву поднимался туман. На противоположном берегу реки начали вспыхивать окна невысоких домов Бруклина. О'Шонесси ускорил шаг. Похолодало настолько, что от дыхания поднимался пар.

Лишь миновав Перл-стрит, О'Шонесси почувствовал, что за ним следят. Он не знал, как уловил слежку. Это произошло на уровне подсознания. Возможно, что до его слуха долетел какой-то звук. Впрочем, не исключено, что сработало шестое чувство битого жизнью копа. О'Шонесси продолжал идти, не снижая шага и не оглядываясь. Он держал в кобуре под мышкой собственный тупоносый револьвер, пользоваться которым умел довольно прилично. Горе тому грабителю, который решит, что перед ним легкая жертва.

О'Шонесси остановился и вгляделся в лабиринт крошечных, спускающихся к реке улочек. Ощущение того, что за ним следят, только усилилось. О'Шонесси давным-давно научился доверять своим чувствам. Как и у большинства опытных полицейских, у него появился своеобразный и весьма чувствительный радар, мгновенно дававший знать о возникновении опасности. Любой коп должен обзавестись этим радаром как можно скорее, если не хочет получить свою отстреленную задницу в подарочной коробке с красной лентой. О'Шонесси почти забыл, что обладает этим инстинктом. С тех пор как он им последний раз пользовался, прошло много лет, но укоренившиеся навыки бесследно не пропадают.

О'Шонесси не останавливался до тех пор, пока не дошел до Берлинг-стрит. Свернув за угол, он нырнул в тень, прижался к стене, выдернул из кобуры «смит-вессон» и стал ждать, затаив дыхание. О'Шонесси слышал, как негромко плещется у пирсов вода, откуда-то издали до него долетал шум уличного движения. Где-то лаяла собака. И больше ничего.

О'Шонесси осторожно выглянул из-за угла. В зоне причалов и на прилегающих к ним улицах он никого не увидел, хотя было еще достаточно светло.

Сержант выступил из тени, держа наготове револьвер. Тот, кто за ним идет, наверняка свалит, увидев оружие.

По прошествии некоторого времени он неторопливо вернул револьвер в кобуру, снова огляделся и двинулся по Уотер-стрит. Почему ему продолжает казаться, что слежка не закончилась? Неужели на сей раз его радар посылает ложные сигналы?

Когда О'Шонесси подходил к середине квартала и дому номер шестнадцать, ему показалось, что за угол метнулась какая-то черная тень и послышался стук каблуков о плиты тротуара. Мгновенно забыв о Мэри Грин и обо всем, что с ней связано, О'Шонесси ринулся вперед, держа перед собой револьвер.

Перед ним тянулась Флетчер-стрит. Темная и совершенно пустынная. Но на дальнем углу улицы горел фонарь, и О'Шонесси успел заметить исчезающую тень. Ошибки быть не могло.

Он помчался по улице и, свернув за угол, замер.

Проезжую часть пересекал здоровенный черный кот. Хвост у зверя стоял трубой, и при каждом шаге его кончик подрагивал. Теперь О'Шонесси оказался совсем рядом с Фултоновским рыбным рынком, и резкий запах разнообразных даров моря бил в его ноздри. Со стороны гавани до него долетел скорбный гудок какого-то буксира.

О'Шонесси невесело рассмеялся. Ирландец не был предрасположен к паранойе, но иного слова для характеристики своих действий он подыскать не мог. Видимо, это расследование давит на его психику.

Сунув журналы под мышку, О'Шонесси продолжил путь в сторону Уолл-стрит и подземки.

Однако на сей раз у него не осталось сомнений. Он слышал шаги. И довольно близко. Раздалось легкое покашливание.

Полицейский обернулся, снова выхватив револьвер. Было настолько темно, что тротуары, каменные подъезды и доки скрывались в глубокой тени. Преследователь, кем бы он ни был, оказался человеком настойчивым и при этом очень умело вел слежку. На грабителя это не похоже. И негромкий кашель говорил о том, что парень хочет, чтобы жертва знала о слежке. Этот человек пытается его напугать, заставить нервничать и в конечном итоге совершить ошибку.

О'Шонесси резко развернулся и пустился бежать. Побежал он не потому, что испугался, а для того, чтобы заставить этого человека бежать следом. Домчавшись до конца квартала, ирландец свернул за угол и покрыл бегом примерно половину следующего квартала. Затем он остановился и, тихо вернувшись на несколько шагов, растворился в тени дверной ниши. Когда ему показалось, что до него долетел топот ног, он прижался спиной к двери и, держа револьвер наготове, изготовился к прыжку.

Тишина. Она продолжалась одну минуту. Затем две. Затем пять. По улице проехало такси, прорезав лучами фар ночную мглу и туман. О'Шонесси осторожно выступил из тени и огляделся по сторонам. Улица снова была совершенно пустынна. Полицейский двинулся по тротуару в направлении, обратном тому, откуда прибежал. Он шел медленно, держась поближе к стенам домов. Может быть, преследователь свернул в другую сторону или вообще отказался от своей затеи?

И в этот миг из ближайшей к нему дверной ниши метнулась темная фигура, и тонкий шнурок, мелькнув над головой, затянулся на его шее. Одновременно с этим ему в ноздри ударил тошнотворно сладкий химический запах. Одна рука О'Шонесси потянулась к скрывающему голову нападающего капюшону, а указательный палец другой конвульсивно нажал на спусковой крючок. Затем под его ногами разверзся темный бездонный колодец, и ирландцу показалось, что падение во тьму длится бесконечно.

Глава 5

Приходил в себя Патрик О'Шонесси чрезвычайно медленно. Ему казалось, что его голову разрубили топором. В висках стучала кровь, язык опух и приобрел сильнейший металлический привкус. Он открыл

глаза, но вокруг него царила полная тьма. Опасаясь, что ослеп, он попытался поднять руки к лицу. Но конечности почти не двигались. Ирландец потянул сильнее и услышал лязг металла.

Кандалы. Он закован в кандалы.

О'Шонесси подвигал ногами и понял, что те тоже в железе.

В тот же миг владевшее им тупое безразличие исчезло, и он вернулся в страшную реальность. Перед его мысленным взором с безжалостной ясностью встали события прошлой ночи – звук шагов, игра в кошки-мышки на пустынных улицах и низко опущенный капюшон. На какой-то миг поддавшись панике, он сделал яростную попытку стряхнуть с себя оковы. Потерпев полное фиаско, полицейский лег на спину и попробовал взять себя в руки. Паникой делу не поможешь. Надо думать.

Где он?

Видимо, в каком-то подвале. А сам он узник. Но кто его мог захватить?

Еще не успев задать себе этот вопрос, он уже знал ответ. Это сделал убийца-имитатор. Хирург.

Накатившая на него новая волна паники сразу отхлынула, когда ему в глаза ударил луч света. После долгого периода полной тьмы ощущение было почти болезненным.

О'Шонесси быстро огляделся по сторонам и успел увидеть, что находится в небольшой, совершенно пустой комнате со стенами из неотесанного камня. Его руки и ноги были прикованы цепями к влажному и холодному бетонному полу. В одной из стен виднелась дверь из покрытого ржавчиной металла, и луч бил прямо ему в лицо из небольшого отверстия в двери. Свет неожиданно померк, и из щели раздался голос. О'Шонесси видел, как двигаются влажные губы.

– Не волнуйтесь, прошу вас, – почти ласково произнес голос. – Это не займет много времени. Сопротивление совершенно излишне.

Щель со стуком закрылась, и О'Шонесси снова погрузился во тьму.

Он слышал звук удаляющихся шагов, прекрасно понимая, что ожидает его в ближайшее время. Ему довелось это видеть в прозекторской комнате. Хирург вернется. Он вернется и...

Не смей думать об этом. Думай о том, как освободиться.

О'Шонесси попытался расслабиться и начал с того, что заставил себя дышать глубоко и медленно. Специальная подготовка полицейского оказалась полезной. Он ощущал, как покой мало-помалу разливается по

всему телу. Безнадежных положений не бывает, ведь даже самые изощренные преступники иногда совершают ошибки.

Он же вел себя крайне глупо. Его обычная осторожность пала жертвой неумеренных восторгов в связи с находкой журналов. Как он мог забыть слова Пендергаста о постоянно подстерегающей их опасности?

Что же, больше ему глупить не придется.

«Это не займет много времени».

Хирург скоро вернется, и к встрече с ним надо быть готовым.

Ведь, прежде чем приступить к операции, преступник должен будет освободить его от оков. И в этот момент О'Шонесси на него нападет.

Но Хирург не дурак. Судя по тому, как он его захватил, у парня острый ум и железные нервы. Можно, конечно, изобразить бессознательное состояние, но этого будет явно недостаточно.

Ситуация предельно простая: сделай или умри. Следовательно, это надо сделать. И сделать безукоризненно.

Он глубоко вздохнул. Потом еще раз. После этого, закрыв глаза, он нанес сильный скользящий справа налево удар себе в лоб металлическими браслетами.

Кровь хлынула почти сразу, а сильная боль его даже обрадовала. Она не позволит ему забыться, заставит думать о чем-то постороннем. О'Шонесси знал, что раны на лбу кровоточат очень сильно.

После этого ирландец осторожно улегся на бок. Со стороны могло показаться, что он потерял сознание, ударившись головой о стену. Бетонный пол под щекой казался ледяным, а стекающая по векам и носу кровь, напротив, очень горячей. Это сработает. Должно сработать. Он не может себе позволить оказаться на прозекторском столе в положении Дорин Холландер.

Ему снова удалось подавить накатившую на него волну паники. Все очень скоро кончится. Он услышит шаги Хирурга. Дверь откроется. Как только будут сняты оковы, он неожиданно нападет на мерзавца и скрутит его. Он не только спасет свою жизнь, но заодно и арестует терроризирующего Нью-Йорк убийцу.

Спокойствие. Главное сейчас – сохранять спокойствие. Веки смежены, кровь капает на бетонный пол. О'Шонесси сосредоточил все свои мысли на опере, и его дыхание сразу стало ровнее. Очень скоро стены крошечной камеры раздвинулись, и волшебные звуки «Аиды», вырвавшись на свободу, вознеслись в высокое небо.

Глава 6

Пендергаст стоял на широкой эспланаде и задумчиво взирал на пару каменных львов, охраняющих вход в публичную библиотеку Нью-Йорка. Под мышкой агент ФБР держал небольшой коричневый сверток. Над городом только что пронесся короткий ливень, свет фар легковых машин и автобусов отражался в бесчисленных лужах. Пендергаст перевел взгляд со львов на длинный и весьма импозантный фасад библиотеки. Было далеко за девять вечера, и библиотека давно закрылась. Потоки студентов, ученых, непризнанных поэтов и туристов, льющиеся в течение всего дня через величественные порталы здания, иссякли уже несколько часов назад.

Пендергаст еще раз внимательно оглядел каменную эспланаду и прилегающие к ней тротуары Пятой авеню. Убедившись в отсутствии слежки, он поправил бумажный сверток под мышкой и начал подниматься по широким ступеням.

Чуть в стороне от главного входа в гранитной стене была небольшая дверца. Пендергаст подошел к ней и легонько постучал костяшками пальцев в бронзовую панель. Почти в тот же миг дверь открылась, явив миру библиотечного охранника. Это был высокий крепкий парень со светлыми, очень коротко стриженными волосами. В руке охранник держал потрепанную книгу.

– Добрый вечер, агент Пендергаст, – произнес страж. – Как поживаете?

– Прекрасно, Франсэ, – ответил Пендергаст и, указав кивком головы на книгу, спросил: – Как вам нравится Ариосто?

– Очень нравится. Спасибо за совет.

– Мне кажется, что я рекомендовал вам перевод Бэкона.

– Копия перевода Бэкона имеется лишь у Несмита в отделе микрофишей. Все остальные экземпляры на руках у читателей.

– Напомните, чтобы я прислал вам свой экземпляр.

– Спасибо, сэр, я это обязательно сделаю.

Пендергаст еще раз кивнул и проследовал через мраморный вестибюль, не слыша ничего, кроме звука своих шагов. На пороге помещения номер 315 он снова немного задержался. Это был главный читальный зал библиотеки. Он увидел ряды деревянных, залитых желтым светом столов и длинную стойку из темного дерева, делящую зал на две равные части.

Днем за этой стойкой работники библиотеки принимали заказы читателей и отсылали требования в подземные хранилища по

пневматической почте. Но с наступлением вечера всякая жизнь в читальном зале замирала.

Пендергаст зашел за служебную стойку и прошел к небольшой двери, едва заметной среди стеллажей. Открыв дверь, он стал спускаться по находящейся за ней лестнице.

Под главным читальным залом находились все семь уровней книгохранилища. Первые шесть являли собой настоящие города. Тесно стоящие ряды книг казались бесконечными. Это в совокупности с низкими потолками хранилища порождало у многих нечто похожее на клаустрофобию. Что касается Пендергаста, то тот, лавируя между стеллажами и вдыхая запах пыли, плесени и старой бумаги, испытывал состояние полного душевного покоя. Подобное, надо сказать, случалось с ним крайне редко. Бремя расследования стало казаться ему не таким уж и тяжким; и даже рана, похоже, болела не так сильно, как до этого. На каждом повороте, на каждом перекрестке в этом лабиринте полок в памяти Пендергаста всплывали открытия, совершенные им во время его прежних литературных экспедиций. Открытия, которые порождали прозрения, позволявшие мгновенно решать, казалось бы, неразрешимые загадки.

Но времени на реминисценции не было, и Пендергаст ускорил шаг. Добравшись до очередной, еще более узкой лестницы, он продолжил спуск в недра хранилища.

Выбравшись в конце концов из лестничной клетки, Пендергаст оказался на седьмом уровне. В отличие от верхних этажей, где все книги и журналы были тщательно каталогизированы, здесь царил хаос. Вместо длинных упорядоченных улиц с боковыми проходами и перекрестками здесь преобладали узкие – на радость крысам – проходы и тупики. Этот уровень посещался крайне редко, несмотря на то, что здесь, по слухам, нашли свое упокоение просто потрясающие книжные коллекции. В помещении стояла духота, дышать было трудно. Создавалось впечатление, что воздух на седьмом уровне не циркулирует вот уже несколько десятилетий. От лестничной клетки во все стороны разбегались проходы между стоящими в беспорядке книжными шкафами.

Пендергаст остановился в мертвой тишине седьмого уровня, и его гипертрофированно острый слух уловил слабое шуршание – это колонии чешуйниц проедали себе путь в неисчерпаемых запасах целлюлозы.

Тут же раздался другой звук – более громкий. Кто-то сопел.

Пендергаст, лавируя между шкафами, двинулся на звук. Источник сопения становился все ближе.

Вскоре перед ним появилось световое пятно. Повернув за последний угол, Пендергаст увидел большой деревянный стол, залитый ярчайшим светом рефлектора, которым обычно пользуются в своей работе дантисты.

На краю стола располагалось несколько предметов: шило, катушка суровых ниток, пара белых хлопковых перчаток, переплетный нож и тюбик с клеем. Рядом с ними стопкой лежали справочники: «Враги книг» Блейда, «Энтомология города» Эблинга и «Методы хранения бумажных предметов искусства» Клаппа. На библиотечной тележке рядом со столом находилась куча старинных томов, пребывающих в разной степени разрушения. У некоторых отсутствовали переплеты, у других были разорваны корешки, а иные вообще распались на отдельные страницы.

За столом спиной к Пендергасту сидел человек. Грива исключительно густых и спутанных седых волос ниспадала на его сгорбленную спину. Человек снова громко засопел.

Пендергаст, выдерживая приличное расстояние, привалился плечом к одному из стеллажей и легонько постучал костяшками пальцев по металлу.

– «Я слышу чей-то стук», – не поворачивая головы, процитировал человек хорошо поставленным и очень мужественным голосом. И шмыгнул носом.

Пендергаст еще раз постучал.

– Иду, иду! – ответил сидящий и громко засопел.

Пендергаст постучал в третий раз, значительно более громко и настойчиво.

Человек распрямил плечи и, издав раздраженный вздох, возопил:

– «Восстань, Дункан, от стука моего! Ты это можешь».

После этого он положил инструменты переплетчика на книгу, с которой работал, и обернулся.

У человека были тонкие седые брови, гармонирующие по цвету с гривой, а радужная оболочка глаз имела странный желтый цвет, что придавало его взгляду зловещее, почти львиное выражение. При виде Пендергаста на его морщинистом лице появилась улыбка. А после того как он заметил под мышкой гостя сверток, улыбка стала значительно шире.

– Неужели меня осчастливил своим появлением сам специальный агент Пендергаст?! – воскликнул он. – Суперэкстраспециальный агент Пендергаст.

– Как поживаете, Врен? – слегка склонив голову, спросил Пендергаст.

– Я приношу тебе свою почтительную благодарность, – сказал человек и, показав на тележку с книгами, продолжил: – Но времени в обрез и слишком много страждущих детишек.

Нью-Йоркская публичная библиотека дала приют множеству странных заблудших душ, и среди них не было более странного существа, чем призрак, известный под именем Врен. О нем, похоже, ничего не было известно. Оставалось загадкой, является ли обращение Врен его именем или фамилией. Впрочем, это могло быть ни тем ни другим, а просто прозвищем. Никто толком не знал, состоит ли он в штате библиотеки. Для всех было тайной, чем он питается. Находились люди, которые утверждали, что Врен поддерживает свое бренное существование, потребляя переплетный клейстер. Доподлинно было известно лишь то, что он никогда не появляется за стенами библиотеки. Во всяком случае, на улице его никто не видел. Кроме того, все знали, что он обладает уникальным охотничьим инстинктом при поиске скрытых на седьмом уровне сокровищ.

Врен обратил на гостя блестящие, словно у ястреба, желтые глаза и сказал:

– Что-то вы сегодня сами на себя не похожи.

– Именно, – ответил Пендергаст, не вдаваясь в подробности. (Врен, впрочем, и не ждал от него никаких объяснений.)

– Мне интересно, помогли ли вам эти… как их? Ах да, отчеты старой водопроводной компании и книга народных преданий о «Пяти углах».

– Да, и очень заметно.

– И что вы принесли мне сегодня, лицемерный соблазнитель? – поинтересовался Врен, показав на сверток под мышкой Пендергаста.

Пендергаст оттолкнулся от стеллажа и ответил:

– Это рукописный текст «Ифигении в Тавриде».

Врен слушал Пендергаста с каменным выражением лица.

– Манускрипт был иллюминирован в монастыре Святого храма в конце четырнадцатого века. Одна из последних работ монахов перед страшным пожаром тысяча триста девяносто седьмого года.

В желтых глазах старика промелькнула искра интереса.

– Книга привлекла внимание папы Пия Третьего, который объявил ее святотатственной и приказал сжечь все экземпляры. Она же знаменита

рисунками и надписями на полях, сделанными переписчиками. Говорят, что эти записи имеют прямое отношение к утраченным частям фрагментарного «Рассказа повара» из «Кентерберийских рассказов» Чосера.

Искры интереса в глазах Врена превратились в алчное бушующее пламя. Он протянул руку.

– Но взамен я попрошу вас об одной услуге, – пряча сверток за спину, сказал Пендергаст.

– Кто бы сомневался, – бросил Врен и убрал руку.

– Вам известно что-нибудь о завещании Уиллрайта?

Врен подумал немного и отрицательно покачал головой. Седые патлы разлетелись в разные стороны.

– С тысяча восемьсот шестьдесят шестого по тысяча восемьсот девяносто четвертый год он заведовал городским земельным управлением. Парень прославился как страшный барахольщик и по завещанию передал библиотеке массу афиш, рекламных объявлений, театральных программок, городских циркуляров и других документов того времени.

– Видимо, поэтому я ничего о нем и не слышал, – сказал Врен. – Судя по вашим словам, эта коллекция и яйца выеденного не стоит.

– Кроме документов, Уиллрайт пожертвовал публичной библиотеке довольно значительную сумму.

– Это объясняет, почему его коллекция все еще хранится.

Пендергаст согласно кивнул.

– Но она заслуживает не больше чем седьмого уровня.

Пендергаст снова ограничился кивком.

– Что вас в ней интересует, лицемерный соблазнитель?

– Если верить некрологу, Уиллрайт занимался научной работой. Он изучал историю крупных земельных собственников Нью-Йорка. Для этого он, в частности, собирал копии всех документов по сделкам с недвижимостью, проходивших через его управление. Контракты менее чем на тысячу долларов его не интересовали. Мне хотелось бы познакомиться с этими документами.

– Но мне кажется, что более полную информацию по этим вопросам можно найти в Нью-Йоркском историческом обществе, – прищурив глаза, сказал Врен.

– Это действительно так. Или, вернее, так должно быть. Но документы по некоторым сделкам необъяснимым образом исчезли из их архивов. В первую очередь это касается владений, стоящих вдоль Риверсайд-драйв. Все попытки найти нужные мне документы успехом не увенчались. Человек, которого я попросил это сделать, был поражен их пропажей.

– И поэтому вы пришли ко мне.

В ответ Пендергаст протянул ему сверток.

Врен принял пакет, благоговейно повертел его в руках и разрезал бумагу переплетным ножом. После этого он положил книгу на стол и стал освобождать от обертки. Создавалось впечатление, что о присутствии Пендергаста он просто забыл.

– Я вернусь через сорок восемь часов, чтобы познакомиться с даром Уиллрайта и забрать свой иллюстрированный манускрипт, – сказал Пендергаст.

– Это может занять больше времени, – ответил Врен, стоя спиной к Пендергасту. – Коллекция в целом виде могла и не сохраниться.

– Я верю в ваши таланты.

Врен, пробормотав нечто нечленораздельное, натянул свои перчатки, нежно открыл застежки и впился жадным взглядом в написанные от руки страницы.

– И еще кое-что, Врен.

В тоне Пендергаста было нечто такое, что заставило любителя литературы оглянуться через плечо.

– Вы не будете возражать, если я попрошу вас вначале найти для меня материалы Уиллрайта, а уж затем приступить к изучению манускрипта?

– Агент Пендергаст, – с видом оскорбленного достоинства произнес Врен, – вам прекрасно известно, что ваши интересы для меня всегда на первом месте.

Пендергаст взглянул в лукавое лицо старика, на котором теперь читались обида и негодование.

– Да, конечно, – сказал Пендергаст и неожиданно исчез в тени стеллажа.

Врен поморгал своими желтыми глазами и вновь обратил все свое внимание на богато иллюстрированный манускрипт. Он точно знал, где находится коллекция Уиллрайта, и достать нужные материалы было делом каких-то пятнадцати минут. Таким образом, для изучения

манускрипта в его распоряжении оставалось сорок семь часов и сорок пять минут. На седьмой уровень снова вернулась тишина. Могло показаться, что появление Пендергаста было не более чем сон.

Глава 7

По Риверсайд-драйв шел человек. Он шагал нешироко, но твердо, металлический наконечник его трости ритмично постукивал по асфальту тротуара. Солнце вставало над Гудзоном, придавая маслянистой поверхности реки розовый оттенок. Прохладное осеннее утро было совершенно безветренным, и листва деревьев парка Риверсайд оставалась неподвижной. Человек глубоко вдохнул, и его обостренное обоняние уловило весь букет городских ароматов: исходящий от воды запах мазута и дизельного топлива, пахнущий влагой воздух парка, отвратительную вонь улиц.

Человек свернул за угол и остановился. В разгорающемся свете нового дня короткая улица казалась совершенно пустынной. А чуть дальше, через квартал, шумел Бродвей. С того места, где человек остановился, были даже видны огни витрин и отблески рекламы. Но здесь, ближе к реке, царил полный покой. Большинство смотрящих на реку зданий было заброшено. Его дом стоял рядом с местом, где много лет назад располагался открытый манеж, на котором упражнялись в верховой езде самые состоятельные молодые дамы Нью-Йорка.

Манеж, естественно, давно исчез, и на его месте появилась служебная подъездная дорога, изолирующая жилые дома от шума движения по Риверсайд-драйв. Островок, образованный служебной дорогой, порос травой, на нем высились деревья и стояла статуя Жанны д'Арк. Это было одно из самых тихих и совершенно забытых мест острова Манхэттен. Забытых всеми, кроме него. Еще одно достоинство этого куска земли заключалось в том, что оно кишело уличными бандами и считалось опасным. Последнее было очень кстати.

Человек прошел по аллее для конных экипажей к боковой двери особняка и, открыв ее, оказался в пропитанном запахом плесени помещении. Руководствуясь лишь чутьем (все окна были плотно заколочены), он прошел вначале по темному коридору, затем еще по одному и оказался перед дверцей стенного шкафа. Человек потянул на себя дверцу. Шкаф оказался пустым. Он вошел внутрь и повернул ручку в стене. Стена бесшумно отодвинулась, открыв путь на ведущие вниз каменные ступени.

Человек спустился по лестнице и ощупью нашел старинный выключатель. Ряд вспыхнувших электрических ламп вырвал из темноты длинный каменный тоннель с выступившими на потолке каплями влаги. Человек повесил пальто на бронзовый крюк, положил котелок на шляпную полку и опустил трость в подставку для зонтов. После этого он,

громко стуча по камням пола, двинулся по коридору к железной двери с прямоугольной прорезью на уровне лица.

Прорезь была закрыта.

Немного выждав, человек достал из кармана ключ, открыл замок и толчком распахнул металлическую дверь.

Камеру залил яркий свет, открыв взору забрызганный кровью пол и лежащие в беспорядке цепи со скобами. Цепи, так же как и одна из стен, тоже были залиты кровью.

В камере, естественно, никого не было. Он обвел помещение взглядом и улыбнулся. Все было готово для приема очередного гостя.

Человек закрыл дверь, повернул ключ в замке и прошел через холл в обширное подземное помещение. Там он включил яркие лампы и подошел к хирургической каталке из нержавеющей стали. На каталке лежали старинный кожаный саквояж и два переплетенных в ярко-красный пластик журнала. Человек поднял верхний журнал, открыл его и с живым интересом принялся просматривать первые страницы. Судьба, как всегда, оказалась горазда на выходки. По всем законам эти журналы должны были давным-давно сгинуть в огне. Попав в нехорошие руки, они могли причинить ему немалые неприятности. И причинили бы, если бы он случайно не оказался в нужном месте в нужное время. Но теперь они вернулись к тому, кому должны принадлежать по праву.

Человек вернул журнал на место и неторопливо открыл саквояж медика.

Внутри его на дымящемся слое сухого льда лежал цилиндрический контейнер из прочного серого пластика. Человек натянул на руки перчатки из латекса, осторожно извлек контейнер из саквояжа и, поставив его на каталку, отвинтил крышку. Затем он запустил руку в контейнер и с неимоверной осторожностью вытащил из него какой-то удлиненный предмет. Если бы не пятна крови и частицы оставшейся на нем мягкой ткани, этот предмет можно было бы принять за толстый канат с отходящими в разные стороны многочисленными крошечными отростками. Человек едва заметно улыбнулся, а его светлые глаза радостно сверкнули. Еще раз внимательно осмотрев странный предмет, он отнес его к находящейся рядом раковине и промыл дистиллированной водой из стерильной бутыли. Как только странная масса очистилась от мелких осколков костей и другого мусора, он поместил ее в резервуар миксера, закрыл крышку и нажал на кнопку пуска. Мотор машины громко взвыл, и помещенный в резервуар предмет превратился в тестообразную массу.

Через определенные промежутки времени, каждый раз сверяясь с записями в блокноте, человек четко отработанными движениями загружал в миксер какие-то химикаты. Тестообразная масса светлела, становясь все более жидкой и прозрачной. Затем экспериментатор выключил свой супермиксер, перелил практически жидкий материал в длинную трубу из нержавеющей стали, поместил трубу в находящуюся здесь же центрифугу, плотно закрыл крышку и повернул тумблер. Раздалось гудение.

На работу центрифуги уходило двадцать минут и тридцать секунд. Это была лишь первая стадия длительного процесса. При работе следовало соблюдать абсолютную точность. Малейшая ошибка на любом этапе в дальнейшем только усиливалась, и полученное вещество становилось совершенно бесполезным. Но после того как он решил получать исходный материал здесь, в лаборатории, а не в городе, весь процесс будет протекать в более благоприятных условиях.

Экспериментатор возвратился к раковине, в которой лежало тщательно свернутое полотенце. Он приподнял край ткани, полотенце развернулось, и в раковину выпало с полдюжины окровавленных скальпелей. Человек начал их мыть. Мыть медленно и любовно. Это был старинный инструмент. Тяжелый и прекрасно сбалансированный. Конечно, этот антиквариат был не так удобен в работе, как новомодные японские скальпели со сменяемыми лезвиями, но зато он хорошо лежал в руке. Даже в век супермиксеров и аппаратов, анализирующих ДНК, для старинных инструментов тоже находится место.

Поместив скальпели в автоклав для сушки и стерилизации, человек снял перчатки, тщательно вымыл руки и столь же тщательно вытер их льняным полотенцем. После этого он взглянул на центрифугу и, убедившись, что процесс идет нормально, подошел к небольшому шкафу. Открыл его, достал листок бумаги и положил листок на каталку рядом с саквояжем. На листке каллиграфическим почерком были начертаны пять имен:

Пендергаст

Келли

Смитбек

О'Шонесси

Пак

Последнее имя было уже вычеркнуто. Человек извлек из кармана сверкающее лаком вечное перо, отвинтил колпачок и провел тонкую ровную линию по четвертому имени, завершив ее изящным завитком.

Глава 8

Смитбек неторопливо завтракал в своем излюбленном кафе неподалеку от дома. Он знал, что музей распахивает двери лишь в десять часов утра. Журналист еще раз просмотрел фотокопии статей из старых номеров «Таймс». Чем больше он их читал, тем сильнее в нем росло убеждение, что все эти убийства были работой Ленга. Даже география говорила об этом. Большая часть убийств случилась в районе Нижнего Ист-Сайда.

В девять тридцать он потребовал счет и, наслаждаясь бодрящим осенним воздухом, направился пешком в музей. Смитбек даже не заметил, когда начал насвистывать. Журналист оставался оптимистом, несмотря на то что ему еще предстояло уладить свои отношения с Норой. Если он доставит ей желанную информацию на серебряном блюде, то это будет прекрасным шагом к примирению. Не может же она злиться на него вечно. Ведь у них так много общего. Им уже доводилось пережить хорошие и плохие времена. Если бы у нее был не такой бешеный нрав...

Для радости у него была еще одна причина. Да, конечно, время от времени чутье его подводит. Так, например, случилось с этим дурацким визитом к Фэрхейвену. Но в большинстве случаев его журналистский нюх действует безотказно. Работа над статьей о Ленге начинается как нельзя лучше. Теперь ему остается откопать несколько самородков, связанных с его личной жизнью, и, если повезет, разжиться фотографией. Самое главное, у него есть идея, как этот материал раздобыть.

Он чуть прищурил глаза от яркого солнца и глубоко вдохнул осенний воздух.

Несколько лет назад, когда он писал статью о выставке, посвященной разного рода предрассудкам, ему удалось отлично познакомиться с музеем. Смитбек узнал все закоулки, научился находить самые короткие пути. Знал, какие экспонаты стояли в потаенных уголках, и познакомился с множеством архивов. И если где-то в стенах музея скрыта информация о Ленге, он до нее обязательно доберется.

Когда распахнулись огромные двери музея, Смитбек сразу же постарался затеряться в толпе ранних посетителей. Светиться ему было совершенно не с руки. Он отдал сумму, которую предлагали добровольно внести всем визитерам, приколол полученный значок и прошел через Ротонду, глазея с открытым от восторга ртом на громадные скелеты. Ему казалось, что таким образом он лучше сойдет за провинциального туриста.

Вскоре журналист откололся от толпы и продолжил путь самостоятельно. Один из самых малоизвестных, но очень полезных для

него архивов находился на первом этаже. В просторечии он именовался «Старые записи», и в нем находилось огромное число шкафов с разного рода личными делами, начиная с основания музея и кончая примерно 1986 годом, когда все сведения о персонале были компьютеризированы. После этого вся кадровая работа велась в новых, сверкающих стеклом и хромом офисах на четвертом этаже. Он до сих пор помнил «Старые записи» с их запахом нафталина и тронутой плесенью бумагой, с бесконечными рядами шкафов с личными делами давно ушедших в иной мир постоянных и ассоциированных сотрудников музея, гостей-ученых и спонсоров. «Старые записи» хранили еще не утратившие значение материалы (некоторые из них – весьма деликатного свойства) и в силу этого обстоятельства пребывали под замком и постоянно охранялись. Прошлый раз он посещал архив по делу и имел официальное письменное разрешение. Теперь ему предстоит искать новые подходы. Охранники могут его узнать, однако по прошествии стольких лет это маловероятно.

Смитбек прошел через просторный зал птиц – пустой и гулкий. Птиц он не заметил, поскольку все его мысли были заняты разработкой плана вторжения. Довольно скоро он оказался перед двустворчатыми бронзовыми дверями с табличкой, на которой было начертано: «Архив личных дел. Старых». Взглянув в щель между створками, он увидел двух сидящих за столом и попивающих кофе стражей.

Когда Смитбек вернулся в зал птиц, у него уже созрел план дальнейших действий. Он резко развернулся, вышел в коридор и поднялся на второй этаж в огромный Мемориальный зал Селоса. Там за длинной стойкой разместился ряд жизнерадостных дам, всегда готовых дать визитерам необходимую справку. Смитбек снял значок посетителя, бросил его в мусорную корзину и подошел к ближайшей даме.

– Я – профессор Смитбек, – представился он с улыбкой.

– Слушаю вас, профессор. Чем могу вам помочь?

– Не могу ли я воспользоваться вашим телефоном? – спросил Смитбек, одарив ее самой очаровательной улыбкой из своего арсенала.

– Конечно, – сказала женщина и достала из-под стойки телефонный аппарат.

Смитбек пролистал лежащий рядом телефонный справочник музея, нашел и набрал нужный номер.

– «Старые записи», – ответил грубоватый голос.

– Рук на месте?! – пролаял Смитбек.

– Рук? Здесь нет никакого Рука. Вы набрали не тот номер, приятель.

Смитбек, имитируя крайнюю степень раздражения, засопел в трубку и спросил:

– Кто сегодня там у вас дежурит?

– Я и О'Нил. Кто говорит? – прозвучал свирепый вопрос. Собеседник Смитбека, кем бы он ни был, большим умом, видимо, не отличался.

– "Я"?! Кто "я"?

– В чем проблема, приятель?

Смитбек пустил в дело максимально официальный, чуть ли не ледяной тон:

– Если вы не поняли, то разрешите мне повторить. Могу ли я позволить себе, сэр, поинтересоваться, как вас зовут, и спросить, не станете ли вы возражать против формального выговора за неподчинение?

– Мое имя Балджер, сэр. – Грубый тон охранника сменился подобострастием.

– Балджер, значит. Именно вы мне и нужны. С вами говорит мистер Храмрехем из департамента людских ресурсов, – раздраженно сказал Смитбек. Имя он сознательно произнес быстро и невнятно.

– Прошу прощения, сэр, я не сразу вас понял. Чем могу быть вам полезен, мистер?..

– Вы определенно можете мне помочь, Балджер. У нас возникли кое-какие проблемы в связи с некоторыми... хм... противоречиями в вашем личном деле.

– Какими именно, сэр? – В голосе Балджера звучала тревога.

– Вопрос конфиденциальный. Мы все обсудим, когда вы явитесь сюда.

– Когда?

– Сейчас, естественно.

– Хорошо, сэр, но я не уловил ваше имя...

– И скажите О'Нилу, что я посылаю к вам человека проверить, как вы там трудитесь. К нам поступила довольно неприятная информация. Речь идет о проявлениях халатности.

– Хорошо, сэр, но...

Смитбек положил трубку. Сидящая за стойкой дама взирала на него с любопытством, если не с подозрением.

– О чем шла речь, профессор?

Смитбек улыбнулся, пригладил ладонью непокорный вихор и сказал:

– Всего лишь маленький розыгрыш коллеги. Мы иногда так развлекаемся… Пребывание в этой обители старого мусора иногда навевает такую скуку…

Дама улыбнулась.

«Святая простота», – подумал Смитбек и, ощущая некоторое чувство вины, отправился назад к «Старым записям». По пути ему встретился один из охранников, которых он видел в щель двери. Страж трусил по залу. На его физиономии был написан страх.

В департаменте людских ресурсов, как и в других административных службах, людей было гораздо больше, чем того требовало дело. От других подразделений его отличало то, что вызов туда мог означать большие неприятности для работника музея. Одним словом, все его очень боялись. Охраннику потребуется десять минут на то, чтобы добраться до департамента людских ресурсов. Столько же времени уйдет на поиски несуществующего мистера Храмрехема. Еще десять минут на возвращение. Итого в распоряжении Смитбека было примерно полчаса. За эти тридцать минут он должен убедить второго стража пропустить его в архив и найти там необходимые бумаги. Времени было в обрез, но Смитбек вдоль и поперек знал архивную систему музея и бесконечно верил в свои способности. Журналист не сомневался, что найдет досье Ленга.

Он снова пересек зал птиц, подошел к бронзовым дверям «Старых записей», остановился, расправил плечи, выпятил грудь и, глубоко вздохнув, властно постучал.

Дверь открыл оставшийся на дежурстве охранник. Страж выглядел очень юным. Судя по его виду, он только-только окончил школу. Парень уже был до смерти напуган.

– Чем могу вам помочь?

Смитбек схватил вялую руку парня, потряс ее и сказал:

– О'Нил? Мое имя Морис Фэннин. Меня послали сюда кое-что прояснить.

– Прояснить?

Смитбек проскользнул в помещение и огляделся по сторонам. Он увидел ряды старых металлических шкафов, заставленный пластмассовыми кофейными стаканами и усыпанный сигаретными окурками стол. Стены архива были выкрашены в ядовито-желтый цвет.

– Позор, – произнес журналист.

В архиве повисло неловкое молчание.

– Мы попытались выяснить, О'Нил, как здесь идет служба, – сверля юнца взглядом, начал Смитбек, – и, должен признаться, О'Нил, мы разочарованы. И очень сильно.

О'Нил мгновенно затрясся от страха.

– Простите, сэр. Может быть, вам лучше поговорить со старшим?.. С мистером Балджером?..

– С ним уже разговаривают. И ему, поверьте, предстоит долгая беседа. Когда вы в последний раз проверяли состояние картотеки?

– Проверяли что?

– Состояние картотеки. Когда это случилось в последний раз, О'Нил?

– М-м... Я не знаю, что это такое, сэр. Начальник ничего не говорил о проверке файлов и...

– Странно. Я полагал, что вас ознакомили с этой процедурой. Именно это я и имел в виду, О'Нил. Халатность. Работа с прохладцей. Итак, начиная с сегодняшнего дня вы должны ежемесячно проверять состояние картотеки. Вы меня поняли? Ежемесячно.

Смитбек нахмурил брови, подошел к шкафу и потянул на себя один из ящиков. Как он и предполагал, шкаф был на замке.

– Шкаф заперт, – пояснил охранник.

– Вижу. Это может заметить любой идиот. Где ключи? – постучав по ручке ящика, спросил журналист.

– Вон там, – произнес несчастный парнишка, кивая в сторону укрепленного на стене ящика.

Смитбек подумал, что та обстановка запугивания и общего страха, которую создала в музее новая администрация, иногда может быть весьма полезной. Молодой охранник пребывал в состоянии такого ужаса, что даже не попросил Смитбека предъявить удостоверение личности.

– А ключ к ящику?

– У меня на цепочке.

Смитбек, якобы в поисках других проявлений нерадивости, еще раз внимательно огляделся, стараясь при этом не упустить ни одной детали.

На всех шкафах имелись ярлыки с указанием даты. Даты, похоже, начинались с 1865 года – года, когда был основан музей.

Журналист знал, что все ученые со стороны, для того чтобы проводить исследования в музее, были обязаны получить специальное разрешение комитета кураторов. Протоколы заседаний комитета и анкеты, которые заполняли претенденты, скорее всего находятся в этих ящиках. Ленг наверняка должен был испрашивать подобное разрешение. Если его досье все еще здесь, то оно содержит массу личной информации, включая полное имя, адрес, образование, сведения об ученых степенях, направлении исследований и список публикаций. Некоторые из них могли быть приложены к делу. В досье даже могло оказаться его фото.

Смитбек постучал костяшками пальцев по шкафу за 1880 год и сказал:

– Возьмем для примера эту картотеку. Когда в последний раз проверялось ее состояние?

– Никогда, насколько мне известно.

– Никогда?! – мастерски сыграв негодование, воскликнул Смитбек. – Чего же вы в таком случае ждете?

Охранник суетливо распахнул ящик на стене и, нащупав там нужный ключ, открыл металлический шкаф с картотекой.

– А теперь позвольте мне показать вам, как проводится проверка, – сказал Смитбек, выдвинул ящик и сунул руки между папками, подняв изрядный клуб пыли. Из первой папки торчала желтая картонка с какими-то индексами. Журналист схватил ее и поднес к глазам. Оказалось, что это каталог всех дел, находящихся в этом ящике. Имена были расположены в алфавитном порядке, все картотеки были датированы, и, кроме того, здесь же имелись отсылки к другим имеющим отношение к этому человеку документам. Замечательно. Слава музейным бюрократам позапрошлого века!

– Всегда начинайте с индекса, – наставительно произнес Смитбек и помахал перед носом стража желтой картонкой.

Страж согласно кивнул.

– Они содержат сведения о всех хранящихся в данном шкафу картотеках. После этого вы проверяете наличие картотек. Эта Процедура и называется проверкой.

– Понимаю, сэр.

Смитбек быстро пробежал глазами имена на карте и, не увидев среди них имени Ленга, сказал:

– А теперь проверим год тысяча восемьсот семьдесят девятый. Выдвиньте, пожалуйста, ящик.

– Слушаюсь, сэр.

Смитбек достал индекс за 1879 год. И здесь Ленг не был упомянут.

– Вам следует действовать с величайшей осторожностью, – продолжал свои поучения журналист. – Хранящиеся здесь документы имеют непреходящую историческую ценность. Откройте следующий.

– Есть, сэр.

Проклятие. И здесь ничего не говорится о Ленге.

– Давайте быстро проверим еще несколько лет.

Смитбек попросил охранника открыть еще несколько шкафов и принялся поспешно просматривать желтые картонки, не забывая давать О'Нилу ценные указания. Годы неуклонно катились вспять, и Смитбек начал впадать в отчаяние.

И вот в индексе за 1870 год ему в глаза бросилось нужное имя.

Ленг!

Его сердце забилось чаще. Забыв об охраннике, Смитбек принялся лихорадочно перебирать картотеку на букву "Л". Затем, замедлив поиск, он просмотрел нужную букву еще раз. Потом еще. Но дела доктора среди них не оказалось.

Ленг побывал здесь первым.

Смитбек чувствовал себя так, словно на него рухнула скала. А ведь это была великолепная идея!

Журналист выпрямился и взглянул в растерянное, испуганное лицо охранника. Полный провал. Он совершенно напрасно запугал до полусмерти бедного мальчишку. Какая растрата умственной энергии и драгоценного времени! Это означает, что все надо начинать с нуля.

Смитбек понимал, что из архива пора смываться. Балджер мог вернуться с минуты на минуту. И к дискуссии он наверняка расположен не будет.

– Сэр? – робко произнес юный охранник.

Смитбек вяло задвинул ящик, взглянул на часы и утомленно сказал:

– Мне пора возвращаться. Продолжайте нести вахту. Вы отлично работаете, О'Нил. Действуйте в том же духе.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Мистер Фэннин...

В первый момент Смитбек не мог понять, к кому обращается юный страж. Но вспомнив, что мистер Фэннин – это он сам, журналист сказал:

– Слушаю вас.

– Скажите, а копии картотек тоже надо проверять?

– Копии? – переспросил Смитбек.

– Да. Те, что находятся в особом хранилище.

– В особом хранилище?

– Да. Там, за стеной.

– Ах да, конечно. Благодарю вас, О'Нил. Это мой недосмотр. Покажите мне хранилище.

Молодой охранник провел журналиста к стальной двери в дальней стене комнаты. В центре двери сверкал штурвал, похожий на корабельный.

– Вот здесь.

– Вы можете его открыть?

– А его и не запирают. С тех пор, как был отменен особый режим хранения.

– Понимаю. И как же выглядят эти копии?

– Это дубликаты всех хранящихся в шкафах картотек.

– Что ж. Пожалуй, стоит взглянуть. Открывайте.

О'Нил, с трудом потянув дверцу, открыл взору небольшую, сплошь заставленную шкафами комнату.

– Давайте взглянем... ну, скажем... на год тысяча восемьсот семидесятый.

– Вот, – оглядев внутренности хранилища, сказал охранник.

Смитбек подошел к шкафу и выдвинул ящик. Копии были сделаны на самых ранних образцах фотобумаги и походили на старинные фотографии – выцветшие и туманные. Смитбек принялся перебирать глянцевитые листки и довольно быстро добрался до буквы "Л".

Вот оно. Разрешение, выданное Эноху Ленгу и датированное 1870 годом. Несколько страниц светло-коричневого цвета с записями от руки, сделанными тонким неразборчивым почерком. Смитбек одним

быстрым движением извлек листки из папки и сунул их в карман пиджака, замаскировав свои действия громким кашлем.

– Отлично, О'Нил, – сказал он, обращаясь лицом к молодому человеку. – Но эти картотеки тоже надо обязательно проверять.

Выйдя из хранилища, Смитбек продолжил:

– Что же, О'Нил, вы работаете хорошо, за исключением проверки картотек. Но это дело исправимое, и я замолвлю за вас слово.

– Благодарю вас, мистер Фэннин. Я стараюсь. Очень стараюсь...

– Если бы я мог сказать это и о Балджере... Очень рад, что мне довелось встретить здесь по-настоящему ответственного работника.

– Вы совершенно правы, сэр.

– Желаю успеха, О'Нил, – бросил Смитбек и начал поспешный отход.

Это было сделано вовремя. В зале птиц он встретился с Балджером. Лицо старшего охранника было покрыто красными пятнами. Он шагал, заложив большие пальцы рук за пояс. Висящие на ремне ключи откликались на каждый его шаг позвякиванием, а брюхо воинственно колыхалось. Одним словом, мистер Балджер был вне себя от гнева, или, выражаясь менее изящно, писал кипятком.

Когда Смитбек добрался до ближайшего выхода из музея, ему стало казаться, что драгоценные бумаги уже успели прожечь здоровенную дыру в подкладке его пиджака.

Старинный темный дом

Глава 1

Оказавшись в безопасности на улице, Смитбек нырнул с Семьдесят седьмой улицы в Центральный парк и плюхнулся на скамью рядом с прудом. На смену ясному и прохладному осеннему утру уже пришел сверкающий всеми красками теплый день бабьего лета. Смитбек вдохнул полной грудью чистый воздух парка и еще раз подумал, что является непревзойденным репортером – гордостью журналистского цеха. Брайс Гарриман и за год не раздобыл бы этих бумаг, как бы ни лез из кожи вон. Трепеща от чувства сладостного предвкушения, Смитбек извлек из кармана пиджака три драгоценных листка.

Это были старинные выцветшие фотокопии. Разобрать, что там написано, можно было лишь ценой огромных усилий. На первом листке было напечатано: «Просьба о допущении к фондам Американского музея естественной истории».

Далее следовало:

"Заявитель: профессор Энох Ленг, доктор медицины, доктор философии (Оксфорд), член Королевского о-ва etc.

Поручитель: профессор Тинбери Макфадден, отдел млекопитающих.

Второй поручитель: профессор Огастас Спрэгг, отдел орнитологии.

Заявитель, опишите, пожалуйста, цели данного заявления:

Заявитель доктор Энох Ленг желает получить доступ к коллекциям отдела антропологии и отдела млекопитающих с целью проведения исследований по проблемам классификации животных и таксидермии, а также для подготовки сравнительных эссе по вопросам физической антропологии, остеологии и френологии.

Заявитель, сообщите, пожалуйста, сведения о полученном образовании, ученых степенях и наградах, указав при этом соответствующие даты:

Заявитель доктор Ленг окончил Ориэл-Колледж (Оксфорд) с высшей наградой и получил степень бакалавра. Степень доктора философии (природоведение) был им получен в Новом Колледже (Оксфорд). В 1865 году избран членом Королевского общества, в 1868 году награжден орденом Британской империи IV степени.

Заявитель, сообщите, пожалуйста, место вашего постоянного проживания и адрес в Нью-Йорке (если они различны):

Проф. Энох Ленг

891 Риверсайд-драйв, Нью-Йорк.

Нью-Йорк.

Исследовательская лаборатория расположена в Кабинете природных диковин Шоттама.

Кэтрин-стрит, Нью-Йорк.

Нью-Йорк.

Заявитель, приложите, пожалуйста, список научных трудов и передайте копии как минимум двух публикаций для оценки их членами Комитета".

Смитбек просмотрел остальные листки и понял, что публикации прихватить не сумел.

"Ниже приводится решение Комитета:

Настоящим решением профессор Энох Ленг получает возможность бесплатно и без каких-либо ограничений пользоваться коллекциями и библиотекой Американского музея естественной истории начиная с 27 дня марта 1870 года.

Подпись поручителя: Тинбери Макфадден.

Подпись заявителя: Э. Ленг".

Смитбек невнятно выругался – он вдруг почувствовал себя совершенно опустошенным. Добыча оказалась довольно хилой. Было бы гораздо лучше, если бы Ленг получил свои ученые степени в США. Можно было бы заглянуть в архивы учебных заведений. Впрочем, можно попытаться получить информацию из Оксфорда. Нельзя исключать, что все эти ученые степени и награды окажутся сплошной липой. Пожалуй, стоит попытаться. Список научных трудов мог бы принести большую пользу, так как проверить их подлинность гораздо легче. Но путь в архив для него закрыт. Посещение «Старых записей» было гениальной задумкой, и в целом он ее прекрасно реализовал. Как он мог промахнуться со статьями?! Проклятие!

Смитбек еще раз просмотрел бумаги. Там не было ни фотографии Ленга, ни его жизнеописания. В запросе не назывались ни дата появления на свет, ни место, где произошло это примечательное событие. Всего лишь адрес.

Проклятие. Проклятие.

Но здесь его мысли потекли по новому руслу. Он вспомнил, что Нора отчаянно пытается найти адрес Ленга. Теперь, когда адрес ему известен, можно будет выступить с предложением о заключении мира.

Смитбек произвел в уме быстрый расчет и пришел к выводу, что дом номер 891 по Риверсайд-драйв находится на севере Манхэттена, где-то в районе Гарлема. На том отрезке Риверсайд-драйв сохранилась куча старых особняков, большая часть которых стояли заброшенными, а некоторые из них были превращены в многоквартирные жилые дома. Маловероятно, что дом Ленга сохранился. Скорее всего он был снесен много лет назад. Но нельзя исключать и того, что он по-прежнему стоит на своем месте. Можно сделать отличную фотографию. Пусть даже дом превратился в руины. Особенно если это будут старинные, внушающие трепет развалины. Нельзя исключать и того, что там закопаны или замурованы в подвале тела жертв Ленга. Вполне возможно, что где-то в углу дома догнивают бренные останки и самого доктора. Одним словом, информация об адресе умиротворит Нору и придется по вкусу Пендергасту и О'Шонесси. А каким бриллиантом в его статье засверкают слова: журналистское расследование позволяет обнаружить труп

первого серийного убийцы. Конечно, подобное маловероятно, но тем не менее...

Смитбек взглянул на часы. Почти час дня.

Господи. Гениальная детективная работа принесла ему всего лишь этот треклятый адрес. Что ж, потребуется всего лишь час на то, чтобы проверить, стоит ли этот дом, или его уже давно нет.

Смитбек затолкал бумаги обратно в карман и вышел на Сентрал-Парк-Вест. Ловить такси не имело смысла. Водители не захотят везти его на север Манхэттена. Кроме того, он там не найдет такси, чтобы вернуться. Смитбек не испытывал ни малейшего желания бродить по этой опасной округе даже средь бела дня.

Лучше всего арендовать машину. «Таймс» имела специальный договор с прокатной фирмой «Хертц», и отделение фирмы находилось совсем недалеко – на Коламбус-серкл.

«Если дом все-таки существует, – думал Смитбек, – можно будет потолковать с теперешними жильцами и узнать, не случилось ли во время перестройки чего-то необычного». Не исключено, что он сможет осмотреть бывшее жилище Ленга изнутри.

Скорее всего до наступления темноты он может и не закончить.

Не оставалось ничего иного, кроме как брать автомобиль напрокат.

* * *

Сорок пять минут спустя Смитбек уже катил на серебристом «форде» по Сентрал-Парк-Вест. Журналист снова воспрянул духом. Из этого все же может получиться грандиозная статья. Осмотрев дом, он отправится в Нью-Йоркскую публичную библиотеку и отыщет там научные труды Ленга. Не исключено, что придется проверить полицейские архивы, чтобы посмотреть, не происходило ли чего-то необычного рядом с домом профессора, когда тот был еще жив.

Одним словом, оставалось еще много непроторенных дорог. Доктор Ленг может оказаться серийным убийцей покруче самого Джека Потрошителя. Во всяком случае, между ними очень много общего. И для того, чтобы мир понял это, нужен всего лишь один первоклассный журналист.

Если ему удастся собрать достаточно материала, то увидит свет еще одна его книга. И он, Смитбек, наверняка огребет Пулитцеровскую премию, которая до сих пор самым непостижимым образом ускользала из его рук. Не менее, а пожалуй, даже и более важно то, что это даст ему возможность примириться с Норой. Информация, которой он поделится с Пендергастом и Норой, позволит им бросить изучение земельных

сделок за последние сто лет. Пендергасту, в котором Смитбек видел своего союзника, это должно понравиться. Одним словом, все должно получиться как нельзя лучше.

Доехав до конца Центрального парка, он свернул налево, на Соборный бульвар, и уже с него – на Риверсайд-драйв. На углу Сто двадцать пятой улицы он притормозил, чтобы увидеть номера полуразрушенных домов. Четыреста семьдесят. Пятьсот семьдесят. Проехав еще десять кварталов к северу, Смитбек снизил скорость и затаив дыхание следил за проплывающими за окном домами.

И вот его взгляд поймал номер 891.

Дом все еще оставался на месте. Журналист не мог поверить в свою удачу. Когда-то это здание было жилищем Ленга.

Смитбек медленно проехал мимо дома, свернул на Сто тридцать восьмую улицу, обогнул квартал и еще раз внимательно изучил обстановку.

Номер 891 по Риверсайд-драйв занимал почти весь квартал. Парадный вход был украшен колоннами, а фриз портика имел все признаки позднего барокко. В камне над дверью был вырезан фамильный герб. От магистрали дом отделяла служебная дорога, образуя с Риверсайд-драйв небольшой, свободный от застройки треугольник. Кнопок домофона рядом с дверью Смитбек не увидел, а все окна первого этажа были плотно забиты досками и прикрыты листами жести. Судя по всему, дом никогда не дробили на отдельные квартиры, и он подобно большинству своих собратьев по Риверсайд-драйв был давным-давно брошен своими владельцами. Эти дома было очень дорого содержать, накладно сносить и еще дороже – перестраивать. Почти все подобные здания перешли за неуплату налогов в собственность города, а город бросил их на произвол судьбы.

Смитбек потянулся через пассажирское место, чтобы лучше рассмотреть дом. Окна верхнего этажа остались незаколоченными, и ни одно из стекол не было разбито. Превосходно. Именно в таком особняке и должен был жить серийный убийца. «Фото на первой полосе», – подумал Смитбек. Журналист представил, как его статья заставит полицию начать расследование, что, в свою очередь, приведет к обнаружению новых тел. Дело, похоже, идет все лучше и лучше.

Теперь следовало решить, как поступить дальше. Неплохо было бы заглянуть в окно, если удастся найти место для парковки.

Отъехав от тротуара, Смитбек снова обогнул квартал и в поисках свободного места проследовал дальше по Риверсайд-драйв. Несмотря на нищенский статус района, обилие машин поражало. Улица вдоль

тротуаров была уставлена каким-то металлоломом: престарелыми «эльдорадо», которые, судя по раскраске, могли принадлежать лишь сутенерам, и «универсалами» с огромными динамиками над задними сиденьями. Прежде чем найти в одной из боковых улиц полулегальное место для стоянки, Смитбек проехал семь или восемь кварталов. Лишь теперь он понял, что совершил ошибку, арендовав машину без водителя. Шофер мог бы ждать, пока он станет знакомиться с домом. Теперь же ему придется топать десять кварталов через Гарлем. То есть делать именно то, чего он всеми силами старался избежать с самого начала.

Втиснув арендованную машину между парой подозрительного вида автомобилей, Смитбек внимательно огляделся, вылез из машины, запер дверцу и быстро (но не так быстро, чтобы привлечь внимание) зашагал на юг, к Сто тридцать седьмой улице.

Дойдя до нужного угла, журналист замедлил шаг и вразвалку побрел к крытым въездным воротам в середине квартала. У ворот он остановился и внимательно осмотрел дом, делая все, чтобы выглядеть случайным зевакой.

В свое время это было весьма величественное сооружение. Четыре этажа из кирпича и мрамора с крытой шифером мансардой. Мансарду украшали башенки, а по всему периметру тянулась прогулочная площадка. В кирпичный фасад были вмурованы плиты украшенного резьбой известняка. Со стороны улицы особняк был огражден остроконечными металлическими прутьями. Ограда проржавела, и в ней зияло множество дыр. Двор дома зарос сорняками. Над бушующими зарослями сумаха и китайского ясеня возвышалась пара засохших дубов. Окна верхнего этажа хмуро взирали на Гудзон. Смитбек еще раз огляделся и двинулся по подъездной аллее к дому. Элегантный кирпич и мрамор стен были заляпаны надписями, а вдоль наземной части фундамента образовались кучи принесенного ветром мусора. С подъездной аллеи Смитбек видел массивную дубовую дверь. Дверь тоже была покрыта надписями, но тем не менее выглядела вполне работоспособной. В двери не было ни окошка, ни глазка.

Смитбек шел, стараясь держаться ближе к ограде. В воздухе стоял запах мочи и экскрементов. У самой двери кто-то выбросил пачку побывавших в употреблении памперсов, а на углу возвышалась куча пластиковых мешков с отбросами. Собаки и крысы давно разорвали мешки. Из кучи мусора, словно по сигналу, волоча брюхо по земле, выползла громадная крыса. Грызун высокомерно взглянул на Смитбека и снова скрылся в отбросах.

Журналист увидел, что по обеим сторонам дверей расположено два небольших овальных окна, закрытых жестяными листами. Там может оказаться щель, которая позволит заглянуть в дом. Смитбек подошел к

ближнему окну и надавил на жесть. Преграда оказалась твердой как скала. Никаких щелей. Столь же надежно было заколочено и другое окно. Журналист обследовал все швы, но щелей в них не было. Он изо всех сил уперся обеими руками в дверь, но та даже не дрогнула. Дом был закрыт надежно. Преграда казалась неодолимой. Не исключено, что дом находится в подобном состоянии со дня смерти Ленга. Если это так, то в нем могли сохраниться личные вещи профессора и, возможно, тела его последних жертв.

Как только полиция наложит свою лапу на дом, он потеряет все шансы узнать что-то новое.

Надо искать способ проникнуть внутрь.

Смитбек поднял глаза и изучил верхние этажи. Работая в каньонах Юты, он приобрел некоторый опыт скалолаза. Собственно, там и произошла его встреча с Норой. Журналист отступил от дома на несколько шагов и вгляделся в стену. В ней было множество выступов и выемок, которые могли послужить надежной опорой при восхождении. Здесь, в стороне от улицы, его никто не заметит, и, если повезет, он сможет добраться до одного из окон второго этажа. Просто для того, чтобы взглянуть.

Смитбек оглянулся на подъездную аллею. Улица была пустынной, а здание молчало, как сама смерть.

Журналист потер руки, пригладил вихор, поставил носок левого ботинка в щель и начал восхождение.

Глава 2

Капитан Кастер посмотрел на часы, украшающие стену его кабинета. Почти полдень. Капитан услышал, как урчит его обширное брюхо, и, наверное, в двадцатый раз пожелал, чтобы двенадцать пробило как можно скорее. Как только наступит полдень, он сможет отправиться в ближайшую закусочную, чтобы вгрызться в гигантский сандвич, сооруженный из двух кусков хлеба, ростбифа и толстого ломтя швейцарского сыра. Когда капитан нервничал, у него всегда разгуливался аппетит, а сегодня его нервишки разыгрались даже сильнее, чем обычно. Прошло меньше сорока восьми часов с того момента, когда ему поручили возглавить дело Хирурга, а его уже успели донять телефонными звонками. Звонил мэр. Звонил комиссар. Три убийства привели город в состояние, близкое к панике. А ему все еще нечего доложить. Время, которое удалось выиграть публикацией статьи о старинных костях, подходило к концу. Пятьдесят брошенных на расследование лучших детективов лихорадочно прорабатывали все версии. Без всякого толка. Куда это его привело? Да никуда! Капитан возмущенно засопел и покачал головой. Даже лучшие из детективов при

ближайшем рассмотрении оказались никчемными и некомпетентными задницами.

Его брюхо издало очередной и значительно более громкий рык. Всеобщий психоз и истерика начальства не давали ему возможности спокойно раскинуть мозгами. Если руководство расследованием крупного дела всегда протекает в атмосфере перегретой сауны, то от подобных почетных поручений впредь следует держаться подальше.

Кастер снова посмотрел на часы. Еще пять минут. Воздержание от ленча до полудня капитан считал важным дисциплинирующим фактором. Как офицер полиции, он знал, что дисциплина – основа основ, и не мог позволить, чтобы вызванная давлением извне нервозность отражалась на его принципах.

Кастер помнил, с каким скепсисом смотрел на него комиссар на Дойерс-стрит, когда поручал руководить расследованием. Рокер, похоже, был не до конца уверен в его способностях. Капитан точно запомнил слова начальства: «Как только покончите с Гарриманом, немедленно принимайтесь за расследование. Поймайте убийцу. Ведь вы не хотите, чтобы во время вашей вахты появился свежий труп? Как я уже сказал, у вас есть немного времени. Воспользуйтесь им».

Минутная стрелка перескочила еще на одно деление.

«Может быть, стоит привлечь к делу еще людей? – подумал капитан. – Видимо, следует кинуть еще десяток детективов на расследование убийства в архивах музея, Это было последнее преступление, и там можно будет обнаружить самые свежие улики. Сотрудница, которая нашла тело, – эта сучка... как ее там... – молчит как рыба. Если бы можно было...»

И в этот момент, когда до полудня оставалось каких-то несколько секунд, капитана осенила гениальная мысль.

Музейный архив... Сотрудница музея...

Озарение было настолько ослепительным, что все мысли о ростбифе, майонезе и швейцарском сыре на время вылетели из его головы.

Музей!

Музей был тем центром, вокруг которого вращались все события.

Третье убийство и безжалостная операция? И то и другое случилось в музее.

Эта баба археолог... Нора Келли, кажется? Работает в музее.

А письмо, которое нашел этот мерзавец Смитбек? Ведь с него все и началось. Хранилось в архиве музея.

Этот страхолюдина Коллопи? Тот, кто дал распоряжение изъять письмо? Директор музея.

Фэрхейвен? Член Совета директоров.

Убийца из девятнадцатого века? Связан с музеем.

Последней жертвой стал архивист Пак. Почему его убили? Да потому, что он обнаружил нечто важное. В архивах музея.

Голова Кастера работала необычно быстро и ясно. Капитан в уме одновременно проигрывал миллион вариантов и комбинаций. В первую очередь следовало предпринять мощные и решительные действия. Надо найти то, что нашел Пак, и он это обязательно сделает. Эта находка, чем бы она ни была, послужит ключом к раскрытию преступления.

Нельзя терять ни единой минуты.

Капитан поднялся и нажал на кнопку внутренней связи.

– Нойс? Ко мне! Немедленно!

Кастер еще не успел снять палец с кнопки, как в дверях возник Нойс.

– Десять лучших детективов, занятых в деле Хирурга, должны быть в моем кабинете через полчаса. Я намерен дать им новые указания. Совещание секретное.

– Слушаюсь, сэр, – сказал Нойс, позволив себе вопросительно вскинуть брови.

– Я все понял, Нойс. Все вычислил.

– Сэр?..

– Ключ к преступлениям Хирурга находится в Музее естественной истории. В архивах этого заведения. Кто знает, может быть, и сам убийца состоит в штате музея, – сказал Кастер и схватил пиджак. – Мы нанесем быстрый и сильный удар, Нойс. Они даже не успеют сообразить, откуда этот удар последовал.

Глава 3

Используя впадины и выступы в стене в качестве опор для рук и ног, Смитбек медленно полз наверх, по направлению к окну на втором этаже. Восхождение оказалось более тяжелым, чем можно было предположить. Он уже ухитрился поцарапать щеку, сильно ушибить палец. А самое главное, он бесповоротно губил свои новые итальянские туфли ручной

работы, за которые выложил две сотни баксов. Может быть, «Таймс» согласится компенсировать его потери? Нелепо распластанный на стене дома, он был открыт взорам всех прохожих. «Наверняка существуют иные, более легкие пути к Пулитцеровской премии», – думал журналист. Он ухватился за карниз окна и, собрав силы, подтянулся. Оказавшись на довольно широком выступе, Смитбек немного отдышался и огляделся по сторонам. Улица оставалась пустынной: похоже, что никто ничего не заметил. После этого он прижал нос к волнистому стеклу окна.

Комната за окном была полутемной и пустой. В анемичных лучах пробивающегося через стекло света лениво плавали пылинки. Смитбеку показалось, что в дальней стене темного помещения имеется закрытая дверь. У него, увы, не было возможности узнать, что находится в недрах дома за этой дверью.

Если он хочет это выяснить, надо влезть в окно.

Что в этом плохого? Дом заброшен несколько десятков лет назад. Теперь он скорее всего является собственностью города. Общественной собственностью, если можно так выразиться. Если он сейчас уйдет, сделав так много и пройдя столь длинный путь, ему все придется начинать сначала. Перед его мысленным взором возникла искаженная гневом физиономия редактора. Потрясая стопкой мятой бумаги и выкатив глаза, шеф начнет вопить о полной некомпетентности подчиненного. Если он хочет выставить им счет за туфли, надо что-то предпринимать.

Смитбек подергал окно, которое, как он и предполагал, оказалось на запоре. Впрочем, нельзя было исключать и того, что створки с течением времени просто крепко слиплись. Не зная, как поступить, журналист посмотрел вниз. Спуск, похоже, будет даже менее приятным, нежели подъем. То, что он увидел через окно, ему ничего не сказало. Необходимо пробраться внутрь, чтобы произвести беглый осмотр. Не может же он сидеть на карнизе вечно. Если его кто-то заметит…

И в этот момент он увидел, что по Риверсайд-драйв медленно катит патрульная полицейская машина. От копов его пока отделяло несколько кварталов. Будет скверно, если они застанут его здесь, а на то, чтобы спуститься вниз, времени уже не оставалось.

Смитбек поспешно стянул с себя пиджак, свернул его в комок и приложил к самому большому стеклу. Затем он надавил на пиджак плечом, и давил до тех пор, пока стекло не рассыпалось. Вынув из рамы острые осколки и аккуратно сложив их на карниз, журналист протиснулся в проем.

Оказавшись в комнате, он поднялся на ноги и посмотрел в окно. Все было тихо. Никто его не увидел. Отойдя в глубь комнаты, Смитбек напряг слух. Тишина. Журналист втянул носом воздух. Запах, как ни странно, оказался не таким неприятным, как можно было ожидать. Пахло старыми обоями и пылью, а сама атмосфера была вовсе не застойной. Чтобы успокоиться, Смитбек сделал несколько глубоких вдохов.

«Думай о статье. Думай о Пулитцеровской премии. Думай о Норе. Надо провести лишь короткую рекогносцировку и сразу уйти».

Смитбек стоял, давая возможность глазам приспособиться к полумраку. У дальней стены комнаты виднелась книжная полка с единственной книгой на ней. Журналист подошел к полке и взял книгу. Это был научный трактат, изданный в девятнадцатом веке. На кожаном переплете золотом было выдавлено изображение раковины. Смитбек с бешено колотящимся от волнения сердцем открыл книгу. Труд по естественной истории! Неужели он вышел из-под пера Ленга? В крайнем случае он надеялся увидеть надпись: Ex Libris Enoch Leng. Но экслибриса, увы, в книге не оказалось. Смитбек перелистал книгу в поисках заметок на полях. Не обнаружив таковых, он вернул том на место.

В комнате ничего интересного не было. Пора приступать к изучению дома.

Смитбек, стараясь не производить шума, снял туфли, поставил их под окном и отправился в экспедицию в одних носках. Первым делом он двинулся к двери. Пол под ногами заскрипел, и Смитбек замер. В помещении тут же воцарилась абсолютная тишина. Весьма сомнительно, чтобы в доме кто-то находился. Похоже, что даже наркоманы и бродяги не могли в него проникнуть, но осторожность тем не менее не помешает.

Смитбек медленно повернул ручку и, приоткрыв дверь не более чем на дюйм, заглянул в щель. За дверью царила полная тьма. Журналист открыл дверь пошире, дав возможность свету из окон заглянуть в темноту. Оказалось, что это был длинный и весьма импозантный коридор, со стен которого свисали обрывки тяжелых зеленых обоев. В позолоченных нишах вдоль стены находились задрапированные тканью картины. Белая материя свободно свисала с тяжелых рам. В дальнем конце коридора уходила в темноту широкая мраморная лестница. На верхней площадке лестницы возвышалась какая-то фигура. Скорее всего – статуя. Фигура была завернута в белое полотно.

Смитбек затаил дыхание. Создавалось полное впечатление, что дом стоит закрытым со времени смерти Ленга. Фантастика! Неужели все эти вещи принадлежали профессору?

Смитбек решился сделать несколько шагов в глубину коридора. К запаху плесени и пыли здесь примешивались иные, гораздо менее приятные ароматы. Это был чуть сладковатый запах разлагающейся органики. Воображение журналиста подсказало ему интересный образ. Так может пахнуть давно мертвое сердце дома, в котором когда-то обитал серийный убийца. Надо будет не забыть вставить эту фразу в статью.

Не исключено, что его подозрения не лишены оснований и Ленг действительно замуровал тела своих жертв где-то здесь, за тяжелыми обоями в викторианском стиле.

Смитбек задержался у одной из картин. Не в силах преодолеть любопытство, он приподнял край белой ткани. Ткань оказалась настолько прогнившей, что даже от этого легкого натяжения рассыпалась в прах. От неожиданности Смитбек чуть ли не отпрыгнул. Взяв себя в руки, он подошел ближе к потемневшему полотну. На картине была изображена стая волков, рвущая в клочья оленя. Анатомические подробности этой сцены вызывали тошноту, но картина была исполнена мастерски и стоила наверняка целое состояние. Смитбек подошел к следующей нише и с обостренным любопытством потянул за ткань, скрывающую картину. Материя сразу превратилась в пыль, открыв его взору другую сцену охоты. Журналист увидел кашалота, опутанного гарпунными линями. Животное билось в смертельных конвульсиях, а из его дыхала бил фонтан яркой крови. Густые потоки лились на головы сидящих в шлюпке гарпунеров.

Смитбек не мог поверить в подобное везение. Он, видимо, напал на настоящую золотую россыпь. Но с другой стороны, это нельзя было назвать везением. Его успех явился результатом упорного труда, интуиции и умело проведенного расследования. Даже Пендергаст еще не знает, где жил Ленг. Это открытие поднимет его статус в «Таймс» и поможет восстановить отношения с Норой. Смитбек не сомневался, что все те сведения о Ленге, в поисках которых бьются девушка и агент ФБР, находятся здесь. В этом доме.

Смитбек напряг слух и, ничего не услышав, двинулся по ковру коридора мелкими бесшумными шагами. Дойдя до статуи на верхней площадке, он потянул за край прикрывающей ее ткани. Материя распалась и бесформенной кучей упала на ковер, подняв облако пыли.

Поначалу журналист испугался, поскольку не мог понять, что перед ним. Однако, разобравшись, он сразу успокоился. Это было всего лишь чучело шимпанзе. Обезьяна висела на ветке, зацепившись хвостом. Моль и крысы объели лицо, оставив большие дыры, в которых виднелись коричневые кости. Губы животного тоже исчезли, придав обезьяне сходство с осклабившейся в последней улыбке мумией. Одно ухо болталось на тонкой нити высохшей плоти, пока Смитбек смотрел,

ухо оторвалось и с глухим стуком упало на пол. В одной руке обезьяна сжимала восковой банан, а другую прижала к животу, словно испытывала сильную боль. Лишь бусинки глаз казались живыми. Чучело пялилось на Смитбека так, как обычно пялятся безумцы.

Сердце журналиста снова забилось учащенно. Ведь Ленг был таксидермистом, коллекционером и членом лицея. Неужели он подобно Макфаддену, Шоттаму и многим другим имел собственный кабинет диковин? Может, этот полусгнивший шимпанзе – часть его коллекции?

Смитбек снова пребывал в нерешительности. Неужели пора уходить?

Отойдя от чучела, он уставился в глубину лестницы. Там не было никакого освещения, если не считать тех тонких лучиков, которые пробивались из-за досок на окнах. Постепенно его глаза адаптировались к темноте, и Смитбек увидел нечто напоминающее зал приемов с наборным паркетным полом. Пол был устлан шкурами экзотических животных – зебры, льва, тигра, кугуара. В зале стояли какие-то накрытые белой тканью фигуры, а вдоль облицованных деревянными панелями стен располагались старинные шкафы с застекленными дверцами. За стеклом Смитбек усмотрел неясные предметы, а на дверцах шкафов – медные пластинки.

Да, это коллекция. Коллекция доктора Эноха Ленга.

Смитбек стоял, положив руку на верхнюю секцию перил. Несмотря на то что к этим предметам, судя по их виду, никто не прикасался вот уже сто лет, журналист нутром чувствовал, что дом все это время не пустовал. Как ни странно, но он казался ухоженным, а это говорит о наличии какого-то смотрителя. Одним словом, следовало немедленно уходить.

Но в доме по-прежнему стояла полная тишина, и Смитбек снова заколебался. На коллекцию в зале стоило взглянуть. Описание интерьера и коллекции займет львиное место в его статье. Он спустится вниз на секунду – всего лишь на одну секунду – и посмотрит, что скрыто за белой тканью. Смитбек осторожно спустился на одну ступеньку, затем на другую… а затем услышал за спиной негромкий щелчок. Журналист резко повернулся. Его сердце было готово выскочить из груди.

С первого взгляда ничего не изменилось. Но затем он сообразил, что дверь, через которую он вошел в коридор, захлопнулась. Смитбек облегченно вздохнул – видимо, порыв ветра через разбитое стекло и захлопнул дверь.

Не снимая руки с перил, он продолжил спуск по крутым мраморным ступеням. Запах гниения и разложения здесь был заметно сильнее, чем наверху.

Его взгляд остановился на фигуре, стоящей в центре зала. Прикрывающая ее белая ткань настолько истлела, что большая часть покрывала свалилась на пол. В полутьме фигура казалась Смитбеку очень странной. Она имела совершенно необычные, чуждые глазу формы. Лишь подойдя ближе, журналист понял, что это. Перед ним на возвышении стоял небольшой плотоядный динозавр. Образец сохранился просто на диво. На костях еще остались куски окаменевшей плоти, были видны окаменевшие внутренние органы, а в некоторых местах сохранились даже большие куски кожи. А на коже виднелись очертания перьев.

Смитбек от изумления просто онемел. Это был великолепный, бесценный для науки образец. Совсем недавно несколько ученых выдвинули вызвавшую споры гипотезу о том, что некоторые динозавры, включая знаменитого тиранозавра, были покрыты перьями. И перед ним находилось доказательство правоты этих смелых теоретиков. На бронзовой табличке внизу значилось: «Неизвестный коэлораптор с Оленьей реки, Альберта. Канада».

Затем Смитбек обратил свое внимание на один из шкафов, а если быть точным, то на помещенные в нем человеческие черепа. Подойдя ближе, журналист склонился к бронзовой табличке и прочитал: «Останки гуманоидов из пещеры Сварткопье, Южная Африка». Смитбек не мог поверить своим глазам. Он знал, что окаменевшие останки гуманоидов встречаются чрезвычайно редко. Здесь же находилась по меньшей мере дюжина черепов, причем столь хорошо сохранившихся он никогда не видел. Став достоянием науки, эти черепа произведут переворот в деле изучения предков человека.

Его внимание привлек какой-то блеск в соседнем шкафу. Подойдя к нему, Смитбек увидел, что за стеклом хранятся драгоценные камни. Его взгляд остановился на огромном зеленом и уже ограненном камне размером с яйцо дрозда. Надпись под камнем гласила: «Безупречный алмаз с Новой Земли, Сибирь. 216 карат. Считается единственным в мире зеленым алмазом». Рядом с этим природным уникумом располагались громадные рубины, сапфиры и какие-то более экзотические камни, названия которых Смитбек даже не знал. Эта коллекция ничем не уступала, а может быть, даже и превосходила коллекцию драгоценных камней Американского музея естественной истории. Эти камни были, если можно так выразиться, «звездами» выставки. На соседних полках располагались золотистые, покрытые морозным узором кристаллы совершенной формы, один из которых был размером с грейпфрут.

Смитбек отошел от шкафов, с трудом пытаясь осмыслить значение своего открытия. Страшно подумать, что эти сокровища находятся в полуразрушенном доме более ста лет... Журналист повернулся и

импульсивно сорвал покрывало с находящегося за спиной предмета. Ткань, как и раньше, распалась в прах, и его взгляду открылось чучело похожего на тапира животного с длинным хоботом, мощными передними ногами, округлой головой и громадными кривыми клыками. Подобной уродины Смитбек никогда не видел. Он пригнулся, чтобы прочитать едва различимую надпись. Надпись гласила: «Единственный известный экземпляр клыкастого мегалопеда, описанного Плинием. Животное считалось мифическим до тех пор, пока данный экземпляр не был застрелен в Бельгийском Конго английским исследователем сэром Генри Ф. Моретоном в 1869 году».

«Великий Боже! – подумал Смитбек. – Неужели это правда? Крупное млекопитающее, совершенно неизвестное науке? А может быть, это фальшивка? А может быть, все, что здесь находится, сплошь подделка?» Но, оглядевшись вокруг, он понял, что это не так. Ленг не мог коллекционировать фальшивки, и даже в полутьме было видно, что экспонаты подлинные. Во всяком случае, эти. А если и остальные экспонаты в доме окажутся подлинными, то это, возможно, будет самая крупная в мире коллекция по естественной истории. Это собрание – нечто гораздо большее, нежели простой кабинет диковин. Для того чтобы делать записи, было слишком темно. Но Смитбек в записях не нуждался. Все, что он видел, навсегда запечатлелось в его памяти.

Лишь раз в жизни журналисту предоставляется случай собрать подобный материал.

Смитбек сорвал еще один покров, и на сей раз его приветствовал окаменевший костяк поднявшегося на дыбы пещерного медведя. Пасть зверя была открыта в беззвучном реве, и его почерневшие зубы походили на кинжалы. На прикрепленной к дубовому постаменту бронзовой табличке значилось, что скелет был извлечен из асфальтового озера каньона Катц в Аризоне.

Смитбек бесшумно передвигался по залу приемов и снимал белые покровы, обнажая один за другим скелеты млекопитающих плейстоценового периода. Все они были по меньшей мере столь же хороши, как и экспонаты Музея естественной истории, а некоторые из них своей сохранностью даже превосходили костяки, составлявшие гордость музея. Коллекцию Ленга завершали прекрасно сохранившиеся скелеты неандертальцев. На шее одного из скелетов красовалось ожерелье из человеческих зубов.

Оглядевшись еще раз, Смитбек заметил мраморную арку, ведущую в следующую комнату, в центре которой лежал метеорит диаметром по меньшей мере в восемь футов. Метеорит имел цвет рубина. Вокруг метеорита стояли застекленные шкафы.

Немыслимо!

На прикрепленных к стене полках располагалось множество каких-то необычных предметов, и Смитбек переключил на них все свое внимание. При ближайшем рассмотрении эти предметы оказались устрашающими масками, кремневыми наконечниками копий, украшенными драгоценностями кинжалами и нефритовыми жабами. Среди жаб обнаружился человеческий череп, инкрустированный бирюзой. В коробках со стеклянными крышками находились тысячи и тысячи бабочек. Все они были тщательно систематизированы и классифицированы.

Смитбек обратил внимание на то, что электрической проводки в доме не было. Все осветительные приборы были газовыми. К каждому из них вела отдельная трубка. Самая крупная труба тянулась к камину, перед которым стоял хрустальный экран. Да, дом Ленга сохранился таким, каким его оставил хозяин. Создавалось впечатление, что он вышел из своего жилья и не вернулся...

Однако довольно скоро Смитбек несколько умерил свой восторг. Ведь дом просто не мог остаться в таком состоянии со дня смерти Ленга. Наверняка существовал смотритель, который в него регулярно наведывался. Ведь кто-то должен был заколотить окна и задрапировать экспонаты. К нему снова вернулось тревожное ощущение, что в доме кто-то есть.

Тишина, следящие за ним скелеты, гротескные экспонаты и все возрастающий запах разложения порождали у него страх. Отрицать это было невозможно. «Что я здесь делаю? – подумал Смитбек и непроизвольно содрогнулся всем телом. – Материала для Пулитцеровской премии более чем достаточно. Статья уже есть, и пора убираться к дьяволу».

Он повернулся, взбежал по ступеням и, миновав шимпанзе, направился к двери, через которую вошел. Все выходящие в коридор двери были закрыты. Стало гораздо темнее, чем было всего несколько минут назад. Смитбек остановился, сообразив, что не помнит, через какую дверь вошел. Он запомнил, что она была ближе к концу коридора. Подойдя к той, которая казалась ему наиболее подходящей, он повернул ручку и, к немалому своему изумлению, обнаружил, что дверь заперта. «Видимо, не ту выбрал», – подумал журналист, переходя к другой двери.

Та тоже оказалась на запоре.

Со все возрастающим чувством тревоги Смитбек проверил дверь, выходящую на другую сторону коридора. Она была на замке. Точно так же, как и следующая. По его спине пробежал противный холодок. Все двери были надежно заперты.

Смитбек стоял посередине темного коридора, пытаясь подавить парализовавшую его панику.

Он оказался в заключении.

Глава 4

Машина Кастера, усладив слух капитана визгом резины, резко затормозила у служебного входа в музей. За ней с воем подкатили пять патрульных автомобилей. Проблесковые маячки бросали брызги белого и синего света на псевдороманский фасад. Кастер вывалился из машины и начал решительно подниматься по лестнице. За ним в кильватере следовал поток синих мундиров.

По пути в музей осенившая его, словно удар грома, гипотеза успела превратиться в непоколебимое убеждение. «Скрытность и быстрота – вот ключ к решению этого дела», – подумал он, глядя на гранитную глыбу музея. Еще в полицейской академии инструктор внушал слушателям, что подозреваемым надо нанести удар такой силы, чтобы они оказались в нокдауне. Это был отличный совет. Комиссар ждет от него действий, и он их получит. Рокер увидит, что такое капитан Кастер.

В дверях музея стоял охранник, свет проблесковых маячков полицейских машин играл в стеклах его очков. Страж казался безмерно удивленным. За его спиной толпились еще несколько работников службы охраны. Все они с изумлением взирали на стадо полицейских. Группа туристов с видеокамерами наготове и путеводителями в руках приближалась ко входу в музей. Увидев скопление полицейских машин, туристы остановились и после короткого совещания решительно зашагали в подземку.

– Капитан Кастер, седьмой участок, – выпалил полицейский, даже не подумав показать охраннику свой значок. – Приписан к отделу расследования убийств.

– Слушаю вас, капитан, – нервно сглотнув, произнес страж.

– Начальник службы охраны на месте?

– Да, сэр.

– Вызовите его сюда. Немедленно.

Вконец испуганный охранник поспешно скрылся в недрах музея, и через пять минут на ступени вышел высокий человек в бежевом костюме. Его черные волосы были гладко зачесаны назад. «Слишком много бриолина, – подумал Кастер. – И вообще гнусный тип. Таких, как этот, в частных агентствах хоть пруд пруди. Для настоящей службы они непригодны».

Человек протянул руку, Кастер неохотно ее потряс.

– Джек Манетти, – представился начальник охраны. – Чем могу быть вам полезен, джентльмены?

Кастер молча сунул ему составленный по всем правилам, подписанный начальством и подтвержденный судьей ордер. Этот важный документ капитан смог добыть за рекордно короткое время.

Начальник службы охраны взял ордер, внимательно его прочитал и, возвращая Кастеру, сказал:

– Все это крайне необычно. Могу я поинтересоваться, что произошло?

– Очень скоро мы получим возможность обсудить все детали, – ответил Кастер. – А пока вам достаточно ордера. Моим людям требуется неограниченный доступ во все помещения музея. Мне нужна комната для проведения допросов. Мы постараемся закончить все как можно быстрее. Если администрация во всем пойдет нам навстречу, все пройдет гладко и без всяких эксцессов. – Кастер заложил руки за спину, помолчал немного и продолжил: – Вы понимаете, конечно, что мы имеем полномочия изымать любой релевантный предмет.

Он не знал, что означает слово «релевантный», но решил, что оно будет уместным, поскольку судья употребил его в своем предписании. Звучало оно, во всяком случае, прекрасно.

– Но это невозможно. Музей закрывается. Неужели нельзя подождать до утра?

– Закон, мистер Манетти, ждать не может. Мне нужен полный список всех сотрудников музея, и мы назовем людей, которых хотим пригласить на допрос. Если некоторые сотрудники ушли с работы раньше, то их следует вызвать. Прошу извинить за то, что своими действиями мы доставляем вашему достойному учреждению некоторые неудобства.

– Неслыханно! Я должен посоветоваться с директором музея мистером...

– Пожалуйста, сделайте это. Более того, мы вместе пройдем к нему. Я хочу, чтобы все было предельно ясно. Кристально ясно, если можно так выразиться. Никаких недомолвок. Наше расследование, когда оно начнется, не должно встречать препятствий. Вы меня понимаете?

Манетти кивнул, не пытаясь скрыть своего неудовольствия. «Отлично, – подумал Кастер. – Чем больше будет злиться и волноваться вся эта братия, тем скорее мы выкурим убийцу. Нельзя давать им время на размышления. Пусть гадают на кофейной гуще».

Капитан дрожал от радостного возбуждения.

– Лейтенант-детектив Кэннел, – обратился к одному из своих подчиненных Кастер, – возьмите трех человек. Джентльмены из охраны проведут вас к служебному входу. Я хочу, чтобы все уходящие из здания предъявляли удостоверения личности, а их имена должны сверяться со списком персонала. Возьмите номера их домашних и мобильных телефонов. Адреса тоже. Я хочу, чтобы в случае необходимости каждый из них мог прибыть в музей в кратчайшие сроки.

– Слушаюсь, сэр.

– Лейтенант-детектив Пайлз, вы идете со мной.

– Слушаюсь, сэр.

Кастер обернулся и, сверля Манетти взглядом, сказал:

– Ведите нас в кабинет доктора Коллопи. Нам с ним предстоит обсудить важные дела.

– Следуйте за мной, – с еще более недовольным видом произнес Манетти.

Капитан сделал знак рукой, и его подчиненные гурьбой двинулись вслед за шефом. Поднявшись в лифте на пару этажей и миновав несколько залов с внушающими страх экспонатами, они оказались перед величественными дубовыми дверями. За полуоткрытыми дверями был виден еще более величественный кабинет. В кабинете за огромным письменным столом сидела невысокая дама. Когда они вошли, дама встретила их стоя.

– Мы хотим побеседовать с доктором Коллопи, – сказал капитан Кастер, которого очень изумили размеры предоставленного простой секретарше кабинета.

– Простите, сэр, – сказала женщина, – но доктор Коллопи в данный момент отсутствует.

– Отсутствует? – в унисон переспросили Кастер и Манетти.

– Доктор Коллопи не вернулся с ленча, – раздраженно пояснила дама. – Сказал, что у него имеются важные дела.

– Но ленч был много часов тому назад, – произнес капитан и спросил: – Надеюсь, имеется способ с ним связаться?

– Есть номер его сотового телефона.

– Наберите его, – распорядился Кастер и, обращаясь к Манетти, сказал: – А вы тем временем обзвоните остальных музейных шишек. Может быть, им известно, где находится босс.

Манетти подошел к другому столу и поднял телефонную трубку. В огромном кабинете повисла тишина. Если не считать попискивания кнопок телефонных аппаратов. Кастер оглядел помещение. Стены были облицованы очень темным деревом, на них не было свободного места от мрачных картин маслом, а вдоль стен располагались застекленные шкафы с экспонатами мерзкого вида. Господи, да это просто какая-то галерея ужасов.

– Сотовый телефон отключен, сэр, – сообщила секретарша.

– Может быть, существуют иные номера, по которым можно с ним связаться? – осуждающе покачивая головой, поинтересовался Кастер. – Его домашний телефон, например?

Дама и Манетти обменялись вопросительными взглядами, после чего секретарша раздраженно бросила:

– Нам, сэр, не разрешается звонить по этому номеру.

– Мне плевать, что вам разрешено, а что нет. Это не терпящее отлагательства полицейское расследование. Звоните ему домой.

Секретарша открыла запертый на ключ ящик стола, порылась в пачке карточек, извлекла одну и, закрыв своим телом от взглядов Кастера и Манетти, внимательно ее изучила. Затем она вернула карточку на место, закрыла ящик на ключ и набрала номер.

– Никто не снимает трубку, – по прошествии нескольких секунд сообщила секретарша.

– Продолжайте звонить.

Еще через полминуты дама вернула трубку на место и сказала:

– Ответа нет.

– Ну хорошо, тогда слушайте меня, – закатив глаза, произнес Кастер. – Мы не можем терять время. У нас есть все основания считать, что улики, выводящие на след серийного убийцы под кличкой Хирург, находятся здесь, в музее. Не исключено, что в этом заведении будет обнаружен и сам убийца. Время в нашем деле – важнейший фактор. Я лично намерен проследить за ходом обыска в архиве. Лейтенант-детектив Пайлз будет возглавлять допрос некоторых сотрудников музея.

Манетти хранил молчание.

– Если музей не откажется от сотрудничества, мы закончим всю операцию к полуночи. Возможно, раньше. Нам необходимо помещение для допросов. Кроме того, нам потребуются услуги звукооператора и

электрика. Я требую, чтобы все имели с собой удостоверения личности, и мне необходим доступ к личным делам персонала.

– Кого из сотрудников музея вы намерены допросить?

– Мы это решим, просмотрев личные дела.

– В музее две тысячи пятьсот сотрудников.

Эти цифры вернули Кастера на грешную землю. По крайней мере временно. Две с половиной тысячи дармоедов?! Ну и богадельня!

Кастер вздохнул и, сделав безуспешную попытку скрыть изумление, произнес:

– Позже решим. А пока суд да дело, мы хотим побеседовать с… ну, скажем… ночными дежурными, которые, как мы считаем, могли заметить нечто необычное. И с археологом, которая откопала скелеты на Дойерс-стрит. Как ее?..

– Нора Келли.

– Верно.

– Насколько мне известно, полиция с ней уже беседовала.

– Что ж. Побеседуем еще раз. Кроме того, мы хотим поговорить с главой службы охраны – то есть с вами. Нас интересует система безопасности как архива, так и музея в целом. Я намерен побеседовать со всеми, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к архиву и обнаружению тела мистера… э-э… Пака. Как? Для начала достаточно? – спросил он с фальшивой улыбкой.

Ответом капитану было молчание.

– А теперь прошу вас провести меня в архив.

Манетти смотрел на него с таким видом, словно не мог до конца осмыслить происходящее.

– Ведите меня в архив, мистер Манетти. И побыстрее, если не возражаете.

– Хорошо, капитан. Следуйте за мной.

Пока они шли по бесконечным залам, волоча за собой как на буксире свору копов, капитан Кастер продолжал испытывать чувство радостного возбуждения. Его восхищало вновь обретенное ощущение уверенности в себе. Наконец-то ему открылось его подлинное призвание. Ему с самого начала следовало заниматься расследованием убийств. Совершенно ясно, что к этому роду деятельности у него прирожденный талант.

Приказ возглавить дело Хирурга не явился счастливой случайностью. Так было предначертано судьбой.

Глава 5

Смитбек стоял в темном коридоре, стараясь прогнать охвативший его страх. Страх был сейчас самой главной проблемой. Двери беспокоили журналиста гораздо меньше. Одна из них наверняка не была заперта. Ведь он всего несколько минут назад через нее прошел.

Справившись со страхом, он двинулся через коридор, пробуя все двери подряд. На сей раз он, не опасаясь шуметь, тряс их изо всех сил. Ту, которая ему нужна, могло просто заклинить. Однако оказалось, что это не было игрой разыгравшегося воображения. Все двери оказались надежно заперты.

Неужели кто-то смог закрыть дверь? Но подобное совершенно невозможно. В помещении никого не было. Видимо, ее захлопнул порыв ветра. Смитбек покачал головой, изумляясь так неожиданно завладевшей им паранойей.

Видимо, эти двери, когда их захлопывают, запираются автоматически. Не исключено, что так было во всех старинных особняках, подобных этому. Что ж, придется искать другой выход. Надо спуститься вниз и через зал приемов пройти к окну или двери. Лучше всего к двери под козырьком. Она казалась нормальной. Вероятно, ею и пользовался смотритель. Эта мысль принесла ему облегчение. В конечном итоге все к лучшему. Не придется сползать вниз по стене дома.

Оставалось лишь отыскать путь в темном доме.

Он стоял в коридоре, ожидая, когда уймется сердце. В доме царила какая-то неестественная тишина, и от его напряженного слуха не мог ускользнуть даже самый слабый шорох. «Тишина, – сказал он себе, – хороший знак. Значит, смотритель отсутствует. Скорее всего он появляется здесь не чаще, чем раз в неделю, а может быть, и вообще один раз в год». В пользу последнего предположения говорил и скопившийся на всех предметах слой пыли. Одним словом, времени у него было более чем достаточно.

Ощущая всю глупость ситуации, в которую влип, он вернулся на верхнюю площадку лестницы и посмотрел вниз. Нужная дверь, как ему казалось, должна находиться где-то слева от зала приемов. Спустившись по ступеням, Смитбек остановился и снова вгляделся в странные экспонаты. Мертвая тишина. Дом, вне сомнения, пуст.

В этот момент он вспомнил теорию Пендергаста. А что, если Ленг действительно преуспел в своих исследованиях?..

От этой нелепой мысли Смитбек громко рассмеялся. Смех, правда, казался вымученным и звучал несколько натужно. О чем, черт возьми, он думает? Никто не способен прожить сто пятьдесят лет. Темнота, тишина и экспонаты таинственной коллекции, видимо, начинают действовать ему на нервы.

Он постоял немного, чтобы лучше сориентироваться, и двинулся по коридору, ведущему налево, в нужном, как ему казалось, направлении. В коридоре царила полнейшая темнота, но этот путь был самым многообещающим. Ну почему, черт побери, ему не хватило мозгов захватить с собой карманный фонарь?! Как бы то ни было, следовало двигаться вперед.

Осторожно выбирая место, куда поставить ногу, избегая столкновений со шкафами и экспонатами, он побрел через зал к избранному им проходу. Его зрачки уже отказывались расширяться, и проход представлялся ему абсолютно черной, ведущей в никуда дырой. Смитбек порылся в карманах и нащупал коробку спичек, которую прихватил в «Камне Бларни». Он зажег одну из них. Звук трения головки о коробок и шипение вспышки показались ему нестерпимо громкими.

Мерцающий свет озарил коридор, выходящий в очередную комнату, также сплошь уставленную деревянными шкафами. При свете спички Смитбек сделал несколько шагов, а когда огонек погас, осмелился пройти еще немного в полной тьме. Поводив перед собой вытянутой рукой и нащупав дверной косяк, он прошел через дверь чуть дальше. Оказавшись в другой комнате, журналист зажег вторую спичку.

Здесь коллекция имела совсем иной вид. Смитбек увидел ряды заполненных формальдегидом сосудов. Из некоторых сосудов на него смотрели чьи-то гигантские глаза. Глазные яблоки китов? Не желая тратить время, он заспешил через комнату и упал, споткнувшись о мраморный пьедестал, на котором возвышалась здоровенная стеклянная бутыль. В бутыли плавало нечто очень похожее на большой мешок. Поднявшись на ноги и чиркнув очередной спичкой, Смитбек успел прочитать: «Желудок мамонта с остатками пищи. Доставлен из льдов Сибири...»

Читать дальше времени не было, и Смитбек двинулся между рядами шкафов к единственной деревянной двери в дальнем конце комнаты. Спичка, догорая, обожгла ему кончики пальцев. Журналист с проклятием бросил ее на пол и сразу зажег другую. Когда огонек разгорелся, он открыл изрядно побитую и поцарапанную дверь. Дверь вела в обширную кухню, выдержанную в белых и черных тонах. В одной из стен находился глубокий очаг, а большую часть помещения занимали огромная чугунная печь, ряд духовых шкафов и несколько столов с металлическими раковинами. На прикрепленных к потолку железных

крюках висели десятки позеленевших медных котелков и кастрюль. Кухня пребывала в полном запустении. Пыль толстым слоем покрывала все находящиеся в ней предметы. К пыли примешивался мышиный помет. Это был тупик.

Дом был просто огромным. Спички рано или поздно закончатся. Что он будет делать, когда останется без света?

«Возьми себя в руки, – сказал он себе. – Совершенно ясно, что в этой кухне ничего не варили по крайней мере лет сто. В доме никто не жил. Для паники нет никаких оснований».

Не зажигая спичек и полагаясь только на свою память, Смитбек вернулся в большую комнату. Чтобы не сбиться с пути, он все время вел рукой по стеклам стоявших вдоль стены шкафов. В какой-то момент журналист почувствовал, что задел что-то плечом. Еще через миг у ног раздался сильный удар, и помещение заполнил резкий запах формальдегида. Он хотел зажечь спичку, но, не зная, горит ли формальдегид, решил не рисковать. Журналист сделал шаг, и его нога, на которой был только носок, заскользила в какой-то влажной и податливой массе. «Экспонат из банки», – подумал он и осторожно обошел вонючую жижу.

В коридоре, которым он уже проходил, имелись и другие двери. Следовало проверить их все. Но прежде всего надо было снять пропитанные формальдегидом носки. Проделав эту операцию, Смитбек вошел в коридор и рискнул зажечь очередную спичку. Оказалось, что ему предстоит проверить четыре двери: две в правой стене и две в левой.

Журналист открыл ближайшую из них и оказался в старинной ванной комнате с покрытыми цинковыми листами стенами. С кафельного пола на него пялился пустыми глазами оскалившийся череп аллозавра. Очередная дверь вела в большую кладовую, забитую чучелами птиц, а следующая – тоже в кладовку, но где в отличие от первой находились не птицы, а разного рода ящерицы. Или, вернее, их чучела. Четвертая дверь привела Смитбека в хранилище черепов. Стены комнаты и все экспонаты покрывал густой налет плесени.

Спичка погасла, погрузив исследователя в кромешную тьму. Не слыша ничего, кроме своего хриплого дыхания, он открыл коробок и пересчитал на ощупь оставшиеся спички. Их оказалось всего шесть. Смитбек снова попытался подавить (на сей раз менее успешно) подкрадывающуюся к нему панику. Ведь ему уже приходилось попадать в трудные ситуации. Гораздо более трудные, чем эта. Дом пуст, и надо всего лишь найти из него выход.

Он вернулся в зал приемов с укутанными в саван экспонатами. Обретенная вновь возможность видеть, пусть даже и едва-едва,

несколько успокоила его расшалившиеся нервы – абсолютная тьма, как выяснилось, повергала его в состояние, близкое к ужасу. Смитбек еще раз оглядел мрачную коллекцию, чувствуя, как на него и в этом скверном освещении накатывает волна страха. Запах разложения здесь был сильнее, чем где-либо. Источники этого сладковатого запаха гниющей плоти по всем законам природы должны были бы находиться не в этом зале, а глубоко под землей…

Чтобы успокоиться, Смитбек несколько раз глубоко вдохнул. Толстый слой пыли на полу говорил о том, что это место было заброшено. Видимо, и смотритель сюда никогда не захаживал.

Смитбек внимательно огляделся и заметил почти невидимую в полутьме арку в дальней стене. Арка, как ему показалось, вела в какую-то большую комнату. Он, шлепая босыми ногами по паркету пола, пересек зал и прошел под аркой. Облицованные темным дубом стены комнаты поднимались к высокому, украшенному углублениями потолку. И это помещение было заполнено различными экспонатами, некоторые из которых были прикрыты белой тканью, а некоторые стояли на пьедесталах или на ажурных металлических конструкциях. Но все эти предметы разительно отличались от всего того, что он видел здесь раньше. Смитбек, испытывая сильнейший внутренний трепет, сделал несколько робких шагов в глубину комнаты и увидел огромные, перетянутые прочными кожаными ремнями чемоданы с прозрачными стенками. Здесь же стояли металлические, похожие на старинные молочные цистерны контейнеры, крышки которых были затянуты прочными болтами. Рядом с цистернами находился большой деревянный ящик очень странной формы. В крышке и в боковых стенках ящика имелись заключенные в медную раму иллюминаторы. Из сильно смахивающей на гроб деревянной коробки торчали во все стороны рукоятки пронзивших ее шпаг. На стенах комнаты были развешаны веревки, пачки связанных концами полусгнивших шелковых косынок, смирительные рубашки, ручные и ножные кандалы, цепи разных форм и размеров. Эта жутковатая, совершенно необъяснимая коллекция казалась еще более устрашающей, поскольку не имела никакой связи с тем, что он видел до этого.

Смитбек прошел в центр комнаты, стараясь держаться как можно дальше от темных углов. Он рассчитал, что фасад дома должен находиться где-то впереди него. Противоположная сторона здания оказалась тупиком. На сей раз удача должна повернуться к нему лицом. Если потребуется, то он просто выбьет входную дверь.

Арка в противоположной стене вела дальше в темноту. Смитбек вошел в коридор и, касаясь рукой стены, заскользил вперед короткими, осторожными шажками. Напрягаясь, он смог рассмотреть, что коридор ведет в очередную комнату. Это помещение было не столь большим и

гораздо менее строгим, чем те, в которых он побывал до этого. И экспонатов в ней было значительно меньше – всего лишь несколько небольших шкафов с морскими раковинами и пара дельфиньих скелетов на подставках. Похоже, что в свое время эта комната служила своего рода гостиной. «Или, – с надеждой подумал Смитбек, – прихожей».

Здесь единственным источником освещения оказался тонкий, как карандаш, лучик света, пробивающийся из крошечной дырки в окне. Испытав чувство громадного облегчения, Смитбек подошел к противоположной стене и принялся шарить по ней руками. Вскоре под его пальцами оказалась массивная дубовая панель. Это была входная дверь. Тлеющая в нем до этого искра надежды вспыхнула ярким пламенем. Смитбек нащупал дверную ручку, захватил ее покрепче и сильно надавил.

Большая и очень холодная ручка даже не дрогнула. Собрав все силы, Смитбек предпринял еще одну попытку. Безрезультатно.

Отступив чуть назад, он провел ладонью по кромке дверной панели, надеясь обнаружить засов, замок или хоть что-нибудь в этом роде. Им снова овладел ужас.

Не боясь произвести шум, Смитбек, используя весь свой вес, ударил плечом в дверь. Потом еще раз. И еще. Звук тяжелых ударов прокатился по всему дому. Дверь стояла как скала, и Смитбек запаниковал по-настоящему.

Когда стихло эхо ударов, в темном углу комнаты что-то зашевелилось, и глухой голос произнес:

– Неужели вы хотите нас покинуть, молодой человек? Ведь вы же только что осчастливили нас своим появлением.

Глава 6

Кастер ворвался в архив, остановился, выпятил брюхо и уперся руками в бедра, прислушиваясь к топоту ног спешивших следом подчиненных. «Надо действовать быстро и решительно, – повторил капитан самому себе. – Главное, не дать им очухаться. Не дать времени на раздумье». Два архивиста, увидев толпу полицейских, с испуганным видом вскочили со стульев, доставив тем самым капитану большое удовольствие.

– Помещение будет подвергнуто обыску, – пролаял он, и из-за его спины тут же вынырнул Нойс с ордером на обыск в руке.

Кастер с удовлетворением отметил, что Нойс испепелил архивистов взглядом почти так же, как и его начальник.

– Но, капитан, – услышал Кастер протестующий голос Манетти, – архивы уже обыскивали. Сразу после того, как было обнаружено тело Пака. Департамент полиции присылал судмедэкспертов, собак, дактилоскопистов, фотографов и...

– Я читал протоколы, Манетти. Но это было тогда. А теперь есть теперь. Мы располагаем новыми и весьма важными уликами. – Посмотрев по сторонам, Кастер раздраженно рявкнул: – Зажгите же свет, ради всего святого!

Один из архивистов подскочил к распределительному щиту и принялся лихорадочно стучать рукоятками древних выключателей.

– И это все? – спросил Кастер, когда служащий отошел от щита. – Ведь здесь по-прежнему темно как в могиле.

– Да, сэр. Больше ничего нельзя сделать.

– Ну хорошо, – милостиво кивнул капитан и, обращаясь к подчиненным, добавил: – Вы знаете, что следует делать. Досматривайте ряд за рядом, полку за полкой. Одним словом, загляните под каждый камень.

В помещении воцарилось неловкое молчание.

– В чем дело? За работу, джентльмены.

Детективы переглянулись и, не задав ни единого вопроса, растворились между стеллажами. Создалось впечатление, что архив впитал их в себя, как губка впитывает воду. У служебного столика остались лишь Кастер, Манетти да пара вконец запуганных служителей. Из недр архива доносились скрип, стук и звуки падения каких-то тяжелых предметов на пол – это люди Кастера начали освобождать полки. Капитану все эти звуки страшно понравились, поскольку они означали продвижение в расследовании.

– Присаживайтесь, Манетти, – сказал Кастер, сорвавшись, несмотря на все усилия, на фальцет. – Давайте потолкуем.

Манетти огляделся по сторонам и, не увидев свободного стула, остался на ногах.

– О'кей, – произнес капитан и извлек из кармана дорогой кожаный блокнот, приобретенный им в универмаге «Мейсис» сразу после того, как комиссар поручил ему возглавлять расследование. – Итак, что мы здесь имеем? Архивы, значит? Что в них хранится? Старые газеты? Пачки ненужных бумаг? Или, может быть, меню давно переваренных званых обедов?

– Архивы содержат, – со вздохом начал Манетти, – как документы, так и экспонаты, которые не попали в основную коллекцию. Поскольку считаются недостаточно интересными для публики. Архивные материалы представляют интерес для историков и иных профессионалов. Архивы не входят в перечень наиболее охраняемых объектов и…

– Так… – протянул Кастер. – Это означает, что архивы входят в перечень слабо охраняемых объектов. Настолько слабо, что старую задницу Пака можно было насадить на окаменелые рога. Где же хранятся более ценные материалы?

– Те, что не выставлены в залах, находятся в зоне особой охраны. Эта зона имеет собственную систему безопасности.

– А как насчет посетителей архивов? Они где-нибудь расписываются?

– В специальном журнале ведется учет всех посетителей.

– Где этот журнал?

Манетти кивком головы указал на лежащий на столе толстенный том и сказал:

– После смерти Пака полиция скопировала журнал.

– Что включает в себя запись?

– Данные о посетителе, дату и время. Полиция обратила внимание на то, что часть последних страниц вырезана бритвой…

– В журнале отмечают всех? Включая сотрудников?

– Всех. Но…

Кастер, не слушая Манетти, ткнул пальцем и распорядился:

– Упакуйте журнал.

– Но это же собственность музея, – заметил Манетти.

– Был. А теперь – вещественное доказательство.

– Но вы уже изъяли важные вещественные доказательства… Пишущую машинку, например. Записки, которые были на ней напечатаны, и…

– Как только мы здесь закончим, вы получите расписки на все изъятые у вас предметы. – «Если хорошенько попросите», – подумал Кастер, а вслух произнес: – Итак, что мы здесь имеем?

– Различного рода картотеки из разных отделов музея. Документы, представляющие исторический интерес, служебные записки, письма,

отчеты. Одним словом, все, кроме личных дел и кое-каких научных досье. Музей хранит все документы, что, как вам известно, должно делать любое публичное учреждение.

– А как насчет тех писем, которые были здесь найдены? Я имею в виду то, в котором сообщалось об убийствах. Его содержание было изложено в газетах. Как именно его обнаружили?

– Об этом вам следует спросить у специального агента Пендергаста, который и нашел это письмо. В поисках принимала участие и доктор Нора Келли. Письмо было найдено в какой-то шкатулке, сделанной, насколько я помню, из ноги слона.

Снова эта Нора Келли. Кастер решил, что допросит ее сам, как только покончит с архивом. Эта баба стала бы его главным подозреваемым, если бы могла насадить довольно тяжелый труп на рог динозавра. Однако не исключено, что это совершили ее сообщники.

Капитан сделал пометки в своем роскошном блокноте и спросил:

– Были ли какие-либо изъятия из архива или поступления в него? Я имею в виду несколько последних месяцев.

– Наверняка были какие-то рутинные поступления. Насколько мне известно, ежемесячно в архив направляются все завершенные и закрытые описи. – Манетти помолчал немного, а затем закончил: – Интересующее вас письмо и все имеющие к нему отношение материалы были отправлены наверх для инспекции.

– Это потребовал Коллопи, не так ли?

– Мне кажется, что запрос прислал заместитель директора и главный юридический советник музея Роджер Брисбейн.

Брисбейн... Он уже где-то слышал это имя. Сделав очередную пометку, Кастер спросил:

– И какие же относящиеся к делу материалы и документы были отосланы наверх?

– Не знаю. Поинтересуйтесь у мистера Брисбейна.

Повернувшись к двум стоящим рядом архивистам, Кастер спросил:

– А этот Брисбейн часто навещает архив? Вы его здесь видели?

– В последнее время довольно часто, – ответил один из служащих.

– И чем же он здесь занимается?

– Просто задает множество вопросов, – пожал плечами архивист. – Ничего больше.

– Какого рода вопросы?

– О Норе Келли и парне из ФБР… Он хотел узнать, что они искали, куда ходили и все такое прочее… Да еще он интересовался каким-то журналистом. Спрашивал, не приходил ли сюда журналист. Имени я не помню.

– Смитбрик?

– Нет. Но звучит похоже.

Кастер взял блокнот и быстро перелистал страницы. Вот оно!

– Уильям Смитбек-младший?

– Точно.

Капитан удовлетворенно кивнул и сказал:

– Вернемся к этому парню, Пендергасту. Кто-нибудь из вас его видел?

Архивисты обменялись взглядами, и один из них ответил:

– Только раз.

– А Нору Келли?

– Я видел, – сказал второй архивист. У молодого человека была такая короткая стрижка, что голова казалась лысой.

– Вы знали Пака? – подняв на него глаза, спросил Кастер.

Молодой человек утвердительно кивнул.

– Ваше имя?

– Оскар. Оскар Гиббс. Я был его помощником.

– Скажите, Гиббс, у Пака были враги?

Кастер заметил, что архивисты снова обменялись взглядами – на сей раз гораздо более многозначительными.

– Что ж… – Гиббс явно колебался с ответом. Немного помявшись, он начал снова: – Однажды сюда пришел мистер Брисбейн и буквально накатил на мистера Пака. Брисбейн орал, визжал, кричал, что похоронит старика. Угрожал его уволить.

– Любопытно. И почему же?

– Заместитель директора обвинял Пака в том, что по его вине в прессу просочилась информация, которая нанесла большой урон музею. Что-то вроде этого. Брисбейн, насколько я помню, вышел из себя потому, что департамент людских ресурсов не поддержал его предложение уволить старика. Брисбейн кричал, что все равно с ним разделается, и ждать этого придется недолго. Это все, что я помню.

– Когда точно это было?

– Сейчас соображу. – Гиббс помолчал немного и закончил: – Это было… тринадцатого… Нет, двенадцатого. Двенадцатого октября.

Кастер взял блокнот и сделал очередную запись. На сей раз гораздо более длинную. В недрах архива раздался вначале грохот, а затем крик. За криком последовал продолжительный шум неясного происхождения. Кастер почувствовал удовлетворение, и на душе у него потеплело. После того как парни закончат работу, здесь не останется никаких спрятанных в ногах слона писем. Снова обратив внимание на Гиббса, капитан спросил:

– Другие враги?

– Не было. По правде говоря, во всем музее не было такого милого человека, как мистер Пак. Когда на него накинулся мистер Брисбейн, я был просто потрясен.

«Этот мистер Брисбейн, видимо, не самая популярная личность в музее», – подумал Кастер и, обращаясь к Нойсу, сказал:

– Доставьте ко мне этого самого Брисбейна. Мне хотелось бы с ним потолковать.

Нойс не успел сделать шага, как с шумом распахнулась дверь и в архив буквально ворвался облаченный в смокинг мужчина. Его галстук-бабочка сбился набок, а напомаженные темные волосы упали на искаженное яростью лицо.

– Что, дьявол вас всех побери, здесь происходит?! – заорал мужчина, явно адресуя свой вопрос Кастеру. – Вы не имеете права вторгаться в архив, переворачивать все вверх дном. Покажите мне ордер!

Нойс бросился искать ордер, но Кастер остановил его движением руки. Капитана самого удивила уверенность, с какой он это сделал. Но еще больше его изумляло то спокойствие, которое он хранил в этот поистине переломный момент своей карьеры.

– Могу ли я осведомиться, кто выступает с подобными заявлениями? – спросил Кастер ледяным тоном.

– Роджер Брисбейн-третий. Первый заместитель директора и главный юридический консультант музея.

– Ах вот как. Значит, вы и есть мистер Брисбейн, – протянул капитан. – Именно с вами я и жаждал побеседовать.

Глава 7

Смитбек окаменел, вперив взгляд в черный, как сам ад, дальний угол комнаты.

– Кто это? – ухитрился прохрипеть он.

Ответа из угла не последовало.

– Вы, наверное, смотритель? – спросил журналист и, издав натужный смешок, продолжил: – Вы не поверите. Я умудрился запереть себя в этом доме.

Молчание.

А может быть, это всего лишь плод его разыгравшегося воображения? То, что он успел увидеть в этом доме, навсегда отвадит его от всех фильмов ужасов.

Смитбек предпринял еще одну попытку установить контакт:

– Должен сказать, я страшно рад тому, что вы оказались здесь. Если вы укажете мне путь к двери, то я...

Неизвестно откуда нахлынувший страх перехватил его горло, и конец фразы повис в воздухе.

Из тьмы угла в сумрак комнаты выступила фигура в длинном черном пальто. Лицо человека скрывалось в глубокой тени полей шляпы-котелка. В одной, слегка приподнятой, руке незнакомца был тяжелый старинный скальпель. Острое как бритва лезвие поблескивало, поскольку человек слегка вращал свое страшное оружие между пальцами. В другой руке человек держал шприц.

– Какая приятная неожиданность, – произнесла страшная личность. – Она избавляет меня от многих хлопот. Надо сказать, что вы появились как раз вовремя.

Инстинкт самосохранения оказался гораздо сильнее, чем сковавший его члены ужас. Смитбек резко повернулся и бросился наутек. Но в доме было слишком темно, а черная фигура передвигалась с нечеловеческой скоростью...

Смитбек проснулся в состоянии какого-то тупого безразличия. Он не знал, сколько времени проспал, но зато хорошо помнил, что ему снился

ужасный сон. Теперь, слава Богу, кошмар кончился, его ждет прекрасное осеннее утро и столь же прекрасный день. Все пережитые во сне кошмары постепенно уплывали в подсознание. Сейчас он встанет, оденется и отправится в греческую кофейню, чтобы позавтракать своим любимым рубленым мясом в тесте. Затем он неторопливо выпьет чашечку отличного кофе и попросит повторить. Одним словом, сделает то, что делал каждое утро каждого рабочего дня.

Но по мере того как его мозг все больше возвращался к жизни, Смитбек вдруг понял, что фрагментарные воспоминания о ночном кошмаре вовсе не желают исчезать из памяти. Его, кажется, во сне ловили. В темноте. В доме Ленга.

Дом Ленга...

Смитбек потряс головой, и это действие немедленно отозвалось страшной болью в висках.

Человек в котелке был Хирургом. И он находился в доме Ленга.

В этот миг Смитбек все понял и окаменел от ужаса. В его памяти вновь возник погруженный в темноту дом и черный человек со скальпелем в руках. В мозгу крутилась лишь одна мысль: «Пендергаст был прав. Он был прав с самого начала».

Энох Ленг все еще жив.

И Хирургом был сам Ленг.

И он, Смитбек, явился прямо в его дом.

Странный звук, который доносился до его слуха, был звуком его собственного прерывистого дыхания. При каждом вдохе воздух шипел, проникая под ленту, которой был заклеен его рот. Там, где он находился, царила полная тьма и пахло плесенью. Воздух был холодным и влажным.

Голова болела все сильнее. Смитбек хотел пощупать лоб, но из этого ничего не получилось. Чуть подняв руку, он ощутил присутствие металлического браслета на запястье и услышал звон цепи. Что это, черт побери, может означать?!

По мере того как один за другим исчезали провалы в памяти, сердце Смитбека билось все сильнее. Голос из темного угла... человек в котелке... поблескивающий скальпель. Боже мой, неужели это действительно был Ленг? Ленг? Через 130 лет?!

Под влиянием охватившего его панического ужаса журналист инстинктивно попытался вскочить на ноги, но тут же рухнул на спину

под звон и стук цепей. Только сейчас он до конца осознал, что на нем нет одежды, что он скован по рукам и ногам, а рот заклеен прочной лентой.

Но этого не может быть! Это просто какое-то безумие!!

Он никому не сказал, что направляется сюда. Никто не знает, где он находится. Никто даже не догадается, что он исчез. Если бы он сообразил поделиться своими планами… Безразлично с кем… С секретаршей, с О'Шонесси, с прадедушкой… со сводной сестрой… Одним словом, с кем угодно.

Смитбек лежал на спине, безуспешно пытаясь вздохнуть поглубже. Голова его раскалывалась от боли, а сердце было готово выскочить из грудной клетки.

Его накачал наркотиками и заковал в цепи человек в черном пальто и шляпе-котелке. Этот человек пытался убить Пендергаста. Этот человек скорее всего прикончил Пака и всех остальных. Хирург. Он оказался в застенках Хирурга.

Хирург. Профессор Энох Ленг.

Звук приближающихся шагов окончательно привел его в себя. Послышался скрип, из прямоугольного отверстия ему в глаза ударил нестерпимо яркий сноп света. Только теперь Смитбек смог увидеть, что лежит на цементном полу в небольшой комнате с каменными стенами и металлической дверью. Как ни странно, но свет пробудил у него проблеск надежды. Журналист даже начал испытывать нечто очень похожее на благодарность.

В прямоугольном отверстии возникла пара влажных губ. Губы задвигались, и Смитбек услышал:

– Не волнуйтесь, прошу вас. Это не займет много времени. Сопротивление совершенно излишне.

Голос прозвучал как-то очень знакомо, но в то же время в нем слышались внушающие ужас нотки. Такие голоса можно услышать только в ночных кошмарах.

Отверстие в двери закрылось, снова оставив Смитбека в полной темноте.

Эти ужасные маленькие надрезы

Глава 1

Большой «роллс-ройс» плавно катился по узкой дороге. Над болотами и в низинах, скрывая от взгляда Ист-Ривер и старинные бастионы на южной оконечности Манхэттена, клубился густой туман. Лучи фар, скользнув по ряду давно погибших каштанов, выхватили из тьмы

пространство за ажурными металлическими воротами из кованого железа. Когда автомобиль остановился, лучи уперлись в бронзовую пластину, на которой значилось: «„Гора милосердия“ – лечебница для душевнобольных преступников».

Из будки у ворот вышел охранник и подошел к машине. Это был плотный высокий человек с добродушным выражением лица. Пендергаст опустил стекло, и страж, просунув голову в машину, сказал:

– Время посещений закончилось.

Пендергаст достал из внутреннего кармана пиджака бумажник и продемонстрировал охраннику свой значок.

Охранник внимательно ознакомился со значком и кивнул с таким видом, словно появление агента ФБР в столь поздний час было здесь делом заурядным.

– И чем же мы можем вам помочь, специальный агент Пендергаст?

– Я должен увидеть одного пациента.

– Как фамилия этого пациента?

– Пендергаст. Мисс Корнелия Деламер Пендергаст.

После этих слов возникла короткая, но тем не менее неловкая пауза.

– Скажите, вы прибыли сюда по официальному поручению правоохранительных органов? – Голос охранника звучал уже не столь дружелюбно, как за несколько секунд до этого.

– Да.

– Хорошо. Я позвоню в главное здание. Этой ночью дежурит доктор Остром. Вы можете оставить машину на служебной стоянке слева от главного входа. Вас будут ждать в приемной.

Не прошло и пяти минут, как Пендергаст шагал по длинному гулкому коридору следом за прекрасно ухоженным и имевшим весьма аристократический вид доктором Остромом. Два охранника шли впереди, а еще два прикрывали тыл. Кое-где под многослойным покрытием из казенной краски еще можно было увидеть деревянные панели стен с прекрасной облицовкой. Сто лет назад, когда от чахотки страдали все слои нью-йоркского общества, «Гора милосердия» была туберкулезным санаторием для отпрысков богатейших семейств города. Теперь же изолированная от города «Гора» стала тщательно охраняемым учреждением, в котором содержались люди, совершившие мерзкие преступления, но в силу невменяемости признанные невиновными.

– Как она? – спросил Пендергаст.

– Примерно так же, – немного поколебавшись, ответил врач.

Наконец они подошли к металлической двери, в толще которой было утоплено закрытое решеткой окно. Один из шедших впереди стражей отомкнул дверь и занял вместе с партнером позиции в коридоре. Вторая пара охранников вошла в помещение следом за Пендергастом.

Они оказались в так называемой «тихой комнате». Комната была практически пустой. На мягкой обивке стен не висело ни единой картины. Пластиковый диван, пара пластиковых стульев и стол были наглухо привинчены к полу. В комнате не было часов, а единственную лампу дневного света под потолком закрывала надежная металлическая сетка. Одним словом, в палате не имелось ни одного предмета, который мог бы служить оружием или способствовать самоубийству. В дальней стене комнаты находилась еще одна стальная дверь – даже более массивная, чем первая. Без окна. Над дверью большими буквами было написано: «Внимание! Опасность побега!»

Пендергаст уселся на один из пластмассовых стульев и закинул ногу на ногу.

Пара охранников скрылась за внутренней дверью, и на несколько минут небольшая палата погрузилась в тишину, нарушаемую лишь отдаленными воплями и глухим ритмичным стуком. Затем где-то совсем близко от них прозвучал визгливый старческий голос. Женщина была чем-то явно недовольна. Дверь распахнулась, и один из охранников вкатил в комнату инвалидное кресло. Закрепленные в пяти точках смирительные кожаные ремни почти не были заметны.

В кресле, надежно привязанная, сидела престарелая чопорная дама аристократического вида. На ней было длинное платье из черной тафты и высокие, на кнопках, ботинки в викторианском стиле. Лицо дамы прикрывала черная траурная вуаль. При виде Пендергаста старая леди тут же прекратила свои протесты.

– Поднимите мне вуаль, – распорядилась она.

Один из охранников поднял кружевную ткань и, отступив на шаг, аккуратно положил на спину дамы.

Женщина внимательно посмотрела на Пендергаста, и ее древнее, покрытое коричневыми пятнами лицо слегка задрожало.

– Не могли бы вы оставить нас вдвоем? – спросил Пендергаст, поворачиваясь к Острому.

– Кто-то должен остаться, – ответил врач. – И прошу, мистер Пендергаст, держаться от пациентки чуть дальше.

– Когда я посещал ее прошлый раз, мне было позволено беседовать с моей двоюродной бабкой тет-а-тет.

– И вы прекрасно помните, что во время того визита… – довольно резко начал доктор Остром.

– Ну хорошо. Пусть будет по-вашему, – не дав ему закончить, сказал Пендергаст.

– Для визита час довольно поздний. Сколько времени займет ваша беседа?

– Не более пятнадцати минут.

– Хорошо.

Доктор кивнул охранникам, и те встали по обе стороны внутренней двери. Сам же доктор занял место у входной двери, подальше от женщины, и, скрестив руки на груди, стал ждать окончания свидания.

Пендергаст попытался придвинуть стул поближе, но, вспомнив, что стул привинчен к полу, наклонился вперед, внимательно посмотрел на старую даму и спросил:

– Как поживаете, тетя Корнелия?

Дама склонилась к нему и хрипло прошептала:

– Как я рада, дорогой, нашей встрече. Могу я предложить тебе чашечку чая со сливками и сахаром?

Один из охранников фыркнул, но тут же умолк под строгим взглядом доктора Острома.

– Спасибо, тетя Корнелия. Ничего не надо.

– Что ж, как тебе угодно. Должна сказать, что за последние несколько лет качество услуг страшно упало. Ты не представляешь, насколько трудно сейчас найти хорошую прислугу. Почему ты так редко ко мне заезжаешь? Ведь тебе хорошо известно, что я не могу путешествовать.

Пендергаст наклонился еще ближе.

– Мистер Пендергаст, прошу не приближаться к пациентке, – негромко пробормотал доктор Остром.

Пендергаст откинулся на спинку стула и сказал:

– Очень много работы, тетя Корнелия.

– Работа – удел среднего класса, дорогой. Мы, Пендергасты, не работаем.

– Боюсь, тетя Корнелия, что у меня очень мало времени, – понизив голос, сказал Пендергаст. – Я хотел бы задать вам несколько вопросов о вашем двоюродном дедушке Антуане.

Старая дама неодобрительно пожевала губами и сказала:

– Об Антуане? Мне говорили, что он уехал в Нью-Йорк. Превратился в янки. Но это было много-много лет назад. Задолго до моего появления на свет.

– Расскажите мне все, что вы знаете о нем, тетя Корнелия.

– Не сомневаюсь, что ты, мой мальчик, уже слышал все эти истории. И, как тебе известно, эта тема для всех нас была крайне неприятной.

– Тем не менее мне хотелось бы все это услышать из ваших уст.

– Ну, если ты настаиваешь... Антуан, увы, унаследовал склонность к безумию, что, как тебе известно, мой мальчик, является нашей фамильной чертой. Но милостью Божией... – произнесла старая дама с сочувственным вздохом.

– Какого рода безумию, тетя Корнелия?

Ответ на этот вопрос Пендергаст прекрасно знал, но ему хотелось его снова услышать. Крошечные детали и новые нюансы довольно часто могут иметь огромное значение.

– Еще когда он был мальчиком, у него начала проявляться весьма ужасная мания. Вообще-то Антуан был блестящим молодым человеком – саркастичным, с быстрым и оригинальным умом. Когда ему было семь лет, никто не мог обыграть его в шахматы или триктрак. Антуан не только прекрасно играл в вист, но и внес усовершенствования в правила. Насколько я знаю, он помогал создавать «аукцион бридж». Его страшно интересовала естественная история, и в своей гардеробной он собрал ужасную коллекцию из насекомых, змей, костей, окаменелостей и других предметов подобного рода. Кроме того, он унаследовал интерес своего отца ко всяким эликсирам и тонизирующим средствам. К ядам тоже.

При упоминании о яде в черных глазах старой леди появился какой-то странный блеск, и охранники беспокойно переглянулись.

– Долго ли еще, мистер Пендергаст? – откашлявшись, спросил Остром. – Нам не следует волновать пациентку.

– Десять минут.

– Не больше.

– После той трагедии, которая произошла с его матушкой, – продолжила дама, – Антуан стал неуравновешенным и нелюдимым. Большую часть времени он проводил в одиночестве, смешивая разные химикаты. Но ты, без сомнения, знаешь причину этого увлечения.

Пендергаст утвердительно кивнул.

– Антуан даже придумал собственный вариант фамильного герба. Герб походил на старинный знак аптекарей – три золоченых шара. Он повесил его над дверями. Мне говорили, что в качестве эксперимента мой двоюродный дед отравил шесть живших в семье собак. А затем он стал проводить массу времени внизу… там, внизу. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Да.

– Они говорили, что в обществе мертвых он всегда чувствовал себя более комфортно, чем в компании живых. А когда Антуан не был внизу, он проводил время на кладбище Святого Шарля. Вместе с отвратительной женщиной по имени Мари Леклер. Ты знаешь… Вуду и все такое прочее.

Пендергаст снова ограничился кивком.

– Антуан помогал Мари варить ее зелье и изготовлять всякие амулеты. Они делали страшные куклы для колдовства и метили могилы. А потом, когда она умерла, с ее могилой произошли неприятные вещи…

– Неприятные?

Старая дама вздохнула, наклонила голову и сказала:

– Могилу раскопали, а тело обезобразили. На нем оказались эти ужасные маленькие надрезы. Но ты это, вне сомнения, уже слышал.

– Если и слышал, то успел забыть, – мягко и негромко ответил Пендергаст.

– Он верил, что сможет вернуть ее к жизни. Всех интересовало, не настроила ли она его на это еще до своей кончины. Не дала ли своего рода посмертное поручение. Иссеченные части тела так и не были найдены. Нет, впрочем, это не так. Насколько мне помнится, через неделю нашли одно ухо в брюхе аллигатора. Его принадлежность определили по серьге. – Дама замолчала и, повернувшись к одному из охранников, ледяным тоном произнесла: – Мне необходимо поправить прическу.

Охранник (на его руках были хирургические перчатки) отошел от двери и, выдерживая максимальную дистанцию между собой и пациенткой, осторожно расправил ниспадающие на спину волосы.

Двоюродная бабушка повернулась лицом к внучатому племяннику и сказала:

– Она держала его в руках при помощи секса, как бы ужасно это ни звучало. Шестидесятилетняя разница в возрасте! – Старая дама содрогнулась всем телом – отчасти от отвращения и отчасти от удовольствия. – И она подогревала его интерес к чудесным исцелениям, перевоплощениям и другим подобным глупостям.

– Что вы знаете о его исчезновении?

– В двадцать один год он сильно разбогател. Но слово «исчезновение» здесь не подходит. Ему просто предложили оставить дом. По крайней мере мне так говорили. Антуан начал говорить о спасении, об исцелении мира, о продолжении дела, которое начал его отец. Как ты понимаешь, все эти разглагольствования были не по вкусу остальным членам семьи. Несколько лет спустя, когда его двоюродные братья попытались проследить путь унаследованных им денег, Антуан исчез.

Просто растворился в воздухе. Братья были страшно разочарованы. Ведь там было очень, очень много денег.

Пендергаст кивнул, после чего последовала затяжная пауза.

– У меня остался еще один вопрос, тетя Корнелия.

– Какой?

– Вопрос нравственного свойства.

– Нравственного? Как интересно! Не связан ли он каким-либо образом с моим двоюродным дедушкой Антуаном?

Пендергаст не дал ей прямого ответа. Вместо этого он сказал:

– Вот уже несколько месяцев я ищу одного человека. Этот человек обладает важным секретом. Я очень близок к тому, чтобы узнать его местопребывание, и скоро мне придется вступить с ним в схватку.

Старая дама хранила молчание.

– Если я выиграю схватку – что совершенно не очевидно, – передо мной встанет вопрос, как поступить с этим секретом. Мне придется принять решение, которое, возможно, окажет огромное влияние на будущее человечества.

– И в чем заключается этот секрет?

Пендергаст понизил голос до едва слышного шепота:

– Я думаю, что это своего рода медицинский рецепт, который при соблюдении определенных условий позволит продлить жизнь по меньшей мере до ста лет, а возможно, и больше.

Глаза тети Корнелии снова живо блеснули, и, немного помолчав, она спросила:

– Скажи, сколько будет стоить курс лечения? Будет он дешевым или дорогим?

– Не знаю.

– И кто, кроме тебя, получит доступ к этой формуле?

– Я останусь единственным, кто будет ее знать. Когда она попадет мне в руки, у меня на принятие решения будет очень мало времени. Возможно, лишь секунды.

На сей раз молчание оказалось более затяжным.

– И как была получена эта формула?

– Достаточно сказать, что она оплачена жизнями множества невинных жертв. Эти люди были умерщвлены с исключительной жестокостью.

– Что придает проблеме еще одно измерение. Но ответ тем не менее совершенно ясен. Если эта формула попадет в твои руки, ты должен ее немедленно уничтожить.

Пендергаст с любопытством посмотрел на старую даму и спросил:

– Вы в этом уверены? Ведь медицина с первого дня своего зарождения мечтала о подобном рецепте.

– У французов имеется одно старое проклятие: «Пусть осуществятся твои самые заветные мечты». Если это лечение окажется дешевым и доступным для всех, то земля погибнет от перенаселения. Если же оно окажется дорогим и им смогут воспользоваться только самые богатые, то это приведет к войнам, мятежам и краху цивилизации. Таким образом, оно в любом случае принесет людям несчастье. Какой смысл в долгой жизни, если ей сопутствуют лишь мерзость запустения и грязь?

– Но подумайте о том, какой прогресс принесет это открытие, если самые блестящие умы человечества получат еще сто-двести лет для пополнения своих знаний и дальнейшей работы. Представьте, тетя Корнелия, что могут сделать для человечества новые Гете, Коперники или Эйнштейны, если они смогут прожить две сотни лет.

– На одного мудрого и доброго человека приходится тысяча глупых и злых существ. В то время как Эйнштейн будет две сотни лет углублять познания, тысяча негодяев станет совершенствоваться в своей мерзости, – насмешливо произнесла тетя Корнелия.

В помещении снова установилось долгое молчание. Доктор Остром нервно затоптался у двери.

– С тобой все в порядке, мой мальчик? – спросила старая дама, внимательно глядя на Пендергаста.

– Да. – Пендергаст взглянул в мудрые – и в то же время безумные – глаза старой дамы и сказал: – Спасибо, тетя Корнелия.

Затем агент ФБР поднялся со стула и, поймав вопросительный взгляд Острома, добавил:

– Спасибо, доктор. Мы закончили беседу.

Глава 2

Кастер стоял у залитого светом стола. Из темных проходов между стеллажами летели клубы пыли, что являлось побочным продуктом работы детективов. Этот надутый осел Брисбейн продолжал протестовать, но Кастер не обращал внимания на его вопли.

Расследование, которое началось так лихо, результатов не дало. Его лучшие копы не нашли ничего, кроме разношерстного мусора, приводящего в изумление любого нормального человека. Старые карты, пожелтевшие диаграммы, высохшая змеиная кожа, наполненные какими-то зубами коробки, погруженные в столетний спирт внутренние органы отвратительного вида. Одним словом, ничего, что могло бы послужить ключом к разгадке. Кастер был уверен, что после обыска в архиве все разрозненные детали головоломки сразу же встанут на свои места. Он не сомневался, что его внезапно открывшееся мастерство сыщика позволит увидеть то, что проморгали все остальные. Но пока прорыва добиться не удалось, новые версии не возникали. Перед его мысленным взором возник образ комиссара Рокера, скептически взирающего на него из-под нахмуренных бровей. Кастера начинало все сильнее охватывать чувство беспокойства, от которого он так и не сумел избавиться до конца.

Музейный юрист говорил все громче, и Кастер заставил себя вслушаться в его слова.

– Вы всего лишь ловите рыбку в мутной воде. Наудачу забрасываете удочку, – почти кричал Брисбейн. – Вы здесь все перевернули вверх дном! – Он показал на ящики для вещественных доказательств и на разбросанные вокруг предметы. – Все это принадлежит музею!

Кастер с отсутствующим видом показал на Нойса и сказал:

– Вы видели ордер.

– Да, видел. И он не стоит даже той бумаги, на которой напечатан. Мне никогда не доводилось видеть юридического документа, составленного в столь общих фразах. Прошу отметить в протоколе, что я заявляю протест и требую прекратить дальнейшее проведение обыска в музее.

– Пусть это решает ваш босс – мистер Коллопи. От него есть какие-нибудь вести?

– Как юридический советник музея, я уполномочен выступать от имени доктора Коллопи.

Кастер с мрачным видом скрестил руки на груди. В недрах архива раздался еще один громкий удар, за которым последовали крики и скрип. Через несколько секунд из прохода между стеллажами возник полицейский с чучелом крокодила в руках. Брюхо пресмыкающегося было распорото, и из дыры торчала вата. Коп положил чучело в один из ящиков для вещдоков.

– Что, дьявол вас всех побери, там происходит?! – заорал Брисбейн. – Эй, вы! Да-да, вы! Как вы смели резать этот экспонат?

Полицейский одарил юридического советника музея мрачным взглядом и, не проронив ни слова, скрылся в чреве архива.

Кастер тоже промолчал. Он чувствовал, как в нем нарастает беспокойство. Допросы сотрудников музея тоже пока не принесли никаких результатов. Во всяком случае, они не дали ничего нового по сравнению с предыдущими расследованиями. Это была его операция. Его, и никого другого. Если он ошибется (даже сама мысль об этом была невыносима), если это все-таки случится, его выставят на всеобщее обозрение и осмеяние, как клоуна.

– Я прикажу службе безопасности выпроводить всех ваших людей из музея, – не унимался Брисбейн. – Ваше поведение неприемлемо. Где Манетти?

– Манетти – именно тот человек, который нас сюда привел, – сказал Кастер, думая о своем.

А что, если он все же совершил ошибку? Грандиозную ошибку.

– Манетти не должен был этого делать. Так где же он?

– Мистер Манетти ушел, – ответил Гиббс.

Хотя Кастер был занят своими мыслями, он заметил, каким грубым тоном были произнесены эти слова, каким злобным взглядом они сопровождались. Капитану стало ясно, что Гиббс думает о Брисбейне. «Да, этот тип явно не пользуется здесь популярностью, – снова подумал Кастер. – Нажил себе кучу врагов. Пак наверняка должен был ненавидеть мерзавца за то, что он на него наехал. Должен сказать, что не могу осуждать стар...»

И в этот миг Кастер снова прозрел. Это озарение по своему значению не шло ни в какое сравнение с первым. Вся цепь преступных событий приобрела очевидную логику, хотя разум поначалу и отказывался ее принять. Это было одно из тех блестящих проявлений интуиции, которые всегда получают признание и благодарность со стороны департамента полиции Нью-Йорка. Это был образец дедукции, достойный самого Шерлока Холмса.

Он внимательно посмотрел на Брисбейна. Гладко выбритое лицо заместителя директора раскраснелось, волосы растрепались, а глаза горели гневом.

– Куда ушел Манетти?

Гиббс вместо ответа пожал плечами.

Брисбейн подошел к столу и поднял телефонную трубку. Кастер по-прежнему не сводил с него глаз. Брисбейн поочередно набрал несколько номеров, каждый раз давая какие-то указания.

Закончив переговоры, он повернулся к Кастеру и не терпящим возражения тоном произнес:

– Капитан, я требую, чтобы ваши люди покинули архив.

Кастер взирал на первого заместителя директора из-под полуопущенных век. «Надо вести себя крайне осторожно», – думал он.

– Мистер Брисбейн, – сказал капитан, надеясь, что сумел найти приемлемый тон, – не лучше ли будет обсудить все проблемы в вашем кабинете?

– В моем кабинете? – изумленно переспросил Брисбейн.

– Да. Там нам никто не будет мешать. Боюсь, что обыск музея займет значительно больше времени, чем я предполагал. Обсудим эту проблему в вашем офисе.

Брисбейн подумал немного, а затем произнес:

– Хорошо. Следуйте за мной.

– Лейтенант Пайлз, – сказал капитан, – принимайте на себя командование.

– Слушаюсь, сэр.

Кастер повернулся лицом к Нойсу и едва заметным движением пальца поманил сержанта к себе.

– Пойдешь со мной, Нойс, – пробормотал капитан едва слышно. – Табельное оружие при тебе?

Нойс кивнул. Его слезящиеся глаза слегка поблескивали в неярком освещении.

– Хорошо. В таком случае пошли.

Глава 3

Амбразура в панели двери снова открылась. От страха и пребывания во тьме он полностью утратил чувство времени. Как долго он находится в заточении? Десять минут? Час? Сутки?

В прямоугольнике света опять зашевелились губы, и уже знакомый голос произнес:

– Как мило, что вы навестили меня в моем старом и, осмелюсь предположить, интересном доме. Надеюсь, что вы получили удовольствие от моей коллекции. Предметом моей особенной гордости является коридон. Вам удалось увидеть коридона?

Смитбек попытался ответить, забыв, что его рот заклеен лентой.

– Ах да! Что со мной происходит? Не утруждайте себя ответом. Я буду говорить, а вам остается лишь слушать.

Смитбек лихорадочно изыскивал возможности спасения.

– Да, коридон представляет огромный интерес как разновидность мозазавров из меловых отложений Канзаса. И амулет из Тибета тоже весьма необычен. Во всем мире их всего два. Насколько я понимаю, он был вырезан из черепа Будды в его пятнадцатом перевоплощении.

До Смитбека долетел сухой смешок, чем-то похожий на шорох осенней листвы.

– В целом, мой дорогой мистер Смитбек, это самый лучший кабинет диковин из всех, когда-либо существовавших. Мне очень жаль, что так мало людей имели возможность его увидеть, а те, кто удостоился подобной чести, оказались в положении, не позволявшем им нанести повторный визит.

Наступила пауза, после которой негромкий и очень мягкий голос продолжил:

– Я обработаю вас самым лучшим образом, мистер Смитбек. Не пожалею для этого никаких усилий.

Ужаса, который обрушился на него в этот миг, Смитбеку испытывать еще не приходилось. Ему показалось, что все его члены сковал паралич. Он даже не сразу заметил, что Ленг называет его по имени.

– Вы обретете весьма памятный опыт – гораздо более памятный, чем обрели те, кто побывал здесь до вас. Я совершил прорыв в своих исследованиях. Прорыв просто замечательный. Мне удалось разработать восхитительную хирургическую операцию. Вы останетесь в сознании до самого конца. Сознание, к вашему сведению, ключевой фактор успеха. Это я понял совсем недавно. Поэтому я сделаю все, чтобы вы могли стать не только объектом, но и свидетелем операции.

Наступила тишина. Смитбек, собрав остатки воли в кулак, боролся с подступающим безумием.

– Однако я не должен заставлять вас ждать, – произнесли влажные губы. – Почему бы нам не проследовать в лабораторию?

Щелкнул замок, и металлическая дверь со скрипом отворилась. Из дверного проема выступила темная фигура в котелке и со шприцем в руке. На кончике иглы дрожала прозрачная капля. Значительная часть лица человека была скрыта под огромными круглыми стеклами старинных солнцезащитных очков.

– Не бойтесь. Это всего лишь инъекция вещества, расслабляющего мышцы. Производное янтарной кислоты. По своему действию напоминает кураре. Парализующий эффект. Вы ощутите слабость, которую иногда испытываете во время сновидения. Вы понимаете, мистер Смитбек, что я имею в виду. Вам во сне грозит опасность, а вы не в силах двигаться. Однако не волнуйтесь, дорогой юноша, несмотря на состояние паралича, вы останетесь в сознании на протяжении почти всей операции. Вплоть до последнего иссечения и изъятия. Думаю, что вам все это будет крайне интересно.

Смитбек, увидев приближающуюся иглу шприца, забился в конвульсиях.

– Дело в том, мистер Смитбек, что это весьма тонкая операция, требующая твердой руки и острого глаза, поэтому мы не можем допустить, чтобы пациент дергался в ходе процедуры. Одно неточное движение скальпеля способно все погубить. Нам придется избавиться от использованного материала и отправиться на поиски нового.

Игла приближалась.

– Вас не затруднит сделать глубокий вдох, мистер Смитбек? Я обработаю вас самым лучшим образом…

Смитбек заметался из стороны в сторону с силой, которую могли породить лишь ужас и отчаяние. Журналисту казалось, что еще чуть-чуть – и он скинет с себя оковы. Он открыл рот, чтобы издать вопль отчаяния, и почувствовал, как клейкая лента сдирает кожу с губ. Смитбек дергал руками и ногами, чтобы стряхнуть металлические браслеты, но игла неумолимо приближалась. Через миг несчастный ощутил укол и тут же почувствовал, как по его жилам разливается тепло. Им овладела ужасная слабость – слабость, которую с такой точностью описал Ленг. Такой паралич охватывает людей в решающий момент ночных кошмаров.

Однако Смитбек знал, что на сей раз это вовсе не страшное сновидение.

Глава 4

«Это бесполезная и даже преступная потеря времени», – думал сержант полиции Пол Фенестер, с отвращением взирая на параллельные ряды деревянных столов библиотеки и на восседающих за этими столами изрядно траченных молью сутулых типов в твидовых пиджаках. Напротив этой музейной шушеры сидели копы. Некоторые музейные работники казались напуганными, другие негодовали, но сержанту было ясно, что ни один из них ни черта не знает. И где таких уродов находят? Это была какая-то ученая банда со скверными зубами и зловонным дыханием. Сержанта просто трясло при мысли, что его с таким трудом заработанные доллары, которые он отдал городу в виде налога, идут на содержание этой навозной кучи. Но и это не все. Никчемное занятие затянулось до десяти вечера, и жена наверняка убьет его, как только он переступит порог дома. Она убьет мужа, несмотря на то что это его работа, за которую платят сверхурочные. Ей плевать, что надо платить по закладной за квартиру на модном Коббл-Хилл, которую она заставила его купить. Ей плевать на то, что надо содержать ребенка. Проклятая баба не хочет понимать, что только на подгузники уходит целое состояние. Когда он вернется, ужин превратится в уголья, поскольку находится в духовке с шести вечера. Сама она скорее всего уже будет лежать в постели как бревно и хлопать в темноте глазами. Она встретит его злющей, как сто чертей, а неухоженный младенец будет орать во всю глотку. Жена не проронит ни слова, пока он не заберется в постель. Как только он уляжется, она повернется к нему спиной, вздохнет, изнывая от жалости к себе, и…

– Фенестер?

Сержант обернулся и посмотрел на партнера.

– С тобой все в порядке, Фенестер? У тебя такой вид, словно кто-то помер.

– Жаль, что это не я, – вздохнул Фенестер.

– Развеселись. У нас еще один клиент.

В словах О'Грейди было нечто такое, что заставило сержанта поднять глаза. К столу вместо очередного клоуна приближалась женщина – необыкновенно красивая женщина, надо сказать. У нее были длинные волосы цвета меди, карие глаза и тело спортсменки. Сержант поймал себя на том, что выпячивает грудь, втягивает живот и поигрывает бицепсами. Женщина заняла место напротив них, и он уловил аромат ее духов – дорогих, с очень тонким и приятным запахом. Ну и красотка! Сержант покосился на О'Грейди и увидел, что с тем произошла точно такая же метаморфоза. Фенестер схватил блокнот и пробежал глазами список допрашиваемых лиц. Итак, перед ним знаменитая Нора Келли. Печально знаменитая, если так можно выразиться. Та, которая обнаружила третье тело и за которой охотились в архиве. Сержант никак не ожидал увидеть такую юную даму. И тем более – столь привлекательную.

О'Грейди, сумев опередить его, первым вступил в дело.

– Прошу вас, доктор Келли, устраивайтесь поудобнее, – произнес он медоточивым тоном. – Я – сержант О'Грейди, а это – сержант Фенестер. Вы не возражаете, если мы запишем нашу беседу на диктофон?

– Если это необходимо, – ответила женщина.

Голос ее не был таким сексапильным, как облик. Она говорила отрывисто и раздраженно.

– Вы имеете право на адвоката, – негромко проворковал О'Грейди. – Мы подчеркиваем, что рассматриваем вашу явку к нам как добровольную.

– А если я откажусь?

– Это решаю, как вы понимаете, не я, – дружелюбно фыркнул О'Грейди, – но вас могут вызвать на допрос судебной повесткой. В полицейский участок. Адвокаты дорого стоят. У вас возникнут дополнительные неудобства. У нас к вам всего несколько вопросов. Ничего серьезного. Вы никоим образом не входите в круг подозреваемых. Нам всего лишь нужна ваша помощь.

– Хорошо, – сказала женщина. – Приступайте. Меня уже несколько раз допрашивали. Думаю, что от еще одной беседы большой беды не будет.

О'Грейди снова открыл рот, но Фенестер был уже наготове. Он не был намерен сидеть молча с видом идиота, в то время как О'Грейди будет

вести разговор. Этот так называемый партнер ничем не лучше, чем торчащая дома супруга.

– Доктор Келли… – начал Фенестер, пожалуй, слишком торопливо. Попытавшись скрыть эту ошибку за широкой улыбкой, он продолжил уже в нормальном темпе: – Мы счастливы, что вы согласились нам помочь. Вас не затруднит назвать свое полное имя, адрес, дату и час? Вон там на стене часы. Кроме того, вы, как я заметил, носите наручные часики. Это необходимо для проформы. Все записи должны быть в порядке. Нам очень не хотелось бы арестовывать не того человека.

Он рассмеялся своей милой шутке и был очень разочарован тем, что девушка не разделила его веселья.

О'Грейди взглянул на него со снисходительным сожалением, и Фенестер почувствовал, как растет его раздражение. Только сейчас он понял, что терпеть не может своего партнера. Вот и толкуй после этого о так называемых «нерушимых узах синих мундиров». Он нисколько не пожалеет, если этот мерзавец словит пулю. Чем скорее, тем лучше. Хоть завтра.

Женщина назвала свое имя. Фенестер снова вступил в дело и назвал свое. О'Грейди слегка ворчливо последовал примеру партнера. Когда с формальностями было покончено, Фенестер отложил блокнот в сторону и взял список заранее подготовленных для Норы Келли вопросов. Список показался ему длиннее, чем тогда, когда он видел его первый раз. В самом конце перечня появилось еще несколько пунктов, написанных от руки торопливым почерком. Кто, дьявол его побери, имел наглость встрять в их работу?! И вообще вся эта затея – полная чушь. Абсолютная хреновина!

О'Грейди не упустил возможности воспользоваться молчанием Фенестера.

– Доктор Келли, – сказал он, – не могли бы вы описать своими собственными словами характер вашей причастности к этому делу? Не стесняйтесь, если вам потребуется время на то, чтобы припомнить все детали. Если вы что-то не помните или в чем-то не уверены, заявляйте об этом прямо. Весь опыт моей предыдущей работы говорит о том, что лучше сказать, что вы что-то не помните, чем сообщать неточные сведения.

О'Грейди широко улыбнулся, а его глаза блеснули чуть ли не заговорщицки.

«Имел я его», – подумал Фенестер.

Женщина недовольно вздохнула, закинула одну длинную ногу на другую и начала говорить.

Глава 5

Смитбек лежал в параличе, испытывая отвратительную беспомощность. Все его члены были мертвыми и казались чужими. Он даже не мог моргать. Но хуже всего – несравнимо хуже – было то, что ему не удавалось наполнить легкие воздухом. Его тело было полностью обездвижено. Смитбек попытался глубоко вздохнуть, а когда из этого ничего не вышло, его охватил панический ужас. Он втягивал воздух во всю, как ему казалось, силу легких, но у него ничего не получалось. Смитбеку казалось, что он тонет.

Ленг маячил над ним – темная фигура на фоне яркого прямоугольника дверного проема. В его руке оставался уже пустой шприц. Лицо доктора скрывалось в тени полей шляпы.

Ленг протянул руку, взялся за край клейкой ленты на губах Смитбека и сильно рванул.

– В этом уже нет необходимости. Теперь нам следует провести интубацию. Согласитесь, что с моей стороны было бы опрометчиво позволить вам скончаться от асфиксии еще до начала процедуры.

Смитбек попытался набрать как можно больше воздуха, чтобы закричать. Но духа хватило лишь на едва слышный шепот. Журналисту казалось, что его язык вырос до неимоверных размеров и не умещается во рту. Его нижняя челюсть бессильно отпала, и по подбородку текла струйка слюны. Чтобы втянуть в легкие хотя бы чайную ложку воздуха, Смитбеку приходилось прилагать отчаянные усилия.

Темная фигура сделала шаг назад и скрылась в проеме двери. Из коридора донеслось какое-то постукивание, и еще через несколько секунд вновь появился Ленг с медицинской каталкой из нержавеющей стали и довольно большим, похожим на ящик аппаратом на резиновых колесиках. Доктор поставил каталку рядом со Смитбеком, наклонился и с помощью старинного металлического ключа снял железные браслеты с запястий и лодыжек пленника. Несмотря на весь ужас своего положения, Смитбек все же сумел почувствовать запахи плесени и нафталина, исходившие от древней одежды мучителя, и уловить тонкий аромат эвкалипта. Создавалось впечатление, что доктор Ленг сосал таблетку от кашля.

– А теперь я положу вас на каталку, – сказал Ленг.

Смитбек почувствовал, что его поднимают, а затем обнаженное тело снова оказалось лежащим на холодной и жесткой металлической поверхности. Из носа текло, но Смитбек не мог поднять руку, чтобы вытереть сопли. Потребность организма в кислороде становилась все

более острой. Несмотря на полный паралич, Смитбек сохранил ясное сознание и способность к ощущению. Это было ужасно.

В поле его зрения снова возник Ленг. В одной руке он держал гибкую пластмассовую трубку. Надавив пальцами на нижнюю челюсть и открыв рот Смитбека как можно шире, доктор поднял руку с трубкой. Смитбек почувствовал, как пластик, чуть царапая заднее небо, проникает в трахею. У него возник сильнейший позыв к рвоте, но даже и это журналист не смог сделать. Все его мышцы были полностью парализованы. Машина искусственной вентиляции легких зашипела, и его грудь наполнилась воздухом.

Облегчение, которое испытал Смитбек, было настолько полным, что он на миг даже сумел забыть об уготованной ему участи.

Каталка начала движение, и над ним поплыл потолок с редкими электрическими лампами. Прошло еще несколько секунд, и потолок изменился. Он поднялся вверх, превратившись в свод какой-то большой пещеры. Каталка развернулась и остановилась. Ленг наклонился и скрылся из поля зрения. Смитбек услышал четыре щелчка – это доктор закреплял колеса страшного экипажа. В помещении пахло спиртом и бетадином. Однако через эти запахи пробивался и другой, более страшный аромат.

Ленг просунул обе руки под спину Смитбека и переложил его с каталки на другую металлическую поверхность – более широкую и значительно более холодную. Проделано все это было крайне нежно. Почти любовно.

Судя по всему, он оказался на хирургическом столе. Об этом говорила и батарея ярких ламп над его головой.

И в этот момент Ленг перевернул Смитбека на живот. Это движение в отличие от первого было резким и быстрым. Теперь журналист лежал, уткнувшись лицом в металл, вдыхая кислый запах дезинфекции. Этот малоприятный аромат заставил его вспомнить о тех, кому пришлось побывать на этом столе до него. На него вновь накатил приступ тошноты и страха. Трубка искусственной вентиляции легких негромко побулькивала у него во рту.

К Смитбеку подошел Ленг и, проведя ладонью по его лицу, закрыл ему глаза.

Металлическая поверхность стола была холодной. Очень холодной. Смитбек слышал, как вокруг него ходит Ленг. Затем он ощутил нажим в области локтевого сустава и легкий укол в запястье. Игла без всякого усилия вошла в вену. После этого он услышал звук разрываемой марли и снова уловил аромат эвкалипта.

Ленг заговорил. Доктор говорил тихо, почти шепотом.

– Боюсь, что сейчас вам будет немного больно, – сказал он, закрепляя ремни на теле Смитбека. – По правде говоря, боль будет довольно сильной. Но больших научных открытий без боли не бывает. Не так ли? Поэтому, умоляю, постарайтесь успокоиться. И если позволите, я дам вам полезный совет.

Смитбек попытался оказать сопротивление, но его тело было где-то очень-очень далеко. Шепот не смолкал. Он звучал нежно и успокоительно:

– Ведите себя так, как ведет себя газель в пасти льва. Расслабьтесь, примите действительность такой, какая она есть, отрешитесь от всего. Поверьте. Так будет лучше.

Послышался звук льющейся воды и звон стали о сталь. Это хирургические инструменты упали на дно металлической раковины. Комнату неожиданно залил яркий свет. Сердце Смитбека билось все чаще и чаще. Журналисту даже показалось, что металлический стол под ним начал раскачиваться в такт с бешеным биением его сердца.

Глава 6

Нора поерзала на неудобном стуле и в который раз взглянула на часы. Половина одиннадцатого. Это напоминало допрос, которому она подверглась, когда нашла тело Пака. Но на сей раз все было хуже. Гораздо хуже. Она старалась отвечать как можно короче, сводя ответы к единственной фразе, но потоку идиотских вопросов не было конца. Ее спрашивали о работе в музее, о том, как Хирург гонялся за ней по архиву, и о напечатанной на машинке записке от Пака. Это послание уже давным-давно находилось в руках полиции. Все эти вопросы ей уже несколько раз задавали гораздо более интеллигентные и вдумчивые офицеры, чем эта пара. Один из сидящих напротив нее копов походил на толстого тролля, второй выглядел поприличнее, но, похоже, был очень сильно в себя влюблен. Однако самым скверным было то, что список дурацких вопросов никак не желал заканчиваться. Копы постоянно перебивали друг друга и метали друг на друга злобные взгляды. Только небу было известно, что они между собой делили. «Работать в паре этим парням явно противопоказано, – думала Нора. – А они ведь, похоже, считаются партнерами. Ну и представление!»

– Доктор Келли, – сказал похожий на тролля коротышка по имени Фенестер, в тысячный раз заглядывая в свою шпаргалку, – мы почти закончили.

– Слава Богу!

После этого радостного восклицания наступило молчание, которое первым нарушил О'Грейди. Он взглянул на врученный ему только что листок бумаги и спросил:

– Вы знакомы с мистером Уильямом Смитбеком?

Нора вдруг почувствовала, как ее раздражение сменилось усталостью.

– Да.

– Каков характер ваших отношений с мистером Смитбеком?

– Он мой бывший бойфренд.

О'Грейди повертел листок в руках и продолжил:

– Мы получили сообщение, что мистер Смитбек, выдав себя за работника службы безопасности, получил несанкционированный доступ к секретным картотекам музея. Это произошло сегодня в первой половине дня. Вам известно, почему он так поступил?

– Нет.

– Когда вы в последний раз говорили с мистером Смитбеком?

– Не помню, – со вздохом ответила Нора.

Фенестер откинулся на спинку стула, скрестил свои мясистые лапы на груди и произнес:

– Не торопитесь, доктор Келли.

Коп был лыс, и лишь в самом центре его черепа сохранился островок густых и толстых, как проволока, волос.

«Это просто невыносимо!» – подумала Нора, вслух же сказала:

– Наверное, неделю назад.

– При каких обстоятельствах?

– Он донимал меня в моем рабочем кабинете.

– С какой целью?

– Хотел сказать, что агент Пендергаст получил ножевое ранение. Служба охраны музея выставила его вон. Об этом имеется запись в журнале дежурств.

«Что этот тип забыл в музее? Нет, он поистине неисправим».

– Вам известно, что мог искать мистер Смитбек?

– Мне кажется, что я уже ответила на этот вопрос.

Наступила очередная пауза, поскольку О'Грейди снова потребовалось свериться со своими записями.

– Здесь сказано, что мистер Смитбек… – начал коп, но Нора не дала ему закончить.

– Послушайте, почему бы вам не заняться более перспективными предметами? Например, записками, которые напечатал убийца? Той, которая была направлена мне от имени мистера Пака, и той, которая осталась на столе. Совершенно ясно, что преступник имеет доступ в музей. К чему все эти вопросы о Смитбеке? Я не говорила с ним целую неделю. Я не знаю, чем он занят, и, по правде говоря, мне на это плевать.

– Мы обязаны задать вам эти вопросы, доктор Келли, – сказал О'Грейди.

– Но почему?

– Они стоят в списке. Это моя работа.

– Боже… – Нора приложила ладонь ко лбу: во всем этом было что-то от Кафки. – Продолжайте.

– После того как был выписан ордер на задержание мистера Смитбека, мы обнаружили взятую им напрокат машину. Машина находилась в северной части Риверсайд-драйв. Не знаете ли вы, с какой целью мистер Смитбек арендовал машину?

– Сколько раз я должна повторять вам одно и то же? Я не говорила с ним целую неделю!

О'Грейди отложил в сторону листок и спросил:

– Как давно вы знакомы с мистером Смитбеком?

– Почти два года.

– Где вы с ним познакомились?

– В Юте.

– При каких обстоятельствах?

– Во время археологической экспедиции, – сказала Нора и вдруг почувствовала, что с трудом отвечает на последние вопросы.

«Риверсайд-драйв? Какого дьявола Смитбек туда отправился?»

– Какого рода археологическая экспедиция?

Нора не ответила.

– Доктор Келли?

– В каком месте на Риверсайд-драйв? – подняла на него глаза Нора.

– Простите, не понял… – О'Грейди явно растерялся.

– В каком точно месте на Риверсайд-драйв была найдена машина Смитбека?

О'Грейди порылся в бумагах и сказал:

– В северной части Риверсайд-драйв. На углу Сто тридцать первой улицы.

– Сто тридцать первой? Что он там делал?

– Именно это мы и надеялись услышать от вас. Итак, вернемся к археологической экспедиции…

– Вы сказали, что этим утром он получил доступ к неким картотекам. Каким именно?

– Старым картотекам службы безопасности.

– Каким из них?

О'Грейди снова пробежал взглядом записи.

– Здесь говорится, что Смитбек интересовался старинным личным делом.

– Чьим именно?

– Об этом ничего не сказано.

– Как он это сделал?

– Об этом здесь не говорится.

– О Боже! Неужели вы не смогли это выяснить?

Лицо О'Грейди слегка порозовело, и он сказал:

– Может быть, нам лучше вернуться к нашим вопросам?

– Я об этом кое-что знаю, – вмешался Фенестер. – Я оставался на дежурстве, когда ты, О'Грейди, лакал кофе с пончиками. Помнишь?

– Может быть, ты запамятовал, Фенестер, но вопросы здесь задаем мы, – резко бросил О'Грейди.

– Но как я могу отвечать на ваши вопросы, если вы не делитесь нужной мне информацией? – одарив О'Грейди ледяным взглядом, спросила Нора.

– Доктор Келли права, О'Грейди. Она имеет право это знать. – Фенестер изобразил обворожительную улыбку и продолжил, обращаясь к Норе: – Мистер Смитбек при помощи телефонного звонка заманил одного из охранников в департамент людских ресурсов. После этого, выдав себя за работника этого департамента, он убедил оставшегося дежурного открыть некоторые шкафы с картотеками. Сказал, что проводит какую-то инспекцию.

– Неужели? – Несмотря на всю свою озабоченность, Нора не могла не улыбнуться. Это был Смитбек в его лучшем виде. – И какие именно картотеки?

– Разрешения пользоваться материалами музея, выданные более ста лет назад.

– И поэтому выдан ордер на его задержание?

– Это далеко не все. Охраннику показалось, что он видел, как мистер Смитбек изъял какие-то материалы из одного ящика. Поэтому мы можем обвинить его в краже и...

– Какого именно ящика?

– С личными делами за тысяча восемьсот семидесятый год, насколько я помню, – не скрывая гордости, сказал Фенестер. – Поскольку у дежурного возникли подозрения, служба архивов произвела перекрестную проверку всех картотек и обнаружила, что одна из них похищена. Папка, в которой содержались документы, осталась практически пустой.

– Чья папка?

– Это была картотека серийного убийцы девятнадцатого века, как его там... Того, о котором писала «Таймс». Мистер Смитбек, вне сомнения, охотился за дополнительной информацией о...

– Энохе Ленге?

– Точно. Именно так звали парня.

Нора от изумления утратила дар речи.

– А теперь, если вас это не затруднит, доктор Келли, вернемся к нашим вопросам, – вмешался О'Грейди.

– А его машину нашли на Риверсайд-драйв? На углу Сто тридцать первой? Как долго она там находилась?

– Кто знает? – пожал плечами Фенестер. – Нам известно, что он взял машину вскоре после того, как вышел из музея. За машиной ведется наблюдение. Когда мистер Смитбек к ней вернется, мы об этом сразу узнаем.

– А ты не мог бы заткнуться, Фенестер? – не выдержал О'Грейди. – Поскольку ты успел выложить все конфиденциальные детали, мы, видимо, можем вернуться к допросу. Итак, доктор Келли, эта археологическая экспедиция...

Нора порылась в сумочке и извлекла из нее сотовый телефон.

– Никаких звонков, доктор Келли, пока мы не закончили, – снова возник О'Грейди. На сей раз голос копа звучал по-настоящему зло.

Она бросила аппарат в сумку и сказала:

– Прошу меня извинить, но я должна уйти.

– Вы уйдете только тогда, когда мы кончим задавать вопросы, – не терпящим возражения тоном заявил О'Грейди. – Итак, доктор Келли, эта экспедиция...

Нора не слышала конца фразы. Она лихорадочно пыталась осмыслить полученную информацию.

– Доктор Келли?

– Но не могли бы мы закончить это попозже? – спросила она и улыбнулась, сопроводив улыбку самым умоляющим взглядом из своего обширного арсенала разнообразных взоров.

Но О'Грейди не стал отвечать улыбкой на улыбку. Вместо этого он нравоучительно произнес:

– Мы расследуем уголовное преступление, доктор Келли, и закончим нашу беседу, лишь исчерпав все вопросы. Никак не раньше.

Нора помолчала немного, а затем, глядя в глаза О'Грейди, сказала:

– Но мне действительно необходимо удалиться. Я имею в виду туалет.

– Прямо сейчас?

Она молча кивнула.

– Простите, но мы будем вынуждены вас туда сопровождать. Таковы правила.

– Прямо в туалет?

– Нет, – покраснел О'Грейди. – Только до дверей. Мы подождем снаружи.

– В таком случае поторопимся. Мне действительно туда очень надо. Проблемы с почками.

Фенестер и О'Грейди обменялись взглядами.

– Бактериальная инфекция. Подхватила в Гватемале во время раскопок.

Полицейские с готовностью вскочили со своих мест. Они прошли мимо десятков столов, за которыми копы бубнили вопросы, и оказались в главном читальном зале. Нора спокойно шагала к выходу, не желая торопливостью чрезмерно тревожить свой эскорт.

В библиотеке царила тишина. Читатели уже давно разошлись по домам. Нора первой подошла к дверям. Оба копа тянулись за ней в кильватере.

Затем она быстро проскочила сквозь двери и резко отпустила обе створки перед носом полицейских. Дверная пружина оказалась очень упругой. Нора вначале услышала глухой удар, а затем звук падения, за которым последовали изумленные восклицания. После этого раздались крики – очень похожие на те, которые в случае опасности издает морской лев, – и послышался топот бегущих ног. Она оглянулась. Фенестер и О'Грейди уже проскочили через дверь и бросились в погоню.

Нора знала, что находится в отличной физической форме. Но оба сержанта ее поразили. Они тоже мчались с приличной скоростью. Пробежав через холл, Нора оглянулась и увидела, что более высокий коп – О'Грейди – сумел к ней приблизиться.

Нора распахнула дверь, ведущую на лестницу, и понеслась вниз, прыгая через две ступени. Через несколько секунд дверь снова распахнулась, и она услышала громкие голоса и топот.

Девушка ускорила спуск. Достигнув цокольного этажа, она выдернула засов и выскочила в запасник отдела палеонтологии. Перед ней был длинный и прямой, как стрела, коридор. Его освещали лампы в проволочных сетках, а на выходящих в него многочисленных дверях значилось: «Плотнорогие», «Эогиппусы», «Полорогие», «Человекообразные».

Лестничный пролет за ее спиной просто гудел от грохота. Неужели они еще больше сократили расстояние? Ну почему ей не досталась пара боровов, которые вели допрос за столом слева от нее?

Нора промчалась по коридору, свернула за угол и побежала дальше.

Где-то поблизости должно находиться обширное хранилище костей крупных динозавров. Если она намерена избавиться от преследования, то больше всего шансов на успех у нее будет именно там. Не сбавляя скорости, она запустила руку в сумку. Ключи от хранилищ и лаборатории, которые она прихватила с собой утром, слава Богу, оказались на месте.

Возясь с ключами, Нора проскочила мимо нужных дверей. Вернувшись, она вставила ключ в скважину замка и толкнула дверь. Дверь распахнулась, когда копы вынырнули из-за угла.

«Черт. Они меня видели». Нора захлопнула дверь, повернула ключ в замке и, встав лицом к длинному ряду металлических стеллажей, приготовилась бежать.

И в этот момент ее осенила новая мысль.

Нора открыла замок и, нырнув в проход между ближайшими стеллажами, свернула на первом перекрестке налево. Затем она, затаив дыхание, присела на корточки. Из коридора до нее доносился тяжелый топот бегущих полицейских.

– Откройте, – послышался приглушенный дверью рев О'Грейди.

Нора огляделась в поисках более надежного укрытия. Помещение тускло освещала единственная, расположенная высоко на потолке лампочка. Чтобы включить дополнительное освещение, нужен специальный ключ. Это было обязательное требование для всех запасников музея, поскольку сильный свет мог повредить коллекции. Так или иначе, но длиннющий проход между стеллажами был погружен в темноту. Нора услышала удар. Оставалось надеяться, что копы не настолько тупы, чтобы взламывать незапертую дверь. Если они сломают замок, то ее план рухнет.

Дверь снова затряслась под мощным напором. Но затем они все же сообразили, что следует предпринять, и Нора с чувством облегчения услышала скрип открываемой двери. Стараясь передвигаться как можно тише, она отодвинулась глубже в лес гигантских костей.

Здесь хранилось самое большое в мире собрание костей динозавров. Динозавров хранили не в сборе, если так можно выразиться, а россыпью на массивных полках. Полки были сооружены из двутавровых стальных балок, скрепленных между собой стальными же угольниками. Здесь были штабеля бедренных костей, толстых, как стволы деревьев. Сотни черепов размером с автомобиль и огромные куски горной породы с заключенными в них костяками. В хранилище стоял запах, который обычно бывает внутри древнего каменного собора.

– Мы знаем, что вы здесь! – послышался голос Фенестера.

Нора затаила дыхание. Перед ней промелькнула крыса и скрылась в пустой глазнице аллозавра. Верхние полки терялись где-то в темноте. Здесь, как и в большинстве запасников музея, в расположении стеллажей не было никакой логики. Они стояли под разными углами и были разной высоты, прирастая в размерах вот уже сто пятьдесят лет. Лучшее место, чтобы затеряться, представить было трудно.

– Бегство от полиции еще никому не шло на пользу, доктор Келли! Сдавайтесь, и мы поступим с вами по-хорошему!

Нора, укрывшись за гигантской, размерами в хорошую квартиру-студию, черепахой, пыталась припомнить план хранилища. Похоже, что во время предыдущих визитов сюда она не видела задней двери. Большинство запасников имели в целях безопасности лишь один вход. И сейчас этот вход, он же и выход, был заблокирован полицейскими. Надо заставить их двигаться.

– Доктор Келли, я не сомневаюсь, что мы можем договориться. Прошу вас, выходите!

Нора улыбнулась. Что за парочка недотеп. Смитбек вволю над ними потешился бы.

При мысли о журналисте от ее улыбки не осталось и следа. Теперь она знала, что этот тип сотворил. Он отправился в дом Ленга. Скорее всего он знал гипотезу Пендергаста о том, что Ленг жив и обитает в своем старом доме. Проходимец, видимо, вытянул у О'Шонесси адрес. Этот парень способен разговорить и немого.

Впрочем, О'Шонесси мог быть здесь и ни при чем. Смитбеку всегда хорошо удавались журналистские расследования. Он прекрасно знаком со всеми досье музея. Пока она и Пендергаст трудились в поисках адреса, Смитбек отправился прямиком в архив музея и напал там на золотую жилу. Зная этого человека, Нора не сомневалась, что он, не медля ни секунды, кинется в дом Ленга. Вот почему он арендовал машину и отправился на Риверсайд-драйв. Ему не терпелось взглянуть на дом. Но Смитбек не тот человек, чтобы ограничиться созерцанием. Дурак. Проклятый дурак...

Нора осторожно нащупала мобильный телефон и набрала номер, не доставая трубку из сумки. Толстая кожа приглушала писк кнопок. Но телефон не работал, поскольку сигнал экранировали стальные полки и древние кости, не говоря уж о массивных стенах самого музея. Но это скорее всего означало и то, что призывы копов по рации тоже никто не услышит. Если ее план сработает, то непроницаемость пойдет ей только на пользу.

– Доктор Келли! – Голоса теперь доносились откуда-то слева. Копы отошли от дверей.

Она поползла между стеллажами, напрягая зрение, чтобы увидеть полицейских. Но увидела она не людей, а лишь пробивающийся сквозь штабеля костей луч фонаря.

Терять время нельзя. Надо отсюда уходить.

Нора внимательно прислушивалась к шагам полицейских. Отлично, они, похоже, по-прежнему держатся вместе. Каждый из них желал схватить беглянку и заслужить благодарность. Никто не остался охранять дверь. Ну и тупицы!

– Хорошо! – крикнула она. – Сдаюсь! Прошу прощения, я, кажется, просто потеряла голову!

До слуха вначале долетел возбужденный шепот, а затем и крик О'Грейди:

– Стойте на месте! Мы идем к вам!

Нора услышала, как они двигаются в ее направлении. Вначале они быстро шагали, а затем перешли на бег. Луч фонаря заметался по костям динозавров. Следя за направлением луча, Нора, пригнувшись, двинулась в направлении выхода из хранилища. Она старалась передвигаться быстро и бесшумно.

– Где вы? – Голос звучал тише, от преследователей ее теперь отделяли несколько рядов стеллажей. – Доктор Келли!

– Она была здесь, О'Грейди.

– Чтоб ты сдох, Фенестер. Она была значительно даль...

Нора молнией пронеслась в дверь, захлопнула ее за собой и, мгновенно повернувшись, вставила ключ в прорезь замка. Еще через пять минут она уже была на улице.

Тяжело дыша, она достала из сумочки мобильник и набрала номер.

Глава 7

«Роллс-ройс» бесшумно подкатил к тротуару Семьдесят второй улицы. Пендергаст вышел из машины и задумчиво остановился в тени «Дакоты». Мотор работал на холостых оборотах.

Беседа с двоюродной бабкой оставила в его душе почти незнакомое ему чувство ужаса. Впрочем, все было не совсем так. Этот ужас постепенно нарастал с того момента, когда он впервые услышал об открытии страшного могильника на Кэтрин-стрит.

Вот уже много лет он нес молчаливую вахту, изучая отчеты ФБР и Интерпола. Пендергаст искал в них специфический почерк преступника, надеясь, что никогда его не найдет. Однако где-то в глубине души специальный агент постоянно опасался, что это все-таки произойдет.

– Добрый вечер, мистер Пендергаст, – сказал охранник, выходя из своей будки. В руке, затянутой в белоснежную перчатку, он держал конверт. При виде конверта ужас, который испытывал агент ФБР, возрос многократно.

– Спасибо, Джонсон, – произнес Пендергаст, не притрагиваясь к конверту. – Не появлялся ли здесь сержант О'Шонесси? Я, кажется, вас об этом предупреждал.

– Нет, сэр, не появлялся.

Пендергаст погрузился в раздумье.

– Понимаю… – сказал он после продолжительной паузы. – Это вы приняли пакет?

– Так точно, сэр.

– Не могли бы вы сказать, кто вам его вручил?

– Весьма милый и очень старомодный на вид пожилой джентльмен.

– В котелке?

– Именно так, сэр.

Пендергаст изучил выполненную четким каллиграфическим почерком надпись на лицевой стороне конверта: «А.Л. Пендергасту, эсквайру, докт. философии, „Дакота“. Лично и конфиденциально». Конверт ручной работы был склеен из старинной плотной бумаги с неровными краями. Таким сортом бумаги пользовалось семейство Пендергастов для личной переписки. Хотя конверт успел пожелтеть от времени, надпись на нем была совсем свежей.

– Джонсон, не могу ли я позаимствовать ваши перчатки? – спросил Пендергаст у охранника.

Охранник был слишком хорошо вымуштрован, чтобы удивиться. Натянув перчатки, Пендергаст скользнул в освещенную будку и сломал печать. Соблюдая крайнюю осторожность, он открыл конверт и заглянул внутрь. Там оказался единственный, сложенный вдвое листок бумаги. В листке находился небольшой отрезок какой-то сероватой нити. Неопытному глазу он мог показаться куском тонкой рыболовной лески. Но Пендергаст сразу узнал в нем обрывок нерва, изъятый, вне сомнения, из нервного узла, известного под названием «конский хвост».

Надписи на сложенном листке не было. Пендергаст поднес бумагу ближе к свету, но ничего, включая водяные знаки не увидел.

В этот момент раздался звонок его мобильного телефона.

Он аккуратно отложил листок, достал аппарат из кармана поднес его к уху и негромко произнес нейтральным тоном:

– Слушаю.

– Говорит Нора. Смитбек узнал, где живет Ленг.

– И?

– Он отправился туда. Думаю, что он забрался в дом.

Поиски

Глава 1

Нора с опаской следила за мчащимся по Сентрал-Парк-Вест «роллс-ройсом». «Роллс» лихо лавировал в уличном потоке, а ярко-красный пульсирующий фонарь над ветровым стеклом совершенно не соответствовал марке машины. Автомобиль остановился, взвизгнув резиной.

– Садитесь! – крикнул Пендергаст, высунувшись из распахнувшейся задней дверцы.

Нора влезла в автомобиль, машина рванулась вперед, и не ожидавшая такого ускорения девушка рухнула на белую кожу заднего сиденья.

Глядя прямо перед собой, Пендергаст опустил разделяющий их кожаный подлокотник. Таким мрачным Нора его никогда еще не видела. Создавалось впечатление, что агент ФБР не замечает, что происходит вокруг него. Слегка покачиваясь на крышках канализационных люков, автомобиль с огромной скоростью летел на север. Деревья Центрального парка справа от них сливались в сплошную серую полосу.

– Я пыталась связаться со Смитбеком по сотовому телефону, – сказала Нора, – но он не отвечает.

Пендергаст молчал.

– Вы действительно верите в то, что Ленг жив?

– Мне это известно совершенно точно.

Нора молчала, не решаясь задать следующий вопрос.

Нет, она должна спросить.

– Вы полагаете… вы полагаете, что он захватил Смитбека?

– На копии счета за аренду машины указано, что он обязуется вернуть ее к пяти вечера, – не сразу ответил Пендергаст.

К пяти вечера… Норе вдруг стало страшно. Смитбек опаздывал с возвращением автомобиля на шесть часов.

– Если он оставил машину неподалеку от дома Ленга, у нас еще есть шансы его найти, – заметил Пендергаст и, опустив стекло, отделяющее водителя от пассажиров, сказал: – Проктор, после Сто тридцать первой улицы мы начнем искать «форд-таурус» серебристого цвета. Нью-йоркский номерной знак ELT-7734 и наклейка прокатной фирмы.

После этого он поднял стекло и откинулся на спинку сиденья. Машина свернула на Соборный бульвар и помчалась в направлении реки.

– Мы узнали бы адрес Ленга в ближайшие сорок восемь часов, – сказал Пендергаст так, словно обращался к самому себе. – Мы были совсем рядом. Еще немного, и проблема была бы решена. Для этого требовалось лишь соблюдать осторожность и действовать методично. Теперь же у нас этих сорока восьми часов нет.

– Сколько же времени у нас есть? – спросила Нора.

– Боюсь, что времени у нас уже не осталось, – пробормотал Пендергаст.

Глава 2

Кастер наблюдал за тем, как Брисбейн, открыв дверь своего кабинета, раздраженно шагнул в сторону, предлагая им войти первыми. Капитан переступил через порог. Вернувшееся к нему чувство уверенности придало его шагам особую значимость. Торопиться теперь не нужно. Он остановился и осмотрел офис. Очень чистый и очень модерновый. Хром и стекло. Два огромных окна выходили на Центральный парк, за которым виднелась стена мерцающих огней Пятой авеню. Взгляд капитана задержался на письменном столе, занимавшем господствующую позицию в самом центре комнаты. Антикварная чернильница, серебряные часы, другие дорогостоящие безделушки. На столе стоял стеклянный ларчик, заполненный до краев драгоценными камнями. Очень мило. Непыльная работенка у этого парня.

– Прекрасный кабинет, – произнес капитан вслух.

Брисбейн в ответ на комплимент лишь пожал плечами. Затем он повесил смокинг на спинку стула и уселся за свой роскошный стол.

– У меня мало времени, – воинственно заявил он. – Сейчас одиннадцать вечера. Выкладывайте, что хотите сказать, и после этого прикажите

своим людям не появляться на территории музея до тех пор, пока мы не договоримся о дальнейших действиях.

– Конечно, конечно, – поспешно ответил Кастер.

Он перемещался по кабинету, взвешивая на руке различные безделушки и восхищаясь развешанными на стенах картинами. Капитан видел, что Брисбейн злится все сильнее и сильнее. Прекрасно. Пусть парень попотеет. Рано или поздно он обязательно что-то скажет.

– Может быть, продолжим наше дело, капитан? – сказал Брисбейн, демонстративно показывая на кресло.

Кастер столь же демонстративно продолжал экскурсию по кабинету. Кроме безделушек, ящика с самоцветами и картин, в кабинете ничего не было. Если, конечно, не считать полок на одной из стен и шкафа.

– Насколько я понимаю, мистер Брисбейн, вы являетесь генеральным юридическим советником музея?

– Именно так.

– Весьма важный пост.

– По правде говоря, да.

Кастер подошел к полкам и внимательно изучил размещенные на одной из них перламутровые ручки.

– Я понимаю, что вы не очень довольны нашим вторжением.

– Это заявление внушает мне оптимизм.

– Вы полагаете, что это место в некотором роде принадлежит вам. В музее вы чувствуете себя как бы защищенным.

– Именно.

Кастер кивнул и приступил к изучению полки со старинными китайскими табакерками, украшенными драгоценными камнями. Капитан взял одну из них в руки и продолжил:

– И вам, естественно, не нравится банда болтающихся по музею полицейских.

– Честно говоря, совсем не нравится. Я уже несколько раз вам это говорил. Между прочим, капитан, эта табакерка очень дорого стоит.

Кастер вернул табакерку на место и взял какой-то другой предмет.

– Как мне представляется, вся эта история дорого вам обошлась. Вначале обнаружение этих скелетов. Я говорю о жертвах серийного

убийцы девятнадцатого века. Затем письмо, найденное в архиве музея. Крайне неприятные события.

– Подобная антиреклама способна нанести музею существенный вред.

– А потом эта ваша сотрудница… как ее там?

– Нора Келли.

Кастер сразу обратил внимание на то, что это имя было произнесено совсем иным тоном. Голос Брисбейна прозвучал очень неодобрительно. Генеральный советник явно недолюбливал эту женщину. Создавалось впечатление, что она нанесла ему какую-то личную обиду.

– Кажется, это она нашла скелеты и письмо? Я не ошибаюсь? Вы требовали, чтобы она прекратила участвовать в деле, не так ли? Опасались антирекламы, я полагаю?

– Я считал, что ей следовало бы заниматься своими делами. Теми, за которые она получает жалованье.

– Вы не хотели, чтобы она помогала полиции?

– Естественно, я хотел, чтобы она оказывала помощь полиции. В то же время я не мог допустить, чтобы она манкировала своими прямыми обязанностями.

Кастер кивнул с понимающим видом и продолжил:

– Да, конечно. И после этого ее едва не убили в архиве. Лишь чудом она спаслась от преследования Хирурга.

С этими словами Кастер проследовал к книжной полке с полудюжиной толстенных томов юридического содержания. Постучав пальцем по корешку одного из фолиантов, Кастер спросил:

– Вы юрист?

– «Генеральный советник» обычно означает «юрист».

Сарказм Брисбейна не оставил даже царапины на броне Кастера.

– Понимаю. И как давно вы здесь?

– Чуть больше двух лет.

– И вам здесь нравится?

– Это очень интересная работа. Однако послушайте. Ведь мы, кажется, собирались обсудить, как удалить полицейских из музея.

– Скоро мы к этому приступим, – сказал капитан и спросил: – Вы часто бываете в архиве?

– Не очень. Впрочем, в последнее время стал бывать чаще. После того как началось это столпотворение.

– Понимаю. Любопытное место этот ваш архив, – заметил капитан и оглянулся, чтобы посмотреть, какой эффект произвели его слова.

Глаза. Смотри ему в глаза.

– Да, некоторые, насколько я знаю, считают архив очень интересным местом.

– Но вы в их число не входите.

– Коробки с бумагами и покрытые плесенью предметы меня не интересуют.

– И тем не менее вы побывали там… сейчас взглянем… – Кастер сверился с записями в блокноте и закончил: – Не менее восьми раз за последние десять дней.

– Приведенное вами число посещений вызывает у меня сомнение. Но в любом случае я ходил туда по вопросам, связанным с деятельностью музея.

– В любом случае… – повторил Кастер, сверля собеседника проницательным взглядом. – Архив. Место, где было обнаружено тело мистера Пака и где Нора Келли лишь чудом избежала гибели…

– Вы об этом уже упоминали.

– Скажите, репортер по имени Смитбек вас очень раздражает?

– Раздражает – это слишком мягко.

– Вам не нравится, что он вертится под ногами? Впрочем, кому это может понравиться?

– Рад, что вы разделяете мою точку зрения. Вы, наверное, слышали, как он, выдав себя за работника службы безопасности, похитил принадлежащие музею документы?

– Слышал, слышал… По правде говоря, мы ищем этого типа, но он куда-то исчез. Да, кстати, вам, случайно, не известно, где он может находиться? – произнес Кастер, сделав небольшой упор на последнюю фразу.

– Естественно, нет.

– Естественно, нет... – сказал капитан и вновь переключил свое внимание на драгоценные камни. Он постучал толстым пальцем по стеклу и продолжил: – А еще есть этот специальный агент ФБР Пендергаст. Тот, на которого напали. Весьма неприятный и раздражающий тип.

На сей раз Брисбейн предпочел промолчать.

– Вам не очень нравится, что он бывает здесь? Не так ли, мистер Брисбейн?

– Нам достаточно полицейских, которые ползают по музею. Зачем осложнять обстановку, добавляя к ним ФБР? Да, возвращаясь к вопросу о кишащих в музее полицейских...

– Особенно любопытным, мистер Брисбейн, мне представляется то, что... – конец фразы Кастер оставил висеть в воздухе.

– Что вам представляется особенно любопытным, капитан?

В приемной послышался какой-то шум, дверь распахнулась, и в кабинет ввалился сержант полиции. Форма сержанта была покрыта пылью, а на лбу блестели крупные капли пота.

– Капитан! – выдохнул он с округлившимися глазами. – Мы допрашивали эту женщину из музея, а она заперла нас...

Кастер взглянул на копа – как его там... кажется, О'Грейди – с осуждением и сказал:

– Не сейчас, сержант. Разве вы не видите, что я разговариваю?

– Но...

– Ты слышал, что сказал капитан? – вмешался Нойс и повел протестующего сержанта к двери.

Выждав, когда закроется дверь, Кастер вновь повернулся лицом к Брисбейну.

– Наибольшее любопытство у меня вызывает интерес, который вы проявили к этому делу, – сказал он.

– Это моя работа.

– Мне это известно. Вы весьма преданы делу. Кроме того, я заметил, насколько глубоко вы занимаетесь кадровыми вопросами. Наем, увольнение...

– Это действительно так.

– Рейнхарт Пак может служить примером вашей активности.

– При чем здесь Пак?

Кастер снова сверился с записями в блокноте и сказал:

– Почему вы пытались уволить мистера Пака всего за два дня до того, как он был убит?

Брисбейн открыл рот, чтобы ответить, но тут ему в голову пришла какая-то новая мысль, и он промолчал.

– Вы согласитесь, мистер Брисбейн, что мы имеем весьма странное совпадение по времени?

– Капитан, – с едва заметной улыбкой ответил Брисбейн, – я считал этот пост совершенно лишним. Музей в данный момент испытывает финансовые затруднения. А мистер Пак… как бы это выразиться… отказывался идти на сотрудничество. Но к убийству, поверьте, это не имеет ни малейшего отношения.

– Но вам не позволили его уволить, не так ли?

– Пак проработал в музее более четверти века. Совет решил, что увольнение может отрицательно отразиться на моральном климате.

– После такого поражения вы, наверное, очень рассердились?

Улыбка Брисбейна стала ледяной, и он произнес:

– Капитан, надеюсь, вы не предполагаете, что я имею какое-то отношение к убийству старика?

– Неужели вам так показалось? – изумленно вскинув брови, спросил Кастер.

– Поскольку я считаю ваш вопрос риторическим, то позволю себе оставить его без ответа.

Кастер улыбнулся. Он не знал, что такое «риторический вопрос», однако нутром чувствовал, что его вопросы бьют в цель. Капитан еще раз постучал пальцем по стеклянной шкатулке с самоцветами и огляделся по сторонам. Он уже осмотрел весь кабинет. Оставалось проверить только стенной шкаф. Капитан подошел к шкафу, взялся за ручку дверцы и, задержавшись в этом положении, спросил:

– Но ведь это вас действительно рассердило? Не так ли? Я имею в виду отпор, который вы получили.

– Никому не нравится, когда отменяют его распоряжение, – с кислым видом ответил Брисбейн. – Этот тип был анахронизмом, а методы его работы оставались крайне неэффективными. Взять хотя бы пишущую машинку, которую он использовал в своей переписке.

– Да. Машинка. Та, на которой убийца напечатал письмо… или, вернее, два письма. Итак, насколько я понял, вы о существовании этой машинки знали?

– О ней знали все. Пак прославился тем, что категорически отказывался оборудовать компьютерный терминал на своем рабочем месте. Старик не хотел пользоваться электронной почтой.

– Понимаю… – протянул Кастер и открыл дверцу стенного шкафа.

И словно по сигналу, с верхней полки упал старомодный котелок. Шляпа подпрыгнула на полу, описала круг и замерла у ног Кастера.

Кастер в изумлении посмотрел вниз. Он не верил своим глазам. Такие чудеса случаются лишь в детективных романах Агаты Кристи. В обычном полицейском расследовании подобная развязка просто невозможна.

Кастер посмотрел на Брисбейна, вопросительно вскинув брови.

Генеральный советник вначале смутился, затем заволновался и в конце концов разозлился.

– Котелок – часть наряда для костюмированных балов, которые проводятся в музее. Вы сможете это без труда проверить. Меня в нем все видели. Я пользуюсь одним и тем же костюмом не один год.

Кастер сунул голову в шкаф, порылся немного в его недрах и извлек на свет черный зонт. Затем он уперся кончиком зонта в пол и нажал на кнопку. Зонт раскрылся, и полицейский, оставив его на полу рядом с котелком, вопросительно взглянул на Брисбейна.

– Но это же абсурд! – возмутился заместитель директора.

– Я ничего не говорил, – произнес Кастер, перевел взгляд на Нойса и спросил: – Вы, сержант, что-нибудь сказали?

– Никак нет, сэр. Я все время молчал.

– Итак, мистер Брисбейн, что именно вы считаете абсурдным?

– То, о чем вы думаете… – генеральный советник с трудом подбирал нужные слова, – что я… но вы же понимаете… это полная чушь!

Кастер заложил руки за спину и медленно – очень медленно – двинулся к Брисбейну. Приблизившись к столу, он наклонился и с нажимом, но в то же время негромко спросил:

– А о чем я думаю, мистер Брисбейн?

Глава 3

«Роллс» ракетой мчался по Риверсайд-драйв. Водитель умело бросал его с одной полосы движения на другую, порой втискивая большой автомобиль в крошечную щель между машинами, а порой вынуждая других водителей выскакивать на тротуар. Шел двенадцатый час ночи, и уличное движение становилось все менее интенсивным. Однако на Риверсайд-драйв и на всех боковых улицах не осталось ни одного свободного места для парковки. Поставить машину было просто негде.

«Роллс-ройс» свернул на Сто тридцать первую улицу и резко замедлил ход. И почти сразу (не более чем в десятке машин от Риверсайд-драйв) Нора увидела то, что они искали: серебристый «форд-таурус» с нью-йоркским номерным знаком ELT-7734.

Пендергаст вышел из машины, подошел к «форду» и почти незаметным ударом разбил стекло передней дверцы со стороны пассажирского места. Пока он обыскивал внутренности машины, ее охранная система не переставала протестующе орать. Откуда-то из темноты возникли два полицейских с револьверами в руках. Пендергаст продемонстрировал им свой значок и что-то резко сказал. Копы спрятали оружие и ретировались. Еще через несколько секунд агент ФБР вернулся к своей машине.

– В автомобиле ничего нет, – сказал он Норе. – Он, видимо, прихватил адрес с собой. Остается надеяться, что дом Ленга где-то поблизости.

Пендергаст предложил Проктору поставить машину около монумента Гранту и ждать звонка. Затем они быстро зашагали вниз по Сто тридцать первой улице и уже через несколько секунд оказались на Риверсайд-драйв. Вдоль противоположной стороны улицы тянулся Риверсайд-парк. Казалось, что его деревья подобно часовым охраняют таинственное, скрытое в темноте пространство. За парком в неярком свете луны поблескивала поверхность Гудзона.

Нора посмотрела вначале налево, а затем направо, но увидела лишь бесконечные кварталы обветшалых домов, давно заброшенных особняков и убогих благотворительных ночлежек.

– Как мы найдем дом Ленга? – спросила она.

– У него будут некоторые специфические черты, – ответил Пендергаст. – Это будет по меньшей мере столетний особняк, не разделенный на отдельные квартиры. Скорее всего он кажется со стороны брошенным, и в то же время доступ в него надежно блокирован. Итак, предлагаю вначале двинуться на юг.

Но прежде чем начать поиски, Пендергаст положил ладонь на плечо девушки и сказал:

– Как правило, я не позволяю гражданским лицам принимать участие в полицейской операции.

– Но поскольку исчез мой бойфренд...

Пендергаст поднял руку, не дав ей закончить.

– Времени на дискуссии у нас нет. Я уже проиграл в уме все осложнения, которые мы можем встретить, и поэтому буду говорить прямо. Если мы найдем дом Ленга, то мои шансы на успех, если я буду действовать в одиночку, минимальны.

– Хорошо. Я все равно не позволила бы вам оставить меня на улице.

– Знаю. Кроме того, я знаю, что, учитывая хитроумие Ленга, два человека имеют больше шансов на успех, чем большая и шумная толпа представителей официальной власти. Следует учитывать и то, что на привлечение внимания властей уйдет немало времени. Однако должен предупредить, доктор Келли, что я вовлекаю вас в предприятие, где на ситуацию будет влиять бесконечное число переменных величин. Короче говоря, мы можем оказаться в таком положении, когда вы, или я, или мы оба погибнем.

– Я готова пойти на риск.

– И еще одно, последнее, замечание. Я полагаю, что мистер Смитбек уже умер – или умрет к тому времени, когда мы найдем дом. Так что скорее всего спасательная операция либо уже закончилась, либо вскоре закончится провалом.

Нора молча кивнула. Сказать что-то она была не в силах.

Не говоря ни слова, Пендергаст повернулся и двинулся в южном направлении.

Вначале они миновали несколько старых домов, разделенных на отдельные квартиры, затем прошли мимо ночлежки. Обитающие в ней алкоголики, сидя на ступенях, проводили их равнодушным взглядом. За ночлежкой тянулся длинный ряд убогих домишек.

В первый раз Пендергаст задержался перед небольшим заброшенным особняком, с заколоченными досками окнами и без домофона. Пендергаст осмотрел фасад и через дыру в металлической ограде быстро подошел к дому.

– Что вы думаете? – спросила Нора.

– Я думаю, что нам следует проникнуть внутрь.

То место, где когда-то находилась дверь, закрывали два листа фанеры, скрепленные между собой металлической цепью. Пендергаст посмотрел на висячий замок, сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда какой-то прибор, из которого торчала металлическая спица. Спица чуть поблескивала в свете уличного фонаря.

– Что это? – спросила Нора.

– Электронная отмычка, – ответил Пендергаст, вставляя спицу в замок.

Через мгновение дужка замка уже оказалась в его пальцах. Агент ФБР освободил фанерные листы от цепи и нырнул в дом. Нора последовала за ним.

Темнота встретила их страшным зловонием. Пендергаст достал карманный фонарь, и луч света выхватил из тьмы гниющий мусор, дохлых крыс, дранки на стенах, с которых давно осыпалась штукатурка, шприцы, битые ампулы и лужи затхлой воды. Не говоря ни слова, Пендергаст направился к выходу. Нора поплелась следом.

Они продолжали поиск вплоть до Сто двадцатой улицы. Этот район казался вполне благополучным. Большинство домов было заселено.

– Дальше идти не имеет смысла, – бросил Пендергаст. – Будем двигаться на север.

Они почти добежали до Сто тридцать первой улицы – исходной точки их поиска – и пошли по Риверсайд-драйв на север.

На Сто тридцать шестой улице пара задержалась перед очередным разрушенным домом. Пендергаст внимательно осмотрел здание и, не проронив ни слова, продолжил путь. Его лицо было более бледным, чем обычно: физическое напряжение сказывалось на еще не окрепшем после ранения организме.

Создавалось впечатление, что весь район Риверсайд-драйв превратился в бесконечную череду заброшенных развалин. Норе казалось, что Ленг мог обитать в любом из этих некогда роскошных зданий.

– Похоже, – глядя в землю, сказал Пендергаст, – что мистер Смитбек испытывал большие трудности при поисках места для парковки.

Нора кивнула, ощущая, как в ней все сильнее нарастает отчаяние. Вот уже шесть часов Смитбек находится в руках Хирурга. А возможно, и дольше. Из этого следовал единственный вывод.

Глава 4

Кастер позволил Брисбейну попотеть вначале одну минуту, а затем еще две. После этого капитан улыбнулся (почти заговорщицки) и, кивнув в сторону нелепого кресла из хрома и стекла, спросил:

– Вы не возражаете, если я…

– Пожалуйста, – кивнул в ответ Брисбейн.

Кастер опустился в кресло, стараясь устроиться в нем настолько уютно, насколько допускал этот дурацкий предмет мебели. Затем он снова улыбнулся и спросил:

– Вы, кажется, хотели что-то сказать?

Задав вопрос, он попытался закинуть одну затянутую узкой штаниной ногу на другую, но нелепый угол сиденья идиотского кресла не допустил подобной вольности, и капитану пришлось вернуть ногу на место. Однако, не утратив самообладания ни на йоту, он поднял голову и вопросительно вздернул брови.

Брисбейн тоже успел взять себя в руки.

– Нет, я ничего не хотел вам сказать. Я просто подумал…

– О чем?

– Пустяк, не стоит вашего внимания.

– В таком случае расскажите мне о костюмированных балах, которые, по вашему утверждению, часто проводятся в музее.

– Да, мы часто проводим различные мероприятия. Для сбора средств, например. Во время открытия новых залов или других подобных событий. Иногда это бывают костюмированные балы. Я всегда наряжаюсь одинаково. Как направляющийся в Сити английский банкир. Котелок, брюки в полоску, визитка.

– Понимаю, – сказал Кастер и, глядя на зонт, спросил: – И само собой, зонт?

– Черный зонт имеется почти у каждого.

По лицу генерального советника было невозможно понять, что он думает или какие чувства испытывает. Это еще раз говорило о его высокой профессиональной подготовке.

– Как давно вы приобрели эту шляпу?

– Я вам это уже сказал.

– Где вы ее купили?

– Попытаюсь вспомнить… В какой-то антикварной лавке в Гринвич-Виллидж… Или, возможно, в «Три-Би-Ка» на Лиспанард-стрит…

– И сколько она стоила?

– Не помню. Где-то в районе тридцати – сорока долларов. Послушайте, почему вас так заинтересовала эта шляпа? Котелки носят многие мужчины, – утратив на миг свою сдержанность, спросил Брисбейн.

Следи за его глазами.

Теперь в его глазах можно было заметить страх. И не только. У генерального советника взгляд стал явно виноватым.

– Неужели? – ровным голосом произнес Кастер. – Множество мужчин, вы говорите? Лично я знаю лишь одного человека, который носит котелок. И этот человек – серийный убийца.

Слово «убийца» прозвучало в кабинете впервые, и Кастер сделал на него несильное, но все же заметное ударение. Ему очень нравилось, как он разыгрывает свою партию. Это было похоже на действия опытного удильщика, который подводит к берегу крупную форель. Жаль, что вся сцена не фиксируется на видео. Шеф бы с удовольствием посмотрел запись. Более того, ее можно было бы использовать в качестве наглядного пособия при подготовке детективов.

– Теперь вернемся к зонту.

– Я купил его в… Нет, не помню. Я часто теряю зонты и каждый раз приобретаю новый, – пожал плечами Брисбейн.

Он хотел сделать это как можно более небрежно, но плечи остались напряженными.

– А где находятся другие предметы вашего наряда?

– В стенном шкафу. Смотрите, не стесняйтесь.

Кастер не сомневался, что остальные части костюма будут в точности отвечать описанию внешности преступника, включая черное старомодное пальто. Поэтому, проигнорировав попытку хитреца отвлечь его внимание, спросил:

– И где же вы приобрели ваш костюм?

– Насколько помнится, брюки и визитку я нашел в магазине подержанного платья неподалеку от универмага «Блю-мингдейл». Название лавки я не запомнил.

– Не сомневаюсь, – сказал Кастер, пронзая Брисбейна взглядом. – Вам не кажется, что это довольно необычный выбор для маскарада? Я имею в виду костюм английского банкира.

– Терпеть не могу нелепые и смешные наряды. Я появлялся в этом костюме по меньшей мере на полудюжине балов. Каждый сможет вам это подтвердить. Я часто пользовался этим нарядом.

– В том, что вы часто им пользовались, я нисколько не сомневаюсь. Весьма часто, – произнес Кастер и посмотрел на Нойса.

У сержанта был возбужденный и даже несколько хищный вид. До него, видимо, дошло значение происходящих перед ним событий.

– Мистер Брисбейн, где вы находились между одиннадцатью часами вечера двенадцатого октября и четырьмя часами утра тринадцатого?

Это был тот отрезок времени, в течение которого, по мнению экспертов, был убит Пак.

– Сейчас… – Брисбейн задумался. – Сразу и не вспомнишь, – со смехом добавил он.

Кастер ответил ему легким смешком.

– Не могу припомнить, что делал той ночью. Во всяком случае, точно. После двенадцати или часа я наверняка был уже в постели. Но до этого… Все. Вспомнил! Тот вечер я провел дома. За чтением.

– Вы живете один, мистер Брисбейн?

– Да.

– Следовательно, нет никого, кто мог бы подтвердить, что вы были дома? Может быть, это может подтвердить консьержка? Подруга? Бойфренд?

– Нет, – заметно помрачнев, ответил Брисбейн. – Свидетелей нет. Если вы с этим закон…

– Минуточку, мистер Брисбейн. Где вы живете? Я запамятовал адрес, который вы мне назвали.

– Я вам его не называл. А живу я на Девятой улице, рядом с Университетской площадью.

– Хм-м… Не более чем в десяти кварталах от парка на Томпкинс-сквер. Места, где произошло второе убийство.

– Забавное совпадение.

– Несомненно. – Кастер взглянул в окно, за которым лежал невидимый в темноте Центральный парк. – А то, что первое убийство произошло буквально напротив ваших окон, тоже, без сомнения, является совпадением.

– Послушайте, детектив, – помрачнев еще сильнее, сказал Брисбейн. – Мне кажется, мы достигли того момента, когда вопросы кончились, им на смену пришли беспочвенные спекуляции. – Он вместе с креслом отодвинулся от стола, чтобы подняться. – А теперь, если не возражаете, я должен принять меры, чтобы удалить ваших людей с территории музея.

Кастер остановил его движением руки и посмотрел на Нойса. «Будь готов», – говорил этот взгляд.

– Остается еще пара вопросов, – сказал капитан и, небрежно достав из блокнота хранившийся между страниц листок бумаги, продолжил: – Осталось еще третье убийство. Вы знакомы с Оскаром Гиббсом?

– Мне кажется, что это помощник мистера Пака.

– Именно. Согласно заявлению мистера Гиббса, двенадцатого октября вскоре после полудня вы и мистер Пак провели в архиве… м-м… небольшую дискуссию. Это произошло сразу после того, как департамент людских ресурсов отверг вашу рекомендацию об увольнении мистера Пака.

– На вашем месте я не стал бы верить всему тому, что говорят люди, – слегка покраснев, ответил Брисбейн.

– Я и не верю, мистер Брисбейн. Не верю, – сказал Кастер и сопроводил свои слова длительной и весьма многозначительной паузой. – Итак, указанный мистер Оскар Гиббс сообщил, что вы и Пак кричали друг на друга. Или, точнее, вы кричали на мистера Пака. Вас не затруднит изложить мне вашу версию того, что произошло между вами?

– Я делал выговор мистеру Паку.

– За что?

– За то, что он нарушил мои инструкции.

– В чем их суть?

– Я требовал, чтобы он занимался своим делом.

– Своим делом? Каким образом он манкировал своими обязанностями?

– Он отвлекался на посторонние дела. Помогал Норе Келли в ее делах, не имеющих отношения к музею. Он делал это, несмотря на то что я специально…

Кастер решил, что настало время начинать последнюю атаку.

– По словам мистера Гиббса (я позволю себе зачитать его показания): «Он кричал на мистера Пака и угрожал его похоронить. Он (то есть вы, мистер Брисбейн) заявил, что долго ждать этого не придется». Вы употребили слово «похороню».

– Это всего лишь весьма распространенный оборот речи.

– А затем, менее чем через двадцать четыре часа после этого, в архиве на роге динозавра было обнаружено тело мистера Пака. Перед этим труп был изуродован. Подобная операция, мистер Брисбейн, требует времени. У меня нет сомнения, что она была произведена человеком, прекрасно знакомым с музеем. Кем-то, кто имел доступ ко всем коллекциям и архивам. Кем-то, кто мог перемещаться по всему зданию музея, не вызывая подозрений. Одним словом, убийца должен быть в музее своим человеком. Затем Нора Келли получила записку, напечатанную на машинке мистера Пака. В этой записке ее приглашали спуститься в архив. Она последовала приглашению, и на нее было совершено нападение с целью убийства. Нора Келли. Еще одна заноза в вашей… м-м… вашем боку. Третья заноза – агент ФБР. Он в то время находился в госпитале после нападения неизвестного человека в котелке.

Брисбейн смотрел на Кастера с таким видом, словно не верил своим ушам.

– Почему вы не хотели, чтобы Пак помогал Норе Келли в ее, как вы выразились, не относящихся к музею делах?

Ответом ему было молчание.

– Вы боялись, что они смогут что-то обнаружить? Что-то найти?

– Я… я… – пролепетал Брисбейн.

И в этот момент Кастер нанес решающий удар:

– Почему вы стали подражать серийному убийце девятнадцатого века, мистер Брисбейн? Может быть, вас толкнула на это какая-то находка в архиве? Может быть, мистер Пак что-то узнал?

К Брисбейну наконец вернулся дар речи.

– Да как вы смеете?! – выкрикнул он, вскочив с кресла.

– Сержант Нойс? – не повышая голоса, позвал Кастер.

– Да, сэр, – мгновенно откликнулся коп.

– Наденьте на него наручники.

– Нет! – выдохнул Брисбейн. – Вы совершаете чудовищную ошибку, глупец, я...

Кастер поднялся с кресла – к сожалению, это было сделано менее внушительно, чем он надеялся – и зачитал его права:

– Вы имеете право хранить молчание...

– Это возмутительно!

– ...вы имеете право на услуги адвоката...

– Я протестую!

– ...у вас есть право...

Он прогудел всю формулу до конца, заглушая протесты Брисбейна. Глядя на то, как радостный Нойс застегивает браслеты на запястьях генерального советника, Кастер испытывал полное счастье. Такого эффектного ареста капитан припомнить не мог. И если честно, то это вообще был самый большой успех во всей его полицейской карьере. Это дело станет легендой. Пройдет много-много лет, но копы по-прежнему будут рассказывать друг другу, как капитан Кастер надел наручники на Хирурга.

Глава 5

Пендергаст широко шагал по Риверсайд-драйв, полы расстегнутого черного пиджака развевались за его спиной. Нора поспешала за ним. Ее мысли снова обратились к Смитбеку, пропадающему в одном из этих ободранных зданий. Девушка гнала этот образ прочь, но он постоянно возвращался. Она ощущала почти физическую боль, думая о том, что может произойти или уже произошло.

Как она могла так злиться на него? Нельзя, конечно, отрицать, что большую часть времени он был просто невыносимым – строил какие-то химерические планы, дергался, искал новые подходы, постоянно при этом влипая в неприятности. Но в то же время многие из этих отрицательных черт делали его чертовски привлекательным. Нора припомнила, как он изобразил бродягу, чтобы помочь ей добыть старое платье из раскопа. Как рвался к ней, чтобы сообщить о ранении Пендергаста. Нет, она была с ним слишком жестокой.

Девушке с большим трудом удалось подавить готовое вырваться рыдание.

Они проходили мимо некогда элегантных, а ныне разрушенных и опустошенных особняков, ставших притонами для наркоманов всех сортов. Пендергаст внимательно смотрел на каждый дом и каждый раз, покачав головой, продолжал путь.

Теперь мысли Норы переключились на самого Ленга. Невозможно представить, что он до сих пор жив и скрывается в одном из этих рассыпающихся зданий. Она снова окинула взглядом Риверсайд-драйв. Хватит размышлять о постороннем. Следует сосредоточить все внимание на поисках дома. Вычислить убежище Ленга среди других развалин. Где бы он ни обитал, дом должен быть комфортным. Человек, живший полтора века, должен особенно заботиться о своих удобствах. Но внешне его убежище, вне сомнения, будет выглядеть необитаемым. И оно должно быть тщательно защищено от проникновения извне. Любые незваные гости Ленгу совершенно не нужны. Эта округа идеально отвечала его целям – заброшенная, но со следами былой элегантности. Дом внешне должен выглядеть жалким, но внутри оставаться пригодным для комфортного проживания. Кроме того, он должен стоять чуть в стороне от других зданий.

Проблема состояла в том, что слишком много домов отвечало этим критериям.

На углу Сто тридцать восьмой улицы Пендергаст остановился как вкопанный. Затем он медленно повернулся и уперся взглядом в очередное заброшенное здание. Это был большой разрушающийся особняк, все еще хранящий на себе следы славного прошлого. Дом стоял чуть в глубине, и с улицы к нему вела небольшая подъездная аллея. Все окна первого этажа, как и во многих других зданиях, были тщательно заколочены. Этот дом выглядел так же, как и десятки других, мимо которых они только что прошли. Однако Пендергаст смотрел на него с таким напряжением, которого Нора в нем до этого не видела.

Он молча свернул за угол Сто тридцать восьмой улицы, и Нора последовала за ним. Агент ФБР двигался медленно, глядя себе под ноги и лишь время от времени бросая взгляд на здание. Они прошли весь квартал до Бродвея. Пендергаст заговорил, лишь свернув за угол:

– Это то, что нам надо.

– Почему вы так решили?

– По знаку на гербовом щите над дверью. Три аптекарских шара над веточкой болиголова. Если позволите, то я объясню вам все позже. А

пока следуйте за мной. И прошу вас соблюдать максимальную осторожность.

С этими словами он возобновил путь вокруг квартала. Когда они оказались на углу Сто тридцать седьмой улицы и Риверсайд-драйв, Нора посмотрела на здание с любопытством и одновременно со страхом. Это было большое четырехэтажное строение из камня и кирпича, занимающее весь короткий квартал. Со стороны фасада вдоль всего здания тянулась кованая железная ограда. Остроконечные ржавые прутья ограждения оплетал плющ. Зеленая поляна за оградой превратилась в пустырь. Газон заняли буйные заросли сорняков, кустарника и горы отбросов. Аллея для проезда экипажей, обходя дом с тыла, выходила на Сто тридцать восьмую улицу. Окна первого этажа были тщательно заколочены, однако на всех верхних этажах они оставались целыми. Впрочем, одно из них, на втором этаже, было разбито. Нора взглянула на герб, о котором говорил Пендергаст. В камне действительно были выбиты три шара и ветка болиголова. По краю щита шла надпись на греческом языке.

Ветви мертвых деревьев качались под порывами ветра. В разрывах облаков то появлялась, то исчезала луна. Ее неровный свет отражался в стеклах окон верхних этажей. Казалось, что старый дом заселен призраками.

Пендергаст зашагал по подъездной аллее, и Нора последовала за ним. Оглядевшись по сторонам, он подошел к массивной дубовой двери, почти невидимой в тени нависающего козырька. Пендергаст едва прикоснулся к замку (во всяком случае, так показалось Норе), и тот сразу открылся с легким щелчком. Дверь бесшумно распахнулась на хорошо смазанных петлях.

Не теряя ни секунды, они вошли в дом. Пендергаст осторожно закрыл дверь. Оказавшись в полной темноте, они напряженно вслушались в тишину дома. Старинный особняк молчал. Через минуту тьму прорезал узкий луч фонаря Пендергаста.

Луч обежал стены, и Нора поняла, что они находятся в небольшой прихожей. Пол здесь был мраморным, а обоями служила тяжелая бархатная ткань. Все вокруг было покрыто слоем пыли. Пендергаст стоял неподвижно, ведя лучом вдоль линии следов на полу. Следы говорили о том, что здесь прошли два человека – один в обуви, а другой в одних носках.

Агент ФБР смотрел на них так, как смотрит на шедевр мастера ученик художественной студии. Это продолжалось так долго, что Нора начала терять терпение. Наконец Пендергаст медленно зашагал через прихожую и короткий коридор в большой зал. Деревянные панели из тяжелого, с прекрасной фактурой дерева покрывали стены зала. А

невысокий резной потолок являл собой причудливую смесь готики и примитива.

В зале было полным-полно предметов, назначение которых Нора не могла определить. Здесь стояли какие-то странные столы, столь же необычные шкафы, огромные ящики, железные клетки и аппараты весьма необычного вида.

– Кладовая фокусника, – пробормотал Пендергаст, отвечая на ее немой вопрос.

Они без задержки миновали готическое помещение и, пройдя под аркой, оказались в громадном зале приемов. Пендергаст остановился и снова изучил цепочки следов, пересекающих в разных направлениях паркет зала.

– Здесь следы лишь босых ног, – пробормотал он себе под нос. – И на этот раз человек бежит.

Луч фонаря обшарил громадное помещение, и Нора с изумлением увидела коллекцию весьма необычных предметов. На деревянных постаментах высились скелеты животных и лежали окаменелости. В застекленных шкафах хранились как удивительные, так и внушающие страх экспонаты: драгоценные камни, человеческие черепа, метеориты, переливающиеся всеми цветами радуги жуки. Луч фонаря на секунду задержался на всех этих предметах. В застоялом воздухе держался запах паутины, кожи и старой клеенки. И пробивался какой-то еще – очень слабый и гораздо менее приятный.

– Что это? – спросила Нора.

– Кабинет диковин доктора Ленга, – ответил Пендергаст, и в его левой руке появился револьвер.

Неприятный запах становился все сильнее. Сладковатая, тошнотворная вонь заполняла помещение, словно густой туман. Она липла к волосам, оседала на одежде и руках.

Пендергаст устало двигался по залу, освещая на ходу экспонаты. Большинство из них было задрапировано, но некоторые стояли открытыми. Вдоль стен располагались стеклянные кубы, и Пендергаст направился к ним. Стекло под лучом фонаря сверкало, а тени от находящихся за ним предметов двигались, словно живые.

Неожиданно луч замер, и Нора увидела, как и без того бледное лицо Пендергаста утратило те следы цвета, которые на нем обычно присутствовали. Некоторое время он просто молча стоял, и девушке показалось, что ее спутник перестал дышать. Затем медленно – очень медленно – Пендергаст двинулся к стеклянному ящику. Нора двинулась

следом, недоумевая, вид какого предмета мог произвести на специального агента ФБР столь парализующее действие.

Содержимое этого стеклянного куба совсем не походило на то, что хранилось в других стеклянных ящиках. В нем не было ни скелета, ни чучела, ни каменного идола. Вместо них за стеклом находился мертвец. Он стоял прямо, поскольку его руки и ноги были прикованы цепями к грубым металлическим стойкам. Создавалось впечатление, что труп выставлен на обозрение как еще один экспонат кабинета диковин. Покойник был облачен в длинный черный пиджак старинного покроя и черные, в полоску, брюки.

– Кто?.. – с трудом выдавила Нора.

Пендергаст, казалось, был сражен увиденным. Его лицо стало походить на каменную маску. Он ничего не слышал, сосредоточив все свое внимание на мертвеце. Луч фонаря вначале безжалостно танцевал, а потом задержался на одной детали. Это была мертвенно-бледная иссохшая рука, из которой, прорвав разлагающуюся плоть, торчала оголенная костяшка одного из пальцев.

Нора смотрела на обнаженную костяшку. На фоне пергаментной кожи она была похожа на покрытый красными пятнами обломок слоновой кости. Девушка ощутила прилив тошноты, осознав, что на пальцах руки вообще не было ногтей. По правде говоря, на руке не осталось ничего, что напоминало бы кончики пальцев. Вместо них были окровавленные обрубки, из которых торчали кости.

Затем луч света медленно и неумолимо пополз вверх по трупу. Он осветил пуговицы пиджака, крахмальную манишку и замер на лице.

Лицо выглядело сморщенным и усохшим, как у мумии. Однако сохранилось оно на удивление хорошо. Создавалось впечатление, что все его тонкие черты вырезаны из камня. Тонкие, сухие губы покойника раздвинулись в веселой ухмылке, обнажив два ряда великолепных белых зубов. Лишь глаза исчезли. Пустые глазницы походили на пару бездонных колодцев, в глубину которых не мог проникнуть никакой свет. Из глубины черепа до слуха Норы долетал какой-то глухой шелест.

Путешествие по дому уже давно ввергло девушку в ужас. Но теперь она испытала поистине страшное потрясение. Это был шок узнавания.

Нора инстинктивно подняла глаза на Пендергаста. Агент ФБР стоял неподвижно и округлившимися глазами взирал на покойника. Судя по его виду, он ожидал все, что угодно, но только не это.

Девушка перевела полный ужаса взгляд на труп. У нее не осталось ни малейших сомнений. Изящные черты лица, тонкие губы, нос с горбинкой, высокий лоб, почти белые волосы и хорошо очерченный

подбородок были легко узнаваемы даже в смерти. Это было лицо самого Пендергаста.

Глава 6

Кастер взирал на преступника (капитан еще до суда считал Брисбейна таковым) с огромным удовлетворением. Арестованный стоял в кабинете со скованными за спиной руками. Его галстук сбился набок, рубашка была помята, волосы растрепаны, на лбу выступили капли пота, а под мышками расплывались мокрые пятна. Так низвергаются даже самые великие. Этот тип держался довольно долго, сохраняя независимый и даже вызывающий вид. Но теперь его глаза налиты кровью, а губы дрожат. Он до последнего момента не верил, что с ним может произойти нечто подобное. «Его преобразили наручники», – думал Кастер. Капитан уже много раз был свидетелем того, как металлические браслеты на запястьях ломали парней гораздо более крутых, чем Брисбейн. В холодном щелчке наручников, в осознании того, что ты находишься под арестом, было нечто такое, чего многие люди не могли вынести.

Серьезная сыскная работа как таковая на этом заканчивалась. Оставалось найти лишь незначительные инкриминирующие детали. Это вполне сделают низшие полицейские чины. Сам Кастер теперь мог спокойно удалиться со сцены.

Он посмотрел на Нойса и увидел на маленьком собачьем лице сержанта искреннее восхищение. Еще раз порадовавшись своему успеху, капитан обратил взор на преступника.

– Итак, Брисбейн, – сказал он, – все встало на свои места. Не так ли?

Брисбейн смотрел на полицейского полными недоумения глазами.

– Убийцы всегда считают себя хитрее и умнее всех остальных. А полицейских они вообще за людей не держат. Но если начистоту, Брисбейн, то вы разыграли свои карты вообще по-дурацки. Маскарадный костюм в кабинете всего лишь один пример вашей глупости. Кроме того, вы оставили массу свидетелей. Их показания говорят о том, что вы солгали мне о ваших визитах в архив. Вы убивали людей рядом с местом своей работы и неподалеку от дома. Я могу продолжать, но стоит ли?

Открылась дверь, и полицейский сунул в руку Кастера факс.

– А вот и еще один только что установленный нами факт. Один маленький фактик способен причинить большущие неприятности, Брисбейн. Теперь мы знаем, где вы приобрели медицинские навыки. Вы закончили подготовительные курсы медицинского факультета Йельского университета. – Капитан передал факс Нойсу и продолжил: –

Правда, потом вы переключились на геологию. И лишь проучившись один год на геологическом факультете, вы стали заниматься юриспруденцией.

Кастер покачал головой с таким видом, словно его безмерно удивляла глупость преступника.

К Брисбейну наконец вернулся дар речи.

– Я не убийца! – закричал он. – И с какой стати я должен был убивать этих людей?!

– Именно этот вопрос я задаю вам, – сказал Кастер, философски пожав плечами. – Но с другой стороны, почему серийные убийцы идут на свои кровавые преступления? Почему убивал Джек Потрошитель? И с какой стати этим занимался Джеффри Дамер? На подобные вопросы могут ответить психиатры. Или, может быть, только Бог.

Выдав эту сентенцию, Кастер обернулся к Нойсу и сказал:

– Организуйте пресс-конференцию. В полночь в городском департаменте полиции. Впрочем, нет. Будет, пожалуй, лучше, если мы проведем ее на ступенях у главного входа в музей. Сообщите комиссару. Обзвоните прессу. И самое главное, не забудьте проинформировать мэра по его личной линии связи. Ради этого сообщения он будет счастлив подняться с постели. Скажите ему, что мы повязали Хирурга.

– Слушаюсь, сэр! – выкрикнул Нойс и, лихо повернувшись, направился к выходу.

– Боже, такая публичность… – тонким, придушенным голосом произнес Брисбейн. – Вы за это лишитесь своего значка, капитан. Обещаю…

От страха и ярости Брисбейн захлебнулся слюной и не смог закончить угрозу.

Но Кастер его не слышал. Его осенила очередная блестящая мысль. Это будет еще один ход мастера.

– Подождите! – окликнул он Нойса. – Скажите мэру, что он будет главной звездой нашего шоу. Мы позволим ему объявить о задержании.

Когда дверь закрылась, Кастер обратил все свои мысли на мэра. До выборов осталась неделя. Мэру нужна поддержка. Мысль о том, чтобы дать ему возможность выступить, может оказаться весьма плодотворной. Ходят слухи, что пост комиссара после выборов станет вакантным. А начинать питать надежду, как говорится, никогда не рано.

Глава 7

Нора снова посмотрела на Пендергаста, и ее снова потряс вид агента ФБР. Пендергаст словно окаменел. Он не сводил глаз с тонкого, аристократического лица, пергаментной кожи и светлых, почти белых, волос трупа. Казалось, что агент ФБР пребывает в глубоком шоке.

– Лицо. Оно похоже... – с трудом выдавила Нора, пытаясь выразить свои мысли.

Пендергаст никак на это не отреагировал.

– Он похож на вас, – наконец решилась девушка.

– Да, – ответил Пендергаст. – Он очень похож на меня.

– Но кто это?

– Энох Ленг, – произнес Пендергаст таким тоном, что по спине Норы поползли мурашки.

– Ленг? Но разве это возможно? Мне казалось, что вы считали его живым.

Пендергаст с видимым усилием оторвался от лицезрения стеклянного гроба и посмотрел на нее. В его взгляде она увидела ужас, боль и даже какое-то благоговейное почтение. В свете фонаря лицо Пендергаста казалось совсем белым.

– Он был таковым. До недавнего времени. Похоже, что кто-то убил Ленга. Замучил до смерти. И теперь, как мне представляется, нам придется иметь дело с этим кем-то.

– Но я все же не...

Пендергаст поднял руку, не дав ей закончить.

– Сейчас я не могу об этом говорить, – сказал он.

Затем Пендергаст с трудом, словно испытывая физическую боль, отвернулся от страшной фигуры.

Нора набрала полную грудь застоялого воздуха. Все это было очень странным и совершенно неожиданным. До этого момента она считала, что такие необычные и страшные фантазии могут возникать только в ночных кошмарах. Девушка изо всех сил старалась унять готовое выскочить из грудной клетки сердце.

– Теперь он находится без сознания, и его волокут по полу, – прошептал Пендергаст.

Взор специального агента был по-прежнему устремлен на пол, но его голос изменился до неузнаваемости.

Освещая путь фонарем, они прошли по следам до закрытой двустворчатой двери. Пендергаст открыл одну из створок, и они увидели высокую – в два этажа – библиотеку. Когда они вошли в помещение, с ковра, устилающего пол, поднялись клубы пыли. Луч фонаря высветил не только множество переплетенных в кожу книг, но и полки с музейными образцами, на каждом из которых виднелся ярлык. На полу также находились какие-то экспонаты. Все они были укрыты истлевшей парусиной. Вдоль стен библиотеки стояли высокие кресла и диваны. Кожа кресел высохла и растрескалась, а набивка лезла из дыр.

Луч фонаря обежал помещение. На ближайшем к ним столе находился серебряный поднос с хрустальным графином, в котором когда-то содержался либо портвейн, либо херес. Об этом говорил сохранившийся на дне сухой коричневый осадок. Рядом с подносом стояла небольшая пустая рюмка. А около рюмки лежала сигара, ставшая лохматой от покрывающей ее плесени. В одной из стен находился мраморный камин. Топливо в очаге было тщательно уложено, но его так и не зажгли. На полу перед камином лежала потертая и изрядно изглоданная мышами шкура зебры. Стойку рядом с камином украшало еще несколько хрустальных сосудов, с коричневым или черным осадком на дне. Череп гуманоида – Нора узнала в нем австралопитека – покоился на небольшом столике. Из отверстия в своде черепа торчала свеча. Рядом с черепом лежала открытая книга.

Пендергаст направил луч фонаря на книгу, и Нора увидела, что это старинный медицинский трактат на латыни. На развороте книги были изображены трупы в различных фазах препарирования. Из всех находящихся в библиотеке предметов только эта книга была свободна от пыли. Создавалось впечатление, что ее открыли совсем недавно.

Пендергаст снова обратил все свое внимание на пол. На изъеденном молью полусгнившем ковре виднелись отчетливые следы. Они упирались в сплошь уставленную книжными полками стену.

Пендергаст подошел к полкам и двинулся вдоль них, вглядываясь в корешки книг. Через каждые несколько шагов он останавливался, снимал одну из книг, поспешно ее просматривал и возвращал на место. Когда Пендергаст извлек с полки очередной массивный том, Нора неожиданно услышала громкий металлический стук, и два соседних ряда полок повернулись вокруг своей оси. Агент ФБР осторожно раздвинул их в стороны. Обнаружилась бронзовая решетка. За решеткой находилась массивная дверь. Нора не сразу поняла, что это могло означать.

– Старинный лифт, – прошептала она, догадавшись наконец, что именно находится перед ее глазами.

– Да, – кивнул Пендергаст. – Старинный служебный лифт, ведущий в подвал. Нечто подобное было и в...

Он оборвал фразу, и Норе вдруг показалось, что из закрытой кабины лифта доносится слабый шум. Звук напоминал прерывистое, больше похожее на стон дыхание.

Ей в голову сразу пришла ужасная мысль, и она увидела, как напрягся Пендергаст.

Схватив воздух широко открытым ртом, девушка прошептала:

– Это не... – Ей не хватило мужества произнести имя Смитбека вслух.

– Нам следует поторопиться.

Пендергаст осветил бронзовую решетку и тронул ручку. Та не шевельнулась. После этого он встал на колени. Запорный механизм оказался на уровне его глаз. Внимательно изучив строение замка, Пендергаст извлек из внутреннего кармана пиджака тонкую гибкую пластинку и вставил ее в механизм. Послышался негромкий щелчок. Агент ФБР двигал пластинку взад и вперед до тех пор, пока не раздался повторный щелчок. Пендергаст поднялся с колен и с чрезвычайной осторожностью потянул за ручку бронзовой решетки. Решетка легко и почти бесшумно заскользила в сторону. После этого Пендергаст присел перед дверью и внимательно изучил ее запор.

За дверью раздался новый звук. Это был звук агонии. Кто-то делал отчаянные и, видимо, безуспешные попытки втянуть в себя воздух. Нора похолодела от ужаса.

Раздался громкий скрип, Пендергаст отпрыгнул в сторону, и дверь открылась сама собой.

Нора окаменела. В глубине небольшой кабины находилась какая-то фигура. На какой-то миг она оставалась неподвижной. Затем послышался звук рвущейся ткани, и фигура стала медленно валиться в их сторону. Норе показалось, что человек рухнет прямо на Пендергаста. Но падение неожиданно прекратилось. Человека удерживала затянутая на шее веревка. Вместо того чтобы упасть, фигура сложилась пополам и замерла в гротескной позе со свободно раскачивающимися руками.

– Это О'Шонесси, – сказал Пендергаст.

– О'Шонесси!

– Да. И он еще жив.

Пендергаст шагнул вперед, подхватил тело, придал ему вертикальное положение и освободил шею от веревки. Нора подскочила к нему и

помогла опустить тело на пол. Только сейчас она заметила зияющую рану в нижней части спины сержанта. О'Шонесси закашлялся, запрокинув голову.

Кабину резко тряхнуло. Механизм лифта издал протестующий скрип, и мир под их ногами вдруг рухнул в бездонную пропасть.

Глава 8

Кастер вел свой на скорую руку сколоченный отряд по длинным гулким залам к выходу. Дав Нойсу добрых полчаса на предварительный разогрев прессы, капитан посвятил это время для разработки детального сценария предстоящего шоу. Он, конечно, выйдет первым. За ним появятся два полицейских, между которыми будет находиться закованный в наручники преступник. После этого на ступенях появится фаланга из двадцати лейтенантов и детективов. Следом за его бравыми парнями потащится неряшливая орава смертельно напуганных сотрудников музея, включая руководителя отдела по связям с общественностью и начальника службы охраны Манетти. В глубине души они все будут в ярости, но сделать ничего не смогут. Если бы у них была голова на плечах и они помогали бы расследованию, этого цирка можно было избежать. Но поскольку эти типы занимались тем, что вставляли палки в колеса, он обойдется с ними так, как они того заслуживают. Он проведет пресс-конференцию, фигурально выражаясь, на лужайке перед их домом, а если быть точным – на великолепных широких ступенях. Задником в этом спектакле будет служить мрачный фасад музея. Время для пресс-конференции выбрано безукоризненно: все, что там произойдет, обязательно попадет в утренний выпуск новостей.

Когда они проходили через Ротонду, звук их шагов смешался с гулом голосов за дверью. Кастер горделиво вздернул голову и максимально втянул живот. Он хотел выглядеть импозантно, так как был уверен, что этот момент будет навечно запечатлен для истории.

Широкие бронзовые двери музея распахнулись. Взору Кастера открылась подъездная аллея, сплошь забитая представителями прессы. Число собравшихся журналистов потрясало воображение. «Как мухи на дерьмо», – подумал Кастер. Едва он появился на пороге, его ослепили сотни вспышек и яркий белый свет прожекторов телевизионщиков. На него тут же обрушился вал вопросов. Журналисты орали во все горло, отдельные голоса тонули в общем реве толпы. Между ступенями и представителями прессы был натянут канат. Но как только вслед за Кастером из дверей вышли двое полицейских с преступником между ними, журналистская братия рванулась вперед. Все репортеры пребывали в страшном возбуждении. Они размахивали руками и что-то

вопили. Прошло немало времени, прежде чем полиция выдавила журналистов за ограждение.

Преступник не сказал ни слова; создавалось впечатление, что от пережитого потрясения он впал в ступор. Оказавшись на воздухе, он даже не попытался скрыть лицо. Однако когда засверкали вспышки фотографов, когда Хирург увидел море лиц, десятки видеокамер и сотни тянущихся к нему рук с микрофонами, он наклонился так низко, что копам пришлось его чуть ли не нести к полицейской машине. У машины полицейские, как проинструктировал их Кастер, передали преступника в руки самого капитана. Честь посадить Хирурга в автомобиль должна принадлежать ему. Это будет фото, которое появится утром на первой полосе всех нью-йоркских газет.

Но затолкать преступника в автомобиль было не легче, чем загрузить в нее мешок дерьма весом в сто семьдесят пять фунтов. При попытке посадить Хирурга на заднее сиденье он едва не уронил его на землю. Затем взревела сирена, ярко засверкали проблесковые маячки, и машина рванула с места. Все это действо сопровождалось сотнями фотовспышек.

Проследив немного за тем, как автомобиль прокладывает путь через толпу, Кастер обратился лицом к прессе. Подобно Моисею он воздел руки к небу и стал ждать, когда наступит тишина. У капитана не было желания лишать мэра его звездного часа. Фотографии в газетах так или иначе дадут всем знать, кто действительно произвел арест. Однако для того, чтобы держать толпу под контролем, следовало сказать хотя бы несколько слов.

– Наш мэр уже в пути, – произнес капитан ясным командным голосом. – Он прибудет через несколько минут и сделает важное заявление. До этого момента с моей стороны не последует никаких комментариев.

– Как вы его взяли? – выкрикнул одинокий голос.

Казалось, что этот крик открыл какой-то невидимый шлюз, и на Кастера посыпался град вопросов. Репортеры отчаянно тыкали ему в физиономию свои микрофоны. В ответ на это Кастер обратился к прессе спиной. Поворот, как ему казалось, был произведен очень качественно. До выборов оставалось меньше недели. Пусть вся слава достанется мэру. Он, Кастер, свой урожай пожнет позже.

Глава 9

Первой пришла боль. К Норе возвращалось сознание. Возвращалось медленно и мучительно. Она застонала, проглотила слюну и попыталась пошевелиться. Тело разрывала боль. Нора моргнула еще. И, лишь моргнув несколько раз, поняла, что находится в полной темноте. Она

чувствовала, что лицо залито кровью. Нора попыталась стереть ее, но ничего не вышло. Руки отказывались двигаться. Когда и вторая попытка оказалась неудачной, девушка поняла, что руки и ноги скованы цепью.

В голове царил хаос. Такое смятение мыслей возникает, когда, просыпаясь, не удается стряхнуть ночной кошмар. Что здесь происходит? И где она находится?

– Доктор Келли, – позвал ее из темноты тихий и слабый голос.

Когда девушка услышала свое имя, хаос в сознании начал улетучиваться. Но чем больше прояснялись мысли, тем сильнее становился страх.

– Это Пендергаст, – прошелестел голос. – С вами все в порядке?

– Не знаю. Возможно, ушиблены ребра. А как вы?

– Более или менее.

– Что произошло?

– Я чувствую себя очень, очень виноватым, – после долгого молчания ответил Пендергаст. – Я должен был ожидать нечто подобное. Какая бесстыдно-жестокая ловушка. В качестве наживки он использовал сержанта О'Шонесси. Чудовищная жестокость!

– О'Шонесси был...

– Когда мы нашли сержанта, он умирал. Спасти его было невозможно.

– Боже, какой ужас! – всхлипнула Нора. – Как это страшно!

– Он был хорошим человеком. До конца верным долгу. У меня просто нет слов.

После этого надолго установилась тишина. Нора испытывала такой страх, что у нее не осталось сил переживать то, что случилось с О'Шонесси. Она начала понимать, что та же участь уготована им и что это скорее всего произошло со Смитбеком.

Тишину нарушил слабый голос Пендергаста:

– Мне не удалось выдержать необходимую интеллектуальную отрешенность от этого дела, – сказал он. – С самого начала я воспринимал его слишком лично. Отсюда неизбежность ошибок и...

Пендергаст оборвал фразу. Через несколько секунд до слуха Норы долетел какой-то звук, и высоко в стене неожиданно появилось небольшое прямоугольное отверстие. Света из него оказалось

достаточно, чтобы рассмотреть темницу – узкий и сырой каменный мешок.

В прямоугольном отверстии возник чей-то рот.

– Не волнуйтесь, прошу вас, – произнес приятный, глубокий голос с присущим только Пендергасту южным акцентом. – Это не займет много времени. Сопротивление совершенно излишне. Умоляю простить меня, что я не смог выступить в роли гостеприимного хозяина, но меня отвлекли неотложные дела. Позвольте вас заверить, что в скором времени я уделю каждому из вас все свое внимание.

Светлый прямоугольник закрылся.

Оставшись в темноте, Нора от ужаса с трудом могла дышать. Несмотря на все усилия, ей никак не удавалось привести в порядок свои мысли.

– Агент Пендергаст? – прошептала девушка. Ответа не последовало.

И в этот миг тишину нарушил донесшийся откуда-то издалека приглушенный вопль. Это был сдавленный крик задыхающегося от боли существа.

У Норы не оставалось и тени сомнения в том, что этот агонизирующий голос принадлежит Смитбеку.

– О Господи! – воскликнула она. – Вы слышали, агент Пендергаст?!

Пендергаст не отвечал.

– Пендергаст!

Темнота молчала.

Во тьме

Глава 1

Пендергаст закрыл глаза, и перед ним из серого тумана постепенно стала возникать шахматная доска. Фигуры из слоновой кости и черного дерева, отполированные до блеска бесчисленными прикосновениями рук, стояли на своих местах, ожидая начала игры. Холод подвала, боль от оков, боль в ребрах, испуганный голос Норы и далекие крики исчезали, оставляя его один на один с плавающей в пятне желтого света доской. Но Пендергаст выжидал. Он глубоко дышал, заставляя сердце биться медленнее. Наконец он протянул руку, прикоснулся к холодной королевской пешке и двинул ее вперед на два поля. Черные ответили. Игра вначале шла медленно, а затем начала ускоряться. Она ускорялась до тех пор, пока фигуры не начали летать по доске. Пат. Еще одна партия. Затем еще одна. И все с тем же результатом. И затем,

совершенно неожиданно, все погрузилось во тьму. Тьму полную и абсолютную.

Почувствовав, что он готов, Пендергаст снова открыл глаза.

Теперь он стоял на верхней ступени лестницы в прихожей Мезон де ля Рошнуар – огромного старого дома на улице Дофин в Новом Орлеане. Первоначально в этом здании находился монастырь какого-то малоизвестного ордена кармелитского толка. Прапрапра (и так далее) дед Пендергаста еще в восемнадцатом веке купил развалины и, существенно обновив, превратил их в лабиринт сводчатых комнат и мрачных коридоров.

Хотя Мезон де ля Рошнуар был сожжен гангстерами вскоре после того, как Пендергаста отправили на учебу в Англию, он частенько туда возвращался. В его уме строение давно стало чем-то гораздо большим, нежели простой дом. Оно превратилось в дворец памяти. В хранилище знаний и учености, в место, где Пендергаст предавался самым трудным и напряженным медитациям. Весь его опыт и все наблюдения, все фамильные секреты Пендергастов нашли убежище в Мезон де ля Рошнуар. Лишь в готическом чреве этого дома он мог размышлять и медитировать, не опасаясь, что ему помешают.

А размышлять было о чем. Он познал горечь поражения, что с ним случалось крайне редко. И если у этой проблемы было решение, то оно находилось где-то в этих воображаемых стенах – где-то в глубинах его мозга. Для поиска ответа он должен был посетить дворец памяти.

Пендергаст задумчиво прошел по широкому, устланному пушистым ковром коридору. В его розовых стенах на равном расстоянии одна от другой находились мраморные ниши. В каждой из ниш хранился миниатюрный том в изысканном кожаном переплете. Некоторые из этих книг когда-то действительно существовали в старом доме. Другие были порождением его памяти, в них содержалась хроника прошлых событий, факты, цифры, химические формулы, сложнейшие математические и метафизические доказательства. Все это хранилось в старинном доме как объекты тех его воспоминаний, которые могли бы оказаться полезными когда-нибудь в будущем.

Теперь он стоял перед массивными дубовыми дверями своей комнаты. Обычно Пендергаст открывал замок и входил. Там его окружали знакомые предметы и любимые картинки из детства. Но на сей раз он прошел мимо, ограничившись лишь легким прикосновением кончиками пальцев к бронзовой ручке двери. Сейчас его интересовали иные, бесконечно более странные вещи, и находились они не здесь, а глубоко внизу.

Он сказал Норе о своей неспособности интеллектуально дистанцироваться от этого дела, что полностью соответствовало истине. И это послужило причиной того, что он, Нора – и особенно Патрик О'Шонесси – попали в столь ужасное положение. Особую боль вызывала у него судьба сержанта. Но он не сказал Норе о том потрясении, которое он испытал, взглянув на мертвеца в стеклянном ящике. Это был Энох Ленг, если быть более точным – его двоюродный прадед Антуан Ленг Пендергаст.

Выходит, что двоюродному прадеду Антуану удалось сделать то, о чем он мечтал в юности. Он сумел продлить свою жизнь.

Последние остатки древнего рода Пендергастов – во всяком случае, те из них, кто был в здравом уме – считали, что Антуан скончался много лет назад. Скорее всего в Нью-Йорке – городе, где он скрылся в середине девятнадцатого века. Вместе с ним исчезла и значительная часть фамильного состояния Пендергастов, что вызвало сильное огорчение его потомков.

Но несколько лет назад, работая по делу о «бойне в подземке», Пендергаст (благодаря своему знакомому из публичной библиотеки Врену) случайно наткнулся на несколько старых газетных статей. В статьях говорилось о цепи таинственных исчезновений. Люди стали пропадать вскоре после того, как Антуан должен был прибыть в Нью-Йорк. В частности, из Ист-Ривер было выловлено тело со следами дьявольского хирургического вмешательства. Тело принадлежало какому-то бездомному бродяге, и преступление так и не было раскрыто. Однако некоторое время спустя неприятные детали позволили Пендергасту предположить, что убийство было делом рук Антуана. Эти детали говорили о том, что Антуан искал пути к бессмертию. А бесконечное продление жизни, как знали все родственники, было самой большой мечтой его юности. Просмотр более поздних газет показал, что произошло еще полдюжины подобных убийств. После 1935 года убийства прекратились.

Это означало, как предполагал Пендергаст, что Ленг либо преуспел в своих исследованиях, либо благополучно удалился в мир иной.

Второй вариант представлялся ему гораздо более вероятным. Тем не менее Пендергаст продолжал ощущать беспокойство. Антуан Ленг Пендергаст, бесспорно, был сумасшедшим, но сумасшедшим гениальным.

Поэтому Пендергаст ждал и наблюдал. Как последний представитель рода, он считал, что обязан хранить бдительность. Он не мог пройти мимо событий, говорящих, что его предок снова вынырнул на поверхность. Услышав о находке на Кэтрин-стрит, он сразу догадался, что случилось и кто стоит за этими старинными преступлениями. А

когда было найдено тело Дорин Холландер, Пендергаст понял, что оправдались его самые ужасные предположения. Антуан Пендергаст реализовал цель своей жизни.

И вот теперь Антуан мертв.

Пендергаст не сомневался в том, что тело в стеклянном ящике принадлежало Антуану Пендергасту, который, перебравшись на север, стал именоваться Энохом Ленгом. Отправляясь в дом на Риверсайд-драйв, агент ФБР рассчитывал на то, что вступит в схватку со своим предком. Однако вместо этого он узнал, что его двоюродного прадеда вначале пытали, а потом убили. Некто неизвестный каким-то непостижимым образом сумел занять его место.

Кто расправился с человеком, назвавшим себя Энохом Ленгом? Кто сейчас держит их в заключении? Состояние тела предка говорило о том, что смерть произошла сравнительно недавно. Не более двух месяцев назад, но до того, как было найдено захоронение на Кэтрин-стрит.

Подобная хронология событий представлялась весьма и весьма любопытной.

Пендергаста беспокоило еще кое-что. С того момента, как он вошел в дом Ленга, его стало преследовать странное чувство. Ему казалось, что в деле есть еще какая-то тайна, какие-то невидимые связи, которые ему еще предстоит открыть.

Мимо следующей выходящей в коридор дворца памяти двери Пендергаст постарался проскочить как можно быстрее. Дверь вела в комнату брата, и он сам запечатал ее, чтобы никогда больше не открывать. Он торопливо зашагал дальше.

Коридор заканчивался широкой лестницей, ведущей в большой зал с мраморным полом. Высоко над полом, на прикрепленной к куполу потолка позолоченной цепи, висела тяжелая хрустальная люстра. Пендергаст в задумчивости спустился по ступеням. В одной из стен зала находилась двустворчатая дверь, ведущая в библиотеку, а в другой – арка, за которой в темноту тянулся длинный коридор. Первым делом Пендергаст осмотрел зал. Когда-то здесь была монастырская трапезная, однако в памяти Пендергаста зал навсегда остался хранилищем фамильных ценностей: тяжелых шифоньеров из розового дерева и громадных пейзажей кисти Бирстадта и Коула. Здесь же находились и не столь понятные фамильные ценности: колоды карт Таро, аппараты для общения с духами, оковы и цепи и сценический реквизит иллюзионистов.

Пендергаст огляделся по сторонам, и его снова охватило беспокойство. Он все еще никак не мог уловить новые и столь нужные ему связи всех

элементов этого дела. Ответ находился где-то рядом и, казалось, ждал лишь момента, чтобы его увидели. Но каждый раз, когда Пендергаст думал, что нашел решение, оно снова ускользало.

Это помещение ничего больше сообщить ему не могло. Пендергаст решительно пересек зал и открыл дверь в библиотеку. Несколько мгновений он стоял на пороге, пожирая взглядом книжные шкафы. Верхние ряды книг – как подлинных, так и воображаемых – заканчивались под высоким, покрытым пятнами плесени потолком. Затем Пендергаст подошел к одному из шкафов, изучил его содержимое и, найдя нужную книгу, снял ее с полки. Послышался почти неуловимый для уха щелчок, и шкаф отодвинулся от стены.

...И в этот момент Пендергаст вдруг снова оказался в доме на Риверсайд-драйв. Он стоял в большом вестибюле среди экспонатов коллекции Ленга.

Пендергаст не знал, как поступить. Столь резких смен места и обстановки во время предыдущих путешествий ему испытывать никогда не доводилось.

Однако чем больше он вглядывался в укрытые саваном скелеты, тем яснее ему становилась причина необычного перехода. Когда он и Нора проходили в первый раз по помещениям дома Ленга: большому вестибюлю, длинному, с низким потолком, выставочному залу и высокой, в два этажа, библиотеке, – Пендергаст неожиданно почувствовал необъяснимую тревогу. Уже тогда он уловил во всей обстановке нечто знакомое. И теперь он понял, почему это произошло. В доме на Риверсайд-драйв Ленг воссоздал в свойственном ему мрачном и извращенном стиле старинный особняк Пендергастов на улице Дофин.

Похоже, ему все-таки удалось уловить жизненно важную связь, которую он искал во дворце памяти.

Антуан. О нем сказала при встрече тетя Корнелия: «Мне говорили, что он уехал в Нью-Йорк. Превратился в янки». Именно так и случилось. Но, как и все остальные члены клана Пендергастов, он не смог убежать от своего прошлого. И здесь, в Нью-Йорке, он создал свой – идеализированный – особняк, в котором можно было собирать свою коллекцию диковин и проводить эксперименты, не опасаясь быть потревоженным. В некотором роде это было то же самое, что и Мезон де ля Рошнуар, воссозданный им самим в виде дворца памяти.

Это по крайней мере не вызывало сомнений. Но беспокойство не проходило. Нечто важное по-прежнему ускользало от его внимания, хотя казалось, что открытие где-то очень близко. У Ленга была целая жизнь, вернее, несколько жизней, чтобы завершить создание своего кабинета диковин. И вот эта коллекция по естественной истории

(возможно, самая богатая в мире) перед ним. И в то же время Пендергаст всем своим существом чувствовал, что она не завершена, что в ней чего-то не хватает. Целиком отсутствовал целый раздел. Или даже не раздел, а ее ядро – предметы, которые больше всего будили воображение юного Антуана Ленга Пендергаста. Для того, чтобы довести до совершенства кабинет диковин, в распоряжении Антуана – или Ленга – было полтора века. Так почему же отсутствует его важнейшая часть?

Пендергаст знал, что она существует. Должна существовать. Здесь, в этом доме. Остается ответить на вопрос: где…

В его дворец памяти вдруг проник звук из внешнего мира. Это был какой-то приглушенный крик. Пендергаст мгновенно нырнул в туман созданной его умом конструкции. Чтобы найти ответ, следовало сохранить концентрацию в ее первозданной чистоте.

Прошло совсем немного времени, и он снова стоял в библиотеке старинного дома на улице Дофин.

Пендергаст немного выждал, чтобы адаптироваться к очередной перемене обстановки и дать возможность созреть своим подозрениям и догадкам. Когда это произошло, он записал на листах воображаемого пергамента свои соображения и, вложив их в золоченый переплет, поместил на полку среди других таких же томов. После этого посетитель дворца памяти обратил внимание на шкаф, повернувшийся боком к стене. В стене находился лифт.

Сохраняя все тот же задумчивый вид, Пендергаст неторопливо вошел в кабинку.

Подвал бывшего монастыря на улице Дофин оказался сырым, а его стены покрывал толстый слой плесени. Подвал являл собой лабиринт коридоров с оштукатуренными и выкрашенными в мрачный синий цвет стенами. Кое-где на стенах еще сохранились следы копоти сальных свечей. Пройдя через весь лабиринт, Пендергаст оказался в небольшой комнате со сводчатым потолком. В комнате не было никаких украшений, кроме каменного резного щита над аркой в одной из стен. На щите был выгравирован лишенный век глаз, парящий над парой лун – одной полной, а другой в виде полумесяца. Под лунами возлежал лев. Это был фамильный герб Пендергастов, который Ленг изменил, превратив в свой собственный символ – тот, который красовался над дверью дома на Риверсайд-драйв.

Пендергаст подошел к стене и некоторое время молча смотрел на герб. Затем он уперся обеими руками в каменный щит и резко надавил. Стена повернулась вокруг своей оси, и взору Пендергаста открылась винтовая

лестница, уходившая под крутым углом вниз, в катакомбы под подвалом.

Агент ФБР стоял на верхней ступеньке, чувствуя, как его охватывает поднимающийся из недр земли леденящий холод. Ему казалось, что на него дохнул смертью какой-то скрывающийся в темных глубинах призрак. Он вспомнил тот день – это было много-много лет назад, когда его впервые посвятили в семейные тайны. Именно тогда он узнал о существовании потайных ходов в библиотеке, каменном лабиринте внизу и комнате с гербом. И лишь позже ему открыли и эту последнюю, самую важную тайну.

В настоящем доме на улице Дофин винтовая лестница не освещалась. Спуститься по ней можно было, лишь прихватив с собой лампу. Но в уме Пендергаста лестницу освещало идущее откуда-то снизу слабое зеленое свечение. Он начал спуск.

Ступени шли вниз спиралью. Достигнув конца лестницы, Пендергаст оказался в коротком тоннеле, выходящем в помещение с кирпичным сводом. Пол здесь был земляным. Вдоль стен был укреплен ряд горящих факелов, а в бронзовых курильницах дымился ладан, приглушая своим ароматом запах земли, влажного камня и смерти.

По центру сводчатого зала шла выложенная кирпичом тропа, по обеим сторонам которой стояли каменные надгробия и часовни над склепами. Некоторые надгробия были мраморными, а некоторые гранитными. Часть могильных камней имела форму фантастических минаретов, а иные являли собой лишь мрачные каменные монолиты. Пендергаст брел по тропе, глядя на бронзовые двери склепов и читая знакомые имена, выгравированные на потемневших медных пластинах.

Пендергаст так и не узнал, как использовали это подземелье древние монахи. Но вот уже без малого двести лет это место было фамильным некрополем Пендергастов. Здесь покоились останки более чем десяти поколений обеих семейных линий. В этом подземелье похоронены (или перезахоронены) последние потомки французских аристократов – таинственных пришельцев из туманного прошлого. Пендергаст, заложив руки за спину, шел мимо их могил, то и дело бросая взгляд на медные таблички. Здесь покоился Анри Пендергаст де Мушкетон – шарлатан семнадцатого века, который рвал зубы, показывал фокусы, ставил комедии и занимался знахарством. Здесь же в украшенном кварцевыми минаретами мавзолее лежал Эвард Пендергаст – знаменитый врач с лондонской Харли-стрит. А под этим камнем нашел приют Комшток Пендергаст – известный иллюзионист и наставник самого Гарри Гудини.

Пендергаст шел дальше, мимо могил художников и убийц, водевильных актеров и мастеров скрипки. Остановился он у мавзолея,

превосходившего своим величием все окружающие его памятники. Это была абсолютно точная беломраморная копия фамильного особняка на улице Дофин. Перед ним была могила его прапрадеда Иезекииля Пендергаста.

Пендергаст смотрел на знакомые башенки, на крутую крышу и разделенные надвое окна. Когда Иезекииль Пендергаст появился на сцене, от фамильного состояния почти ничего не оставалось. Иезекииль был выпущен в мир без гроша в кармане, но зато с огромными амбициями. Первоначально он торговал змеиным жиром и участвовал в различного рода медицинских представлениях. Однако уже очень скоро прослыл гением лекарского искусства – человеком, который изобрел лекарство, способное излечить все болезни. По уровню доходов он находился в одном ряду с факиром и «человеком-змеей» Аль-Гази и Гарри Парром – дрессировщиком собак. Лекарство, которое рекламировал Иезекииль во время медицинских шоу, отлично распродавалось, и очень скоро он организовал свою передвижную аптеку. «Растительный эликсир и восстановитель здоровья Иезекииля» шел повсюду на ура даже по пять долларов за бутылку и стал первым запатентованным лекарством в Америке. Короче говоря, Иезекииль Пендергаст стал богат, как Крез.

Пендергаст обратил взор на глубокую тень, окружающую гробницу. Примерно через год после появления эликсира на рынке по стране поползли малоприятные слухи. Говорили, что эликсир может вызывать безумие, младенческие уродства и даже внезапную смерть. Однако, несмотря ни на что, объем продаж возрастал. Доктора резко протестовали против применения эликсира. Они утверждали, что у пациентов возникает быстрое привыкание к нему и что он вызывает повреждение мозга. Но продажи продолжали расти. Иезекииль Пендергаст изобрел специальную формулу для грудных младенцев, которая сразу стала пользоваться громадным спросом. «Гарантия спокойствия вашего малыша!» – утверждала реклама. В конце концов репортер журнала «Кольерс» при содействии работающих на правительство химиков доказал, что эликсир есть не что иное, как потенциально смертельная смесь хлороформа, кокаина, ацетанилида и некоторых растительных ядов. Производство эликсира было запрещено. Но это произошло уже после того, как супруга Иезекииля скончалась, приобретя смертельную наркотическую зависимость к препарату. Ее звали Констанция Ленг Пендергаст.

Она была матерью Антуана.

Пендергаст отошел от мавзолея, но тут же остановился и посмотрел назад. В тени огромного монумента стоял простой гранитный саркофаг, на котором была лаконичная надпись: «Констанция».

Пендергаст задумался, вспоминая слова своей двоюродной бабки: «А затем он стал проводить массу времени внизу… там внизу. Ты понимаешь, что я имею в виду?» Пендергаст слышал рассказы о том, что после смерти матери некрополь стал любимым местом Антуана. В течение многих лет он проводил дни за днями в тени гробниц. Практиковался в фокусах, которым обучили его отец и дед, проводил опыты на небольших животных и экспериментировал с различными химикатами. Последнему занятию Антуан предавался с особой страстью, синтезируя яды и пытаясь изобрести панацею от всех болезней. Что еще сказала тетя Корнелия? Ах да. «Они говорили, что в обществе мертвых он всегда чувствовал себя более комфортно, чем в компании живых».

До Пендергаста доходили слухи, о которых не хотела упоминать даже тетя Корнелия. Эти слухи были о делах гораздо более скверных, чем связь с Мари Леклер. В семействе шепотом говорили о страшных находках среди могил и о действительных причинах, заставивших родственников указать Антуану на дверь. Нет, Антуана интересовало не только продление жизни. За этим стояло еще что-то. У него был какой-то план, который он хранил в строжайшей тайне.

Пендергаст все еще смотрел на простую надпись, когда на него снизошло озарение. В этих подземных склепах Антуан трудился, когда был ребенком. Здесь он играл, здесь он учился, здесь собирал свою отвратительную коллекцию. В этом месте он проводил химические опыты и препарировал животных. В этом холодном, мрачном подземелье он хранил химикаты, вытяжки из растений и яды. Здесь, глубоко под землей, влажность и температура всегда оставались неизменными, что создавало идеальные условия для хранения.

Пендергаст резко повернулся и, быстро прошагав по кирпичной тропе и коридору, начал медленное возвращение к реальной жизни. Теперь он знал, в какой части дома на Риверсайд-драйв можно найти недостающую часть коллекции Антуана Пендергаста – или, вернее, Эноха Ленга.

Глава 2

Нора вначале услышала слабый звон цепей, а затем до ее слуха из темноты долетело едва слышное, похожее на шепот дыхание.

– Пендергаст?

– Я здесь, – послышался слабый голос.

– Я думала, что вы умерли! – Ее тело содрогнулось от подавленного рыдания. – С вами все в порядке?

– Прошу прощения, но был вынужден вас покинуть. Сколько прошло времени?

– Господи! Вы что, оглохли? Этот сумасшедший творит с Биллом нечто ужасное.

– Доктор Келли…

Нора забилась в своих оковах. Ей казалось, что ужас физически овладел ее телом.

– Спасите меня!

– Доктор Келли, – произнес Пендергаст нейтральным тоном. – Успокойтесь. Мы можем кое-что предпринять. Но прежде вы должны успокоиться.

Нора перестала биться.

– Прислонитесь к стене. Закройте глаза. Дышите глубоко и ритмично.

Голос звучал медленно – почти гипнотически.

Нора закрыла глаза и, стараясь отогнать ужас, стала дышать как можно медленнее.

В помещении воцарилась продолжительная тишина, которую первым нарушил Пендергаст:

– Вам лучше?

– Не знаю.

– Продолжайте дышать. Только медленно.

Нора последовала его совету.

– Как теперь?

– Лучше. Что с вами случилось? Вы меня действительно напугали. Я подумала…

– На объяснения нет времени. Вы должны мне верить. А теперь я попытаюсь снять с вас цепи.

Нора очень хотела в это верить, но у нее ничего не получалось. Она услышала какой-то стук и звон, после чего снова наступила тишина.

Девушка напряженно прислушалась. Что он делает? Неужели его покинул разум?

А затем она вдруг ощутила, что ее взяли за локоть, а рот накрыла чья-то ладонь.

– Я освободился, – прошептал Пендергаст ей в ухо. – Скоро освободитесь и вы.

Нора не могла поверить своим ушам. Ее начала бить дрожь.

– Расслабьте все члены. Расслабьте полностью.

Девушке показалось, что он легонько поглаживает ее руки и ноги. Затем она почувствовала, как оковы соскользнули с ее конечностей. Это было похоже на чудо.

– Как вам…

– Позже. Какие туфли вы носите?

– Но почему…

– Отвечайте на вопрос.

– Дайте подумать. Фирма «Балли». Черные. Каблуки низкие.

– Я собираюсь позаимствовать одну из них.

Нора почувствовала, как узкая рука Пендергаста сняла с ее ноги туфлю. Раздался легкий треск, затем какой-то металлический звук, после чего обувь снова оказалась на ее ноге. Потом Нора услышала негромкое постукивание. Создавалось впечатление, что Пендергаст бьет одним металлическим наручником о другой.

– Что вы делаете?

– Прошу вас соблюдать полную тишину.

Несмотря на все усилия, ею снова овладел ужас. Вот уже несколько минут до нее извне не долетало ни звука.

– Билл… – с трудом подавив рыдание, прошептала она.

На ее руку опустилась холодная сухая ладонь Пендергаста.

– Что произошло, то произошло, – сказал он. – А теперь я попрошу вас слушать меня очень внимательно. Отвечайте «да» пожатием моей руки. Не произносите ни слова.

Нора слегка сжала его руку.

– Мне необходимо, чтобы вы были сильной. Должен сказать, что, по моему мнению, Смитбек уже мертв. Но здесь остались еще два живых существа, жизни которых необходимо спасти. Это вы и я. Мы обязаны остановить этого человека, кем бы он ни был. В противном случае умрет очень много людей. Вы меня понимаете?

Нора пожала его ладонь. Когда самые ужасные страхи нашли подтверждение в его словах, ей почему-то стало немного легче.

– В подошве ваших дорогих туфель была металлическая планка, из которой я изготовил кое-какой инструмент. Теперь мы сможем покинуть нашу тюрьму в мгновение ока, так как запор, по моему мнению, сложностью не отличается. Но вы должны быть готовы делать то, что я вам скажу.

Она снова пожала его сухую ладонь.

– Но прежде вам следует кое-что узнать. Теперь мне известно, чем занимался Энох Ленг. Продление жизни вовсе не являлось его конечной целью. Долгая жизнь была нужна ему как средство. Его планы были значительно грандиознее, чем простое увеличение продолжительности жизни. Но для того, чтобы эти планы реализовать, требовалось несколько жизненных циклов. Он тратил столько усилий для продления своей жизни только для того, чтобы успеть реализовать другие цели.

– Но что может быть важнее продления жизни? – с трудом спросила Нора.

– Тише... Не знаю. Но это меня страшно пугает.

Наступила тишина. Нора слышала лишь ровное дыхание Пендергаста. Затем он снова заговорил:

– Каким бы ни был этот план, ответ можно найти только в этом доме.

Он ненадолго умолк, а затем продолжил:

– Теперь слушайте меня предельно внимательно. Я сейчас открою дверь нашей камеры и отправлюсь в операционную Ленга, где мне предстоит встреча с человеком, который занял его место. Вы задержитесь здесь на десять минут – не больше и не меньше, а затем пройдете в операционную. Как я уже сказал, Смитбек скорее всего мертв, но в этом еще предстоит убедиться. К тому времени неизвестный и я покинем операционную. Ни в коем случае не преследуйте нас. Что бы вы ни услышали, не пытайтесь спешить на помощь. Помощь мне не нужна. Наша встреча с этим человеком должна дать ответ на все вопросы. Она будет решающей, и один из нас ее не переживет. Другой вернется. Будем надеяться, что им буду я. Вы все поняли?

Нора слегка сжала его ладонь.

– Если Смитбек еще жив, сделайте все, что в ваших силах. Если помочь ему невозможно, выбирайтесь из подвала и дома. Как можно скорее. Найдите ведущую наверх лестницу и выбирайтесь через окна второго этажа. Боюсь, что все выходы на первом этаже надежно заблокированы.

Нора ждала, что последует за этим.

– Может случиться так, что мой план провалится и вы найдете меня мертвым в операционной. В этом случае бегите. Бегите изо всех сил. Сражайтесь за свою жизнь, а если увидите, что вам это не удается, убейте себя сами. В противном случае вас ожидает ужасная участь. Гораздо хуже смерти. Вы способны на это?

Нора подавила рыдание и сжала ладонь Пендергаста.

Глава 3

Человек с удовлетворением осмотрел разрез на спине объекта. Это была отличная работа, которая наверняка получила бы самую высокую оценку на медицинском факультете.

Газетчики нарекли его Хирургом. Ему нравилось это имя. И, глядя на разрез, он думал о том, насколько уместным было это прозвище. Да, анатомию он определил точно. Первоначально был произведен длинный вертикальный надрез вдоль позвоночника. Точный, уверенный разрез кожи. Затем он углубил разрез, пройдя подкожный слой вплоть до фасции, ставя зажимы на сосуды и зашивая самые крупные из них викриловой нитью номер три. Открыв фасцию, он с помощью специального инструмента освободил от мышечной ткани остистые отростки. Человек так долго любовался своей работой, что операция затягивалась. Парализующее действие препарата ослабело, и материал возобновил борьбу, сопровождая ее неприятными стонами. Но это не мешало Хирургу продолжать работу все так же тщательно и методично, как и до этого.

Когда он счищал остатки мягкой ткани, взору стал постепенно открываться позвоночный столб. Хирург достал из кюветы с инструментами еще один самофиксирующийся зажим и вернулся к изучению разреза. Работа была сделана буквально по учебнику. Он мог видеть нервы, кровеносные сосуды… Одним словом, всю чудесную внутреннюю архитектонику тела. Еще одно усилие – и его взору откроется прозрачная твердая оболочка спинного мозга. За ней в такт дыханию материала будет пульсировать спинномозговая жидкость. Сердце Хирурга забилось чаще, когда он увидел, как эта жидкость омывает «конский хвост» – нервный узел в основании спинного мозга. Это, вне всякого сомнения, была его самая удачная операция.

«Хирургия, – размышлял он, – скорее искусство, чем наука. Искусство, требующее терпения, творческих способностей, интуиции и твердой руки. В хирургии очень мало рационализма, интеллект в ней не играет решающей роли. Это занятие требует одновременно и физических сил, и таланта творца. Как живопись или скульптура. Из него получился бы хороший художник, выбери он такой жизненный путь. Но у него еще будет время. Много времени…»

Мысленно он снова вернулся на медицинский факультет. Теперь, когда выявлена анатомия, требовалось установить патологию. Так, во всяком случае, говорилось в учебниках. Затем следовало эту патологию устранить. Но его работа в этой точке отходила от канонов нормальной операции и становилась похожей на вскрытие трупа.

Он взглянул на стоящий рядом столик и убедился, что все необходимые для иссечения инструменты находятся на месте – долота, алмазное сверло, костный воск. Затем он перевел взгляд на окружающие его мониторы. Хотя материал, к величайшему сожалению, погрузился в бессознательное состояние, все его жизненные показатели оставались на достаточно хорошем уровне. Нового хирургического вмешательства он не выдержит, но иссечение должно пройти успешно. Хирург повернулся к стойке, на которой висел пластиковый пакет с раствором, и повернул кран. В транквилизаторе, так же как в интубации, необходимости больше не было. Основная задача на этот момент состояла в том, чтобы держать материал живым как можно дольше. Дел оставалось еще немало. Фокус состоял в том, что организм должен был функционировать – пусть и слабо – даже после завершения операции. Когда «конский хвост» будет извлечен, его следует поместить в охладитель, который он разработал самостоятельно. До этого ему лишь дважды удавалось достигнуть этой стадии – на изящной молодой женщине и полисмене, – но на сей раз он был полностью уверен в своем искусстве и не сомневался, что снова добьется успеха.

Пока события развиваются в полном соответствии с планом. Великий детектив Пендергаст, которого он так опасался, на поверку оказался не таким уж и великим. Агент ФБР на удивление легко угодил в одну из многочисленных, расставленных по всему дому ловушек. Все же остальные вообще не представляли никакой угрозы. Их удалось устранить без каких-либо усилий с его стороны. Честно говоря, это было даже смешно. Безмерная глупость полиции, идиотизм музейных чиновников… Как это было забавно, как смешно. В создавшемся положении ему виделась высшая справедливость. Справедливость, которую только он мог оценить по-настоящему.

Он уже почти достиг своей цели. Почти. Как только эти трое будут обработаны, цель будет достигнута полностью. Какая ирония судьбы, что именно эти трое окажут ему последнюю помощь…

Хирург наклонился, чтобы поставить на место еще один зажим, и в этот момент периферическим зрением заметил какое-то легкое движение.

Он обернулся и увидел агента ФБР Пендергаста, который стоял, небрежно привалившись к стене арки, ведущей в операционную.

Хирург выпрямился, стараясь взять себя в руки. Сюрприз был крайне неприятным. Но в руках у Пендергаста ничего не было. Он был

безоружен. Хирург одним быстрым движением поднял со стола оружие Пендергаста – двухцветный «кольт». Нажав на предохранитель, он направил ствол на Пендергаста.

Агент ФБР по-прежнему стоял у арки, и Хирург, посмотрев в его бесцветные глаза, увидел в них безмерное удивление. Затем Пендергаст заговорил:

– Так, значит, это вы мучили, а затем и убили Эноха Ленга? Меня очень интересовало, кто тот самозванец, который пытается выдать себя за доктора. Весьма удивлен. Должен признаться, что я очень не люблю сюрпризов.

Хирург слегка поднял «кольт».

– Вы уже конфисковали мое оружие, – сказал Пендергаст, поднимая руки. – Я безоружен.

Хирург чуть напряг палец на спусковом крючке. Теперь его одолевало другое неприятное чувство. Он испытывал внутренний конфликт. Пендергаст – крайне опасная личность. Поэтому лучше всего было бы нажать на спусковой крючок и покончить с ним раз и навсегда. Но, выстрелив, он уничтожит материал. Кроме того, ему очень хотелось узнать, каким образом Пендергасту удалось освободиться от оков. Девушку тоже надо принимать в расчет...

– Но теперь все события начинают обретать смысл, – продолжал Пендергаст. – Вы строите небоскреб на Кэтрин-стрит и открываете останки вовсе не случайно. Ведь вы искали тела специально, не так ли? Вы знали, что Ленг похоронил их там сто тридцать лет назад. Возникает вопрос: как вы о них узнали? Ответ напрашивается сам собой. Вы тесно связаны с музеем. Вы посещали архив. Вы изучили материалы о Кабинете диковин Шоттама до того, как это сделала доктор Келли. Неудивительно, что они оказались в таком беспорядке. Вы изъяли из них все, что сочли для себя полезным. Но вы ничего не знали о Тинбери Макфаддене и о шкатулке из ноги слона. Но зато вы первым узнали из личных бумаг Шоттама о Ленге, о характере его экспериментов, о его лабораторных журналах и дневниках. Но когда вы выследили Ленга, он оказался не таким разговорчивым, как вам того хотелось. Доктор не поделился с вами секретом формулы. Даже под пытками он не пошел на это, не так ли? Поэтому вам пришлось довольствоваться тем, что после себя оставил Ленг: останками, его лабораторией и, возможно, журналами, похороненными под Кабинетом диковин Шоттама. Для того чтобы добраться до них, существовал единственный способ. Надо было купить землю, снести стоящий на ней дом и вырыть глубокий котлован для фундамента нового здания. – Пендергаст кивнул, словно говорил с самим собой. – Доктор Келли упоминала о пропавших страницах из журнала посещений архива. Они были вырезаны бритвой. Это были те

страницы, на которых имелось ваше имя, не так ли? И единственный, кто знал о ваших частых визитах в архив, был мистер Пак. Поэтому он должен был умереть. Вместе с теми, кто шел по вашему следу, – доктором Келли, сержантом О'Шонесси и мной. Потому что чем больше мы подбирались к Ленгу, тем ближе оказывались к вам. Как я мог оказаться настолько близоруким, чтобы этого не увидеть? – с горечью продолжил агент ФБР. – Я должен был все понять, увидев тело Ленга. Ведь уже тогда мне стало ясно, что Ленга замучили до смерти до того, как на Кэтрин-стрит были обнаружены тела.

Фэрхейвен не улыбнулся. Цепь умозаключений Пендергаста оказалась до изумления точной. «Убей этого человека», – подсказывал внутренний голос.

– Вы помните, как называли смерть древние арабы? – продолжал Пендергаст. – Если нет, то я напомню. Смерть, говорили они, есть погубитель всех жизненных наслаждений. Подумайте, насколько это верно. Старость, болезни и, наконец, смерть являются нашим уделом. Некоторые находят утешение в религии, другие в отрешении от всего земного, третьи в философии или в простом стоицизме. Но для вас – человека, который был способен купить что угодно – смерть казалась ужасающей несправедливостью.

Перед мысленным взором Хирурга предстал образ его умирающего от прогерии брата Артура. Он видел его старческое, морщинистое, с ороговевшей кожей лицо, искривленные конечности. То, что болезнь эта была крайне редкой и ее причины оставались неизвестными, утешить никого не могло. Пендергаст не знает всего. И никогда не узнает.

Лишь огромным усилием воли ему удалось изгнать из сознания образ брата. «Убей его!» – кричал внутренний голос, но рука по какой-то неясной причине отказывалась повиноваться этому приказу.

– Вы ничего этим не добьетесь, мистер Фэрхейвен, – сказал Пендергаст, кивком указывая на распростертое на столе тело. – Ваши хирургические способности – ничто по сравнению с талантом Ленга. Вас ждет провал.

«Неправда, – подумал про себя Фэрхейвен. – Я уже добился успеха. Я – Ленг. Или, вернее, я тот, кем он должен был быть. Только мои усилия позволят довести работу Ленга до совершенства...»

– Я знаю, что в данный момент вы думаете, что я ошибаюсь, – сказал Пендергаст. – Вы полагаете, что уже добились успеха. Но это не так, и этого никогда не случится. Спросите себя: ощущаете ли вы себя другим? Обрели ли ваши органы новую жизненную силу? И если вы будете сами с собой честны, вы признаетесь, что по-прежнему ощущаете на себе ужасный груз прожитых лет, чувствуете, как медленно и постепенно

слабеет ваше тело, что есть удел нас всех. – Он едва заметно улыбнулся и произнес: – Дело в том, что вы совершили одну фатальную ошибку.

Хирург ответил молчанием.

– Истина состоит в том, – продолжал Пендергаст, – что вы ничего не знаете о Ленге или его настоящей цели. Цели, для достижения которой продление жизни служило лишь средством.

Годы самодисциплины, необходимой для работы в крупной корпорации, приучили Фэрхейвена не выдавать своих чувств ни выражением лица, ни лишними вопросами. Но изумление, которое он испытал, услышав слова Пендергаста, скрыть было трудно.

Какая еще истинная цель? О чем он говорит?

Спрашивать он не станет. Молчание всегда оставалось лучшей формой вопроса. Если молчать, то ответ рано или поздно будет дан. Таково свойство человеческой натуры.

Но на сей раз молчание хранил Пендергаст. Он просто стоял, небрежно привалившись к проему арки и оглядывая стены операционной. Молчание затягивалось, и Хирурга начинало беспокоить состояние лежащего на столе материала. Не опуская револьвера, он покосился на мониторы. Жизненные показатели были еще приличными, но некоторые из них начинали снижаться. Если не вернуться к работе, материал испортится окончательно.

«Убей его», – повторил внутренний голос.

– Какая истинная цель? – не выдержал Фэрхейвен.

Пендергаст хранил молчание.

Фэрхейвен быстро прогнал неожиданно возникшую тень сомнения. Какую игру ведет этот человек? Он явно тянет время, и у него, вне всякого сомнения, есть на это веские причины. Убить его следует немедленно. Хорошо, что Келли не смогла бежать из заключения. С ней он разберется позже. Указательный палец Фэрхейвена на спусковом крючке слегка напрягся.

– Ленг вам в конечном итоге так ничего и не сказал, – наконец заговорил Пендергаст. – Вы замучили его напрасно, и вам приходится метаться, убивая всех этих людей. Но мне известно о Ленге все. Я знаю его очень хорошо. Возможно, вы заметили некоторое сходство?

– Что? – потеряв сдержанность, переспросил Фэрхейвен.

– Доктор Ленг был моим двоюродным прадедом.

Это заявление поразило Фэрхейвена настолько, что он даже ослабил хватку на рукоятке револьвера. Он вспомнил тонкие черты лица Ленга, его светлые, почти белые волосы и бледно-голубые глаза – глаза, которые смотрели на него без мольбы и без страха, несмотря на те мучения, которые Ленг испытывал. У Пендергаста были точно такие же глаза. Но Ленг умер, та же судьба ждет Пендергаста.

«Пусть он умрет, – настойчиво твердил внутренний голос. – Сведения, которыми он обладает, гораздо менее значимы, чем его смерть. Нельзя рисковать материалом. Убей его».

Он снова напряг палец на спусковом крючке. С такого расстояния промахнуться невозможно.

– Тайна Ленга находится в этом доме, но открыть ее вы не сможете. Вы все время искали совсем не то. И в результате вы умрете медленной и мучительной смертью от старости. Так же, как и все мы. Успеха вам не добиться.

«Нажимай на курок», – требовал внутренний голос.

Но тон агента говорил о том, что ему действительно известно нечто очень важное. Это не было пустой болтовней. Фэрхейвену не раз приходилось сталкиваться с блефом. Он понимал, что этот человек не блефует.

– Выкладывайте все, что хотите сказать. Или вы сразу умрете.

– Пойдемте со мной. Я вам покажу.

– Покажете что?

– Над чем в действительности работал Ленг. Это находится в доме. Буквально под вашим носом.

Внутренний голос уже не говорил, а буквально кричал:

«Не позволяй ему говорить, какой бы важной ни была его информация». И до Фэрхейвена наконец дошла вся мудрость этого совета.

Пендергаст стоял, привалившись к стене, и обе его руки все время оставались на виду. Агент не мог сунуть руку за борт пиджака, выхватить пистолет и выстрелить. На это ему просто не хватило бы времени. Да и оружия у него тоже не было – Фэрхейвен обыскал его самым тщательным образом. Он задержал дыхание, прицелился и надавил на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Фэрхейвен знал, что не промахнулся.

Глава 4

Дверь стояла открытой, поэтому из коридора в камеру проникал слабый свет. Нора, сжавшись в комок, ждала в темном пространстве за дверью. Десять минут. Пендергаст сказал: десять минут. Сердце в груди стучало словно кузнечный молот, и каждая минута казалась ей часом. Определить ход времени было почти невозможно. Она заставила себя считать каждую секунду. Тысяча один, тысяча два... Каждая цифра вынуждала ее думать о Смитбеке и о том, что с ним могло произойти. Или должно было произойти.

Пендергаст сказал, что Смитбек скорее всего уже мертв. Он сказал это для того, чтобы избавить от шока, который она могла испытать, узнав об этом самостоятельно. Билл умер. Билл умер. Она пыталась свыкнуться с этой мыслью, но ум отказывался воспринимать смерть Билла как свершившийся факт. Тысяча тридцать. Тысяча тридцать один. Секунда катилась за секундой.

Через шесть минут и двадцать пять секунд она услышала выстрел.

Ее тело содрогнулось от ужаса, но она не вскрикнула. Скорчившись еще сильнее, она выжидала, когда прекратится стук сердца. Звук выстрела долго катился повторяющимся эхом по коридорам подвала. Наконец вернулась тишина. Мертвая тишина.

Нора вдруг ощутила, что дышит через рот, коротко и прерывисто. Считать секунды стало еще труднее. Пендергаст велел ждать десять минут. Может быть, с момента выстрела уже прошла минута? В конце концов она решила возобновить отсчет с семи минут.

Затем она услышала звук быстрых шагов по камню. Создавалось впечатление, что кто-то поспешно спускается по каменным ступеням лестницы. Звук быстро слабел, и вскоре опять вернулась тишина.

Отсчитав десять минут, она остановилась. Пора выходить.

На какой-то момент ее тело отказалось повиноваться. Оно просто окаменело от ужаса.

А что, если этот человек все еще там? А что, если Смитбек уже умер? А если и Пендергаст тоже мертв? Сможет ли она бежать, сможет ли оказать сопротивление, сможет ли сражаться за жизнь, сможет ли добровольно умереть, чтобы избежать худшей участи?

Рассуждать на эти темы было бесполезно. Надо было точно следовать указаниям Пендергаста.

Чудовищным усилием воли девушка выпрямилась, вышла из темноты и прошла в дверь. Коридор за дверью был длинным и сырым, на неровных каменных стенах и полу кое-где виднелись следы известки. В его дальнем конце за открытой дверью находилось ярко освещенное

помещение. Это, похоже, был единственный источник света для всего подвала. Именно в том направлении ушел Пендергаст, оттуда долетел гром выстрела и звук бегущих шагов.

Нора сделала один неуверенный шаг, затем второй, а затем без остановки пошла на дрожащих ногах в направлении сияющего прямоугольника двери.

Глава 5

Хирург не верил своим глазам. В том месте, где в луже крови должен был лежать Пендергаст, ничего не было. Агент исчез.

Он огляделся по сторонам. То, что произошло, невероятно. Это физически невозможно... И затем он увидел, что та часть стены, на которую опирался Пендергаст, превратилась в дверь. Массивный каменный блок, повернувшись на шарнирах, стоял перпендикулярно к поверхности стены. О существовании этой двери Хирург не знал, несмотря на то что тщательно обследовал весь подвал.

Собрав в кулак всю волю, он попытался привести в порядок свои мысли. Он давно понял, что размышление – ключ к успеху. Лишь продумывая каждый шаг, он смог так далеко продвинуться. И сейчас он возьмет верх, если хорошенько все взвесит.

Хирург шагнул к двери, держа наготове револьвер. Заглянув в проем, он увидел уходящую вниз каменную лестницу. Агент ФБР явно хотел, чтобы противник последовал за ним. Это могло быть ловушкой. Почему могло? Это наверняка ловушка.

Но Хирург понимал, что выбора у него нет. Он обязан остановить Пендергаста и узнать, что находится внизу, У него был револьвер. Агент ФБР оставался безоружным. Хирург задержался, чтобы осмотреть оружие. Это был «кольт» сорок пятого калибра, изготовленный по специальному заказу. Оружие было снабжено прибором ночного видения с лазерным прицелом и стоило не меньше трех тысяч долларов. У Пендергаста был отличный вкус. Забавно, что это оружие будет использовано против своего владельца.

Отойдя от проема и стараясь не спускать глаз со ступеней лестницы, он извлек из ящика мощный фонарь и с сожалением покосился на материал. Жизненные показатели на мониторах начали ослабевать. Операция явно не удалась.

Хирург вернулся к лестнице и направил яркий сноп света в темноту. На покрывающем ступени слое пыли остались четкие следы Пендергаста. И помимо следов ног, там было еще что-то. Капля крови. И еще одна. Значит, он все-таки зацепил его!

Несмотря на это, следовало удвоить осторожность. Раненый человек так же опасен, как и раненый зверь.

На первой ступени Хирург задержался. Может быть, вначале следует разобраться с женщиной? Смог ли Пендергаст освободить ее, или она по-прежнему прикована к стене? Так или иначе, но серьезной опасности она не представляла. Дом был настоящей крепостью, а выходы из подвала надежно закрыты. Убежать ей не удастся. Главной и срочной проблемой оставался Пендергаст. Когда тот умрет, женщина станет материалом, который займет место Смитбека на операционном столе. Он допустил большую ошибку, позволив агенту начать говорить. Эта ошибка не повторится. Пендергаст умрет прежде, чем успеет открыть рот.

Лестница шла вниз в темноту, ввинчиваясь в землю каким-то бесконечным штопором. Хирург спускался медленно, опасаясь, что за каждым поворотом его может поджидать Пендергаст. Наконец ступени закончились, и Хирург оказался в темной комнате, где пахло плесенью, сырой землей и… Чем еще? Кажется, аммиаком, какими-то солями и бензолом. Впрочем, запах химикатов был едва уловим. В одном месте на полу Хирург увидел несколько следов и россыпь кровавых пятен. Это говорило о том, что Пендергасту пришлось на некоторое время задержаться. Хирург осветил ближайшую стену и увидел ряд деревянных крючков. На них висели старинные бронзовые фонари. Один из крючков был пуст.

Хирург сделал шаг в сторону и обвел лучом все помещение.

Его взору открылась совершенно удивительная картина. Ему показалось, что он увидел стену, целиком сложенную из самоцветов. Драгоценные камни словно подмигивали ему. Тысячи, десятки тысяч разноцветных отражений. Мириады различных цветов. Так сверкает глаз мухи при большом увеличении. Преодолев изумление, он осторожно двинулся вперед, держа оружие наготове.

Вскоре он оказался в узкой каменной камере с колоннами, упирающимися в низкий сводчатый потолок. Вдоль стен стояли дубовые шкафы с великим множеством стеклянных сосудов, совершенно идентичных по форме и размеру. Шкафы доходили до потолка, и сосуды на них были уставлены очень тесно.

Его сердце забилось учащенно. Так вот она – главная лаборатория доктора Ленга! Нет никакого сомнения в том, что именно здесь он совершенствовал свое волшебное зелье, здесь разрабатывал формулу продления жизни. В этом подземелье хранится тайна, ради которой он безуспешно мучил Ленга. Хирург вспомнил то чувство разочарования, почти отчаяния, когда он обнаружил, что сердце Ленга перестало биться, когда понял, что действовал слишком жестко. Впрочем, теперь

это не имело никакого значения. Формула находилась здесь, прямо под его носом, как сказал Пендергаст.

Но затем он вспомнил и иные слова Пендергаста. Агент сказал, что Ленг ставил себе совсем иные цели. Но это же абсурд. Полная чушь. Что может быть важнее, чем продление человеческой жизни? Ради чего другого могла создаваться столь грандиозная коллекция химикатов?

Усилием воли он отогнал от себя все эти лишние мысли. После того как он покончит с Пендергастом и использует девицу как операционный материал, у него будет масса времени для исследований и размышлений.

Он провел лучом фонаря по полу. Пендергаст прошел вдоль шкафов с сосудами, и каждый его шаг сопровождался каплей крови. Следовало соблюдать крайнюю осторожность. Ему меньше всего хотелось стрелять здесь, где хранятся драгоценные жидкости. Он не имел права рисковать теми ценностями, к которым так долго стремился. Хирург поднял руку с револьвером, крепко сжал рукоятку, и на дальней стене вспыхнуло красное пятнышко. Превосходно. Хотя лазерный прицел и не гарантировал точного попадания, вероятности ошибки почти не оставалось.

Ослабив давление на кнопку лазера, Хирург осторожно двинулся вдоль шкафов. Теперь он видел, что на каждой бутылке имеется ярлык, написанный тонким, неразборчивым почерком. На ярлыке значились наименование реактива и его химическая формула. В дальнем конце галереи он нырнул в низкий проход и оказался в длинном и узком помещении. Здесь сосуды были заполнены твердыми веществами – осколками минералов, сверкающими кристаллами, порошками и металлической стружкой.

Создавалось впечатление, что волшебный эликсир и формула долговечности оказываются более сложными, чем он предполагал. Для какой другой цели Ленг мог использовать все эти химикаты?

Он продолжал идти по следам Пендергаста, которые перестали быть ровной линией на равном удалении от обеих стен. Хирург увидел, что агент ФБР время от времени подходил то к одному, то к другому шкафу, словно искал что-то.

Дойдя до конца узкого помещения, он оказался в сводчатой комнате, выход из которой прикрывал бархатный занавес. Снова укрывшись за колонной, Хирург стволом револьвера раздвинул занавес и направил луч фонаря в пространство за ним. Следующая комната оказалась больше и шире. Она была уставлена множеством дубовых шкафов с застекленными дверцами. Следы Пендергаста скрывались между шкафами.

Хирург пошел вперед, соблюдая бесконечную осторожность. Судя по следам, Пендергаст продолжал изучать коллекцию. Вскоре его следы начали становиться какими-то неровными. Создавалось впечатление, что агент ФБР то и дело оступался. Это был след тяжело раненного животного. Количество крови не уменьшалось. Более того, капель становилось больше. Это почти наверняка говорило о том, что Пендергаст ранен в живот. Теперь торопиться не стоило. Чем дольше он будет выжидать, тем больше будет слабеть Пендергаст.

Вскоре он увидел поблескивающую под лучом фонаря лужицу крови. Пендергаст здесь явно останавливался. Он что-то изучал. Хирург огляделся по сторонам в надежде узнать, что именно так заинтересовало противника. На сей раз это были не химикаты. Шкаф, возле которого образовалась лужица, был заполнен тысячами и тысячами совершенно одинаковых насекомых. Это были какие-то необычные жуки с острыми рогами на радужной головке. Хирург подошел к следующему шкафу. Странно. Там находились сосуды, содержащие отдельные части насекомых. В некоторых из них находились лишь прозрачные стрекозьи крылья, а в других – брюшки пчел. Часть сосудов была заполнена крошечными сухими паучками. Хирург передвинулся к очередному шкафу. Там были собраны препарированные саламандры и сморщенные лягушки самых разных цветов и оттенков. Целый ряд сосудов содержал разнокалиберные хвосты скорпионов, а в других хранились весьма зловещего вида жала. Далее была коллекция маленьких сухих рыбок, улиток и каких-то насекомых, которых Хирургу видеть еще не приходилось. Казалось, что он попал в огромное помещение, где ведьмы варят свои волшебные зелья и сочиняют заклятия.

Интересно, зачем Ленгу понадобилась столь обширная коллекция разных снадобий и химикатов? Может быть, он подобно Исааку Ньютону увлекся на старости лет бессмысленными алхимическими опытами? Главная цель, о которой упоминал Пендергаст, могла быть вовсе не «чушью», а бесполезной попыткой превратить свинец в золото или иным столь же дурацким занятием.

Следы Пендергаста вели к очередному сводчатому проходу. Хирург двинулся тем же путем, держа револьвер наготове. За аркой находился ряд маленьких помещений, похожих больше на каменные склепы или ниши. В каждом из этих закутков находилась какая-нибудь коллекция. След Пендергаста петлял от одного собрания предметов к другому. Здесь шкафы были заполнены сухими ветками и листьями. Хирург остановился и с любопытством огляделся по сторонам. Вспомнив, что сейчас самой важной проблемой для него является Пендергаст, он продолжил путь. Судя по характеру следов, агент ФБР передвигался с большим трудом.

Хирург хорошо знал Пендергаста и понимал, что это могло быть всего лишь хитрой уловкой. Чтобы подтвердить или опровергнуть внезапно возникшие подозрения, Хирург присел на корточки рядом с одной из лужиц, макнул палец в красную жижу и поднес его к носу. Затем он попробовал жидкость на язык. Это, вне всяких сомнений, была кровь. Человеческая кровь, еще не успевшая остыть. Пендергаст был ранен. И ранен тяжело.

Хирург встал во весь рост, поднял руку с револьвером и осторожно двинулся вперед, разгоняя лучом фонаря черную бархатную темноту.

Глава 6

Нора осторожно переступила через порог открытой двери. После темноты камеры свет показался ей настолько ярким, что она, временно утратив зрение, машинально отступила назад в тень. Когда зрение вернулось, девушка снова двинулась вперед.

После того как глаза полностью адаптировались к свету, окружающие ее предметы начали обретать форму. Металлические столы с лежащими на них сверкающими инструментами. Пустая медицинская каталка. Распахнутая дверь, за которой находились ведущие вниз каменные ступени. И фигура, лежащая лицом вниз на столе. Этот стол был не похож на те столы, которые ей приходилось видеть. По его обеим сторонам находились углубления для стока крови, и отделение для ее сбора было почти полным. Такие столы обычно используют не для операции, а для вскрытия трупов.

Человек был пристегнут к столу. Его голова, торс до талии и ноги были прикрыты зеленой тканью. Открытой оставалась лишь нижняя часть спины. Нора подошла ближе и увидела зияющую рану – разрез длиной почти в два фута. Металлические зажимы растягивали края разреза, и Нора видела позвоночный столб – светло-серую полосу среди красной и розовой плоти. Рана сильно кровоточила, и красные ручейки стекали по двум вертикальным разрезам, попадая вначале на стол, а затем в сборник крови.

Нора знала, что на столе лежит Смитбек. Ей с трудом удалось подавить готовый вырваться крик.

Она попыталась взять себя в руки, вспомнив, что говорил Пендергаст. Необходимо приступать к действиям. Прежде всего следовало проверить, жив ли Смитбек.

Девушка быстро оглядела операционную. Около стола находилась подставка с капельницей. Идущая от нее прозрачная пластмассовая трубка скрывалась под зеленым покрывалом. Вблизи стола стоял какой-то ящик на колесах, на лицевой стороне которого находилось

множество труб и дисков. Скорее всего это был аппарат искусственной вентиляции легких. В металлической кювете лежало несколько окровавленных скальпелей. На хирургическом подносе находились щипцы и стерильные тампоны. Другие хирургические инструменты валялись в беспорядке на каталке. Их, видимо, туда бросили, когда операцию пришлось неожиданно прервать.

Нора посмотрела на изголовье стола, рядом с которым расположилась батарея аппаратов, следящих за состоянием жизненных функций. Она сразу узнала монитор ЭКГ. Линия на мониторе показывала наличие сердцебиения. «Боже, – подумала она, – неужели Билл еще жив?»

Нора сделала быстрый шаг к лежащему, протянула руку над раной и сняла зеленое покрывало с его плеч. Она увидела знакомый непокорный вихор, тощие руки и плечи, завиток волос на затылке. Еще дальше протянув руку, Нора прикоснулась к шее журналиста и ощутила очень слабую пульсацию сонной артерии.

Он был жив. Но едва-едва.

Неужели его накачали каким-то наркотиком? Что она должна сделать? Как его спасти?

Девушка попыталась привести в норму дыхание и более-менее спокойно оценить ситуацию. Она обежала взглядом мониторы, стараясь вспомнить то, чему ее учили на подготовительных курсах медицинского колледжа, а также анатомию и биологию, которые она проходила на старших курсах отделения антропологической археологии. Здесь мог пригодиться и тот опыт, который она приобрела во время короткой практики в госпитале.

Нора внимательно вгляделась в другой монитор. Эта машина регистрировала кровяное давление. Верхнее давление – девяносто один, а нижнее – шестьдесят. По крайней мере у него, кроме пульса, сохранялось и кое-какое кровяное давление. Но оно было низким. Слишком низким. Рядом стоял еще один аппарат, соединенный металлическим зажимом с указательным пальцем Смитбека. Дядя Норы носил нечто подобное в прошлом году, когда его поместили в больницу в связи с сердечной недостаточностью. Это был измеритель степени насыщения крови кислородом. На небольшом указателе красным огоньком высвечивалась цифра восемьдесят. Насколько помнила Нора, все показатели ниже девяноста пяти должны вызывать тревогу.

Девушка снова перевела взгляд на монитор ЭКГ. В его правом нижнем углу высвечивалась частота пульса. Сто двадцать пять ударов в минуту.

Вдруг тревожно запищал аппарат, показывающий кровяное давление.

Она склонилась к Смитбеку и вслушалась в его дыхание. Дыхание было частым, поверхностным и едва заметным.

Нора выпрямилась и со стоном отчаяния обвела взглядом мониторы. Господи, ведь надо делать хотя бы что-нибудь! Двигать его она не могла; это означало верную смерть. Если что-то и можно предпринять, то только здесь и немедленно. Если она не сумеет ему помочь, Смитбек умрет.

Стараясь подавить панику, она рылась в памяти. Что все это должно означать – низкое кровяное давление, ненормально высокая частота пульса и низкое содержание кислорода в крови?

Обескровление. Нора взглянула на переполненный сборник крови. Смитбек страдал от массивной потери крови.

Как в таких случаях реагирует организм? Теперь она пыталась вспомнить лекции, которые слушала давным-давно и притом вполуха. Во-первых, начинается тахикардия. Сердце бьется чаще, чтобы напитать органы кислородом. Затем наступает... как же звучит этот проклятый термин... Да, вазоспазм. Она поспешно протянула руку и прикоснулась к пальцам Смитбека. Как она и ожидала, пальцы были холодными как лед, а кожа стала крапчатой. Организм перекрывает приток крови в конечности, чтобы обеспечить кровоснабжение жизненно важных органов.

На последнем этапе падает кровяное давление. У Смитбека оно уже начало снижаться. А затем...

Нора не хотела думать о том, что произойдет после.

Ей стало совсем не по себе. Это какое-то безумие. Она не врач. Что бы она ни делала, ему будет только хуже.

Глубоко вздохнув и заставив себя сконцентрироваться, девушка обратила внимание на зияющую рану. Если бы она даже знала, как закрыть разрез и остановить кровотечение, то это не помогло бы – потеря крови уже была чрезмерно большой. И в операционной не было плазмы, чтобы сделать переливание. Кроме того, переливание тоже выходило за рамки ее возможностей. Она снова взглянула на стойку рядом со столом. На стойке висел пластиковый мешок с тысячей кубиков солевого раствора. Его горловину и вену на запястье Смитбека соединяла тонкая трубка. Запорный кран капельницы был завернут до отказа. В трубку была вколота игла полупустого шприца. Нора догадалась, что все это устройство предназначено для введения наркоза. Возможно, что в вену Смитбека вводился версед. Это делалось постоянно, поскольку действие верседа длится не более пяти минут. Жертва оставалась в сознании, но полностью лишалась возможности

сопротивляться. Интересно, почему Хирург не прибег к общему наркозу или не сделал Смитбеку обезболивающий укол в спинной мозг?

Впрочем, это не имело никакого значения. Сейчас требовалось возместить потерю жидкости, чтобы поднять кровяное давление.

Нора выдернула иглу шприца из трубки и до упора повернула по часовой стрелке запорный кран у основания прозрачного мешка.

«Этого не хватит, – думала она, глядя, как быстро раствор бежит по трубке. – Того, что осталось в мешке, не хватит, чтобы возместить потерю жидкости. Боже, что еще я могу сделать?»

Но, судя по всему, ничего больше сделать она не могла.

Ощущая полную беспомощность, Нора отступила от операционного стола и посмотрела на мониторы. Частота пульса у Смитбека поднялась до ста сорока, а давление – и это был самый тревожный знак – упало до восьмидесяти на сорок пять.

Склонившись к столу, она взяла холодную неподвижную руку в свои ладони.

– Будь ты проклят, Билл, – сказала девушка, сжимая его руку, – ты обязан выкарабкаться – и ты выкарабкаешься.

Сказав это, она стала ждать, не отрывая глаз от мониторов.

Глава 7

А в глубоких каменных склепах под домом 891 по Риверсайд-драйв воздух был пропитан запахом пыли, старых грибков и аммиака. Пендергаст, борясь с болью, двигался сквозь темноту, лишь время от времени приподнимая колпачок фонаря, чтобы взглянуть на коллекцию Ленга или уточнить свое местонахождение. Тяжело дыша, он остановился посередине комнаты со шкафами, заполненными стеклянными сосудами. Первым делом Пендергаст прислушался. Его невероятно острый слух позволил ему слышать крадущиеся шаги Фэрхейвена. Их разделяла одна, от силы две комнаты. Времени у него не было. Рана оказалась тяжелой и сильно кровоточила. Он был безоружен. Средство уравнять шансы находится где-то здесь, в коллекции Ленга. Победить Фэрхейвена он сможет лишь в том случае, если разгадает тайну последнего проекта Ленга – проекта, для реализации которого доктор хотел продлить свою жизнь.

Пендергаст снова приподнял колпачок фонаря и осмотрел стоящий перед ним шкаф. В стеклянных сосудах хранились высохшие насекомые. Пендергаст сразу узнал покрытого ложными перьями жука из болот Мату-Гроссу. Эти жуки были умеренно ядовиты, и туземцы

использовали их в медицинских целях. На полке ниже находился ряд сосудов, заполненных сухими тельцами смертельно ядовитых болотных пауков из Уганды. Эти насекомые имели бросающийся в глаза пурпурный и желтый окрас. Шкаф рядом содержал бесчисленное множество сосудов, заполненных сушеными ящерицами. Пендергаст увидел бутыль с безвредным пещерным гекконом-альбиносом из Коста-Рики, банку, заполненную сухими слюнными железами так называемого Монстра Джила, обитающего в пустыне Санoран, и два сосуда со сморщенными телами крошечных краснобрюхих ящерок, живущих в Австралии. В следующем шкафу стояли банки с разнообразными тараканами, начиная с шипящих тараканов Мадагаскара и кончая красивейшими зелеными кубинскими кукарачами. Последние поблескивали в своих сосудах, словно крошечные изумрудные листочки.

Пендергаст понимал, что эти существа собирались не в целях препарирования или классификации. Для изучения не нужно иметь тысячу болотных пауков, кроме того, сушка плохо сохраняет биологические детали строения насекомых. С точки зрения классификации образцы располагались в шкафах вообще без какой-либо системы.

Существовал лишь один ответ – все эти насекомые попали в коллекцию благодаря тем сложным химическим соединениям, которые они в себе содержали. Это было собрание биологически активных соединений в их чистом виде. Все это было логическим продолжением тех неорганических веществ, которые хранились в предыдущих комнатах.

Пендергаст как никогда ясно понимал, что этот огромный подземный кабинет диковин – потрясающая воображение коллекция химических веществ – напрямую связан с главной и подлинной целью Ленга. Подземная коллекция полностью заполняла тот пробел, на который он обратил внимание наверху. Именно здесь, глубоко под землей, находился настоящий Кабинет диковин Ленга.

В отличие от остальной части коллекции в этом кабинете определенно работали – многие сосуды были наполнены лишь наполовину, а иные оказались почти пустыми. Чем бы ни занимался Ленг, это занятие требовало огромного числа самых разнообразных химических соединений. Но чем именно он занимался? В чем была суть его главного проекта?

Пендергаст снова прикрыл фонарь и усилием воли попытался подавить боль, мешавшую ясности мысли. По словам двоюродной бабки, Ленг, перед тем как уехать в Нью-Йорк, что-то говорил о спасении человечества. Ленг намеревался исцелить мир, и эта огромная коллекция химических веществ была главным звеном проекта. Здесь

хранилось нечто такое, что могло, по его мнению, спасти человеческую расу.

Пендергаст внезапно ощутил приступ боли, который едва не заставил его сложиться пополам. Лишь чрезвычайным усилием воли он сумел взять себя в руки. Надо продолжать путь, надо продолжать поиски ответа.

Он выбрался из лабиринта шкафов и через завешенную коврами арку прошел в следующее помещение. Сделав шаг, он снова ощутил болевой спазм, и ему пришлось остановиться и выждать, когда пройдет боль. Трюк, который он хотел проделать с Фэрхейвеном – нырок в потайной ход за миг до выстрела, – требовал исключительно точного расчета. Во время разговора он внимательно следил за выражением лица противника. Подавляющее большинство людей невольно выдают себя, когда решаются на убийство, решаются нажать на спуск, чтобы положить конец чьей-то жизни. Но Фэрхейвен не подал ему этого сигнала. Он нажал на спуск совершенно хладнокровно, застав Пендергаста врасплох. Убийца использовал оружие Пендергаста – сделанный по специальному заказу «кольт». Фэрхейвен, вне сомнения, знал, как им следует пользоваться.

Пендергаст получил пулю в бок. Она, миновав грудную клетку, проникла в полость живота. Постаравшись в очередной раз отвлечься от боли, Пендергаст попытался оценить характер ранения. Применяемая в ФБР специальная пуля «черный коготь» наносит большие повреждения – и рана, если в течение ближайших часов не принять мер, может оказаться фатальной. В данный момент самым скверным было то, что она существенно снизила его возможности, сильно замедлила движение. Боль была чудовищной, но с этим он мог совладать. Однако с одеревенением конечностей он, увы, ничего сделать не мог. В теле, не до конца оправившемся от ножевого ранения и получившем во время падения многочисленные ушибы, не оставалось никаких резервов. Его силы быстро угасали.

В который раз, стоя неподвижно в темноте, Пендергаст анализировал, почему провалились его планы, где и в чем он просчитался. С самого начала он знал, что это будет самое сложное дело во всей его карьере. Однако при этом он не принял в расчет собственных психологических слабостей. Он слишком близко принял к сердцу это расследование. Оно стало для него чрезмерно персональным. Все это влияло на его суждения, наносило вред объективности. И вот сейчас, возможно, первый раз в жизни, он увидел, что вероятность провала очень велика. А провал означал не только его смерть, но также смерть Норы, Смитбека и еще множества невинных людей в будущем.

Пендергаст задержался еще немного, чтобы ощупать рану. Кровотечение усилилось. Он снял пиджак и туго обмотал им живот. После этого агент ФБР приподнял колпачок фонаря и огляделся.

Теперь он находился в комнате заметно меньшей, чем все прежние. Вместо сосудов с химическими веществами в этой комнате находились клетки с чучелами птиц. Перелетных птиц. Чучела были сделаны превосходно. Великолепная коллекция включала в себя даже ныне исчезнувший вид голубей. Но как соотносится эта коллекция со всем остальным? В глубине души он понимал, что связь должна была существовать как часть одного великого плана. Но в чем суть этого плана? На этот вопрос ответа у Пендергаста пока не было.

Стараясь по возможности не потревожить рану, он побрел в следующую комнату. Там он снова поднял колпачок фонаря и… и замер в недоумении.

Эта коллекция самым разительным образом отличалась от всех других. Свет фонаря выхватил из темноты невероятный набор одежды и разного рода аксессуаров. Одежда была надета на манекены, а аксессуары находились в шкафах. Здесь были кольца, воротнички, шляпы, вечные перья, зонты, перчатки, обувь, часы, шейные косынки, галстуки. Все вещи находились в прекрасной сохранности и были выложены в полном порядке, словно в музее. Однако какая-либо систематизация в коллекции отсутствовала. Это было собрание случайных предметов из разных концов мира и из двух последних тысячелетий. Что делала пара парижских мужских лайковых перчаток девятнадцатого века рядом со средневековым ожерельем? Что общего было между парой древнеримских серег и лежащим рядом английским зонтом? Какое отношение имели наручные часы «Ролекс» к стоящей около них паре некогда модных туфелек на высоком каблуке? Преодолевая боль, Пендергаст снова двинулся вперед. У дальней стены в большом шкафу хранилась коллекция дверных ручек. Ни одна из них не имела ни исторической, ни эстетической ценности. В соседнем шкафу находились сотни напудренных мужских париков восемнадцатого века.

Пендергаст погасил фонарь и погрузился в размышления. Это было абсолютно нелепое собрание бытовых предметов, не представлявших никакого научного интереса. Предметы размещались без какого-либо учета их назначения или важности.

Тем не менее они хранились здесь, как хранились самые драгоценные экспонаты коллекции.

Стоя в темноте и прислушиваясь к звуку падающих на каменный пол капель крови, Пендергаст в первый раз за все время засомневался в том, что Ленг сохранил рассудок. Неужели он сошел с ума? Во всяком случае, эту последнюю коллекцию мог собрать только безумец. Не исключено,

что, продлевая жизнь, он спасал от разрушения лишь тело, а его мозг продолжал деградировать. В этой коллекции просто не было никакого смысла.

Пендергаст покачал головой. Под влиянием семейной вины он снова чрезмерно эмоционально реагировал на возникшую ситуацию. Нет, Ленг не сходил с ума. Ни один сумасшедший не смог бы собрать те коллекции, мимо которых он только что прошел. Не исключено, что столь грандиозного собрания органических и неорганических химических веществ мир никогда не видывал. Собранные в этой комнате вульгарные предметы обыденной жизни должны были иметь какую-то связь с другими составляющими частями Кабинета диковин Ленга. Если бы он мог эту связь увидеть… Ключ к тайне Ленга находится здесь. Необходимо понять, что делал Ленг и с какой целью. В противном случае…

В этот миг он услышал шорох шагов по камню, и луч фонаря Фэрхейвена, словно копье, пронзил тьму. На его груди возникло крошечное красное пятнышко, и Пендергаст отпрыгнул в сторону в тот момент, когда прогремел выстрел.

Пендергаст ощутил, как пуля ударила в левый локоть. Удар был настолько сильным, что он не устоял на ногах. Пендергаст лежал на полу, а красный лазерный луч шарил в насыщенном пылью воздухе. Агент ФБР вскочил и ринулся вперед, бросаясь из стороны в сторону.

Он позволил себе настолько увлечься размышлением о странной коллекции, что не услышал приближения Фэрхейвена. Он снова допустил фатальную ошибку. Пендергаст подумал, что очень близок к тому, чтобы проиграть окончательно.

Агент ФБР шагнул вперед, поддерживая другой рукой поврежденный локоть. Он обязан перебраться в соседнюю комнату. В каждом помещении находился собственный ключ к тайне Ленга, и, возможно, в следующей комнате он эту тайну раскроет. Но как только он двинулся, на него накатил вал головокружения, за которым последовал приступ тошноты. Пендергаст покачнулся и лишь с большим трудом сумел удержаться на ногах.

Воспользовавшись отраженным светом фонаря Фэрхейвена, он нырнул в следующую арку. Напряжение, вызванное падением, шок от второй пули отняли у него остаток энергии. Угроза потери сознания становилась все более реальной. Он, тяжело дыша, привалился к стене.

Из темноты арки вырвался луч фонаря и тут же снова исчез. Но и этого краткого мига Пендергасту хватило на то, чтобы увидеть блеск стекла, ряды мензурок, реторт и колоннообразные дистилляционные установки.

Он наконец проник в секретную лабораторию Эноха Ленга.

Глава 8

Нора стояла над металлическим столом, постоянно переводя взгляд с экранов мониторов на безжизненное тело Смитбека и обратно. Она сняла зажимы и перевязала рану. Кровотечение в конце концов прекратилось. Но организму уже был нанесен огромный урон. Аппарат, следящий за уровнем кровяного давления, издавал непрерывный тревожный писк. Нора посмотрела на пластиковый пакет с соляным раствором – он был почти пуст. Кроме того, катетер оказался слишком тонким. Даже при полном пакете невозможно было компенсировать потерю жидкости достаточно быстро.

Она поспешно обернулась на звук выстрела, долетевшего из темного лестничного проема. Выстрел прозвучал приглушенно, словно был произведен где-то глубоко под землей.

Некоторое время она стояла неподвижно, парализованная страхом. Что там произошло? Кто стрелял? Пендергаст? Или, может быть, стреляли в него?

Затем она снова переключила внимание на неподвижное тело Смитбека. Лишь один человек сможет подняться по этим ступеням. Пендергаст или тот, другой. Когда придет время, она будет с этим разбираться. Сейчас же на ней лежал груз ответственности за Смитбека. И она ни за что не бросит его.

Девушка снова посмотрела на показатели жизнедеятельности. Кровяное давление упало до уровня семьдесят на тридцать, сердцебиение замедлилось. Поначалу она почувствовала некоторое облегчение, но затем, вспомнив, чему ее учили, поднесла руку ко лбу журналиста. Лоб был холоден, как и конечности. «Брадикардия», – подумала Нора, и чувство некоторого успокоения сменилось паникой. Если потеря крови продолжается и не осталось области, которую мог бы отключить организм, наступает период полной декомпенсации. Уменьшается поступление крови в жизненно важные органы, биение сердца вначале замедляется, а затем оно останавливается навсегда. Не снимая ладони со лба Смитбека, Нора бросила полный отчаяния взгляд на монитор ЭКГ. Показатели заметно изменились: пики стали ниже и частота ударов сердца еще более снизилась. Теперь она составляла пятьдесят в минуту.

Схватив Смитбека за плечи, она грубо его затрясла и крикнула:

– Билл! Билл, будь ты проклят! Приди же в себя. Прошу тебя!

Писк аппарата ЭКГ стал каким-то сбивчивым, ритм сердца продолжал замедляться.

Ничего больше сделать она не могла.

Нора смотрела на экраны, и ее все сильнее охватывало ужасное чувство полного бессилия. Затем она закрыла глаза и уронила голову на обнаженное плечо Смитбека – неподвижное и холодное, словно могильный камень.

Глава 9

Пендергаст, спотыкаясь, брел вдоль столов старинной лаборатории. Очередной приступ боли разорвал его внутренности, и он на миг остановился, чтобы усилием воли подавить его. Несмотря на всю серьезность ранений, какой-то уголок его мозга оставался ясным, свободным от всякого постороннего влияния. Он старался пробиться в этот уголок через густой туман боли, пытался разобраться в том, что его окружает. Титровальные и дистилляционные аппараты, пробирки, реторты и горелки. Одним словом, скопление стекла и металла. Но в то же время, несмотря на обилие приборов, он не видел ключа к разгадке главного проекта Ленга. Химия есть химия, и вы используете те же реагенты и приборы вне зависимости от того, что вы синтезируете или выделяете. В лаборатории было много вытяжных шкафов и старинных ящиков для работы в перчатках с опасными веществами. Это говорило о том, что Ленг имел дело либо с ядами, либо с радиоактивными образцами. Но это лишь подтверждало то, что он предполагал с самого начала.

Вызывало удивление лишь оборудование лаборатории. Отсутствовали компьютеры или иные приборы, имеющие интегральные схемы. В лаборатории не было ничего, в чем нашла бы отражение революция в биохимии после шестидесятых. Судя по возрасту оборудования и его жалкому состоянию, создавалось впечатление, что все работы в лаборатории прекратились лет пятьдесят назад.

Но в этом не было никакого смысла. Ленг наверняка был знаком с последними научными достижениями, он мог позволить себе приобретать новейшее оборудование, которое способствовало бы решению стоящей перед ним задачи. И до недавнего времени он был жив и здоров.

Предположим, Ленг уже успешно завершил свое исследование. Если так, то где его результаты? И в чем они состояли? Может быть, плоды работы Ленга находятся здесь, в подвале? А что, если он просто отказался от продолжения работы?

Луч фонаря Фэрхейвена блуждал рядом, и Пендергаст, бросив строить догадки, заставил себя двинуться вперед. В дальней стене комнаты находилась дверь. Преодолевая чудовищную боль, он потащился по направлению к ней. Если это была лаборатория Ленга, то за ней

оставалось одно, от силы два рабочих помещения. Головокружение усилилось. Пендергаст находился в таком состоянии, что практически не мог идти. Наступил конец игры.

А он по-прежнему не знал ответа.

Пендергаст толчком распахнул дверь и сделал пять шагов в следующую комнату. Он поднял колпачок фонаря, чтобы в последний раз определить, где находится, осмотреть содержимое помещения и предпринять еще одну попытку раскрыть тайну.

Но в этот момент ноги отказались ему служить.

Когда он упал, фонарь выпал из его рук и покатился по полу, разбрасывая безумные световые пятна по потолку и стенам. Последнее, что увидел Пендергаст, был блеск сотен заостренных стальных предметов.

Глава 10

Как только замер звук второго выстрела, Хирург нетерпеливо обвел лучом комнату. Свет фонаря выхватил из темноты траченную молью одежду и старинные выставочные шкафы. Потревоженная моль вилась в воздухе. Хирург был уверен, что и на этот раз попал в Пендергаста.

Первая рана была серьезной. Она причиняла сильную боль, лишала сил, и состояние раненого постоянно ухудшалось. Вторая пуля попала, наверное, в руку, что позволяло агенту ФБР продолжать движение. Рана была исключительно болезненной, и если Хирургу повезло, то пуля могла задеть важную вену, усиливая потерю крови.

Он задержался в том месте, где упал Пендергаст. На стоящем вблизи шкафу виднелись брызги крови, а большое пятно расплылось там, где агент прокатился по полу. Хирург отступил на несколько шагов и, испытывая чувство презрения, осмотрелся по сторонам. Это была еще одна из нелепых коллекций Ленга. Этот тип был невротическим коллекционером, и подвал полностью соответствовал остальному дому. Здесь не могло быть чудесного эликсира или философского камня. Болтая о главной цели Ленга, Пендергаст просто хотел вывести его из равновесия. Какая цель может быть выше, чем продление жизни людей? И если это дурацкое собрание зонтов, тростей и париков имело отношение к высшей цели Ленга, то это говорило о том, что доктор был слишком мелок для своего собственного открытия. Не исключено, что за долгие годы одиночества и затворничества к нему пришло безумие. В то же время при их первой встрече шесть месяцев назад Ленг выглядел совершенно нормальным. Впрочем, что определенного можно сказать о молчаливом аскете? Внешний вид в этом случае мог ничего не значить. Никто не знал и никогда не узнает, что творилось в душе этого человека.

Но в конечном итоге это уже не важно. Совершенно ясно, что открытие предназначалось для него. Ленг был всего лишь сосудом, пронесшим это открытие через годы. Подобно Иоанну Крестителю он только проложил путь. Эликсир предназначался Фэрхейвену. Творец поместил волшебное открытие на его пути, и он станет таким Ленгом, которым тот должен быть.

Он, Фэрхейвен, добившись успеха, не скроется подобно отшельнику в этом доме, позволив бесконечной череде лет катиться мимо. Усовершенствовав эликсир и приняв ту дозу, которую должен был принять Ленг, он сразу выйдет в мир подобно вылупившейся из кокона бабочке. Он посвятит свою бесконечно долгую жизнь прекрасным вещам – путешествиям, любви, учебе, поискам различного рода наслаждений. Деньги никогда не будут для него проблемой.

Хирург усилием воли прогнал все посторонние мысли и снова двинулся по неровному следу, оставленному Пендергастом. Следы становились все более смазанными: агент ФБР явно с трудом отрывал ноги от пола. Впрочем, нельзя было исключать и того, что Пендергаст просто имитировал тяжелую рану. Но Фэрхейвен чувствовал, что это не так. Никто не может сфальсифицировать потерю крови. И никакой человек не может притвориться, что в него попала пуля. Да не один раз, а дважды.

Не спуская глаз со следов, Хирург прошел через арку и оказался в следующей комнате. При свете фонаря он увидел, что попал в старинную лабораторию: длинные столы были уставлены химической посудой самой разнообразной формы – колбами, ретортами, стеклянными змеевиками и трубками. Все это было покрыто пылью и выглядело очень старым. Во многих пробирках виднелся какой-то спекшийся осадок. Ленг много лет не пользовался лабораторией. На одном столе полки проржавели настолько, что вся химическая посуда упала и теперь валялась мелкими осколками на полу.

Неровные следы Пендергаста вели через лабораторию к двери в дальней стене. Фэрхейвен зашагал быстрее, подняв револьвер и держа палец на спусковом крючке. «Время, – подумал он, подойдя к двери. – Пора с ним кончать».

Глава 11

Войдя в комнату, Фэрхейвен сразу увидел Пендергаста. Агент ФБР стоял на коленях в луже крови, уронив голову. Попыткам спрятаться, скрыться и ввести в заблуждение пришел конец.

Пендергаст был очень похож на раненое и умирающее животное. Фэрхейвен знал, что смерть в таких случаях наступает не сразу. Она приходит как бы в несколько этапов. Вначале животное остается на

ногах. Оно потрясено и слегка дрожит. Затем его передние ноги медленно подгибаются, и зверь становится на колени, оставаясь в этой позе две-три минуты, словно вознося молитву. После этого сгибаются задние ноги, и животное принимает сидячее положение. Просидев таким образом несколько минут, оно валится на бок. Этот медленный балет всегда заканчивается судорогой и резким рывком ног в момент смерти.

Пендергаст находился во второй стадии. Он может протянуть так еще несколько часов – беспомощный, словно ребенок. Но столько времени ему не прожить. Погоня отвлекла Фэрхейвена, но неотложное дело все еще предстояло решить. Смитбек, конечно, к этому времени пришел в полную негодность, но девушка ждала своей очереди.

Хирург подошел к Пендергасту, подняв револьвер. Ему хотелось полнее насладиться своим триумфом. Умный, дьявольски хитрый агент Пендергаст неподвижно валялся у его ног, не способный к сопротивлению. Затем, чтобы удобнее было стрелять, Фэрхейвен отступил на пару шагов и без всякого любопытства поднял фонарь, чтобы осмотреть помещение. Нельзя ничего портить пулей, пока остается хотя бы малый шанс обнаружить здесь нечто полезное.

То, что он увидел, привело его в изумление. Здесь хранилась еще одна нелепая и странная коллекция Ленга. На сей раз это было оружие и доспехи. Мечи, кинжалы, арбалеты, стрелы, аркебузы, копья, палицы сосуществовали бок о бок с современным оружием: револьверами, ружьями, винтовками, полицейскими дубинками, гранатами и реактивными гранатометами. Здесь же находились средневековые латы, железные шлемы, первые пуленепробиваемые жилеты и каски времен Крымской, Испано-Американской и Первой мировой войн. На полу горами лежали боеприпасы. Одним словом, это был подлинный арсенал, представляющий орудия убийства начиная с Римской империи и кончая началом XX века.

Хирург покачал головой, осознав невероятную иронию ситуации. Если бы Пендергаст появился в этой комнате на несколько минут раньше, он мог бы обрести огневую мощь, способную уничтожить батальон. Их противостояние в этом случае приняло бы совсем иной оборот. Но случилось так, что он затратил много времени на осмотр других коллекций и явился в эту комнату слишком поздно. И вот агент ФБР лежит в луже собственной крови, а фонарь валяется у его ног. Фэрхейвен рассмеялся, и смех этот был больше похож на лай. Эхо еще не успел замереть под сводчатым потолком комнаты, а он уже вскинул револьвер.

Посторонний звук словно разбудил Пендергаста. Он поднял на Фэрхейвена взгляд слезящихся глаз и сказал:

– Прошу об одном: сделайте это как можно быстрее.

«Не позволяй ему говорить, – произнес внутренний голос. – Просто убей его».

Фэрхейвен поднял оружие так, что голова Пендергаста оказалась в центре точки прицела. Удар крупнокалиберной и разрывной пули должен просто снести ему голову. Это будет почти так же быстро, как он того просит. Указательный палец Фэрхейвена слегка напрягся на спусковом крючке.

И тут ему в голову пришла блестящая мысль.

Умоляя убить его быстро, Пендергаст хотел гораздо больше того, что заслужил. Этот человек причинил ему кучу неприятностей. Агент ФБР таскался по его следу, уничтожил последний опытный материал, заставил его волноваться в момент триумфа.

Стоя над поверженным врагом, Фэрхейвен чувствовал, как в нем нарастает ненависть. Подобную ненависть он испытывал к Ленгу, на которого так похож Пендергаст. Ранее он так ненавидел только попечителей и профессоров медицинского факультета, оказавшихся не способными понять и оценить его прозрение. Фэрхейвен ненавидел все мелкое и узколобое, что мешало ему достичь подлинного величия.

Итак, Пендергаст хочет быстрой смерти? Нет, с таким арсеналом он этого не получит.

Хирург подошел к Пендергасту и еще раз тщательно обыскал того. Он слегка отдернул руку, наткнувшись на место, где одежда была пропитана теплой липкой влагой. Ничего. Этому человеку не хватило сил, чтобы снять оружие со стены комнаты. Вообще-то Пендергаста можно было и не обыскивать, поскольку неровные следы тянулись от двери до центра помещения, где агента ФБР окончательно оставили силы. Но лишняя осторожность не помешает. Пендергаст – даже в своем жалком состоянии – представлял опасность. Если он попытается заговорить, то его следует тут же пристрелить. Слова в устах этого человека могли стать тонким и опасным оружием.

Фэрхейвен снова огляделся. На сей раз более внимательно. На стенах висело любое оружие, которое только можно было представить. О некоторых экспонатах этой коллекции Хирург читал, другие видел в музеях. Да, процесс выбора орудия смерти может оказаться интересным.

На ум почему-то пришло слово «забава».

Ни на секунду не упуская Пендергаста из поля зрения, Фэрхейвен обвел лучом стены и остановил взгляд на украшенном драгоценными камнями мече. Он снял его со стены, взвесил на руке и внимательно рассмотрел в свете фонаря. Меч, конечно, сгодился бы, не будь он таким тяжелым. Кроме того, клинок проржавел так, что вряд ли подходил

даже для резки масла. Да и рукоятка оказалась какой-то липкой и крайне неприятной на ощупь. Фэрхейвен вернул меч на место и тщательно вытер руки об одежду.

Пендергаст все еще сидел, глядя на него светлыми, затуманенными глазами.

– Может быть, у вас имеются какие-нибудь предпочтения? – осклабился Фэрхейвен.

Ответа не последовало, и Хирург увидел во взгляде врага глубокое отчаяние.

– Вот именно, агент Пендергаст. Слово «быстро» здесь уже неуместно.

У Пендергаста в ответ на эти слова слегка расширились зрачки – видимо, от ужаса. Это доставило Хирургу громадное удовольствие.

Двинувшись вдоль стены, Фэрхейвен взял кинжал с золотой рукояткой. Повертев клинок в руках, он вернул его назад. Рядом с кинжалом находился шлем в форме человеческой головы. На внутренней поверхности шлема имелись острия, их можно было закручивать, словно винты, вгоняя в череп истязуемого. Чересчур примитивно и чрезвычайно неопрятно. На стене неподалеку висела гигантская кожаная воронка. Он слышал об этой пытке. Палач загонял воронку в горло жертвы и лил в нее воду до тех пор, пока жертва не захлебывалась или у нее не лопался желудок. Экзотично, но требует массу времени. Тут же стояло большое колесо, на котором людям ломали кости. Слишком трудоемко. Плетка-девятихвостка с железными крючьями. Фэрхейвен взял плетку, покрутил ее над головой и положил на место. Рукоятка плети была покрыта слоем какой-то отвратительной слизи. Похоже, что весь этот хлам хранился по меньшей мере лет сто.

Но здесь обязательно должно быть нечто такое, что отвечает его целям. И в этот момент его взгляд упал на топор палача.

– Знаете что, – сказал Фэрхейвен, улыбаясь еще шире, – не исключено, что ваше пожелание все-таки сбудется.

Он снял топор с крюков и сделал несколько взмахов. Деревянная рукоятка в длину была не менее пяти футов, и ее украшали несколько рядов потемневших бронзовых гвоздей. Топор был тяжелым, но хорошо сбалансированным и острым, словно бритва. Воздух он рассекал со свистом. У стены стоял второй элемент необходимого палачу оборудования – деревянная колода. В колоде было вырублено углубление, в которое помещалась шея. Этой плахой неоднократно пользовались, о чем говорили многочисленные следы от ударов. Фэрхейвен отложил топор, взялся за плаху и подтащил ее поближе к агенту.

Пендергаст вдруг начал сопротивляться, но отбивался настолько слабо, что и сопротивлением это нельзя было назвать. Тем не менее Фэрхейвен сильно ударил его ногой в бок. Тело агента обмякло, и он повалился на пол. У Хирурга на какой-то момент возникло ощущение дежа-вю. Он вспомнил, как надавил на Ленга чересчур сильно и в результате получил труп. Но на сей раз все обошлось. Пендергаст остался в сознании. Его глаза хотя и затуманились от боли, но были открыты. Он увидит, как на него обрушится топор, поймет, что происходит. Для Хирурга это было важно. Чрезвычайно важно.

Затем ему в голову пришла еще одна мысль. Он припомнил, что когда одну из жен Генриха VIII приговорили к смерти, та послала за французским палачом, славившимся своим искусством отсекать головы с помощью меча. Смерть от меча была быстрее и чище, чем от топора. Королева стояла на коленях, с высоко поднятой головой, не склоняясь на отвратительную плаху. И она хорошо заплатила палачу.

Фэрхейвен взвесил топор на руке. Топор показался ему очень тяжелым – гораздо тяжелее, чем тогда, когда он снимал его со стены. Но Хирург знал, что сможет нанести удар. Любопытно, справится ли он с этой задачей без плахи?

Он оттолкнул ногой стоящую перед Пендергастом плаху. Агент ФБР уже стоял на коленях, словно смирившись со своей участью. Его руки висели вдоль тела, а голова упала на грудь. Он выглядел беспомощным и отрешенным.

– Ваше сопротивление лишило вас возможности умереть быстро, как вы просите, – сказал Фэрхейвен. – Но я уверен, что мне удастся ее отсечь за… не более чем за два-три удара. Как бы то ни было, вам предстоит узнать то, что меня всегда занимало. Как долго сохраняется сознание, когда голова уже катится по эшафоту? Видит ли человек, как вращается вокруг него мир, когда его голова падает в корзину. Когда во дворе Тауэра палач поднимал голову, выкрикивая: «Смотрите, вот голова изменника!» – глаза и губы казненного продолжали двигаться. Интересно, видела ли голова свое обезглавленное тело?

Чтобы лучше приноровиться к топору, Фэрхейвен сделал еще один пробный взмах. Почему топор стал таким тяжелым? Пора кончать. Но он не мог отказать себе в удовольствии использовать этот момент до конца.

– Вы знаете, что голова Шарлотты Корде, которую гильотинировали за убийство Марата, покраснела, когда палач несколько раз ударил ее по щеке? И вы, возможно, слышали о предводителе пиратов, которого схватили и приговорили к смерти? Всех его людей выстроили в шеренгу и сказали ему, что тех, мимо которых он сможет пройти, уже будучи без головы, помилуют. Ему отрубили голову, когда он стоял, и, вы не

поверите, безголовый капитан двинулся мимо своих людей. Он шел шаг за шагом до тех пор, пока палач, опасаясь, что останется без новых жертв, не подставил ему ногу.

Сказав это, Фэрхейвен громко расхохотался. Пендергаст его веселья не разделил.

– Что же, мне, видимо, никогда не удастся узнать, как долго сохраняется сознание. Но вы это узнаете, и очень скоро.

Он поднял топор над правым плечом, как игрок в бейсбол поднимает биту, и тщательно прицелился.

– Передайте привет своему двоюродному прадедушке, – сказал Фэрхейвен и напряг мышцы, чтобы нанести удар.

Глава 12

Нора прижалась щекой к плечу Смитбека, из ее закрытых глаз текли слезы. Отчаяние отняло у нее последние силы. Она сделала все, что могла, но этого оказалось недостаточно.

Но затем, несмотря на плотную завесу горя, девушка услышала, что сигнал электрокардиографа заметно изменился. Он стал ровнее.

Нора подняла голову и взглянула на мониторы. Кровяное давление стабилизировалось, а частота пульса слегка поднялась и достигла шестидесяти ударов в минуту.

В помещении было холодно, девушку била дрожь. В конечном итоге соляной раствор сыграл решающую роль. Благодарю тебя! Благодарю!

Смитбек все еще жил. Но из пещеры на свет он еще не выбрался. Если ей не удастся восполнить потерю жидкости, он впадет в шоковое состояние.

Пластиковый мешок опустел. Нора огляделась по сторонам, увидела холодильник и открыла его. Там оказалось с полдюжины литровых емкостей с тем же раствором. Тонкие трубки были намотаны на пластиковые мешки. Она достала одну емкость, повесила на стойку новую капельницу, соединила с катетером и стала следить за тем, как жидкость быстро течет по прозрачной трубке. Жизненные показатели Смитбека были слабыми, но уже стабильными. Если ей повезет, то она его вытащит.

Нора осмотрела каталку. Она не была закреплена и имела ремни, которыми можно было пристегивать пациента. Если удастся найти выход из подвала, она могла бы поднять Смитбека на один лестничный марш. Во всяком случае, попытаться стоило.

Обыскав все стоящие в комнате шкафы, Нора нашла стопку зеленых хирургических простыней и прикрыла ими Смитбека. В одном из шкафов обнаружился фонарик, девушка сунула его в карман. Посмотрев на мониторы в изголовье операционного стола, она перевела взгляд на темный проем, ведущий вниз, в полную тьму. Именно оттуда донесся звук второго выстрела. Но выход из дома находился не внизу, а где-то наверху. Ей не хотелось оставлять Смитбека даже на миг, но надо было как можно скорее обеспечить ему квалифицированную медицинскую помощь. Это был вопрос жизни и смерти.

Достав из кармана фонарь, она прошла к двери и вышла в каменный коридор.

На то, чтобы изучить подвал, ушло не более пяти минут. Это был лабиринт узких проходов и небольших сырых комнат, облицованных все тем же необработанным камнем. Проходы были низкими и темными, и Нора не раз теряла ориентировку. Она нашла разбившуюся кабину лифта и труп О'Шонесси. Лифт, увы, не работал, а подняться по его колодцу не было ни малейшей возможности. В конце концов девушка наткнулась на массивную металлическую дверь. Дверь определенно закрывала выход наверх. Но она была заперта. Пендергаст смог бы открыть замок, но Пендергаста здесь нет.

В конечном итоге замерзшая и разочарованная Нора вернулась в операционную. Если в подвале и имелся второй выход, то он был тщательно замаскирован. Итак, они оказались в заточении.

Девушка подошла к лежащему без сознания Смитбеку и ласково провела рукой по его волосам. Ее взгляд снова упал на проем в стене, открывающий путь к идущей вниз темной лестнице. Там, в глубине, царили тьма и тишина. Нора только в этот момент сообразила, что тишина продолжается довольно долго. Практически с момента второго выстрела. Что там могло произойти? А что, если Пендергаст…

– Нора?

Зов Смитбека был едва слышен. Она резко обернулась. Журналист лежал с открытыми глазами, а его лицо искажала гримаса боли.

– Билл! – воскликнула девушка, схватив его руку. – Слава Богу…

– Боюсь, что я старею, – пробормотал он.

Вначале ей показалось, что он бредит.

– Что?

– Я получил рану, пришел в себя и увидел, что ты сотворила. То же самое произошло и в Юте. Помнишь? Я думал, что одного раза будет

более чем достаточно. – Он попытался улыбнуться, но вместо улыбки скривился от боли.

– Помолчи, Билл, – сказала она, легонько ударив его по щеке. – С тобой все будет о'кей. Мы тебя отсюда вытащим. Я собираюсь...

Но в этот момент журналист снова впал в бессознательное состояние.

Нора посмотрела на мониторы и почувствовала громадное облегчение. Все показатели стали лучше, пусть даже и незначительно. Капельница продолжала питать тело спасительной жидкостью.

А затем до нее долетел чей-то крик.

Он раздался где-то в глубине. Там, куда вела темная лестница. Такого страшного – леденящего кровь – звука ей раньше слышать не приходилось. Он начинался на высокой, разрывающей барабанные перепонки ноте. Этот ужасный нечеловеческий визг продолжался примерно минуту, затем голос начал дрожать, прерываться и в конце концов перешел в рыдающее рычание. После этого до ее ушей издали долетел звук удара металла о камень.

Затем снова наступила мертвая тишина.

Нора смотрела на проем в стене, ее мозг бешено работал. Что там произошло? Неужели Пендергаст погиб? А может быть, умер его противник? Не исключено, что мертвы они оба.

Если Пендергаст ранен, то она обязана ему помочь. Он сможет открыть замок в железной двери или найти какой-то иной путь, чтобы вызволить Смитбека из этой адской дыры. С другой стороны, если Хирург жив, а Пендергаст умер, то рано или поздно ей придется встретиться с убийцей. Так пусть это произойдет раньше и на ее условиях. Будь она проклята, если будет, словно утка, ждать возвращения Хирурга, чтобы тот снова посадил ее на цепь и закончил работу на Смитбеке!

Нора взяла со столика самый большой хирургический скальпель. Затем, держа в одной руке фонарь, а в другой скальпель, она подошла к ведущей в подземелье двери.

Узкая, развернувшаяся вдоль вертикальной оси панель ничем не отличалась от камня стен. За дверью находился заполненный темнотой колодец. Направив узкий луч фонаря вниз, Нора начала медленно и бесшумно спускаться по каменным ступеням винтовой лестницы.

У последнего поворота она выключила фонарь и стала ждать, спрашивая себя, что же делать дальше. Сердце колотилось так, словно хотело выскочить из груди. Свет фонаря, если его включить, сразу выдаст ее присутствие и сделает легкой мишенью для Хирурга. Но без света она

просто не могла следовать дальше. Видимо, нужно пойти на риск. Нора включила фонарь, вышла из лестничного колодца и едва не ахнула от удивления.

Она оказалась в длинной узкой комнате, уставленной от пола до потолка разнообразными бутылками. Луч мощного фонаря, танцуя по бесконечным рядам стекла, усеивал стены комнаты мириадами разноцветных ярких пятен. Норе казалось, что она находится в центре какого-то гигантского витража.

Очередная коллекция. Что все это означает?

Но времени, чтобы удивляться, у нее не было. Два ряда следов на полу вели куда-то в темноту. На пыльном полу виднелись пятна крови.

Как можно быстрее она прошла через арку в другую комнату, заполненную, так же как и первая, стеклянными сосудами. Дорожки следов вели дальше. В дальнем конце помещения находилась очередная арка, закрытая занавесом.

Нора выключила фонарь и двинулась к арке. Не входя в нее, девушка остановилась и прислушалась. Тишина. Соблюдая величайшую осторожность, она отвела в сторону занавес, вгляделась в темноту и, естественно, ничего не увидела. Помещение казалось пустым, но убедиться в этом возможности у нее не было. Видимо, придется снова идти на риск. Нора глубоко вздохнула и включила фонарь.

Луч света выхватил из темноты большую комнату, сплошь уставленную выставочными шкафами. Девушка двинулась по направлению к арке в конце комнаты, сворачивая по пути то к одному, то к другому шкафу. За аркой находилась анфилада небольших сводчатых комнат. Она нырнула в ближайшую и снова прислушалась. Но в помещении царила тишина, и ничто не говорило, что ее присутствие обнаружено. Она двинулась вперед и попала в комнату, где все шкафы были заполнены лягушками, ящерицами, змеями, тараканами и пауками самых разных размеров, форм и расцветок. Неужели Кабинет диковин Ленга не имеет конца?

У следующей ведущей в темноту арки она снова пригнулась, выключила фонарь и попыталась уловить хоть какие-нибудь звуки в находящемся за аркой помещении.

И наконец она что-то услышала.

Звук был крайне слабым и вдобавок искаженным эхом от каменных стен. Это был глухой, прерывистый стон, постоянно меняющий свою тональность в каком-то дьявольском ритме. Кровь заледенела в жилах, а мышцы напряглись в непроизвольном порыве бежать отсюда как можно дальше. Но нечеловеческим усилием воли Нора заставила себя остаться

на месте. Что бы ни находилось там, в темноте, ей рано или поздно предстояло с этим встретиться. Кроме того, она нужна Пендергасту.

Призвав на помощь всю свою отвагу, Нора включила свет и бросилась вперед. Она промчалась через еще одну уставленную застекленными шкафами комнату, быстро миновала помещение, показавшееся ей складом одежды, и оказалась в старинной лаборатории, где было полным-полно змеевиков, химической посуды и покрытых толстым слоем пыли приборов и машин с ржавыми тумблерами и запыленным стеклом индикаторов. До ее слуха долетел какой-то звук, и девушка замерла меж лабораторных столов.

За первым звуком последовал второй. Его источник находился где-то совсем близко от нее. Это был звук шагов. Кто-то шел, или, вернее, брел, волоча ноги, по направлению к ней.

Нора инстинктивно нырнула за ближайший стол и выключила фонарь.

Раздался еще один звук. Он был абсолютно чуждым уху, но в то же время, бесспорно, принадлежал человеку. Начался он как глухое, похожее на стук зубов и прерываемое судорожными вздохами пощелкивание, а затем перешел в едва слышное причитание. Странный звук неожиданно прекратился, и остался лишь шорох приближающихся неуверенных шагов.

Она застыла за столом, окаменев от ужаса. Звук шагов становился все ближе и ближе. И вдруг тьму разорвал ужасный вопль. За воплем последовал захлебывающийся кашель и звук отхаркивания. Эхо крика медленно замирало, многократно отражаясь от каменных стен.

Нора старалась унять бешено бьющееся сердце. Несмотря на издаваемый незнакомый звук, приближающееся к ней существо, бесспорно, было человеком. Во всяком случае, должно быть таковым, внушала она себе. А это означало, что к ней приближается либо Пендергаст, либо Хирург. Нора чувствовала, что это Хирург. Неужели его ранил Пендергаст? А может быть, убийцу просто покинул разум?

У нее было одно преимущество – Хирург не знал, что она здесь. На него можно напасть из засады и убить скальпелем. Если ей хватит на это мужества...

Девушка скорчилась за столом, держа в одной дрожащей руке фонарь, а в другой скальпель. Шорох волочащихся по полу ног прекратился. Целую минуту, которая показалась ей вечностью, в помещении царила полная тишина. Затем шаги возобновились. Шаркающие. Неровные. Теперь он был в одной с ней комнате.

Шаги то и дело прерывались довольно длительными паузами. Прошла еще одна минута полной тишины, за которой последовало пять-шесть

неуверенных шагов. Теперь она могла слышать и дыхание. Это были судорожные, свистящие вздохи. Казалось, что воздух проходил через какое-то узкое влажное отверстие.

Вдруг раздался сильный удар, за которым последовал звон разбитого стекла. Таинственное существо наткнулось на большой прибор, и тот упал со стола на пол. Эхо удара многократно отразилось от каменных стен.

«Держись, – сказала себе Нора. – Держись. Если это Хирург, то Пендергаст ранил его очень тяжело. В таком случае где же сам Пендергаст? Почему он не преследует убийцу?»

Теперь от источника звука ее отделяло не более двадцати футов. Она слышала какое-то царапанье, бормотание, тяжелое дыхание и позвякивание осколков стекла на полу. Хирург пытался подняться на ноги. Затем послышался шаркающий звук. За ним второй. Он возобновил движение, хотя и страшно медленно. И это дыхание… Хриплое, с влажным бульканьем. Казалось, что воздух проходит через заполненную водой дыхательную трубку. Нора не помнила, чтобы какой-нибудь звук когда-либо действовал на ее нервы так, как это бульканье.

Десять футов. Нора крепче сжала скальпель, ощущая, как по ее жилам разливается адреналин. Сейчас она врубит свет и нападет на него. Неожиданная атака обеспечит ей решающее преимущество, особенно в том случае, если он тяжело ранен.

Нора услышала громкий булькающий вдох, тихое шарканье, еще один хриплый вдох и звук очередного судорожного шага. Девушка вся напряглась, готовясь ослепить врага ярким светом и нанести смертельный удар.

Еще один шаг, шорох подтягиваемой ноги, бульканье вдоха…

Пора. Нора включила фонарь, но вместо того, чтобы ринуться на врага со скальпелем, она замерла с поднятой рукой.

И затем она закричала.

Глава 13

Кастер стоял на верхней ступени широкой лестницы и с неописуемым удовольствием смотрел на море голов. Слева от него находился только что прибывший со сворой своих помощников мэр, а справа – комиссар полиции. За спиной капитана топтались два ведущих детектива и его человек Нойс. Сборище было поистине внушительным. Зрителей собралось так много, что пришлось перекрыть движение по Сентрал-Парк-Вест. Над толпой висели вертолеты прессы, а лучи

прожекторов заливали головы людей ярким светом. Арест Хирурга – в жизни Роджера К. Брисбейна-третьего, генерального советника и заместителя директора музея – вызвал громадный общественный резонанс. Терроризировавший город убийца-имитатор оказался вовсе не бездомным психом, обитающим в Центральном парке на листе картона. Хирургом был один из столпов нью-йоркского светского общества, сердечно улыбавшийся своим многочисленным друзьям на презентациях и филантропических балах. Это был человек, чья фигура в безукоризненно сшитом костюме часто появлялась на страницах «Авеню» и «Ярмарки тщеславия». И теперь он стоял со скованными руками как один из самых отвратительных серийных убийц в истории Нью-Йорка. Какая гримаса судьбы! И он, капитан Кастер, собственноручно его поймал.

Мэр о чем-то вполголоса беседовал с директором музея Коллопи, которого наконец выудили из его собственной квартиры в Вест-Энде. Директор больше всего смахивал на зануду-проповедника, а костюм, который он носил, можно было увидеть лишь в одном из ранних фильмов ужасов с участием Бела Лугози. Полиция, подозревая, что в доме происходит что-то неладное, взломала дверь. Копы видели тени в окнах, но на стук никто не отвечал. Говорили, что полицейские обнаружили его привязанным к постели. Директор был облачен в розовое кружевное белье, а рядом с плетками в руках стояли его супруга и еще одна женщина. Обе дамы были затянуты в черную кожу. Кастер смотрел на почтенного джентльмена и отказывался верить этим грязным слухам. Да, мрачное одеяние директора, конечно, выглядело чуточку необычным. Но поверить в то, что это олицетворение порядочности облачается иногда в розовое дамское бельишко, было положительно невозможно.

Кастер заметил, что взгляд мэра Монтифиори обращен на него. Итак, они говорили о нем. Капитану их внимание было очень приятно, но он старался этого не показать, удерживая на лице маску служаки, готового немедленно выполнить любой приказ.

Комиссар Рокер, покинув общество мэра и Коллопи, подошел к капитану. Кастер очень удивился, увидев, что у комиссара не очень счастливый вид.

– Капитан.

– Слушаю, сэр.

Комиссар некоторое время молчал, не зная, как начать. На его лице теперь можно было увидеть тревогу.

– Вы уверены?

– В чем, сэр?

– В том, что это Брисбейн?

Кастер на какой-то миг ощутил некоторую неуверенность, но тут же отмел это чувство как проявление слабости. Все улики были неоспоримы.

– Да, сэр.

– Он признал свою вину?

– Нет, сэр, прямо не признал, но сделал массу заявлений, которые указывают на его виновность. Думаю, что во время формального допроса он во всем признается. Они всегда так поступают. Я имею в виду серийных убийц. Кроме того, мы обнаружили веские улики вины Брисбейна в его кабинете...

– Вы не ошиблись? Мистер Брисбейн – весьма заметная личность.

– Ошибки быть не может, сэр.

Рокер некоторое время внимательно смотрел в глаза неловко переминавшегося с ноги на ногу капитана. Ведь Кастер ждал поздравлений, а не допроса с пристрастием.

Комиссар склонился к Кастеру и, понизив голос до шепота, произнес, как показалось капитану, с угрозой:

– Кастер, молите Бога о том, чтобы вы оказались правы.

– Я прав, сэр.

Комиссар кивнул, и на его лице появилось выражение некоторого облегчения, смешанного с тревогой.

Кастер отступил назад, почтительно освобождая место мэру, помощникам мэра, Коллопи и комиссару. Толпа пребывала в напряженном ожидании, и казалось, что вся атмосфера перед музеем насыщена электричеством.

Мэр поднял руку, над толпой повисла тишина. Он даже не дал возможности своим помощникам представить себя, решив все взять в свои руки. Накануне выборов он не мог позволить себе поделиться хотя бы частицей славы.

– Леди и джентльмены, представители прессы, – начал мэр. – Мы произвели арест по делу серийного убийцы, получившего прозвище Хирург. Подозреваемым является Роджер Брисбейн, первый заместитель директора и генеральный советник Американского музея естественной истории.

Толпа разразилась коллективным вздохом. Хотя все присутствующие уже знали о Брисбейне, заявление мэра делало это известие официальным.

– Я хочу подчеркнуть, что в данный момент мистер Брисбейн считается невиновным, хотя улики против него являются весьма весомыми.

По толпе прокатился легкий шорох.

– Это дело занимало первое место в списке моих приоритетов как мэра. На расследование были брошены все имеющиеся в нашем распоряжении силы и ресурсы. В этой связи я прежде всего хочу выразить благодарность всем прекрасным офицерам департамента полиции Нью-Йорка, комиссару Рокеру и тем мужчинам и женщинам, которые трудятся в отделе расследования убийств. Но среди всех я хотел бы выделить капитана Шервуда Кастера. Насколько мне известно, капитан Кастер не только возглавлял расследование, но лично решил загадку. Я, так же как и многие из вас, потрясен тем неожиданным и трагическим оборотом, который приняло это дело. Многие из нас знакомы с мистером Брисбейном. Тем не менее комиссар заверил меня в не допускающих иного толкования терминах, что он именно тот человек, которого мы разыскивали. Я целиком полагаюсь на эти заверения.

Выдержав короткую паузу, мэр произнес:

– Мистер Коллопи хочет сказать несколько слов.

Услышав это объявление, Кастер напрягся. Директор наверняка встанет на защиту своего главного помощника, своей правой руки. Он поставит под сомнение деятельность полиции, метод расследования и бросит тень на него, Кастера.

Коллопи подошел к микрофону, прямой как палка, с руками, заложенными за спину. Говорил он спокойно и очень сдержанно.

– Во-первых, я хочу сказать, что разделяю благодарность мэра тем замечательным людям – мужчинам и женщинам, – которые трудятся в департаменте полиции, и комиссару Рокеру за их беззаветные усилия в расследовании трагического дела. Это весьма печальный день как для нашего музея, так и для меня лично. Я хочу принести мои самые искренние и глубокие извинения городу Нью-Йорку и тем семьям, члены которых стали жертвами гнусных действий пользовавшегося нашим полным доверием служащего музея.

Кастер слушал директора со все возрастающим облегчением. Босс Брисбейна практически бросал своего помощника на съедение волкам. Что ж, тем лучше. Капитан на миг ощутил нечто похожее на

недовольство действиями Рокера. Как можно сомневаться в виновности Брисбейна, если в этом не сомневается сам босс преступника?

Коллопи отошел в сторону, а микрофоном снова завладел мэр.

– Теперь я готов ответить на ваши вопросы, – сказал он.

Толпа взорвалась ревом, в воздух взлетели сотни рук. Пресс-секретарь мэра выступила вперед, чтобы регулировать поток вопросов.

Кастер посмотрел на толпу журналистов, и перед его мысленным взором возник Смитбек. Капитана весьма радовало то, что он не увидел рожи этого мерзавца среди собравшихся.

Мэри Хилл ткнула в кого-то пальцем, и Кастер услыхал вопрос:

– Каковы его мотивы? Неужели он действительно хотел продлить себе жизнь?

– Я не могу позволить себе пускаться в рассуждения о мотивах преступника, – покачал головой мэр.

– У меня вопрос к капитану Кастеру! – выкрикнул кто-то. – Как вы узнали, что это Брисбейн? Вы поймали его с поличным?

Кастер выступил вперед, придав своему лицу выражение спокойной уверенности.

– Котелок, зонт и черный костюм, – произнес он со значением и, выдержав паузу, продолжил: – Так называемый Хирург, выходя на охоту, носил именно такой наряд. Я лично обнаружил эти предметы в кабинете мистера Брисбейна.

– Вам удалось обнаружить орудие убийства?

– Мы продолжаем обыскивать офис, а также направили группы для проведения обыска в городской квартире мистера Брисбейна и в его летнем доме на Лонг-Айленд, – добавил он важно. – В поисках участвует собака, натасканная на поиск трупов.

– Какую роль в расследовании сыграло ФБР? – спросил какой-то репортер телевидения.

– Никакую, – поспешно ответил комиссар. – Никакой роли не было. Вся работа была проведена городскими силами правопорядка. На ранних этапах расследования к нему на личной основе проявлял интерес один из агентов Бюро, но его версии не нашли подтверждения, и, насколько мне известно, от дальнейшего расследования он отошел.

– Еще один вопрос к капитану Кастеру. Как вы чувствуете себя, сэр, раскрыв самое крупное дело после дела «Сына Сэма»?

Это был небезызвестный ему Брайс Гарриман. Кастер мечтал о том, чтобы кто-нибудь задал ему именно этот вопрос. Этот парень снова пришел ему на выручку.

– Я всего лишь выполнял свой долг полицейского офицера, – ответил капитан, стараясь говорить как можно более равнодушно. – Не больше и не меньше.

С этими словами он с каменным лицом отошел от микрофона под мириады вспышек фотокамер.

Глава 14

Монстр, возникший в луче фонаря Норы, был настолько неожиданным и таким ужасным, что девушка инстинктивно отпрыгнула назад, выронила скальпель и побежала. Ей хотелось оказаться как можно дальше от этой страшной фигуры.

Но, добежав до двери, Нора остановилась. Человек – она решила, что это все-таки человек – ее не преследовал. Он брел словно зомби, не замечая ее присутствия. Дрожащей рукой девушка направила на него луч фонаря.

Одежда висела на чудовище клочьями, все тело было в царапинах и кровоточило. Создавалось впечатление, что оно было просто сильно расчесано. Кожа с черепа была содрана и свешивалась на лицо какими-то обрывками. Комья окровавленных волос были зажаты в скрюченных пальцах правой руки – руки, кожа которой была похожа на пересохший пергамент и завивалась стружками. Губы человека распухли настолько, что стали походить на багровые бананы, усеянные белыми струпьями. Из этих гротескных губ высовывался язык, потрескавшийся и почерневший. Из глубины горла существа доносилось бульканье, при каждой попытке вдохнуть или выдохнуть чудовищный язык начинал трястись. Через дыры в рубашке Нора увидела на груди и животе человека зловещие фурункулы, сочащиеся гнойной жидкостью. Под мышками несчастного виднелась россыпь фистул, похожих на мелкие красные ягоды, некоторые из которых распухали прямо на глазах. Одна из них лопнула, а остальные продолжали расти.

Но больше всего Нору ужасали его глаза. Один из них, набухший кровью, вдвое превосходил нормальные размеры и шаром выпирал из глазницы. Глаз беспорядочно вращался, но ничего не видел. Второй глаз, напротив, был темным, сморщенным и неподвижным. В глазнице он сидел глубоко и был едва заметен под бровью.

Нора всем телом содрогнулась от ужаса и отвращения. Перед ней, видимо, была одна из несчастных жертв Хирурга. Но что случилось с этим человеком? Через какие ужасные муки ему пришлось пройти?

Когда она, окаменев от ужаса, смотрела на несчастного, тот остановился и, кажется, впервые заметил ее присутствие. Человек вздернул голову и обратил на нее выпуклый глаз. Девушка напряглась, готовая обратиться в бегство. Но в этом не было необходимости. Существо затряслось всем телом с головы до пят, его голова упала на грудь, и оно возобновило свое движение в никуда.

Нора отвела луч фонаря. Но это было еще не все. Норе показалось, что она узнала этого человека, и ее затошнило. Девушка узнала его в тот момент, когда вспухший глаз на миг задержался на ней. Она уже видела этого человека. Хотя его лицо было обезображено, Нора вспомнила, что видела его другим – уверенным и сильным. Этот человек выходил из лимузина рядом с раскопом на Кэтрин-стрит.

Она испытала такой шок, что почти не могла дышать. Что с ним сделал Хирург? Может ли она ему чем-то помочь?

Но, едва успев подумать об этом, Нора поняла, что помочь этому человеку уже невозможно.

Несчастный повернул назад и бесцельно побрел в ту сторону, откуда приплелся – в комнату, находившуюся за лабораторией.

Девушка посветила ему вслед и вдруг вдали, на границе света и тьмы, она увидела Пендергаста.

Специальный агент лежал на боку в луже крови и казался мертвым. Неподалеку от него валялся огромный ржавый топор и стояла плаха.

Подавив готовый вырваться крик, Нора пробежала под аркой и опустилась на колени рядом с Пендергастом. К ее изумлению, агент ФБР открыл глаза.

– Что случилось? – крикнула она. – С вами все в порядке?

– Никогда не чувствовал себя лучше, доктор Келли, – слабо улыбнулся Пендергаст.

Она осветила лужу крови под ним и темно-красные пятна на рубашке.

– Вы же ранены!

Пендергаст обратил на нее взгляд своих светлых и сейчас слегка затуманенных глаз.

– Да. И боюсь, что мне потребуется ваша помощь.

– Но что случилось? Где Хирург?

Взгляд Пендергаста слегка прояснился, и он спросил:

– Разве вы его не видели? Ведь он только что здесь проходил.

– Что? Человек, покрытый струпьями? Фэрхейвен? Выходит, он и был убийцей?

Пендергаст в ответ кивнул.

– Боже! Что с ним случилось?

– Отравлен.

– Каким образом?

– Он кое-что брал в руки. Из тех предметов, что находятся в этой комнате. Все, что вы здесь видите, является частью экспериментальной системы доставки ядов. Прикасаясь к оружию, он получил через кожу изрядную дозу нейротоксических веществ и других быстродействующих ядов.

Он схватил ее ладонь своей залитой кровью, липкой рукой и спросил:

– Как Смитбек?

– Жив.

– Слава Богу.

– Хирург уже начал его оперировать.

– Знаю. Состояние стабильное?

– Да. Но не ясно, как долго оно продержится. Его надо – так же как и вас – немедленно отправить в больницу.

Пендергаст кивнул и добавил:

– Я знаю доктора, который может все это устроить.

– Но как мы отсюда выберемся?

Револьвер Пендергаста лежал на полу неподалеку от них, и агент ФБР потянулся к оружию, скривившись от боли.

– Помогите мне, пожалуйста. Нам надо добраться до операционной, чтобы посмотреть, как там Смитбек, и попробовать остановить мое кровотечение.

Нора помогла агенту подняться на ноги. Пендергаст слегка пошатнулся и оперся на руку девушки.

– Осветите нашего друга, пожалуйста, – сказал он.

Монстр, некогда бывший Фэрхейвеном, бесцельно брел вдоль одной из стен комнаты. Он наткнулся на большой деревянный шкаф, остановился, попятился и снова двинулся вперед, словно не мог обойти препятствие. Пендергаст несколько мгновений следил за бесцельными маневрами Фэрхейвена, затем отвернулся и пробормотал:

– Опасности этот человек больше не представляет. Теперь возвращаемся в операционную. И как можно быстрее.

Они двинулись через анфиладу комнат. Пендергаст время от времени останавливался, чтобы передохнуть. Медленно, с большим трудом, постоянно кривясь от боли, он с помощью Норы поднялся по лестнице.

Смитбек лежал на хирургическом столе. Журналист по-прежнему был без сознания. Нора быстро обежала взглядом экраны мониторов. Все жизненные показатели были очень слабыми, но стабильными. Литровый пакет с раствором почти опустел, и она сменила его на третий – полный. Пендергаст, склонившись над журналистом, отвернул зеленые простыни и осмотрел рану. Через несколько мгновений он отошел от стола и сказал просто:

– Будет жить.

Нора ощутила огромное облегчение.

– А теперь я попрошу вас немного мне помочь. Первым делом помогите мне освободиться от пиджака и рубашки.

Нора сняла пиджак, обвязанный вокруг талии агента, и помогла ему стащить рубашку. В животе Пендергаста была неровная рана, покрытая коркой запекшейся крови. Из разбитого локтя продолжали сочиться красные капли.

– Подкатите тележку с хирургическими инструментами сюда, – указал здоровой рукой Пендергаст.

Нора выполнила просьбу. Девушка не могла не заметить, каким мускулистым было тело Пендергаста, несмотря на его видимую худобу.

– Возьмите эти зажимы, если это вас не затруднит, – сказал он, сдирая кровавую корку с раны и промывая ее бетадином.

– Может быть, вы возьмете что-нибудь обезболивающее? Я знаю, что здесь есть…

– У нас нет времени, – сказал Пендергаст. Он стряхнул кровавый комок на пол и направил свет хирургической лампы на рану. – Мне надо перевязать кровоточащие сосуды до того, как я окончательно ослабею.

Нора внимательно следила за тем, как он осматривает рану.

– Опустите, пожалуйста, лампу чуть ниже. Вот так. Отлично. Теперь, если вы дадите мне этот зажим...

Несмотря на всю свою выдержку, Нора, наблюдая за тем, как Пендергаст копается в своей ране, ощутила приступ тошноты. Через несколько секунд агент ФБР отложил зажим, взял скальпель и сделал короткий разрез перпендикулярно к ране.

– Неужели вы собираетесь сами себя оперировать?

– Всего лишь быстрая и не очень стерильная попытка остановить кровотечение, – покачал головой Пендергаст. – Но мне обязательно надо добраться до вены.

Он сделал еще один надрез, после чего сунул в рану похожий на щипцы инструмент.

Нора скривилась, словно от боли, и попыталась направить мысли на что-то постороннее.

– Как мы отсюда выберемся? – спросила она.

– Через подземные тоннели. Изучая этот район, я узнал, что на этом участке Риверсайда когда-то обитал речной пират. Судя по обилию подземных помещений под нами, я почти уверен, что его резиденция находилась именно здесь. Вы обратили внимание, какой прекрасный вид открывается отсюда на Гудзон?

– Нет, – ответила Нора, судорожно сглотнув слюну, – боюсь, что не обратила внимания.

– Это вполне понятно, учитывая, что Северная станция контроля загрязнения воды существенно портит ландшафт, – сказал Пендергаст и при помощи щипцов вытянул из раны толстую вену. – Но сто пятьдесят лет назад из этого дома открывался совершенно потрясающий вид на Нижний Гудзон. В начале девятнадцатого века речные пираты были явлением достаточно обычным. Под покровом ночи они грабили стоящие на якоре суда или захватывали пассажиров с целью получения выкупа. – Пендергаст замолчал, изучил кончик вены и затем продолжил: – Ленг, видимо, это знал. Для него было чрезвычайно важно, чтобы в доме имелся большой подвал. Передайте-ка мне этот шовный материал. Нет, не этот. Тот, который чуть толще. Номер четыре. Благодарю вас.

Увидев, как Пендергаст перевязывает вену, Нора содрогнулась.

– Отлично, – сказал он через секунду, разжимая щипцы и откладывая в сторону лигатуру. – В основном кровоточила эта вена. С селезенкой, которая определенно пробита, я ничего поделать не могу. Поэтому мне

остается лишь прижечь мелкие кровоточащие точки и закрыть рану. Не могли бы вы передать мне электрокоагулятор?

Нора вручила ему прибор – тонкий синий, похожий на карандаш стержень. С электропроводом на конце. На корпусе аппарата было две кнопки. Около одной из них была надпись «разрез», а у второй – «коагуляция». Пендергаст снова склонился над раной. Затем раздалось потрескивание. Агент ФБР прижег вену. Потрескивание повторилось. На сей раз оно было более продолжительным и сопровождалось тонким витком дыма. Нора отвела взгляд в сторону.

– Скажите, а в чем состоял основной план Ленга? – спросила она.

Пендергаст ответил не сразу.

– Энох Ленг, – сказал он наконец, не отрывая глаз от раны, – хотел исцелить человечество. Доктор желал его спасти.

На миг Норе показалось, что она ослышалась.

– Спасти человечество? Но он же убивал людей. От его рук погибли десятки человек.

– Верно, – согласился Пендергаст.

Нора снова услышала потрескивание электрического разряда.

– Спасти каким образом? – спросила она.

– Уничтожив его.

Девушка недоуменно уставилась на Пендергаста.

– Да, именно в этом состоял великий проект Ленга. Он хотел очистить землю от людей; спасти человечество от самого себя ввиду его полной бесполезности. Доктор Ленг искал абсолютный яд – отсюда этот бесконечный ряд комнат, заполненных химикатами, растениями, ядовитыми насекомыми и рептилиями. У меня и до этого была масса косвенных, указывающих на это признаков. В качестве примера можно вспомнить о ядовитом материале, обнаруженном на фрагментах стекла, найденных вами в старой лаборатории Ленга. Или надпись на древнегреческом языке по окружности герба. Вы обратили на нее внимание?

Нора тупо кивнула в ответ.

– Это последние слова Сократа, перед тем как принять яд. В переводе это означает: «Крито, я должен Асклепию петуха, не забудь вернуть ему мой долг». Да, я должен был все понять значительно раньше. – Он прижег очередную точку и продолжил: – Но к полному пониманию я

пришел, лишь увидев комнату с оружием. Только после этого мне удалось все связать воедино. Только тогда я осознал грандиозность его замысла. Поскольку одного абсолютного яда для реализации плана было недостаточно, Ленг работал и над созданием системы доставки. Он искал способ распространить яд по всему земному шару. После этого все самые нелепые и необъяснимые коллекции Ленга – одежды, оружия, перелетных птиц, переносимых ветром спор и все другое в том же роде – обрели для меня смысл. Эти предметы были отравлены им самим. Он экспериментировал с разными видами ядов.

– Боже, – вздохнула Нора, – какой безумный план!

– И в то же время весьма амбициозный. Ленг понял, что на его реализацию одной человеческой жизни недостаточно. Поэтому он разработал метод продления жизни.

Пендергаст отложил коагулятор в сторону и продолжил:

– Я не вижу здесь никаких материалов, позволяющих закрыть рану. Видимо, Фэрхейвен ни в чем подобном не нуждался. Если вы передадите мне вон ту марлю и медицинскую ленту, я заклею рану до лучших времен. Или, вернее, до того момента, когда ею займутся специалисты. Мне снова требуется ваша помощь.

– Удалось ли Ленгу создать абсолютный яд? – спросила она.

– Нет. Судя по состоянию лаборатории, он прекратил работу примерно в тысяча девятьсот пятидесятом году.

– Но почему?

– Этого я не знаю, – сказал Пендергаст, накладывая марлю на выходное отверстие раны. Нора обратила внимание на то, что на лице агента промелькнуло уже знакомое ей тревожное выражение. – Это очень любопытно и остается для меня большой загадкой.

Закончив перевязку, Пендергаст выпрямился. Нора, следуя его инструкциям, сделала из разорванной хирургической простыни перевязь для раненой руки и затем помогла ему натянуть рубашку.

Пендергаст подошел к лежащему без сознания Смитбеку, внимательно оглядел его и мониторы. После этого он пощупал пульс журналиста и осмотрел наложенную Норой повязку. Затем агент ФБР порылся в шкафу, извлек оттуда наполненный какой-то жидкостью шприц и воткнул иглу в подающую раствор трубку.

– Это его поддержит до тех пор, пока вы, выбравшись отсюда, не известите моего врача, – сказал Пендергаст.

– Я? – изумилась Нора.

– Моя дорогая доктор Келли, кто-то обязательно должен остаться со Смитбеком. Мы с вами переместить его не сможем. Кроме того, боюсь, что с дырой в животе и разбитым локтем двигаться куда-нибудь я просто не в состоянии. Не говоря уж о том, чтобы грести.

– Не понимаю.

– Скоро поймете. А пока, пожалуйста, помогите мне снова спуститься вниз.

Бросив взгляд на Смитбека, Нора помогла Пендергасту спуститься по ступеням и пройти мимо бесконечных коллекций. Теперь, когда она знала их назначение, эти «экспонаты» казались ей еще более ужасными.

Проходя через лабораторию, Нора замедлила шаг. В помещении, где хранилось оружие, она провела лучом фонаря по стенам и увидела Фэрхейвена. Бывший строительный магнат неподвижно сидел на полу в углу комнаты. Пендергаст бросил на него взгляд и, пройдя к тяжелой двери в дальней стене каменного склепа, с трудом открыл ее. За дверью обнаружилась еще одна примитивная, вырубленная в камне лестница. Создавалось впечатление, что они оказались в природной пещере.

– Куда ведет лестница? – спросила Нора.

– Если не ошибаюсь, то к реке.

Когда они спускались по ступеням, их охватил сильный запах влажной гнили. Вскоре свет фонаря выхватил из тьмы небольшой каменный причал, о который лениво плескались волны. На причале вверх днищем лежал деревянный ялик.

– Логово речного пирата, – сказал Пендергаст. – Этим путем он тайно выходил на Гудзон, чтобы грабить суда. Если ялик еще способен держаться на воде, вы сможете выйти на реку.

Нора осветила шлюпку.

– Вы умеете грести? – поинтересовался Пендергаст.

– В этом деле я, можно сказать, эксперт.

– Великолепно. Как мне кажется, в нескольких кварталах к югу отсюда находится заброшенная стоянка для маломерных судов. Высаживайтесь там и как можно скорее бегите к телефону. Вот листок. Это номер моего шофера Проктора. Расскажите ему, что случилось. Он тут же подъедет к вам, а затем устроит все, что требуется. Включая врача для Смитбека и для меня.

Нора перевернула ялик и спустила его на воду. Посудина была старой и протекала, но на воде держалась прилично.

– Вы позаботитесь о Билле в мое отсутствие? – спросила она.

Пендергаст утвердительно кивнул.

Нора осторожно перешла в ялик.

– Доктор Келли, – негромко произнес Пендергаст, подходя к краю причала. – Я должен сказать еще кое-что.

Девушка подняла на него вопросительный взгляд.

– Власти не должны узнать о том, что находится в этом доме. Я убежден, что где-то в этих стенах хранится формула, позволяющая продлевать жизнь. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – немного помолчав, ответила девушка. Значение этих слов дошло до нее не сразу. Идея продления жизни всегда казалась ей фантастичной. Невероятно.

– Кроме того, должен признаться, что у меня есть и личные мотивы для того, чтобы сохранить тайну. Я не хочу лишний раз бросать тень на имя Пендергастов.

– Ленг был вашим предком?

– Да. Он мой двоюродный прадед.

Это было какое-то старомодное проявление семейной чести. Но она уже давно поняла, что Пендергаст принадлежит совсем другому времени. Нора кивнула и вставила весла в уключины.

– Мой врач переправит Смитбека в частную больницу в северной части штата. Там нам не станут задавать неудобных вопросов. Меня, естественно, прооперируют там же. Думаю, что о нашем маленьком приключении властям знать совсем не обязательно.

– Понимаю, – повторила Нора.

– Людям захочется узнать, что случилось с Фэрхейвеном. Но я сомневаюсь, что полиция сможет увидеть в нем Хирурга или связать магната каким-то образом с домом номер восемьсот девяносто один по Риверсайд-драйв.

– Выходит, убийства, совершенные Хирургом, так и останутся нераскрытыми?

– Да. Но согласитесь, что именно нераскрытые убийства больше всего волнуют воображение публики.

Нора оттолкнулась от причала и посмотрела на Пендергаста.

– Еще один вопрос. Как вам удалось освободиться от оков? Это было похоже на чудо.

В полумраке Нора увидела, как уголки губ Пендергаста приподнялись в едва заметной улыбке.

– Если фокус назвать чудом, доктор Келли, то это и было чудо.

– Не понимаю.

– Магия и семейство Пендергастов – почти что синонимы. Десять поколений моих предков были фокусниками. Мы все в этих делах эксперты. Антуан Ленг Пендергаст не был исключением. Более того, в нашей семье он считался самым талантливым иллюзионистом. Не сомневаюсь, что вы заметили в столовой кое-какие сценические аппараты. В этом доме полно потайных дверей, секретных коридоров и ложных стен. Не зная того, Фэрхейвен заковывал свои жертвы в цепи, служившие для демонстрации фокусов. Я сразу узнал наручники Гуто и кандалы из так называемой тюрьмы Бина. В них есть звено, которое фокусник может без труда разомкнуть при помощи пальцев или зубов. Для посвященного в секрет человека эти оковы не прочнее бумажной ленты.

Сказав это, Пендергаст негромко, почти про себя, рассмеялся.

Нора начала грести, плеск воды нарушил тишину низкой каменной пещеры. Через несколько секунд ялик оказался у заросшего высокой осокой прохода между двумя скалами. Нора провела лодку сквозь зеленые заросли и неожиданно для себя оказалась на просторах Гудзона. Над рекой возвышалось массивное здание станции контроля, а дальше, на севере, горбилась сверкающая двухъярусная арка моста Джорджа Вашингтона. Девушка набрала полную грудь свежего речного воздуха. Ей с трудом верилось, что она осталась жива.

Нора оглянулась назад, на проход, через который только что провела ялик. Он выглядел как заросли спутавшихся растений.

Нора взялась за весла и скоро увидела очертания старой шлюпочной гавани. Где-то далеко к югу сверкали небоскребы центральной части Манхэттена. Девушке казалось, что легкий ночной ветерок продолжает доносить до нее едва слышные отзвуки смеха Пендергаста.

Эпилог

Волшебное зелье

Осень плавно перешла в зиму. Время снегопадов еще не наступило, день был морозным и солнечным. В начале декабря воздух в Нью-Йорке настолько чист, что кажется хрустальным. Нора Келли, держа за руку

Смитбека, шагала по Риверсайд-драйв и смотрела на Гудзон. Откуда-то с верховьев реки уже приплыли первые льдинки. Гряда скал на нью-джерсийском берегу темнела на фоне солнечного неба, а серебристый мост Джорджа Вашингтона, казалось, парил над рекой.

Нора и Смитбек нашли себе квартиру на Вест-Энд-авеню в районе Девяностых улиц. Когда Пендергаст связался с ними и пригласил встретиться в доме восемьсот девяносто один по Риверсайд-драйв, они решили пройти пешком пару миль, чтобы насладиться прекрасным декабрьским днем.

Впервые после отвратительного открытия на Кэтрин-стрит Нора чувствовала, что ее жизнь начинает возвращаться в нормальное, спокойное русло. Работа в музее шла успешно. Она получила все результаты радиоуглеродного анализа образцов из Юты. Теория о связях между анасази и ацтеками полностью подтвердилась. В Музее естественной истории прошла грандиозная чистка. За исключением Коллопи, все руководство полностью сменилось. Директор каким-то непостижимым образом не только сохранил свою репутацию, но даже сумел ее повысить. Коллопи предложил Норе занять высокий административный пост, на что она ответила вежливым отказом.

Несчастного Роджера Брисбейна выпустили на свободу. Ордер на его арест был признан недействительным за день до выборов мэра. Это произошло после того, как адвокат сумел доказать алиби клиента, а разъяренные члены Большого жюри вообще не нашли доказательств, связывающих его с ужасными преступлениями. Теперь Брисбейн судился с городом за необоснованный арест. Газеты продолжали кричать о том, что Хирург все еще на свободе. Мэр проиграл выборы, а капитана Кастера разжаловали до рядового патрульного.

Газеты полнились статьями о неожиданном исчезновении Энтони Фэрхейвена, но все спекуляции на эту тему прекратились после того, как налоговая служба организовала рейд в его компанию. Все единодушно решили, что первопричиной исчезновения явились проблемы с уплатой налогов. Поговаривали о том, что Фэрхейвена видели на одном из Антильских островов потягивающим дайкири и читающим «Уолл-стрит джорнал».

Смитбек провел две недели к северу от Колд-Спринг в клинике Февершама, где его рану мастерски обработали и зашили. На полное исцеление ушло удивительно мало времени. Что касается Пендергаста, то тому пришлось перенести целый ряд операций полости живота и локтя. На восстановление агенту ФБР потребовалось несколько недель. Выйдя из клиники, Пендергаст исчез. Ни Нора, ни Смитбек не получали от него никаких вестей. Вплоть до этого таинственного приглашения.

– Не могу поверить, что мы снова туда направляемся, – сказал Смитбек, шагая на север.

– Брось, Билл. Неужели тебе не интересно, что хочет сказать нам Пендергаст?

– Конечно, интересно. Только я не понимаю, почему это нельзя сделать в каком-нибудь другом месте. Например, в ресторане.

– Уверена, что у него окажутся на это веские причины. И мы их узнаем.

– Не сомневаюсь, что окажутся. Но, как только он предложит мне глотнуть коктейля из масонской посуды Ленга, я немедленно ухожу.

Вскоре вдалеке они увидели старый дом. Даже в ярком солнечном свете он казался мрачной обителью привидений. Его окружали сухие, лишенные листьев деревья, а смотревшие на запад черные окна верхнего этажа походили на пустые глазницы.

Нора и Смитбек не сговариваясь остановились.

– Ты знаешь, даже от одного вида этой кучи старого кирпича у меня от страха вываливаются кишки, – пробормотал Смитбек. – Когда Фэрхейвен уложил меня на этот стол и я ощутил прикосновение скальпеля к спине...

– Билл, умоляю...

Посвящая ее в жуткие подробности, Смитбек получал громадное удовольствие.

Он обнял ее за плечи. Голубой костюм от Армани, который он так любил, теперь висел на нем несколько свободно. Пережитые страдания не прошли даром. Журналист сильно похудел, его лицо приобрело несвойственную ему ранее бледность, а вокруг глаз появились горькие морщинки.

Продолжая идти на север, они перешли через Сто тридцать седьмую улицу. С нее в старинный особняк когда-то въезжали экипажи, но сейчас въезд по-прежнему был завален кучами принесенного ветром мусора. У въезда Смитбек снова остановился. Нора, проследив за взглядом журналиста, догадалась, что тот смотрит на разбитое окно второго этажа. Несмотря на всю свою внешнюю браваду, Смитбек побледнел еще заметнее. Немного потоптавшись на месте, он решительно зашагал вслед за Норой.

Подойдя к двери и постучав, они стали ждать. Прошла минута. Затем вторая. Смитбек и Нора продолжали ждать. Затем дверь со скрипом отворилась, и они увидели перед собой Пендергаста. Руки агента скрывали резиновые перчатки, а его элегантный костюм был усыпан

известковой пылью. Не говоря ни слова, он повернулся, и гости последовали за ним по гулким коридорам в направлении библиотеки. Расставленные вдоль коридоров переносные галогенные лампы освещали холодным белым светом внутренности старого дома. Несмотря на яркое освещение, Нору не оставляло чувство страха. Отвратительный запах разложения исчез, и его сменил легкий аромат химических моющих средств. Интерьер изменился почти до неузнаваемости. Со стен исчезли деревянные панели, шкафы стояли открытыми. Водопроводные и газовые трубы стали доступными взгляду, а часть их даже демонтировали. Доски пола во многих местах были сняты. Казалось, что дом просто разбирали по частям.

С находящихся в библиотеке скелетов и чучел были сняты все скрывавшие их покровы. Освещение здесь оказалось более скудным, но Нора увидела, что половина полок опустела, а на полу ровными рядами стояли пачки книг. Пендергаст, лавируя между книгами, подошел к камину у дальней стены и лишь после этого повернулся к ним лицом.

– Доктор Келли, – произнес он, чуть склонив голову, – мистер Смитбек, я рад видеть вас в полном здравии.

– Ваш доктор Блум не врач, а художник, – сказал Смитбек с несколько преувеличенной сердечностью. – Надеюсь, он принимает страховые полисы «Блю кросс»? Мне еще предстоит увидеть его счет.

Пендергаст едва заметно улыбнулся. В библиотеке снова повисла тишина. Но на сей раз ненадолго.

– Итак, почему мы оказались здесь, мистер Пендергаст? – спросила Нора.

– Вам обоим пришлось пройти через ужасные страдания, – ответил Пендергаст, стягивая с рук перчатки. – Через такие страдания, которые большинство людей не смогли бы вынести. И я в некотором роде считаю себя виноватым в том, что вам довелось пережить.

– Именно для таких случаев и придуманы завещания, – вставил Смитбек.

– За последние недели мне удалось кое-что узнать. Многим, увы, помощь уже не нужна. Это Мэри Грин, Дорин Холландер, Мэнди Экланд, Рейнхарт Пак, Патрик О'Шонесси. Но вам полное знание того, что произошло – никто, кроме вас, об этом никогда узнать не должен, – поможет, как я надеюсь, избавиться от преследующих вас демонов.

После этих слов снова наступила тишина.

Первым ее нарушил Смитбек.

– Продолжайте, – произнес он совсем другим тоном.

Пендергаст перевел взгляд с Норы на Смитбека, а затем снова посмотрел на девушку.

– С самого детства Фэрхейвена преследовала мысль о смертности человека. Его старший брат Артур умер в шестнадцать лет от синдрома Хатчинсона – Гилфорда.

– Маленький Артур, – сказал Смитбек.

– Верно, – подтвердил Пендергаст, бросив на журналиста полный любопытства взгляд.

– Синдром Хатчинсона – Гилфорда? – переспросила Нора. – Никогда о таком не слышала.

– Известен также как прогерия. Рожденные нормальными дети вдруг начинают стремительно стареть. Их рост прекращается. Волосы седеют, а затем выпадают. Обычно они лишены бровей и ресниц, а их глаза кажутся непомерно большими по отношению к черепу. Кожа становится коричневой и морщинистой. Все длинные кости теряют кальций. Как правило, еще в юношеском возрасте их тело превращается в тело старика. Они начинают страдать атеросклерозом, у них часто случаются инсульты и инфаркты. Артур Фэрхейвен, например, скончался от инфаркта в возрасте шестнадцати лет.

Его брат увидел весь цикл человеческой жизни, спрессованный в несколько лет непрерывного ужаса. Оправиться от пережитого потрясения он так никогда и не смог. Мы все боимся смерти, но у Энтони Фэрхейвена этот присущий всем страх превратился в навязчивую идею. Он обучался медицине, но через два года был вынужден покинуть учебное заведение за проведение каких-то несанкционированных экспериментов. Я все еще не оставил надежду узнать, в чем именно они состояли. Оставив учебу, он по определению должен был пойти в семейный бизнес, целиком связанный с недвижимостью. Он экспериментировал с пищевыми добавками, сидел на диетах, глотал витамины, лечился на водах в Германии и посещал финскую сауну. Уповая на христианскую догму о вечной жизни, Фэрхейвен стал человеком религиозным, но на тот случай, если его молитвы не будут услышаны, он решил немного подстраховаться. Религиозное рвение он дополнял интересом к достижениям науки, медицины и изучению естественной истории. Фэрхейвен стал финансовым спонсором каких-то малоизвестных медицинских учреждений, финансировал медицинскую школу Колумбийского университета и, конечно, Американский музей естественной истории, Кроме того, он на свои средства основал клинику «Маленький Артур», где проводились исследования редких детских заболеваний.

Мы не можем сказать, когда он впервые узнал о Ленге. Фэрхейвен, проводя много времени в архивах музея в поисках материалов для исследований, в какой-то момент наткнулся на материал о моем предке. Мы не знаем, какого рода документы он обнаружил, но именно из них Фэрхейвен впервые узнал о характере экспериментов доктора Ленга и о том месте, где находилась его первая лаборатория. Наконец-то он узнал о человеке, который занимался продлением жизни! Вы легко можете представить, как отреагировал Фэрхейвен на это открытие. Во-первых, он должен был выяснить, преуспел ли доктор Ленг в своем занятии. Именно это и явилось причиной смерти Пака. Старик был единственным, кто знал о частых визитах Фэрхейвена в архив. Он был единственным, кто знал, что именно разыскивает Фэрхейвен. Вначале это не имело никакого значения. Но ситуация коренным образом изменилась, когда мы обнаружили письмо Шоттама. Даже случайное упоминание Паком о визитах Фэрхейвена в архив сразу бы заставило нас подумать о том, что они каким-то образом связаны с Ленгом. А это, в свою очередь, сделало бы Фэрхейвена главным подозреваемым. Заманивая вас в архив, доктор Келли, Фэрхейвен рассчитывал убить одним ударом двух зайцев. Ваша весьма эффективная деятельность представляла для него огромную опасность.

Но я, кажется, несколько опережаю события. Узнав о работе Ленга, Фэрхейвен прежде всего спросил себя: насколько преуспел доктор в реализации своих планов? Или, иными словами, жив ли все еще Ленг? Фэрхейвен приступил к активным поискам. Начав разыскивать Ленга, я все время чувствовал, что кто-то постоянно опережает меня на один шаг.

К сожалению, Фэрхейвену удалось узнать о месте, где когда-то жил Ленг. Он пришел туда, и представьте восторг этого человека, когда он увидел, что мой двоюродный прадед все еще здравствует. Он воочию убедился в том, что попытка Ленга продлить свою жизнь увенчалась полным успехом. Ленг хранил секрет, к обладанию которым всю жизнь так отчаянно стремился Фэрхейвен.

Фэрхейвен попытался заставить Ленга выдать свою тайну. Но, как мы знаем, Ленг отказался от реализации своего главного плана. И теперь я выяснил, почему это произошло. Изучая документы в его лаборатории, я увидел, что Ленг резко прекратил работу. Это случилось сразу после первого марта тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года. Я долго размышлял над тем, какое значение могла иметь эта дата. Но затем я понял. Это был день «Браво».

– День «Браво»? – эхом откликнулась Нора.

– День, когда на атолле Бикини взорвали первую водородную бомбу «Браво». Мощность взрыва составила пятнадцать мегатонн, а диаметр огненного шара достиг четырех миль. Ленг был убежден в том, что,

создав термоядерную бомбу, человечество обрекло себя на неминуемую гибель и уничтожит себя гораздо эффективнее, чем это мог сделать он. Технический прогресс решил его проблему, и Ленг прекратил поиск совершенного яда. Теперь он мог спокойно стареть и умереть, зная, что исцеление Земли от чумы, именуемой человеческой расой, есть всего лишь дело времени.

Итак, к тому времени, когда Фэрхейвен его нашел, Ленг не принимал эликсира уже много лет. С марта тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года, если быть точным. Доктор очень постарел и, возможно, хотел умереть. Как бы то ни было, но он даже под страшными пытками отказался сообщить формулу. Фэрхейвен перегнул палку, и Ленг умер.

Но у Фэрхейвена оставалась еще одна возможность. Он знал, где находилась старая лаборатория Ленга, содержащая бесценную информацию. Это могли быть человеческие останки и лабораторные журналы с результатами экспериментов. Лаборатория находилась в подвале Кабинета диковин Шоттама, и теперь над ней стояли жилые дома. Но для Фэрхейвена это не являлось препятствием. В силу своего положения и под предлогом программы городской реконструкции он скупил землю и снес все имевшиеся на ней строения. Строительные рабочие, с которыми я имел возможность побеседовать, сказали, что во время рытья котлована под фундамент Фэрхейвен не уходил со стройки. Он был вторым, кто проник в тоннель после того, как обнаруживший останки рабочий убежал. Нет никаких сомнений, что он нашел там дневники или лабораторные журналы Ленга. Позже он смог неторопливо изучить все найденные в тоннеле предметы, включая кости. Именно поэтому следы на старых костях и раны на свежих трупах практически идентичны.

Теперь, когда у Фэрхейвена оказались записи Ленга, он смог попытаться повторить эксперименты доктора в надежде пройти его путем. Но все его попытки были попытками дилетанта, и он оказался не в состоянии разобраться в истинной методике Ленга.

Пендергаст закончил рассказ, и в библиотеке воцарилась мертвая тишина.

– Не могу поверить, – сказал наконец Смитбек. – Когда я его интервьюировал, он показался мне таким уверенным в себе, таким… нормальным.

– Безумие может скрываться под разными масками, – ответил Пендергаст. – Мания Фэрхейвена скрывалась глубоко, очень глубоко, и не проявлялась открыто. Но когда подобная мания вырывается наружу, ее носитель мгновенно оказывается у врат ада. Фэрхейвен, похоже, был убежден, что формула продления жизни самой судьбой была предназначена ему. Забрав жизнь у Ленга, он начал верить в то, что он

сам и есть Ленг – тот Ленг, каким, по его представлению, тот должен был быть. Он настолько отождествил себя с Ленгом, что даже перенял его манеру одеваться. В этот момент и начались убийства, имитирующие преступления далекого прошлого. Но это был иной вид имитации, и он не имел ничего общего с тем, что вы написали в своей статье, мистер Смитбек.

– Но почему он попытался убить вас? – спросил журналист. – Ведь он шел на огромный риск. Этого я так и не понял.

– Фэрхейвен умел заглядывать в будущее – в далекое будущее. Именно поэтому он добился успехов в бизнесе. И в силу этого обстоятельства он так боялся смерти. Когда мне удалось установить адрес Мэри Грин, он понял, что определение адреса Ленга для меня лишь вопрос времени. Фэрхейвен знал, что я приду в дом Ленга и все его усилия пойдут прахом. Я неизбежно установлю связь между современными убийствами, совершаемыми человеком, известным как Хирург, и старинными преступлениями, за которыми стоял Ленг. То же произошло и с Норой. Она шла по горячему следу, навещала дочь Макфаддена и обладала опытом археолога, которого я лишен. Одним словом, мы, по его мнению, должны были выйти на жилище Ленга. Это, как я уже сказал, было лишь делом времени. Хирург не мог нам позволить продолжать расследование.

– А О'Шонесси? Зачем было убивать его?

– Этого я себе никогда не прощу, – склонив голову, произнес Пендергаст. – Я отправил его с совершенно безопасным, как мне тогда казалось, поручением к «Аптекарю Нового Амстердама», где много лет назад Ленг покупал химикаты. Похоже, что О'Шонесси повезло и он нашел записи с регистрацией покупок за двадцатые годы прошлого века. То, что я назвал «везением», обернулось для нас большим несчастьем. Я не подумал тогда, что Хирург мог следить за каждым нашим шагом. Когда он понял, что О'Шонесси не только узнал, где Ленг приобретал реактивы, но и добыл старые журналы учета, Фэрхейвен его убил.

– Бедный Патрик, – сказал Смитбек. – Какая ужасная смерть.

– Поистине ужасная, – согласился Пендергаст преисполненным страдания тоном. – И вся ответственность за его гибель лежит на мне. Патрик был прекрасным человеком и хорошим полицейским.

Нора посмотрела на ряды переплетенных в кожу книг, истлевшие гобелены и висящие клочьями обои. Ее начала бить дрожь.

– Боже, – пробормотал Смитбек, покачивая головой, – и я обо всем этом не могу написать. – Журналист поднял глаза на Пендергаста и спросил: – И все же чем кончил Фэрхейвен?

– То, чего он больше всего страшился, свершилось. Его постигла смерть. В знак своего почтения к Эдгару По я замуровал останки бедняги в одной из ниш подземелья.

После этих слов в библиотеке снова повисло молчание, и снова ненадолго.

– А как вы намерены поступить с домом и со всеми коллекциями? – поинтересовалась Нора.

На губах Пендергаста заиграла легкая улыбка.

– После мучительного процесса вступления в наследство дом и все коллекции стали моей собственностью. Когда-нибудь часть этих диковин отправится в качестве анонимного дара в лучшие музеи мира. Но это произойдет очень не скоро.

– А что случилось с домом? Создается впечатление, что его просто разбирают на части.

– Этот вопрос вплотную подводит меня к последней просьбе, с которой я позволю себе к вам обратиться.

– И в чем же она состоит?

– Я прошу вас проехать со мной.

Следуя за новым владельцем особняка, они прошли по лабиринту коридоров к выходу. За дверью их уже ждал «роллс-ройс». В этом жалком, забытом Богом месте роскошная машина казалась совсем неуместной. Пендергаст распахнул дверцу.

– Куда мы едем? – спросил Смитбек.

– На кладбище «Небесные врата».

* * *

Путь от Манхэттена до запорошенных легким снежком холмов Вестчестера занял не более получаса. За все это время Пендергаст не произнес ни слова. Он неподвижно сидел, погруженный в собственные мысли. Они миновали кованые железные ворота и начали подъем по пологому холму. За первым холмом открылось второе возвышение, а за вторым и третье. Это был огромный город мертвых с множеством роскошных монументов и претенциозных гробниц. Машина остановилась в самом дальнем конце кладбища.

Пендергаст вышел из машины и повел их к ряду свежих могил. Это были насквозь промерзшие горы земли. Могилы располагались с геометрической точностью, и на захоронениях не было ни надгробий, ни цветов. Лишь в изголовьях в земле торчали металлические стержни. К стержням были приварены алюминиевые рамки с картонными табличками. На каждой табличке значился только номер. Номера уже размыло дождем, а картон промок. Кое-где на нем появились пятна плесени.

Они шагали вдоль ряда могил до тех пор, пока не оказались у номера 12. Пендергаст остановился у захоронения и довольно долго молча стоял рядом с ним, склонив голову и сложив ладони так, словно возносил молитву. Лучи тусклого зимнего солнца пробивались сквозь искривленные ветви дуба, а над холмом клубилась легкая дымка тумана.

– Где мы? – спросил Смитбек. – И чьи это могилы?

– В этом месте Фэрхейвен предал земле тридцать шесть скелетов с Кэтрин-стрит. Это был очень разумный шаг. Для того чтобы провести эксгумацию, требуется решение суда. Получить такое решение непросто, и на это требуется очень много времени. Лучше для Фэрхейвена могла быть только кремация. Но она запрещена законом. Фэрхейвен не хотел, чтобы кто-то мог получить доступ к скелетам. В могиле номер двенадцать, – Пендергаст показал на захоронение, – нашла упокоение Мэри Грин. Ушедшая из мира живых, но с недавнего времени уже не забытая.

Пендергаст сунул руку в карман и извлек из него листок бумаги, свернутый в тугую трубку. Затем он развернул листок и протянул его к могиле, как бы предлагая его лежащей в земле девочке. Листок слабо трепетал на ветру.

– Что это? – спросил Смитбек.

– Волшебное зелье.

– Что?

– Формула Ленга для продления человеческой жизни. Формула усовершенствованная и не требующая для получения нужной субстанции доноров в виде человеческих существ. Именно поэтому он перестал убивать в тысяча девятьсот тридцать пятом году.

В неожиданно наступившей тишине Нора и Смитбек обменялись взглядами.

– Ленгу в конечном итоге удалось разработать формулу. Это стало возможным лишь в тридцатые годы, когда он получил доступ к некоторым синтетическим наркотическим веществам и иным новейшим

достижениям биохимии. Одним словом, эта формула не требовала человеческих жертв. Ленг не получал удовольствия от убийств. Он был ученым. Убийства для него были лишь печальной необходимостью. Этим Ленг отличался от Фэрхейвена, явно наслаждавшегося агонией своих жертв.

Смитбек с изумлением смотрел на листок.

– Вы хотите сказать, что в ваших руках сейчас находится формула вечной жизни? – спросил он.

– Вечной жизни, мистер Смитбек, не существует. По крайней мере в этом мире. Это вещество продлевает жизнь человека, но на какой срок, я не знаю. Видимо, до ста лет. Возможно – и больше.

– Где вы нашли формулу?

– Она была спрятана в доме. Как я и предполагал. Я был уверен, что Ленг ее не уничтожил и сохранил хотя бы один экземпляр для себя. – Внутренняя борьба, развернувшаяся в душе Пендергаста, нашла отражение и на его лице. – Я был обязан найти ее. Если бы она попала в чужие руки, то…

Конец фразы повис в воздухе.

– Вы просмотрели формулу? – спросила Нора.

– Да.

– И?

– Это весьма несложный биохимический процесс, исходные материалы могут быть получены в любом хорошем магазине химических товаров. Необходимую реакцию органического синтеза может провести каждый обладающий умеренными способностями студент химического факультета. Лаборатория, правда, должна иметь хорошее оборудование. Но там есть один секрет. Необычный и весьма оригинальный ход, поэтому трудно предполагать, что открытие удастся повторить. Во всяком случае, в обозримом будущем.

– И как вы… и как мы поступим с этим открытием? – спросил Смитбек после довольно продолжительного молчания.

Как бы в ответ на этот вопрос над левой рукой Пендергаста взметнулся язычок огня. Тонкая золотая зажигалка горела желтым неярким пламенем. Не говоря ни слова, агент Пендергаст поднес краешек листа к зажигалке.

– Стойте! – крикнул Смитбек, бросаясь к агенту ФБР.

Тот отвел руку с горящим листком и отступил в сторону.

– Подумайте! Вы не имеете пра...

– Я много думал об этом, – ответил Пендергаст. – В течение тех шести недель, когда я искал формулу, я занимался только тем, что думал. Эта формула, к моему величайшему стыду, является порождением одного из Пендергастов. Ради нее умерло множество людей. Тех безымянных, имена которых в отличие от имени Мэри Грин никто никогда не узнает. Я нашел этот листок, и я должен его уничтожить. Поверьте, это единственный правильный исход. Ничто порожденное ценой подобных страданий не имеет права на существование.

Пламя добралось до противоположного края листка. Пендергаст разжал пальцы, и крошечный, не успевший сгореть уголок бумаги превратился в прах, еще не долетев до земли. Пендергаст аккуратно вдавил пепел в холмик на могиле Мэри Грин. Когда он отошел в сторону, на желтой земле не осталось ничего.

– Не могу поверить! – воскликнул, схватившись за голову, потрясенный журналист. – Неужели вы привезли нас сюда, чтобы продемонстрировать это?

Пендергаст утвердительно кивнул.

– Но зачем?

– Я не имел права делать без свидетелей то, что сейчас сделал. Это слишком важная акция. Ваше присутствие необходимо хотя бы ради истории.

Нора посмотрела на Пендергаста и увидела на лице агента не только проявление раздирающего его внутреннего конфликта, но и бесконечную скорбь – полное истощение духа.

У Смитбека был совершенно несчастный вид.

– Вы хоть понимаете, что натворили? – спросил он. – Вы только что уничтожили самое грандиозное открытие в истории медицины.

Агент ФБР заговорил снова. Он говорил тихо, почти шепотом:

– Неужели вы не видите? Эта формула уничтожила бы мир. У Ленга на руках уже было средство реализовать свою главную цель. Если бы он сделал свое открытие общедоступным, человечеству пришел бы конец. Ему просто не хватило объективности, чтобы это увидеть.

Смитбек ничего не ответил.

Пендергаст печально взглянул на журналиста, а затем обратил взор на могилу. Он стоял сгорбившись, с опущенной головой и опавшими плечами.

Нора все время молча стояла сзади, слушая и наблюдая. И теперь она заговорила:

– Я все понимаю и хорошо представляю, насколько трудно вам было принять подобное решение. Но вы поступили правильно.

Пока она говорила, Пендергаст не отрываясь смотрел в землю. Затем он медленно поднял голову и взглянул прямо в глаза девушке. Возможно, это была всего лишь игра воображения, но ей показалось, что после ее слов выражение отчаяния и муки стало не таким кричащим.

– Спасибо, Нора, – едва слышно сказал он.

Примечания

1

Фолсом – палеолитическая культура в Северной Америке (9 – 8-е тыс. до н.э.).

2

Пещерная палеолитическая стоянка в горах Сандия, штат Нью-Мексико.

3

Счастливая старость! (лат.)

4

О времена, о нравы! (лат.)

5

Охотничий метательный снаряд индейцев Южной Америки.

6

Моя вина (лат.).

7

В здравом уме (лат.).

8

На месте (лат.).